Содержание

Экономика

Апон Т.А.
Степень персонализации в рекомендательных системах: сравнительный анализ подходов и критерии выбора 7

Барсегян Н.В., Зинуров Р.А.
Моделирование процессов принятия управленческих решений 13

Бачуринская И.А., Дмитриева Т.А., Васильева С.Д.
Проблемы и актуальные тенденции в приспособлении для современного использования памятников деревянной архитектуры Санкт-Петербурга 19

Бродский Г.М.
Финансирование оборонно-промышленного комплекса в системе государственных расходов 26

Дианов С.А., Бахарев Д.Д.
Комфортное жилье в городских агломерациях и опорных населенных пунктах: стратегии продвижения 33

Зарезнов Д.А.
Цели, инструменты и механизм процесса обеспечения экономической безопасности российского национального хозяйства 39

Захаров Я.С.
Система искусственного интеллекта как метод совершенствования процессов государственного управления и контроля в сфере охраны объектов культурного наследия 45

Кадникова Т.Г.
Анализ динамики и структуры государственного долга (на примере Республики Карелия) 53

Квон Г.М., Поздеева О.Г.
Структурные различия в развитии промышленного сектора Уральского макрорегиона: инвестиционный аспект 58

Косарева А.В.
Социальная направленность государственной поддержки некоммерческих организаций в России 63

Кузнецова Э.Р., Семенова И.В., Маханьков Ф.В.
Формирование трехстороннего механизма общественного аудита: факторы и условия трансформации 69

Михайлова М.В.
Влияние международных организаций и глобальных трендов на формирование национальной государственной экологической политики 76

Морозов Л.А.
Необходимость повышения вовлечённости граждан в управление многоквартирными домами 82

Назаровский Е.Б., Дианов С.А.
Креативные индустрии в промышленном регионе России: муниципальный уровень 90

Сафин Т.Ф.
Социальное предпринимательство в России: состояние, вызовы, перспективы развития 97

Кузнецова Э.Р., Семенова И.В., Маханьков Ф.В.
Влияние качества государственного и муниципального управления на состояние жилищного фонда сельских территорий и обратные социально-управленческие эффекты: теоретический аспект 106

Смоленникова Л.В.
Механизмы формирования инвестиционных возможностей лесного бизнеса: концептуальные аспекты 115

Ахмад Т., Кох И.А.
Интегрированная модель управления кредитным риском: трансформация функции риск-менеджмента в драйвер создания стоимости 120

Томичева И.А., Дмитриева Т.А.
Управление по *KPI* как фактор снижения реальной эффективности органов власти 126

Фокин В.А.
Механизм управления инновационной деятельностью промышленного предприятия в условиях цифровой экономики 133
Фугалевич Е.В., Луговской Р.А., Кунгурцев Н.Е.
Рейтинги как двигатель социально-экономического развития регионов: риски и возможности 139
Хоменко В.В., Хайруллин И.Р., Дегтярев А.Г., Стариков А.Л.
Беспилотные авиационные системы в агропромышленном комплексе: анализ и перспективные сценарии применения для Республики Татарстан 148
Шлифер Е.В.
Бизнес-процессы промышленного предприятия и их влияние на учетную систему с помощью метода анализа иерархий 154
Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р.
Актуальные угрозы безопасности российской экономики в 2026 г. 161

Право

Астахов П.А.
Особенности рассмотрения споров по поводу цифровых активов в международном арбитраже на примере юрисдикционных (арбитражных) оговорок крупнейших криптобирж 169
Бузанова А.Р.
Проблемы правового регулирования взаимодействия учреждений УИС с органами предварительного расследования в уголовно-процессуальной деятельности 174
Валишева А.Л.
Роль государства, его органов и учреждений в системе правового регулирования медицинских правоотношений 180
Васильев А.А., Грачёва О.А., Карданов А.А.
Роль органов прокуратуры в обеспечении законности в сфере предоставления права пользования водными объектами 185
Восканян А.А.
Сравнительно-правовой анализ процессуальных особенностей допроса несовершеннолетних 192
Зейналбдыева А.В., Юрченко В.Н.
Проблемы уголовно-правовой оценки истязания 199
Ильгизаров Р.И.
Проблемы обжалования решений судов о взыскании процессуальных издержек за счёт бюджетных средств управлениями Судебного департамента при Верховном Суде РФ 204
Кадимова Н.А.
Межцивилизационный диалог как формирующийся правовой принцип международного сотрудничества в сфере образования 212
Кузбагаров М.Н.
Нетипичные объекты гражданских прав в современных условиях 217
Кузьменко В.И.
От Третьего Рима к переопределению идентичности: доктрина как стратегия политико-правовой адаптации в XVI в. 222
Лончакова Ю.А.
Ограничение ответственности экспедитора: императивность и диспозитивность в свете руководящих разъяснений ВС РФ и законодательных реформ 229
Ндувимана Ж.
Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами как основной элемент права на самоопределение: практический аспект 235
Ситдиков Р.Б.
Доказывание факта и объёма нарушения патентных прав 241
Ткаченко Е.В.
Железнодорожно-инфраструктурный договор как вспомогательный договор на транспорте 246

Хабибуллин А.Р.
Понятие и признаки конституционно-интерпретирующего правотворчества Конституционного Суда Российской Федерации: функциональный анализ 251
Хабибуллина Г.Р.
К вопросу о содержании понятия правовой охраны устава муниципального образования 256
Чепаров Р.Д.
Основное место работы при отбывании осужденным исправительных работ 260

Социология

Бурганова Л.А., Мягков Г.П., Юрьева О.В.
От этики алгоритмов к академической честности: взгляд преподавателей вузов на вызовы генеративного искусственного интеллекта 266
Виноградова Ю.В., Витушкин А.В.
Виды гражданской активности молодежи Республики Татарстан 272
Дерюгин П.П., Милецкий В.П., Малинина Т.Б., Симтиков Ж.К.
Когнитивные модели осознания социальных последствий алгоритмического разрыва 277
Ершов А.Н., Панченко О.Л., Мишин В.А.
Социальное здоровье населения: концептуальные подходы к изучению 287
Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г.
Семейные ценности и брачные установки молодежи: нормативность и трансформации (по результатам эмпирического исследования молодежи г. Казань) 293
Ильиных С.А., Чирцова А.О.
***CX*-исследование как инструмент проектирования системы обучения в интеграции с матрицей компетенций: опыт компании *CDEK* 299**
Каргаполова Е.В., Давыдова Ю.А., Захарова А.А., Тенсина А.Д.
Духовное здоровье москвичей: социально-демографические координаты 304
Малышева А.Ю.
Особенности ценностных ориентации современной студенческой молодежи: по результатам социологического исследования 311
Низамова А.Х., Фатхуллина Л.З.
Социальные сети в жизни студенческой молодежи (результаты фокус-группового исследования) 318
Николаев М.С.
Самообразование в контексте цифровых образовательных практик (реконцептуализация феномена) 324
Нуруллина Э.Р.
Отцовство и материнство как социальные институты с позиций структурно-функционального анализа в условиях изменений социально-экономических отношений 328
Петрова О.С.
Исследование социально-профессионального самоопределения студенческой молодежи педагогического университета 334
Румянцева А.С., Зиятдинова Э.М.
Архетипы в современной аудиовизуальной рекламе: интерпретации со стороны молодежной аудитории 343
Рябова Н.Н.. Карлова Л.В.
Трансформация педагогических практик в условиях внедрения генеративного искусственного интеллекта в российской высшей школе 348
Савельева Ж.В.
Репрезентации аутизма в цифровом пространстве: траектории дискурса социальных медиа 353
Савельева Ж.В., Ишкинеева Ф.Ф., Ишкинеев Ф.И.
Потенциал донорства сотрудников и курсантов органов внутренних дел (по материалам анкетного опроса) 357

Хуснутдинов Р.Н.
Динамика структуры обучающихся по методу онлайн лардж-классов при подготовке к основному государственному экзамену (ОГЭ) 363
Черноморец А.Б.
Идентификационный капитал региона, паремии и производительность труда 369

Обзорные статьи

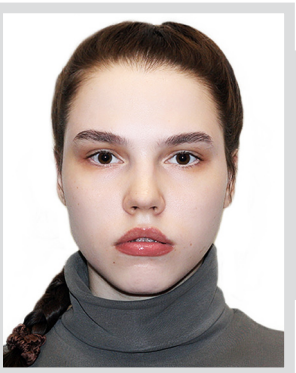
Бакирова Г.Я.
Таможенная интеграция на евразийском пространстве 375
Кудрявцев К.А., Миронова И.Б., Миронов А.А.
Модели развития финансового рынка в рамках задач обеспечения экономической безопасности России 380
Папикян А.П.
Доктринальные подходы к классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих недопустимость доказательств 386
Сизова А.И., Драйлинг Д.В.
Основные этапы эволюции мобильного банковского приложения в России: от транзакционного сервиса к эмоционально-понятному инвестиционному интерфейсу 391
Соловьев К.К.
Модель регулирования ИИ в РФ: проблемы и перспективы 397
Тюрина Н.Е.
Экологическая повестка в контексте международной торговли (международно-правовой аспект) 401
Хамзяева Ю.Р.
Сравнительно-правовое исследование основных законодательных актов в сфере противодействия терроризму государств-членов ОДКБ 405
Шутило О.В.
Прокурорский надзор за обеспечением прав несовершеннолетних, заключенных под стражу и отбывающих уголовные наказания 410

Практика применения

Городилов Н.С.
Споры о возврате излишне уплаченных таможенных и иных администрируемых таможенными органами обязательных платежей как самостоятельная категория таможенных споров 414
Иванов А.В.
Некоторые особенности тактики допросов членов организованных преступных групп 420
Ильиных С.А.
Сотрудничество стран БРИКС. Что знают об этом россияне? 424
Мингазов А.А.
Формирование региональной системы экспорта образовательных услуг в рамках государственной политики РФ на примере Республики Татарстан 428
Охрименко Е.И., Радыгина Е.Г., Партина А.А.
Особенности влияния гастрономического туризма на развитие въездного туризма в регионах (на примере Свердловской области) 433
Фадейкина В.С.
Управление текучестью персонала на примере транспортной компании 441

УДК 004.891.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-7-12
© Апон Т.А., 2026

Степень персонализации в рекомендательных системах: сравнительный анализ подходов и критерии выбора

Апон Татьяна Анатольевна
Преподаватель кафедры экономики
Национального открытого института г. Санкт-Петербург
(197183, Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 6; e-mail: tapon-20@ranepa.ru)

В настоящей статье представлен сравнительный анализ подходов к построению рекомендательных систем, в основу классификации которых положена степень персонализации выдаваемого контента. Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальным противоречием, неизбежно возникающим на этапе проектирования подобных систем: необходимостью одновременного обеспечения высокой точности индивидуальных предсказаний и сохранения приемлемого уровня вычислительной сложности, интерпретируемости и стоимости внедрения.

Цель работы заключалась в разработке системы критериев и практических инструментов, обеспечивающих осознанный выбор архитектурной стратегии рекомендательной системы на основе ее классификации по степени персонализации. Для достижения поставленной цели решались задачи по выделению и содержательной характеристике четырех классов систем, формированию набора сопоставимых оценочных параметров и построению процедуры принятия проектного решения. Научная значимость исследования состоит в систематизации представлений о градациях персонализации и в обосновании комплекса из семи взаимосвязанных критериев, отражающих ключевой для данной предметной области компромисс между точностью и сложностью. Практическая ценность определяется разработкой блок-схемы и чек-листа – инструментов, применимых на начальных стадиях проектирования и допускающих итеративное уточнение архитектуры по мере развития сервиса.

Основные результаты работы свидетельствуют, что ни один из рассмотренных классов не обладает абсолютным преимуществом. Выбор определяется конкретными условиями проекта, а оптимальной траекторией развития является последовательное движение от простых решений к более сложным по мере накопления данных. Новизна предложенного подхода заключается в переводе проблемы выбора рекомендательной архитектуры из плоскости интуитивных предпочтений в плоскость структурированного сопоставления по явно заданным критериям.

Ключевые слова: *рекомендательные системы, степень персонализации, проблема холодного запуска, сравнительный анализ, критерии отбора, коллаборативная фильтрация, гибридные системы*

Для цитирования: *Апон Т.А. Степень персонализации в рекомендательных системах: сравнительный анализ подходов и критерии выбора // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 7–12. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-7-12.*

Рекомендательные системы стали неотъемлемой частью цифрового опыта – от интернет-магазинов до стриминговых сервисов. Они направляют выбор пользователя в условиях информационной перегрузки и непосредственно влияют на ключевые бизнес-метрики: конверсию, средний чек и удержание аудитории. Однако историческое развитие данного класса систем характеризуется фундаментальным противоречием: с одной стороны, наблюдается постоянное усложнение моделей для повышения точности индивидуальных предсказаний, с другой – сохраняется, а в ряде случаев и усиливается, потребность в вычислительно эффективных, интерпретируемых и надежных решениях, основанных на глобальных трендах.

В академической литературе, посвященной рекомендательным системам, обсуждение обычно сводится к сравнению алгоритмов внутри одной парадигмы – например, коллаборативной фильтрации [1; 2]. Однако вопрос о выборе между самими парадигмами на этапе проектирования системы остается концептуально не разработанным. Необходимость персонализации часто принимается как аксиома, без рассмотрения сценариев, в которых ее применение методологически или технически неоправданно. В равной степени отсутствуют четкие критерии для перехода от общих стратегий к персонализированным по мере развития продукта.

Следствием данной неопределенности становятся неоправданные ресурсные затраты: инженерные команды строят сложные *ML*-модели там, где достаточно простых решений, или, напротив, теряют клиентов из-за низкого качества рекомендаций там, где персонализация критична. Данное исследование ставит своей целью восполнить этот пробел, предлагая систему критериев для осознанного выбора стратегии рекомендаций на основе классификации систем по степени персонализации.

Настоящее исследование не претендует на исчерпывающий обзор всех возможных классификаций рекомендательных систем. В фокусе работы находится одна, но основополагающая ось – степень персонализации. Такой выбор обусловлен тем, что именно этот параметр определяет ключевые архитектурные решения на ранних этапах проекта и напрямую связан с компромиссом между точностью и сложностью. В рамках данной классификации выделяют четыре основных подхода.

Под ***неперсонализированными*** рекомендательными системами понимаются системы, генерирующие единый для всех пользователей набор рекомендаций, основываясь на агрегированных данных о поведении всей аудитории или свойствах самих объектов. К данному классу относятся: ранжирование по популярности (блоки «Хиты продаж», «Популярное»), рекомендации на основе сопутствующих товаров («С этим товаром покупают»), подбор аналогов по метаданным («Похожие товары») и анализ ассоциативных правил. Ключевое преимущество таких систем — устойчивость к проблеме «холодного старта», под которой понимается отсутствие данных о новом пользователе или объекте. Именно с неперсонализированных рекомендаций большинство сервисов начинают свою работу, поскольку их реализация не требует знаний о конкретном пользователе и сопряжена с минимальными затратами.

Под ***полуперсонализированными*** рекомендательными системами понимаются системы, которые не используют детальную историю взаимодействий конкретного пользователя, но при этом отказываются от единой для всех выдачи в пользу сегментирования аудитории. Пользователи объединяются в группы на основе демографических характеристик (возраст, пол), географических и поведенческих признаков (страна, город, время суток) или контекстных сигналов (например, находится ли пользователь в движении, согласно показаниям смартфона) [3]. Типовым подходом к реализации является кластеризация: на основе эмбеддингов активных пользователей выделяются кластеры, вычисляются их центроиды, а новые пользователи зачисляются в ближайший кластер и получают топ-N наиболее популярных объектов из него [4]. Полуперсонализация выступает как компромиссная стратегия, позволяющая повысить релевантность по сравнению с неперсонализированной выдачей без попытки дорогостоящего предсказания уникальных индивидуальных предпочтений.

Под ***персонализированными*** рекомендательными системами понимаются системы, формирующие уникальную для каждого пользователя выдачу на основе анализа его персонального профиля – истории взаимодействий, демографических характеристик и/или сходства с другими пользователями. К данному классу относятся три базовых метода. Коллаборативная фильтрация опирается исключительно на матрицу взаимодействий «пользователь-объект» и основана на предположении, что пользователи со схожим поведением в прошлом будут иметь схожие предпочтения в будущем. Контентная фильтрация рекомендует объекты, похожие по своим характеристикам (метаданным) на те, которые пользователь предпочитал ранее. Фильтрация, основанная на знаниях, использует явно заданные правила и экспертные модели предметной области, что делает ее незаменимой в доменах с редкими покупками и сложными техническими характеристиками – недвижимость, автомобили, дорогая бытовая техника [2]. Цель данного класса систем – максимизация индивидуальной релевантности за счет отказа от универсальной модели ранжирования.

Под ***гибридными*** рекомендательными системами понимаются системы, интегрирующие два и более подхода для компенсации ограничений каждого

из них. В литературе [5] сложилась классификация гибридных систем по двум измерениям: парадигма рекомендаций (какие базовые алгоритмы используются) и дизайн гибридизации (как именно эти алгоритмы сочетаются). В рамках последнего измерения выделяют три базовых архитектурных дизайна. Монолитный дизайн предполагает единый алгоритм, использующий признаки из разных источников. Параллельный дизайн подразумевает одновременную работу нескольких независимых рекомендателей с последующим объединением их результатов – смешанным (*mixed*), взвешенным (*weighted*) или с переключением стратегий (*switching*). Конвейерный (последовательный) дизайн предполагает организацию вычислительных процедур в виде цепочки, в которой выходные данные предшествующего алгоритма поступают на вход последующего. Подобная архитектура допускает, в частности, первоначальный отбор объектов с использованием методов, основанных на знаниях, и дальнейшее ранжирование полученного подмножества с применением коллаборативных данных [1]. Таким образом, гибридные системы обеспечивают реализацию сильных сторон различных подходов на соответствующих этапах обработки и формируют условия для постепенного перехода к индивидуализированным моделям повышенной точности.

Для перехода от теоретической классификации к формированию практических рекомендаций автором была разработана система критериев сравнения. В основу ее построения легли два методологических принципа: во-первых, критерии должны отражать фундаментальное противоречие между точностью предсказаний и сложностью их достижения; во-вторых, они обязаны обладать практической значимостью при принятии проектных решений в реальных информационных системах. Руководствуясь данными принципами, автор выделил семь критериев, последовательно раскрываемых ниже.

Точность (релевантность) представляет собой центральную метрику качества рекомендательной системы и характеризует степень соответствия предлагаемых объектов действительным интересам пользователя. Высокая точность напрямую влияет на удовлетворенность и конверсию.

Разнообразие – способность системы выходить за рамки очевидного, предлагая не только самое популярное или строго соответствующее профилю, но и неожиданные, однако интересные позиции. Этот критерий важен для удержания пользователя и предотвращения «пузыря фильтров», когда система замыкает пользователя в узком сегменте контента.

Проблема ***холодного старта*** – ключевое ограничение персонализированных методов, определяющее, насколько быстро система способна начать приносить пользу новому пользователю или работать с новым объектом. От способа решения этой проблемы зависит качество первого взаимодействия пользователя с сервисом и, как следствие, его удержание.

Сложность реализации – интегральная оценка затрат на разработку, внедрение и поддержку системы, включающая как требуемые вычислительные ресурсы (мощности серверов, время обучения моделей), так и необходимую квалификацию команды.

Объем требуемых данных – минимальное количество и тип информации, необходимые для того, чтобы подход мог функционировать. Неперсонализированные системы требуют лишь агрегированной статистики, в то время как персонализированные нуждаются в полной истории взаимодействий.

Гибкость – способность системы адаптироваться к изменениям (ассортимента, поведения пользователей, бизнес-приоритетов) без полного перепроектирования. Высокая гибкость позволяет оперативно реагировать на новые требования.

Интерпретируемость – понятность логики рекомендаций как для разработчика (важно для отладки и аудита), так и для конечного пользователя (важно для доверия к системе). Модели типа «черный ящик», такие как глубокие нейронные сети, выигрывая в точности, существенно проигрывают в интерпретируемости.

Совокупность данных критериев позволяет оценивать каждый подход не изолированно по одному параметру, а комплексно, что соответствует реальным задачам проектирования.

Результаты сопоставления четырех подходов по семи выделенным критериям систематизированы в таблице 1.

Представленная таблица 1 демонстрирует, что выбор подхода к рекомендациям не может быть универсальным – он определяется контекстом проекта, доступными ресурсами и требованиями к точности. Обобщая приведенные критерии, автор формулирует следующие рекомендации.

Неперсонализированные рекомендации оптимальны на начальных этапах развития проекта (в качестве *MVP*), для главных страниц и разделов с общим контентом, а также при работе с неаутентифицированными посетителями. Их главное преимущество – простота и минимальные требования к данным.

Полуперсонализированные рекомендации целесообразно применять для анонимных сессий, региональных и временных подборок, а также в ситуациях, когда данных о пользователе недостаточно для полноценной персонализации, но доступна сегментирующая информация: география, демография, контекст.

Персонализированные рекомендации приобретают приоритетное значение при обслуживании постоянных пользователей и в разделах, где требование максимальной релевантности является критичным, – к таковым относятся ленты формата

Таблица 1

Сравнительная таблица подходов по степени персонализации

Критерий	Неперсонализированные	Полуперсонализированные	Персонализированные	Гибридные
Точность (релевантность)	**Низкая**: рекомендации одинаковы для всех	**Средняя**: учитывает контекст и базовые признаки	**Высокая**: адаптировано под индивидуальные предпочтения	**Очень высокая:** комбинация методов повышает точность
Разнообразие	**Низкое**: для всех одинаковые рекомендации, часто повторяются хиты продаж	**Среднее**: зависит от разнообразия сегментов	**Высокое**: индивидуальные подборки, находит нишевые интересы	**Очень высокое:** балансирует популярность и индивидуальность
Проблема холодного старта	**Отсутствует**: не требует данных о пользователе	**Частично решена:** использует доступные признаки (сегмент, сессия), но точность ниже, чем у персонализированных	**Острая**: нужны данные о пользователе для обучения модели	**Практически решена:** комбинирует персональные и общие данные
Сложность реализации	**Низкая**: простые *SQL*-запросы или ручные правила	**Средняя**: кластеризация, сегментация, базовый анализ сессий	**Высокая**: требуются сложные *ML*-алгоритмы	**Очень высокая:** интеграция нескольких алгоритмов, настройка весов
Объем требуемых данных	**Минимальный**: агрегированная статистика	**Средний**: данные для сегментации	**Большой**: полная история взаимодействий пользователя и доступ к профилю	**Очень большой:** все типы данных + метаинформация о товарах/контенте
Гибкость	**Высокая**: система основана на простых правилах и статических списках, которые легко менять вручную	**Средняя**: требует обновления правил сегментации или параметров контекста	**Низкая**: модель требует переобучения при изменении ассортимента или паттернов поведения	**Средняя**: возможно отключать/добавлять компоненты и настраивать их вес, но требуется координация между блоками
Интерпретируемость	**Высокая**: очевидно, почему рекомендован товар (популярное, новинки)	**Средняя**: объяснима на уровне сегментов (география, демография), но не персонализирована	**Низкая**: модели типа «черный ящик»	**Средняя/низкая:** зависит от комбинации методов

Источник: составлено автором.

«Для вас» и персональные подборки. Вместе с тем внедрение данного класса систем сопряжено с необходимостью накопления значительных массивов пользовательских данных и осуществления инвестиций в *ML*-инфраструктуру.

Гибридные системы, в свою очередь, представляют собой решение, сочетающее наибольшую гибкость с максимальной сложностью реализации. Их применение становится оправданным на крупных платформах – маркетплейсах, стриминговых сервисах, – характеризующихся, с одной стороны, доступностью всех типов данных, а с другой – высокой ценой ошибки рекомендательного механизма. Гибридный подход дает возможность смягчить проявления проблемы холодного старта и выстроить плавную траекторию перехода от общих стратегий ранжирования к индивидуальным моделям по мере накопления сведений о пользователе.

В целях практического применения предложенной системы критериев автором разработаны два инструмента поддержки принятия решений: блок-схема (рис. 1) и чек-лист (рис. 2). Блок-схема реализует логику пошагового продвижения от исходных условий проекта к обоснованному выбору архитектурного подхода. Чек-лист, в свою очередь, представляет собой структурированный набор условий, позволяющих оперативно оценить степень применимости каждой из стратегий к конкретному проекту.

Указанные инструменты могут применяться как независимо друг от друга, так и совместно. Существенно подчеркнуть, что они не предназначены для выработки единственно верного решения – их функция заключается в структурировании пространства альтернатив и допущении итеративности проектного процесса. На практике это означает, что проект может стартовать с внедрения неперсонализированных рекомендаций, пройти через стадию полуперсонализации по мере накопления данных и впоследствии эволюционировать к персонализированным либо гибридным архитектурам при достижении аудиторией и инфраструктурой требуемых характеристик.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать три основных вывода:

Во-первых, не существует универсально лучшего подхода к построению рекомендательной системы. Выбор всегда определяется конкретным контекстом проекта: доступными данными, ресурсами на

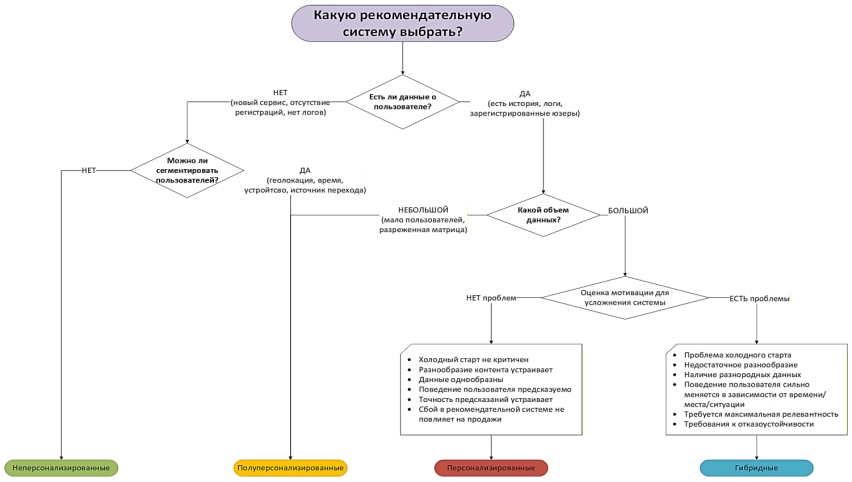

Рис. 1. Блок-схема «Какую рекомендательную систему выбрать?»

Какую стратегию рекомендаций выбрать?

Принятие решения: ✓ от 3 и более → стратегия применима

НЕПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫЕ

- ☐ Данных о пользователях нет / почти нет
- ☐ Нужно запустить MVP и проверить гипотезу
- ☐ Скорость реализации критична
- ☐ Бюджет на разработку ограничен
- ☐ В команде нет ML-инженеров

ПОЛУПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫЕ

- ☐ Есть данные о геолокации / времени суток / сезоне / типе устройства / демографические данные
- ☐ Пользователям из разных мест / в разное время нужны разные товары
- ☐ Данных на полноценную персонализацию пока мало
- ☐ Есть аналитик, который может настроить сегменты

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫЕ

- ☐ Есть история действий пользователей (лайки, отзывы, клики, просмотры, покупки)
- ☐ Есть регистрация / авторизация пользователей
- ☐ Уже есть достаточно данных (тысячи пользователей, десятки тысяч действий)
- ☐ Нам важно удерживать постоянных клиентов
- ☐ Бюджет позволяет нанять ML-команду

ГИБРИДНЫЕ

- ☐ Высокая конкуренция в нише
- ☐ Ошибка в рекомендациях критична, можно потерять клиента
- ☐ Доступны все типы данных (поведенческие + метаданные + контекст)
- ☐ Есть ресурсы на сложную архитектуру (команда, бюджет, сервера)
- ☐ Нужно одновременно работать и с новыми, и с активными пользователями
- ☐ Требуется максимальная точность (хотим быть лучшими в своём деле)

Рис. 2. Чек-лист «Какую стратегию рекомендаций выбрать?»

разработку, требованиями к интерпретируемости и стадией жизненного цикла продукта. Каждый из четырех рассмотренных классов занимает свою нишу и оптимален в определенных условиях;

Во-вторых, выбор стратегии – это всегда компромисс между точностью, сложностью, объемом данных, интерпретируемостью и другими факторами. Предложенная система из семи критериев позволяет принимать этот компромисс осознанно, а не интуитивно;

В-третьих, лучшей практикой является начало с простого и эволюционное усложнение системы по мере роста проекта. *MVP* на неперсонализированных рекомендациях – это нормально. Полуперсонализация становится целесообразной, когда накоплено достаточно данных для выделения пользовательских кластеров. Персонализация и гибридные архитектуры оправданы тогда, когда база выросла, данные накоплены, и точность рекомендаций действительно начинает влиять на ключевые показатели продукта.

Литература:

1. Jannach D., Zanker M., Felfernig A., Friedrich G. Recommender Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/235910467 .
2. Ricci F., Rokach L., Shapira B., Kantor P.B. Recommender Systems Handbook. New York: Springer, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/227268858_Recommender_Systems_Handbook.
3. Меньшикова Н.В., Портнов И.В., Николаев И.Е. Обзор рекомендательных систем и возможностей учета контекста при формировании индивидуальных рекомендаций // Academy. 2016. № 6 (9). С. 20–22.
4. Briand L., Salha-Galvan G., Bendada W., Morlon M., Tran V. A Semi-Personalized System for User Cold Start Recommendation on Music Streaming Apps // arXiv.org. 2021. 7 June. URL: https://arxiv.org/abs/2106.03819 .
5. Burke R. Hybrid Recommender Systems: Survey and Experiments // User Modeling and User-Adapted Interaction. 2002. Vol. 12. № 4. P. 331–370. https://doi.org/10.1023/A:1021240730564.
6. Фальк К. Рекомендательные системы на практике / Пер. Д.М. Павлов. М.: ДМК Пресс, 2020. 448 с.
7. Чжан Л. Анализ компромисса между точностью и сложностью идентифицированных моделей динамических систем // Системы анализа и обработки данных. 2024. № 2 (94). С. 85–93.
8. Чжан Чжибо, Афанасьев Г.И. Основные технологии и перспективы эволюции персонализированных рекомендательных систем // E-Scio. 2022. № 4 (67). С. 309–320.

Degree of Personalization in Recommender Systems: a Comparative Analysis of Approaches and Selection Criteria

Tatyana Anatolyevna Apon
National Open Institute, St. Petersburg (Saint Petersburg, Russia)

This article presents a comparative analysis of approaches to building recommender systems based on the degree of personalization of the content they provide. The relevance of this research topic stems from a fundamental contradiction that inevitably arises during the design phase of such systems: the need to simultaneously ensure high accuracy of individual predictions while maintaining an acceptable level of computational complexity, interpretability, and implementation cost.

The goal of this study was to develop a system of criteria and practical tools to support an informed choice of an architectural strategy for a recommender system based on its classification by degree of personalization. To achieve this goal, we identified and substantively characterized four classes of systems, developed a set of comparable evaluation parameters, and developed a design decision-making procedure.

The scientific significance of this study lies in its systematization of concepts regarding gradations of personalization and the substantiation of a set of seven interrelated criteria reflecting the key tradeoff between accuracy and complexity in this subject area. The practical value is determined by the development of a flowchart and checklist-tools applicable in the initial design stages and allowing for iterative refinement of the architecture as the service evolves.

The main results of the work indicate that none of the considered classes has an absolute advantage. The choice is determined by the specific project conditions, and the optimal development trajectory is a consistent progression from simple solutions to more complex ones as data accumulates. The novelty of the proposed approach lies in its shift from the problem of choosing a recommendation architecture to one of structured comparison based on explicit criteria.

Keywords: recommender systems, degree of personalization, cold start problem, comparative analysis, selection criteria, collaborative filtering, hybrid systems

УДК 338.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-13-18
© Барсегян Н.В., Зинуров Р.А., 2026

Моделирование процессов принятия управленческих решений*

Барсегян Наира Вартовна
Кандидат экономических наук, доцент кафедры логистики и управления Казанского национального исследовательского технологического университета
(420015, Казань, ул. К.Маркса, 68; e-mail: n.v.barsegyan@yandex.ru; AuthorID: 893798; ORCID: 0000-0003-1170-1251; SPIN-код РИНЦ: 1241-7903; Researcher ID: W-6970-2018)

Зинуров Руслан Альбертович
Соискатель кафедры логистики и управления Казанского национального исследовательского технологического университета
(420015, Казань, ул. К.Маркса, 68; e-mail: razinurov@gmail.com)

В условиях все нарастающей турбулентности, повышения уровня риска производственно-хозяйственной деятельности, расширения спектра информационных ресурсов актуальность изучения процессов моделирования принятия управленческих решений ставится в ряд приоритетных задач теории и практики управления. Цель статьи состоит в развитии системы принципов моделирования при принятии управленческих решений в условиях цифровой экономики, а также в разработке алгоритма адаптивного моделирования процесса принятия управленческого решения. Методологическая база исследования включает методы системного анализа, визуализации, эконометрической статистики и описания. В работе использованы данные Росстата и НИУ «Высшая школа экономики».

Основные результаты исследования включают: систему принципов моделирования управленческих решений (достаточность информации, целеполагание, верификация, множественный выбор, декомпозиция, параметризация); разработанный алгоритм адаптивного моделирования; концепцию междисциплинарного подхода к моделированию (биоинформационное, информационное, когнитивное моделирование).

Научная новизна заключается в разработке комплексного подхода к моделированию управленческих решений, учитывающего специфику цифровой экономики. Предложенный алгоритм может применяться для конкретизации и декомпозиции моделей управления в сложных системах.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования разработанных методологических подходов для повышения эффективности принятия управленческих решений в современных экономических условиях.

* Работа выполнена за счет предоставленного в 2025 г. Фондом науки и технологий Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

Исследование вносит вклад в развитие теории и практики управления, предлагая новые инструменты для адаптации процессов принятия решений к условиям цифровой экономики.

Ключевые слова: *моделирование, адаптивное моделирование, управленческое решение, лицо, принимающее управленческое решение, принципы управления, сложные системы, междисциплинарные модели управления, биоинформационное моделирование, когнитивное моделирование*

Для цитирования: *Барсегян Н.В., Зинуров Р.А. Моделирование процессов принятия управленческих решений // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 13–18. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-13-18.*

Процессы принятия управленческих решений являются фундаментальной базой для совершенствования и развития деятельности предприятий, секторов экономики, промышленных комплексов. В условиях все нарастающей турбулентности, повышения уровня риска производственно-хозяйственной деятельности, расширения спектра информационных ресурсов актуальность изучения процессов моделирования принятия управленческих решений ставится в ряд приоритетных задач теории и практики управления. Важность построения моделей в процессе принятия управленческих решений детерминирована тем фактом, что управленческие ситуации – это сложный феномен, который определяется большим количеством внутренних и внешних факторов системы управления по решению конкретной управленческой задачи (проблемы). Решить данный вопрос представляется возможным на основе использования инструментария моделирования, который упрощает процесс понимания управленческой ситуации и способствует оперативному и более адекватному принятию правильного решения в сфере управления системами.

Проблематика принятия управленческих решений нашла отражение в работах следующих авторов: А.С. Сенин, Н.В. Лясников [1], В.А. Сидоркин, А.П. Васяев [2], Р.М. Балдашев, В.К. Романович [3], Е.В. Сидорчукова, Д.С. Верба, А.Д. Маркова [4] и др. Вопросам специфики принятия управленческих решений в сложных технических системах посвящены научные статьи учёных: Е.А. Дронь, Т.В. Павлович, В.В. Здольник [5], О.В. Даринцев [6], С. Атаева, С. Байрамгылыджов, С. Байрамов [7], Ю.И. Димитриенко, К.М. Зубарев, О.В. Скуднева [8] и др. Специфика моделирования для принятия управленческих решений отражена в исследованиях авторов: С.П. Бобков, И.А. Астраханцева, Е.А. Павлова [9], Е.Л. Вайтекунене, И.А. Пинчук, Е.И. Семенова [10], Н.Л. Кетоева, М.А. Знаменская, Е.М. Павлов, Н.Е. Прошкин [11], И.А. Свиридов, В.И. Лютин [12], А.В. Долгов, С.Д. Сыротюк [13], А.Г. Давыдовский, В.А. Пархименко [14] и ряд других научных работ [15–19].

Цель исследования состоит в развитии системы принципов моделирования при принятии управленческих решений в условиях цифровой экономики, а также в разработке алгоритма адаптивного моделирования процесса принятия управленческого решения. Для достижения поставленной цели и раскрытия основных положений при проведении исследования использовались следующие общенаучные методы познания: метод описания, который позволил описать и структурировать принципы моделирования при принятии управленческих решений в условиях цифровой экономики; метод системного анализа, обеспечивающий систематизацию основных положений теории управления в рамках сложных технико-экономических систем; метод визуализации, с помощью которого дана графическая интерпретация объектов моделирования; метод эконометрической статистики, а именно анализ тренда на основе уравнения регрессии по показателям затрат на развитие цифровой промышленности. В качестве инструмента анализа применен программный продукт *BPMN*, что позволило разработать алгоритм адаптивного моделирования процесса принятия управленческого решения. Источником информации при проведении исследования были данные Росстата [20] и информационно-статистические материалы НИУ «Высшая школа экономики» [21].

Исходным основанием моделирования при принятии управленческого решения выступают принципы моделирования, среди основных из которых можно выделить следующие:

– принцип достаточности информации – наличие минимально требуемой информации (динамических рядов) для построения модели;

– принцип целеполагания – моделирование должно выступать как инструмент достижения управленческой цели в решении конкретной проблемы или управленческой ситуации;

– принцип верификации – модель должна быть статистически адекватной и быть наиболее приближенной к реальной ситуации для возможности использования ее в качестве прогностической модели;

– принцип множественного выбора – процесс моделирования содержит не одну, а несколько альтернативных моделей, из которых у лица, принимающего управленческое решение, есть возможность выбирать наибольший доступный вариант;

– принцип декомпозиции – предполагает, что при моделировании возможно разделение системы

на подсистемы и элементы для их количественного описания и моделирования с последующей «сверткой» моделей;

– принцип параметризации – управленческие ситуации описываются в числовом формате в виде функций, системы ограничений и ряда других параметров;

– принцип доступности – лица, принимающие управленческие решения, должны обладать цифровыми навыками для анализа и интерпретации моделируемых ситуаций;

– принцип понимания и принятия – все заинтересованные лица, включая исполнителей решения, понимают назначение и способы реализации принятого управленческого решения;

– принцип преодоления разногласий – если среди заинтересованных лиц, включая исполнителей решения, нет единого одобрения и понимания принятого управленческого решения, то возникшая ситуация конфликта должна быть разрешена, либо дополнительным разъяснением сути принятого решения, либо последующим анализом альтернативных вариантов решения управленческой ситуации.

В эпоху цифровой экономики использование цифровых технологий в принятии управленческих решений в секторах экономики становится решающим фактором успешного функционирования предприятий, отраслей и промышленных комплексов. Несмотря на то, что позиции Российской Федерации среди стран мира по уровню цифровизации реального сектора экономики уступают некоторым государствам (рис. 1), в последние годы наша страна сделала существенный рывок в данном направлении, и эта тенденция закрепляется на перспективу.

Так, затраты на развитие цифровой промышленности увеличились с 3324 млрд руб. в 2017 г. до 5800 млрд руб. в 2024 г.; внутренние затраты промышленных предприятий на создание и диффузию цифровых технологий в принятии управленческих решений также увеличились – с 1739 млрд руб. в 2017 г. до 3392 млрд руб. в 2024 г. (рис. 2).

В принятии управленческих решений важной задачей является поиск альтернатив возможных вариантов решения управленческой ситуации, которые должны быть учтены лицом, принимающим решение. Для этих целей могут быть использованы различные методы разрешения ситуации в области управления предприятием, а именно:

– поиск информации в готовых банках данных;

– поиск и анализ информации в корпоративных и внешних базах данных;

– интеллектуальный анализ информационных массивов;

– алгоритмизация;

– нейронные сети;

– имитационное моделирование;

– моделирование «чувствительности» параметров управления;

– ситуационный анализ.

Для современных промышленных предприятий особую важность начинает играть внедрение в процесс принятия управленческих решений комплексных моделей, помогающих понять и интерпретировать управленческую ситуацию и выработать несколько альтернативных подходов к ее разрешению на основе моделирования. В этом аспекте следует указать на использование смежных междисциплинарных моделей, интегрирующих модели различных областей деятельности, среди таковых необходимо выделить, например: когнитивное моделирование, которое предполагает разработку математических моделей, повторяющих познавательные процессы лиц, принимающих управленческие решения, включая память, понимание и восприятие информации и т.п.; биоинформационное моделирование, предполагающее использование возможностей описания процесса принятия управленческо-

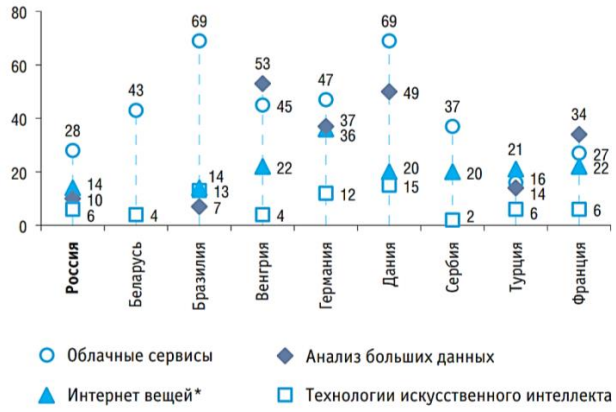

Рис. 1. Использование цифровых технологий в принятии управленческих решений в реальном секторе экономики по странам мира (в % от общего количества предприятий) [20]

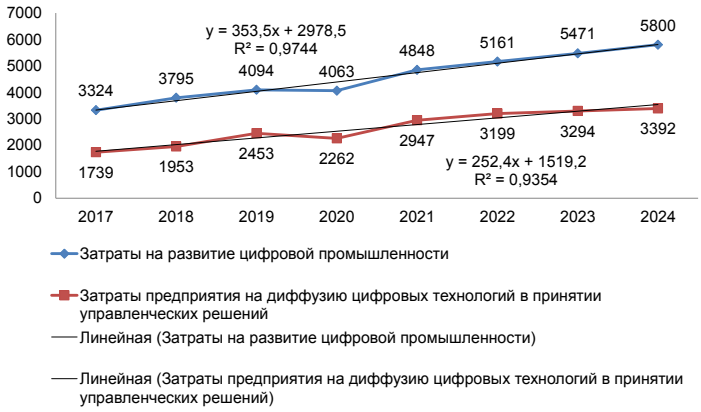

Рис. 2. Динамика затрат на создание и диффузию цифровых технологий в принятии управленческих решений, млрд руб.

Построено авторами на основе данных [20].

го решения применительно к «живым» системам (лесные пожары, наводнения, ураганы, поведение живых организмов, популяция и т.п.); информационное моделирование, позволяющее представить процесс управления через призму информации различного рода в речевой, словесной, текстовой, формульной, графической и т.п. форме и другие.

В целом алгоритм принятия управленческого решения на основе моделирования содержит следующие шаги:

– постановка управленческой проблемы;

– проведение ситуационного анализа;

– обозначение цели разрешения управленческой ситуации;

– сбор информации;

– построение и параметризация модели;

– разработка альтернатив решения управленческой ситуации;

– разработка критериальных показателей для оценки альтернативных вариантов решения ситуации;

– проведение оценки и выбор наилучшей альтернативы;

– формирование критериев для оценки качества исполнения реализованного управленческого решения (мониторинг);

– мониторинг выполнения управленческого решения;

– внесение корректирующих управленческих действий по решению проблемной ситуации.

Таким образом, принимая во внимание представленные принципы, инструменты и технологии моделирования представим алгоритм адаптивного моделирования процесса принятия управленческого решения (рис. 3).

В данном алгоритме моделирования процесса принятия управленческого решения адаптивность состоит в том, что в зависимости от профессиональной деятельности лица, принимающего управленческое решение, и отраслевой специфики функционирования предприятия, возможно использование междисциплинарных моделей для разработки альтернатив управленческих решений, включая биоинформационное, когнитивное, информационное моделирование, что позволяет представить процесс принятия решения в области управления как комплексный вопрос, охватывающий различные аспекты управленческой ситуации, как производственного, экономического, технологического и т.п., так и социогуманитарного характера.

Таким образом, исследование указанной проблематики дает основания резюмировать следующие итоги. Во-первых, моделирование процесса принятия управленческого решения должно опираться на ряд принципов, среди которых выделены: принцип достаточности информации, целеполагания, верификации, множественного выбора, декомпозиции, параметризации, доступности, понимания и принятия, преодоления разногласий. Во-вторых, в период процветания цифровой экономики моделирование процесса принятия управленческого решения должно быть основано на междисциплинарном подходе, сочетающем биоинформационное, информационное, когнитивное и т.п. моделирование, что позволяет получать более качественные и емкие управленческие решения. В-третьих, предложенный алгоритм адаптивного моделирования процесса принятия управленческого решения может быть использован в качестве базового алгоритма для конкретизации и декомпозиции моделей, уровней и функций управления для сложных систем. Направления дальнейшего научного исследования в данном вопросе будут связаны с развитием научных подходов к формированию комплексных технологий и приемов моделирования процессов в динамично-развивающихся разноуровневых системах управления.

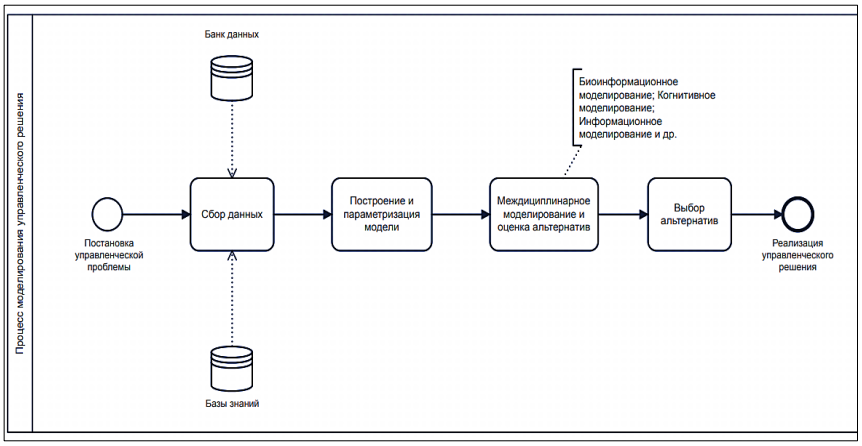

Рис. 3. Алгоритм адаптивного моделирования процесса принятия управленческого решения

Составлено авторами.

Литература:

1. Сенин А.С., Лясников Н.В. Принятие управленческих решений в кризисных ситуациях на основе нейронной сети «дерево решений» // Экономика и социум: современные модели развития. 2019. Т. 9. № 1 (23). С. 98–110.
2. Сидоркин В.А., Васяев А.П. Разработка и принятие нестандартных управленческих решений // Вестник Академии управления и производства. – 2024. № 2. С. 592–596.
3. Балдашев Р.М., Романович В.К. Факторы, влияющие на принятие управленческих решений в условиях неопределённости и риска // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 3–1 (109). С. 46–49.
4. Сидорчукова Е.В., Верба Д.С., Маркова А.Д. Принятие управленческих решений на основе концепции маржинального анализа // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (54). С. 458–462.
5. Дронь Е.А., Павлович Т.В., Здольник В.В. Управление системой мониторинга технических параметров процесса бурения с применением цифровых технологий в организационных системах // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2024. № 4. С. 65–73.
6. Даринцев О.В. Синтез новых моделей микрогидродинамики в исследованиях лаборатории «Робототехника и управление в технических системах» // Многофазные системы. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 74–96.
7. Атаева С., Байрамгылыджов С., Байрамов С. Автоматизация и управление в технических системах: современные подходы и технологии // In Situ. 2024. № 11. С. 26–28.
8. Димитриенко Ю.И., Зубарев К.М., Скуднева О.В. Разработка лабораторных работ для студентов, обучающихся по специальности «Управление в технических системах», проводимых в электронной информационно – образовательной среде «Nomotex» // Информатизация образования и науки. 2024. № 4 (64). С. 104–114.
9. Бобков С.П., Астраханцева И.А., Павлова Е.А. Имитационное моделирование для интеллектуальной поддержки принятия управленческих решений // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2022. № 1 (69). С. 61–69.
10. Вайтекунене Е.Л., Пинчук И.А., Семенова Е.И. Имитационное моделирование как инструмент поддержки принятия управленческих решений // Наука и бизнес: пути развития. 2023. № 10 (148). С. 8–10.
11. Кетоева Н.Л., Знаменская М.А., Павлов Е.М., Прошкин Н.Е. Моделирование и разработка программы для интеллектуальной системы поддержки принятия кадровых управленческих решений в электроэнергетике // Инженерный вестник Дона. 2024. № 5 (113). С. 698–712.
12. Свиридов И.А., Лютин В.И. Синтез и моделирование байесовского алгоритма принятия управленческих решений // Инновационная наука. 2024. № 6–2. С. 53–58.
13. Долгов А.В., Сыротюк С.Д. Бизнес-моделирование деятельности предприятий массового обслуживания на основе принятия управленческих решений и методологии BPM // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2025. № 2 (111). С. 90–101.
14. Давыдовский А.Г., Пархименко В.А. Биоинформационное моделирование процессов принятия управленческих решений в условиях информационного стресса // Big Data and Advanced Analytics. 2015. № 1. С. 93–107.
15. Кудрявцева С.С., Шинкевич М.В. К вопросу об оценке ресурсной эффективности производственных систем // Петербургский экономический журнал. 2024. № 4. С. 121–130.
16. Шинкевич А.И., Барсегян Н.В. Информационные технологии поддержки принимаемых решений интеллектуального предприятия // Математические методы в технологиях и технике. 2021. № 9. С. 10105–108
17. Кудрявцева С.С. Логистическое обеспечение инновационной деятельности промышленных предприятий Республики Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. 2013. № 1. С. 47–52.
18. Панилов П.А., Цибизова Т.Ю., Малахов Н.А. Когнитивное моделирование автономной системы управления беспилотным летательным аппаратом // Динамика сложных систем – XXI век. 2023. Т. 17. № 4. С. 5–11.
19. Галимулина Ф.Ф., Шинкевич М.В., Зарайченко И.А. Наилучшие доступные технологии в современной экономике: основа импортозамещения и инструмент перехода к циркулярной экономике // Вестник университета. 2022. № 11. С. 113–120.
20. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru
21. Цифровая экономика: краткий статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 120 с.

Modeling of Management Decision-Making Processes

Naira Vartovna Barseghyan, Ruslan Albertovich Zinurov
Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

In the context of increasing turbulence, increasing the level of risk of production and economic activities, and expanding the range of information resources, the relevance of studying management decision-making modeling processes is among the priorities of management theory and practice. The purpose of the article is to develop a system of modeling principles for managerial decision-making in the digital economy, as well as to develop an algorithm for adaptive modeling of the managerial decision-making process. The methodological base of the research includes methods of system analysis, visualization, econometric statistics and description. The work uses data from Rosstat and the National Research University Higher School of Economics.

The main research results include: a system of principles for modeling managerial decisions (information sufficiency, goal setting, verification, multiple choice, decomposition, parameterization); the developed algorithm for adaptive modeling; the concept of an interdisciplinary approach to modeling (bioinformatic, informational, cognitive modeling).

The scientific novelty lies in the development of an integrated approach to modeling management decisions that takes into account the specifics of the digital economy. The proposed algorithm can be used to specify and decompose control models in complex systems.

The practical significance of the work lies in the possibility of using the developed methodological approaches to improve the effectiveness of managerial decision-making in modern economic conditions.

The research contributes to the development of management theory and practice by offering new tools for adapting decision-making processes to the digital economy.

Keywords: modeling, adaptive modeling, management decision, person, decision maker, management principles, complex systems, interdisciplinary management models, bioinformatics modeling, cognitive modeling

УДК 353, 347.787
DOI 10.24412/1998-5533-2026-2-19-25
© Бачуринская И.А., Дмитриева Т.А., Васильева С.Д., 2026

Проблемы и актуальные тенденции в приспособлении для современного использования памятников деревянной архитектуры Санкт-Петербурга

Бачуринская Ирина Анатольевна
Доктор экономических наук, доцент, профессор
кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
(191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А; e-mail: basia@mail.ru;
ORCID: 0000-0003-2296-5869; SPIN-код: 5334-6237; AuthorID: 561246)

Дмитриева Татьяна Александровна
Кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
(191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А; e-mail: sta775@yandex.ru;
ORCID: 0009-0008-8880-0200; SPIN-код: 1475-0325; AuthorID: 1199404)

Васильева Софья Дмитриевна
Лаборант Учебно-лабораторного центра современного менеджмента
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
(191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А;
e-mail: sofya1112@mail.ru)

В статье проведен анализ процесса сохранения и приспособления для современного использования памятников деревянной архитектуры Санкт-Петербурга. Целью исследования является выявление актуальных проблем современного использования памятников деревянной архитектуры Санкт-Петербурга для формирования рекомендаций по приспособлению их использования в современных условиях. Обозначены основные этапы и особенности процесса приспособления памятников деревянной архитектуры. Выявлены актуальные проблемы данного процесса, как на общероссийском уровне, так и на уровне Санкт-Петербурга. Обозначены основные органы государственной власти, которые реализуют определенные функции в процессе сохранения и приспособления памятников деревянной архитектуры. Выявлена необходимость разработки методических рекомендаций, направленных на оптимизацию межведомственного взаимодействия органов власти в процессе сохранения и приспособления памятников деревянной архитектуры Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: *памятники деревянной архитектуры Санкт-Петербурга, этапы процесса приспособления памятников, актуальные проблемы, роль органов государственной власти, методические рекомендации*

Для цитирования: *Бачуринская И.А., Дмитриева Т.А., Васильева С.Д. Проблемы и актуальные тенденции в приспособлении для современного использования памятников деревянной архитектуры Санкт-Петербурга // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 19–25. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-19-25.*

Памятники деревянной архитектуры являются неотъемлемой составляющей культуры Российской Федерации и формируют ее уникальную национальную идентичность. Однако в настоящее время объекты русского деревянного зодчества имеют особое уязвимое положение, вызванное многими факторами. Вопрос восстановления таких объектов является актуальным, поскольку связан не только с процессом их сохранения, но и с развитием смежных областей, включающих привлечение новых инвестиций, интеграцию памятников деревянной архитектуры в повседневную жизнь и экономику страны, а также повышение уровня осведомленности общества об истории Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» процесс приспособления памятников деревянной архитектуры включает в себя «научно-исследовательские, проектные и производственные работы, проводимые в целях создания условий для современного использования объекта культурного наследия, включая реставрацию представляющих собой историко-культурную ценность элементов объекта культурного наследия» [1].

Процесс приспособления памятников деревянной архитектуры является сложноструктурированным, состоит из нескольких этапов и имеет ряд особенностей. При осуществлении данного процесса важно помнить, что объекты деревянного зодчества являются отражением ключевых цивилизационных кодов страны. Они содержат в себе исторические корни, отражающие процесс становления государства. При утрате исторического прошлого дальнейшее развитие как общества, так и всего государства невозможно. Именно поэтому при осуществлении любых восстановительных или иных работ над памятниками деревянной архитектуры необходимо его обустройство в соответствии с современными требованиями, но при этом с сохранением его историко-культурной ценности [2].

На рисунке 1 представлены этапы, отражающие процесс сохранения и приспособления памятников деревянной архитектуры. Первым этапом является изучение различных историко-архитектурных, картографических и библиографических материалов, связанных с объектом, которые помогают установить первоначальный внутренний и внешний облик здания.

Далее натурное исследование позволяет выявить и зафиксировать особенности конструкций и инженерного оборудования. Необходимым этапом является консервация, направленная на обеспечение сохранности объекта строительства от возможного разрушения, а также на ограничение доступа посторонних лиц.

После теоретического исследования объекта и проведения первичных работ по поддержанию здания в надлежащем состоянии осуществляется этап планировки, который включает в себя составление предварительных работ, комплексных научных исследований, инженерных изысканий, проекта реставрации и приспособления.

Фактическим этапом в процессе сохранения и приспособления памятников деревянной архитектуры является выполнение комплексных работ, которые состоят из работ по реставрации, инженерных работ и работ по благоустройству территории. Реализацию запланированных работ могут осуществлять только строительные и реставрационные компании, аттестованные Министерством культуры РФ.

Заключительным этапом является получение необходимых документов и ввод памятника в эксплуатацию, который подразумевает процесс адаптации к современным условиям комфорта, включающим в себя обеспечение общедоступности памятника деревянной архитектуры для каждого гражданина,

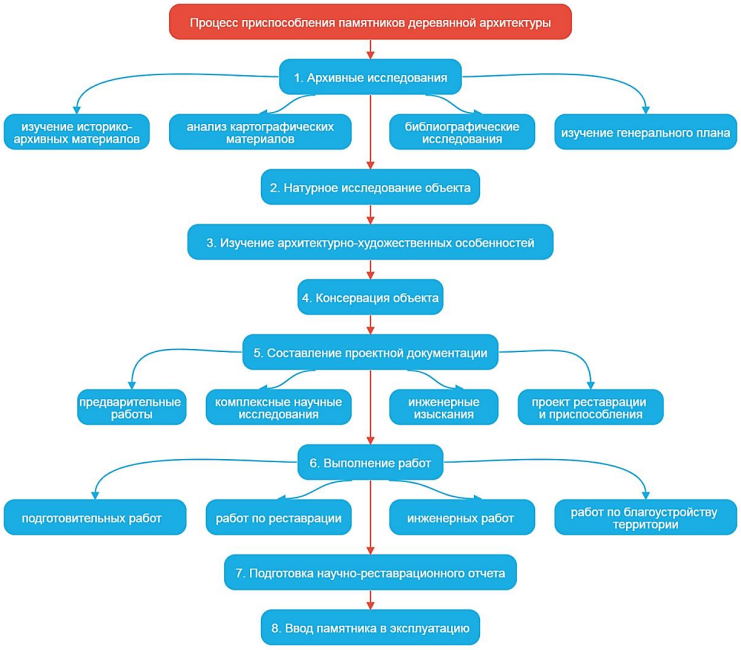

Рис. 1. Схема процесса приспособления памятников деревянной архитектуры к современным условиям

Составлено авторами на основе [6].

в том числе создание необходимых условий для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, можно отметить, что каждый отдельный этап процесса приспособления памятников деревянной архитектуры играет важную роль, обеспечивая комплексный и эффективный подход к сохранению и адаптации данных объектов. Только при их взаимосвязи и четкой последовательности будет достигнут наилучший результат.

Обеспечить сохранность памятников деревянной архитектуры сложнее, чем памятников, построенных из камня или кирпича, поскольку древесина – это недолговечный строительный материал, требующий дополнительных условий ухода и содержания. Деревянным зданиям свойствен риск ускоренного процесса разрушения, так как они подвержены влиянию природно-климатических, биологических и антропогенных факторов [4].

Длительное воздействие негативных факторов на здание деревянной архитектуры может привести к его неудовлетворительному техническому состоянию, вплоть до полной физической утраты. На сегодняшний день основная проблема заключается в аварийном состоянии большинства объектов культурного наследия, которое вызвано значительной степенью физического износа зданий. В данном случае эффективной мерой будет являться уже существующая процедура передачи объектов культурного наследия инвесторам в рамках инвестиционных программ, а также процесс их приватизации. Осуществление данных мер для государства является наилучшим способом сохранения и восстановления объектов деревянного зодчества, в ходе которого одновременно увеличивается доходная часть бюджета за счет получаемых инвестиций и налогов [5].

Данный процесс передачи объектов культурного наследия подразумевает, что у каждого памятника должен появиться свой заботливый хозяин, который заинтересован в его сохранении и улучшении. И это не обязательно должен быть исключительно частный инвестор, для которого государство устанавливает различные льготы, дающие преимущество обеим сторонам. Объекты культурного наследия могут передаваться в региональную или муниципальную собственность, а различные церкви и храмы – в собственность религиозных организаций.

Помимо аварийного состояния памятников деревянной архитектуры существует ряд иных проблем. Например, несоответствие некоторых требований, установленных в нормативно-правовых актах Российской Федерации. Законодательство требует одновременную приватизацию объектов культурного наследия и их земельных участков [6], но при этом закрепляет различные формы их приватизации [7]. Вследствие чего процесс значительно затрудняется, поскольку органы государственной власти не могут реализовать данные процессы одновременно.

Определенные проблемы приспособления памятников деревянной архитектуры возникают в процессе осуществления реставрационных работ. Например, у некоторых объектов деревянного зодчества может отсутствовать необходимая документация. В таком случае воссоздание утраченных или поврежденных элементов памятника практически невозможно. Для успешного восстановления требуется изучить имеющиеся архивные фотографии, провести дополнительное исследование объекта и на основе имеющегося материала установить первоначальный облик здания.

Еще одна проблема заключается в несоответствии памятников современным строительным стандартам. Старинные деревянные перекрытия и устаревшие коммуникации могут существенно затруднить процесс реставрации на любом его этапе. Кроме того, при работе с объектами деревянного зодчества важно помнить, что обязательно должна быть сохранена его историческая ценность, поскольку в некоторых случаях применение современных технологий и материалов может повлечь за собой утрату или искажение подлинности исторического и культурного содержания. На рисунке 2 обозначен общероссийский перечень проблем приспособления памятников деревянной архитектуры.

Таким образом, важно подчеркнуть, что процесс сохранения памятников деревянной архитектуры требует доработки, поскольку имеется ряд проблем, подлежащих решению. Для успешного разрешения ситуации важна деятельность всех трех субъектов процесса, а именно государства, частного собственника и профессиональных сообществ. Тем не менее ключевую позицию занимают органы государственной власти, поэтому именно они должны являться инициаторами принимаемых мер по сохранению таких объектов.

Вышеуказанные проблемы характерны для памятников деревянной архитектуры на всей территории Российской Федерации, однако существует ряд сложностей, присущих памятникам деревянной архитектуры Санкт-Петербурга. Петербургская стратегия сохранения культурного наследия, принятая постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 01.11.2005 № 1681, отдельно выделяет природно-

Рис. 2. Проблемы приспособления памятников деревянной архитектуры

Составлено авторами.

климатические и антропогенные факторы, способствующие разрушению архитектурного наследия города.

К природным факторам относятся неблагоприятные климатические условия, гидрологические и геологические особенности дельты Невы и стихийные бедствия. Антропогенные факторы включают в себя загрязнение атмосферы, строительство новых объектов в исторической среде, нарушение режима эксплуатации зданий, неконтролируемую урбанизацию и транспортную нагрузку.

Интенсивный туризм, перегружающий объекты культурного наследия, и непрофессиональные работы по сохранению, увеличивающие риск потери подлинности памятника, также представляют серьезную угрозу для их сохранения. Недостаточная защита зданий и сооружений от воздействия экологических и антропогенных факторов приводит к их потере, в том числе наиболее часто страдают памятники деревянной архитектуры. Достичь полной неуязвимости объектов культурного наследия к разрушениям невозможно. В данном случае основная цель заключается в замедлении процессов старения и в минимизации факторов, способствующих их ускорению [8]. На сегодняшний день данная задача успешно реализуется, поскольку при осуществлении реставрационных работ особое внимание уделяется созданию условий, способствующих более длительному сроку службы памятников.

Процесс сохранения памятников деревянной архитектуры Санкт-Петербурга сложный и многогранный, поэтому его успешная реализация достигается за счет взаимодействия различных организаций, каждая из которых выполняет свою определенную роль.

На федеральном уровне – это ДОМ.РФ и ФГБУК «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры». К региональному уровню относятся Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры и его подведомственная организация СПб ГКУ «Дирекция заказчика по ремонтно-реставрационным работам на памятниках истории и культуры». А также Комитет имущественных отношений и подведомственные организации СПб ГБУ «Агентство по развитию имущественного комплекса Санкт-Петербурга», СПб ГБУ «Городское управление кадастровой оценки», СПб ГКУ «Имущество Санкт-Петербурга» и АО «Фонд имущества». На муниципальном уровне ответственным органом считается администрация района. В таблице 1 представлена краткая характеристика всех вышеперечисленных организаций с указанием их функций.

На сегодняшний день наиболее значимой проблемой сохранения объектов культурного наследия Санкт-Петербурга является отсутствие четкого взаимодействия среди перечисленных организаций и органов государственной власти. Затрудненное межведомственное взаимодействие замедляет и без того сложную процедуру сохранения объектов

Таблица 1

Организации, участвующие в процессе сохранения и приспособления памятников деревянной архитектуры

<table>
<tr><th colspan="4">Федеральный уровень</th></tr>
<tr><td colspan="2">ДОМ.РФ – ведущий институт в развитии жилищного сектора, разработчик цифровой платформы «НАСЛЕДИЕ.ДОМ.РФ», оператор программы льготного кредитования</td><td colspan="2">ФГБУК «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» – предоставление экспертных решений и практической помощи собственникам памятников с целью их сохранения</td></tr>
<tr><th colspan="4">Региональный уровень</th></tr>
<tr><td colspan="4">КГИОП – регулирование процесса сохранения и приспособления памятников</td></tr>
<tr><td colspan="4">СПб ГКУ «Дирекция заказчика по ремонтно-реставрационным работам на памятниках истории и культуры» – выполнение роли заказчика по реализации комплекса мероприятий, направленных на сохранение, использование, популяризацию и охрану памятников, включая обеспечение технического надзора за ремонтно-реставрационными работами</td></tr>
<tr><td colspan="4">КИО – процесс передачи памятника из государственной собственности в частную</td></tr>
<tr><td>СПб ГБУ «Агентство по развитию имущественного комплекса Санкт-Петербурга» (позже реорганизовано в ГУИОН) – заключение договоров, касающихся передачи памятников в аренду, доверительное управление или безвозмездное пользование</td><td>СПб ГБУ «Городское управление кадастровой оценки» – определение кадастровой оценки объектов культурного наследия</td><td>СПб ГКУ «Имущество Санкт-Петербурга» – обеспечение прозрачного и оперативного управления имуществом города, оказание материально-технической поддержки, организация и проведение торгов на заключение аренды на памятники</td><td>АО «Фонд имущества» – внедрение эффективной системы приватизации городских активов, организация торгов, связующее звено между органами государственной власти и представителями бизнеса</td></tr>
<tr><th colspan="4">Муниципальный уровень</th></tr>
<tr><td colspan="4">Администрации районов – ответственность за содержание в надлежащем качестве памятников, находящихся в собственности города и не переданных третьим лицам</td></tr>
</table>

Составлено авторами на основе [10–15].

культурного наследия, именно поэтому необходимо разрешить данную проблему с помощью разработки методических рекомендаций по оптимизации сотрудничества между органами власти.

Цель методических рекомендаций заключается в повышении эффективности координации и укреплении межведомственного взаимодействия между органами власти Санкт-Петербурга для оптимизации процесса приспособления памятников деревянной архитектуры.

В процессе разработки методических рекомендаций были выявлены наиболее острые проблемы организации сохранения объектов культурного наследия и на их основе сформулированы рекомендации, направленные на их организационное и функциональное решение.

Разработанные методические рекомендации по оптимизации взаимодействия между органами власти разделены на группы, где каждая соответствует направлению одной ключевой проблемы.

В рамках организационных мер необходимо создание профильного координационного совета, цель которого непосредственно заключается в установлении сотрудничества между различными организациями для обеспечения сохранности, эффективного управления и популяризации объектов культурного наследия. Координационный совет создается распоряжением Губернатора Санкт-Петербурга на пять лет с возможностью продления на следующий период. Состав утверждается Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры по согласованию с Администрацией Губернатора СПб.

Структура совета включает в себя председателя, заместителя председателя, членов совета и ответственного секретаря. Председатель – вице-губернатор, курирующий вопросы градостроительства и культурного наследия. Заместителем председателя назначается глава КГИОП, ответственным секретарем – СПб ГКУ «Дирекция заказчика по ремонтно-реставрационным работам на памятниках истории и культуры», который назначается распоряжением председателя совета и обеспечивает организационную и техническую деятельность. Распределение обязанностей членов координационного совета структурировано и представлено в таблице 2.

Заседания, в зависимости от периодичности, делятся на плановые, внеочередные и заседания рабочих групп. Плановые заседания будут проводиться не реже одного раза в квартал и проходить на базе Администрации Губернатора Санкт-Петербурга, которая и будет являться главным ответственным исполнителем при учреждении координационного совета. Внеочередные – по инициативе председателя или не менее трёх членов совета; заседания рабочих групп будут собираться по мере необходимости, но не реже одного раза в два месяца.

Основные задачи, которые координационный совет будет решать в ходе осуществления своей деятельности:

– разработка предложений по оптимизации взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов власти в вопросе сохранения и приспособления памятников деревянной архитектуры;

– установление конкретных функций каждой отдельной организации с целью недопущения перекладывания ответственности;

– разработка проектов предложений по устранению несоответствий в положениях нормативно-правовых актов;

– разработка реставрационных проектов и возможных функциональных приспособлений памятников деревянной архитектуры;

– обеспечение аналитической, информационной и справочной поддержки деятельности координационного совета;

– организация научно-общественных мероприятий для обсуждения приоритетных направлений государственной политики в области сохранения и приспособления памятников деревянной архитектуры.

Алгоритм взаимодействия предлагается следующий. На первом этапе происходит инициация вопроса, а именно любой член совета направляет ответственному секретарю предложение с обоснованием. Далее в течение 10 рабочих дней ответственный секретарь должен организовать экспертную оценку с участием профильных ведомств. На следующем этапе, но не позднее 14 дней до заседания, председателем утверждается повестка. Непосредственно на заседании принимается решение простым большинством голосов, но не менее 2/3 членов. Далее

Таблица 2

Распределение обязанностей членов координационного совета

Должность в структуре координационного совета	Сектор ответственности
Председатель	Утверждение повестки, председательство на заседаниях, подписание итоговых протоколов, представление интересов совета перед федеральными органами
Заместитель председателя	Координация рабочих групп, контроль исполнения решений, подготовка аналитических материалов
Ответственный секретарь	Сбор предложений членов совета, подготовка проектов решений, ведение делопроизводства, мониторинг реализации
Члены совета (представители КИО, ДОМ.РФ, ФГБУК «АУИПИК», дминистраций районов)	Предоставление ведомственной информации, участие в голосовании, выполнение поручений в рамках своих полномочий

наступает этап реализации решений, а именно оформляется протокол и осуществляется рассылка исполнителям с указанием сроков исполнения поручений в зависимости от сложности работ (от 30 до 180 дней). На этапе выполнения работ ответственным секретарем ежемесячно производится контроль и составляется отчет заместителю председателя. Отчетность подлежит публичному контролю и ежегодно размещается на официальном сайте КГИОП.

В рамках технических мер необходимо внедрить *BIM*-технологии, цель которых заключается в создании цифровой 3D-модели объекта с учетом его историко-культурной ценности, позволяющей оптимизировать процесс сохранения и приспособления. Требования, предъявляемые к 3D-моделям, должны строго соответствовать ГОСТ Р 2.052-2024, контроль качества осуществляется аккредитованной лабораторией КГИОП, и единый электронный архив хранится на платформе «Наследие. Дом. РФ».

В таблице 3 представлен алгоритм внедрения *BIM*-технологий.

Таблица 3

Пошаговый план внедрения BIM-технологий

Этап	Содержание работ	Сроки	Ответственные
1	Анализ пилотных объектов деревянной архитектуры (не менее 3 объектов) для создания опытных 3D-моделей	1–6 мес. с момента утверждения рекомендаций	КГИОП, СПб ГКУ «Дирекция заказчика по ремонтно-реставрационным работам на памятниках истории и культуры»
2	Разработка технического задания на создание отраслевого стандарта BIM-моделирования для деревянных памятников	6–9 мес.	КГИОП с участием СПбГАСУ
3	Утверждение стандарта «BIM для объектов деревянного культурного наследия Санкт-Петербурга» приказом КГИОП	9–12 мес.	КГИОП
4	Обучение сотрудников (не менее 2 специалистов от каждого ведомства) работе с BIM-моделями	12–15 мес.	Координационный совет
5	Масштабирование: создание 3D-моделей для 30 % памятников деревянной архитектуры, переданных в аренду или на реставрацию	15–36 мес.	ФГБУК «АУИПИК», КГИОП
6	Полный переход – обязательное требование о наличии *BIM*-модели для выдачи разрешения на реставрацию	с 37 мес.	КГИОП

Также внедрение принципа «одного окна» позволит облегчить деятельность частного собственника памятника деревянной архитектуры и сократить сроки процесса реставрации. Перечень предоставляемых услуг посредством «одного окна» следующий: предварительное согласование концепции приспособления памятника архитектуры; одновременная подача документов на аренду либо доверительное управление; получение требуемой документации на разрешенные действия при проведении реставрационных работ; подача документов для приватизационного оформления; проведение консультаций в рамках предоставления налоговых льгот.

В рамках социальных мер ключевым мероприятием является внедрение системы курсов повышения квалификации, например 72-часовая программа «Современные методы сохранения и приспособления памятников деревянной архитектуры» для специалистов КГИОП, КИО со стажем работы по профилю от двух лет и наличием профильного образования, которые будут направлены на формирование новых компетенций, изучение узконаправленной специфики работы отдельных организаций, обмен опытом и на обсуждение наиболее актуальных вопросов.

Таким образом, разработанные методические рекомендации по оптимизации межведомственного взаимодействия между органами власти помогут создать единый государственный механизм, способствующий усовершенствованию процесса сохранения, в том числе реставрации и приспособления памятников деревянной архитектуры Санкт-Петербурга.

Помимо этого, каждое разработанное мероприятие производит свой положительный экономический эффект. К примеру, реставрация памятников деревянной архитектуры с использованием 3D-моделей позволит сократить расходы на 20–25 % и минимизировать риск утраты исторического наследия. Внедрение принципа «одного окна» позволит оптимизировать документооборот и упростить процедуры, что приведет к сокращению сроков предварительных работ на 30–40 %. Реализация всех разработанных мероприятий приведет к прямой экономии бюджетных средств, а также всестороннее развитие данной сферы откроет возможности для привлечения новых инвестиций, в том числе благодаря росту туристического потока.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. на 26.12.2024) // СПС Гарант.
2. Хакимов Д.Р., Требухин А.Ф. Особенности сохранения и приспособления объектов культурного наследия к современным условиям // Вестник евразийской науки. 2019. № 1. ID статьи: 78SAVN119
3. ГОСТ 55528-2013 Национальный стандарт Российской Федерации «Состав и содержание научно-проектной документации по сохранению объектов культурного наследия. Памятники истории и культуры» // СПС Гарант.
4. Чебан А.Н., Мячин А.П. Исторические и современные методы сохранения деревянного зодчества // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. № 4(65). С. 134–145.
5. Дементьева Н.О., Карасова И.Ю. Приватизация объектов культурного наследия как способ их сохранения // Вестник науки. 2025. № 1(82). С. 1389–1396.
6. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // СПС Гарант.
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СПС Гарант.
8. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 01.11.2005 № 1681 «О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия» // СПС Гарант.
9. «ДОМ.РФ» – финансовый институт развития в жилищной сфере. URL: https://дом.рф/ (дата обращения: 25.05.2025).
10. Письмо Министерства Культуры Российской Федерации от 01.04.2014 №58-01-39/10-ГП «Информация о деятельности ФГБУК «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» // СПС Гарант.
11. Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: https://kgiop.gov.spb.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).
12. Устав СПб ГКУ «Дирекция заказчика по ремонтно-реставрационным работам на памятниках истории и культуры» от 16.08.2001 г. URL: https://kgiop.gov.spb.ru/o-komitete/organisations/99/
13. Комитет имущественных отношений. URL: https://commim.spb.ru/Web (дата обращения: 25.03.2026).
14. АО «Фонд имущества Санкт-Петербурга». URL: https://фондимущества.рф/ (дата обращения: 25.03.2026).

Problems and Current Trends in the Adaptation of wooden Architecture Monuments of St. Petersburg for Modern Use

Irina Anatolyevna Bachurinskaya, Tatyana Aleksandrovna Dmitrieva, Sofya Dmitrievna Vasileva
Saint-Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

The article analyzes the process of preservation and adaptation for modern use of monuments of wooden architecture of St. Petersburg. The purpose of the study is to identify the current problems of the modern use of wooden architecture monuments in St. Petersburg in order to form recommendations on adapting their use in modern conditions. The main stages and features of the process of adaptation of monuments of wooden architecture are outlined. The actual problems of this process have been identified, both at the national level and at the level of St. Petersburg. The main state authorities that perform certain functions in the process of preserving and adapting monuments of wooden architecture are identified. The necessity of developing methodological recommendations aimed at optimizing the interdepartmental interaction of authorities in the process of preserving and adapting the monuments of wooden architecture of St. Petersburg is revealed.

Keywords: monuments of wooden architecture of St. Petersburg, stages of the process of adaptation of monuments, current problems, the role of public authorities, methodological recommendations

УДК 336.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-26-32
© Бродский Г.М., 2026

Финансирование оборонно-промышленного комплекса в системе государственных расходов

Бродский Григорий Михайлович
Руководитель по корпоративному кредитованию ПАО «Банк ПСБ»
(191186, Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д.38а, лит. Б;
e-mail: grigorybrodsky@gmail.com; ORCID: 0009-0004-2473-7573; SPIN-код: 7573-5391)

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения стабильного финансирования оборонно-промышленного комплекса России в современных геополитических условиях. Особую значимость приобретает вопрос поиска оптимальных источников дополнительного финансирования ОПК при сохранении макроэкономической стабильности.

Цель исследования – оценка возможностей увеличения государственных расходов на финансирование ОПК, в том числе за счет наращивания государственного долга, и анализ потенциального экономического эффекта от такого финансирования.

Научная новизна исследования заключается в обосновании возможности бюджетного финансирования оборонных расходов в России за счет увеличения государственного долга.

Практическая значимость работы состоит в обосновании возможности увеличения государственного долга для финансирования ОПК с учетом расчета показателей долговой безопасности. Предложенная модель оценки возврата налоговых поступлений позволяет прогнозировать эффективность дополнительных государственных заимствований.

Основные результаты исследования показывают наличие существенного резерва для увеличения государственного долга России при сохранении показателей долговой безопасности в допустимых пределах. Разработанная модель демонстрирует, что возврат средств в бюджет через налоговые поступления (около 29 % от объема финансирования) превышает расходы на обслуживание государственного долга.

Ключевые слова: *бюджетный дефицит, оборонно-промышленный комплекс, государственный долг, долговая безопасность, государственные расходы, бюджетное финансирование*

Для цитирования: *Бродский Г.М. Финансирование оборонно-промышленного комплекса в системе государственных расходов // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 26–32. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-26-32.*

Введение

В настоящее время значительное внимание ученых-экономистов и экспертного сообщества в России уделяется вопросам государственных расходов как триггера экономического роста. Ведутся дискуссии об их оптимальной величине, необходимости и перспективах увеличения, о последствиях положительной динамики госрасходов для экономики в целом, в том числе в виде ускорения инфляции. В то же время несколько в тени остаются проблемы обязательных государственных расходов, то есть тех, которые не могут не увеличиваться перма-

нентно – например, на социальные нужды или оборонные расходы. Последние являются критически важными в текущей ситуации, учитывая продолжающуюся Специальную военную операцию и общую геополитическую обстановку.

В связи с этим возникает потребность сведения воедино различных научных подходов к тематике государственных расходов и приложения теоретических постулатов к актуальной российской ситуации с особенным акцентом на проблему военных расходов и финансирования оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК).

Актуальность настоящего исследования определяется значением вопроса обеспечения ОПК финансовыми ресурсами в настоящее время, учитывая тенденции современных международных отношений и рост оборонных расходов основных потребителей рынка вооружений и военной техники в мире[1]. Принимая во внимание специфику оборонной отрасли и ее зависимость от государственных ресурсов, важно обеспечить стабильное поступление в сектор именно бюджетных средств государства.

Целью исследования является оценка допустимости наращивания оборонных расходов в российской экономике, в том числе за счет использования бюджетного дефицита и его покрытия путем эмиссии государственного долга, и анализ ожидаемого экономического эффекта от дополнительного финансирования ОПК.

Задачи исследования:

• исследовать подходы к оценке государственных расходов и бюджетного дефицита различных экономических школ;

• осуществить оценку текущего уровня долговой безопасности Российской Федерации;

• выявить возможности увеличения государственных расходов в целях дополнительного финансирования российского ОПК.

Для подготовки статьи использованы работы в области бюджетной политики и государственных расходов, выполненные М.А. Горбуновым [3], Ю.В. Быковской [4], К.В. Шарым и А.А. Костиной [5], в сфере бюджетного дефицита и государственного долга – работы А.В. Холопова [6], Н.В. Караваевой [7], С.А. Звягинцева и И.Ю. Бабушкина [8] и др., в том числе в части подходов различных экономических теорий по вопросам государственных расходов и государственного долга – М.А. Печенской-Полищук [9] и И.М. Тюкавкиным и др. [10]. Для анализа критериев долговой безопасности использована работа И.Н. Буценко и Ю.В. Ильясовой [11].

В качестве источников информации использованы отчеты Министерства финансов РФ (Минфин) о государственном долге, данные Росстата, статистические данные Банка России, доклад Счетной палаты РФ об исполнении федерального бюджета в 2025 г., доклады Стокгольмского международного института исследований проблем мира (*SIPRI*).

Обсуждение

Как показано в работе [12], ключевая роль в финансировании оборонно-промышленного комплекса России отводится государственному финансированию, которое может осуществляться в виде бюджетных ассигнований (выплаты по государственным контрактам), субсидий (на осуществление капитальных вложений или обеспечение льготных процентных ставок по банковским кредитам), бюджетных инвестиций и иных форм бюджетного финансирования. Следовательно, объемы предоставления финансовых средств предприятиям ОПК определяются величиной государственных расходов. При этом динамика государственных расходов является важной составляющей государственной бюджетной политики.

К.В. Шарый и А.А. Костина [5] выделяют следующие задачи бюджетной политики:

• стабилизация экономических колебаний (сглаживание циклических подъемов и спадов экономики);

• регулирование совокупного спроса как часть мер по контролю над уровнем инфляции;

• перераспределение доходов и богатства как социальная функция сокращения общественного неравенства;

• инвестиции в человеческий капитал и инфраструктуру;

• управление долгом и обеспечение экономической стабильности;

• обеспечение адекватной реакции на внешние вызовы.

М.А. Горбунов [3] рассматривает в качестве задачи бюджетной политики обеспечение долгосрочной устойчивости бюджетной системы, повышение ее прозрачности и открытости, в том числе создание условий для макроэкономической устойчивости (экономический рост, занятость населения и др.), контрциклический или циклически нейтральный характер бюджетной политики, обеспечение баланса между справедливостью и эффективностью бюджетной политики.

Ю.В. Быковская [4] понимает эффективность бюджетной политики как достижение баланса между «целями бюджетной политики, задачами долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, обеспечением национальной безопасности и имеющимися бюджетными ресурсами». Уровень государственных расходов является одним из критериев эффективности бюджетной политики. Для оценки этого уровня, как правило, используется относительный показатель, представляющий собой отношение объема расходов государственного бюджета к ВВП страны. В России, по данным Ю.В. Быковской [4], данный показатель

[1] Согласно докладам Стокгольмского международного института исследования проблем мира (*SIPRI*), рост военных расходов в мире в 2024 г. составил 9 %, а за последние 10 лет – 41 % [1; 2].

варьируется на уровне 18–19 % в течение 2023–2024 гг. и на прогнозный период 2025–2027 гг.

Предметом дискуссии является вопрос об оптимальной величине данного показателя, то есть госрасходов в целом. Взгляды различных экономических школ на данный вопрос приведены И.М. Тюкавкиным и др. [10]. Так, представители классической школы рассматривают государственные расходы как фактор, нарушающий рыночное равновесие, в результате чего может последовать рост цен. Неоклассическая школа воспринимает государственные расходы как сдерживающий фактор для общей экономической активности, поскольку вследствие роста налогов происходит снижение реального дохода домохозяйств и, следовательно, уровня потребления. Таким образом, «государственные расходы вытесняют потребление» [10]. Также фактор вытеснения государственными расходами потребления и инвестиций признается и монетаристами.

Распространенный негативный сценарий роста государственных расходов в рамках указанных теорий приведен С.А. Звягинцевым и И.Ю. Бабушкиным: рост государственных расходов усиливает инфляционное давление вследствие роста уровня занятости [8]. Как следствие, осуществляется повышение процентной ставки Центральным банком РФ, что ведет, в свою очередь, к удорожанию кредитных ресурсов, а значит, и к снижению инвестиций и потребления домохозяйств и сокращению выпуска.

Вместе с тем не все современные направления экономической мысли расценивают приведенный сценарий как релевантный. Напротив, Дж.М. Кейнс и его последователи, как известно, рассматривали государственные расходы как один из инструментов повышения совокупного спроса и увеличения внутреннего валового продукта.

Рост государственных расходов, в том числе и на ОПК, как правило, приводит к бюджетному дефициту, поскольку объем доходной части бюджета в части налоговых и неналоговых доходов представляется стабильным и не способным быть кардинально увеличенным без изменения параметров действующей налоговой и финансовой системы (иными словами, без увеличения налоговых ставок либо налоговой базы по основным видам налогов и т.д.)[2]. Отсюда представляется, что в решении задачи существенного увеличения объемов финансирования ОПК главная роль должна быть отведена именно бюджетному дефициту, т.е. отрицательной разности между величиной доходов и расходов бюджета. При наличии дефицита возникает необходимость в дополнительных средствах для покрытия данной разницы, иными словами, для финансирования той части расходов, которая превышает уровень доходной части. Данные средства должны быть привлечены извне по отношению к бюджетной системе.

Среди современных экономистов есть работы, допускающие формирование бюджетного дефицита. Так, А.В. Холопов [6] указывает, что горизонт балансирования государственного бюджета не может быть годовым. Скорее, он должен, как минимум, соответствовать длительности экономического цикла, т.е. носить средне- или даже долгосрочный характер. Иными словами, дефицитный бюджет в годы рецессии оправдан для стимулирования экономической активности и впоследствии может быть компенсирован профицитом в период экономического подъема. В подтверждение «нормальности» бюджетного дефицита в современных условиях А.В. Холопов [6] приводит данные о том, когда в развитых странах в последний раз принимался профицитный бюджет. Так, в США это было в 2000 г., в Японии – в 1992 г., в Великобритании – в 2001 г., во Франции – в 1974 г. Более того, в период 1960–2020 гг. в странах ОЭСР преимущественно профицитный бюджет или профицитный бюджет примерно в 50 % отчетных периодов был лишь у четырех скандинавских государств и Новой Зеландии.

Рассмотрим источники финансирования дефицита государственного бюджета, из которого могут быть профинансированы дополнительные расходы государства на оборону и оборонную промышленность. Такими источниками, согласно ст. 94 Бюджетного кодекса РФ [13], могут выступать, в частности:

- средства от размещения государственных ценных бумаг;
- бюджетные кредиты от других бюджетов бюджетной системы;
- кредиты кредитных организаций;
- кредиты международных финансовых организаций;
- продажа акций и иных форм участия в уставном капитале;
- реализация государственных запасов драгоценных металлов и драгоценных камней;
- курсовые разницы;
- возвраты средств от предоставленных кредитов из федерального бюджета, а также суммы, уплаченные по регрессу принципалами по государственным гарантиям;
- кредиты иностранных государств;
- остатки средств федерального бюджета на начало года.

Фактическая структура источников финансирования дефицита российского государственного бюджета за период 2020–2024 гг. выглядит следующим образом (см. табл. 1).

Как следует из таблицы 1, в течение последних лет бюджет был исполнен с дефицитом четыре раза. Если исключить условные источники финансирования дефицита в виде курсовых разниц или перево-

[2] Также надо учесть масштабные изменения российского налогового законодательства, вступившие в силу в 2026 г.

Таблица 1

Структура и динамика источников финансирования дефицита федерального бюджета РФ в 2020–2024 гг., млрд руб. [14]

Наименование	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Внутренние источники, в т.ч.	4 530	1 303	-666	6 592	3 449
Государственные ценные бумаги	4 601	1 538	2 057	1 823	2 513
Операции по управлению остатками средств на единых счетах бюджетов	-36	282	596	2 257	621
Курсовая разница	2 440	-215	-1 912	2 067	1 196
Операции по единому налоговому платежу			54	1 448	72
Прочие внутренние источники[3]	-2 475	1 486	-5 948	1 764	-1 302
Внешние источники	-301	-39	-527	-595	-398
Изменение остатков средств на счетах бюджета	-127	-1 788	4 487	-2 767	421
Всего источники финансирования дефицита	4 102	-524	3 295	3 230	3 472

да средств между счетами, то основным реальным источником остается эмиссия государственных ценных бумаг, номинированных в отечественной валюте, то есть государственный долг.

Ш.Ш. Абубакарова и Я.В. Исраилова [15] определяют государственный долг как итог «финансовых взаимоотношений, ... которые появляются между страной и прочими субъектами». Н.М. Караваева [7] называет государственный долг макроэкономическим инструментом воздействия на экономику страны.

И.А. Неводова, Г.Э. Текнеджан, Д.Б. Нагой [16] выделяют следующие основные задачи государственного долга:

• финансирование крупных инвестиций;

• контрциклическая политика, т.е. стабилизация производственной деятельности в периоды экономического спада.

Интересно проследить эволюцию взглядов экономической науки на государственный долг [9]. Если в рамках классической экономической теории государственный долг рассматривался как фактор сокращения частного капитала, ведущий к непроизводительным расходам (по обслуживанию долга), то уже немецкая историческая школа утверждала, что государственный долг ведет к увеличению национального капитала, а его отсутствие наоборот рассматривается как негативный факт, говорящий либо о недостаточной эффективности государственного управления либо о чрезмерном налогообложении населения. Кейнсианская теория рекомендовала использование долгового финансирования для бюджетных инвестиций с целью стимулирования потребления. Неокейнсианская школа вообще не видит существенной проблемы в наличии внутреннего государственного долга, при котором, по сути, происходит только перераспределение доходов между экономическими субъектами, что не снижает национальное богатство. Еще более радикально к вопросу государственного долга подходит теория функциональных финансов, развитая А. Лернером как ответвление от посткейнсианского направления. Согласно данной теории, ограничений для наращивания государственного долга не существует [17]. Растущие расходы по обслуживанию государственного долга (процентные платежи) и погашению основного долга по государственным займам всегда могут быть покрыты выпуском дополнительных долговых обязательств либо эмиссии. В рамках теории функциональных финансов особенно подчеркивается, что некорректно говорить о перекладывании долгового бремени на будущие поколения, поскольку речь идет только о перераспределении ресурсов внутри экономики. Как отмечает А. Лернер [17], нельзя подходить к оценке государственного долга аналогично долгу домохозяйства, и обанкротиться государство не может, по крайней мере пока рассматривается именно внутренний долг (в отношении внешнего долга, то есть долга перед иными государствами или международными финансовыми организациями, аналогия с бюджетом домохозяйства как раз уместна).

Разные позиции существуют относительно приемлемого размера государственного долга. Так, Г. Адтакова [18] указывает, что долг не является негативным фактором, если темпы роста ВВП превышают темп роста задолженности. Ю.В. Быковская [4] приводит допустимый размер государственного долга в диапазоне от 20 до 60 % ВВП. И.Н. Буценко и Ю.В. Илясова [11] предлагают следующие критерии долговой безопасности государства (см. табл. 2).

Рассмотрим фактические значения показателей для российской экономики по состоянию на конец 2024 г. (табл. 3).

Таким образом, можно сделать вывод о консервативности российской политики по вопросу привлечения государственного долга и наличии существенного запаса для увеличения его уровня относительно текущих значений.

В отношении российской ситуации Н.М. Караваева [7] отмечает, что Россия в настоящее время находится в стадии роста с точки зрения научно-технического прогресса (НТП), в связи с чем для нее наращивание долга может способствовать эконо-

[3] С минусом по этой статье отражены, например, использование средств Фонда национального благосостояния, предоставление бюджетных кредитов и т.п.

Таблица 2

Критерии долговой безопасности государства [11]

Показатель	Пороговое значение
Отношение государственного долга к ВВП, %	25
Отношение государственного и гарантированного государством долга к ВВП, %	40–60
Отношение валового внешнего долга к ВВП, %	65–75
Отношение валового внешнего долга к объему экспорта товаров и услуг, %	120–200
Удельный вес долга, номинированного в иностранной валюте, в общей сумме государственного долга, %	40,3
Отношение расходов на обслуживание внешнего государственного долга к объему экспорта товаров и услуг, %	25
Отношение внешнего государственного долга к ВВП, %	25
Отношение внешнего государственного долга к объему экспорта товаров и услуг, %	220

Таблица 3

Фактические значения показателей долговой безопасности в России на 2025 г.

Показатель	Значение
Отношение государственного долга к ВВП, %	15
Отношение государственного и гарантированного государством долга к ВВП, %	16
Отношение валового внешнего долга к ВВП, %	11
Отношение валового внешнего долга к объему экспорта товаров и услуг, %	76
Удельный вес долга, номинированного в иностранной валюте, в общей сумме государственного долга, %	13
Отношение расходов на обслуживание внешнего государственного долга к объему экспорта товаров и услуг, %	0,4
Отношение внешнего государственного долга к ВВП, %	2
Отношение внешнего государственного долга к объему экспорта товаров и услуг, %	14

Рассчитано автором на основе данных Росстат, Минфин РФ, Банка России, Счетной палаты РФ [19–22].

мическому развитию. Противоположная ситуация, например, в США, находящихся в стадии зрелости НТП, в результате чего значительный государственный долг становится проблемой.

Интересную статистику приводят С.А. Звягинцев и И.Ю. Бабушкин [8] по взаимосвязи обороноспособности страны и государственного долга. Так, из модели, приведенной авторами, следует, что для государств с высоким уровнем государственного долга относительно ВВП наблюдается отрицательная связь между дальнейшим ростом величины долга и индекса обороноспособности. В то же время для стран, чей долг составляет менее 50 % от ВВП, увеличение долга приводит и к росту индекса обороноспособности. Российская Федерация с размером долга на уровне 15 % ВВП (по данным авторов на момент публикации статьи (2024 г.)) относится именно ко второй группе государств. Отсюда следует вывод, что для нашего государства далеко не достигнут предел наращивания долга с целью финансирования оборонных расходов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что Россия на текущий момент обладает высоким уровнем долговой устойчивости. Следовательно, является допустимым увеличение расходной части федерального бюджета в части расходов на национальную оборону и иное финансирование ОПК за счет дополнительной эмиссии государственных долговых обязательств.

Рассмотрим возможный эффект увеличения государственного долга на финансирование ОПК. Данная модель отражает движение денежных средств по финансированию контрактов государственного оборонного заказа (ГОЗ) и не учитывает иные возможные направления использования бюджетных средств – например, финансирование инвестиционных расходов за счет государственных субсидий.

Пусть X – объем нового долга, направленного на финансирование оборонной промышленности. Тогда можно предположить следующие ориентировочные размеры платежей, которые вернутся в государственный бюджет в связи с фактом производства и реализации товаров/работ/услуг ОПК:

• НДС на произведенную продукцию по ставке 22 %, т.е. в размере $0{,}22X$;

• налог на доходы физических лиц с заработной платы наемным работникам, участвующим в производстве, по ставке 13 %, что составит порядка $0{,}013X$[4];

• страховые взносы на фонд оплаты труда по ставке 31,5 % – $0{,}0315X$;

• налог на прибыль производителя по ставке 25 % – ориентировочно $0{,}023X$[5].

Исходя из этого, суммарные платежи в бюджет от этого объекта ОПК составят $0{,}22X + 0{,}013X + 0{,}0315X + 0{,}023X = 0{,}2875X$, т.е. около 29 % от стоимости нового объекта ОПК или аналогичная доля от объема привлеченных заимствований.

Полученная величина «возврата средств» существенно превышает текущие ставки по государственным заимствованиям, которые в настоящее время варьируются на уровне от 12,7 до 14,3 % годовых [23][6]. Данное соотношение свидетельствует о том, что увеличение долга на финансирование ОПК принесет в бюджет дополнительный доход,

[4] Исходя из ориентировочной доли оплаты труда в себестоимости продукции ОПК в размере 10 % (рассчитано автором на основании фактических данных по 70 контрактам государственного оборонного заказа (ГОЗ)) в рамках исследования.

[5] Средняя рентабельность контракта ОПК рассчитана автором на уровне 9,2 %.

превышающий возникшие расходы на уплату дополнительных процентов по долгу. Следовательно, прирост государственного долга на финансирование ОПК является достаточно эффективным и комфортным с точки зрения финансовой безопасности государства.

Заключение

Ключевую роль в финансировании отечественного ОПК играют государственные расходы. Определение их оптимального уровня является одной из задач бюджетной политики. Различные экономические школы по-разному подходят к вопросу государственных расходов. Так, классическая, неоклассическая и монетаристская школы относятся к росту государственных расходов скорее отрицательно, рассматривая их как фактор, нарушающий рыночное равновесие и вытесняющий потребление частного сектора. В то же время кейнсианство вместе с посткейнсианскими течениями воспринимает расходы государства как инструмент повышения совокупного спроса и триггер экономического роста.

Допуская возможность наращивания государственных расходов как источника финансирования ОПК, необходимо признать, что основным инструментом в сценарии существенного увеличения госрасходов на оборонные нужды должен выступить бюджетный дефицит. Дефицит государственного бюджета рассматривается как нормальное явление в ряде современных работ отечественных экономистов, принимая во внимание длительность экономического цикла (свыше 1 года), а также его распространенность в современных условиях в развитых экономиках.

Основным источником покрытия бюджетного дефицита выступает государственный долг в виде эмиссии государственных долговых обязательств (по итогам 2024 г. – 72 % всех источников). Как и в случае с государственными расходами, позитивное отношение к государственному долгу преобладает в кейнсианской экономической теории, где долг рассматривается в качестве средства стимулирования потребления. Интересен взгляд на проблему государственного долга теории функциональных финансов, развитой А. Лернером. Согласно указанному направлению экономической мысли, ограничений для наращивания внутреннего государственного долга не существует.

Другими экономистами разработан ряд показателей оценки долговой безопасности государства с учетом внешнего долга, таких как отношение государственного долга к ВВП, отношение внешнего долга к объему экспорта и др. Автором статьи рассчитаны их фактические значения для российской экономики по состоянию на конец 2025 г. (см. табл. 3), из которых следует наличие существенного запаса для прироста долга относительно текущего уровня.

При условии производительного характера дополнительных заимствований, то есть строго целевого направления привлеченных средств в ОПК, потенциальный процент возврата средств в бюджет в виде налоговых отчислений составит порядка 29 %, что превышает текущий уровень процентных ставок по государственным обязательствам и обеспечивает тем самым достаточный объем средств для обслуживания нового долга.

[6] В этом расчете не учтено дисконтирование денежных средств по платежам, поступающим в бюджет в течение срока производственного цикла ОПК, который, как правило, превышает 1 год. В то же время следует отметить, что и оплата расходов на создание объекта ОПК из средств государственного бюджета, чаще всего, не осуществляется одним платежом, а также растянута во времени.

Литература:

1. Tian N., da Silva D.L., Liang X., Scarazzato L. Trends in world military expenditure, 2023 // Доклад Стокгольмского института исследования проблем мира – 2024. URL: https://www.sipri.org/publications/2024/sipri-fact-sheets/trends-world-military-expenditure-2023 (дата обращения: 17.04.2026).
2. SIPRI yearbook 2025. Armaments, Disarmament and International Security // Доклад Стокгольмского института исследования проблем мира – 2025. URL: https://www.sipri.org/yearbook/2025 (дата обращения: 17.04.2026).
3. Горбунов М.А. Бюджетная устойчивость и бюджетная политика Российской Федерации в условиях санкционного давления // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2023. № 3. С. 30–40.
4. Быковская Ю.В. Оценка основных показателей Федерального бюджета на 2023–2027 гг. в контексте эффективности проводимой государственной бюджетной политики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 12. Т. 1. С. 179–202.
5. Шарый К.В., Костина А.А. Бюджетные средства как инструмент экономической политики: теоретические аспекты // Символ науки. 2024. № 12-2-1. С. 119–122.
6. Холопов А.В. Бюджетная политика развитых стран: игра по правилам? // Мировая экономика и международные отношения. 2024.Т. 68. № 2. С. 5–15.
7. Караваева Н.М. Теоретические основы государственного долга // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 3 (96). С. 69–75.
8. Звягинцев С.А., Бабушкин И.Ю. Использование инструментов бюджетной политики государства при реализации программ и планов военного строительства // Индустриальная экономика. 2024. № S2. С. 182–186.

9. Печенская-Полищук М.А. Привлечение в бюджетную систему за-емных ресурсов. Эволюция научных взглядов и особенности практической реализации // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 2. С. 26–42.
10. Тюкавкин И.М., Морозова С.А., Носова М.К. Экономико-математическое моделирование зависимости показателей инфляции от дина-мики государственных расходов в России // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. Т. 14. № 4. С. 202–212.
11. Буценко И.Н., Илясова Ю.В. Долговая безопасность страны: поня-тие, критерии и показатели оценки // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 14–25.
12. Бродский Г.М. Классификация методов бюджетного финансирования оборонно-промышленного комплекса России // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. № 5. С. 137–147.13.
13. Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» // СПС Гарант.
14. Отчеты министерства финансов Российской Федерации об исполнении Федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2020–2024 годы. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/process/otchet/?ysclid=mp5l19n5nt11527642 (дата обращения: 14.05.2026).
15. Абубакарова Ш.Ш., Исраилова Я.В. Теоретические основы государственного долга и бюджетного дефицита // Вестник научной мысли. 2021. № 6. С. 605–609.
16. Неводова И.А., Текнеджан Г.Э., Нагой Д.Б. Оценка значения государственных заимствований // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 4. С. 433–438.
17. Мартьянов А.В. Возможности использования достижений новой ортодоксальной теории в современной долговой стратегии // Экономика России: тенденции и перспективы. 2008. № 4 (4). С. 17–24.
18. Адтакова Г. Фискальная политика. Дефицит государственного бюджета и государственный долг // Вестник науки. 2023. № 9. С. 118–121.
19. Федеральная служба государственной статистики. Росстат представляет вторую оценку ВВП за 2025 г. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/281270 (дата обращения: 20.04.2026).
20. Информация о государственном долге на сайте Министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt (дата обращения: 16.04.2026).
21. Банк России. Статистические данные. URL: https://cbr.ru/statistics/ (дата обращения: 20.04.2026).
22. Счетная палата РФ. Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета за 2025 г. URL: https://ach.gov.ru/audit/oper-2025?ysclid=mo7lv8d9i8352699643 (дата обращения: 20.04.2026).
23. Кривая бескупонной доходности государственных облигаций. URL: https://cbr.ru/hd_base/zcyc_params/?UniDbQuery.From=01.09.2023&UniDbQuery.To=03.10.2025 (дата обращения: 20.04.2026).

The Financing of the Defence Military Complex in the Context of the State Expences

Grigory Mikhaylovich Brodsky
Head of Corporate Lending at PJSC «PSB Bank» (Saint Petersburg, Russia)

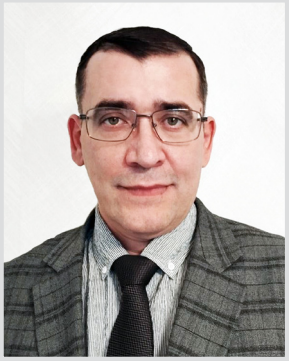
The relevance of the research is determined by the need to ensure stable financing of the Russian military-industrial complex in the current geopolitical conditions. The issue of finding optimal sources of additional funding for the MIC while maintaining macroeconomic stability becomes particularly significant. The objective of the research is to assess the possibilities of increasing government spending on financing the MIC, including through the accumulation of public debt, and to analyze the potential economic impact of such financing. The scientific novelty of the research lies in substantiating the possibility of budget financing of defense expenditures in Russia through an increase in public debt. The practical significance of the work lies in substantiating the possibility of increasing public debt to finance the MIC, taking into account the calculation of debt security indicators. The proposed model for assessing the return of tax revenues allows predicting the effectiveness of additional public borrowing.

The main results of the research indicate the presence of a significant reserve for increasing Russia's public debt while maintaining debt security indicators within acceptable limits. The developed model demonstrates that the return of funds to the budget through tax revenues (about 29 % of the funding volume) exceeds the costs of servicing the public debt.

Keywords: *budget deficit, defense industry, public debt, debt secutiry, state expences, budget financing*

УДК 332.8; 353.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-33-38
© Дианов С.А., Бахарев Д.Д., 2026

Комфортное жилье в городских агломерациях и опорных населенных пунктах: стратегии продвижения

Дианов Сергей Александрович
Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры государственного управления и истории
Пермского национального исследовательского
политехнического университета
(614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29; e-mail: sadianov@gmail.com;
ORCID: 0000-0001-6536-6853)

Бахарев Даниил Дмитриевич
Ассистент кафедры государственного управления и истории
Пермского национального исследовательского
политехнического университета
(614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29; e-mail: bakharev_pnipu_perm59@mail.ru)

В статье содержатся результаты авторского исследования, посвященного изучению проблемы доступности комфортного жилья для различных групп населения России. Базой для наблюдения выбран Пермский край – регион, где за последние пять лет динамично вырос спрос на ипотечное и арендное жилье. Согласно авторской точке зрения, перспективные решения по преодолению существующих барьеров необходимо разрабатывать на прочной теоретико-методической базе, включающей передовые достижения научного и экспертного сообществ. Суть авторских предложений заключается в обосновании необходимости разработки пилотных стратегий продвижения комфортного жилья на территориях Пермского края: в городских агломерациях и опорных населенных пунктах. В роли ядерного основания стратегии предложено рассматривать оформившиеся в российской экономической науке концептуальные взгляды на маркетинг и брендинг места, на доминирующие потребности представителей креативного класса в современном городе. Особое внимание сфокусировано на развитии арендного жилья в малых городах и на развитии условий для перехода к качественному долгосрочному найму. Методологическим основанием для проведения исследования определены экономоцентристский и геокультурный подходы, широко применяемые сегодня в науке о государственном и муниципальном управлении.

Ключевые слова: *доступное жилье, комфортные условия, жилищные стратегии, ипотечное кредитование, арендное жилье, доходные дома, маркетинг места, территориальный брендинг*

Для цитирования: *Дианов С.А., Бахарев Д.Д. Комфортное жилье в городских агломерациях и опорных населенных пунктах: стратегии продвижения // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 33–38. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-33-38.*

Введение

В Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г. (Стратегия 2030) важнейшей была признана задача обеспечения россиян качественным и доступным жильем. В этом же документе отмечалось, что порядка двух третей граждан высказали желание улучшить свои жилищные условия несмотря на ограниченность их финансовых возможностей для приобретения комфортного жилья. Соответственно, стратегической целью объявлялось «обеспечение доступности приобретения, строительства или аренды жилья не менее чем для 67 % россиян» [1]. Для достижения указанной цели был намечен целый ряд действенных мер, включая такие как:

– развитие рынка ипотечного кредитования, в том числе за счет льготных ипотечных программ, направленных на поддержку отдельных категорий граждан (семьи с детьми, молодые профессионалы и др.);

– активное формирование и развитие рынка арендного жилья;

– совершенствование подходов к применению мер поддержки жилищного строительства, в т.ч. с учетом особенностей отдельных субъектов РФ [1].

Целью данного исследования является изучение динамики реализации комплекса мер по преодолению существующих барьеров в обеспечении доступности приобретения жилья для жителей Пермского края и разработка стратегий продвижения комфортного жилья в территориях региона. Методологической базой исследования определены экономоцентристский и геокультурный подходы, которые сегодня широко применяются в науке о государственном и муниципальном управлении.

Ипотечное жилье: возможности и пределы

Современная ситуация на рынке ипотечного кредитования в регионах РФ свидетельствует о фактическом исчерпании так называемой модели «демографической ипотеки». Многие ведущие эксперты признают, что государственная программа «Семейная ипотека» (с льготной ставкой 6 %) была хоть и достаточно мощным, но все же краткосрочным стимулом [2]. Она «вытянула» будущий спрос, побудив российские семьи купить жилье в актуальном настоящем. При этом в течение последних нескольких лет активно проводился поиск обновленных мер, выгодных прежде всего банкам и застройщикам. Известны предложения Минфина РФ поднять ставку по семейной ипотеке до 12 % и сделать прогрессирующую шкалу: 4 % – на третьего ребенка, 6 % – на второго ребенка, 12 % – на первого ребенка. Из этого следовало, что такая мера господдержки будет более адресной и «усилит» демографический эффект [3]. В таблице 1 представлены результаты авторского анализа ситуации по ипотечным условиям для граждан РФ в 2024 г. и 2025 г.

Далее рассмотрим сложившуюся ситуацию на региональном рынке ипотечного кредитования. Так, в 2021 г. количество ипотечных жилищных кредитов на первичном рынке (ИЖК), выданных жителям Пермского края, составило 38 357 (83,21 млрд руб.) (табл. 2) [4]. В 2022 г. этот показатель снизился до 25 807 (65,77 млрд руб.), в то время как в 2023 г. он вырос до 40 447 (118,82 млрд руб.) [5; 6]. В 2024 г. и 2025 г. наблюдалось серьезное снижение: 25 574 (80,96 млрд руб.) и 21 100 (81,90 млрд руб.) соответственно [7; 8]. По всем видам ИЖК, выданных в ноябре 2021 г. в Пермском крае, средневзвешенная ставка составила 7,79 %, а в ноябре 2024 г. – уже 8,89 %. Таким образом, 2023 г. стал для жителей Пермского края временем наибольших надежд, связанных с улучшением жилищных условий через ипотечное кредитование. В 2025 г. произошло двукратное сокращение спроса на ипотечное жилье. При этом резко выросло количество заключенных договоров долевого участия (табл. 2).

Нельзя не заметить, что цена квадратного метра в декабре 2023 г. на первичном рынке Пермского края составляла 120 717 руб. [6], в то время как в декабре 2024 г. она составила уже 140 096 руб. (+14,1 %) [7], а в декабре 2025 г. – 152 393 руб. (+9,5 %) [8].

Есть серьезные основания для утверждения о том, что ипотечное жилье перестало рассматриваться группами активного населения как максимально доступное, прогрессивное решение. Фактически рассматриваемая модель решения жилищного вопроса в первой половине 2020-х гг. держалась на двух «опорах»: льготной (социальной) ипотеке и механизме с эскроу-счетами. Однако у этой модели обнаружились существенные изъяны:

1) бюджетная нагрузка: субсидирование ставок (как в случае с семейной ипотекой под 6 %) – это колоссальные расходы из федерального бюджета;

2) искажение рынка: искусственно низкие ставки разгоняют спрос и поддерживают высокие цены на недвижимость, делая ее еще менее доступной без господдержки;

3) долговая нагрузка на семьи: комфортная квартира в ипотеку увеличивает долговое обременение в среднем на 20 лет, что, как отмечают эксперты, является «серьезным препятствием к реализации репродуктивных намерений и создает новый вызов для демографической политики» [9, с. 79];

4) исчерпаемость возрастной когорты активных заёмщиков: высокий уровень вовлеченности в ИЖК продемонстрировали люди в возрасте от 31 до 45 лет [9, с. 67], соответственно, факторы, ускоряющие темпы выбытия этого социального слоя, повлекут структурное снижение спроса на жилую ипотеку.

Активность на первичном рынке вышеупомянутых заёмщиков можно объяснить наличием собственного опыта проживания в жилых домах, возведённых и/или спроектированных еще в советское

Таблица 1

Результаты анализа ситуации по ипотечному кредитованию в 2024–2025 гг.

Параметры	2024 г.	2025 г.	Характер изменений
Общий объём выдачи	~6,5–7 трлн руб. (небольшое снижение с уровнем 2023 г.). Высокие темпы благодаря продлению льготных программ	Снижение до ~5–5,5 трлн руб.	Рынок достиг пика и начал охлаждаться из-за исчерпания спроса и сужения условий
Средняя ставка по рынку	~12,5–13,5 % (сильное влияние льготных программ, которые «снижали» среднюю цифру). Без учета льготных – значительно выше	~13–15 % прогноз был очень зависим от ключевой ставки ЦБ	Условия по коммерческим программам стали жесткими. Разрыв между льготными и рыночными ставками стал существенным
Доля льготных программ	Очень высокая, ~70–80 % от всех выданных кредитов. Доминировала «Семейная ипотека»	Снижение до ~ 50–60 %.	Фокус фактически сместился на точечные (адресные) программы
Условия по льготным программам	Ставка 6 % и ниже. Льготные условия продлены до 1 июля 2024 г.	1. Повышение ставки (например, до 7–8 %). 2. Сужение круга получателей (например, только для семей с 2+ детьми). 3. Ограничение по стоимости жилья	Наблюдалось стремление снизить бюджетную нагрузку, так как программа является затратной
Условия по рыночной ипотеке (без льгот)	Ставки 15,5–17 % + в зависимости от банка, суммы первоначального взноса и кредитной истории	Ставки 14–16 % + (сильно зависит от снижения ключевой ставки ЦБ)	Доступность для тех, кто не подходит под льготы, оставалась достаточно низкой
Первоначальный взнос	В среднем 20–25 %. Для льготных программ часто есть возможность взноса 15 % и ниже	Уверенный рост до 25–29 % для рыночных программ, так как банки стремились снизить риски	Накопить на взнос становилось еще сложнее, что отсекает часть потенциальных покупателей
Основные драйверы рынка	Продление «Семейной ипотеки», ажиотажный спрос «пока дают»	Поиск новых точек роста, точечные госпрограммы (в т.ч. для конкретных профессий или регионов)	Драйвер 2024 г. исчерпал себя, рынку потребовались новые стимулы

Составлено авторами.

Таблица 2

Динамика ипотечного кредитования на первичном рынке Пермского края

Параметр	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Кол-во ИЖК, ед.	38 357	25 807	40 447	25 574	21 100
Кол-во ИЖК под ДДУ (договор долевого участия), ед.	889	750	1 507	522	1 921
Средневзвешенная ставка по ИЖК под ДДУ, %	7,79	4,56	6,33	8,89	6,31
Объем ИЖК, выданных жителям региона, млн руб.	83,21	65,77	118,82	80,96	81,90
Средний размер ИЖК для ДДУ, млн руб.	3,19	4,25	4,24	4,67	4,93

Составлено авторами.

время («хрущевки», «брежневки»). У большинства из них сформировалось особое понимание комфорта жилой среды, определяемое имиджевыми образами «новостроек».

Исходя из вышеизложенного, констатируем, что сам тренд ипотечного жилья в настоящее время нуждается в перезагрузке. Последнее же невозможно без разработки стратегии продвижения качественного комфортного жилья с опорой на прочную теоретико-методическую базу, включающую передовые достижения ученых, специалистов, экспертов. В качестве примера предложим основания для разработки перспективной стратегии для Пермского края.

Для Пермского края далеко не новаторской темой являются практики реализации постулатов теории «креативного класса» и «креативного города». Во время «культурной революции» (2008–2012 гг.), когда город Пермь приобрел статус «культурной столицы Европы», а в других территориях региона состоялся пилотный запуск креативных индустрий, отчетливо проявился спрос на формирование аттрактивной жилой среды для активного населения, способного стать ядром «креативного класса» в краевой столице и крупных городах [10]. Сегодня представители этой социальной группы сконцентрированы в целом в Перми («пермская городская агломерация»). Основываясь на этих данных, логично предложить разработку стратегии в русле концептов теории маркетинга и брендинга места: «Креативная жилая среда – место для жизнетворчества». Стратегия способна стать драйвером в обновлении смыслов ипотечного жилья. Сущностный смысловой акцент – переход от «иждивенческого»

понимания ценности ипотечного кредита к «навигационному». В этом случае жилая среда выступает источником деловой, профессиональной и досуговой активности.

При этом важно понимать, что запуск такого типа стратегии напрямую зависит от принятия властных решений и действий управленческих структур (табл. 3). «Каким способом можно привлечь креативный класс в город?» – задавался вопросом именитый брендолог Д.В. Визгалов. И, кстати, им был дан вполне осязаемый ответ: «Создавать специфическую городскую среду, в которой творческий класс чувствовал бы себя настолько комфортно, что мог бы выполнять свою главную функцию, а не просто «ночевать» в городе» [11].

Приоритетное развитие секторов креативной экономики прямо зависит от масштабов развертывания ярких проектов по территориальному брендингу. Динамичный рост численности акторов креативного класса вне зависимости от их возрастной когорты, их закрепление и удержание в территориях возможно обеспечить отнюдь не только в рамках городских агломераций. Так, Стратегия 2030 предусматривает возможности создания «перспективных центров экономического роста» [1]. В Пермском крае в 2024 г. порядка одиннадцати муниципальных образований претендовали на данный статус (Березники, Соликамск, Добрянка, Лысьва, Краснокамск и др.) (табл. 3) [12].

Арендное жилье: тренды, драйверы и перспективы

В современной научной и научно-популярной периодике сложились концептуальные воззрения об арендном жилье как альтернативе ипотечного жилищного кредитования [13]. Представляется все же более верным говорить об арендном жилье как об одном из доступных средств повышения комфорта жилой среды для людей. В силу того, что в Стратегии 2030 развитию рынка арендного жилья уделяется приоритетное внимание, немаловажно обратить внимание на оформившиеся тренды.

Прежде всего, трендом признается такая институция, как доходные дома. Доходный дом представляет собой законченный объект жилой недвижимости, где отдельные квартиры сдаются в долгосрочную аренду [14]. Общеизвестно, что крупным собственником сети доходных домов выступает «Дом.РФ». Последний же активно реализует программу стимулирования строительства арендного жилья. Инструменты поддержки включают льготное финансирование для застройщиков, налоговые льготы и упрощенный порядок подключения к инфраструктуре. Отметим, что пилотные проекты в России реализуются с начала XXI в., как-то:

а) Москва: лидер направления. Реализуются проекты по программе «Арендный дом». Например, ЖК «Символ» (выделение жилых помещений под долгосрочную аренду), проекты от «Группы ПСН» и «Гранель». Арендные квартиры предлагаются с мебелью, техникой и готовым ремонтом;

б) Санкт-Петербург: появляются проекты, например, от «ЛСР» и «ЦДС», которые предлагают квартиры в новых домах по долгосрочным договорам;

в) регионы: пилотные проекты запускаются в Казани, Новосибирске, Томске, Кемерово, но масштабы пока значительно скромнее [13, с. 232].

Программы уже реализованы в 71 регионе, в их концептуальной части предусмотрены меры по предоставлению арендного жилья. В реализуемых программах говорится о приоритетном развитии рынка арендного жилья, и оно не всегда дифференцируется на коммерческое и некоммерческое жилье.

Результаты реализации арендного жилья во всех проектах АО «ДОМ. РФ» на сегодняшний день фактически составляют около 95–99 %. Спрос уже начинает превышать предложение на арендные дома

Таблица 3

Проспект реализации стратегии «Креативная жилая среда – место для жизнетворчества»

№ пп	Параметр	Пермь	Перспективные ЦЭР
1	Теоретические основы	Теория маркетинга и брендинга места	Теория маркетинга и брендинга места
2	Базисная идея	Жилая среда – место деловой, профессиональной и досуговой активности	Жилая среда – объект манёвренного фонда, средство капитализации
3	Роль региональных властей	Ключевая задача – создать условия для привлечения людей креативного класса, в т.ч. из других регионов РФ, предложить людям создавать впечатления (аттракции) комфортной жилой атмосферы	Достижение целевых показателей программ, нацпроектов, вовлечение креативного класса в экономическое развитие территории
4	Место муниципальных административных команд	Поддержка апробированных креативных проектов застройщиков, адаптация к конкретной ситуации	Поддержка кластеризации креативных индустрий, и условий для развертывания секторов экономики впечатлений
5	Основной эффект	Ипотечное кредитование как ведущее решение для развития сферы комфортного жилья / креативной жилой среды	Ипотечный жилищный кредит – средство для удержания людей креативного класса, привязка к территории

Составлено авторами.

АО «ДОМ.РФ» [15]. Кроме этого, у людей появляется возможность получить временную регистрацию и различные дополнительные многочисленные услуги, что делает востребованным развитие арендного жилья в России.

Итак, строительство доступного населению арендного жилья – это не просто добавление еще одной опции на рынок. В сущности, это потенциально ключевой механизм системной трансформации подхода к жилищной проблеме. Он может стать тем самым мостом, который позволит миллионам россиян жить в комфортном жилье без неподъёмной долговой нагрузки, одновременно делая всю жилищную систему устойчивой и сбалансированной.

Отметим важность обсуждения перспектив развертывания темпов строительства арендного жилья у корпуса законодателей, так как для развития сферы арендного жилья необходимо совершенствовать законодательную базу. Сегодня существуют барьеры и пробелы в законодательстве по данному направлению жилищной политики. Целесообразно разработать программу по формированию доступности арендного жилья и предусмотреть адресные субсидии на аренду для граждан с низкими доходами, субсидированные ставки и налоговые льготы для застройщиков такого жилья, более гибкие условия строительства и последующей эксплуатации арендных домов.

Вместе с тем в таких регионах, как Пермский край, вполне возможно предложить нетиповые сценарии расширения сети арендного жилья. Речь идет о востребованности разработки стратегии продвижения качественного, комфортного жилья для опорных населенных пунктов (ОПН). Богатый геокультурный потенциал территорий, вошедших в ОПН, и в то же время наличие трудно решаемых проблем сокращения групп активного населения и дефицита кадров профильных специалистов, целесообразнее всего предложить стратегию, ядерным основанием которой может выступить концепция геокультурного брендинга городов и территорий [16]. В наименовании такой стратегии важно отразить традиционные ценности российского общества, «душу» места, в котором формируется жилая среда для людей, готовых к различным формам созидательной деятельности, социального подвижничества. Как вариант, логично предложить назвать стратегии такого типа «геокультурными».

Опорные населенные пункты, где малые города и крупные села де-факто являются точками притяжения для профильных специалистов (врачи, фельдшеры, педагоги, воспитатели, специалисты по работе с молодёжью, сетевые администраторы, дизайнеры, агрономы, ветеринары, инженеры и др.), должны действительно стать территориями, где «опорность» тождественна смысловым акцентам «укорененности», «домохозяйственности». Исходя из этого, действенным решением может стать возведение компактных жилых комплексов – арендных домов среднеэтажной и малоэтажной застройки. Важно предусмотреть и формы вовлечения местного населения в реализацию таких проектов, побуждать трудоспособных людей не покидать свои родные поселения.

Таким образом, для успешного достижения задачи обеспечения россиян качественным и доступным жильем востребованы чёткие целенаправленные действия. Важно донести до властных кругов и экспертных сообществ обоснование необходимости разработки стратегий продвижения комфортного жилья в регионах РФ. В роли ядерного основания таких стратегий логично использовать сложившиеся в экономической науке концептуальные взгляды о маркетинге и брендинге места, в том числе о доминирующих потребностях креативного класса в современном городе, как и о геокультуре территорий.

Литература:

1. Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р). URL: http://static.government.ru/media/files/AdmXczBBUGfGNM8tz16r7RkQcsgP3LAm.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
2. Ефремова Т.А. Рынок ипотечного кредитования в России: тенденции, проблемы, перспективы // Теория и практика общественного развития. 2026. № 2. С. 108–116.
3. Миронов М. В России могут ужесточить условия семейной ипотеки // ГАЗЕТА.RU. 2025. 26 сентября. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2025/09/26/26821190.shtml?utm_auth=true (дата обращения: 08.04.2026).
4. Аналитический обзор «Строительство жилья профессиональными застройщиками – Пермский край (январь 2022 г.)». URL: https://erzrf.ru/images/repfle/21148935001REPFLE.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
5. Аналитический обзор «Строительство жилья профессиональными застройщиками – Пермский край (январь 2023 г.)». URL: https://erzrf.ru/images/repfle/22884768001REPFLE.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
6. Аналитический обзор «Строительство жилья профессиональными застройщиками – Пермский край (январь 2024 г.)». URL: https://erzrf.ru/images/repfle/24705161001REPFLE.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
7. Аналитический обзор «Строительство жилья профессиональными застройщиками – Перм-

ский край (январь 2025 г.)». URL: https://erzrf.ru/images/repfle/27402042001REPFLE.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
8. Аналитический обзор «Строительство жилья профессиональными застройщиками – Пермский край (январь 2026 г.)». URL: https://erzrf.ru/images/repfle/29124392001REPFLE.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
9. Бурдяк А. Я. Кредитное бремя и репродуктивные намерения: вторичный эффект жилищных программ на рождаемость в России // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 6. С. 64–82.
10. Дианов С.А., Дианова Ю.В. Геокультурный потенциал пермского города: стратегия, бренд, дизайн. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2022. 224 с.
11. Визгалов Д.В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
12. Закон Пермского края от 12.07.2024 № 329-ПК «Стратегия социально-экономического развития Пермского края до 2035 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/407340808 (дата обращения: 08.04.2026).
13. Руди Л.Ю., Тропникова Т.А. Аренда жилья как альтернатива ипотечного жилищного кредитования // Инвестиции, градостроительство, недвижимость как драйверы социально-экономического развития территории и повышения качества жизни населения: материалы XII Международной научно-практ. конф. / Научн. ред. Т.Ю. Овсянникова. Томск: Томский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2022. С. 229–234.
14. Болтенков И.А., Бондарев С.Е. Доходные дома как инвестиционные объекты // Бизнес-образование в экономике знаний. 2023. № 2. С. 12–14.
15. Бахарев Д.Д., Паздникова Н.П. Управление жилищной сферой за счет развития рынка арендного жилья // Государственное управление и право. 2024. № 3 (3). С. 80–92.
16. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. СПб.: Алетейя, 2020. 668 с.

Strategies for Promoting Quality and Affordable Housing in the Region of the Russian Federation

Sergey Alexandrovich Dianov, Daniil Dmitrievich Bakharev
Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)

This article presents the results of a study examining the affordability of comfortable housing for various population groups in Russia. The Perm Krai, a region where demand for mortgage and rental housing has grown dynamically over the past five years, was chosen as the baseline for this research. The authors argue that promising solutions for overcoming existing barriers must be developed on a solid theoretical and methodological foundation, incorporating cutting-edge advances from the scientific and expert communities. The authors' proposals substantiate the need to develop pilot strategies for promoting comfortable housing in the Perm Krai's urban agglomerations and key population centers. The core foundation of this strategy is proposed to be conceptual views on place marketing and branding, as well as the dominant needs of the creative class in the modern city, established in Russian economic science. Particular attention is focused on the development of rental housing in small towns and the development of conditions for the transition to high-quality long-term rentals. The methodological basis for the study is the economic-centric and geo-cultural approaches, which are widely used today in the science of public and municipal administration.

Keywords: *affordable housing, comfortable conditions, housing strategies, mortgage lending, rental housing, apartment buildings, place marketing, territorial branding*

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-39-44
© Зарезнов Д.А., 2026

Цели, инструменты и механизм процесса обеспечения экономической безопасности российского национального хозяйства

Зарезнов Дмитрий Александрович
Соискатель кафедры строительных материалов
Казанского государственного архитектурно-строительного университета
(420043, Казань, ул. Зеленая, 1; e-mail: vestnik_eps@mail.ru;
SPIN-код: 9569-4431)

Целью настоящей работы является формулирование целеполагания, определение инструментария и механизма реализации процесса достижения оптимального уровня экономической безопасности РФ, а также выявление роли последней в обеспечении поступательного социально-экономического развития страны. Исследователь рассматривает эволюцию подходов к теоретико-методологическому осмыслению таких категорий, как «экономическая безопасность», «угрозы» и «риски» зарубежными и отечественными учеными, акцентируя свое внимание на актуальных концепциях, ставших в последние годы мейнстримом мировой экономической науки.

В статье обосновывается необходимость использования для определения текущего состояния безопасности национальной экономики системы оценки отклонений ключевых индикаторов от установленного порогового уровня, позволяющей своевременно выявить потенциальные угрозы развитию и разработать меры по недопущению их перерастания в реальные в условиях повышенных неопределенности и турбулентности экономической среды. В процессе достижения поставленной цели исследования использовались системный и доказательный подходы, а также ретроспективный, функциональный и сравнительный анализы, дедукция и индукция.

Научная новизна работы заключается в формулировании целей, определении инструментов и механизма обеспечения экономической безопасности России, выявлении степени воздействия процесса на поступательное социально-экономическое развитие страны, а также в приращении научно-теоретической базы исследований в данной области.

Практическая значимость исследования состоит в предоставлении российским органам государственной власти и управления информационно-аналитической базы для проведения корректировки реализуемых государственной политики и государственной стратегии в области обеспечения экономической безопасности с учетом вектора и интенсивности трансформации глобальной среды функционирования.

Ключевые слова: *национальная экономическая безопасность, риски и угрозы экономической безопасности, индикаторы экономической безопасности, система обеспечения экономической безопасности*

Для цитирования: *Зарезнов Д.А. Цели, инструменты и механизм процесса обеспечения экономической безопасности российского национального хозяйства // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 39–44. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-39-44.*

Введение

Начавшийся в 2000-х гг. процесс демонтажа монополярного мирового порядка спровоцировал тектонические геоэкономические сдвиги, и в последние годы мировое экономическое пространство находится в зоне повышенной неопределенности и высокой турбулентности. Действия коллективного Запада, и прежде всего США, по переформатированию мирового рынка в направлении усиления своего глобального доминирования, привели к обострению конкуренции, перераспределению социально-экономического потенциала, разрушению системы мировой торговли и фактическому отказу от международного права. Причем западная коалиция для сохранения своей гегемонии стала активно использовать методы недобросовестной конкуренции, включая введение политически мотивированных заградительных тарифов и экономических санкций, применение вооруженных сил для прямой военной интервенции и захвата, а порой и физического уничтожения национально ориентированных лидеров, не согласных с ролью вассалов США и их союзников.

В условиях отсутствия эффективного международного механизма обеспечения прав и законных интересов всех без исключения стран проблема сохранения суверенитета последних напрямую связана с уровнем устойчивости и безопасности национальных экономик, выступающих материальной основой государства, позволяющей последнему действенно реализовывать свои функции.

Теоретико-методологические подходы к определению понятий «экономическая безопасность», «риск» и «угроза»

Категория «экономическая безопасность» вошла в научный оборот и стала активно использоваться со второй половины XX в. по мере интенсификации глобальных интеграционных процессов, что привело к формированию новых, комплексных и более сложных типов рисков и угроз для макроэкономических систем, вызванных как обострением международной конкуренции, так и усилением турбулентности и возрастанием неопределенности мирового экономического пространства. За эти годы западным научным сообществом была сформирована достаточно солидная научно-теоретическая база по данной проблематике, основу которой составили труды Нобелевских лауреатов Майкла Портера и Майкла Роберта Кремера [1], Абхиджит Банерджи и Эстер Дюфло [2]. И сегодня мейнстрим западной экономической науки определяет категорию «экономическая безопасность» исходя из необходимости избегания рисков [3] и уменьшения вероятности нанесения потенциального ущерба и недопущения критических изменений ключевых экономических показателей развития [4].

Российские ученые подключились к исследованию дефиниции «экономическая безопасность» и связанных с ней категорий с началом рыночной трансформации национального хозяйства в середине 90-х гг. XX в. и первой значимой научно-теоретической работой в данной области стала опубликованная в 1994 г. статья академика Л.И. Абалкина, которая впоследствии была подкреплена как многочисленными трудами самого ученого, так и научными публикациями таких ведущих отечественных исследователей, как С.Ю. Глазьев, В.К. Сенчагов, Е.А. Олейников, Г.М. Лонская, С.В. Степашин, А.И. Татаркин, А.И. Илларионов, В.И. Лисов и др. Академик Л.И. Абалкин, задолго до появления официальной трактовки, определил экономическую безопасность как «состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично, эффективно и решать социальные задачи, и при котором государство имеет возможность вырабатывать и проводить в жизнь независимую экономическую политику» [5]. Несколько позже, один из ведущих российских ученых В.К. Сенчагов предложил рассматривать экономическую безопасность как «такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [6].

В настоящее время отечественное научное сообщество активно дополняет уже созданную теоретическую базу, продолжая свои исследования в рамках экономического подхода к трактовке категории «экономическая безопасность», рассматривая последнюю как «способность экономической системы поддерживать условия, необходимые для развития народного хозяйства, жизнеобеспечения населения, поддержания уровня жизни, а также способность обеспечивать последовательную реализацию национальных государственных интересов» [7] и «устойчивость экономической системы, позволяющей ей оставаться стабильной даже в кризисных условиях [8].

При этом большинство авторов отмечает необходимость не только сохранения и поддержания уже достигнутого уровня экономической безопасности анализируемой системы, но и создания предпосылок для её дальнейшего развития в условиях высокой неопределенности и ускоренной трансформации среды функционирования.

Решая задачу теоретико-методологического сопровождения процесса обеспечения экономической безопасности, исследователи определяют соотношение таких научных категорий, как риск и угроза. При этом зарубежные ученые в своих работах по экономической безопасности, как правило, используют понятие риска, определяя его как «условие, при котором существует опасность отклонения от желаемого результата [9], включающее в себя

«угрозы и возможности» [10], ассоциируя последние с «потенциально возможными потерями или причинением убытков в результате действия тех или иных причин» [11; 12].

В то же время наличие множественности подходов к процессу исследования экономической безопасности как социально-экономического явления позволило западным коллегам сформулировать камералистскую, кейнсианскую и институциональную концепции определения источников ключевых угроз экономической безопасности [13]. Так, сторонники камералистского подхода акцентируют свое внимание на внешнеэкономическом аспекте финансово-хозяйственной деятельности [14; 15], представители кейнсианства сосредоточены на создании благоприятных внутренних макроэкономических условий для роста национальной экономики [16], в то время как институционалисты озабочены преодолением созданных избыточным государственным регулированием административных барьеров, выступающих препятствием на пути социально-экономического развития стран [17]. И сегодня мейнстрим западной экономической науки определяет категорию «экономическая безопасность» исходя из необходимости избегания рисков [4], уменьшения вероятности нанесения потенциального ущерба и недопущения критических изменений ключевых экономических показателей развития [18].

В свою очередь отечественные исследователи, анализируя соотношение категорий риска и угрозы, идентифицируют риски в качестве «вызовов будущего, главным свойством которых является их вероятностный характер, а угрозу – как создающую возможности для реализации опасности систему негативных факторов и условий» [19; 20]. В противовес этой позиции ряд российских ученых высказывает мнение о том, что угроза безопасности является «следствием риска и представляет собой результат развития негативно развивающейся рисковой ситуации» [21].

Цели, механизм и инструментарий процесса обеспечения экономической безопасности российского национального хозяйства

Экономическая безопасность в РФ обеспечивается в рамках государственной политики и в соответствии с государственной стратегией, опирающихся на отечественную законодательную и теоретико-методологическую базу. Официальная трактовка понятия «экономическая безопасность» дана в принятой в 2017 г. «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.», где она была определена как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается экономический суверенитет страны, единство её экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [22]. В дальнейшем законодатель идентифицировал угрозу экономической безопасности как «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации» [23]. Исходя из этого, ключевыми задачами процесса обеспечения экономической безопасности страны являются недопущение перерастания потенциальных угроз в реальные, а также купирование и минимизация возможного ущерба для её социально-экономической системы.

С учетом того, что «экономическая безопасность на сегодняшний день представляет собой многоуровневую систему вертикального и горизонтального взаимодействия субъектов при доминирующей роли государства» [24], структурно она состоит из взаимосвязанных между собой «объектов, субъектов, видов и ресурсов», а механизм предусматривает:

– определение национальных интересов в экономической сфере;

– выявление вызовов и угроз экономической безопасности государства;

– разработку индикаторов и их пороговых уровней для оценки угроз экономической безопасности государства;

– разработку политики экономической безопасности [25].

Первичная дифференциация существующих угроз безопасности национальной экономики предполагает их деление на экзогенные (обусловлены действием внешних факторов) и эндогенные (возникающие под действием внутренних факторов). Эффективное управление процессами обеспечения экономической безопасности России должно опираться на качественную и количественную оценку объединённых в совокупность наиболее значимых и «чувствительных» индикаторов, перечень которых предусмотрен Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и «Стратегией экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.», и на сегодня состоит из 40 показателей экономической безопасности. При этом для квалифицированного анализа актуального состояния экономической безопасности ключевое значение имеют не столько обладающие свойствами экспертных оценок сами показатели, сколько их пороговые значения, устанавливающие границы утраты рассматриваемой макроэкономической системой способности к дальнейшему росту и развитию, а максимальный уровень безопасности достигается при условии нахождения всех показателей в пределах своих пороговых значений. Причем именно показатели отклонения индикаторов от установленного порогового уровня определяют вектор, интенсивность и степень трансформации существующих угроз, выступая значимым инструментом анализа,

планирования и реализации процесса обеспечения экономической безопасности. В то же время ввиду цикличности развития мировой экономики и в целях сохранения своей актуальности пороговые значения индикаторов должны постоянно мониториться и пересматриваться с учетом трансформационных процессов глобального экономического пространства.

На сегодняшний день российская экономическая наука предлагает несколько систем индикаторов оценки состояния и методик управления безопасностью экономики нашей страны. Так, тандем академика С.Ю. Глазьева и члена-корреспондента РАН В.В. Локосова для её оценки используют только 12 индикаторов с их пороговыми значениями [26; 27]. В свою очередь, коллектив ученых под руководством В.К. Сенчагова предложил методику оценки экономической безопасности, включающую в себя: выбор индикаторов; сравнение фактического значения индикаторов с пороговыми значениями; нормирование индикаторов; выделение зоны риска по каждому индикатору [28]. И для адекватной оценки текущего состояния экономической безопасности объекта необходимо провести комплексный анализ всех её показателей, оценить уровень формируемых угроз и спрогнозировать объемы потенциального ущерба, что в конечном итоге позволит квалифицированно разработать планы противодействия последним. Причем в условиях константы ограниченности ресурсов верная расстановка приоритетов в значительной мере предопределяет эффективность процесса обеспечения безопасности национальной экономической системы.

Выводы:

1. Экономическая безопасность РФ обеспечивается в рамках единой государственной политики и в соответствии с государственной стратегией, базирующихся на национальном законодательстве и в значительной мере на отечественной теоретико-методологической основе, сформированной усилиями российского научного сообщества.

2. Экономическая безопасность в России сегодня обеспечивается многоуровневой системой вертикального и горизонтального взаимодействия её видов, объектов, субъектов и задействованных ресурсов, находящихся между собой в разнонаправленной корреляционной взаимозависимости.

3. Ключевой задачей процесса обеспечения экономической безопасности страны является достижение высокого уровня защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, недопущение их перерастания из потенциальных в реальные, а также купирование возможного негативного воздействия на социально-экономическую систему и минимизация потенциального ущерба.

4. Текущее состояние экономической безопасности России определяется на основе комплексного анализа отклонений её ключевых индикаторов от установленного порогового уровня, позволяющем выявить совокупность факторов, как формирующих внутренние макроэкономические условия для экономического роста, так и являющихся барьерами на пути поступательного социально-экономического развития.

5. В условиях возрастания турбулентности и неопределенности глобальной экономической среды обеспечение экономической безопасности становится условием сохранения экономического суверенитета страны и механизмом достижения национальных целей развития.

Литература:

1. Porter M.E., Kramer M.R. Strategy and Society: The Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // Harvard Business Review. Boston, 2006. Vol. 84, No. 12. P. 78–92.
2. Банерджи А., Дюфло Э. Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности / Пер. с англ. М. Маркова, А. Лащева; под ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Института Гайдара ; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2021. 624 с.
3. Kahler M. Economic security in an era of globalization: definition and provision // The Pacific Review. 2004. Т. 17. № 4. P. 485–502.
4. Nesadurai H. S. Conceptualising economic security in an era of globalisation: what does the East Asian experience reveal? // Center for the Study of Globalisation and Regionalisation, University of Warwick. 2005. № 157/05. P. 1–26.
5. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.
6. Сенчагов В.К. Как обеспечить экономическую безопасность России // Рос. Федерация сегодня. 2007. № 6. С. 36–37.
7. Жилкина Ю.В. Подходы к обеспечению экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 22. С. 62–70.
8. Гундорова М.А. Экономическая безопасность: уч. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. 207 с.
9. Gallati R. Risk management and capital adequacy. New York: McGrow-Hill companies Inc., 2003. 550 p.
10. Hillson D., Webster M.A. Understanding and managing risk attitude. Aldershot: Gower publishing Ltd, 2007. 182 p.
11. Lam J. Enterprise risk management. From incentives to controls. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc, 2003. 319 p.
12. Tarantino A. Essential of risk management in finance. Hoboken (N.J.): John Wiley & Sons, Inc., 2011. 224 p.

13. Экономическая безопасность: учеб. пособие / Под ред. Н.В. Манохиной. М.: ИНФРА-М, 2019. 320 с.
14. Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб.: Изд. А.Э. Мертенс, 1891. 452 с.
15. Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // Лист Ф. Национальная система политической экономии. М. : Европа, 2005. С. 321–382.
16. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. С. 224–518.
17. Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy, 1995. 320 с.
18. Nesadurai H.S. Conceptualising economic security in an era of globalisation: what does the East Asian experience reveal? // CSGR Working Paper № 157/05. Center for the Study of Globalisation and Regionalisation, University of Warwick, 2005. P. 1–26.
19. Кучеров И.И. Риски финансовой безопасности, их негативные последствия // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 507–510.
20. Вилисова А.С. Понятие и классификация рисков и угроз экономической безопасности // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 11. URL: http://web.snauka.ru/issues/2017/11/84656 (дата обращения: 02.03.2026).
21. Попов А.Ю. Угрозы экономической безопасности хозяйствующего субъекта при осуществлении финансовых вложений. Учетные аспекты // Актуальные вопросы развития инновационной экономики. Сб. статей Всерос. науч.-практ. конф. Великий Новгород, 1–2 дек. 2019 / Под ред. В.А. Трифонова, Я.В. Паттури. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-тет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород), 2019. С. 219–224. doi.org/10.34680/Innovation.2019.42.
22. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
23. Указ Президента РФ от 21.07.21 г. №400 «О стратегии национальной безопасности РФ» // СПС Гарант.
24. Шлычков В.В., Батайкин П.А., Нестулаева Д.Р. Суверенизация как механизм эффективного обеспечения экономической безопасности россии в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 8. С. 972–986.
25. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
26. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4. С. 22–41.
27. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управление социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 7. С. 587–614.
28. Экономическая безопасность регионов России: монография / В.К. Сенчагов [и др.]; под ред. В.К. Сенчагова. Н. Новгород: Растр-НН, 2014. 299 с.

Objectives, Tools and Mechanism of the Process of Ensuring the Economic Security of the Russian National Economy

Dmitry Alexandrovich Zareznov
Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russia)

The purpose of this work is to formulate a goal setting, identify the tools and mechanism for implementing the process of achieving the optimal level of economic security of the Russian Federation, as well as to identify the role of the latter in ensuring the progressive socio-economic development of the country. The researcher examines the evolution of approaches to the theoretical and methodological understanding of such categories as "economic security", "threats" and "risks" by foreign and domestic scientists, focusing on relevant concepts that have become mainstream in recent years in the world of economics. The article substantiates the need to use a system for assessing deviations of key indicators from the established threshold level to determine the current state of security of the national economy, which makes it possible to identify potential threats to development in a timely manner and develop measures to prevent them from escalating into real ones in conditions of increased uncertainty and turbulence of the economic environment.

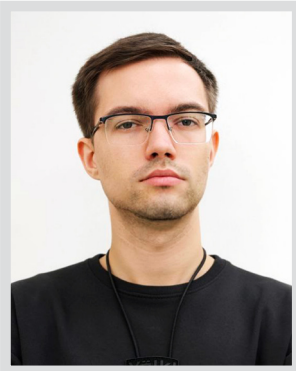
In the process of achieving the set research goal, systematic and evidence-based approaches were used, as well as retrospective, functional and comparative analyses, deduction and induction. The scientific novelty of the work consists in formulating goals, defining tools and mechanisms for ensuring Russia's economic security, identifying the degree of impact of the process on the progressive socio-economic development of the country, as well as in incrementing the scientific and theoretical base of research in this field.

The practical significance of the research is to provide Russian government and management bodies with an information and analytical base for adjusting the implemented state policy and state strategy in the field of economic security, taking into account the vector and intensity of transformation of the global operating environment.

Keywords: national economic security, risks and threats to economic security, indicators of economic security, economic security system

УДК 351.711
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-45-52
© Захаров Я.С., 2026

Система искусственного интеллекта как метод совершенствования процессов государственного управления и контроля в сфере охраны объектов культурного наследия

Захаров Ярослав Сергеевич
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
(117997, Москва, Стремянный пер., 36; e-mail: zaxarov.99@mail.ru;
ORCID: 0009-0002-4331-7289)

Сфера охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации сталкивается с системными ограничениями, в значительной степени связанными с длительными регламентными сроками административных процедур и, как следствие, высоким риском утраты объектов. Необходимость повышения качества государственного управления в данной сфере определяет актуальность исследования возможностей применения систем искусственного интеллекта как инструмента цифровой трансформации, создающего фундамент для снижения административных барьеров в сфере сохранения и охраны объектов культурного наследия.

Цель исследования – оценить целесообразность и потенциал интеграции систем искусственного интеллекта в механизмы государственного управления и контроля за объектами культурного наследия с целью преодоления системных ограничений отрасли. Методологическую основу исследования составляют анализ нормативно-правовой базы, сценарное моделирование, прогнозные расчёты на основе действующих регламентных сроков.

Научная новизна исследования состоит в разработке модели применения искусственного интеллекта в сфере охраны культурного наследия, разграничивающей первичный функционал (быстрое внедрение без масштабных инфраструктурных вложений). Результаты исследования демонстрируют, что внедрение предложенной модели позволит сократить продолжительность ключевых административных процедур не менее чем вдвое при сохранении экспертного контроля за принятием юридически значимых решений, снизить административную нагрузку на специалистов профильных органов на 30–50 % и существенно уменьшить риски утраты объектов культурного наследия.

Ключевые слова: *объект культурного наследия, государственное управление, искусственный интеллект, цифровая трансформация, государственный контроль, автоматизация административных процедур, реестр культурного наследия, лицензирование, предиктивный мониторинг*

Для цитирования*: Захаров Я.С. Система искусственного интеллекта как метод совершенствования процессов государственного управления и контроля в сфере охраны объектов культурного наследия // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 45–52. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-45-52.*

Введение

Объекты культурного наследия представляют собой неотъемлемую часть национальной идентичности, материализованную историческую память народа и важнейший ресурс культурной дипломатии. Государственная охрана памятников истории и культуры является не просто административной функцией, но конституционно значимой задачей, напрямую связанной с обеспечением культурных прав граждан и сохранением единства исторической преемственности. Вместе с тем реальное состояние системы управления объектами культурного наследия в Российской Федерации свидетельствует о накопившихся системных проблемах, преодоление которых требует качественно новых управленческих подходов.

По данным на декабрь 2024 г., в Едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации учтено около 157 тыс. объектов, включая памятники истории, архитектуры, монументального искусства, археологии, а также ансамбли и достопримечательные места. Значительная часть из них требует проведения реставрационных или консервационных работ. Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко в декабре 2024 г. констатировала, что в стране безвозвратно утрачено более 3 000 объектов культурного наследия, а каждый восьмой из оставшихся находится в неудовлетворительном техническом состоянии. Приведённые цифры свидетельствуют о том, что существующие механизмы охраны не обеспечивают сохранности национального достояния в необходимом объёме.

Утверждённая в декабре 2025 г. федеральная программа «Сохранение объектов культурного наследия народов Российской Федерации» на период 2025–2045 гг. формирует амбициозные целевые ориентиры: завершение инвентаризации учтённых объектов к 2026 г., формирование механизмов привлечения частных инвесторов к реставрации, разработка стандартов технического мониторинга состояния объектов. Достижение поставленных целей в столь масштабном горизонте планирования требует не только наращивания финансирования, но и принципиального переосмысления управленческих инструментов, в том числе через активное применение цифровых технологий [1, с. 72].

Цифровая трансформация государственного управления является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации, закреплённых в ряде стратегических документов. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и утверждённая им Национальная стратегия развития искусственного интеллекта определяют внедрение ИИ-технологий в систему государственного управления как стратегическую задачу [2, с. 82]. Сфера охраны культурного наследия, отличающаяся значительными объёмами документооборота, длительными процедурами проверки и экспертизы, а также высокими требованиями к точности и полноте информации, представляется перспективной областью применения систем ИИ.

Нормативно-правовой и операционный анализ

Правовую основу государственного управления в исследуемой сфере составляет Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», устанавливающий правовые условия и механизмы сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Он в том числе определяет двухуровневую систему учёта объектов культурного наследия: реестр выявленных объектов (промежуточный статус) и Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации (основной охранный статус), а также требование о лицензировании деятельности организаций, занимающихся сохранением объектов культурного наследия. При этом указанный нормативно-правовой акт не содержит единых федеральных критериев определения историко-культурной ценности объекта, делегируя это, как правило, региональному законодательству. Сегодня специалист профильного органа вынужден самостоятельно обращаться в региональные и федеральные архивы, изучать исторические карты, справочники, научные публикации. Значительная часть архивных материалов по-прежнему хранится в аналоговом формате и лишена структурированного электронного представления. Тем не менее реализация федеральных инициатив в области цифровизации государственного управления обеспечила конвертацию значительной части архивных материалов в электронный вид с организацией доступа к ним через государственные информационные платформы. Вместе с тем инструменты автоматизированного поиска и систематической обработки указанных массивов применительно к задачам охраны объектов культурного наследия до настоящего времени не созданы.

Описанная двухуровневая архитектура учётных систем, ориентированная на последовательную атрибуцию объектов до присвоения им полноценного охранного статуса, порождает на практике значимую правовую и экономическую уязвимость, которая, по нашей оценке, является одним из ключевых институциональных рисков для отрасли. На протяжении административного рассмотрения заявления о постановке объекта на учёт в реестр выявленных объектов культурного наследия, занимающего до 90 рабочих дней, соответствующий объект остаётся вне периметра государственно-правовой защиты: целенаправленный снос потенциальных памятни-

ков или умышленное уничтожение их историко-культурной значимости с формально-юридической точки зрения не образуют состава правонарушения.

С позиций экономики охраны общественных благ подобное положение дел означает не только культурные потери, но и необратимое разрушение невосполнимых активов национального достояния, стоимость которых принципиально не поддаётся рыночной оценке. Отсутствие федерально унифицированного перечня оценочных критериев порождает информационную асимметрию: заявители лишены возможности чётко определить параметры квалификации объекта при подаче заявления, что объективно увеличивает транзакционные издержки участников охранных процедур. Именно в указанный временной промежуток зафиксированы прецеденты преднамеренного разрушения потенциальных памятников или их ключевых конструктивных элементов заинтересованными лицами – явление, которое в экономической теории квалифицируется как оппортунистическое поведение в условиях институционального вакуума.

Проведённый нами сравнительный анализ нормативных актов субъектов Российской Федерации свидетельствует о принципиальной неоднородности применяемых оценочных методологий: часть регионов использует формализованные количественные шкалы, другие отдают предпочтение качественным экспертным суждениям, третьи сочетают оба подхода. Данная методологическая гетерогенность представляет собой самостоятельный источник транзакционных издержек и фактор, существенно снижающий инвестиционную предсказуемость в сфере охраны культурного наследия.

Право на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия – реставрации, консервации, ремонта и приспособления – предоставлено исключительно организациям, располагающим лицензией федерального уполномоченного органа. Лицензия является срочной и подлежит периодическому возобновлению. Принципиальным изъяном действующего механизма, выявленным в ходе настоящего исследования, выступает отсутствие инструментов непрерывного контроля: существующая система не предполагает оперативного выявления случаев несоответствия организации лицензионным требованиям в периоды между плановыми инспекционными проверками – в частности, при уходе ключевых аттестованных специалистов или истечении сроков действия их квалификационных удостоверений.

С точки зрения экономики регулирования, описанный пробел порождает риск асимметрии информации, при которой надзорный орган не располагает актуальными сведениями о реальном соответствии субъекта лицензионным требованиям. Данный пробел создаёт реальную угрозу проведения работ на объектах культурного наследия субъектами, фактически лишившимися законного права на осуществление соответствующей деятельности, что несёт за собой прямые экономические и культурные убытки для государства и общества.

Нормативно-правовая база фиксирует продолжительные процедурные сроки: рассмотрение заявления о включении объекта в реестр выявленных объектов культурного наследия составляет 90 рабочих дней, согласование проектной документации по приспособлению, ремонту и реконструкции – 60 рабочих дней. По нашим расчётам, принимая во внимание вероятность итерационных доработок и повторных согласований, совокупная продолжительность цикла от момента первичного обращения до получения охранного статуса способна достигать 6–9 месяцев. Применительно к сфере охраны старинных зданий и привлечения денег на их реставрацию столь значительный регламентный горизонт представляет собой существенный барьер, прямо ограничивающий деловую активность в отрасли.

Следует особо подчеркнуть, что при возврате документации на доработку её повторное рассмотрение осуществляется в полном объёме установленных сроков на общих основаниях. Объём проектной документации, поступающей на согласование, исчисляется, как правило, сотнями или тысячами листов. Их изучение, проверка на соответствие правилам и условиям охраны конкретного объекта требуют от сотрудников уполномоченного органа значительных временных ресурсов. Каждый выявленный дефект или несоответствие влечёт необходимость полного переоформления документации, увеличивая издержки для всех участников процесса.

Предшествующая цифровизация архивных документов выступает необходимым условием, без которого невозможно полностью реализовать потенциал предлагаемых инструментов [3, с. 45]. Вместе с тем, по нашей оценке, уже при нынешнем уровне цифровизации – с учётом интеграции с данными Росреестра, информационными ресурсами Министерства культуры и открытыми цифровыми архивами – ИИ-системы способны обеспечить ощутимое ускорение ряда административных процедур [4, с. 176]. Иными словами, ожидание полной оцифровки архивного фонда не должно блокировать поэтапное внедрение: эффект достигается инкрементально по мере наращивания цифрового охвата.

Согласно данным Индекса готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта, государственное управление отнесено к числу секторов с высоким потенциалом применения подобных технологий [5, с. 74]. Этот вывод имеет принципиальное значение: он означает, что речь идёт не о гипотетических возможностях, а об экономически и технологически обоснованной перспективе, готовой к практической реализации в горизонте ближайших лет.

Автоматизация административных процедур

Приоритетным направлением развёртывания предлагаемых систем, как нами обосновано, является процедура постановки объектов на учёт в реестр выявленных объектов культурного наследия. При поступлении заявления система в автоматическом режиме осуществляет идентификацию заявленного объекта и формирует развёрнутую аналитическую справку с перечнем обнаруженных источников и мотивированным обоснованием предварительного заключения о степени соответствия объекта критериям постановки на учёт.

Принципиально важным является следующее обстоятельство: в случае если анализируемый объект входит в состав более широкого архитектурно-исторического комплекса (ансамбля, исторического квартала), система способна распознать данный контекст и подготовить для профильной комиссии мотивированную рекомендацию – включить объект в уже охраняемый ансамбль либо инициировать самостоятельную охранную процедуру в отношении всего комплекса в целом. Подобный функционал создаёт условия для существенного повышения системности и взаимоувязанности мероприятий по выявлению объектов культурного наследия. Помимо этого, накапливаемые системой данные могут служить информационной базой для последующей разработки проектов реставрационного приспособления [6, с. 6].

В субъектах, применяющих формализованную балльную методику оценки, система вправе произвести предварительный расчёт показателей, существенно сокращая тем самым время подготовки материалов к заседанию экспертной комиссии. Экономический эффект данного функционала состоит прежде всего в высвобождении времени квалифицированных специалистов для решения задач, не поддающихся алгоритмизации: содержательной историко-культурной оценки и принятия аргументированных экспертных решений.

Второй функциональный блок первичного контура охватывает сферу лицензионного надзора. Как нами установлено, преобладающая часть контролируемых параметров допускает автоматизированную верификацию на основе данных государственных реестров и информационных систем, что открывает возможность перехода к непрерывному машинному контролю. Вместо единовременной проверки при оформлении лицензии система обеспечивает постоянный мониторинг соответствия организации установленным лицензионным требованиям, генерируя автоматические уведомления при фиксации любых отклонений. Это позволяет своевременно оповещать как заказчиков работ, так и уполномоченный надзорный орган о необходимости принятия корректирующих мер до наступления правовых последствий – по существу, фактически заменяя периодические проверки на постоянный надзор.

Третий функциональный блок первичного контура охватывает процедуры экспертизы и согласования проектной документации. Его реализация предполагает в качестве обязательного предварительного условия оцифровку охранных паспортов объектов культурного наследия и стандартизацию проектных материалов в машиночитаемом цифровом формате – необходимой инфраструктурной предпосылки для полноценного функционирования системы. При наличии структурированных цифровых данных система осуществляет многопараметрическую автоматизированную проверку проекта: от соответствия проектных решений требованиям паспорта объекта культурного наследия и номенклатуре предметов охраны, выявления технических решений, создающих угрозу повреждения охраняемых элементов, до контроля включения авторского надзора в состав проектной группы.

По завершении аналитической обработки система формирует для сотрудника уполномоченного органа реестр выявленных замечаний с привязкой к конкретным разделам проекта и нормативным положениям, которым они противоречат. Это даёт специалисту возможность сосредоточить профессиональные усилия на содержательной историко-культурной экспертизе предлагаемых решений, исключив из сферы его деятельности трудоёмкую механическую сверку с регуляторной базой. По завершении производства работ на объекте исполнительная документация проходит аналогичную автоматизированную проверку на предмет соответствия ранее утверждённому проекту, в ходе которой выявляются работы, выполненные с отступлением от согласованных технических решений или ими не предусмотренные. Данный функционал существенно снижает коррупциогенный потенциал процедуры приёмки работ, поскольку исключает возможность оформления работ задним числом или легализацию несогласованных конструктивных изменений.

Четвёртый функциональный блок первичного контура связан с обработкой материалов общественных обсуждений. Действующее законодательство предусматривает обязательное проведение общественных консультаций по проектам работ на объектах культурного наследия. Традиционный ручной анализ поступивших обращений при значительном числе участников представляет собой чрезвычайно трудоёмкий процесс. Технологии обработки естественного языка открывают возможность для автоматизированной классификации поступивших мнений, вычленения содержательных и аргументированных замечаний по существу проекта из массива формальных обращений и нерелевантных комментариев, а также подготовки систематизированного аналитического резюме для сотрудника уполномоченного органа. Проекты по анализу и распознаванию естественного языка активно реа-

лизуются в Российской Федерации, что обеспечивает доступность технологической базы для данного применения [7, с. 3].

Сокращение регламентных сроков

Основным измеримым результатом внедрения первичного функционала предлагаемой модели является сокращение регламентных сроков ключевых административных процедур. Прогнозирование основано на анализе структуры временных затрат в рамках каждой процедуры и оценке доли, приходящейся на операции, поддающиеся автоматизации.

По процедуре лицензирования деятельности по сохранению объектов культурного наследия прогнозируется сокращение срока с 30 до 15 рабочих дней. Анализ структуры процедуры показывает, что значительная её часть приходится на направление запросов в смежные ведомства для верификации представленных сведений, обработку ответов и их сопоставление с заявкой. Автоматизированная верификация через интеграцию с системами ФНС и базой данных аттестованных специалистов способна произвести эту работу в автоматическом режиме в течение нескольких часов, предоставив специалисту уже сформированную аналитическую справку. Оставшееся время потребуется для анализа специфических квалификационных аспектов и принятия итогового решения.

По процедуре рассмотрения заявки и включения объекта в реестр выявленных объектов культурного наследия прогнозируется сокращение срока с 90 до 40 рабочих дней. Наибольший временной ресурс в рамках данной процедуры затрачивается на поиск исторических сведений об объекте – обращение в архивы, изучение источников, систематизацию сведений. Автоматизированный поиск в доступных цифровых источниках с применением ИИ-системы обеспечивает получение структурированной информационной базы в несравненно более короткие сроки [4, с. 176]. В регионах, где применяется формализованная балльная система, первичная предварительная балльная квалификация объектов допускает автоматизацию, что дополнительно сокращает сроки подготовки аналитических материалов для профильной комиссии. При этом за экспертами и комиссией неизменно сохраняется прерогатива содержательной оценки качественных характеристик объекта и принятия окончательного решения.

Машинная верификация соответствия проектных решений нормативным требованиям и условиям охранного паспорта объекта позволяет в течение нескольких рабочих дней сформировать исчерпывающий реестр замечаний технического и регуляторного характера. Тем самым специалист освобождается от рутинного сопоставления с нормативной базой, а высвобождённый ресурс перенаправляется на историко-культурную оценку предлагаемых архитектурных решений – задачу, принципиально требующую экспертного суждения и не поддающуюся алгоритмизации. Сокращение продолжительности рассмотрения заявления напрямую уменьшает срок, в течение которого объект остаётся вне правовой защиты государства.

Наряду с сокращением регламентных сроков внедрение предложенной модели приводит к заметному снижению административной нагрузки на сотрудников уполномоченных органов. Согласно расчётам, построенным на анализе структуры трудозатрат по типовым процедурам, передача рутинных операций – поиска сведений, межведомственного запросного документооборота, первичной проверки представленной документации – на уровень автоматизации позволит высвободить от 30 до 50 % рабочего времени, которое специалисты в настоящее время расходуют на выполнение этих функций. Высвободившийся ресурс может быть перенаправлен на решение задач, требующих углублённой профессиональной квалификации и не поддающихся алгоритмизации: определение уникальности объектов, разрешение спорных ситуаций, эффективное сотрудничество с правообладателями и потенциальными инвесторами.

Рассматривая способы борьбы с коррупцией, перевод процедур верификации и контроля документации на автоматизированную основу значительно сужает пространство для принятия субъективных решений и достижения неформальных договорённостей, выходящих за рамки нормативно установленных требований. Оформление работ задним числом или легализация несогласованных конструктивных изменений становятся практически невозможными: система автоматически фиксирует расхождения между согласованной проектной документацией и отчётными материалами о фактически выполненных работах, что принципиально меняет модель контроля в данной сфере: постфактумная верификация замещает ретроспективное выявление нарушений.

Устранение административных барьеров и обеспечение предсказуемости согласовательных процедур, как показывает наш анализ инвестиционного климата в сфере культурного наследия, формируют принципиально более благоприятные условия для привлечения частного капитала к задачам сохранения объектов. Возможность автоматизированной предварительной проверки проектных концепций на соответствие нормативным требованиям может стать дополнительным инструментом, позволяющим инвесторам и проектировщикам уже на ранних стадиях разработки верифицировать принципиальную допустимость предлагаемых решений и исключать разработку проектов, обречённых на отказ в согласовании. По нашей оценке, это способно существенно повысить инвестиционную привлекательность объектов культурного наследия, прежде

всего в регионах, испытывающих дефицит частного финансирования реставрации [8, с. 23].

Требования к внедрению и потенциальные ограничения

Практическая реализация предложенной модели сопряжена с рядом условий и объективных ограничений, которые необходимо принимать во внимание при разработке дорожной карты внедрения. Представляется принципиальным рассмотреть их в порядке убывания значимости для успеха реализации.

Основополагающим инфраструктурным требованием выступает оцифровка охранных паспортов объектов культурного наследия и их интеграция в систему в стандартизированном машиночитаемом формате. В отсутствие данного условия аналитические возможности системы применительно к экспертизе проектной документации по конкретным объектам будут принципиально ограничены. С учётом этого предлагаемое внедрение целесообразно координировать с реализацией инвентаризационных задач, предусмотренных федеральной программой «Сохранение ОКН», – использовать данную программу как инфраструктурный плацдарм для развёртывания ИИ-систем.

Второе обязательное условие состоит в переводе проектной документации и отчётных материалов в унифицированный цифровой формат. Его выполнение потребует внесения соответствующих изменений в нормативно установленные требования к составу и форме представления проектных материалов, а также предоставления переходного периода для адаптации организаций – участников реставрационного рынка. Переход на электронный документооборот в данной сфере полностью согласуется с основным курсом на цифровую трансформацию государственного управления и стратегическими приоритетами обеспечения технологического суверенитета.

Принципиальным ограничением остаётся отсутствие единообразия в критериях определения историко-культурной ценности объектов на региональном уровне. В субъектах, применяющих качественные, неформализованные подходы к оценке, возможности системы в части первичной атрибуции объектов будут объективно сужены. В этой связи внедрение ИИ-систем представляется целесообразным рассматривать и как самостоятельный импульс к законодательной унификации оценочных критериев на федеральном уровне – унификации, которая сама по себе обеспечит существенное повышение прозрачности и предсказуемости решений уполномоченных органов.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, система государственного управления и контроля в сфере охраны объектов культурного наследия Российской Федерации характеризуется системными ограничениями, обусловленными как нормативно-правовыми несовершенствами, так и операционными недостатками. Масштаб накопленных потерь – более 3 000 безвозвратно утраченных объектов культурного наследия – свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов и объективно обосновывает необходимость их качественного совершенствования.

Во-вторых, технологический уровень современных систем искусственного интеллекта – прежде всего в области обработки естественного языка, машинного обучения и компьютерного зрения – достигает степени зрелости, достаточной для практического применения в задачах анализа проектной документации, верификации данных, интеллектуального поиска в цифровых архивах и мониторинга состояния объектов. Существующая цифровая инфраструктура государственного управления Российской Федерации обеспечивает необходимые предпосылки для интеграции ИИ-систем в действующие информационные системы ведомств.

В-третьих, предложенная модель обеспечивает экономически обоснованный подход к внедрению ИИ, позволяющий максимизировать эффект при минимизации инфраструктурных инвестиций на начальном этапе. Функционал обеспечивает наибольший вклад в повышение скорости и прозрачности административных процессов.

В-четвёртых, прогнозируемые результаты внедрения первичного функционала включают: сокращение регламентных сроков ключевых процедур не менее чем вдвое (лицензирование – с 30 до 15 рабочих дней; включение в реестр выявленных объектов – с 90 до 40 рабочих дней; согласование проектов работ – с 60 до 30 рабочих дней); снижение административной нагрузки на специалистов профильных органов на 50–70 % в части рутинных аналитических операций; снижение коррупциогенных рисков за счёт автоматизации контроля соответствия и обеспечения прозрачности процессов; уменьшение периода юридической незащищённости объектов в ходе процедуры получения охранного статуса.

В-пятых, принципиально важным условием успешного внедрения является сохранение за уполномоченными государственными органами исключительной компетенции по принятию всех юридически значимых решений. ИИ-система функционирует как инструмент информационно-аналитической поддержки, формирующий мотивированные рекомендации со ссылками на источники. Такой подход позволяет учитывать неформализуемые аспекты историко-культурной ценности объектов и региональную специфику, которые не могут быть в полной мере отражены в алгоритмических критериях, сохраняя при этом преимущества автоматизации рутинных операций.

В-шестых, реализация предлагаемой модели требует ряда предварительных организационных и нормативных условий: оцифровки паспортов объектов культурного наследия, перевода проектной документации в стандартизированный цифровой формат, нормативного закрепления требований к цифровому документообороту, а также формирования механизмов регулярного аудита качества работы системы и её дообучения на основе накопленных данных.

Таким образом, стратегическая интеграция систем искусственного интеллекта в государственное управление в сфере охраны объектов культурного наследия является не только технически реализуемой, но и экономически обоснованной задачей, прямо соответствующей приоритетам государственной политики в области цифровой трансформации, задачам Национальной стратегии развития искусственного интеллекта и целям федеральной программы «Сохранение ОКН» на 2025–2045 гг. Предложенная модель может стать основой для разработки технического задания на создание соответствующей государственной информационной системы и её поэтапного внедрения в деятельность Министерства культуры Российской Федерации и региональных органов охраны культурного наследия.

Литература:

1. Захаров Я.С. Возможности повышения эффективности управления государственным имуществом, имеющим статус объекта культурного наследия // Научный журнал «Менеджер». 2025. № 6 (112). С. 69–78. https://doi.org/10.5281/zenodo.17284420.
2. Поярков Р.А. Искусственный интеллект как инструмент оптимизации процессов принятия управленческих решений в системе государственной службы РФ // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 2. С. 78–83. https://doi.org/10.24158/pep.2025.2.9.
3. Земцов С.П. Потенциал создания и внедрения технологий искусственного интеллекта в регионах России // Региональные исследования. 2024. № 1 (83). С. 34–47. https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-1-3.
4. Дудихин В.В., Кондрашов П.Е. Методология использования больших языковых моделей для решения задач государственного и муниципального управления по интеллектуальному реферированию и автоматическому формированию текстового контента // Электронный вестник. 2024. № 105. С. 169–179. https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-105-2024-169-179.
5. Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта: Аналитический доклад // Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации. 2024. URL: https://ai.gov.ru/upload/iblock/ded/lylk7r3ntjjjlg1qxruy3hf45i9uma6p.pdf.
6. Юзбашян А.Ю. Проблемы проектов реставрации объектов культурного наследия // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 6. DOI 10.15862/07NZVN622. URL: https://esj.today/PDF/07NZVN622.pdf.
7. Индекс интеллектуальной зрелости отраслей экономики, секторов социальной сферы и системы государственного управления Российской Федерации: Аналитический доклад // Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации. 2024. URL: https://ai.gov.ru/upload/iblock/dec/ib7jl1ks7jh9scz7oesjs9bt4giyh26y.pdf.
8. Дружинина А.А. Искусственный интеллект и реставрация: как алгоритмы меняют подходы к сохранению искусства // Управление культурой. 2024. № 4. С. 18–24. https://doi.org/10.70202/2949074X-2024-3-4-18-24.

Artificial Intelligence as a Method for Improving Public Administration and Control Processes in the Field of Cultural Heritage Protection

Yaroslav Sergeevich Zakharov
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

The protection of cultural heritage sites in the Russian Federation faces systemic limitations, largely due to lengthy administrative procedures and the resulting high risk of loss. According to data presented by the Speaker of the Federation Council in December 2024, more than 3,000 cultural heritage sites have been lost in the country, with one in eight of them in unsatisfactory condition. Despite the strategic importance of state protection of historical and cultural heritage, current management mechanisms do not ensure the required level of effectiveness. The need to improve the quality of public administration in this area necessitates research into the potential of using artificial intelligence systems as a digital transformation tool, laying the foundation for reducing administrative barriers in the preservation and protection of cultural heritage sites.

The objective of the study is to explore the feasibility and potential of integrating artificial intelligence systems into public administration and oversight mechanisms for cultural heritage sites in order to overcome the systemic limitations of the industry. To achieve this, the following objectives were addressed: analyzing the current regulatory framework and identifying systemic problems in the management of cultural heritage sites; Identifying administrative procedures with the greatest automation potential; developing a two-tier model for applying artificial intelligence systems; forecasting quantitative performance improvement indicators; and formulating requirements for integrating the proposed systems. The methodological basis consists of an analysis of the regulatory framework, scenario modeling, predictive calculations based on current regulatory deadlines, and a comparative analysis of domestic and international experience in digitalizing public administration.

The scientific novelty of the study lies in the development of a two-tier model for applying artificial intelligence in cultural heritage protection, distinguishing between primary functionality (rapid implementation without large-scale infrastructure investments). The study's results demonstrate that the implementation of the proposed model will reduce the duration of key administrative procedures by at least half while maintaining expert oversight of legally significant decisions, reduce the administrative burden on specialists in relevant agencies by 30–50 %, and significantly mitigate the risk of loss of cultural heritage sites.

Keywords: cultural heritage site, public administration, artificial intelligence, digital transformation, state control, administrative procedure automation, heritage registry, licensing, predictive monitoring

УДК 336.27
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-53-57
© Кадникова Т.Г., 2026

Анализ динамики и структуры государственного долга (на примере Республики Карелия)

Кадникова Татьяна Геннадьевна
Кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, финансового права, экономики и бухгалтерского учета Петрозаводского государственного университета
(185910, Петрозаводск, просп. Ленина, 33; e-mail: goldsun@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2242-2776; SPIN-код: 7152-9591)

В статье исследуются определяющие факторы формирования государственного долга субъекта РФ на примере Республики Карелия в 2015–2025 гг. Актуальность работы обусловлена ростом бюджетных дисбалансов в условиях макроэкономической нестабильности и внешнеэкономических ограничений. Цель исследования заключается в выявлении ключевых факторов долговой динамики и оценке финансовой устойчивости региона. Методологическую основу составляют корреляционно-регрессионный анализ, оценка показателей долговой устойчивости по критериям бюджетного законодательства, а также структурно-динамический анализ бюджетных потоков. Установлено, что динамика долга имеет преимущественно структурный характер и детерминируется ростом текущих расходов, тогда как ВРП и межбюджетные трансферты не оказывают статистически значимого влияния. Зафиксирована трансформация долговой политики в сторону доминирования бюджетных кредитов. Сделан вывод о формировании нового долгового цикла, генерируемого институциональными ограничениями бюджетной системы. Предложены меры по повышению долговой устойчивости через оптимизацию доходной базы, реструктуризацию расходных обязательств и внедрение сценарного моделирования.

Ключевые слова: *государственный долг субъекта РФ, долговая устойчивость региона, бюджетный дефицит, Республика Карелия*

Для цитирования: *Кадникова Т.Г. Анализ динамики и структуры государственного долга (на примере Республики Карелия) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 53–57. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-53-57.*

Введение

В условиях структурной трансформации экономики и усиления внешнеэкономических ограничений устойчивость региональных бюджетных систем становится критическим фактором обеспечения макроэкономической стабильности. Субъекты РФ, реализующие значительную часть социальных и инфраструктурных обязательств, сталкиваются с устойчивым превышением расходных параметров над доходными, что объективно ведет к наращиванию государственного долга. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления существенных причин долгового тренда в условиях ограниченной налоговой автономии регионов и высокой зависимости от межбюджетных трансфертов. Цель работы заключается в анализе динамики и структуры государственного долга Республики Карелия (РК) за 2015–2025 гг., оценке его устойчивости и разработке рекомендаций по минимизации бюджетных рисков. Гипотеза исследования

предполагает, что рост долга носит структурно обусловленный характер, объясняемый устойчивым превышением темпов роста текущих расходов над доходами при ограниченности инструментов самостоятельной мобилизации доходной базы бюджета публично-правового образования. Методологический аппарат включает корреляционно-регрессионный анализ, оценку показателей долговой устойчивости в соответствии с критериями Бюджетного кодекса РФ, а также структурно-динамический анализ бюджетных потоков.

Результаты исследования и обсуждение

Бюджеты субъектов РФ представляют собой ключевой элемент бюджетной системы государства, обеспечивающий реализацию функций и полномочий органов публичной власти на региональном уровне. Для выполнения возложенных задач органы государственной власти субъектов РФ нуждаются в устойчивой финансовой базе, формируемой за счёт аккумулирования денежных ресурсов в соответствующих бюджетах.

С теоретической точки зрения оптимальным состоянием бюджетной системы является её сбалансированность, предполагающая соответствие объёмов доходов и расходов бюджета. Однако в условиях ограниченности собственных доходных источников значительная часть субъектов РФ сталкивается с дефицитом бюджета. Данная ситуация обусловлена фундаментальным противоречием между неограниченным характером общественных потребностей и ограниченностью доступных финансовых ресурсов. В результате региональные органы власти вынуждены прибегать к инструментам государственного заимствования, что приводит к формированию и наращиванию государственного долга субъектов РФ.

На современном этапе проблема долговой нагрузки субъектов РФ приобретает особую значимость. Для большинства регионов характерно наличие существенного объёма государственного долга, при этом в ряде случаев его уровень превышает 100 % объёма собственных доходов бюджета. Это свидетельствует о повышенных рисках бюджетной устойчивости и ограниченных возможностях самостоятельного финансового развития территорий. Финансовая устойчивость региональных бюджетов определяется способностью органов власти обеспечивать выполнение расходных обязательств при сохранении допустимого уровня долговой нагрузки. В научной литературе выделяются два типа бюджетного дефицита: циклический дефицит, обусловленный фазами экономического цикла, и структурный дефицит, возникающий вследствие институциональных дисбалансов [1].

Анализ динамики объема государственного долга РК за 2015–2025 гг. (рис. 1) демонстрирует его рост на 47 % (9,5 млрд руб.), что отражает системную несбалансированность бюджетных параметров. Несмотря на волатильность и временное снижение нагрузки в 2018–2019 и 2022 гг., обусловленное ростом налоговых поступлений и оптимизацией ликвидности, после 2022 г. возобновился восходящий тренд, связанный с финансированием социальных обязательств в условиях санкционного давления. При этом долговая нагрузка по методике «РИА Рейтинг» снизилась с критических значений (>100 % в 2015 г.) до умеренных (~60 % в 2025 г.) [2], что свидетельствует о повышении управляемости, однако сохраняет ограничения для инвестиционной активности.

Количественная оценка факторов, определяющих долговую динамику, проведенная в соответствии с методическими рекомендациями Минфина России [4; 5], выявила преобладающее влияние расходных параметров. Корреляционный анализ (рис. 2) зафиксировал сильную прямую связь долга с текущими расходами (r = 0,73) и умеренную – с налоговыми доходами (r = 0,64). Положительная корреляция долга с налоговыми поступлениями объясняется эффектом опережающего роста расходов (социальные

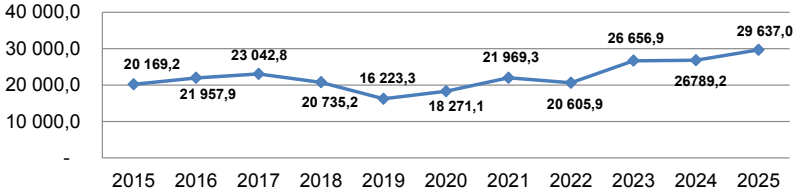

Рис. 1. Динамика объема государственного долга РК с 01.01.2015 г. по 01.01.2026 г., млн руб. [3]

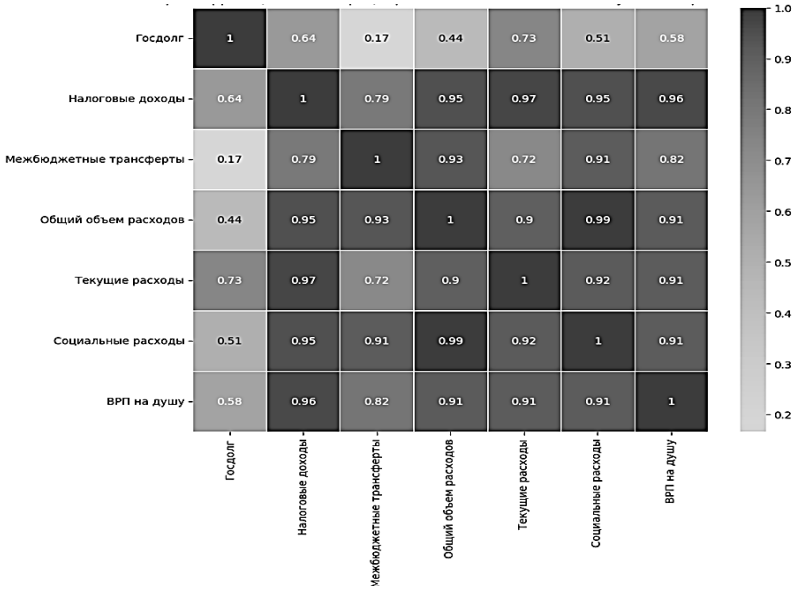

Рис. 2. Тепловая карта корреляционной матрицы финансовых показателей Республики Карелия в 2015–2025 гг.

выплаты, инфраструктурные проекты, трансферты местным бюджетам), что характерно для регионов с жесткой структурой обязательств: увеличение доходов нивелируется пропорциональным или более высоким расширением расходной части [6]. Связь с межбюджетными трансфертами оказалась статистически слабой (r = 0,17), что указывает на их целевой характер и отсутствие прямого компенсирующего эффекта в отношении общего баланса долга.

Регрессионный анализ подтвердил, что текущие расходы являются единственным статистически значимым ключевым фактором долга в рассматриваемом периоде. Их доля в общем объеме достигает 85–90 %, причем рост текущих расходов на 1 млн руб. увеличивает государственный долг на 0,184 млн руб. Формируется эффект «долговой инерции», при котором ранее принятые расходные обязательства генерируют потребность в краткосрочных заимствованиях даже при стабилизации доходной базы. Влияние ВРП на душу населения (несмотря на корреляцию r = 0,58) и межбюджетных трансфертов (r = 0,17) оказалось статистически незначимым, что объясняется инфляционной природой номинального роста ВРП и эффектом замещения собственных доходов при поступлении федеральных средств.

Структурная трансформация долгового портфеля (рис. 3) отражает общефедеральный вектор на замещение рыночных инструментов бюджетными кредитами [3]. Если в 2015–2017 гг. структура включала четыре инструмента (в т.ч. до 25 % гособлигаций), то после 2018 г. произошло вытеснение коммерческих кредитов и ценных бумаг в пользу федеральных бюджетных кредитов. Данный сдвиг обусловлен снижением процентных издержек и удлинением сроков погашения, а также высокой волатильностью рыночных ставок, делающей эмиссию облигаций экономически нецелесообразной для региона. Минимизация использования государственных гарантий связана с рисками субсидиарной ответственности.

Оценка долговой устойчивости на базе системы коэффициентов (табл. 1) подтверждает переход от кризисного к умеренно стабильному режиму. Коэффициент долговой нагрузки (*К1*) снизился с 68,8 % (2015 г.) до 30 % (2019 г.), однако в 2023–2025 гг. наблюдается обратный тренд (+6,9 п.п.), сигнализирующий о формировании нового долгового цикла. Показатель отношения долга к ВРП (*К2*) сохраняется в безопасных пределах (<10 %), но его рост с 4,9 до 6,8 % требует мониторинга. Коэффициент покрытия долга (*К6*) достиг пика в 2020 г. (3,73), после чего стабилизировался на уровне ~2,7–3,0, что свидетельствует о приемлемой ликвидности. Зависимость от трансфертов (*К4*) достигла максимума в 2020 г. (54,2 %), в последующие годы снизилась, однако коэффициент автономии (*К5*) остается волатильным, отражая уязвимость доходной базы к внешним шокам. Дефицит бюджета (*К7*) демонстрирует цикличность, обостряясь в кризисные периоды (2020, 2022 гг.). Социальная направленность расходов (*К8* ~55–60 %) ограничивает маневренность фискальной политики.

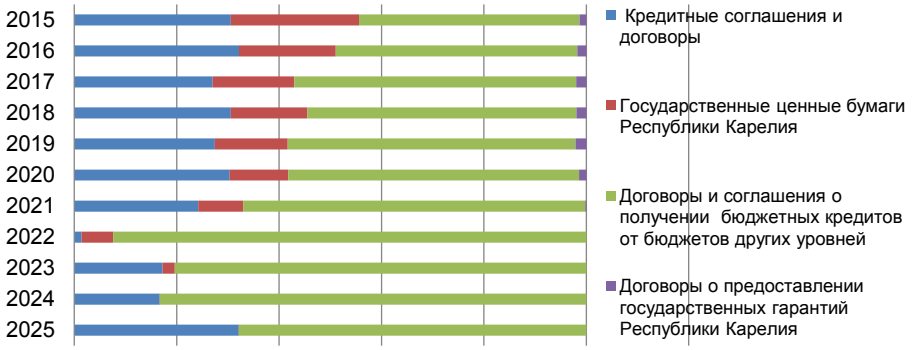

Рис. 3. Структура государственного долга РК за период с 2015 по 2025 гг., в % к общему объему [3]

Таблица 1

Показатели долговой зависимости РК в 2015–2025 гг. [3; 7]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
К1	68,8	66,9	65,3	43,9	30	26,8	30,3	27,5	33,3	34,5	37,2
К2	9,5	8,8	8,5	6,9	5,1	5,7	4,9	5,2	6,1	6	6,8
К3	3,9	3,9	3,3	2,4	1,3	1,2	1	0,7	0,8	1,4	2,8
К4	36,1	37,6	41,9	45,1	49	54,2	45,3	43	42,3	36,3	40,3
К5	63,9	62,4	58,1	54,9	51	45,8	54,7	57	57,7	63,7	59,7
К6	1,45	1,5	1,53	2,28	3,34	3,73	3,3	3,64	3	2,9	2,69
К7	-4222	-2924	-3283	2332	-734	-5246	422	-6993	-6092	-458,6	-3116
К8	68,2	60,9	60,5	58,2	54,1	55,9	56,4	52,3	55,7	54,7	57,8

Единая система обозначений, применяемая во всех формулах, где:
К1 – долговая нагрузка (госдолг/доходы), %
К2 – отношение госдолга к ВРП, %
К3 – расходы на обслуживание долга/ доходы, %
К4 – зависимость от МБТ (трансферты/доходы), %
К5 – коэффициент автономии (собств. доходы/доходы), %
К6 – покрытие долга (доходы/госдолг), раз
К7 – дефицит/профицит, млн. руб.
К8 – социальная нагрузка, % от расходов.

Интегральная оценка по методике Минфина России [5] и ст. 107.1 БК РФ (табл. 2) фиксирует стабильно «средний» уровень долговой устойчивости на всем горизонте исследования. Данное положение отражает компромисс между высокими значениями коэффициента долговой нагрузки в отдельные периоды и низкими показателями стоимости обслуживания (*К2, К3*), что указывает на контролируемость, но не на отсутствие фискальных рисков.

Таблица 2

Оценка долговой устойчивости РК по группам риска

Год	*К1* (долг/доходы), % (порог: ≤50 % / ≥85 %)	*К2* (обслуживание), % (порог: ≤13 % / ≥18 %)	*К3* (долг/ВРП), % (порог: ≤5 % / ≥8 %)	Расчетный уровень (по ст. 107.1 БК РФ)
2015	107,7 %	3,9 %	3,4 %	Средний
2016	107,2 %	3,9 %	3,5 %	Средний
2017	112,5 %	3,3 %	3,0 %	Средний
2018	79,9 %	2,4 %	2,5 %	Средний
2019	58,7 %	1,3 %	1,3 %	Средний
2020	58,6 %	1,2 %	1,1 %	Средний
2021	55,4 %	1,0 %	1,0 %	Средний
2022	50,9 %	0,7 %	0,7 %	Средний
2023	57,7 %	0,8 %	0,8 %	Средний
2024	54,1 %	1,4 %	1,4 %	Средний
2025	62,4 %	2,8 %	2,7 %	Средний

Выводы и заключение

По результатам исследования ранее выдвинутая гипотеза о том, что рост государственного долга РК определяется несбалансированностью бюджета при ограниченности инструментов формирования собственной доходной базы нашла свое подтверждение.

Подводя итоги проведенного анализа динамики государственного долга РК в 2015–2025 гг., можно констатировать наличие устойчивого структурного дисбаланса, отражающего особенности сложившейся бюджетно-долговой модели региона.

Ключевой проблемой выступает «долговая инерция», при которой текущая динамика долга определяется ранее накопленными обязательствами, а сам долг становится следствием дефицитов, а не инструментом развития. Это требует ужесточения региональных фискальных правил и внедрения бюджетирования, ориентированного на эффективность расходов.

Существенным ограничением остается структурный дефицит бюджета, обусловленный опережающим ростом расходов. Приоритетом должны стать увеличение налогового потенциала и диверсификация экономики региона.

Отдельной проблемой является институциональная зависимость от федерального центра, снижающая финансовую автономию. В этих условиях целесообразно формирование более гибкой структуры долгового портфеля. Дополнительно негативное влияние оказывает низкая гибкость социально-ориентированных расходов, ограничивающая перераспределение ресурсов; требуется их инвентаризация с акцентом на результативность.

Риск усиливается неравномерностью доходной базы, что осложняет бюджетное планирование. Решением выступает диверсификация экономики, развитие несырьевых отраслей и поддержка МСП. Одновременно наблюдается недостаточная развитость аналитического инструментария управления долгом, что требует внедрения эконометрических моделей, мониторинга устойчивости и сценарного анализа.

В целом долговая динамика РК носит структурный характер и определяется расходной моделью бюджета. Несмотря на формальное соблюдение критериев устойчивости, сохраняются риски нового долгового цикла, связанные с ростом обязательств, замедлением доходов и зависимостью от федеральной поддержки. Преобладание централизованных механизмов обеспечивает краткосрочную стабильность, но формирует долгосрочные институциональные ограничения.

Литература:

1. Подсевалова Е.Н., Митюрникова Л.А. К вопросу о природе бюджетного дефицита // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 2 (72). С. 17–28.
2. Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки – итоги 2025 года. URL: https://riarating.ru/images/63029/33/630293324.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
3. Объем и структура государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/subj/subdbt/ (дата обращения: 08.04.2026).
4. Постановление Правительства РФ от 04.03.2020 № 227 «Об утверждении Правил проведения оценки долговой устойчивости субъектов Российской Федерации» (с изм. на 11.10.2021). URL: https://docs.cntd.ru/document/564366730 (дата обращения: 08.04.2026).
5. Письмо Минфина России от 11.09.2023 № 02-10-08/1/86333 «Методические рекомендации по оценке бюджетных рисков и ведению реестра бюджетных рисков». URL: https://docs.cntd.ru/document/1302992097 (дата обращения: 08.04.2026).
6. Введение в экономику: учеб. / Е. Ветрова, Д. Елицур, Ф. Картаев [и др.]; Под ред. Ф. Картаева. М.: Экономическое образование, 2023. 416 с.
7. Классификация субъектов РФ по группам долговой устойчивости. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/subj/klass (дата обращения: 08.04.2026).

Analysis of the Dynamics and Structure of Public Debt (a Case Study of the Republic of Karelia)

Tatiana Gennadievna Kadnikova
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian)

This article examines the key determinants of public debt formation at the regional level in the Russian Federation, using the Republic of Karelia as a case study over the period 2015–2025. The relevance of the study is driven by the growing budgetary imbalances amid macroeconomic instability and external economic constraints. The aim of the research is to identify the main factors influencing debt dynamics and to assess the region's fiscal sustainability. The methodological framework includes correlation and regression analysis, evaluation of debt sustainability indicators in accordance with budget legislation criteria, and structural-dynamic analysis of budgetary flows. The findings indicate that debt dynamics are predominantly structural in nature and are largely driven by the growth of current expenditures, while gross regional product and intergovernmental transfers do not exert a statistically significant impact. A shift in debt policy toward the predominance of budget loans has been identified. The study concludes that a new debt cycle is emerging, generated by institutional constraints within the budget system. Measures are proposed to enhance debt sustainability through optimizing the revenue base, restructuring expenditure commitments, and implementing scenario-based modeling.

Keywords: public debt of a constituent entity of the Russian Federation, regional debt sustainability, budget deficit, Republic of Karelia

УДК 330.341.42
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-58-62
© Квон Г.М., Поздеева О.Г., 2026

Структурные различия в развитии промышленного сектора Уральского макрорегиона: инвестиционный аспект

Квон Гульнара Магсумовна
Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
(620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45; e-mail: sung2002@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2093-8699; Scopus ID: 56580309400; SPIN-код: 9445-2540)

Поздеева Ольга Геннадьевна
Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
(620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45; e-mail: ogp@usue.ru; ORCID: 0000-0003-0346-5332; SPIN-код: 2103-3679)

Статья продолжает исследования трансформационных процессов в промышленности с упором на инвестиционный аспект структурных различий Уральского макрорегиона.

Цель исследования – выявить и количественно оценить структурные различия в территориальном распределении инвестиций в основной капитал промышленности по трём видам экономической деятельности (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, прочее) в разрезе семи регионов Уральского экономического района за период 2005–2024 гг. с использованием индекса В.М. Рябцева.

Научная и практическая значимость работы заключается в получении точной количественной оценки структурных различий, что может служить основой для корректировки региональной промышленной политики.

Результаты проведённого исследования: установлено, что наибольшие структурные различия зафиксированы в добывающем секторе (индекс Рябцева – 0,255), меньшие – в обрабатывающих производствах (0,192) и энергетике (0,183). Выявлен ключевой вектор перераспределения инвестиций - от Оренбургской области к Пермскому краю, Свердловской и Челябинской областям.

По результатам статьи сделан вывод о том, что инвестиции в промышленность макрорегиона высоки, но территориально неравномерны. Сопоставление с данными АКРА подтверждает, что это часть общероссийских процессов: усиление роли нестоличных мегаполисов, снижение позиций добывающих регионов и замедление структурных изменений после 2022 г.

Научная новизна работы: применение индекса Рябцева к территориальному распределению инвестиций в промышленность макрорегиона позволило получить количественное представление о существующих структурных различиях в разрезе трёх видов деятельности.

Ключевые слова: *трансформация, регион, Уральский макрорегион, промышленный сектор макрорегиона, инвестиции, отрасль, индекс Рябцева, структурные различия*

Для цитирования: *Квон Г.М., Поздеева О.Г. Структурные различия в развитии промышленного сектора Уральского макрорегиона: инвестиционный аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 58–62. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-58-62.*

Исследование структурных различий в региональной экономике остается актуальной задачей. Как отмечает А.И. Трейвиш, неравномерность пространственного развития – это не только научная проблема, но и фундаментальная российская реальность [1].

Промышленность выступает системообразующим элементом экономики Уральского макрорегиона, исторически обладающего мощной производственной базой. В условиях технологической трансформации перед регионом стоят серьезные вызовы модернизации. При этом для понимания реального вектора развития недостаточно анализировать лишь динамику объемов производства. Анализ территориального распределения инвестиционных потоков позволяет выявить лидеров и аутсайдеров, оценить концентрацию капитала и скорректировать региональную политику, поскольку инвестиции в основной капитал служат опережающим индикатором будущей конфигурации промышленности.

Как обосновывает О.С. Сухарев, структурные сдвиги – это изменение соотношения долей элементов системы, причем их интенсивность существенно варьируется в зависимости от временного горизонта и показателя [2]. И здесь Уральский макрорегион представляет собой уникальный объект для такого анализа. По мнению Е.Г. Анимицы и И.В. Ивлевой, крупные города макрорегиона завершили длительный цикл индустриального развития и сегодня перед ними стоит задача структурной модернизации [3].

В исследованиях Г.М. Квон и О.Г. Поздеевой показано, что, несмотря на высокий уровень инвестиций в промышленность Урала, происходит ее постепенная трансформация, отражающая общероссийские макроэкономические изменения [4; 5].

Важные выводы об инвестиционной динамике в России содержатся в работах А.С. Молчан и Н.В. Погребной, которые подчеркивают необходимость усиления государственной поддержки инвестиций в условиях нестабильности рынка [6]. И.А. Кириченко и А.В. Смирнов указывают на крайне неравновесное, «маятниковое» состояние инвестиционного комплекса, что затрудняет реализацию долгосрочных программ [7].

Особое значение для работы имеет исследование А.А. Широва, О.В. Кузнецовой, Н.Н. Михеевой и М.Н. Узякова, подчеркивающих высокую инерционность пространственных пропорций экономики и долгосрочное влияние сложившихся трендов на региональную динамику. При этом авторы фиксируют, что в процессе адаптации к санкциям относительные позиции регионов изменились и появились новые лидеры роста [8].

Методология исследования

В настоящем исследовании используется индекс В.М. Рябцева [9], используемый для сравнительного анализа структурных различий: он представляет собой обобщающий критерий J_r, позволяющий определить меру существенности различий двух структур:

$$J_r = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^{n}(d_2 - d_1)^2}{\sum_{i=1}^{n}(d_2 + d_1)^2}}, \quad (1)$$

где J_r – интегральный коэффициент структурных различий Рябцева;

d_1, d_2 – удельные значения градаций двух структур;

i – элемент структуры;

n – число градаций.

Интерпретация полученных значений J_r осуществляется на основе шкалы, согласно которой значения в интервале 0,151–0,300 соответствуют существенному уровню различий, 0,301–0,500 – значительному уровню, а 0,071–0,150 – низкому уровню [9].

Объектом исследования выступают семь регионов Уральского экономического района: Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Пермский край, Курганская область, Оренбургская область, Свердловская область, Челябинская область. Анализируемый период – 2005–2024 гг. Информационной базой служат данные Федеральной службы государственной статистики об инвестициях в основной капитал по трём видам деятельности: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды [10].

Результаты исследования

Расчёт удельных весов, позволяющих в дальнейшем рассчитать индекс Рябцева для трёх секторов промышленности, представлен на рисунке 1.

Как показывает рисунок 1, ключевой вектор изменений – перераспределение инвестиционных потоков от Оренбургской области к регионам Северного и Среднего Урала. Доля Оренбургской области сократилась с 47,4 % в 2005 г. до 28,2 % в 2024 г. (снижение на 19,2 п.п.), тогда как доля Пермского

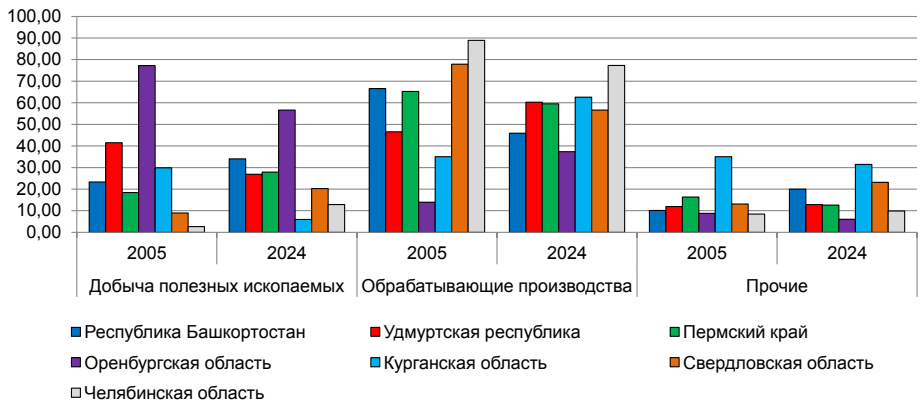

Рис. 1. Динамика удельного веса инвестиций в основной капитал промышленности регионов Уральского макрорегиона за 2005–2024 гг.

Рассчитано авторами по данным Росстата [10].

края выросла на 7,5 п.п. (с 13,2 до 20,7 %), Свердловской области – на 7,3 п.п. (с 8,9 до 16,2 %), Челябинской области – на 6,9 п.п. (с 2,3 до 9,2 %).

Этот результат согласуется с общероссийскими тенденциями, зафиксированными в докладе Аналитического Кредитного Рейтингового Агентства (АКРА): роль добычи полезных ископаемых в экономике снижается, а добывающие регионы теряют позиции по большинству показателей [11]. Кроме того, как отмечают И.А. Кириченко и А.В. Смирнов, экспортно-сырьевая направленность экономики, рассмотренная через призму показателя «инвестиции в основной капитал», не только сохранилась, но и в ещё большей степени усилилась за последние годы, хотя в добывающем секторе происходят значительные внутренние перераспределения инвестиций [7].

Наиболее значимые изменения в секторе «обрабатывающие производства» выражаются в снижении доли Республики Башкортостан на 7,8 п.п. (с 19,6 до 11,8 %), сокращении доли Свердловской области на 6,4 п.п. (с 27,9 до 21,5 %) при росте долей Пермского края на 4,2 п.п. (с 16,9 до 21,1 %) и Удмуртской Республики на 4,1 п.п. (с 3,1 до 7,2 %). Совокупная доля трёх регионов-лидеров (Свердловская, Челябинская области и Республика Башкортостан) снизилась с 76,2 до 59,7 %, что свидетельствует о децентрализации инвестиционных потоков.

Согласно выводам АКРА, значимость обрабатывающей промышленности за последние три года возросла [11]. Как отмечают А.А. Широв и соавторы, в процессе адаптации к санкциям изменились относительные позиции регионов, появились новые лидеры роста, производство в которых связано с ростом оборонного заказа либо активным импортозамещением [8]. В Уральском макрорегионе это проявляется в росте инвестиционной привлекательности Пермского края и Удмуртской Республики.

Необходимо отметить и пространственные различия. Агентство АКРА фиксирует усиление роли нестоличных городов-миллионеров в инвестициях [11]. В Уральском макрорегионе это подтверждается ростом инвестиционных долей Челябинской области (с 20,1 до 22,0 % в промышленности в целом) и Пермского края (с 14,9 до 15,4 %). Согласно докладу, наиболее быстро структурные изменения происходили в 2022 г., после чего их темпы замедлились [11]. Расчёты индекса Рябцева по годам демонстрируют аналогичную динамику: пик в 2022 г. (0,087) и небольшое снижение к 2023 г. (0,080).

Как подчёркивают А.С. Молчан и Н.В. Погребная, ситуация, сложившаяся в экономике России, даёт понять, что нельзя полагаться исключительно на саморегулирующийся рынок. Именно поэтому усиление роли государственной поддержки инвестиций, развитие и совершенствование инвестиционной политики являются залогом успешного развития данного сектора экономики, что напрямую относится и к Уральскому макрорегиону [6]. С учетом фактических данных структуры инвестиций по видам деятельности промышленного сектора, (рис. 1), представим результаты индекса Рябцева (табл. 1).

Таблица 1

Интенсивность структурных различий по секторам промышленности Уральского экономического района (2005–2024 гг.)

Сектор промышленности	Индекс Рябцева	Характеристика различий
Добыча полезных ископаемых	0,255	Существенный уровень
Обрабатывающие производства	0,192	Существенный уровень
Прочие	0,183	Существенный уровень

Рассчитано авторами по данным Росстата [10].

Проведённые расчёты индекса Рябцева позволили количественно оценить интенсивность структурных территориальных сдвигов в распределении инвестиций в основной капитал промышленности Уральского макрорегиона за период 2005–2024 гг. Полученные значения составили 0,255 для добычи полезных ископаемых, 0,192 для обрабатывающих производств и 0,183 для прочих производств промышленного сектора. Согласно шкале оценки меры существенности структурных различий, разработанной В.М. Рябцевым, все три значения попадают в интервал 0,151–0,300, что характеризуется как существенный уровень различий. Это означает, что за исследуемый период в каждом из трёх секторов промышленности Уральского макрорегиона произошли

заметные изменения в территориальной структуре инвестиций.

Наибольшая интенсивность структурных сдвигов зафиксирована в добывающем секторе (J_r = 0,255). Данный результат говорит о том, что за исследуемый период произошло существенное перераспределение инвестиционных потоков между регионами внутри макрорегиона. Высокая интенсивность структурных сдвигов в добывающем секторе отражает не пространственную мобильность сырьевой базы, а смену инвестиционных приоритетов в её освоении и развитии.

Обрабатывающая промышленность демонстрирует также существенный, но менее выраженный уровень структурных различий (J_r = 0,192). Данный результат объясняется, во-первых, высокой степенью инерционности сложившейся промышленной специализации регионов Урала (металлургия, машиностроение, химическая промышленность), которая меняется медленнее, чем инвестиционная политика в добывающих отраслях. Во-вторых, зафиксированное в обрабатывающей промышленности изменение инвестиционных долей регионов, представленное выше, свидетельствует о процессе децентрализации инвестиционных потоков, который протекает достаточно интенсивно, но без резких скачков.

Наименьшее значение индекса Рябцева характерно для прочих видов деятельности промышленного сектора (J_r = 0,183), что также соответствует существенному уровню различий, но является минимальным в ряду сравниваемых величин. Это позволяет утверждать, что структурные изменения в территориальном распределении инвестиций в производство и распределение электроэнергии, газа и воды были наименее интенсивными, что может объясняться более высокой степенью регулируемости этого сектора, значительной долей государственного участия и долгосрочным характером инвестиционных проектов (строительство и модернизация генерирующих мощностей, сетевой инфраструктуры), что ограничивает возможности для быстрого территориального перераспределения инвестиций.

Заключение

В ходе исследования с применением индекса В.М. Рябцева количественно оценены структурные различия в территориальном распределении промышленных инвестиций в Уральском макрорегионе за 2005–2024 гг. Установлено, что во всех трех анализируемых секторах произошли сдвиги существенного уровня. Наибольшая интенсивность зафиксирована в добывающем секторе (0,255), тогда как обрабатывающая промышленность (0,192) и энергетика (0,183) демонстрируют более инерционную, но также заметную децентрализацию инвестиционных потоков.

Ключевым вектором трансформации стало перераспределение капитала от Оренбургской области к Пермскому краю, Свердловской и Челябинской областям. Эта динамика согласуется с общероссийскими трендами (по данным АКРА): снижением роли сырьевых регионов, усилением нестоличных промышленных центров и замедлением структурных изменений после 2022 г.

Практическая значимость работы заключается в использовании полученных оценок для корректировки региональной промышленной политики. Для сглаживания территориальных диспропорций и устойчивого развития макрорегиона необходима адресная государственная поддержка инвестиционных проектов, ориентированных на структурную модернизацию и диверсификацию экономики территорий с замедляющейся активностью.

Литература:

1. Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 29–48. DOI: 10.14530/se.2019.4.013-035.
2. Сухарев О.С. Технологическое развитие: влияние структуры инвестиций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 36–55. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2.
3. Анимица Е.Г., Ивлева И.В. Структурная модернизация промышленности крупнейших городов Урала: новый виток в спирали развития // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 23. С. 2–9.
4. Квон Г.М., Поздеева О.Г. Инвестиционно-отраслевой аспект трансформации промышленного сектора региона // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 54–59. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-54-59.
5. Квон Г.М., Поздеева О.Г. Исследование структурных сдвигов промышленности региона // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2025. № 2 (111). С. 69–81. DOI: 10.21295/2223-5639-2025-2-69-81.
6. Молчан А.С., Погребная Н.В. Инвестиционная активность в российской экономике и структурные сдвиги в формировании инвестиционных ресурсов страны // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 129. С. 116-129. DOI: 10.21515/1990-4665-129-010.

7. Кириченко И.А., Смирнов А.В. Инвестиционный комплекс России: структурные сдвиги // Мир новой экономики. 2020. Т. 14. № 4. С. 110–122. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-110-122.
8. Широв А.А., Кузнецова О.В., Михеева Н.Н., Узяков М.Н. Роль пространственного развития при достижении национальных целей российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4 (211). С. 11–23. DOI: 10.47711/0868-6351-211-11-23.
9. Лякин А.Н. Структурные сдвиги в российской экономике: потенциал деловых циклов исчерпан // ЭКО. 2020. № 7 (553). С. 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-8-28.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035 с.
11. Аналитическое Кредитное Рейтинговое Агентство (АКРА). Структурные изменения в экономике России в 2022–2024 годах. Москва, 2025. URL: https://www.acra-ratings.ru/research/2812 (дата обращения: 11.06.2026).

Structural Differences in the Industrial Sector Development of the Ural Macroregion: An Investment Perspective

Gulnara Magsumovna Kvon, Olga Gennadyevna Pozdeeva
Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

This article continues the research on transformation processes in the industrial sector, focusing on the investment aspect of structural disparities in the Ural macro-region.

The purpose of the study is to identify and quantitatively assess structural disparities in the territorial distribution of fixed capital investments in industry across three types of economic activity (mining, manufacturing, and other) in seven regions of the Ural Economic District for the period 2005–2024, using the V.M. Ryabtsev index.

The scientific and practical significance of the study lies in providing an accurate quantitative assessment of structural disparities, which can serve as a basis for adjusting regional industrial policy.

Research results: the greatest structural disparities were found in the mining sector (Ryabtsev index: 0.255), with lesser disparities in manufacturing (0.192) and energy (0.183). A key vector of investment redistribution was identified: from the Orenburg region to the Perm Krai, Sverdlovsk, and Chelyabinsk regions.

Conclusions: investments in the macro-region's industry are high but territorially uneven. A comparison with ACRA data confirms that this is part of nationwide trends: the growing role of non-capital megacities, the declining positions of resource-extracting regions, and a slowdown in structural changes after 2022.

Scientific novelty: the application of the Ryabtsev index to the territorial distribution of industrial investments in the macro-region provided a quantitative assessment of existing structural disparities across the three types of economic activity.

Keywords: transformation, region, Ural macroregion, industrial sector of the macroregion, investments, industry, Ryabtsev index, structural differences

УДК 353
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-63-68
© Косарева А.В., 2026

Социальная направленность государственной поддержки некоммерческих организаций в России

Косарева Анастасия Владимировна
Ассистент кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
(191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21; e-mail: avp9308@mail.ru;
SPIN-код: 7021-7300; AuthorID: 1308163)

В статье предложен авторский подход к сравнительной оценке эффективности финансовых, налоговых и инфраструктурных инструментов на основе разработанной системы показателей – охват, устойчивость, социальный эффект на рубль затрат. Методическую основу составили анализ нормативных актов, обобщение научных публикаций и сопоставление открытых статистических данных. Показано, что государственная поддержка некоммерческих организаций реализуется через финансовые, налоговые, организационные и инфраструктурные инструменты и ориентирована прежде всего на расширение доступа граждан к социальным услугам, развитие добровольчества и укрепление гражданских инициатив.

Сделан вывод о необходимости сочетать меры государственной поддержки с механизмами публичной отчетности, независимой оценки результатов и развитием устойчивых источников финансирования некоммерческого сектора. Практическая значимость работы дополнена авторской методикой балльной оценки эффективности поддержки по критериям: доступность – результативность – устойчивость, которая может быть внедрена региональными органами власти.

Ключевые слова: *некоммерческие организации, социально-ориентированные некоммерческие организации, государственная поддержка, президентские гранты, эндаумент-фонды, социальная политика*

Для цитирования: *Косарева А.В. Социальная направленность государственной поддержки некоммерческих организаций в России // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 63–68. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-63-68.*

В российской социальной политике некоммерческие организации (НКО) постепенно переходят из категории вспомогательных участников в число значимых партнеров государства. Такое изменение связано не только с расширением спектра социальных рисков, но и с необходимостью более гибкой и адресной помощи различным группам населения. Практика показывает, что государственные структуры сохраняют определяющую роль в финансировании и нормативном регулировании социальной сферы, однако далеко не всегда способны оперативно реагировать на локальные запросы граждан [1; 2].

Социально-ориентированные некоммерческие организации обладают рядом преимуществ, которые делают их востребованными в системе общественной поддержки. К их числу относятся близость к целевым группам, способность работать с узкими категориями получателей помощи, использование проектных форм управления и готовность к апробации новых социальных технологий [3; 4]. По этой причине государственная поддержка некоммерче-

ских организаций может рассматриваться не как факультативная мера, а как один из инструментов повышения результативности социальной политики.

Научная проблема исследования состоит в том, что увеличение бюджетных и внебюджетных ресурсов, направляемых в некоммерческий сектор, не всегда сопровождается сопоставимым ростом общественного эффекта. В этой связи возникает задача определить, какие именно формы государственной поддержки наиболее значимы для социальных результатов и какие ограничения снижают их эффективность.

Цель статьи – проанализировать социальную направленность государственной поддержки некоммерческих организаций и оценить ключевые тенденции ее развития в России.

Государственная поддержка некоммерческих организаций в социальной сфере имеет выраженную социальную направленность и реализуется по нескольким взаимосвязанным направлениям [4–6].

Во-первых, она нацелена на расширение конкретных социальных проблем. НКО участвуют в оказании помощи людям с инвалидностью, пожилым гражданам, семьям с детьми, детям-сиротам, бездомным, а также гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Преимущество таких организаций состоит в возможности точнее выявлять реальные потребности благополучателей и адаптировать набор услуг к условиям конкретной территории или социальной группы [3; 7].

Во-вторых, поддержка некоммерческих организаций способствует развитию гражданского участия. Через деятельность благотворительных, просветительских, экологических и правозащитных объединений формируются практики солидарности, общественного контроля и самоорганизации граждан. В этом смысле государственное финансирование выполняет не только распределительную, но и институциональную функцию, укрепляя инфраструктуру общества [1; 4].

В-третьих, важным направлением выступает стимулирование добровольчества, социального проектирования и социального предпринимательства. Предоставление грантов, консультационной помощи, доступа к образовательным программам и ресурсным центрам создает условия для тиражирования успешных практик и повышения профессионального уровня некоммерческого сектора [3; 4].

Формы государственной поддержки НКО можно сгруппировать следующим образом: финансовые (гранты, субсидии, налоговые льготы), организационно-правовые (упрощение отдельных процедур регистрации и отчетности, нормативное закрепление статуса социально-ориентированных некоммерческих организаций) и инфраструктурные меры (ресурсные центры, обучение, консультационное сопровождение, предоставление площадок и сервисов) [4–6].

Для системной оценки значимости различных форм поддержки в России предложен метод сравнительного анализа по трем критериям: охват – доля некоммерческих организаций, получающих финансовую поддержку, льготы по налогам, имущественную и инфраструктурную поддержку; устойчивость – способность инструмента обеспечивать долгосрочное планирование; социальная эффективность – соотношение достигнутого общественного эффекта к объему финансирования. Методика оценки осуществлялась по пятибалльной шкале на основе анализа открытых статистических данных, годовых отчетов Фонда президентских грантов, докладов Минэкономразвития России и данных по регионам. Баллы распределялись по: количественным показателям – доля организаций, получивших поддержку, объем финансирования, число реализованных проектов; качественным показателям – возможность долгосрочного планирования. Результаты сравнения представлены в таблице 1.

Таким образом, из приведенной таблицы 1 можно отметить следующее: самый высокий совокупный результат демонстрирует инфраструктурная поддержка – она сочетает хороший охват и выраженный социальный эффект. Финансовая и имущественная поддержки набрали по 11 баллов: при этом грантовая поддержка отличается высокой доступностью, но показывает низкий уровень долгосрочной устойчивости. В случае с имущественной поддержкой, напротив, устойчивость высокая, однако охват остаётся ограниченным – ею пользуется узкий круг организаций. Налоговые льготы по итогам рейтинга заняли последнее место: их польза умеренная, хотя по показателю долгосрочной устойчивости они показали достаточно хороший результат.

Исходя из проведенного анализа, для повышения результативности государственной поддержки целесообразно сместить акцент с прямого финан-

Таблица 1

Сравнительная оценка эффективности форм государственной поддержки некоммерческих организаций

Форма поддержки	Охват	Устойчивость	Социальная эффективность	Общий рейтинг
Финансовая (гранты)	5	2	4	11
Налоговые льготы	3	4	3	10
Имущественная поддержка	2	5	4	11
Инфраструктурная (ресурсные центры)	4	3	5	12

Составлено автором на основании открытых источников [8–11].

сирования на развитие ресурсных центров, а также расширить имущественную поддержку.

В таблице 2 представлен свод услуг, оказанных социально ориентированными организациями в 2021–2025 гг. Выбор пал на Санкт-Петербург: город входит в тройку лидеров по числу зарегистрированных СОНКО (4997 на 2025 г.), объёму субсидий (2,7 млрд руб. в 2024 г.) [12] и доле получивших финансовую поддержку организаций (в 2025 г. она составила более 1,2 млн руб) [13].

Анализ таблицы 2 позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, имущественная поддержка государства для СОНКО стабильно растёт: по сравнению с 2021 г. площадь предоставленных помещений увеличилась в 6,7 раза. Механизмы льготной аренды (после принятия Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [15] и долгосрочные договоры действительно повышают предсказуемость и дают организациям возможность планировать развитие. Однако наблюдается и дифференциация: например, «Санкт-Петербургский союз художников» получил 150 договоров, что свидетельствует о снижении разнообразия среди получателей поддержки. Социальные организации (помогающие бездомным, инвалидам, кризисные центры) получают помещения реже, чем творческие союзы.

Во-вторых, поддержка социальных программ и общественных объединений заметно выросла: сумма выделенных пожертвований увеличилась в 4,4 раза. При этом большая часть средств (111 млн руб.) ушла на гранты объединениям, занимающимся поддержкой инвалидов, ветеранов и семей участников СВО, а также на патриотические проекты. Это отчасти вытесняет финансирование узкоспециализированных услуг — например, для людей с редкими заболеваниями. Также отмечается перераспределение бюджетных средств: ресурсы смещаются из сфер культуры и молодёжной политики в социальный блок.

В-третьих, в сфере культуры и искусства в период с 2021 по 2024 гг. наблюдался стабильный рост, но в 2025 г. число поддержанных мероприятий резко сократилось – с 270 до 49 случаев. Субсидии сконцентрированы на социальной сфере и обороне.

В сфере образования пожертвования выросли на 67 % за пять лет: средства направляются на оплату труда педагогов и закупку учебников. При этом выявлено неравномерное распределение помощи по районам города (Московский, Выборгский, Василеостровский) – требуется корректировка мер поддержки для территорий с низкой плотностью школ. Кроме того, в Санкт-Петербурге отсутствуют субсидии для частных организаций дополнительного образования, не входящих в систему общего образования.

Данные по молодёжной политике также подтверждают приоритет социальных выплат и обороны: до 2024 г. в городе сохранялся высокий уровень содействия (более 400 млн руб. ежегодно), но в 2025 г. объёмы сократились почти в три раза – до 144 млн руб.

Поддержка приютов для домашних животных показала рост государственной помощи в 2,8 раза за

Таблица 2

Структура сфер деятельности СОНКО по субъекту Санкт-Петербург

№	Форма поддержки	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
1.	Имущественная (аренда/ безвозмездное пользование)	22 случая 2950 кв.м	120 случаев 8600 кв.м	180 случаев 12400 кв.м	210 случаев 15700 кв.м	225 случаев 19780 кв.м
2.	Социальные программы и общественные объединения (помощь уязвимым группам, патриотизм, гранты объединениям)	42 случая 48500 тыс.руб.	37 случаев 49500 тыс.руб.	43 случая 56400 тыс.руб.	44 случая 59300 тыс.руб.	90 случаев 261296 тыс.руб.
3.	Сфера культуры и искусства	112 случаев 609400 тыс.руб.	225 случаев 1341000 тыс. руб.	248 случаев 1681000 тыс. руб.	270 случаев 278000 тыс.руб.	49 случаев 1081904 тыс. руб.
4.	Образование (субсидии частным школам и детским садам)	19 случаев 186400 тыс.руб.	22 случая 210 000 тыс. руб.	25 случаев 245000 тыс.руб.	28 случаев 278000 тыс.руб.	29 случаев 310742 тыс.руб.
5.	Молодежная политика и СМИ	101 случай 13500 тыс.руб.	95 случаев 369600 тыс.руб.	105 случаев 424200 тыс.руб.	108 случаев 421500 тыс.руб.	59 случаев 144344 тыс.руб.
6.	Приюты для животных	10 случаев 13500 тыс.руб.	12 случаев 16200 тыс.руб.	14 случаев 18500 тыс.руб.	15 случаев 20100 тыс.руб.	12 случаев 37292 тыс.руб.
7.	Прочие виды (конгрессы, трудоустройство, реставрация, социальная реклама)	112 случаев 387300 тыс.руб. + 1500 кв.м	105 случаев 413500 тыс.руб. + 1200 кв.м	122 случая 454200 тыс.руб. + 1800 кв.м	134 случая 495000 тыс.руб. + 2000 кв.м	10 случаев 229623 тыс.руб. (без аренды)

Составлено автором на основании открытых источников [14].

весь период, особенно значительный скачок произошёл в 2025 г. (+85% к субсидиям 2024 г.). Приюты получают средства на содержание животных, что снижает нагрузку на муниципальные службы. Однако число самих поддерживаемых приютов остаётся практически неизменным (12–15), а в программах поддержки отсутствует финансирование программ стерилизации – это способствует росту числа бездомных животных. Целесообразно расширить круг получателей, включив небольшие частные приюты, работающие на волонтёрских началах, и добавить в программу субсидии на стерилизацию и чипирование.

Показатели по прочим направлениям (конгрессы, трудоустройство, реставрация, социальная реклама) свидетельствуют о резком падении числа проектов, хотя выделяемое государством субсидирование остаётся высоким (229 млн руб.). Были запущены новые для города крупные проекты – на повышение производительности труда (152 млн руб.) и реставрацию памятников (69 млн руб.). При этом ряд мелких субсидий (на трудоустройство инвалидов, адаптацию мигрантов, модернизацию рабочих мест) к 2025 г. исключили – ранее они составляли основу этой категории. Данные указывают на реорганизацию финансирования.

После детального анализа по выбранному субъекту автором выявлены ключевые диспропорции: концентрация имущественной поддержки на отдельных организациях, резкое сокращение финансирования культуры и молодёжной политики, а также отсутствие субсидий по ряду важных направлений (стерилизация животных, дополнительное образование).

Проблемы государственной поддержки НКО, выявленные на региональном уровне, требуют более глубокого анализа для определения их природы. Методологический переход от локального исследования к общероссийскому анализу позволяет не только верифицировать региональные особенности распределения субсидий, но и выявить системные сбои в механизме государственной поддержки некоммерческого сектора. Приведённые в таблице 3 данные подтверждают сохранение межрегиональных диспропорций, что обостряет проблему сопоставимой оценки социальной эффективности поддержки [1].

Наряду с федеральными инструментами поддержки существенную роль играют региональные меры. Анализ данных по рассматриваемым федеральным округам за 2022–2024 гг. свидетельствует о сохраняющейся неравномерности в объемах субсидий, предоставляемых социально-ориентированным некоммерческим организациям из бюджетов субъектов Российской Федерации (табл. 3). Наиболее высокие показатели традиционно демонстрирует Центральный федеральный округ, что связано с высокой концентрацией некоммерческих организаций и относительно большей бюджетной обеспеченностью. В то же время в Дальневосточном и Сибирском округах объемы поддержки на одну организацию остаются ниже среднего уровня по Российской Федерации [16].

Факторами, влияющими на региональную дифференциацию, выступают не только различия в доходах бюджетов, но и активность самого некоммерческого сектора, наличие ресурсных центров, а также сложившиеся практики взаимодействия между органами власти и некоммерческими организациями. В ряде субъектов эффективно работают конкурсные механизмы и обеспечивается софинансирование федеральных грантов, тогда как в других регионах сохраняется высокая административная нагрузка и ограниченный доступ организаций к информации о доступных мерах поддержки [2].

Таким образом, государственная поддержка некоммерческих организаций в России носит выраженный социальный характер и ориентирована на решение общественно значимых задач, которые не всегда могут быть эффективно закрыты исключительно силами государственных учреждений. Проведенный анализ показывает, что наибольшее значение для развития сектора имеют грантовые механизмы, налоговые и организационные преференции, а также создание инфраструктуры сопровождения некоммерческих организаций [3–5]. Одновременно остаются актуальными проблемы оценки эффективности, прозрачности процедур и финансовой устойчивости организаций [1].

Вместе с тем количественный рост поддержки не исключает наличия системных ограничений. К ним относятся сложность сопоставимой оценки социальных результатов, различия в управленческой зрелости некоммерческих организаций, зависимость

Таблица 3

Объем субсидий социально-ориентированным некоммерческим организациям из федерального бюджета Российской Федерации в 2022–2024 гг. по федеральным округам, млрд руб.

Федеральный округ	2022 г.	2023 г.	2024 г.	% НКО, получивших поддержку
Центральный	4,2	4,8	5,3	38
Северо-Западный	2,1	2,4	2,7	35
Южный	1,8	2,0	2,3	32
Приволжский	3,0	3,4	3,9	36
Уральский	1,5	1,7	1,9	30
Сибирский	1,9	2,2	2,5	31
Дальневосточный	1,2	1,4	1,6	28

Составлено автором на основе сводных отчетов Минэкономразвития Российской Федерации и данных региональных конкурсных комиссий [16–18].

части организаций от грантовых циклов и сохраняющаяся административная нагрузка при подготовке отчетности [1; 19; 20]. Немаловажным остается и вопрос баланса между государственным участием и самостоятельностью некоммерческого сектора.

Следовательно, повышение результативности государственной поддержки связано не только с простым наращиванием объемов финансирования, но и с совершенствованием механизмов отбора, мониторинга, публичной отчетности и развитием партнерской модели взаимодействия государства и гражданского общества.

После проведённых исследований авторами предлагается понятие социально ориентированной эффективности государственной поддержки – это целостная концепция, которая включает в себя не только объём средств для поддержания государством социально ориентированных некоммерческих организаций, но и их самостоятельность, уровень доверия граждан и устойчивость.

Литература:

1. Кулькова В.Ю. Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 года // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С. 5–21.
2. Управление в социальной сфере: курс лекций. URL: https://kchgu.ru/wp-content/uploads/2020/05/Upravlenie-v-socialnoj-sfere-kurs-lekcij.pdf (дата обращения: 11.03.2026).
3. Социально ориентированные НКО: практические аспекты деятельности. URL: https://reg-nko.ru/article/socialno-orientirovannye-nko-prakticheskie-aspekty-deyatelnosti (дата обращения: 27.02.2026).
4. Методические рекомендации органам государственной власти и органам местного самоуправления по вопросам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций // Минэкономразвития России. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/socorientnoncomorg/doc20120823_012e_mld_21962_ald_412953.html (дата обращения: 11.03.2026).
5. Федеральный закон от 13.07.2020 № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.07.2021 № 1290. URL: http://government.ru/docs/all/135858/ (дата обращения: 26.01.2026).
7. Минюст России. Сведения о некоммерческих организациях. URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx (дата обращения: 26.05.2025).
8. Информационно-аналитический журнал Университетская книга. URL: https://clck.ru/3TzB2Y (дата обращения: 13.06.2026).
9. Росмолодежь. URL: https://clck.ru/3TzBBs (дата обращения: 13.06.2026).
10. Тюхов Д.С. Барьеры развития ресурсных центров для СО НКО: региональный аспект (на материалах СЗФО) // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9. С. 91–102.
11. За девять лет Фонд президентских грантов направил на поддержку НКО 76 миллиардов. URL: https://mt.gazeta.ru/blog/43431355184/Za-devyat-let-Fond-prezidentskih-grantov-napravil-na-podderzhku-?&utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 13.06.2026).
12. С помощью такого подхода можно переносить выводы на другие лидирующие субъекты и с осторожностью внедрять эти процессы в отстающие субъекты. URL: https://clck.ru/3Tzupu (дата обращения: 13.06.2026).
13. Партнер НКО+. URL: https://clck.ru/3TzyAn
14. Администрация Санкт-Петербурга. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/organizacii-tretego-sektora/reestr-socialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizaciyah-poluchat/ (дата обращения: 15.05.2026).
15. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс.
16. РИА Новости. Материал о поддержке НКО. URL: https://ria.ru/20240626/nko-1955554955.html (дата обращения: 26.01.2026).
17. Открытые данные по конкурсам Фонда президентских грантов за 2023 г. URL: https://файлы.президентскиегранты.рф/f56b31c6-da2f-408d-8353-2d945f82da55 (дата обращения: 10.02.2026).
18. Открытые данные по конкурсам Фонда президентских грантов за 2017–2022 гг. URL: https://файлы.президентскиегранты.рф/317a6008-5f4c-4f27-af66-5926358e21e8 (дата обращения: 10.03.2026).
19. Фонд президентских грантов. URL: https://президентскиегранты.рф/ (дата обращения: 26.01.2026).
20. Оценка проектов Фонда президентских грантов. URL: https://оценка.гранты.рф/ (дата обращения: 10.03.2026).

The Social Orientation of Government Support for Non-Profit Organizations in Russia

Anastasia Vladimirovna Kosareva
Saint-Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

The article offers the author's approach to the comparative assessment of the effectiveness of financial, tax and infrastructural instruments based on the developed system of indicators - coverage, sustainability, social effect on the cost level. The methodological basis consisted of an analysis of regulations, a synthesis of scientific publications and a comparison of open statistical data. It is shown that government support for non-profit organizations is implemented through financial, tax, organizational and infrastructural tools and is primarily focused on expanding citizens' access to social services, developing volunteerism and strengthening civic initiatives.

It is concluded that it is necessary to combine government support measures with mechanisms for public reporting, independent evaluation of results and the development of sustainable sources of financing for the non-profit sector. The practical significance of the work is complemented by the author's methodology for scoring the effectiveness of support according to the criteria: accessibility – effectiveness – sustainability, which can be implemented by regional authorities.

Keywords: non-profit organizations, socially oriented non-profit organizations, government support, presidential grants, endowment funds, social policy

УДК 35.073.5
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-69-75
© Кузнецова Э.Р., Семенова И.В., Маханьков Ф.В., 2026

Формирование трехстороннего механизма общественного аудита: факторы и условия трансформации

Кузнецова Эльвира Рудольфовна
Доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции
Пермского государственного национального исследовательского университета
(614068, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: Elviratashgrs@mail.ru;
Researcher ID: 0000-0001-8579-2411; SPIN-код: 9914-5080; Author ID: 656474)

Семенова Ирина Владимировна
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции
Пермского государственного национального исследовательского университета
(614068, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: stillmay@yandex.ru;
Researcher ID: 0000-0003-2962-1591; SPIN-код: 4572-1584; Author ID: 852970)

Маханьков Федор Васильевич
Соискатель кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции
Пермского государственного национального исследовательского университета
(614068, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: fedorwas@mail.ru;
Researcher ID: 0009-0004-6149-9092; SPIN-код: 3161-5663; AuthorID: 1254209)

В современных системах государственного управления возрастает востребованность трехсторонних партнерских отношений между властью, бизнесом и общественностью как инструмента эффективной оценки и контроля социально-экономических процессов. В статье рассматривается проблема трансформации структуры «научное сообщество – профессиональное сообщество – общественность» из неформального совещательного формата в действенный механизм оценки и контроля развития территорий. Актуализировано, что разрыв между декларируемым потенциалом трехстороннего взаимодействия и реальной практикой его функционирования, обусловленный неопределенностью условий государственного управления, порождает устойчивые ситуации, при которых формальные механизмы не приводят к реальным результатам контроля. Исследование нацелено на поиск подходов к формированию трехсторонней научно-профессионально-общественной структуры, способной осуществлять общественный аудит в сложившихся управленческих условиях. Проанализированы содержательные аспекты трехстороннего механизма как формы общественного аудита, сформулированы его специфические особенности и ограничения. На основе анализа концептуальных подходов предложена трехсторонняя модель общественного аудита как институциональная форма организации контрольной

деятельности, предполагающая паритетное участие представителей научного, профессионального и общественного секторов в процедурах проверки, оценки и выработки рекомендаций для повышения эффективности социально-экономического управления территорией. Выделены и систематизированы восемь групп условий государственного управления, обеспечивающих трансформацию трехсторонней структуры в действующий орган общественного аудита. Предложенная систематизация включает факторы преодоления формального характера контрольных органов, возникающего при отсутствии реальных полномочий, независимости и ресурсного обеспечения. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов и рекомендаций при совершенствовании законодательства об общественном контроле, разработке критериев оценки структур общественного контроля и создании трехсторонних комиссий общественного аудита.

Ключевые слова: *общественный контроль, общественный аудит, трехсторонний механизм общественного аудита, факторы трансформации трехсторонней структуры, научное сообщество, профессиональное сообщество, общественность, условия государственного управления, региональная экономика*

Для цитирования: *Кузнецова Э.Р., Семенова И.В., Маханьков Ф.В. Формирование трехстороннего механизма общественного аудита: факторы и условия трансформации // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 69–75. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-69-75.*

Введение

Эффективность государственного управления представляет собой интегральный результат, складывающийся из множества рационально обоснованных компонентов, которые определяются спецификой потенциала и ресурсной обеспеченностью конкретной управляемой территории. Нацеленность современной экономики на устойчивое стратегическое развитие меняет парадигму менеджмента и смещает акцент от традиционных материально-вещественных форм управления в сторону наращивания социального капитала, гражданских традиций и плотности горизонтальных сетей активного взаимодействия [1; 2]. Партнерство в интересах устойчивого развития является одной из 17 глобальных целей, сформулированных ООН, и подразумевает сотрудничество между различными заинтересованными сторонами для достижения устойчивого развития экономики, общества, окружающей среды [3]. Так, главной задачей государства становится способность улавливать и направлять инициативную активность субъектов любого уровня управления (региона, общественности, населения, бизнеса, науки и т.д.) для самостоятельного и равноправного выбора и реализации лучших путей развития.

Эффективное взаимодействие и партнерство на уровне государства, бизнес-структур, общественности, академического сообщества способствует полноценной оценке и контролю социально-экономических процессов территории, позволяет обмениваться опытом между заинтересованными секторами и принимать наиболее точные управленческие решения. В России фундаментом для вовлечения общественности в процесс государственного контроля и управления являются базовые федеральные законы, закрепляющие систему общественного участия, контроля и инициатив в выработке управленческих решений, в том числе, направленных на оценку информационной открытости и эффективности органов власти [4; 5]. Несмотря на расширение формата участия общественности в государственном управлении и контроле, по оценкам экспертов, сегодня отсутствуют действенные механизмы, обязывающие органы государственной власти учитывать мнение и оценку общественности и экспертного сообщества, выполнять юридически значимые действия по их запросу [6]. Декларируемый потенциал общественного контроля далеко не всегда реализуется на практике. Часто такие органы существуют формально и ограничиваются ролью совещательных площадок без реальных рычагов влияния на принимаемые решения. Особую остроту приобретают вопросы и проблемы формального функционирования органов общественного контроля на региональном и муниципальном уровнях управления [7; 8]. Именно здесь сосредоточен основной объем бюджетных средств, расходуемых на социально-экономическое развитие территорий, а разрыв между декларируемыми целями и реальными результатами государственного управления может достигать максимальных значений.

Экспертное сообщество и органы государственной власти актуализируют проблему осознания современным обществом необходимости объединения усилий всех заинтересованных сторон для защиты общественных интересов в части управления общенациональными ресурсами и расходования средств

налогоплательщиков [1]. Все чаще ставится вопрос о формировании общественного контроля как перспективной формы общественного аудита [6]. Общественный аудит может выступать инструментом противодействия неэффективной деятельности как государственных, так и частных структур, представляя особую форму социальной ответственности развитого гражданского общества, стимулируя повышение прозрачности, открытости и подконтрольности органов власти, создание климата, неблагоприятного для коррупции. А формирование трехсторонней структуры общественного аудита может стать реальным фундаментом для согласования разнонаправленных интересов для осуществления общественно-государственного контроля социально-экономических процессов [8]. В науке и практике управления актуализируется поиск подходов к формированию трехсторонней научно-профессионально-общественной структуры общественного аудита в логике «наука – профессионалы – общественность», обеспечивающие обоснованность решений, методологию оценки, практическую реализуемость, контроль и обратную связь для повышения эффективности социально-экономических процессов на всех уровнях управления. Государство в таком контексте выступает интегратором синергии этих трех компонентов, создавая институциональные условия для их системного эффективного взаимодействия.

Формирования трехстороннего механизма общественного аудита: возможности и ограничения

Формы и модели согласования интересов и регулирования отношений в вопросах общественной оценки и контроля раскрываются в механизмах взаимодействия между различными «сегментами» современного общества и их роли в процессе принятия решений, что в отечественной и зарубежной науке реализуется в междисциплинарном контексте на основе концепций «социального партнерства», «трипартизма», «смешанного правления», «повседневной и мониторинговой демократии», «корпоратизма» и т.д. Теория трипартизма (от лат. *tripartitus* – состоящий из трех частей) в современной науке представляет институционализированную модель взаимодействия между государством и основными социально-экономическими группами, в которой принятие ключевых решений осуществляется через механизм переговоров между тремя равноправными сторонами (государством, объединениями работодателей (бизнесом) и профсоюзами (наемными работниками)) и, по оценкам экспертов, является формой социального партнерства, гармонизирующая отношения труда, капитала и государства [9]. В более широком теоретическом контексте трипартизм является одной из форм модели «либерального корпоративизма», в которой крупные группы интересов интегрированы непосредственно в процесс формирования и реализации государственной политики. Трипартистская модель интегрирует группы интересов и активную позицию государства, предполагает централизованные объединения и равное представительство сторон в переговорных и консультативных органах их паритетное консенсусное сотрудничество [10; 11]. По сути, трипартизм представляет паритетное представительство трех равноправных сторон при решении общественно значимых вопросов и является оптимальной институциональной формой для согласования разнонаправленных интересов в публичной сфере. Ученые Р. Шмиттер [10] и Г. Лембрух [11] подчеркивали не просто артикуляцию интересов заинтересованных сторон, а их непосредственное участие в авторитарном распределении ценностей и реализации политики, что соответствует переходу от «совещательной» функции к оценочной, контрольной и управленческой. Это позволяет переосмыслить совещательную структуру трехстороннего механизма в полноценный инструмент коллегиального управления, в котором заинтересованные стороны не просто обсуждают проблемы, но совместно вырабатывают и реализуют контрольные решения.

В русле идей «мониторинговой демократии» профессор Дж. Кин выделяет виды мониторинга властей и определяет значимость «гражданского жюри» в независимых публичных расследованиях и участии граждан в бюджетном процессе. Он формулирует «гражданские ассамблеи» как состязательные процедуры выявления общественных интересов и практику независимой экспертизы. Автор концепции определяет «мониторинг» как публичный контроль и публичную проверку тех, кто принимает решения в сфере государственных и межгосударственных институтов, организаций гражданского общества, таких как бизнес, профсоюзы, благотворительные фонды и т.д. [12]. Профессор С.П. Перегудов определяет это формой общественной активности, но с совершенно конкретным посылом в самом слове «мониторинг», что является и проверкой, и взаимодействием, существенно влияя на значимость роли общественных акторов в качестве его прямых участников [13]. Включение общественности в реализацию права на участие в управлении делами государства является значимым демократическим институтом, реализующимся в различных формах общественного наблюдения, мониторинга, проверки, анализа оценки и принятия решений [7]. При этом наиболее сложные области подотчетности и доверия располагаются в трех институциональных доменах, а именно: наука, общество и бизнес.

Определение аудита, в современной экономической литературе, не имеет единства. Разные интерпретации и подходы к оценке качества аудита и методов его проведения становятся серьезным препятствием на пути формирования концепции эффективной системы финансового контроля, обе-

спечивающей реализацию национальных интересов [14]. По сути, аудит представляет собой независимый финансовый механизм, интегрированный во внутреннюю и внешнюю систему финансового контроля и адаптирующийся к конкретным целям деятельности хозяйствующих субъектов [15]. В исследовании К.К. Арабян обоснована особая роль аудита как общественно-значимой деятельности в обеспечении финансовой безопасности государства, как регулятора социально-экономических отношений и инструмента принятия осознанных управленческих решений [16]. В современном понимании аудит выходит далеко за рамки сугубо финансовой проверки и представляет многогранный социальный институт, выполняющий важнейшие функции по обеспечению прозрачности, подотчетности, доверия в обществе и раскрывается через способность не только контролировать, но и формировать устойчивые модели поведения экономических агентов и институтов. Способность аудита генерировать и поддерживать агрегированное социальное доверие, служить инструментом поддержания подотчетности, скрепляющим общество воедино, проявляется в гражданской возможности самостоятельно оценить достоверность информации о деятельности организации, региона, государства, выступая институтом-посредником, выполняющим функцию служения публичным интересам [17]. В монографии С.В. Степашина актуализируется осознание современным обществом необходимости объединения усилий для защиты общественных интересов в части расходования средств налогоплательщиков и управления общенациональными ресурсами [1]. В таком контексте аудит становится инструментом противодействия неэффективной деятельности как государственных, так и частных структур и выступает как особая сфера социальной ответственности развитого гражданского общества, стимулируя повышение прозрачности, открытости и подконтрольности органов власти, создание климата, неблагоприятного для коррупции [1]. Как механизм социальной ответственности, аудит способен выявлять и ограничивать опасные колебания в функционировании экономических и социальных институтов, создавать альтернативные нарративы и независимую верификацию, формировать отношения подотчетности, необходимые для защиты национальных интересов [2]. Регулятивная функция аудита в социально-экономической сфере реализуется по нескольким направлениям. В системе государственного управления аудит выполняет функцию обратной связи между результатами управления и субъектом управления. В отличие от надзора, который ориентирован исключительно на соблюдение законности, аудит включает оценку эффективности использования ресурсов и достижения поставленных целей [18]. Высшие органы аудита играют ключевую роль в оценке достижения национальных целей развития, что напрямую влияет на качество государственного управления и распределение бюджетных ресурсов. А современная система аудита трансформируется с учетом управленческих, социальных и экологических факторов [19; 20].

Современный аудит сталкивается с вызовами, связанными с трансформацией традиционных вертикальных иерархий управления и их заменой горизонтально распределенными моделями подотчетности и социального доверия. Аудит как регулятор должен адаптироваться к этим новым конфигурациям, чтобы сохранить свою общественную значимость. Традиционный «алгоритмический менталитет», подавляющий творчество и критическое мышление практиков, сужает интеллектуальные и моральные горизонты аудита и препятствует его способности в полной мере служить публичным интересам [2]. Общественный аудит становится формой общественного контроля и предполагает участие граждан, общественных организаций и иных негосударственных некоммерческих организаций в проверке деятельности органов власти, государственных и муниципальных организаций, а также в анализе и оценке их актов и решений. Так формируется трехсторонняя модель общественного аудита как институциональная форма организации контрольной деятельности, при которой процедуры проверки, оценки и выработки рекомендаций в отношении объектов государственного и муниципального управления осуществляются на паритетных началах представителями трех равноправных секторов – научное сообщество, профессиональное сообщество, общественность (рис. 1).

Трехсторонняя структура общественно-государственного аудита, по сути, находится в отношении функциональной взаимозависимости. С одной стороны, трехсторонняя модель выступает институциональной формой (платформой) реализации об-

Рис. 1. Трехсторонняя модель общественного аудита

Составлено авторами по материалам исследования.

щественного аудита, а с другой – именно наличие аудиторских функций содержательно наполняет и превращает ее из формальной консультативной структуры в действенный контрольный механизм. Сегодня общественно-государственный аудит выходит далеко за рамки рутинной проверки и представляет сложный социально-политический феномен [2], в котором реально действующий трехсторонний механизм становится мощным инструментом сопротивления и противостояния неэффективным или коррупционным практикам местной бюрократии, формирования «альтернативного нарратива» о реальной эффективности (или неэффективности) программ развития, обеспечения легитимности общественных требований к власти и т.д.

Условия государственного управления как фактор трансформации трехстороннего механизма общественного аудита

Без специальных условий государственного управления (нормативных, институциональных, процедурных, ресурсных и т.д.) трехсторонний механизм остается лишь формальной совещательной площадкой и является необходимой, но «недостаточной» предпосылкой для осуществления аудита. Общественный аудит выступает целевой функцией трехстороннего партнерства, именно аудиторские полномочия превращают «клуб для обсуждений» в реальный контрольный механизм. Условия государственного управления одновременно являются и предпосылками трансформации комиссии, и ограничениями, которые могут эту трансформацию блокировать, создавая «институциональные ловушки». Эффективность аудита определяется не столько паритетностью трехсторонней структуры, сколько степенью интеграции ее результатов в реальные управленческие и бюджетные процессы.

В основе формирования условий государственного управления как фактора функционирования трехсторонней паритетной структуры общественного аудита находится теория институциональных изменений Д. Норта [21], теория коллаборативного управления К. Анселла и Э. Гэша [22], а также стандарты и требования к проведению аудита (например, международный стандарт ISSAI 3000) и т.д. Теория институциональных изменений представляет новый взгляд «общественного институциализма», формальные правила, механизмы принуждения и ресурсы, как условия эффективности. Теория коллаборативного управления, сфокусирована на вовлечении государством негосударственных заинтересованных сторон в коллективный процесс принятия решений, разработку и реализацию государственной политики управления активами или программами. Она включает специальные коллаборативные платформы, основанные на сотрудничестве, институтах, ресурсах для содействия эффективности. С опорой на теоретические конструкты была сформирована система условий государственного управления для функционирования трехстороннего механизма общественного аудита (табл. 1).

Представленная систематизация восьми групп условий государственного управления, необходимых для превращения формального трехстороннего механизма общественного аудита в действенный инструмент содействия эффективности развития территории. Система условий государственного управления построена в логике: от нормы к институтам, от институтов к процедурам, от процедур к ре-

Таблица 1

Трансформация трехстороннего механизма общественного аудита в системе условий государственного управления

Группа условий государственного управления	Влияние на трансформацию трехстороннего механизма общественного аудита	
	Факторы трансформации	Ожидаемый эффект
Нормативно-правовые	Законодательное закрепление статуса, права запроса информации, обязательности рассмотрения заключений	Легитимность аудита, доступ к данным, реальное влияние на решения
Институциональные	Трехсторонняя паритетная структура, независимость от власти, постоянно действующий секретариат	Многомерность оценки, объективность, непрерывность
Процедурные	Цикличность аудита, объектный охват, методологическая обеспеченность, право выездных проверок	Комплексность, объективность, верификация данных
Ресурсные	Финансовое, кадровое, информационно-техническое обеспечение	Преодоление формального характера, качество аудита
Функциональные	Оценка эффективности, аудит средств, оценка качества проектов, выявление рисков, оценка удовлетворенности	Содержательная глубина аудита, системный анализ
Взаимодействия	Связи с органами власти, местным самоуправлением, контрольно-надзорными органами, населением	Доступ к информации, реагирование на нарушения
Подотчетности	Публичная отчетность, ответственность за достоверность, независимая оценка деятельности самой комиссии	Контроль качества работы аудиторного органа
Интеграции	Встраивание результатов в стратегическое планирование, бюджетный процесс, оценку эффективности чиновников	**Реальное влияние на управленческие решения**

сурсам и интеграции, отражая последовательность институционального проектирования аудиторской системы. В основе развертывания трехсторонней общественной аудиторской системы находятся: нормативно-правовые условия, представляющие фундамент легитимности трехстороннего механизма аудита; институциональные условия, закрепляющие независимость и паритетность трехсторонней структуры (наука, бизнес, общественность) и обеспечивающие объективность и многомерность аудита; процедурные и ресурсные условия, превращающие институт в работающий механизм реальной аудиторской деятельности; функциональные условия, указывающие конкретные аудиторские полномочия и определяющие содержательную глубину аудита; условия взаимодействия и подотчетности, создающие обратные связи и встроенность трехстороннего механизма в систему отношений с органами власти, местным самоуправлением, контрольно-надзорными структурами и обществом; условия интеграции в систему государственного управления, обеспечивающие итоговую эффективность результатов аудита, которые реально влияют на управленческие решения, бюджетные процессы, стратегическое планирование и т.д.

Основные выводы исследования

Трехсторонняя модель общественного аудита представляет собой институциональный ответ на два взаимосвязанных вызова современного государственного управления. Первый вызов связан с неэффективностью традиционных совещательных структур, которые существуют формально и не влияют на реальные управленческие решения, представляя «институциональные ловушки». Второй связан с потребностью в независимом, компетентном и легитимном контроле за расходованием бюджетных средств и эффективностью управленческих решений, особенно на региональном и муниципальном уровнях.

Эффективность представленной модели пропорциональна созданию системы условий государственного управления для эффективного функционирования трехстороннего механизма общественного аудита. Отсутствие одного из факторных блоков, например, условий ресурсного обеспечения или условий интеграции в бюджетный процесс, превращает трехстороннюю модель в формальную структуру, воспроизводящую устойчивую ситуацию формального существования без реальной эффективности. Системная и комплексная реализация представленных условий позволяет превратить трехсторонний механизм общественного аудита в реальный орган общественно-государственного аудита, интегрированный в управленческий цикл, обладающий правовыми, институциональными и ресурсными основаниями для независимой оценки эффективности решений и целевого использования бюджетных средств.

Практическая значимость представленного исследования заключается в возможности использования полученных выводов и рекомендаций при совершенствовании законодательства об общественном контроле на региональном и муниципальном уровне, как инструмент оценки структур общественного контроля, как чек-лист для создания трехсторонних комиссий общественного аудита.

Литература:

1. Степашин С.В. Общественный аудит. Может ли общество контролировать расходы бюрократии? М.: Наука, 2013. 341 с.
2. Gilbert C. The audit of public debt: Auditing as a device for political resistance in a neoliberal era // Critical Perspectives on Accounting. 2022. Vol. 85. Art. 102263. DOI: 10.1016/j.cpa.2020.102263.
3. Цель 17: Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/globalpartnerships/
4. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Гарант.
5. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СПС Гарант.
6. Киреева А.В., Шаталов С.С. Общественный аудит: перспективное направление развития системы общественного контроля в России // Юридические исследования. 2017. № 11. С. 35–45. DOI: 10.7256/2409-7136.2017.11.22705.
7. Глушкова С.И., Палкина Н.В. Общественный контроль в современной России: основные направления и проблемы развития // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 2 (29). С. 85–97.
8. Шамхалов Ф.И. Взаимодействие предпринимательских и властных структур: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... док-ра эконом. наук. СПб., 1998. 48 с.
9. Малышев М.А. Трипартизм в системе социального партнерства // Социология власти. 2008. № 1. С. 63–70.
10. Schmitter P.C., Lehmbruch G. Trends toward corporatist intermediation. London; Beverly Hills: Sage Publications, 1979. 328 p.
11. Lehmbruch G. Consociational Democracy, Class Conflict, and the New Corporatism. Berlin: Springer, 2003. (Verhandlungsdemokratie). DOI 10.1007/978-3-322-80515-7_3.
12. Keane J. The Life and Death of Democracy. London; New York: Simon & Schuster, 2009. XXXIII, 958 p.

13. Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Полис. Политические исследования. 2012. № 6. С. 55–67.
14. Симоянов А. Кризис концепции социального партнерства // Логос. 2018. № 6 (127). С. 74–87.
15. Прокофьев С.Е. Новации в сфере государственного финансового контроля, осуществляемого Казначейством России // Финансы и кредит. 2019. № 10. С. 2–11.
16. Арабян К.К. Эволюция теории и методологии аудита: дисс. ... док-ра эконом. наук. М., 2020. 344 с.
17. O'Regan D.J. The Closing of the Auditor's Mind?: How to Reverse the Erosion of Trust, Virtue, and Wisdom in Modern Auditing. 1st ed. Boca Raton: CRC Press, 2024. 212 p.
18. Измоденов А.К., Франц О.Б., Шайбакова Л.Ф. Контроль, надзор и аудит в системе государственного управления // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 10. С. 152–158.
19. Холдоров М.Х. Проблемы реализации полномочий высшими органами аудита в ходе аудита целей устойчивого развития // Управленческий учет. 2024. № 2. С. 419–424. DOI 10.25806/uu22024419-424.
20. Мавлонзода В.Х., Кодирзода Ф.Д., Раджабзода Б.О. Роль высших органов аудита в достижении целей устойчивого развития в условиях пандемии COVID-19 // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2022. № 1 (76). С. 86–99.
21. Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 123–128.
22. Ansell C., Gash A. Collaborative governance in theory and practice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 18. № 4. P. 543–571. DOI: 10.1093/jopart/mum032.

Formation of a Tripartite Public Audit Mechanism: Factors and Conditions of Transformation

Elvira Rudolfovna Kuznetsova, Irina Vladimirovna Semenova, Fedor Vasilyevich Makhankov
Perm State National Research University (Perm, Russia)

In modern public administration systems, the demand for tripartite partnerships between government, business, and the public as a tool for effective assessment and control of socio-economic processes is growing. This article examines the problem of transforming the "scientific community – professional community – public" structure from an informal advisory format into an effective mechanism for assessing and monitoring territorial development. It is emphasized that the gap between the declared potential of tripartite interaction and the actual practice of its functioning, caused by the uncertainty of public administration conditions, gives rise to persistent situations in which formal mechanisms do not lead to tangible control results. The study aims to find approaches to the formation of a tripartite scientific-professional-public structure capable of conducting public audit in the current administrative conditions. The substantive aspects of the tripartite mechanism as a form of public audit are analyzed, and its specific features and limitations are formulated. Based on an analysis of conceptual approaches, a tripartite model of public audit is proposed as an institutional form of organizing oversight activities. It entails the equal participation of representatives from the scientific, professional, and public sectors in the procedures of review, evaluation, and development of recommendations to improve the effectiveness of socioeconomic governance in a region. Eight groups of public administration conditions are identified and systematized, ensuring the transformation of the tripartite structure into an effective public audit body. The proposed systematization includes factors for overcoming the formal nature of oversight bodies, which arises from the lack of real authority, independence, and resources. The practical significance of this work lies in the potential use of the findings and recommendations for improving public oversight legislation, developing criteria for evaluating public oversight structures, and establishing tripartite public audit commissions.

Keywords: public oversight, public audit, tripartite public audit mechanism, factors in the transformation of the tripartite structure, scientific community, professional community, public, public administration conditions, regional economics

УДК 353, 332
DOI :10.24412/1998-5533-2026-2-76-81
© Михайлова М.В., 2026

Влияние международных организаций и глобальных трендов на формирование национальной государственной экологической политики

Михайлова Марина Владиславовна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
(191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21; e-mail: margo_m07@bk.ru; ORCID: 0000-0003-0691-4121)

Актуальность темы исследования обусловлена переходом глобальной экологической повестки от рекомендательной к принудительной фазе, где международные организации (ООН, ЮНЕП, ВТО) и глобальные тренды (декарбонизация, углеродная нейтральность, ESG) начинают напрямую ограничивать экономический суверенитет государств. Цель исследования – провести анализ влияния международных организаций и глобальных экологических трендов на формирование национальной государственной экологической политики. Научная и практическая значимость работы заключается в освещении актуальных теоретических и прикладных аспектов формирования государственной политики в сфере экологии. Научная новизна исследования обусловлена изменениями глобальных трендов и роли международных организаций в процессе формирования национальной государственной экологической политики. Ключевой вывод заключается в том, что после 2022 г. Российская Федерация перешла к модели «изоляционистской экологии», где рекомендации западных международных организаций воспринимаются как инструмент давления на формирование экологической политики. В современных условиях политической нестабильности для ключевых стейкхолдеров приоритетны внутренние нормы и национальные технологии. Ключевой опасностью для России становятся технологическое отставание в «зеленой» энергетике и рост загрязнения почвы, воды и атмосферного воздуха в городах. Глобальным трендом становится переход государства от «углеродной нейтральности» к физической защите инфраструктуры от климатических аномалий.

Ключевые слова: *государственное управление, национальная политика, государственная экологическая политика, органы государственной власти, глобальные тренды, международные организации*

Для цитирования: *Михайлова М.В. Влияние международных организаций и глобальных трендов на формирование национальной государственной экологической политики // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 76–81. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-76-81.*

Введение

В современных условиях политической нестабильности актуальность темы изменения глобальных экологических трендов для Российской Федерации определяется тремя ключевыми факторами – экономическим выживанием, технологической безопасностью и сохранением инфраструктуры. Возникает противоречие: либо национальная политика интегрируется в трансграничные механизмы, либо страна сталкивается с изоляцией. Экологиче-

ские проблемы, такие как климат, потеря биоразнообразия, невозможно решить в рамках одного государства, что требует имплементации решений международных структур во внутреннее законодательство. Цель данного исследования – провести анализ влияния международных организаций и глобальных экологических трендов на формирование национальной государственной экологической политики в России, оценить последствия и ограничения внешнего воздействия на национальную государственную политику с учётом проблем суверенитета и адаптации международных норм в условиях политической нестабильности.

Научная и практическая значимость работы заключается в освещении актуальных теоретических и прикладных аспектов формирования национальной политики в сфере экологии. Научная новизна исследования обусловлена изменениями глобальных трендов и роли международных организаций в процессе формирования государственной экологической политики России.

В исследовании автором использованы общенаучные методы, в частности методы анализа, обобщения, классификации. Метод анализа правовых, программных документов и итогов деятельности органов власти позволил оценить изменение механизмов формирования государственной экологической политики.

Основная часть

В последние десятилетия особое значение приобрели глобальные экологические тренды, связанные с концепцией устойчивого развития, противодействием изменению климата, сокращением выбросов парниковых газов и сохранением биоразнообразия. Эти тренды формируются под воздействием научных исследований, международных инициатив и деятельности международных организаций и находят отражение в стратегических документах и международных соглашениях [1].

Российская Федерация как полноправный член участвует в ООН, формируя глобальную экологическую повестку, в программе ООН по окружающей среде (ЮНЕП), где наряду со всеми странами-участниками разрабатывает международные экологические стандарты. В Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС Россия инициирует вопросы экологической безопасности и устойчивого развития, в СНГ координирует экологическую политику. Участие Российской Федерации в деятельности международных организаций в экологической сфере способствует интеграции глобальных экологических приоритетов в национальную повестку, одновременно требуя их адаптации к национальным интересам и особенностям социально-экономического развития.

Воздействие международных организаций и глобальных трендов на национальные государства осуществляется посредством совокупности взаимосвязанных механизмов, обеспечивающих трансляцию глобальной повестки (в том числе и экологической) на уровень государственной политики. К этим механизмам исследователи относят:

• разработку и принятие международных конвенций и соглашений;

• формирование глобальных экологических стратегий и программ;

• экспертную и консультативную поддержку государств;

• распространение международных стандартов и лучших практик;

• формирование приоритетов устойчивого развития [2].

Данные механизмы сочетают нормативное регулирование, институциональное взаимодействие и ценностное влияние, что позволяет международным организациям оказывать комплексное воздействие на процессы принятия решений на национальном уровне.

Механизмы влияния международных организаций на формирование государственной политики в экологической сфере отличаются многообразием форм и инструментов, что обусловлено как глобальным характером экологических проблем, так и различиями в национальных моделях государственного управления. Воздействие международных организаций не сводится к прямому регулированию, а реализуется через совокупность нормативных, институциональных, финансовых и экспертных инструментов, которые встраиваются в процессы выработки и реализации государственной политики. Названные механизмы показывают, что международные организации воздействуют на государственную экологическую политику комплексно, сочетая обязательные и необязательные формы регулирования. Эти формы взаимодействия позволяют интегрировать международный опыт в национальную практику и способствуют развитию институционального потенциала экологического управления. Систематизация форм участия демонстрирует, что международные организации не только задают нормативные рамки, но и создают условия для практической реализации экологической политики на национальном уровне.

Международные организации оказывают системное и многоуровневое влияние на формирование государственной экологической политики. Для Российской Федерации данные механизмы создают возможности для участия в решении глобальных экологических проблем, одновременно требуя учёта национальных интересов и специфики социально-экономического развития.

Глобальные экологические тренды формируют существенное влияние на содержание и направленность государственной политики в сфере охра-

ны окружающей среды, поскольку они отражают устойчивые изменения в природной среде, социально-экономических условиях и научно-технологическом развитии, которые невозможно игнорировать при принятии управленческих решений. Одним из наиболее значимых трендов является изменение климата, проявляющееся в ускорении нагревания планеты, росте концентрации парниковых газов и учащении экстремальных погодных явлений.

По данным международной базы *EDGAR*, глобальные выбросы парниковых газов в 2023 г. достигли примерно 53,0 гигатонн CO_2-эквивалента, став новым максимумом в наблюдаемой истории, при этом показатель увеличился почти на 2 % по сравнению с предыдущим годом, что подчёркивает нарастающий тренд роста эмиссий на глобальном уровне [3].

Глобальная тенденция повышения содержания парниковых газов в атмосфере также подтверждается годовым индексом содержания ключевых компонентов, согласно которому влияние долгоживущих парниковых газов на потепление климата за последние десятилетия выросло почти на 49 %, а доля углекислого газа составила около 78 % этого увеличения. Эти данные свидетельствуют о том, что в условиях усиливающегося воздействия климатических факторов национальные правительства всё активнее вынуждены адаптировать свои стратегические документы и программы развития, чтобы соответствовать международным целям и стандартам, таким как цели Парижского соглашения.

Глобальные экологические тренды климатических изменений включают и другие направления, такие как утрата биоразнообразия, пластиковое загрязнение и деградация экосистем. Так, проблема пластикового загрязнения остаётся одной из крупнейших угроз современной экологии: к 2022 г. объём глобального производства пластмасс превысил 430 млн т, а микропластик был обнаружен даже в снегах Антарктиды, что отражает масштаб антропогенного воздействия на природу и необходимость включения таких вопросов в национальную экологическую политику [4].

Российская Федерация, как глобальный игрок и сторона международных экологических соглашений (включая Парижское соглашение по климату и другие международные рамочные документы), также сталкивается с последствиями указанных трендов на национальном уровне.

Влияние глобальных экологических трендов на государственную экологическую политику становится всё более заметным как в международной практике, так и в российских управленческих подходах, что обуславливает необходимость учёта глобальных вызовов при формировании и реализации национальных экологических решений. Алгоритм регулирования государственной экологической политики с этих позиций может представлять собой четкую последовательность этапов, представленных на рисунке 1.

Рис. 1. Алгоритм регулирования государственной экологической политики с учетом глобальных трендов [1; 2; 5]

Вместе с тем влияние международных организаций и глобальных экологических трендов на формирование национальной государственной политики имеет комплексный и неоднозначный характер, сочетая в себе как позитивные эффекты, так и определённые ограничения. В сфере экологической политики данное воздействие особенно заметно, поскольку глобальные экологические вызовы требуют согласованных международных решений, однако их реализация на национальном уровне неизбежно сталкивается с вопросами суверенитета, экономических интересов и институциональных возможностей государства.

К числу положительных последствий внешнего влияния относится повышение уровня экологической ответственности государства и включение экологической проблематики в число приоритетных направлений государственной политики. Участие в международных экологических соглашениях и инициативах способствует модернизации национального законодательства, внедрению международных экологических стандартов и развитию механизмов экологического мониторинга. Для Российской Федерации это выражается в разработке стратегических документов в сфере экологической безопасности, климатической адаптации и устойчивого развития, а также в расширении практик межгосударственного экологического сотрудничества.

Имплементация ряда международных стандартов по защите атмосферы и водных ресурсов способствовала модернизации природоохранного законодательства РФ и появлению программ по снижению выбросов. К примеру, были внесены изменения в Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ

«Об охране атмосферного воздуха» и Водный кодекс РФ. Это стало возможным благодаря участию России в Конвенции ЕЭК ООН о трансграничном загрязнении воздуха и Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях. В 2010-е гг. в РФ были введены нормативы предельно допустимых выбросов (ПДВ) по отдельным веществам, гармонизированные с европейскими. Появились программы по замене устаревших очистных сооружений на предприятиях «Норникеля» и «Русала» под давлением аудитов ЮНЕП. В итоге к 2020 г. выбросы диоксида серы в Мурманской области снизились на 30 % благодаря совместным проектам с Финляндией и Норвегией [6].

В 2019 г. Россия ратифицировала Парижское соглашение, взяв на себя обязательства по добровольному сокращению выбросов. Результатом этого соглашения стало принятие Стратегии низкоуглеродного развития до 2050 г. [7]. Под влиянием МВФ и Всемирного банка в РФ была внедрена система углеродного учета (Сахалинский эксперимент с квотами на выбросы), появились «зеленые» облигации для крупных компаний (РЖД, Сбербанк). Экспортные пошлины на углеродоемкие товары в ЕС заставили «Северсталь» и НЛМК вкладываться в модернизацию доменных печей.

Программа «Чистая Балтика» (при участии ХЕЛКОМ – Хельсинской комиссии) позволила построить современные очистные сооружения в Калининграде и Санкт-Петербурге, значительно сократив сброс фосфатов в Балтийское море [8; 9]. В Арктике проект в рамках Баренцева Евро-Арктического региона совместно с Норвегией профинансировал ликвидацию 500 т просроченных пестицидов в Мурманской области [10].

В то же время влияние международных организаций и глобальных трендов сопровождается рядом ограничений и проблем. Одной из ключевых является потенциальное ограничение свободы национального политического выбора, связанное с необходимостью выполнения международных обязательств. Международные экологические нормы и цели нередко формируются с учётом интересов экономически развитых государств, что создает дополнительные издержки для стран с иной структурой экономики и природно-ресурсной базой. В российском контексте это проявляется в необходимости адаптации глобальных экологических требований к национальным условиям социально-экономического развития государства и климатическим особенностям. Эффективность положительных последствий, а также ограничений и рисков во многом зависит от способности государства адаптировать международные нормы и инициативы к собственным приоритетам и возможностям.

Механизмом торможения международных требований для России стали институциональная инерция и лоббизм. Так, ключевые экологические законы в РФ проходят согласование с Минпромторгом, Минэнерго и крупными корпорациями («Роснефть», «Газпром», «Русал»). Любое ужесточение норм, к примеру, утилизация отходов 1 и 2 класса, встречает сопротивление, если требует затрат. Международные требования здесь часто служат лишь формальным поводом для обсуждения. Можно вспомнить, что в 2021 г. ЮНЕП рекомендовала России запретить сжигание попутного нефтяного газа (ПНГ) в факелах – это снизило бы выбросы сажи в Арктике. Однако «Роснефть» доказала, что технологии утилизации (закачка в пласт) нерентабельны для малых месторождений. В итоге был принят компромиссный норматив – 95 % утилизации, который реально не соблюдается на 30 % скважин.

По данным Счетной палаты РФ, в 2020–2022 гг. лишь 40 % международных экологических рекомендаций были частично учтены в нормативных актах, и только 15 % – реализованы на практике [11].

После политических событий 2022 г. влияние международных организаций на внутреннюю политику РФ (включая экологическую) резко сократилось (табл. 1).

Ограничительным фактором внешнего воздействия международных организаций на экополитику РФ явились санкционные режимы. Так, в марте 2022 г. Европейское агентство по окружающей среде (ЕЕА) приостановило обмен данными с Росгидрометом, в июне 2022 г. был ограничен доступ РФ к программам «Горизонт Европа» и «Эразмус+» по экологическим исследованиям [5]. В сентябре 2023 г. МИД РФ объявил о выходе из ряда соглашений с ЕС по трансграничному загрязнению. Последствием

Таблица 1

Оценка последствий и ограничений внешнего влияния на национальную государственную политику РФ [7–9]

Положительные последствия	Ограничения после 2022 г.
Имплементация международных экологических стандартов → модернизация природоохранного законодательства и появление программ по снижению выбросов	Изменения по снижению выбросов коснулись лишь 10–15 % предприятий
Участие в климатических соглашениях (включая Парижское соглашение) → разработка Стратегии низкоуглеродного развития и внедрение учета углеродного следа крупными компаниями	Приостановка Сахалинского проекта из-за невозможности верификации выбросов европейскими аудиторами
Трансграничные проекты (Балтийское и Баренцево моря) → улучшение мониторинга состояния экосистем в приграничных зонах	ХЕЛКОМ исключила российских представителей из рабочих групп, оборудование для мониторинга (датчики, спутниковые данные) перестало поставляться

этих решений явилось то, что Россия перестала получать спутниковые снимки высокого разрешения (*Copernicus Sentinel*) для мониторинга разливов нефти и лесных пожаров. Российская система «Ионосфера» пока не обеспечивает аналогичного качества. Рекомендации ООН и ЮНЕП теперь рассматриваются в Правительстве РФ как «политически ангажированные» и подлежат дополнительной проверке.

Российская Федерация стала четко придерживаться «экологического суверенитета» и официально закрепила в Стратегии экологической безопасности, обновленной в 2023 г., право не выполнять рекомендации международных организаций, если они противоречат ее экономическим интересам или климатическим особенностям [12]. Примером является отказ от жестких сроков сокращения выбросов метана (в отличие от обязательств США и ЕС) из-за значимости газовой отрасли. Аргументацией российских органов власти послужил тот факт, что таежные леса и вечная мерзлота – естественные поглотители CO_2, поэтому требовать от РФ таких же темпов декарбонизации, как от Европы, некорректно. В 2023 г. ряд руководителей органов власти РФ прямо заявляли в СМИ, что страны ЕС используют природоохранную тему для недобросовестной конкуренции.

На сегодняшний день РФ потеряла доступ к кредитам Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) и Северного инвестиционного банка (НИБ), которые финансировали крупные экопроекты (например, программы по реконструкции гидростанций Волжско-Камского каскада). Также закрыты гранты Глобального экологического фонда (*GEF*) – они покрывали до половины затрат на сохранение биоразнообразия (леопард, белый медведь). Частично финансирование взял на себя Фонд национального благосостояния и госкорпорации («Росатом», «Роснефть»), но объемы упали в 3–4 раза. Технологии, такие как фильтры, датчики, катализаторы, теперь приходится закупать в Китае и Турции, часто худшего качества.

Парадокс заключается в том, что внешнее давление привело к обратному эффекту – в 2023 г. РФ упростила экологические требования для строек, что было вызвано необходимостью стимулировать импортозамещение. В 2024 г. произошла отмена ОВОС для многих объектов – был утвержден приказ Минприроды России от 14.10.2024 № 609 «О признании утратившим силу приказа Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 01.12.2020 № 999 "Об утверждении требований к материалам оценки воздействия на окружающую среду"» (далее – приказ Минприроды России № 609) [13]. Приказ Минприроды России № 609 с 01.03.2025 отменил Требования к материалам оценки воздействия на окружающую среду, утвержденные приказом Минприроды России от 01.12.2020 № 999 (далее – Требования). Основанием для отмены Требований послужили изменения в законодательстве, внесенные:

– Федеральным законом от 25.12.2023 № 673-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об экологической экспертизе", отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 4 части 4 статьи 2 Федерального закона "О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую"» (далее – Федеральный закон от 25.12.2023 № 673-ФЗ);

– Постановлением Правительства РФ от 11.04.2024 № 452 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

Согласно пп. 2 п. 4 ст. 3 Федерального закона от 25.12.2023 № 673-ФЗ, установить порядок проведения оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) вместо Минприроды России должно Правительство РФ [13]. Но на сегодняшний день новых требований к процедуре проведения ОВОС так и не было опубликовано.

Выводы

В ходе исследования было рассмотрено влияние международных организаций и глобальных экологических трендов на формирование национальной государственной политики на примере экологической сферы. Это влияние представляет собой сложный процесс баланса между международными обязательствами и защитой национальных интересов.

Анализ механизмов влияния международных организаций на формирование государственной экологической политики позволил установить, что данное воздействие осуществляется посредством совокупности нормативных, рекомендательных, финансовых, институциональных и экспертных инструментов.

Таким образом, проведённый анализ показал, что международные организации эффективно влияли на экополитику РФ только в период 1990 – 2019 гг. и в узких нишах (трансграничное загрязнение, климатический учет, арктические проекты). После 2022 г. это влияние свелось к минимуму – РФ перешла к модели «изоляционистской экологии», где приоритетны внутренние нормы и национальные технологии. В настоящее время внешние рекомендации воспринимаются как инструмент давления, и их выполнение зависит исключительно от экономической выгоды и политической лояльности. Единственным исключением остаются проекты под эгидой БРИКС и ШОС, где влияние Запада отсутствует, а стандарты существенно мягче. Для Российской Федерации ключевым условием эффективности формирования и реализации экологической политики в перспективе является гибкая адаптация международных экологических норм, позволяющая сочетать участие в глобальных инициативах с сохранением суверенитета и учётом национальной специфики экологического и экономического развития.

Литература:

1. Россия и мир: 2026 Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани. М.: ИМЭМО РАН, 2025. 202 с. DOI 10.20542/978-5-9535-0647-2.
2. Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности / Под ред. проф. В.И. Якунина. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2021. 624 с.
3. Инфографика: топ-15 стран по объему выбросов парниковых газов. URL: https://www.vokrugsveta.ru/history/infografika-top-15-stran-po-obemu-vybrosov-parnikovykh-gazov-id6452288/ (дата обращения: 30.03.2026).
4. OsborneM.Theresearchhighlightstheextentofplastic pollution and transmission even in remote regions of the world. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8b7df4e0-69d8d7eb-2356434a-74722d776562/https/www.smithsonianmag.com/smart-news/in-a-first-microplastics-are-found-in-fresh-antarctic-snow-180980264/ (дата обращения: 30.03.2026).
5. Энтин М.Л. Брекзит, наука и высшее образование: правовые проблемы и регуляторные дилеммы дезинтеграции // Современная Европа. 2024. № 1. С. 88–102.
6. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Мурманской области в 2022 г. Министерства природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1775819890&tld=ru&lang=ru&name=2023.06.29_doklad_za_2022_god. (дата обращения: 01.04.2026).
7. Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.» // СПС Гарант.
8. Минин В.Б. К новому плану действий ХЕЛКОМ по защите Балтийского моря // АгроЭкоИнженерия (ВАК). 2020. № 3 (104). С. 108–122.
9. Официальный сайт Администрации ГО. Город Калининград. URL: https://www.klgd.ru/rss/index.php?ELEMENT_ID=914655&ysclid=mnstvpxps3716626627 (дата обращения: 05.04.2026).
10. BEAR: проект в рамках Баренцева Евро-Арктического региона. URL: https://www.environmentagency.no/areas-of-activity/international-cooperation/environmental-cooperation-in-the-arctic/ (дата обращения: 20.12.2025).
11. Бюллетень Счетной палаты Устойчивое развитие регионов. № 9 (310) 2023. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1775851180&tld=ru&lang=ru&name=nvj03vghnm6yzwmbczxr1isq2lsb4tsq.pdf&text=По%20данным%20в%202020%20 (дата обращения: 04.04.2026).
12. Распоряжение Правительства РФ от 29.09.2023 № 2646-р «Изменения, которые вносятся в план мероприятий по реализации Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС Гарант.
13. Об отмене требований к ОВОС. URL: https://centrkodeks.cntd.ru/news/read/otmenyautsya-trebovaniya-k-ovos/novosti-ekologii (дата обращения: 20.03.2026).

The Influence of International Organizations and Global Trends on the Formation of National Environmental Policies

Marina Vladislavovna Mikhailova
Saint-Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

The relevance of the research topic is due to the transition of the global environmental agenda from a recommendatory to a mandatory phase, where international organizations (UN, UNEP, WTO) and global trends (decarbonization, carbon neutrality, ESG) are beginning to directly limit the economic sovereignty of states. The purpose of the study is to analyze the influence of international organizations and global environmental trends on the formation of national environmental policies. The scientific and practical significance of the work lies in highlighting the current theoretical and applied aspects of the formation of state environmental policies. The scientific novelty of the study is due to changes in global trends and the role of international organizations in the process of forming national environmental policies. The key conclusion is that after 2022, the Russian Federation has switched to an "isolationist ecology" model, where the recommendations of Western international organizations are perceived as a tool for exerting pressure on the formation of environmental policy. In the current conditions of political instability, domestic norms and national technologies are prioritized for key stakeholders. The key danger is the technological lag in green energy and the growing pollution of soil, water, and atmospheric air in cities. The global trend is the transition from "carbon neutrality" to the physical protection of infrastructure from climate anomalies.

Keywords: public administration, national policy, state environmental policy, public authorities, global trends, international organizations

УДК 332.8
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-82-89
© Морозов Л.А., 2026

Необходимость повышения вовлечённости граждан в управление многоквартирными домами

Морозов Леонид Александрович
Аспирант кафедры государственного
и территориального управления Санкт-Петербургского
государственного экономического университета
(191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21; e-mail: leonid_morozov@list.ru;
ORCID: 0009-0004-8028-4812; SPIN-code: 5239-6575)

Актуальность исследования обусловлена устойчивой пассивностью собственников помещений в вопросах управления многоквартирными домами, что мешает эффективному функционированию жилищно-коммунального комплекса. Цель работы – проанализировать и систематизировать причины низкой вовлеченности граждан в процесс управления многоквартирными домами. На основе данных научных работ и социологических исследований выделены четыре группы барьеров: институциональные, экономические, психолого-социальные и управленческо-коммуникативные. Рассмотрено влияние цифровизации, которая в настоящее время работает с последствиями, а не с причинами пассивности жильцов. Научная новизна состоит в систематизации барьеров и их подтверждении данными опросов и официальной статистики. Практическая значимость определяется комплексом предложенных мер, которые охватывают градостроительную политику, институциональные преобразования, перенастройку цифровых сервисов и создание конкурентной среды, что в совокупности направлено на повышение эффективности управления комплексом и вовлеченности граждан в вопросы управления.

Ключевые слова: *многоквартирный дом, общее собрание собственников, социальная разобщенность, управление жильем, ЖКХ, цифровизация, пассивность собственников, недоверие к управляющим компаниям*

Для цитирования: *Морозов Л.А. Необходимость повышения вовлечённости граждан в управление многоквартирными домами // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 82–89. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-82-89.*

Приватизация жилья в 1990-е гг. в Российской Федерации привела к значительной трансформации социально-экономических отношений в жилищной сфере, в результате которой граждане, ранее частично оплачивавшие коммунальные услуги (ЖКУ), приобрели статус полноправных собственников, плательщиков и заказчиков услуг по управлению многоквартирными домами. Однако, как показывает текущая практика, правовой переход права собственности не привел к формированию соответствующей модели и практических навыков коллективного управления. Внедренный в процессе реформ институт общего собрания собственников (ОСС) развивался в условиях недоверия и правовой неопределенности [1]. Многоквартирный дом, не имеющий однозначного законодательного определения как единый объект права [2], стал местом конфликта частных и коллективных интересов. В этих условиях мы наблюдаем устойчивый феномен жилищного абсентеизма, который в отечественной социологии все чаще характеризуется как проявление системного кризиса управления, вызванного дис-

функцией института собственности [3]. Низкая активность на собраниях жителей многоквартирного дома (МКД), пассивность в принятии решений по его управлению, отсутствие четкого разграничения ответственности между собственниками и управляющими компаниями (УК), а также стремление собственников переложить бремя принятия решений на муниципальные власти или управляющую организацию являются характерными чертами современного жилищно-коммунального комплекса (ЖКК).

Для выявления причин пассивности собственников проведен анализ актуальных научных работ в области жилищной социологии и экономики недвижимости, и была разработана классификация барьеров, препятствующих участию граждан в управлении многоквартирными домами, которая представлена в таблице 1.

Низкая вовлеченность граждан не является следствием какой-либо единичной причины, а представляет собой комплексный результат институциональных, социальных и экономических факторов. Анализ научной литературы позволяет утверждать, что существует институциональная ловушка, в которой существующие барьеры взаимосвязаны и оказывают комплексное усиливающее воздействие друг на друга. Под институциональной ловушкой в данном контексте понимается устойчивая самоподдерживающаяся система, в которой

Таблица 1

Факторы, препятствующие вовлеченности собственников в управление многоквартирными домами

№	Наименование причины	Описание причин низкой вовлеченности собственников в управление домом
1	Институциональные барьеры	
1.1	Институциональное недоверие	Искусственное внедрение института ОСС создало недоверие у собственников к самому механизму управления
1.2	Правовая неопределенность МКД и общего имущества	Отсутствие четкого законодательного определения МКД и статуса общего имущества как единого объекта права. Собственник не воспринимает себя как часть коллективного субъекта
1.3	Смешение функций управления и формальных правил	Существует смешивание принятия решений, организации работ и управления процессами. Формальный институт управления (лицензирование УК) не приводит к реальному росту качества обслуживания МКД
1.4	Разрыв между правами и обязанностями, в т.ч. отсутствие ответственности за пассивность	Отсутствие юридических последствий за неучастие в ОСС и непринятие решений
1.5	Несогласованность с законодательством о митингах	Очные собрания во дворах могут трактоваться как несанкционированные публичные мероприятия, что влечет административную ответственность
2	Экономические барьеры	
2.1	Не соответствие в принадлежности денежных средств	Деньги собственников поступают на счета УК и де-факто становятся средствами управляющей компании, а не целевым фондом жителей, что снижает возможности экономического воздействия на управляющую организацию. Собственники не воспринимают данные средства как собственные, предназначенные для обслуживания дома
2.2	Статусная неоднородность жителей.	В одном доме могут присутствовать собственники, наниматели социального жилья, арендаторы, члены их семей с разными правами, обязанностями и экономическими интересами
2.3	Эффект «безбилетника».	Прагматичное нежелание тратить время и силы на контроль УК, поскольку результатом воспользуются все жильцы, включая пассивных. С другой стороны, ожидание, что это сделает кто-то другой
2.4	Трансформация квартиры из статуса дома в актив	Из фундаментальной жизненной необходимости жильё превратилось в инструмент спекуляции, где ценность измеряется не комфортом проживания, а рыночной ценой. Забота о долгосрочном приращении стоимости актива подменяется краткосрочным интересом к перепродаже квадратных метров
3	Психолого-социальные барьеры	
3.1	Социальная разобщенность в высотной застройке	Проживание в огромных домах ведет к исчезновению общности жильцов, ослаблению соседских связей, развитию фобий и восприятию соседа как чужого
3.2	Трансформация статуса жильца при трансформации ЖКК	Житель в СССР стал собственником, плательщиком и управляющим в РФ. До настоящего момента у собственников отсутствует понимание и компетенция в их роли в ЖКК
3.3	Отрицательные социальные практики и дефицит доверия	Фальсификация подписей в протоколах ОСС, лоббирование интересов УК, скрытность финансовых документов и отсутствие наглядной отчетности создает убеждение, что любая попытка участия в управлении будет обманута
3.4	Исчезновение двора как пространства социализации	Двор перестал быть местом коммуникации взрослых. Существенно возросло виртуальное общение

Продолжение таблицы 1

№	Наименование причины	Описание причин низкой вовлеченности собственников в управление домом
4	Управленческо-коммуникативные барьеры	
4.1	Замещение работы по обращению формальным ответом	Обязанность УК давать письменный ответ на жалобу, что на практике часто превращается в формальный ответ без реальной работы по сути обращения
4.2	Замещение функции жалобы	Официальные жалобы становятся инструментом недобросовестной борьбы УК, разновидностью воздействия соседей друг на друга или массовому их написанию со стороны активных жителей, но без цели наведения порядка
4.3	Специфика проведения ОСС в зависимости от размера дома	В небольших домах жители чаще являются инициаторами собраний и участие собственников выше, чем в крупных домах. При этом в крупных домах в основном инициатор собраний УК, а поднимаемые вопросы больше технические, чем управленческие

Составлено автором на основе [1–9].

неэффективные нормы и практики блокируют переход к более рациональным моделям поведения. Собственники пассивны, потому что не верят в результативность участия; УК не повышают качество услуг, потому что пассивность жителей не создает для этого стимулов. При этом государственные органы, в свою очередь, не ужесточают регулирование, ссылаясь на низкую гражданскую активность. Разорвать этот замкнутый круг единичными мерами невозможно – требуется комплексное воздействие на всех участников одновременно [1].

Ключевым аспектом является институциональное недоверие к самой системе управления жилым домом. Собственники, сталкиваясь с правовой неопределенностью статуса МКД [2] и отсутствием четкого определения общего имущества, не воспринимают данное имущество как свою собственность. Это усиливает эффект восприятия квартиры как элемента исключительно экономического характера [4], когда она воспринимается как актив для перепродажи либо источник дохода от аренды, но не как среда обитания, требующая постоянных инвестиций, внимания и участия в вопросах управления. При этом управленческая непрозрачность в виде отсутствия фонда содержания дома [5] и существующая практика формальных ответов на жалобы [6] создают у жильца восприятие, что его голос ничего не решает, усиливая нежелание участвовать в вопросах управления МКД. На это накладывается социальная разобщенность, особенно остро проявляющаяся в высотной застройке. Как показывают исследования, в домах свыше 150 квартир жители зачастую не знакомы друг с другом, испытывают тревожность от многоэтажности, что существенно осложняет возможность коллективных действий [7].

Кроме того, сама процедура проведения общего собрания является крайне громоздкой и непрозрачной для собственника [8]. Требования к кворуму, необходимость получения квалифицированного большинства по ряду вопросов и различные требования по количеству голосов по разным вопросам, с одной стороны, и сложности в получении финансовой и технической документации от УК – с другой, создают существенные препятствия для инициативных групп, зачастую не обладающих глубокими знаниями жилищного законодательства [9]. При этом временной режим работы большинства УК совпадает со стандартным пятидневным рабочим днем, что дополнительно усложняет очное ознакомление с материалами. Перевод голосования в электронную форму несколько снижает, но не решает проблему полностью, поскольку документы для принятия решений зачастую остаются доступными только в очном формате. Таким образом, получается цикличная замкнутая система барьеров: неэффективные правовые нормы создают почву для формализма управляющих организаций, что, в свою очередь, усиливает недоверие жителей и снижает их мотивацию к управлению и контролю.

Внедрение электронных сервисов объективно упростило техническую сторону взаимодействия жителей с управляющими компаниями, однако в целом цифровизация отрасли пока работает скорее со следствиями, а не с первопричинами низкой социальной активности. С одной стороны, онлайн-платформы действительно снимают часть барьеров, позволяя голосовать или передавать показания приборов учёта дистанционно, а очно-заочный формат общих собраний ощутимо повышает удобство для граждан и служит действенным механизмом для обеспечения кворума. Вместе с тем цифровизация и автоматизация зачастую лишь модернизируют процедуру, не повышая при этом реальной компетентности собственников в вопросах управления общим имуществом. Более того, существует риск трансформации цифрового участия в формальную имитацию деятельности. Формальное нажатие кнопок в приложении может создавать иллюзию деятельности, не включающую в себя содержательную часть о планах ремонта, проверке сметы или прочего. Исследования умных городов показывают, что простое внедрение технологий без учета интересов уязвимых групп ведет к их цифровому исключению. Жители без доступа к устойчивому интернету оказываются отрезанными от процесса принятия решений. Цифровые инструменты являются необходимым, но недостаточным условием для повышения вовлеченности. Они способны стать эффективным инстру-

ментом, если будет устранен дефицит доверия и проведена работа по повышению понимания вопросов управления жилищной сферой для граждан.

Рассматриваемая проблема недостаточной вовлечённости жителей в управление МКД имеет и другие аспекты. Существуют социально-культурные предпосылки, заложенные при формировании института собственности в постсоветской России и связанные с трансформацией восприятия жилья и места человека в городской среде. Важным фактором является непродолжительность существования института частной собственности на жилье в его современном виде. Массовая приватизация осуществила юридический переход права собственности, но не сопровождалась формированием новой модели поведения собственника как заказчика и получателя жилищно-коммунальных услуг. В сознании граждан еще живы нормы поведения, сформированные в советский период, когда жилье предоставлялось, а его содержание воспринималось как функция сторонних организаций. Жилье в настоящее время больше воспринимается как приобретение товара, без понимания необходимости его дальнейшего содержания и управления. Практика показывает, что временной интервал между изменением правового статуса и формированием соответствующей модели поведения собственников недостаточен.

Восприятие собственности в МКД раздваивается. Для жильца привычно и понятно владение квартирой как изолированным помещением. Однако юридическая конструкция многоквартирного дома предполагает наличие второй сущности – общедомового имущества, которое находится в общедолевой собственности всех жильцов. Управление этой «второй сущностью» требует навыков коллективного действия и коммуникации с большим числом незнакомых людей, что противоречит привычному опыту управления квартирой и образу частной жизни. В условиях современной высотной застройки, где количество квартир может достигать нескольких тысяч, задача совместного управления становится практически нереализуемой.

Также фактором, влияющим на восприятие жилья и вовлеченность в процесс управления домом, является социально-экономический статус собственника и место проживания. Жилищное расслоение, характерное для крупных городов, проявляется как в разнице стоимости квадратного метра, так и в неравенстве доступа к качественной городской среде. Районы с развитой социальной инфраструктурой и транспортной доступностью контрастируют с локациями, где жилье строится с минимальным количеством социальных объектов и благоустройством. Чем больше город и чем выше социальная нагрузка на дорожно-транспортную сеть, тем сильнее жилье на окраинах города для работающих граждан становится исключительно местом для ночевки. У человека, проводящего несколько часов в день в пробках или переполненном общественном транспорте, а дома лишь восстанавливающего силы для нового трудового дня, объективно не остается ни времени, ни желания для участия в собраниях и контроля за деятельностью управляющей компании. Массовая застройка периферийных территорий крупных городов, таких как Мурино, Парнас, Шушары или зона за Комендантским проспектом в Санкт-Петербурге, создала принципиально новую среду обитания. Это кварталы сверхплотной высотной застройки с преобладанием жилья эконом-класса, минимальным процентом озеленения, острым дефицитом парковочных мест и критическим отставанием ввода социальной и транспортной инфраструктуры. Жизнь в таких районах сопряжена с ежедневным преодолением трудностей: многочасовыми пробками, отсутствием альтернативных маршрутов общественного транспорта, удаленностью работы и культурного досуга. Зачастую жилье приобреталось в этих районах из-за экономической доступности с использованием ипотечного кредитования на длительный срок. В таких условиях квартира выполняет исключительно функцию крыши над головой с минимальным комфортом, и житель в активной возрастной группе психологически не готов и не способен активно участвовать в управлении домом.

Таким образом, предлагается выделить следующие группы причин низкой вовлечённости граждан в управление МКД: институциональные барьеры, экономические барьеры, психолого-социальные барьеры и управленческо-коммуникативные барьеры. Несмотря на отсутствие систематизированных и регулярных данных по оценке ЖКК со стороны жителей, можно опираться на материалы различных опросов и исследований. Как следует из таблицы 2, каждый из четырёх барьеров имеет эмпирическое подтверждение из авторитетных источников – ВЦИОМ, ФАС, Минстрой, ОНФ и крупных отраслевых исследований.

Приведённая классификация барьеров находит подтверждение в эмпирических данных. Несмотря на отсутствие единой системы сбора обратной связи в жилищной сфере, результаты опросов, проведённых ведущими исследовательскими центрами, позволяют количественно оценить остроту каждой из выделенных групп проблем.

Институциональные барьеры проявляются прежде всего в низкой осведомлённости и отстранённости собственников от процессов управления. По данным ВЦИОМ, 37 % жителей МКД не знают свою управляющую компанию, около половины никогда не участвуют в общих собраниях, а реальная явка на очные собрания, по экспертным оценкам, не превышает 5–7 % [10; 23]. При этом 57 % опрошенных ОНФ оценивают текущую ситуацию в сфере

Таблица 2

Показатели вовлеченности и поведения жителей МКД

Направление	Показатель	Значение (год)
Общая вовлеченность	Доля жителей МКД, не знающих свою УК	37 % (2025)
	Доля жителей, не участвующих в собраниях вообще	≈ 50 % (2025)
	Реальная явка на очные собрания	5–7 % (2025)
	Оценивают ситуацию в ЖКХ как плохую	57 % (2024)
	Заявили, что работа их УК далека от идеала	83 % (2025)
Экономические факторы	Доля граждан, для которых платежи за ЖКУ неподъемны	23 % (2026)
	Готовы платить больше за капремонт с энергоэффективными технологиями	56 % (2022)
	Переплата граждан из-за необоснованных тарифов (2023–2025)	102,62 млрд руб.
	Суммарная просроченная задолженность за ЖКУ в РФ	415 млрд руб. (2025)
Социальная разобщенность	Знают своих соседей	76,2 % (2025)
	Поддерживают дружеские отношения с соседями	2,9 % (2025)
	Категорически избегают общения с соседями	10 % (2025)
	Не состоят в соседских чатах	60 % (2025)
	Изучают отзывы жильцов перед покупкой квартиры	80 % (2026)
Оценка работы УК и доверие	Готовы рекомендовать свою УК (без цифровизации)	14,2 % (2025)
	Готовы рекомендовать свою УК (при 3+ цифровых инструментах)	59,2 % (2025)
Вандализм и и конфликты	Актов вандализма, совершенных самими жителями	74 % (2025)
	Нарушителей среди взрослых	63 % (2025)
	Жителей Москвы сталкиваются с курением на лестничных клетках	43 % (2024)
	Готовы переехать из-за плохих отношений с соседями	11,3 % (2025)

Таблица составлена на основе данных ВЦИОМ (2020, 2022, 2024, 2025), ФАС (2026), Минстроя РФ (2025), ОНФ (2024), Ромир (2026), «Ингосстрах» и Финансовый университет (2025), Forma (2025), Doma.ai (2025), Авито Недвижимость (2026), Институт социологии РАН (2024) [10–22].

ЖКХ как плохую, и 83 % респондентов заявляют, что работа их управляющей компании далека от идеала [21; 24]. Показательно, что даже при высоком уровне осведомлённости о реформе ЖКХ (84 % в 2022 г.) реальная вовлечённость остаётся низкой [11]: граждане не видят смысла тратить время на процедуру, в эффективность которой они не верят.

Экономические барьеры создают дополнительный фактор отстранения собственников от вопросов управления. По данным холдинга «Ромир», доля граждан, для которых платежи за жилищно-коммунальные услуги являются неподъёмными, выросла почти вдвое за десятилетие – с 12 % в 2016 г. до 23 % в 2026 г. [12]. Согласно опросу ОНФ, более 40 % респондентов отдают за коммунальные услуги от 10 до 20 % семейного дохода [19]. Ситуация дополняется данными ФАС о переплате граждан в размере 102,62 млрд руб. за 2023–2025 гг. из-за необоснованных тарифов и суммарной просроченной задолженности за жилищно-коммунальные ресурсы, достигшей 415 млрд руб. к концу 2025 г. [13; 18]. Формируется замкнутый круг: непрозрачность начислений и высокие тарифы демотивируют жителей участвовать в контроле, а пассивность жителей позволяет сохранять эту непрозрачность.

Психолого-социальные барьеры раскрываются через данные о соседских отношениях. При внешне благополучном показателе знакомства с соседями (76,2 % по данным опроса «Ингосстраха» и Финансового университета) реальная глубина социальных связей минимальна: лишь 2,9 % поддерживают дружеские отношения, а 60 % не состоят в домовых чатах [14; 15]. По данным опроса «Домиленд», 34 % жителей сознательно не готовы к плотному общению, а 10 % категорически избегают любых контактов [25]. Примечательно, что 80 % потенциальных покупателей жилья изучают отзывы реальных жильцов, причём 46 % интересуются именно отношениями с соседями, что свидетельствует о высоком, но неудовлетворённом запросе на качественную социальную среду [20].

Управленческо-коммуникативные барьеры проявляются в деструктивных поведенческих практиках и отсутствии эффективных каналов взаимодействия. Так, по данным исследования *Doma.ai* и Совета муниципальных образований Хабаровского края, 74 % актов вандализма в многоквартирных домах совершаются самими жителями, причём 63 % нарушителей – взрослые люди [16]. С курением на лестничных клетках сталкиваются 43 % москвичей [17]. Проблема усугубляется низким уровнем доверия к управляющим компаниям: без внедрения цифровых сервисов лишь 14,2 % жителей готовы рекомендовать свою УК, тогда как использование компанией трёх и более цифровых инструментов повышает этот показатель до 59,2 % [22]. Эти цифры подтверждают, что качество коммуникации напрямую влияет на лояльность жителей, однако сама по себе цифровизация без устранения институциональных и экономических дисбалансов даёт лишь частичный эффект.

Таким образом, низкая вовлечённость представляет собой не следствие какой-то одной причины, а рациональную реакцию граждан на совокупность институциональной сложности, экономического давления и социальной разобщённости. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что низкая вовлеченность граждан в управление многоквартирными домами является не локальной проблемой отрасли, а комплексным социальным явлением, отражающим глубинные противоречия современного урбанистического развития. Систематизация факторов выявила четыре группы барьеров: институциональные, экономические, психолого-социальные и управленческо-коммуникативные. Данные барьеры образуют устойчивую институциональную ловушку, в которой дисфункция одного элемента усиливает дисфункцию остальных. Цифровизация жилищной сферы, при всех её технических преимуществах, в настоящее время направлена преимущественно на устранение последствий проблемы, а не её причин, формирующих пассивность граждан. Требуется системный государственный подход, ориентированный на изменение градостроительной политики. Необходимо перейти от количественного ввода квадратных метров к формированию полноценной, социально обеспеченной и комфортной городской среды, где житель будет чувствовать себя комфортно во всех аспектах жизни.

Решение проблемы низкой вовлеченности граждан в управление многоквартирными домами требует перехода от разрозненных мер к комплексным изменениям, охватывающим градостроительную политику, правовое регулирование и цифровую трансформацию отрасли. В сфере градостроительной политики государству необходимо пересмотреть подход к развитию городских территорий. Следует исключить практику передачи крупных земельных участков исключительно под жилую и коммерческую застройку без синхронизации с планами создания социальной и транспортной инфраструктуры города. Городская среда должна проектироваться как пространство для жизни, а не как совокупность различных спальных районов. В институциональной плоскости необходимо решить проблему двойственности частной и общедолевой собственности в рамках МКД. Одним из возможных решений может стать создание обязательного органа управления общим имуществом с расширенными полномочиями на базе совета дома, наделенного правом осуществления юридически значимых действий без дополнительных доверенностей. Параллельно целесообразно рассмотреть введение специальных счетов для аккумулирования платежей жителей и доходов от использования общего имущества с упрощенным механизмом общественного контроля за расходованием средств. Это позволит собственникам воспринимать данные средства как собственные, предназначенные исключительно для обслуживания дома, а не как обезличенный платеж в УК.

При цифровизации жилищной сферы важно сместить акцент на решение задач, затрагивающих интересы собственников, минимизировав автоматизацию формальных процедур. Актуально внедрение автоматических перерасчётов платы за некачественные коммунальные услуги для всего дома, а не только для заявителей. Также необходимо проводить перерасчёты без заявлений собственников при выявлении фактов ограничения или поставки ЖКУ, не соответствующих нормативным значениям. Дополнительно при расчётах важно автоматизировать начисление штрафов управляющим компаниям в соответствии с ч. 6 ст. 157 Жилищного кодекса Российской Федерации. Такой подход не только защитит жителей, но и создаст экономические стимулы для УК к повышению качества услуг.

В части конкурентной среды критически важным является существенное упрощение и обеспечение прозрачности процедуры выбора и смены УК. Наличие у собственников реальной возможности расторгнуть договор с неэффективной компанией способно запустить механизмы честной конкуренции на рынке, стимулируя управляющие организации бороться за дома путём снижения тарифов и повышения качества услуг. Таким образом, все предложенные изменения могут принести существенный результат только при их комплексной реализации.

Литература:

1. Литвинцев Д.Б. Коллективное управление многоквартирными домами в условиях институционального недоверия собственников // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 112–121.
2. Литвинцев Д.Б. Многоквартирный дом: социальные последствия правовой неопределенности // Жилищное право. 2021. № 8. С. 45–56.
3. Епифанцев А.В., Литвинцев Д.Б. Кризис системы управления многоквартирными домами в России как результат трансформации института собственности // Урбанистика. 2021. № 3. С. 78–92.
4. Муфтахова А.Н. Отчуждение жилищных потребностей в структуре социальных потребностей человека // Теория и практика общественного развития. 2021. № 6. С. 33–39.
5. Генцлер И.В., Соколова Е.А. Рыночная модель управления многоквартирным домом: предложения по изменению законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 4. С. 67–79.
6. Литвинцев Д.Б. Жалобы – не подарок: дисфункциональность института жалоб в сфере ЖКХ в России // Социология города. 2022. № 2. С. 44–57.

7. Литвинцев Д.Б., Осьмук Л.А. Вертикальное измерение города: психосоциальные аспекты проживания в высотных многоквартирных домах // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 1. С. 88–102.
8. Генцлер И.В., Прокофьев В.Ю. Совершенствование управления многоквартирными домами: концептуальные предложения // ЖКХ: журнал руководителя и главного бухгалтера. 2018. № 11. С. 24–35.
9. Литвинцев Д.Б. Доверие институту общего собрания собственников многоквартирного дома в России // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Урбанистика. 2022. № 1. С. 5–19.
10. Тарифы и качество услуг ЖКХ: аналитический обзор ВЦИОМ. 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tarify-i-kachestvo-uslug-zhkkh (дата обращения: 16.04.2026).
11. Более 70 % россиян не готовы платить больше за услуги ЖКХ даже при росте качества // ТАСС. 2022. 22 июля. URL: https://tass.ru/ekonomika/15288129 (дата обращения: 16.04.2026).
12. Россияне положительно оценивают качество услуг ЖКХ // Исследовательский холдинг «Ромир». 2026. URL: https://romir.ru/feed/rossiyane-polojitelno-ocenivayut-kachestvo-uslug-jkh (дата обращения: 16.04.2026).
13. ФАС выявила более 100 млрд рублей лишних расходов в тарифах ЖКХ // Газета.ru. 2026. 14 марта. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2026/03/14/28056181.shtml (дата обращения: 16.04.2026).
14. Лают, сверлят и шумят: россияне назвали худших соседей // Ингосстрах. 2025. URL: https://www.ingos.ru/company/news/2025/07aac4ab-acae-43a0-b8dd-0074b0caabd2 (дата обращения: 16.04.2026).
15. Исследование: лишь 2,9 % россиян поддерживают дружеские отношения с соседями // ТАСС. 2025. URL: https://tass.ru/nedvizhimost/24092445 (дата обращения: 16.04.2026).
16. Вандализм в МКД: кто и что ломает // Совет муниципальных образований Хабаровского края. 2025. URL: https://www.cmokhv.ru/materials/mat2025058-m/ (дата обращения: 16.04.2026).
17. Распространенность курения в общественных местах г. Москвы // Институт социологии РАН. 2024. URL: https://www.manuscript.fnisc.ru/index.php?page_id=2754&id=1788&t=new&ret=2762&jour=population (дата обращения: 16.04.2026).
18. Просроченная задолженность за ЖКУ в РФ составляет 415 млрд рублей – Минстрой // Интерфакс Россия. 2025. 12 ноября. URL: https://www.interfax-russia.ru/realty/news/prosrochennaya-zadolzhennost-za-zhku-v-rf-sostavlyaet-415-mlrd-rubley-minstroy (дата обращения: 16.04.2026).
19. ОНФ. Граждане пожаловались Народному фронту на качество работы управляющих компаний // Совет муниципальных образований Хабаровского края. 2024. URL: https://www.cmokhv.ru/materials/mat20240204/ (дата обращения: 16.04.2026).
20. Исследование: 80 % россиян изучают отзывы перед покупкой квартиры // Ведомости. 2026. 9 апреля. URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/townspeople/news/pokupkoi-kvartiri (дата обращения: 16.04.2026).
21. Более половины участников опроса ОНФ плохо оценили ситуацию в сфере ЖКХ // ТАСС. 2024. 6 декабря. URL: https://tass.ru/obschestvo/22592477 (дата обращения: 16.04.2026).
22. Doma.ai: жители рекомендуют цифровые УК – как автоплатежи, приложения и чат-боты влияют на лояльность // CNews. 2025. 25 июля. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-07-25_domaai_zhiteli_rekomenduyut (дата обращения: 16.04.2026).
23. Аналитики объяснили, почему в стране всё так плохо с ЖКХ: на домовые собрания ходят 5–7 % жильцов // РИА Новости. 2025. URL: https://realty.ria.ru/20250325/zhkkh-2007733084.html (дата обращения: 16.04.2026).
24. Топ-30 управляющих компаний России в сфере жилья // Деловой Петербург. 2025. 12 ноября. URL: https://www.dp.ru/a/2025/11/12/top30-upravljajushhih-kompanij (дата обращения: 16.04.2026).
25. Аналитики оценили отношение россиян к соседским чатам // РБК. Недвижимость. 2022. 26 сентября. URL: https://realty.rbc.ru/news/633179d49a7947cfd1b055d7 (дата обращения: 16.04.2026).

The Need to Increase Citizen Engagement in Multi-Apartment Building Management

Leonid Alexandrovich Morozov
Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

The relevance of the research is determined by the persistent passivity of property owners in managing multi-apartment buildings, which hinders the effective functioning of the housing and communal complex. The purpose of the work is to analyze and systematize the reasons for low citizen engagement in the management of multi-apartment buildings.

Based on scientific works and sociological research data, four groups of barriers have been identified: institutional, economic, psycho-social, and managerial-communicative. The impact of digitalization, which currently addresses the consequences rather than the causes of residents' passivity, has been examined.

The scientific novelty lies in the systematization of barriers and their confirmation through survey data and official statistics. The practical significance is determined by a set of proposed measures that cover urban planning policy, institutional transformations, reconfiguration of digital services and the creation of a competitive environment, which together are aimed at improving the efficiency of complex management and citizen engagement in management issues.

Keywords: apartment building, general meeting of owners, social fragmentation, housing management, housing and communal services, digitalization, owner passivity, distrust to management companies

УДК 332.8; 353.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-90-96
© Назаровский Е.Б., Дианов С.А., 2026

Креативные индустрии в промышленном регионе России: муниципальный уровень

Назаровский Егор Борисович
Преподаватель кафедры информационных технологий в бизнесе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: EBNazarovskii@hse.ru; ORCID: 0009-0001-9690-579X)

Дианов Сергей Александрович
Доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета
(614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29; e-mail: sadianov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6536-6853)

В статье содержатся результаты авторского исследования, посвященного изучению динамики развития креативных индустрий в промышленно развитых регионах России. Базой для наблюдения выбран Пермский край – промышленный регион, где за последние годы состоялось формирование креативных профилей (направлений) практически во всех муниципальных образованиях. Методологическим основанием для проведения исследования определен экономоцентристский подход, включающий теории креативного класса и креативного города, которые сегодня являются особенно востребованными в науке о государственном и муниципальном управлении. В ходе исследования были сделаны выводы о том, что к началу 2026 г. в Пермском крае получили наибольшее развитие креативные профили, связанные с организацией развлечения и досуга, а также объекты культурного наследия, исполнительских искусств, народно-художественных промыслов и ремесел, аудиовизуальных материалов. При этом серьезным риском признается установленный факт: двадцать один муниципалитет специализируется только на одном направлении, максимальный же потенциал развития имеют всего лишь четыре округа, включая город Пермь. Авторы полагают, что полученные данные могут использоваться при корректировке действующих социально-экономических стратегий развития территорий промышленного региона.

Ключевые слова: *креативная экономика, креативные индустрии, промышленный регион, муниципальные образования, креативные профиля, развитие территорий, диверсификация, Пермский край*

Для цитирования: *Назаровский Е.Б., Дианов С.А. Креативные индустрии в промышленном регионе России: муниципальный уровень // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 90–96. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-90-96.*

Введение

Креативные индустрии являются важным фактором социально-экономического развития России, в особенности для ее регионов [1; 2]. В Российской Федерации активно формируются соответствующие политические и стратегические инициативы. В августе 2024 г. принят Федеральный закон № 330 «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», который вступил в силу 5 февраля 2025 г. и закрепил за Министерством экономического развития России полномочия по координации развития сектора, систематизации и расширению спектра мер поддержки для индивидуальных предпринимателей и представителей малого и среднего бизнеса, занятых в креативном секторе (рис. 1) [3].

На региональном уровне приоритетные направления развития креативных индустрий закрепляются в стратегических документах субъектов РФ, в более чем 55 регионах используется региональный стандарт развития креативных индустрий, разработанный и обновляемый Центром развития креативной экономики Агентства стратегических инициатив (АСИ) по поручению Президента РФ. В обновленном варианте содержится 14 шагов – от работы с инвестициями до вопросов интеллектуальной собственности [4].

Динамика развития креативных индустрий в фокусе теории и практики

Доля креативных индустрий в ВВП страны в 2025 г. составила 4,2 % (в 2024 г. – 3,9 % по уточненным данным Росстата) (рис. 2), средние темпы прироста ~0,2 % ВВП в год, достижение показателя в 6 % к 2030 г. было включено в перечень национальных целей развития страны [5]. Сектор малого и среднего предпринимательства в России является ключевым драйвером экономического роста и занятости (рис. 3). Структуру креативного сектора в большинстве формирует как раз малое и среднее предпринимательство (МСП), порядка 80 % среди всех творческих организаций. Поддержка данного сектора входит в число приоритетов государственной политики, что подтверждается реализацией национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» (рис. 4). Прирост количества креативных МСП составил 11 % (за период с сентября 2024 г. по ноябрь 2025 г.), а общее количество таких предприятий превысило 405,7 тыс. (6,1 % от общего числа субъектов МСП в России). Доля молодых предпринимателей до 35 лет среди индивидуальных предпринимателей в сфере креативных индустрий составляет более 40 % [6].

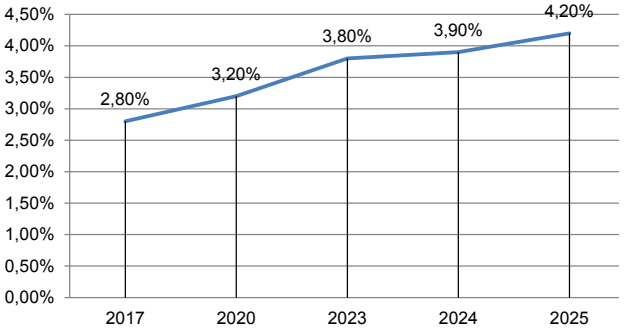

Рис. 2. Доля креативных индустрий в ВВП России в 2017–2025 гг., %

Составлено авторами на основе данных Росстата и Министерства экономического развития РФ.

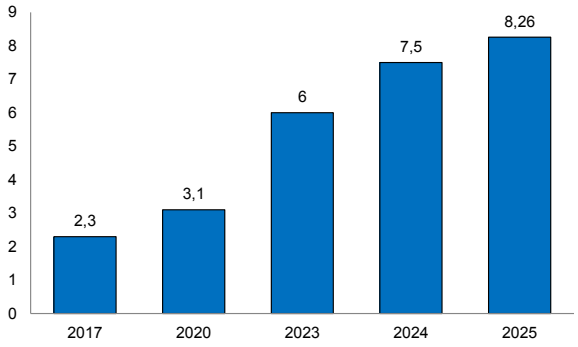

Рис. 3. Доля креативных индустрий в ВВП России в 2017–2025 гг., трлн руб.

Составлено авторами на основе данных Росстата и Министерства экономического развития РФ.

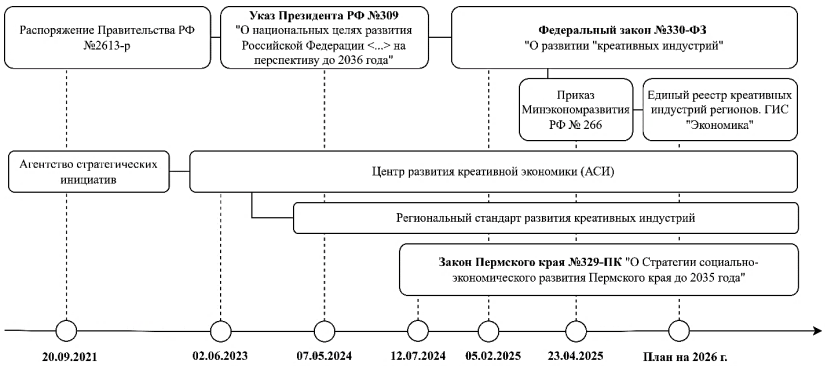

Рис. 1. Изучение нормативно-правовой базы в сфере креативных индустрий в России

Составлено авторами.

Концепция «креативных индустрий» впервые стала формироваться как самостоятельная экономическая категория в конце XX в., тем не менее исторические корни были связаны с более ранними попытками исследователей систематизировать творческую деятельность как объект рыночных и культурных процессов. Так, Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер в 1947 г. первыми предложили термин «культурные индустрии» (*cultural industries*) для описания процесса коммерциализации индустрии развлечений и их стандартизации, а именно в сфере фильмографии, радиопередач, звукозаписи и издательского дела [7]. Однако работа авторов

Рис. 4. Вариации государственной поддержки МСП в РФ

Составлено авторами.

сфокусировалась на индустриализации культурного производства, но не учитывала потенциала нематериальных ресурсов (информации, знаний) и индивидуальной креативности, который стал центральным в дальнейших исследованиях. Именно в период с конца 1940-х до начала 1990-х гг. в развитых странах наблюдался динамичный этап перехода от индустриального к постиндустриальному укладу. Производство переместилось в страны с дешёвой рабочей силой, а в экономике Запада росла доля сферы услуг и интеллектуального труда. Культура и бизнес тесно взаимодействовали: кино, телевидение, музыка, реклама приобретали всё большее экономическое и общественное значение среди населения. С 1970-х гг. взаимосвязь между культурой и экономикой усилилась. Кино, телевидение, музыка и реклама перестали быть чисто развлекательными инструментами и стали частью рыночных механизмов. Например, в 1970-е гг. Голливуд начал активно использовать маркетинговые стратегии, связанные с продажей сопутствующих товаров (игрушки, одежда, видеоигры), что превратило кино в глобальный бизнес. Аналогичная тенденция наблюдалась в музыке: крупные лейблы.

По настоящему ключевым этапом в становлении современного определения стало появление термина «креативные индустрии» (*creative industries*) в Великобритании в 1998 г. Оно было связано с политикой «новых лейбористов», которые взяли курс на модернизацию экономики и обновление имиджа страны. Ранее, в 1992 г. правительство консерваторов Британии путем слияния нескольких ведомств сформировало Министерство национального культурного наследия (*DNH*) для контроля за развитием искусств, телерадиовещания, киноиндустрии, спорта, архитектуры и исторических мест, королевских парков и туризма. После прихода к власти правительство лейбористов Тони Блэра в 1997 г. создало Министерство культуры, медиа и спорта (*DCMS*), которое учредило рабочую группу по креативным индустриям, целью которой стало определение и измерение влияния креативной экономики. В отчёте *DCMS* креативные индустрии были определены как «деятельность, которая берет начало в индивидуальном творчестве, навыках и талантах, которые имеют потенциал для создания добавленной стоимости и рабочих мест за счет создания и эксплуатации интеллектуальной собственности». Данный подход лег в основу государственной политики и стал отправной точкой для международных исследований. В докладе *DCMS* были впервые выделены 13 креативных направлений: от архитектуры до разработки ПО и компьютерных игр (рис. 5) [8].

Расширение концепции произошло в начале 2000-х гг. благодаря работам Дж. Хокинса, который ввёл термин «креативная экономика» (*creative economy*). В книге 2001 г. «Креативная экономика: как люди зарабатывают на идеях» Хокинс рассматривал креативность как стратегический ресурс, способный генерировать инновации и конкурентоспособность на глобальных рынках, включая технологии, образование и предпринимательство. В своем исследовании он выделил 15 креативных направлений, включая дизайн, кино, музыку, литературу, цифровые технологии и моду, подчеркивая их роль в глобальной трансформации экономики [9].

В это же время организация ЮНЕСКО активно продвигала идею культурной политики, связывающей устойчивое развитие с творческим потенциалом стран, подчёркивая роль креативных индустрий в объединении традиций и инноваций, особенно в развивающихся регионах. В 2011 г. ученые из Кейптауна на основе британского подхода к креативным индустриям представили исследование, в результате которого авторы смогли расширить определение, подчеркнув, что креативные индустрии включают не только традиционные культурные секторы (искусство, музыка, литература), но и современные

Рис. 5. Перечень креативных индустрий *DCMS* (1998)

коммерческие направления, такие как цифровые технологии, дизайн и архитектура. Дополнительно авторы представили структуру креативной экономики, содержащую три основных блока. Индустрии авторского права включают в себя индустрии поставки, продаж и распределения, а также культурные индустрии [10].

Сектор креативных услуг обладает потенциалом создания высокой добавленной стоимости, что делает его привлекательным не только для малых и средних предпринимателей, но и для инвесторов. Большинство открытых креативных индустрий обладают низким барьером входа на рынок, что дает малонаселённым пунктам дополнительные возможности к преодолению ограничений развития и обеспечению сбалансированного территориального роста. В то же время оценка креативной экономики традиционно сталкивается с фундаментальной методологической проблемой: как измерить нематериальную ценность, инновационность и культурное влияние? Мониторинг состояния креативных индустрий как в зарубежной практике, так и в РФ в настоящее время строится на комплексном анализе количественных показателей. Анализ состояния субъектов креативных индустрий в российских регионах основывается на данных, предоставляемых преимущественно Росстатом РФ, Федеральной налоговой службой РФ, Федеральной таможенной службой и Банком России [11; 12]. К числу основных показателей относятся: численность субъектов малого и среднего предпринимательства, объем импорта/экспорта креативных товаров и услуг, производительность труда, доля креативного сектора в ВВП/ВРП [13].

Пермский край: территории и креативные профили

Для выявления и оценки креативных видов экономической деятельности на муниципальном уровне Пермского края как крупного промышленного региона страны целесообразнее всего использовать многомерную типологию, сочетающую анализ количественных данных и качественной специфики развития креативных индустрий, выделив группы муниципальных образований Пермского края (40 муниципальных, 3 городских округа – данные согласно ОКТМО (ОК 033-2013) по Пермскому краю с изменениями от 01.02.2025). Для определения креативных профилей территории использовались данные платформы СПАРК, Росстат (табл. 1–2).

По результатам анализа определено количество упоминаний и удельный вес каждого профиля в общей структуре креативных специализаций Пермского края (табл. 3).

Также рассчитан показатель уровня диверсификации креативных профилей муниципалитетов Пермского края (табл. 4).

Заключение

Анализ муниципальных образований Пермского края показал, что в регионе преобладают направления, связанные с организацией развлечения и досуга, а также объекты культурного наследия, исполнительских искусств, народно-художественных промыслов и ремесел, аудиовизуальных материалов. Средний уровень диверсификации составляет 1,60 профиля на одну территорию, при этом двадцать один муниципалитет специализируется только на одном направлении, а максимальный потенциал развития имеют лишь четыре округа, включая региональный центр – город Пермь. Полученные данные могут использоваться как дополнительные материалы для реализации действующих социально-экономических стратегий развития территорий, понимания перспектив и рисков при создании межмуниципальных кластеров и запуска эффективных проектов, основанных на сильных сторонах каждой территории промышленного региона.

Таблица 1

Креативные профили (сформированы на основе приказа Министерства экономического развития РФ № 266 от 23.04.2025)

Креативный профиль	Описание
«Культурный код и искусство»	Совокупность индустрий, направленных на сохранение и творческое использование исторической памяти, локальной идентичности и культурного потенциала через народные промыслы, музейно-выставочную деятельность, защиту объектов наследия, а также профессиональное музыкальное искусство
«Медиа и коммуникации»	Индустрии по созданию и распространению массового контента (кинопроизводство, издательское дело, телерадиовещание), работу цифровых медиаплатформ и новых медиа, а также сферу рекламы и связей с общественностью
«Технологии и проектирование»	Включают разработку ПО, видеоигр, архитектуру, урбанистику, дизайн, а также инженерное проектирование, промышленный дизайн и иные формы прикладных технологических решений
«Индустрии впечатлений»	Создание и организация опыта, эмоций и событий для человека через туризм, отдых, развлечения, гастрономию, культурно-досуговые и событийные практики, а также через формирование уникальных пространств и сценариев взаимодействия с территорией

Составлено авторами.

Таблица 2

Выделение креативных профилей для территорий Пермского края

№	Территория	Профили
1	Александровский муниципальный округ	«Технологии и проектирование»
2	Бардымский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений»
3	Березовский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
4	Большесосновский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
5	Верещагинский муниципальный округ	«Технологии и проектирование»
6	Гайнский муниципальный округ	«Культурный код и искусство»
7	Горнозаводский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
8	Город Березники	«Технологии и проектирование», «Культурный код и искусство»
9	Город Кизел	«Индустрии впечатлений»
10	Губахинский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений», «Культурный код и искусство»
11	Добрянский муниципальный округ	«Технологии и проектирование», «Индустрии впечатлений»
12	Еловский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
13	ЗАТО Звездный	«Технологии и проектирование»
14	Ильинский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
15	Карагайский муниципальный округ	«Технологии и проектирование»
16	Кишертский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
17	Косинский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
18	Кочевский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений»
19	Красновишерский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений», «Культурный код и искусство»
20	Краснокамский муниципальный округ	«Технологии и проектирование»
21	Кудымкарский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Медиа и коммуникации», «Индустрии впечатлений»

Продолжение таблицы 2

№	Территория	Профили
22	Куединский муниципальный округ	«Культурный код и искусство». «Индустрии впечатлений»
23	Кунгурский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Технологии и проектирование»
24	Лысьвенский муниципальный округ	«Технологии и проектирование», «Культурный код и искусство»
25	Нытвенский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Технологии и проектирование»
26	Октябрьский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений»
27	Ординский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений»
28	Осинский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
29	Оханский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений»
30	Очерский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений»
31	Пермский городской округ	«Технологии и проектирование», «Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений», «Медиа и коммуникации»
32	Пермский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений»
33	Сивинский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
34	Соликамский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений»
35	Суксунский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений», «Технологии и проектирование»
36	Уинский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
37	Чайковский городской округ	«Индустрии впечатлений»
38	Частинский муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
39	Чердынский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений», «Медиа и коммуникации»
40	Чернушинский муниципальный округ	«Технологии и проектирование»
41	Чусовской муниципальный округ	«Индустрии впечатлений»
42	Юрлинский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений»
43	Юсьвинский муниципальный округ	«Культурный код и искусство», «Индустрии впечатлений»

Составлено авторами.

Таблица 3

Количество упоминаний и удельный вес креативных профилей по муниципалитетам Пермского края

Профиль	Количество упоминаний	Удельный вес (в % от всех упоминаний)	Удельный вес (в % от всех 43 муниципалитетов)
«Индустрии впечатлений»	32	45,7 %	74,4 %
«Культурный код и искусство»	22	31,4 %	51,2 %
«Технологии и проектирование»	13	18,6 %	30,2 %
«Медиа и коммуникации»	3	4,3 %	7,0 %

Составлено авторами.

Таблица 4

Уровень распределения креативных профилей Пермского края

Тип территории	Кол-во территорий Пермского края
Монопрофильные (1 профиль)	21
Двухпрофильные (2 профиля)	18
Многопрофильные (3-4 профиля)	4

Составлено авторами.

Литература:

1. Цёхла С.Ю., Полищук Е. А. Креативные индустрии России как вектор экономического роста и занятости населения // Сервис в России и за рубежом. 2025. Т. 19. № 4. С. 101–108.
2. Домнин О.В., Домнина С.В. Креативные индустрии как фактор устойчивого развития региона (на примере Самарской области) // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2023. № 4. С. 17–29.
3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50912?ysclid=mpgg144p2j103213831 (дата обращения: 21.05.2026).
4. АСИ: креативный регстандарт 2.0 учтет защиту интеллектуальной собственности/ URL: https://tass.ru/ekonomika/25927165 (дата обращения: 21.05.2026).
5. Вклад креативной экономики в ВВП в 2025 г. составил 8,26 трлн рублей/ URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_kreativnoy_ekonomiki_v_vvp_v_2025_godu_sostavil_826_trln_rubley.html?ysclid=mpggixtmpd954000981 (дата обращения: 21.05.2026).
6. Корпорация МСП: молодежь в 2 раза чаще выбирает бизнес в креативных индустриях/ URL: https://мсп.рф/services/news/detail/korporatsiya-msp-molodezh-v-2-raza-chashche-vybiraet-biznes-v-kreativnykh-industriyakh/?ysclid=mpggtyer64445543598 (дата обращения: 21.05.2026).
7. Вейнместер А.В., Иванова Ю.В. «Культурные индустрии» и «креативные индустрии»: границы понятий // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 38-48.
8. Creative Industries Mapping Document / UK Department for Digital, Culture, Media & Sport. London : DCMS, 2001. 20 p.
9. Хокинс Д. Креативная экономика. Как люди зарабатывают на идеях. М.: Классика XXI, 2011. 256 с.
10. Understanding Creative Industries: their definitions, models, measurements and drivers / CAJ for Arterial network; compiled by C. Mabious. [S. l.]: Arterial Network, 2011. 34 p.
11. Боос В.О., Гершман М.А., Гохберг Л.М., Куценко Е.С., Остащенко Т.В., Абанкина Т.В. Рейтинг креативных регионов России. Научный дайджест. Спецвыпуск № 3 / Отв. ред.: О.В. Ворон. НИУ ВШЭ, 2023. 34 с.
12. Атлас экономической специализации регионов России / В.Л. Абашкин, Л.М. Гохберг, Я.Ю. Еферин и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; НИУ «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2021. 264 с.
13. Карпова Г.А., Михайлова А.В. Оценка устойчивости потенциала развития креативных индустрий в региональной экономике в условиях резильентности // Устойчивое промышленности в условиях развитие интеллектуальной экономики резильентности. СПб.: Изд-во Политех-Пресс, 2025. С. 229–252.

Creative Industries in Russia's Industrial Region: Municipal Level

Egor Borisovich Nazarovsky[1], Sergey Alexandrovich Dianov[2]
[1]National Research University «Higher School of Economics» (Moscow, Russia),
[2]Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)

This article presents the results of a study examining the development dynamics of creative industries in industrialized regions of Russia. The Perm Krai, an industrial region where creative profiles (directions) have emerged in virtually all municipalities in recent years, served as the base for observation. The study's methodological basis is an econocentric approach, incorporating theories of the creative class and the creative city, which are particularly in demand today in the science of public and municipal administration. The study concluded that by the beginning of 2026, creative profiles related to entertainment and leisure, as well as cultural heritage sites, performing arts, folk arts and crafts, and audiovisual materials, would have developed most in Perm Krai. However, the established fact that twenty-one municipalities specialize in only one direction, while only four districts, including the city of Perm, have the greatest development potential, is recognized as a serious risk. The authors believe that the obtained data can be used to adjust current socioeconomic development strategies for the industrial region.

Keywords: creative economy, creative industries, industrial region, municipalities, creative profiles, territorial development, diversification, Perm Krai

УДК 334.7:316.42
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-97-105
© Сафин Т.Ф., 2026

Социальное предпринимательство в России: состояние, вызовы, перспективы развития

Сафин Тимур Фадбирович
Советник Председателя Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодёжи «Движение Первых»
(109004, Москва, ул. Земляной Вал, д. 50А, стр. 2; e-mail: in-sp@yandex.ru)

Актуальность работы определяется тем, что институт социального предпринимательства получил правовое закрепление в 2019 г. и демонстрирует устойчивый количественный рост, при этом государству в условиях бюджетных ограничений и старения населения требуются негосударственные механизмы решения социальных задач, а понятийный аппарат феномена остается дискуссионным. Цель статьи состоит в выявлении актуального состояния, ключевых вызовов и перспектив развития социального предпринимательства в России на основе изучения отечественных и зарубежных научных источников, законодательства и статистических данных, а также в подготовке предложений по совершенствованию государственной политики в этой сфере.

Научная значимость статьи заключается в систематизации зарубежных и отечественных теоретических школ и в выдвижении пяти дискуссионных положений с обоснованием позиции по каждому из них; практическая значимость выражается в комплексе конкретных предложений для органов государственной власти, включая меры налоговой, имущественной и кредитной поддержки. Основные результаты свидетельствуют о десятикратном увеличении числа социальных предприятий за исследуемый период при сохранении их крайне малой доли в общей структуре малого и среднего бизнеса и выраженной концентрации в ограниченном числе регионов. Выделены три группы вызовов сектора, охватывающие нормативные, финансовые и социокультурные аспекты, а также пять направлений среднесрочного развития, связанных с цифровизацией, интеграцией в ESG-повестку крупных корпораций и совершенствованием инструментов измерения социального эффекта.

Ключевые слова: *социальное предпринимательство, социальное предприятие, малый и средний бизнес, социальная миссия, импакт-инвестирование, государственная поддержка, реестр социальных предприятий, региональное развитие, социальные инновации, ESG*

Для цитирования: *Сафин ТФ. Социальное предпринимательство в России: состояние, вызовы, перспективы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 97–105. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-97-105.*

Введение

Социальное предпринимательство как самостоятельный феномен хозяйственной жизни вошло в российскую экономическую повестку в середине 2000-х гг. и за последние пять лет получило системное институциональное оформление. Принятие Фе-

дерального закона от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" в части закрепления понятий "социальное предпринимательство", "социальное предприятие"» (Федеральный закон № 245-ФЗ) [1], закрепившего понятия «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие», создание реестра социальных предприятий в составе Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства [2], развитие сети центров инноваций в социальной сфере (ЦИСС) и включение поддержки сектора в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство» (с 2025 г. – «Эффективная и конкурентная экономика») сформировали инфраструктуру нового типа экономической активности, сочетающей коммерческую устойчивость и социальную миссию.

Актуальность настоящего исследования определяется тремя группами факторов. Во-первых, в условиях бюджетных ограничений и устойчивого роста доли населения старше трудоспособного возраста (по данным Росстата на 1 января 2025 г. более 24 %) государство объективно нуждается в негосударственных поставщиках социальных услуг. Во-вторых, сектор демонстрирует устойчивые количественные темпы роста: число участников реестра выросло за 2020–2024 гг. в десять раз. В-третьих, сохраняется концептуальная неопределённость, существенный разрыв между формальными признаками социального предприятия и реальной социальной миссией бизнеса, недостаточная эффективность мер поддержки и низкая узнаваемость сектора в обществе.

Цель статьи – на основе анализа отечественной и зарубежной литературы, нормативно-правовой базы и официальной статистики выявить актуальное состояние, ключевые вызовы и перспективы развития социального предпринимательства в Российской Федерации, а также сформулировать предложения по совершенствованию государственной политики в этой сфере.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) систематизировать теоретико-методологические подходы к определению социального предпринимательства; 2) проанализировать динамику и структуру реестра социальных предприятий России в 2020–2025 гг.; 3) выявить и классифицировать ключевые вызовы развития сектора; 4) сформулировать дискуссионные положения относительно состояния и направлений развития социального предпринимательства в России; 5) определить перспективные направления развития в среднесрочной перспективе до 2030 г.

Обзор литературы

Концептуальные основы изучения социального предпринимательства были заложены в зарубежной литературе в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В исследовательской традиции Г. Диза (*G. Dees*) социальный предприниматель трактуется как носитель системных преобразований в общественной сфере: его деятельность подчинена задаче генерации социальной ценности, тогда как извлечение коммерческой прибыли рассматривается не в качестве самоцели, а как механизм воспроизводства и масштабирования социальной миссии [3]. Дж. Майр и И. Марти (*J. Mair, I. Martí*) предложили рассматривать социальное предпринимательство как процесс инновационного использования и комбинации ресурсов для удовлетворения неудовлетворённых социальных потребностей [4]. Лауреат Нобелевской премии мира М. Юнус, основатель *Grameen Bank*, ввёл понятие социального бизнеса, ключевой особенностью которого является принцип самоокупаемости при невыплате дивидендов: вся прибыль направляется на расширение социального воздействия [5; 6]. Европейская исследовательская школа (Ж. Дефурни, М. Ниссенс) акцентирует внимание на коллективном характере собственности и демократическом управлении социальных предприятий, что отражено в концепции *EMES* [7].

В отечественной науке систематическое изучение социального предпринимательства началось в 2008–2011 гг. Фундаментальной работой, заложившей понятийный аппарат российской школы, остаётся коллективная монография под редакцией А.А. Московской «Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования», подготовленная Центром социального предпринимательства и социальных инноваций Высшей школы экономики [8]. Авторы выделяют четыре отличительные характеристики социального предпринимательства: приоритет социальной миссии над коммерческими целями; рыночную (предпринимательскую) природу деятельности, обеспечивающую финансовую устойчивость без постоянных дотаций; инновационность подходов к решению социальных проблем; способность модели к воспроизведению в иных территориальных и социально-экономических условиях.

Значительный вклад в концептуализацию российского социального предпринимательства внесли работы В.В. Жоховой, которая рассматривала его через призму концепций предпринимательской деятельности и социальной миссии [9], Ю.Н. Арай и Т.А. Бурмистровой, исследовавших специфику бизнес-моделей социальных предприятий [10], В.А. Бариновой, проанализировавшей зарубежный опыт развития сектора и возможности его адаптации в России [11], А.В. Буяновой, систематизировавшей правовые и экономические проблемы развития социального бизнеса [12]. Региональные аспекты, в том числе влияние возрастной асимметрии населения, изучались в работах Т.Д. Ромащенко, А.Е. Кисовой, В.П. Канищева [13; 14].

Эмпирическая традиция изучения сектора связана прежде всего с тремя волнами исследований Фонда «Наше будущее» и группы ЦИРКОН (2013, 2018, 2023 гг.), которые сформировали репрезентативный портрет российского социального предпринимателя [15]. Анализу институциональной динамики и эмпирических результатов посвящена статья А.А. Московской и И.П. Поповой 2022 г. «Социальное предпринимательство в России: уроки выборочных эмпирических исследований (2008–2021)», в которой показаны противоречия, приведшие сектор к нынешнему состоянию неопределённости [16]. Современные публикации (И.В. Яхнеева, А.В. Павлова, 2021; материалы РБК+ и АСИ 2023–2025 гг.) фиксируют переход от стадии институционального оформления к стадии качественного развития, сопряжённой с ростом неопределённости макроэкономической среды [17].

Анализ литературы позволяет констатировать: единой общепринятой дефиниции социального предпринимательства до настоящего времени не выработано ни в международной, ни в отечественной науке, что отражает многогранный характер самого феномена и обусловливает необходимость комплексного, междисциплинарного подхода к его исследованию.

Материалы и методы исследования

Методологическую базу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), методы сравнительного и структурного анализа, статистический и графический методы, метод динамических рядов, контент-анализ нормативно-правовых актов и научных публикаций. Информационную базу исследования образуют: данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы России (по состоянию на 10.01.2026) [2]; статистические сборники Росстата «Малое и среднее предпринимательство в России» (2022, 2024) [18]; аналитические материалы Министерства экономического развития Российской Федерации; отчёты Агентства стратегических инициатив; данные Фонда региональных социальных программ «Наше будущее»; результаты экспертных опросов исследовательской группы ЦИРКОН (2021, 2023) [8]; публикации в реферируемых научных журналах из перечня ВАК за 2014–2025 гг.

Современное состояние социального предпринимательства в России

Институциональное оформление сектора связано с принятием Федерального закона № 245-ФЗ [1]. Согласно ст. 24.1 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (Федеральный закон № 209-ФЗ) [19], статус социального предприятия может быть присвоен субъекту МСП, удовлетворяющему хотя бы одной из четырёх групп условий: обеспечение занятости социально уязвимых групп населения (с пороговыми значениями – не менее 50 % таких работников в штате и не менее 25 % их доли в фонде оплаты труда); сбыт товаров, работ и услуг, произведённых указанными категориями граждан; выпуск товаров и оказание услуг, ориентированных на эти же категории; ведение общественно полезной деятельности в одной из установленных социальных сфер.

Квалификация социальным предприятием подтверждается ежегодно региональным уполномоченным органом, после чего сведения вносятся в Единый реестр субъектов МСП и обновляются ежемесячно [2]. Анализ динамики реестра свидетельствует об устойчивом количественном росте сектора (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности социальных предприятий в РФ в 2020–2025 гг.

Год	Кол-во соц. предприятий в реестре, ед.	Прирост к предыдущему году, %	Доля от общего числа МСП, %
2020	≈ 1 200	—	≈ 0,02
2021	≈ 5 700	+ 375,0	≈ 0,09
2022	7 900	+ 38,6	≈ 0,13
2023	10 840	+ 37,2	≈ 0,17
2024	> 12 000	+ 11,0	≈ 0,18
2025	≈ 11 500	− 4,2	≈ 0,17

Составлено автором по данным Единого реестра субъектов МСП ФНС России и Минэкономразвития России [2; 18].

Как видно из таблицы 1, за пять лет численность социальных предприятий выросла с примерно 1,2 тыс. до более чем 12 тыс., то есть в 10 раз. Наиболее интенсивный прирост пришёлся на 2021 г. (этап массовой первичной квалификации) и 2022–2023 гг. (этап масштабирования региональных программ). В 2024 г. темпы прироста замедлились до 11 %, а по итогам 2025 г. зафиксирована небольшая коррекция реестра до 11,5 тыс. ед., что свидетельствует о приближении к насыщению по числу субъектов, формально соответствующих критериям. На таких предприятиях, по экспертным оценкам Минэкономразвития, занято порядка 60 тыс. чел., выпускается более ста видов продукции и услуг.

Несмотря на десятикратный рост, доля социальных предприятий в общей численности субъектов МСП России остаётся крайне низкой. По данным ФНС России, на 10 мая 2025 г. в реестре МСП зарегистрировано порядка 2,34 млн юридических лиц и около 4,2 млн индивидуальных предпринимателей, то есть около 6,5 млн субъектов [2]. Социальные предприятия составляют менее 0,2 % от общего числа МСП. По экспертной оценке Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, в стране функционирует не менее 50 тыс. компаний, фактически реализующих социально значимые

проекты, однако официальный статус социального предприятия имеют лишь около четверти из них. Это подтверждает выводы А.А. Московской о существенном разрыве между формально-юридическим определением и экономико-социологической сущностью сектора [16]. Региональная структура социального предпринимательства характеризуется выраженной концентрацией. На пять субъектов Российской Федерации приходится более 25 % всех социальных предприятий страны (табл. 2).

Таблица 2

Регионы-лидеры по числу социальных предприятий в 2022–2024 гг., ед.

№	Субъект РФ	2022 г.	2023 г.	2024 г.
1	Московская область	801	999	1 137
2	Республика Башкортостан	398	614	609
3	Нижегородская область	353	461	≈ 480
4	Приморский край	350	377	≈ 395
5	Ханты-Мансийский АО	299	≈ 340	≈ 360
6	Ленинградская область	≈ 240	406	≈ 430

Составлено автором по данным Минэкономразвития России и аналитическим материалам АСИ.

Лидерство Московской области, Республики Башкортостан, Нижегородской области, Приморского края и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры объясняется сочетанием трёх факторов: высоким уровнем развития инфраструктуры поддержки (региональные ЦИСС, центры «Мой бизнес»), активной позицией региональных органов исполнительной власти и наличием устойчивых грантовых программ. В то же время значительное число субъектов Российской Федерации (преимущественно в Северо-Кавказском, Дальневосточном и Сибирском федеральных округах) имеют менее 50 социальных предприятий каждый, что свидетельствует о пространственной асимметрии развития сектора.

Отраслевая структура социального предпринимательства в России отличается доминированием традиционных направлений: дополнительное образование детей и взрослых (по различным оценкам – от 28 до 35 % всех социальных предприятий), социальные услуги для пожилых граждан и инвалидов (около 20 %), детский отдых и развивающие услуги (около 15 %), производство товаров для уязвимых категорий и реабилитация (около 12 %). Принципиально новыми для сектора стали направления, связанные с цифровизацией: применение искусственного интеллекта в реабилитации и протезировании, дистанционное дополнительное образование, программы внутреннего туризма для людей с особыми потребностями, креативные индустрии и работа через маркетплейсы.

Согласно данным исследования Фонда «Наше будущее» и группы ЦИРКОН (2023 г., опрошено 251 респондент в 14 регионах), портрет российского социального предпринимателя имеет следующие характеристики: преобладают женщины (около 70 % опрошенных), средний возраст составляет 35–50 лет, более 60 % имеют высшее образование, более половины проектов созданы по личной мотивации, связанной с собственным жизненным опытом или опытом близких [15]. Большинство социальных предприятий относятся к микропредприятиям с численностью занятых до 15 чел. и годовой выручкой до 60 млн руб.

Ключевые вызовы развития социального предпринимательства

На основе анализа литературы и эмпирических данных выделены ***три группы вызовов*** развития российского социального предпринимательства: концептуально-нормативные, ресурсно-финансовые и социокультурные.

1. ***Концептуально-нормативные вызовы***. Прежде всего сохраняется так называемый «кризис определения»: формально-юридический подход, основанный на четырёх категориях критериев Федерального закона № 209-ФЗ [19], не охватывает значительную часть фактически социально ориентированного бизнеса. Доминирующим формальным признаком на практике остаётся трудоустройство инвалидов, нередко мотивированное налоговыми льготами, а не реальным решением социальных задач [13]. Отсутствуют общепринятые методики измерения социального эффекта (Social Return on Investment, SROI), что затрудняет оценку результативности государственной поддержки и принятие импакт-инвестиционных решений. Не урегулированы правовые механизмы для гибридных организационных форм (социальный кооператив, фонд с предпринимательской деятельностью), широко представленных в зарубежной практике.

2. ***Ресурсно-финансовые вызовы***. По данным исследования Фонда «Наше будущее» 2023 г. [15], тремя наиболее острыми проблемами социальные предприниматели называют дефицит квалифицированных кадров, недостаток финансирования для роста и масштабирования и сложности с арендой помещений. Льготная аренда муниципальной и государственной недвижимости признана наиболее востребованной мерой поддержки 59 % опрошенных. Сектор импакт-инвестирования в России находится на ранней стадии формирования: отсутствуют специализированные финансовые институты, ограничен доступ к долгосрочному заёмному капиталу, банковское кредитование осуществляется на общих условиях без учёта специфики социальной миссии. Зависимость от грантового финансирования и государственных субсидий формирует «иждивенческую» модель поведения, отмеченную ещё в начале 2010-х гг. экспертами АСИ.

3. ***Социокультурные вызовы.*** Низкая узнаваемость и общественное понимание феномена со-

циального предпринимательства приводят к смешению его с благотворительностью, что снижает потребительскую готовность платить рыночную цену за продукцию социальных предприятий. По данным репрезентативных опросов 2021–2023 гг., менее 30 % граждан могут корректно идентифицировать социальное предприятие. Вторым социокультурным вызовом является относительно слабая развитость третьего сектора и культуры частной филантропии по сравнению со странами с развитым рынком импакт-инвестирования (Великобритания, Канада, США, Республика Корея). Третьим – институциональная инерция системы социального обслуживания, медленно открывающейся для негосударственных поставщиков услуг, несмотря на принятый 28.12.2013 Федеральный закон № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [20].

Дополнительными внешними вызовами 2022–2025 гг. стали санкционное давление, разрыв ряда международных партнёрств, рост стоимости заёмного капитала вследствие повышения ключевой ставки Банка России и сокращение присутствия международных некоммерческих организаций, ранее являвшихся источником методической и грантовой поддержки. Одновременно эти процессы открыли «окно возможностей» для развития отечественной инфраструктуры поддержки и формирования собственных школ социального предпринимательства.

Анализ современного состояния социального предпринимательства в Российской Федерации обнаруживает ряд содержательных противоречий, по которым в исследовательской и экспертной среде ведётся продолжающаяся дискуссия. Систематизация этих противоречий позволяет вычленить пять взаимосвязанных дискуссионных положений, имеющих принципиальное значение для дальнейшей траектории развития сектора.

Дискуссионное положение 1. Природа феномена: формально-юридический или содержательный подход к определению социального предприятия? Сторонники формально-юридического подхода (преимущественно представители органов исполнительной власти и Минэкономразвития) исходят из того, что чёткие количественные критерии Федерального закона № 245-ФЗ [1] обеспечивают предсказуемость и администрируемость государственной поддержки, исключают произвольное толкование статуса и позволяют масштабировать реестр. Оппоненты данной позиции (А.А. Московская, И.П. Попова и ряд других исследователей) указывают, что формальный подход стимулирует «реестровое» предпринимательство – стратегию, при которой бизнес соответствует критериям ради налоговых преференций, не реализуя содержательной социальной миссии [16]. Авторская позиция состоит в том, что в среднесрочной перспективе целесообразен переход к двухуровневой модели: базовый формально-юридический статус социального предприятия должен быть дополнен добровольной сертификацией «социального предприятия высокого уровня воздействия» с подтверждённой методикой измерения социального эффекта. Такая модель снижает риск симулятивных стратегий и одновременно сохраняет преимущества администрируемости.

Дискуссионное положение 2. Модель государственной поддержки: «выращивание сверху» или органичное развитие? В экспертном сообществе устойчиво воспроизводится тезис, согласно которому социальное предпринимательство как живой социально-экономический феномен не может быть сформировано исключительно административным путём. Десятикратный рост реестра в 2020–2024 гг. при сохраняющейся низкой институциональной зрелости сектора подтверждает справедливость этого тезиса лишь отчасти: механизмы директивного развёртывания инфраструктуры (ЦИСС, центры «Мой бизнес», региональные программы) действительно обеспечили количественное расширение, но не привели к формированию устойчивого слоя самовоспроизводящихся социальных предпринимателей. С другой стороны, опыт 2008–2018 гг., когда сектор развивался преимущественно «снизу», показал, что без государственной поддержки прирост числа субъектов исчисляется единицами и десятками в год. Дискуссия о приоритете «*push*-» или «*pull*-стратегии» поддержки остаётся открытой; на наш взгляд, оптимальной моделью является сочетание точечной государственной поддержки инфраструктуры (а не самих предприятий) с постепенным формированием рыночных механизмов импакт-инвестирования и общественного заказа.

Дискуссионное положение 3. Стратегический выбор: количественный или качественный рост? Действующая логика оценки эффективности государственной политики, ориентированная на показатели численности предприятий в реестре и количества трудоустроенных в них работников, формирует своеобразную «институциональную ловушку»: достижение плановых *KPI* стимулирует расширение пула формально соответствующих критериям субъектов, но не повышает их социальное воздействие. Попытка перевести оценку с количественных индикаторов на показатели социального эффекта (*SROI, IRIS+, ESG*-метрики) сталкивается с двумя принципиальными ограничениями – отсутствием национальной унифицированной методики измерения социального воздействия и значительной стоимостью её внедрения для микропредприятий, составляющих основу сектора. Замедление прироста реестра в 2024 г. до 11 % и его коррекция в 2025 г. (до 11,5 тыс.) могут интерпретироваться как индикатор завершения экстенсивной стадии развития.

По нашему мнению, дальнейшая стратегия должна сместиться от наращивания числа субъектов к селективной поддержке проектов с подтверждённым высоким социальным воздействием – в том числе через дифференцированные меры поддержки в зависимости от уровня социального эффекта.

Дискуссионное положение 4. Соотношение социального предпринимательства, СО НКО и «третьего сектора»: размывание или укрепление границ? В отечественной практике наблюдается параллельное развитие нескольких институциональных форм социально ориентированной деятельности: коммерческих социальных предприятий в реестре ФНС, социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), исполнителей общественно полезных услуг, благотворительных фондов с предпринимательской деятельностью. На уровне правового регулирования эти формы остаются обособленными, что создаёт дискуссионную ситуацию. Часть экспертов (в том числе представители Фонда «Наше будущее» и АСИ) выступает за расширение понятия социального предпринимателя на ту часть НКО, которая ведёт значительный объём платной деятельности, а также за введение универсального статуса «оператора общественно полезной деятельности». Оппоненты данной позиции указывают на риск размывания границ предпринимательства и благотворительности, что может привести к регуляторному арбитражу и снижению социального доверия. Конструктивный выход из этой дискуссии видится в развитии нормативной базы для гибридных организационных форм (социальный кооператив, фонд с предпринимательской деятельностью, бенефициарная корпорация по аналогии с *benefit corporation* в США), а не в формальном объединении уже существующих институтов.

Дискуссионное положение 5. Региональные экосистемы: тиражирование столичных моделей или поддержка эндогенных моделей развития? Значительная региональная асимметрия – концентрация более четверти социальных предприятий в пяти субъектах Российской Федерации при наличии регионов с числом таких предприятий менее 50 – порождает дискуссию о методологии масштабирования. Доминирующая в настоящее время практика ориентирована на тиражирование лучших региональных кейсов (Московская область, Республика Башкортостан, Нижегородская область) через типовые регламенты ЦИСС и унифицированные программы поддержки. Однако опыт показывает, что прямое копирование столичных моделей в регионы со слабым институциональным капиталом, низкой плотностью гражданских инициатив и иной отраслевой структурой экономики не приводит к сопоставимым результатам. Альтернативная позиция предполагает развитие эндогенных региональных моделей, опирающихся на специфические компетенции территорий (народные промыслы и креативные индустрии – для Северо-Кавказского региона, экотуризм и сельскохозяйственная кооперация – для регионов Сибири и Дальнего Востока, реабилитационные и медицинские услуги – для регионов с развитыми санаторно-курортными комплексами). Дискуссия об оптимальном балансе между унификацией мер поддержки и учётом региональной специфики остаётся одним из наиболее принципиальных направлений развития сектора.

Обозначенные дискуссионные положения не являются взаимоисключающими; каждое из них формирует свою плоскость обсуждения, но в совокупности они задают контур стратегического выбора, перед которым стоит сектор социального предпринимательства Российской Федерации в среднесрочной перспективе. Конструктивный диалог по этим положениям между органами государственной власти, исследовательским сообществом, инфраструктурными организациями (АСИ, ВЭБ.РФ, Фонд «Наше будущее») и самими социальными предпринимателями представляется необходимым условием для перехода сектора к стадии качественной зрелости.

Перспективы развития социального предпринимательства

Среднесрочные перспективы развития российского социального предпринимательства до 2030 г. определяются совокупностью благоприятных внутренних и внешних факторов и могут быть структурированы по пяти направлениям. Во-первых, продолжающаяся институциональная консолидация. С 2025 г. поддержка социального предпринимательства интегрирована в национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика», что обеспечивает долгосрочное бюджетное финансирование. Закрепление приоритета общественно полезных целей в законе о государственной корпорации «ВЭБ.РФ» создаёт возможности для масштабного импакт-финансирования инфраструктурных социальных проектов. По экспертной оценке автора, при сохранении текущих темпов и расширении правовых форм численность социальных предприятий в реестре к 2030 г. может достичь 25–30 тыс., а доля сектора в общей занятости МСП – приблизиться к 1 %.

Во-вторых, цифровая трансформация открывает принципиально новые ниши для социального предпринимательства: телемедицина и удалённая реабилитация для жителей малых населённых пунктов, цифровые образовательные платформы для детей с особыми образовательными потребностями, ассистивные технологии на основе искусственного интеллекта, маркетплейсы товаров социальных предприятий. Цифровизация снижает барьеры входа и расширяет географию реализации, что особенно важно для асимметричной по уровню развития российской территории.

В-третьих, интеграция повестки устойчивого развития (*ESG*) в стратегии крупных российских корпораций формирует растущий спрос на партнёрство с социальными предпринимателями. Апробация Стандарта общественного капитала с участием крупного бизнеса показала, что совокупный вклад компаний в достижение национальных целей за четыре года превысил 3 трлн руб. Это создаёт основу для модели «корпорация – социальный предприниматель», в которой крупный бизнес выступает заказчиком, инвестором и партнёром, а социальные предприятия – операторами проектов.

В-четвёртых, перспективным является развитие региональных экосистем социального предпринимательства на основе модели «тройной спирали» (государство – бизнес – наука) с подключением четвёртого элемента – гражданского общества. Опыт Московской области, Республики Башкортостан и Нижегородской области показывает, что комплексная региональная политика, включающая ЦИСС, грантовые программы, льготную аренду и образовательные акселераторы, способна обеспечить кратный рост сектора в течение 3–5 лет. Тиражирование лучших региональных практик является ключевым резервом развития, но требует учёта эндогенных особенностей регионов (см. дискуссионное положение 5).

В-пятых, стратегически важным является преодоление концептуальной неопределённости и переход от формально-юридического к содержательному подходу в определении социального предпринимательства. Это предполагает: внедрение методик измерения социального эффекта (*SROI, IRIS+*, российская методика социального воздействия); закрепление в законодательстве гибридных организационно-правовых форм; разработку системы добровольной сертификации социальных предприятий по уровням социального воздействия; формирование статистики социального предпринимательства в составе Росстата.

К числу основных рекомендаций для государственной политики, направленных на реализацию указанных перспектив, относятся: создание Российского банка развития социального предпринимательства или соответствующего подразделения в составе ВЭБ.РФ с льготными кредитными продуктами; распространение режима специального налогообложения (по аналогии с ИТ-отраслью) на социальные предприятия с подтверждённым социальным эффектом; включение социальных предприятий в перечень приоритетных поставщиков по государственным закупкам в социальной сфере с долей не менее 15 %; запуск федеральной программы льготной аренды государственного и муниципального имущества по символической ставке 1 руб./кв. м для подтверждённых социальных предприятий; развитие магистерских программ по социальному предпринимательству и импакт-менеджменту в ведущих экономических вузах России.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Социальное предпринимательство в Российской Федерации в 2019–2025 гг. прошло путь от концептуального феномена до институционализированного сектора экономики, объединяющего более 12 тыс. формально зарегистрированных социальных предприятий и порядка 60 тыс. занятых работников. Десятикратный количественный рост за пять лет свидетельствует об эффективности первого этапа институционального оформления – закрепления понятия в законодательстве, создания реестра и развёртывания инфраструктуры поддержки. Вместе с тем доля сектора в общей численности МСП остаётся крайне низкой (менее 0,2 %), наблюдается выраженная региональная и отраслевая концентрация, сохраняется существенный разрыв между формально-юридическим определением и экономико-социологической сущностью социального предпринимательства. Ключевыми вызовами развития сектора являются концептуально-нормативная неопределённость, ограниченный доступ к долгосрочному финансированию и кадровый дефицит, низкая общественная узнаваемость феномена. Сформулированные в статье пять дискуссионных положений (о природе феномена, модели государственной поддержки, стратегическом выборе между количественным и качественным ростом, соотношении с СО НКО и третьим сектором, региональных моделях развития) задают рамку дальнейшего академического и экспертного обсуждения и одновременно служат основой для совершенствования государственной политики в данной сфере.

Перспективы развития социального предпринимательства в России связаны с цифровой трансформацией, интеграцией в *ESG*-повестку крупного бизнеса, развитием региональных экосистем и содержательным переосмыслением подходов к определению и измерению социального эффекта. Реализация предложенных направлений государственной политики способна обеспечить переход сектора от стадии количественного роста к стадии качественной зрелости и повысить его вклад в достижение национальных целей устойчивого развития Российской Федерации. Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направить на разработку национальной методики измерения социального эффекта, межрегиональный сравнительный анализ эффективности мер поддержки, изучение взаимодействия социального предпринимательства с системами государственного социального обслуживания, а также на эконометрическое моделирование вклада сектора в социально-экономическое развитие регионов России.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4112.
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба России. URL: https://rmsp.nalog.ru (дата обращения: 15.04.2026).
3. Dees J.G. The Meaning of «Social Entrepreneurship» // Center for the Advancement of Social Entrepreneurship. Duke University, 1998 (revised 2001). 6 p.
4. Mair J., Martí I. Social entrepreneurship research: A source of explanation, prediction, and delight // Journal of World Business. 2006. Vol. 41. № 1. P. 36–44.
5. Юнус М. Создавая мир без бедности: Социальный бизнес и будущее капитализма / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 312 с.
6. Yunus M., Moingeon B., Lehmann-Ortega L. Building Social Business Models: Lessons from the Grameen Experience // Long Range Planning. 2010. Vol. 43. № 2-3. P. 308–325.
7. Defourny J., Nyssens M. Conceptions of Social Enterprise and Social Entrepreneurship in Europe and the United States: Convergences and Divergences // Journal of Social Entrepreneurship. 2010. Vol. 1. № 1. P. 32–53.
8. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А.А. Московская. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2011. 284 с.
9. Жохова В.В. Социальное предпринимательство: сущность и понятие // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2015. № 1. С. 85–98.
10. Арай Ю.Н., Бурмистрова Т.А. Специфика бизнес-моделей в социальном предпринимательстве // Российский журнал менеджмента. 2014. Т. 12. № 4. С. 55–78.
11. Баринова В.А. Зарубежный опыт развития социального предпринимательства и возможность его применения в России. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 88 с.
12. Буянова А.В. Проблемы социального предпринимательства // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 92–95.
13. Ромащенко Т.Д., Канищев В.П., Кисова А.Е. Социальное предпринимательство: особенности и перспективы развития в России // Экономика и предпринимательство. 2018. № 1 (90). С. 457–461.
14. Кисова А.Е., Шамрина И.В. Социальное предпринимательство в условиях усиления асимметрии возрастной структуры населения: региональные особенности, проблемы и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2025. № 4. С. 45–62.
15. Социальное предпринимательство в России: портрет, сферы деятельности, трудности – результаты исследования / Фонд «Наше будущее», группа ЦИРКОН. М., 2023. 84 с.
16. Московская А.А., Попова И.П. Социальное предпринимательство в России: уроки выборочных эмпирических исследований (2008–2021) // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 42–54.
17. Яхнеева И.В., Павлова А.В. Социальное предпринимательство в России: состояние, факторы влияния, перспективы // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 6. С. 1471–1484.
18. Малое и среднее предпринимательство в России. 2024: статистический сборник / Росстат. М., 2024. 102 с.
19. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 12.12.2023) // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
20. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.

Social Entrepreneurship in Russia: State, Challenges, and Development Prospects

Timur Fadbirovich Safin
The All-Russian Public-State Movement of Children and Youth «Movement of the First»
(Moscow, Russia)

The relevance of the work is determined by the fact that the institute of social entrepreneurship was legally consolidated in 2019 and demonstrates steady quantitative growth, while the state, under conditions of budget constraints and an aging population, requires non-governmental mechanisms for solving social problems, and the conceptual framework of the phenomenon remains controversial. The

purpose of the article is to identify the current state, key challenges and prospects for the development of social entrepreneurship in Russia based on the study of domestic and foreign scientific sources, legislation and statistical data, as well as to prepare proposals for improving government policy in this area.

The scientific significance of the article lies in the systematization of foreign and domestic theoretical schools and in the nomination of five controversial positions with the justification of the position on each of them. The practical significance is expressed in a set of specific proposals for public authorities, including measures of tax, property and credit support. The main results indicate a tenfold increase in the number of social enterprises over the period under study, while maintaining their extremely small share in the overall structure of small and medium-sized businesses and a pronounced concentration in a limited number of regions. Three groups of challenges of the sector are identified, covering regulatory, financial and socio-cultural aspects, as well as five areas of medium-term development related to digitalization, integration into the ESG agenda of large corporations and improvement of tools for measuring social impact.

Keywords: social entrepreneurship, social enterprise, small and medium business, social mission, impact investing, state support, register of social enterprises, regional development, social innovations, ESG

УДК 351/354
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-106-114
© Кузнецова Э.Р., Семенова И.В., Маханьков Ф.В., 2026

Влияние качества государственного и муниципального управления на состояние жилищного фонда сельских территорий и обратные социально-управленческие эффекты: теоретический аспект

Кузнецова Эльвира Рудольфовна
Доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции
Пермского государственного национального исследовательского университета
(614068, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: Elviratashgrs@mail.ru;
Researcher ID: 0000-0001-8579-2411; SPIN-код: 9914-5080; Author ID: 656474)

Семенова Ирина Владимировна
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции
Пермского государственного национального исследовательского университета
(614068, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: stillmay@yandex.ru;
Researcher ID: 0000-0003-2962-1591; SPIN-код: 4572-1584; Author ID: 852970)

Маханьков Федор Васильевич
Соискатель кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции
Пермского государственного национального исследовательского университета
(614068, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: fedorwas@mail.ru;
Researcher ID: 0009-0004-6149-9092; SPIN-код: 3161-5663; AuthorID: 1254209)

В статье рассматриваются теоретические основы взаимосвязи между состоянием жилищного фонда и качеством государственного управления на сельских территориях. Статья нацелена на теоретическое обоснование применения двусторонней корреляции между состоянием жилищного фонда и качеством государственного управления сельскими территориями с определением места адаптивного подхода в эволюции методов управления. Обосновывается двусторонняя корреляционная зависимость: прямая связь (эффективность управленческих решений → параметры жилищного фонда) и обратная связь (фактические показатели жилищного фонда → корректировка управленческих воздействий). Проведён анализ эволюции методов управления сельскими территориями от реактивного метода к экстраполяционному, затем к предпринимательскому и адаптивному методу. Выявлены их преимущества и ограничения применительно к управлению жилищным фондом. Определено место адаптивного подхода, основанного на регулярном мониторинге интегральных показателей жилищного фонда и оперативной корректировке решений. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании государственных программ комплексного развития сельских терри-

рий. Предлагаются решения для усовершенствования механизма управления на региональном и муниципальном уровнях.

Ключевые слова: *региональная экономика, государственное и муниципальное управление, сельские территории, жилищный фонд, двусторонняя корреляция, адаптивный подход, комплексное развитие сельских территорий*

Для цитирования: *Кузнецова Э.Р., Семенова И.В., Маханьков Ф.В. Влияние качества государственного и муниципального управления на состояние жилищного фонда сельских территорий и обратные социально-управленческие эффекты: теоретический аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 106–114. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-106-114.*

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена потребностью государства в устойчивом развитии сельских территорий, что является одним из приоритетов государственной политики Российской Федерации. Данный факт закреплён в Стратегии устойчивого развития сельских территорий до 2030 г. [1], актуализированной распоряжением Правительства РФ, и в государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий» (КРСТ) [2]. Одним из ключевых индикаторов качества жизни на селе выступает состояние жилищного фонда, которое характеризуется его физическим износом, уровнем благоустройства и доступностью для граждан, проживающих в сельских территориях [3]. Достичь благоприятных условий можно, изменив подход к управлению жилищным фондом, через совершенствование существующей системы государственного и муниципального управления с учетом особенностей сельского жилищного фонда. Необходимо использование таких рычагов, как обратная связь между показателями жилищного фонда и качеством принимаемых государственных управленческих решений в рамках государственных программ развития [4]. Мониторинг изменений носит констатирующий характер и не ведёт к корректировке программ и механизмов [5]. Отсутствие корректирующей функции в государственном управлении снижает эффективность бюджетных расходов и тормозит решение демографических проблем, связанных с оттоком населения из сельских территорий и старением кадров [6].

Цель и задачи исследования

Цель настоящей статьи – теоретическое обоснование применения двусторонней корреляции между состоянием жилищного фонда и качеством государственного управления сельскими территориями, а также определение места адаптивного подхода в эволюции методов управления. Для достижения цели необходимо: систематизировать теоретические подходы к категориям «устойчивое развитие сельских территорий», «качество государственного управления», «жилищный фонд»; обосновать прямую и обратную взаимосвязь государственного управления в управлении жилищным фондом; проанализировать эволюцию методов управления для достижения целей комплексного развития сельских территорий и перехода к адаптивному методу; предложить применение адаптивного подхода в достижении целей, основанного на корректировке государственных решений по изменениям в показателях жилищного фонда.

Методы исследования

Теоретической основой послужили положения теории государственного управления, институциональной экономики, теории устойчивого развития. Использованы методы системного анализа, сравнительного анализа, логического моделирования, ретроспективного анализа эволюции управленческих методов [7; 8].

Научная новизна исследования заключается в обосновании использования в государственном управлении двусторонней корреляционной модели управления жилищным фондом сельских территорий, включающей прямую и обратную связи. Определена эволюционная последовательность методов управления от реактивного к экстраполяционному и далее к предпринимательскому и адаптивному. Раскрыто содержание адаптивного подхода как реакции на отклонения интегральных показателей жилищного фонда от целевых значений. Предложены инструменты государственного управления, повышающие эффективность существующего механизма.

Практическая значимость. Результаты могут быть использованы органами государственной власти и местного самоуправления в рамках стратегии устойчивого развития для внедрения региональных программ комплексного развития сельских территорий. Работа может служить теоретической базой для разработки методик оценки эффективности государственного управления сельскими территориями.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ современных научных публикаций [3; 4; 7; 8] показывает разнообразие теоретических подходов, используемых для управления взаимоотношениями субъектов и разрешения выявленных про-

блем. Каждый из указанных подходов, несмотря на значительный эвристический потенциал, сосредоточен лишь на определенных аспектах объекта изучения, что затрудняет формирование целостного понимания о влиянии на результаты государственного управления двусторонней корреляционной связи с жилищным фондом. Необходимо систематизировать существующие теоретические наработки, их ключевые идеи, применимые к вопросам государственного управления жилищным фондом на сельских территориях. Следует выявить ограничения, которые мешают развитию процессов в рамках данного исследования.

Теоретический анализ влияния качества управления на состояние жилищного фонда в сельской местности порождает социально-управленческие эффекты, которые замыкаются в петли обратной связи. Рассмотрение теоретических основ, механизмов прямого влияния и обратных связей с эффектами социально-управленческих подходов, изменяет взаимоотношения на сельских территориях. Влияние качества государственного и муниципального управления сельскими территориями на состояние жилищного фонда и обратные социально-управленческие эффекты представляет собой сложную многоуровневую систему прямых и обратных связей. В теоретическом аспекте данная проблематика раскрывается через синтез концепций публичного управления, пространственной экономики, социологии села и институциональной теории [8; 9]. Для понимания данного аспекта следует наглядно показать влияние разных подходов на модели управления. Только глубокое понимание этих механизмов обеспечит научную обоснованность необходимых изменений, позволяющих преодолеть препятствия на пути развития сельских территорий. Систематизация представлена в таблице 1.

Центральная идея исследования заключается в использовании анализа двусторонней корреляции между состоянием жилищного фонда и качеством управления в развитии системного подхода в государственном и муниципальном управлении. Теория государственного управления рассматривает связь субъекта с объектом через два канала.

Прямая связь через управленческое воздействие на качество государственных управленческих решений, таких как распределение субсидий по программам комплексного развития, эффективность мониторинга и правовое регулирование, напрямую определяет такие параметры, как объем ввода жилья, снижение аварийности и рост благоустройства.

Обратная связь рассматривается через результаты диагностики изменений качества жилищного фонда и дальнейшей корректировкой государственных управленческих решений. Подразумевается связь от объекта к субъекту для повышения его рациональности в действиях. Фактические показатели состояния жилищного фонда должны выступать сигналами для пересмотра и корректировки управленческих решений. Именно здесь возникает проблемное поле, так как эффективность обратной связи часто снижается из-за отсутствия достаточных компетенций у её пользователя-управленца.

Качество государственного и муниципального управления сельских территорий традиционно оценивается по критериям результативности, эффективности, подотчетности и способности реагировать на локальные потребности общества. Применительно к жилищному фонду это выражается в трёх базовых функциях. Регулятивно-планировочная функция подразумевает разработку градостроительной документации, правил землепользования и застройки, адресных программ развития инфраструктуры. Контрольно-надзорная функция основана на мониторинге технического состояния домов, признании жилья аварийным и контроле за соблюдением строительных норм. Распределительно-стимулиру-

Таблица 1

Систематизация управленческих парадигм, применяемых в государственном и муниципальном управлении жилищным фондом сельских территорий

Подход / Модель	Ключевая идея	Источник развития
Экзогенная модель	Развитие территории через внешние инвестиции и дотации в развитие жилищного фонда	Государство (федеральные и региональные программы)
Эндогенная модель	Опора на внутренние ресурсы и местные инициативы («развитие снизу – вверх»)	Местное сообщество, предприниматели
Институциональный подход	Создание эффективных «правил игры» (формальных и неформальных институтов), снижающих транзакционные издержки и формирующих доверие	Государство и местные институты (совместно)
Инклюзивный подход	Обеспечение равного доступа всех групп населения к общественным благам, ресурсам и процессу принятия решений	Государство (в партнерстве с обществом)
Неоэндогенная модель	Интеграция государственной политики, местных инициатив и инноваций для устойчивого роста	Государственно-частное-общественное партнерство
«Умная деревня» (*Smart Village*)	Цифровая трансформация всех сфер жизни через электронные услуги, *e-commerce*, открытые данные и т.д.	Государство, местное сообщество, бизнес

Составлено авторами.

ющая функция ориентирована на предоставление социального жилья, софинансирование капремонта, субсидирование льготной сельской ипотеки и привлечение инвесторов. Низкое качество исполнения этих функций создаёт институциональные ловушки, когда неэффективная норма закрепляется и воспроизводится, блокируя развитие жилищного фонда [8].

Прямое влияние качества управления на состояние жилищного фонда рассматривается через механизмы прямого воздействия. Их можно сгруппировать по трём аналитическим осям. Институционально-финансовая ось обеспечивает бюджетное и стратегическое планирование. Сельские муниципалитеты обладают низкой фискальной автономией. Качество администрирования определяется эффективностью привлечения средств из вышестоящих бюджетов в виде дотаций, субвенций и участия в нацпроектах. Переход от сметного финансирования к программно-целевому бюджетированию должен обеспечивать связь от цели к ресурсам и далее к результату. На практике при слабом управлении средства расходуются с целью освоения без привязки к приоритетности развития объектов. Отсутствие комплексных схем газификации, водоснабжения и водоотведения, ускоряет физический износ домов, так как инженерная инфраструктура является неотъемлемой частью жилищного фонда, повышающей его ценность для сельского общества. Административно-правовая ось является основой регуляторной среды, влияющей на качество госуправления и самоуправления, и напрямую влияет на прозрачность процедур. К инструментам регулировки относятся выделение земельных участков под ИЖС, выдача разрешений на строительство и ввод объектов, а также работа системы кадастрового учёта [2; 10]. Бюрократизм, коррупционные риски или полное отсутствие градостроительного регулирования ведут к хаотичной застройке и росту доли самостоятельного строительства, которое не попадает в реестры жилфонда и, как следствие, не модернизируется легально. Социокультурная и сервисная ось регулирует работу с населением через качество управления, проявляется в организации содержания жилья и создании условий для ТСЖ, региональных операторов капремонта и информационной открытости.

На сельских территориях с высокой долей частного сектора ключевым становится стимулирование домохозяйств к самоинвестированию в ремонт через софинансирование и консультационную поддержку. Некачественный менеджмент в этой сфере порождает у населения установку временного проживания, что напрямую ускоряет обветшание построек. Обратные социально-управленческие эффекты в виде обратных связей через показатели состояния жилищного фонда, не являются пассивными результатами управления. Они выступают активными факторами, запускающими эффекты, которые замыкают процессы, либо в сторону деградации, либо в сторону развития.

Социально-демографический эффект, в результате миграции сельского населения и депопуляции сельского быта, является центральным передаточным механизмом. Ветхий и неблагоустроенный жилищный фонд является мощным фактором выталкивания экономически активного населения и молодёжи из села [6; 11]. Отток квалифицированных кадров создаёт кадровый голод в самих органах муниципальной власти, снижая и без того невысокое качество управления. Оставшееся население сталкивается с ростом доли маргинализированных групп, что увеличивает нагрузку на социальные службы при сокращающейся налоговой базе (рис. 1).

Для понимания существующих проблем развития, когда средства, инвестированные государством, не дают ожидаемого эффекта, проведем ряд аналитических действий. При проведении анализа важно отметить, что все количественные оценки зависят от конкретного региона, временного периода и методики расчета показателей.

Для проверки проведем корреляционно-регрессионный анализ существующих взаимоотношений, используя перечень показателей, сгруппированных по направлениям устойчивого развития сельских территорий [7; 12].

Эффективность госпрограмм значительно повышается, когда их параметры корректируются на основе обратной связи с мест. Как показало исследование, программа КРСТ является основным драйвером развития жилищного фонда. В Пермском крае на ее реализацию только в 2024 г. было направлено более 460 млн руб., из которых 432 млн руб. – средства федерального бюджета [13].

Развитие жилищного фонда является экономическим катализатором. Ключевым условием для запуска такого механизма становится платежеспособный спрос, который в Прикамье стимулирует льготная сельская ипотека в рамках КРСТ. Эффективность использования показателей обратной связи кратно возрастает при использовании современных цифровых платформ, которые превращают разрозненные жалобы в системные данные для принятия решений [14; 15]. Работа в этом направлении ведется на уровне всего Пермского края. Кроме того, сами муниципалитеты внедряют современные механизмы прямой связи с жителями.

Как научный вклад в систему госуправления, предлагаем сместить фокус с прямого субсидирования строительства на активацию экономической самостоятельности жителей. Развитие жилищного фонда, на 90 % являющегося частным по структуре, через обеспечение селян доходными бизнес-моделями (ЛПХ, КФХ, самозанятость) для самостоятельного заработка, а также показ, как конвертировать эту прибыль в улучшение жилищных

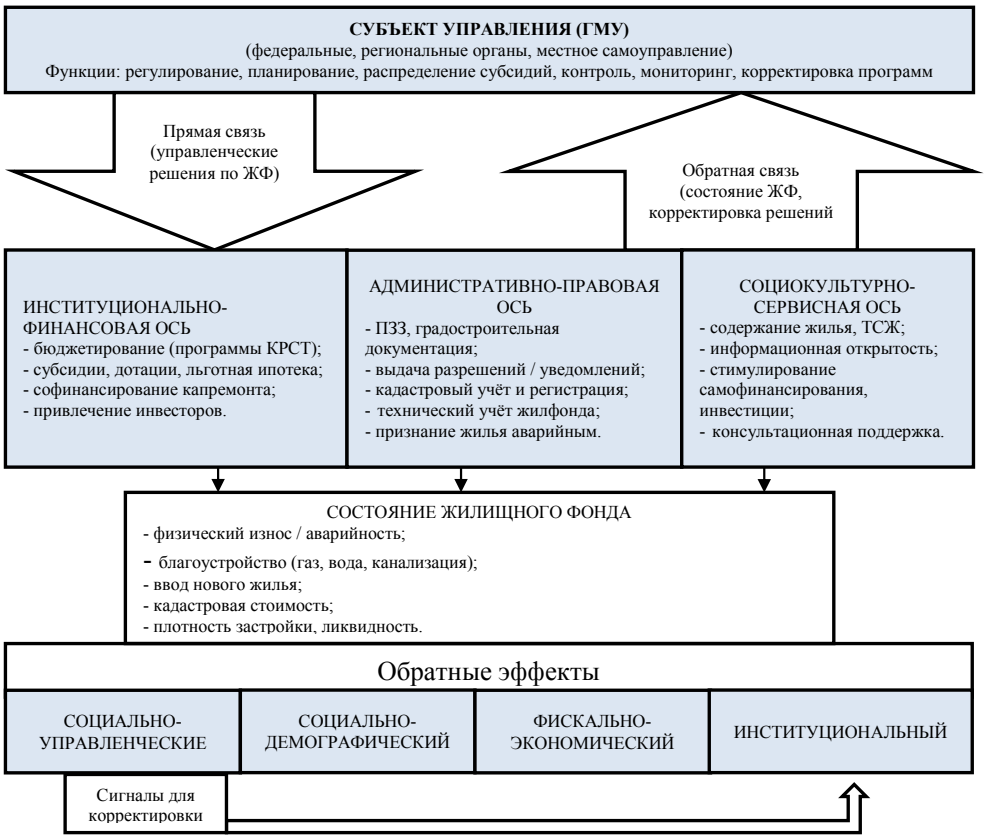

Рис. 1. Механизм двухстороннего влияния на управление жилищным фондом

условий через существующие госпрограммы. Предлагаемая модель сочетает развитие малых форм хозяйствования (МФХ) и решение жилищного вопроса на селе, где администрация становится не просто распорядителем бюджета, а организатором и «интегратором» возможностей.

Муниципалитет как интегратор, создает «одно окно», где гражданину помогают составить бизнес-план, подобрать участок под ЛПХ или КФХ, оформить заявку на грант/субсидию (включая «Агростартап» и субсидии на технику), а затем направить полученный доход на первый взнос по сельской ипотеке [9]. Финансовым рычагом становится доход от собственного дела, служащий базой для получения льготного жилищного кредита. Модель увязывает социальные контракты, выдаваемые государством до 200 тыс. рублей на ЛПХ, и другие бюджетные вливания с будущим строительством или покупкой дома. Для реализации таких изменений в государственном и муниципальном управлении предлагаем модели бизнес-развития, которые муниципалитет может адресно предлагать сельским жителям.

Для жителей и переселенцев, начинающих свою индивидуальную деятельность в форме ЛПХ или самозанятых, кто хочет попробовать себя в агробизнесе, предоставляется стартовый капитал в виде социального контракта до 200 тыс. руб. на ведение ЛПХ. Развитие жилищного фонда происходит через накопление на первоначальный взнос по ипотеке в размере 20 %. Для действующих предпринимателей (КФХ) предлагается другая модель с выходом на более высокий уровень товарного производства. В качестве инструмента предлагается грант до 30 млн руб. и субсидии сельхозкооперативам. Жилищный фонд развивается через коммерческую ипотеку, инвестирование чистой прибыли в строительство наемного жилья для своих работников. Развитие бизнес-стратегии по организации мобильных сервисных бригад, производство полуфабрикатов и выпечки. Для таких направлений существуют гранты до 500 тыс. руб. или социальный контракт на сумму до 350 тыс. руб. на организацию ИП. Жилищный фонд развивается через ипотеку на строительство дома с возможностью организации мини-цеха. Новое популярное направление в сельском хозяйств – такое как агротуризм. Природный ресурс привлекает гостей в традиционные дома с организацией досуга, мастер-классов и питания. Инструментом выступает грант «Агротуризм» до 10 млн руб. Жилищный фонд развивается через строительство или восстановление гостевого комплекса, который одновременно является жильем.

Состояние жилищного фонда неразрывно связано с рынком недвижимости. Отсутствие благоустроенного жилья препятствует закреплению специалистов в экономической среде, особенно в агропромышленном комплексе, здравоохранении и образовании. Снижение кадастровой стоимости ветшающих объектов и общее сокращение числа налогоплательщиков подрывают финансовую основу местного самоуправления. Возникает дефицит жилья для специалистов, их отток и падение доходов бюджета. Все эти зависимости приводят к отсутствию средств на ремонт и инфраструктуру и, как следствие, к дальнейшему ухудшению жилья.

Низкое качество жилищного фонда при бездействии власти разрушает социальный контракт. Формируется эффект беспомощности населения, который отчуждает людей от участия в местном самоуправлении. Жители сельских территорий начинают считать любые инициативы фикцией. Это лишает управленцев обратной связи и объективной

картины проблем, загоняя управление в односторонние отношения без обратной связи с населением [6]. В таких условиях в органы власти на селе чаще рекрутируются лица, не нацеленные на развитие, что порождает формирование некачественного менеджмента.

Хаотичное или деградирующее жильё разрушает архитектурный облик и социальный каркас сельских территорий. Уплотнение маргинальной застройки или появление заброшенных домов усложняет логистику предоставления муниципальных услуг, от вывоза ТКО до скорой помощи. Управленческая система сталкивается с нелинейным ростом издержек на обслуживание рассредоточенных и деградирующих пунктов, что делает управление ещё менее эффективным.

С точки зрения теории систем, связка между управлением и жилищным фондом описывается двумя типами спиралей (рис. 2).

Нисходящая спираль, показывающая порочный круг, выраженная в слабых институтах ГМУ, переходящих в дефицит стратегического планирования и инвестиций, далее – деградация жилищного фонда и социальной инфраструктуры, переходящая в миграцию человеческого капитала и снижение бюджетной эффективности и общественного контроля. В результате описанной цепи связей происходит дальнейшая деградация институтов управления. Восходящая спираль, определяющая круг развития, основанная на проактивном проектном управлении, привлечение внебюджетных средств и участие в госпрограммах по модернизации жилья и его благоустройства. В результате закрепление населения и рост престижа территории, переходящий в расширение налоговой базы, рост инвестиционной привлекательности и гражданского участия в повышении качества кадрового состава органов местного самоуправления.

Теоретический анализ показывает, что в системе государственного и муниципального управления жилищный фонд сельских территорий существует в мощных нелинейных обратных связях. Жилищный фонд выступает одновременно и индикатором качества управления, и базовым условием воспроизводства самого сельского общества – субъекта управления. Неиспользование в управлении этих обратных социально-управленческих эффектов ведёт к перерасходу бюджетных вливаний в инфраструктуру и препятствует достижению устойчивого результата, блокируясь институциональными ловушками на местном уровне [8; 9]. Для разрыва нисходящих спиралей теория обеспечивает переход от отраслевого подхода к интегрированному территориальному развитию, где обновление жилищного фонда неразрывно связано с инклюзивным совместным управлением и наращиванием социального капитала (табл. 2).

Разберем существующие ограничения и относящиеся к ним проблемы, мешающие развитию связей управления с состоянием жилищного фонда (табл. 3).

Проведенный анализ теоретических подходов и эмпирических данных позволяет выделить три блока стратегических условий, необходимых для реализации национальной цели устойчивого развития сельских территорий через показатели состояния жилищного фонда: институциональные условия (формальные и неформальные правила, нормативная база), социально-демографические условия (закрепление населения, развитие человеческого капитала) и экономические условия на базе экологических принципов (диверсификация, инвестиции, рациональное природопользование) [1; 8]. Только сбалансированная реализация всех трёх блоков стратегических условий позволяет разорвать нисходящую спираль деградации жилищного фонда.

Блок институциональных условий рассматривается в научной литературе как фундаментальная основа, обеспечивающая формальные и неформальные правила, в рамках которых происходит развитие территории. Формирование институциональной среды для устойчивого развития критически важно. Требуется постоянное совершенствование нормативно-правовой базы и создание благоприятных институциональных условий на всех уровнях власти [8]. Это включает в себя процесс институционализации – создание

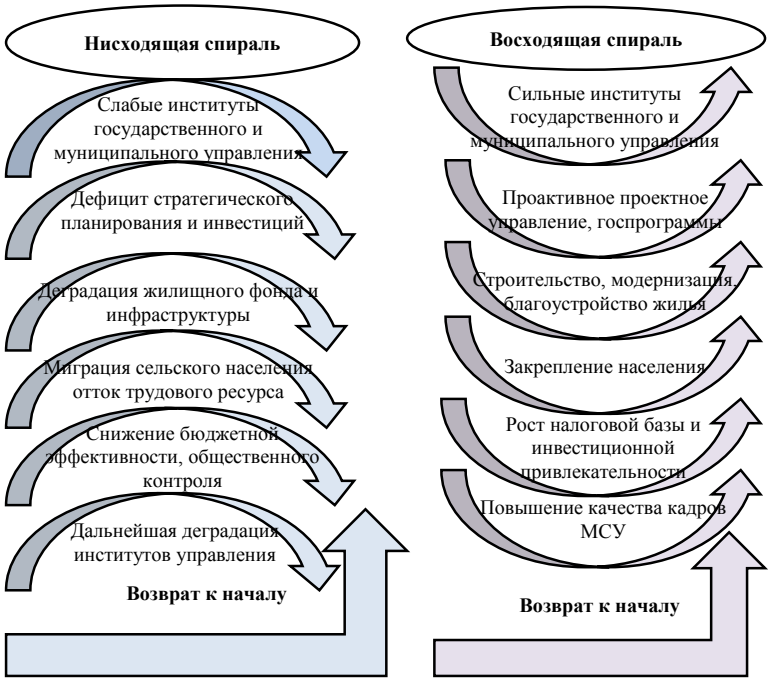

Рис. 2. Спирали связей между жилищным фондом и управлением

Таблица 2

Описание связей между управлением и показателями жилищного фонда

Элемент	Описание
Прямая связь	Управленческие решения по распределению субсидий, написание нормативных актов, контроль напрямую определяют параметры жилфонда: объёмы ввода, ремонта, уровень благоустройства
Обратная связь	Фактические показатели жилфонда должны выступать триггерами для пересмотра управленческих решений. В реальности эта связь ослаблена (отсутствие мониторинга, пассивность чиновников)
Три оси прямого влияния	Институционально-финансовая, административно-правовая, социокультурно-сервисная – каналы, через которые власть воздействует на жилфонд
Обратные социально-управленческие эффекты	Миграция, изменение налоговой базы, социальный контракт, кадровый состав МСУ – они замыкают петлю, усиливая либо деградацию, либо развитие
Нисходящая / восходящая спираль	Показывают, как система может двигаться к коллапсу или к устойчивому развитию в зависимости от наличия/отсутствия эффективной обратной связи

Таблица 3

Анализ рисков и понимание связанных с рисками проблем

Ограничение / Риск	Суть проблемы
Пассивность получателя информации / Слабые обратные связи	Информация о состоянии ЖФ собирается, но не используется для корректировки управленческих решений
Дефицит верифицированных данных	Отсутствие полноценного технического учета жилфонда в сельской местности, особенно по индивидуальным домам
Несовершенство нормативной базы	Действующие нормативные акты не обеспечивают в полной мере реализацию комплексного подхода к развитию территорий
Кадровый дефицит / Институциональная неразвитость	Ограниченность и неразвитость механизмов саморазвития на местах, неготовность сообществ брать на себя инициативу
Высокая себестоимость поддержания инфраструктуры	Высокие затраты на содержание устаревшей инженерной и социальной инфраструктуры в сельской местности
Территориальная дифференциация / Риск стандартизации	Унификация подходов без учета специфики приводит к провалам, требуется сложный дифференцированный подход

и закрепление формальных (законы, правила) и неформальных (традиции, обычаи) институтов, которые регулируют и поддерживают развитие.

В современных исследованиях делается акцент на переходе к новой модели, опирающейся на внутренние ресурсы и возможности изучаемых процессов. Она предполагает не просто опору на местные ресурсы, а интеграцию государственной политики с местными инициативами и инновациями через механизмы государственно-частно-общественного партнёрства [8; 9]. Это также требует совершенствования стратегического планирования на региональном уровне.

Блок социально-демографических условий фокусируется на человеческом факторе и состоянии сельского социума. Эмпирические данные однозначно связывают демографический кризис с недостатком экономических и социальных возможностей [6]. Устойчивость недостижима без остановки оттока населения. Ключевыми проблемами здесь являются нехватка широкого спектра рабочих мест, что влияет на сокращение численности жителей и маргинализацию населения. Решение требует комплексного подхода, предусматривающего создание рабочих мест, формирование условий для проживания и развитие социальной инфраструктуры (объектов образования, здравоохранения и культуры), что непосредственно влияет на качество жизни и миграционные настроения.

Формирование новых социально-профессиональных групп обеспечит устойчивое развитие. Усложнение социальной структуры села, появление современных профессиональных групп из сфер агротуризма, переработки и цифровых процессов обеспечит устойчивость экономики с соответствующими последствиями [15]. Сдерживание этих процессов ведет к консервации отсталости.

Блок экономических условий, включающих экологическую устойчивость, является базисом, создающим материальную основу для реализации первых двух. Устойчивый экономический базис на эколого-ориентированной основе обеспечивает экономическую стабильность сельских территорий. Но это невозможно без эффективного, технологически модернизированного АПК, способного обеспечить продовольственную безопасность [9].

Диверсификация экономики и привлечение инвестиций необходимо для сельской экономики. Комплексное развитие не только сельского хозяйства, но и обрабатывающих производств, промыслов, туризма и других видов деятельности является одним из драйверов, позволяющих снизить социально-экономическую асимметрию и создать новые рабочие места. Ключевым фактором при этом становится повышение инвестиционной привлекательности сельских территорий [7; 9].

Интеграция экономических, социальных и экологических целей создает триаду устойчивого развития. Экономика, социум и экология – пронизывают большинство современных исследований. Вопросы

экологического менеджмента, сохранения биоразнообразия и рационального природопользования перестали быть второстепенными, они рассматриваются как неотъемлемая часть экономической стратегии. Это подтверждается и международными исследованиями, включающими экологию в число ключевых компонентов устойчивости [9; 15].

Научный анализ подтверждает, что три блока образуют сложную систему, где слабость одного звена неизбежно тянет за собой слабость другого. Слабые институты порождают неэффективное управление, отсутствие стратегического планирования, что тормозит экономическое развитие. Отсутствие инвестиций и диверсификации экономики усугубляет социально-демографическую ситуацию сокращением рабочих мест и оттоком населения.

Сильные, адаптивные институты создают условия для экономического роста. Привлекаются инвесторы, поддерживается малый бизнес, сельские территории обеспечиваются трудовым ресурсом с развитием человеческого капитала. Новые рабочие места и качественная социальная инфраструктура, закрепляют население, тем самым формируя базовый фактор устойчивого развития сельских территорий.

Таким образом, достижение национальной цели устойчивого развития сельских территорий возможно только при условии одновременного и сбалансированного воздействия по всем трём выделенным направлениям, что полностью согласуется с современной теорией и практикой государственного управления, в том числе с подходами, основанными на модели «пятерной спирали» (*quintuple helix*), объединяющей экономику, общество, окружающую среду, управление и инновации [9; 15].

Основные выводы исследования

Состояние жилищного фонда сельских территорий является не только индикатором качества жизни, но и активным фактором, влияющим на эффективность государственного и муниципального управления через механизмы обратной связи с миграцией, налоговым наполнением бюджета, социальной ответственностью перед обществом.

Традиционные методы управления (реактивный, экстраполяционный, предпринимательский) обладают ограничениями применительно к жилищному фонду сельских территориях. Наиболее перспективным является адаптивный подход, который, в отличие от предпринимательского, предполагает не просто инициативность, а регулярный мониторинг интегральных показателей жилищного фонда и оперативную корректировку управленческих решений на основе сигналов обратной связи (данных о ветшании, миграции, бюджетных поступлениях) [5; 12].

Выделены три стратегических условия для устойчивого развития сельских территорий: экономические, экологически ориентированные условия, институциональные условия и социально-демографические условия. Их реализация позволяет разорвать спираль деградации жилищного фонда и перейти к спирали развития.

Ключевыми ограничениями, препятствующими эффективной обратной связи, являются пассивность получателей информации, дефицит верифицированных данных о жилфонде, кадровый дефицит в органах МСУ, высокая себестоимость содержания инфраструктуры и территориальная дифференциация [5; 6].

Для разрыва порочных кругов необходим переход от отраслевого к интегрированному территориальному развитию, где обновление жилищного фонда неразрывно связано с инклюзивным управлением и наращиванием социального капитала местных сообществ [8; 9].

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 13.01.2017) // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление Правительства РФ от 25.11.2025 № 1876 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с изменениями в Государственную программу «Комплексное развитие сельских территорий»). URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.05.2026).
3. Кожевников С.А. Особенности и проблемы управления жилищно-коммунальным хозяйством сельских территорий региона // Известия ВУЗов. ЭФиУП. 2015. № 3 (25). С. 21–29.
4. Юдин В.А., Карлина А.А. Механизмы эффективного управления сферой жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Международного института рынка. 2021. № 1. С. 146–150.
5. Счетная палата Российской Федерации. Оперативный доклад о ходе реализации Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» за 9 месяцев 2025 года (цит. депутата В. Плотникова). URL: https://ach.gov.ru (дата обращения: 20.05.2026).
6. Народный фронт. Жилищные условия как фактор закрепления кадров на селе: результаты социологического опроса 2025 года. М.: ОНФ, 2025. 32 с.

7. Кот Е.М., Маханьков Ф.В., Лылов А.С., Ларин М.В. Механизм развития социально-экономических взаимоотношений на сельских территориях // Аграрный вестник Урала. 2024. Т. 24. № 12. С. 1734–1747. DOI: 10.32417/1997-4868-2024-24-12-1734-1747.
8. Подгорская С.В., Мирошниченко Т.А. Теоретико-методологические основы управления развитием сельских территорий Российской Федерации: монография. пос. Рассвет, Ростовская обл.: ФРАНЦ: АзовПринт, 2024. 103 с. DOI: 10.69535/FRARC.2024.91.40.001.
9. Мирошниченко Т.А. Роль государственно-частного партнерства в обновлении инфраструктуры сельских территорий // Вестник Орловского государственного аграрного университета. 2022. № 1 (94). С. 122–128.
10. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 18.02.2025 № 88 «Об утверждении формы плана реализации мероприятий по строительству (приобретению) жилья, в том числе жилья, предоставляемого по договорам найма жилого помещения, для граждан, проживающих на сельских территориях» // СПС КонсультантПлюс.
11. В Тульской области вырос объём аварийного жилья // АиФ-Тула. 2026. 15 апр. URL: https://tula.aif.ru (дата обращения: 23.05.2026).
12. Низамутдинов М.М., Орешников В.В., Семин А.С., Козлова О.В. Интеллектуальная адаптивная имитационная модель стратегического планирования развития сельских территорий // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 2. С. 88–107.
13. Итоги реализации Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» в 2021–2025 годах: доклад на Форуме тружеников села (Москва, 10.10.2025). М.: Минсельхоз России, 2025. 48 с.
14. Фальченко О.Д., Ковалев В.Е. Теоретические и методологические концепции развития «умной деревни» // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2023. Т. 98. № 11. С. 81–85. DOI: 10.31442/0235-2494-2023-0-11-81-85.
15. Semin A.N., Tsoy N.B., Nizamutdinov M.M. Smart village as a new paradigm for integrated rural development // Economy of Region. 2025. Vol. 21. № 1. P. 134–149. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-1-10.

The Influence of the Quality of State and Municipal Management on the Condition of the Housing Stock and Reverse Social and Managerial Effects: a Theoretical Aspect

Elvira Rudolfovna Kuznetsova, Irina Vladimirovna Semenova, Fedor Vasilyevich Makhankov
Perm State National Research University (Perm, Russia)

The article examines the theoretical foundations of the relationship between the state of the housing stock and the quality of public administration in rural areas. The article aims at theoretical substantiation of applying a two-way correlation between the condition of the housing stock and the quality of state governance of rural territories, with the identification of the place of the adaptive approach in the evolution of management methods. It substantiates a bilateral correlation: a direct link (effectiveness of managerial decisions → parameters of the housing stock) and a feedback link (actual indicators of the housing stock → adjustment of managerial actions). An analysis is carried out of the evolution of rural management methods – from the reactive method to the extrapolatory one and then to the entrepreneurial method. Their advantages and limitations with regard to housing stock management are identified. The role of an adaptive approach based on regular monitoring of integrated housing stock indicators and prompt adjustments to decisions is identified. The study's results can be used to improve state programs for the integrated development of rural areas. Solutions for enhancing governance mechanisms at the regional and municipal levels are proposed.

Keywords: regional economics, state and municipal management, rural areas, housing stock, bilateral correlation, adaptive approach, integrated development of rural areas

УДК 338.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-115-119
© Смоленникова Л.В., 2026

Механизмы формирования инвестиционных возможностей лесного бизнеса: концептуальные аспекты

Смоленникова Людмила Витальевна
Кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой финансов экономики и организации производства Поволжского государственного технологического университета
(424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3; e-mail: SmolennikovaLV@volgatech.net; SPIN-код: 8835-4175)

Изучение тенденций изменения инвестиционных процессов в лесном комплексе и выявление возможностей обеспечения инвестиционной активности его экономических субъектов формирует базис принятия управленческих решений, направленных на достижение устойчивости развития данного сектора экономики. В рамках поставленной в статье цели обобщены и систематизированы теоретико-методологические подходы к раскрытию сущностной характеристики «механизма», дана дефиниция «механизма» в контексте реализации инвестиционных процессов, выполнен генезис механизмов и инструментария формирования инвестиционных возможностей лесного бизнеса применительно к современным условиям функционирования.

***Ключевые слова**: лесной комплекс, инвестиционная деятельность, инвестиционные возможности, механизм формирования инвестиционных возможностей, инструменты поддержки инвестиционных процессов*

***Для цитирования:** Смоленникова Л.В. Механизмы формирования инвестиционных возможностей лесного бизнеса: концептуальные аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 115–119. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-115-119.*

Перспективы развития экономики напрямую зависят от темпов разработки новшеств и скорости диффузии новых технологий, модернизации производства, базирующихся на динамике инвестиционных процессов [1; 2]. Современные исследования инвестиционной проблематики, при этом, ориентированы преимущественно на страновой уровень, не отражая особенности развития мезоуровневых систем в условиях новых вызовов и угроз экономической безопасности. Так, на инвестиционные процессы экономических субъектов лесного комплекса оказывают влияние геополитические факторы: закрытие ряда экспортных рынков под влиянием вторичных или третичных санкций, изменение внешнеторговой логистики, снижение мирового спроса и экспортных цен на основные виды продукции и др. Это определяет актуальность проведения дальнейших исследований тенденций изменения инвестиционных процессов в лесном комплексе и выявления возможностей (механизмов, инструментария) обеспечения инвестиционной активности его экономических субъектов.

Цель исследования – генезис механизмов и инструментария формирования инвестиционных возможностей лесного бизнеса применительно к современным условиям функционирования.

Методологической основой исследования вопроса сущностной характеристики «механизма», его составных элементов, в том числе в контексте реализации инвестиционных процессов, стали работы М.А. Эскиндарова, Л. Гурвица, С. Измалкова, М. Юдкевича, А.С. Новоселова, А. Кульмана

и др. Исследование инвестиционных процессов в лесном комплексе выполнено на основе трудов Е.Д. Иванцовой [3], С.С. Морковиной [4], Н.А. Петрунина [5] и др.

Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации имеет положительный тренд, но рост в значительной степени сформировался под влиянием повышения цен на машины и оборудование, увеличения стоимости ранее начатых проектов [6]. В этих условиях роль государства – расширить пространство возможностей для активизации инвестиционных процессов, создать механизмы поддержки инвесторов [7].

В экономических исследованиях сложились различные научные подходы к трактовке термина «механизм»:

1. «Механизм» как совокупность ресурсов экономического процесса (материальных, финансовых, трудовых, инфраструктурных и др.) и способов их соединения (нормативно-правовое, методическое, организационное, информационное обеспечение). Так, А.Ю. Чаленко, основываясь на процессном подходе, под «механизмом» понимает «ресурсное обеспечение процесса, его вещественную часть, которая включает совокупность взаимосвязанных элементов, «настроенных» на выполнение функций процесса, и способы их взаимодействия для реализации экономического процесса» [8].

2. «Механизм» как последовательность взаимосвязанных экономических явлений, которая носит объективный характер и обусловливает эволюционный процесс. Так, Анри Кульман связывает наличие «механизма» с «неким исходным экономическим явлением, которое влечет за собой ряд других, причем для их возникновения не требуется дополнительных импульсов. Они следуют одно за другим в определенной последовательности и ведут к неким очевидным результатам» [9, с. 12].

3. «Механизм» как элемент системы управления, совокупность методов и средств воздействия на экономические процессы, их регулирования [10, с. 149]. Концепция Л. Гурвица [11] определяет экономический механизм как «взаимодействие между субъектами и центром, состоящее из трех стадий: каждый субъект в частном порядке посылает центру сообщение mi; центр, получив сообщения, вычисляет предполагаемый результат $Y = f(m_1, ..., m_n)$; центр объявляет результат Y и, при необходимости, претворяет его в жизнь» [12].

В контексте инвестиционной деятельности «механизм» трактуется как элемент системы управления инвестиционными процессами [13]. Его составляющими являются виды и формы взаимодействия органов власти и субъектов инвестиционной деятельности по поводу формирования и эффективного использования инвестиционных ресурсов; методы и инструменты регулирования инвестиционной деятельности (нормативно-правовое, методическое, организационное обеспечение); методы формирования и использования инвестиционных ресурсов (ресурсное обеспечение) [10].

Специфика функционирования лесного комплекса определяет важность формирования механизмов расширения его инвестиционных возможностей, адекватных экономическим реалиям и природно-ресурсному обеспечению.

Лесной комплекс Российской Федерации обладает существенным ресурсным потенциалом (общий запас древесины на корню оценивается в 78,9 млрд м^3, лесистость территории 46,4 %). Показатели, отражающие результаты работы его экономических субъектов, представлены в таблице 1.

Несмотря на рост объемов производства продукции в 2024 г., около половины компаний, занятых заготовкой и переработкой древесины, оставались убыточными. Невысока и рентабельность продукции, что сдерживает инвестиционную активность лесного бизнеса и возможности аккумулирования собственных источников финансирования инвестиций в условиях высокого уровня износа основных фондов. В 2025 г. по основным видам продукции – пиломатериалы, фанера, целлюлоза и др. – наблюдалось падение объемов производства, и прогнозируется дальнейший спад в 2026–2027 гг. при сохранении или ухудшении текущих экономических условий [14]. Вместе с тем детерминантой устойчивости лесного комплекса выступает выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью на базе создания новых производств, модернизации и реконструкции действующих, что подчеркивает важность развития механизмов и инструментария поддержки его инвестиционной активности.

Для достижения поставленных в Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г. [15] целей особого внимания требуют вопросы государственной поддержки инвесторов, устойчивого лесопользования, стимулирования глубокой переработки древесины:

1. Развитие механизма аренды лесных участков [16] в части возможности: внесения изменений в договор аренды и перераспределения лесосеки при неполном ее использовании арендатором; капитализации прав аренды лесных участков для использования в качестве финансового обеспечения по инвестиционным проектам; получение отсрочки по уплате арендных платежей.

2. Расширение механизмов государственно-частного партнерства для привлечения инвесторов, в том числе к созданию объектов лесной инфраструктуры (лесных дорог): реализация приоритетных инвестиционных проектов, проектное финансирование, включение в список системообразующих предприятий и др.

Таблица 1

Показатели деятельности экономических субъектов лесного комплекса

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Индекс производства						
Производство древесины необработанных	92,0	99,1	104,2	86,5	97,0	103,1
Обработка древесины и произв. изделий из дерева	106,2	98,3	111,9	90,0	98,4	105,0
Производство бумаги и бумажных изделий	104,6	105,1	110,2	99,8	102,2	104,5
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал						
Лесоводство и лесозаготовки	120,8	86,0	114,3	76,9	91,4	105,3
Обработка древесины и произв. изделий из дерева	78,4	110,0	125,1	79,7	94,7	104,1
Производство бумаги и бумажных изделий	104,2	83,7	112,8	86,3	113,6	94,8
Износ основных фондов, %						
Лесоводство и лесозаготовки	50,3	51,3	53,3	52,2	55,6	54,9
Обработка древесины и произв. изделий из дерева	43,3	46,9	47,6	47,3	50,3	51,9
Производство бумаги и бумажных изделий	48,7	49,4	49,9	47,8	45,8	46,4
Удельный вес прибыльных организаций,%						
Лесоводство и лесозаготовки	66,8	65,1	78,3	60,3	50,0	52,6
Обработка древесины и произв. изделий из дерева	63,9	67,2	79,9	61,1	57,8	58,9
Производство бумаги и бумажных изделий	86,5	73,7	87,7	91,1	84,1	84,9
Рентабельность проданной продукции,%						
Лесоводство и лесозаготовки	4,2	4,5	15,7	5,2	0,3	2,8
Обработка древесины и производство изделий из дерева	7,6	12,6	33,6	8,5	4,5	6,5
Производство бумаги и бумажных изделий	19,0	15,6	24,0	23,0	19,6	19,4

3. Внедрение механизмов увеличения емкости внутреннего рынка лесопродукции, в том числе через государственные программы и государственные закупки: кредитование по льготной ставке на переориентацию производств на внутренний рынок и пополнение оборотных средств [17]; развитие деревянного домостроения, включая для государственных нужд (при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, расселении аварийного жилья, модернизации социальной инфраструктуры), предоставление преференций и социальных программ ипотечного кредитования при использовании деревянных домокомплектов для индивидуального жилищного строительства; поддержка производителей мебели, щитов для мебели, в том числе путем внедрения ипотечного продукта для приобретения меблированного жилья [18]; расширение использования одноразовой бумажной (картонной) тары, упаковки, посуды; активизация рынка второстепенных лесных ресурсов, побочных лесных пользований, охоты.

4. Разработка программ утилизации низкосортной древесины и отходов лесопиления [19]: предоставление льготных кредитов на модернизацию и строительство работающих на биотопливе котельных; субсидирование производства котельного оборудования; содействие модернизации и открытию новых производств предприятиями ЦБП в целях увеличения объёмов переработки балансов и низкосортной древесины, развитие производства древесных плит, целлюлозы и продукции её переработки.

5. Поддержка производителей оборудования для лесной промышленности, в том числе в части выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

6. Проведение антидемпинговой политики в отношении импорта продукции лесной промышленности. Содействие увеличению экспортного потенциала лесного комплекса, включая страхование экспортных рисков, информационную поддержку в части соблюдения мер нетарифного регулирования (маркировка, санитарные и фитосанитарные требования и др.). Расширение количества пунктов пропуска через таможенную границу, в том числе морских; формирование подвижного состава и железнодорожной инфраструктуры для перевозки продукции из древесины с высокой добавленной стоимостью.

В условиях ограниченности объемов бюджетных ресурсов поддержка со стороны государства должна решать задачи трансформации и повышения эффективности лесного комплекса, охватывая экономических субъектов, реализующих вектор развития и внедрения прогрессивных практик, отвечающих базовым принципам интенсивного лесопользования: минимизация затрат на древесное сырье через внедрение новых форм лесовыращивания в виде лесных плантаций; комплексная лесозаготовка и глубокая переработка древесного сырья; обеспечение рентабельности продаж лесопродукции, внедрение платформенных моделей бизнеса.

Таким образом, лесной комплекс, несмотря на введенные ограничения и снижение экспорта, смог переориентироваться на новые рынки сбыта, установить сотрудничество и создать логистические цепочки с опорными странами, диверсифицируя и расширяя экспорт в территориальном и продук-

товом аспектах. Достижение его устойчивого развития определяется, в числе прочего, улучшением ключевых составляющих инвестиционной привлекательности и расширением механизмов формирования инвестиционных возможностей, в том числе с имплементацией мер государственной поддержки инвесторов, позволяющих нивелировать деструктивные факторы, системно характерные для современного этапа развития экономики.

Литература:

1. Финансы России в условиях социально-экономических трансформаций / М.А. Эскиндаров, В.В. Масленников, М.А. Абрамова [и др.]. М.: ООО «Издательство Прометей», 2022. 710 с.
2. Мякшин В.Н., Петров В.Н., Песьякова Т.Н. Определение региональных отраслевых приоритетов на основе ключевых точек инвестиционного роста // Экономика региона. 2024. № 20(3). С. 867–883. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-17.
3. Иванцова Е.Д. Механизмы стимулирования инвестиций в лесной сектор экономики: анализ мирового опыта в контексте целесообразности его применения в России // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2020. Т. 15. С. 566–586. DOI: 10.17072/1994-9960-2020-4-566-586.
4. Кожемякин Д.Ю., Манмарева В.В., Морковина С.С. Механизмы привлечения инвестиций в лесном комплексе России // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2019. Т. 7. № 3(46). С. 78–84.
5. Петрунин Н.А., Смоленникова Л.В. Инвестиционные императивы устойчивого развития лесного комплекса // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки». 2024. Т. 10. С. 96–106. http://doi.org//10/30914/2411-9687-2024-10-1-96-106
6. Российский статистический ежегодник. 2025: Стат.сб. / Росстат. М., 2025. 621 с.
7. Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: http://government.ru/docs/53927/ (дата обращения: 01.12.2025).
8. Чаленко А.Ю. О понятийной неопределенности термина «механизм» в экономических исследованиях // Экономика промышленности. 2010. № 3 (51). С. 26–33.
9. Кульман А. Экономические механизмы / Пер. с фр. Е.П. Островской; под общ. ред. Н. И. Хрусталевой. М.: Прогресс: Универс, 1993. 188 с.
10. Региональное и муниципальное управление социально-экономическим развитием в Сибирском федеральном округе / Под ред. А.С. Новоселова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. 400 с.
11. Hurwicz L. Institutions as families of game forms // The Japanese Economic Review. 1996. Vol. 47. № 1. P. 113–132.
12. Измалков С., Сонин К., Юдкевич М. Теория экономических механизмов (Нобелевская премия по экономике 2007 г.) // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 4–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-1-4-26.
13. Галачиева С.В., Махочева С.А. Формирование эффективного инвестиционного механизма в регионе // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 6 (92). С. 107–113. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-6-92-107-113.
14. Сергеев М. В лесопромышленном комплексе спад продолжится до 2028 года // Независимая газета. Экономика. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-12-01/1_9391_result.html?ysclid=ml0mc5ol70981176233 (дата обращения: 12.12.2025).
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.02.2021 № 312-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/573658653 (дата обращения: 01.12.2025).
16. Совет по вопросам развития лесного комплекса РФ при Совете Федерации 29.11.2024. URL: https://opora.ru/komitety-i-komissii/komissii/lesnomu-kompleksu/ (дата обращения: 20.12.2025)
17. Совместное письмо Бизнес-объединений «ОПОРА РОССИИ» и «Деловая Россия». URL: https://opora.ru/news/otraslevoe-razvitie/ (дата обращения: 20.12.2025).
18. Итоги заседания подкомиссии по повышению устойчивости финансового сектора и отдельных отраслей экономики. 31.01.2025. URL: http://government.ru/news/54111/ (дата обращения: 20.12.2025).
19. Совет по вопросам развития лесного комплекса РФ при Совете Федерации 29.11.2024. URL: https://opora.ru/komitety-i-komissii/komissii/lesnomu-kompleksu/ (дата обращения: 20.12.2025).

Mechanisms for Forming Investment Opportunities in the Forest Business: Conceptual Aspects

Lyudmila Vitalievna Smolennikova
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)

The study of trends in the change of forest complex investment processes and the identification of opportunities (mechanisms, tools) for ensuring the investment activity of its economic entities form the basis for making managerial decisions aimed at achieving sustainable development. Within the framework of the goal set in the article, the theoretical and methodological approaches to revealing the essential characteristics of the "mechanism" are summarized and systematized, the definition of the "mechanism" is given in the context of investment processes implementation and the genesis of the mechanisms and tools for creating investment opportunities in the forest business is analyzed in relation to the current conditions of operation.

Key words: forest complex, investment activities, investment opportunities, creating investment opportunities mechanism, supporting investment processes tools

УДК 336.717:005.334
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-120-125
© Ахмад Т., Кох И.А., 2026

Интегрированная модель управления кредитным риском: трансформация функции риск-менеджмента в драйвер создания стоимости

Ахмад Тарек
Аспирант кафедры финансовых рынков и финансовых институтов Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: Tarekahmad925@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5828-7580; РИНЦ: 1345101; SPIN: 2607-6072)

Кох Игорь Анатольевич
Доктор экономических наук, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: Koch-mail@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8170-3925; Scopus: 57205071772; Web of Science: Q-7799-2017; РИНЦ: 354339; SPIN: 3615-2630)

Исследование посвящено трансформации подходов к управлению банковскими рисками в условиях цифровизации и внедрения новых регуляторных стандартов. В работе обосновывается необходимость перехода от фрагментарных методов контроля к комплексной системе, объединяющей пруденциальные требования и стратегические цели по увеличению акционерной стоимости. Сформулированы принципы интеграции показателей экономической добавленной стоимости (EVA) и доходности, скорректированной с учетом риска (RAROC), с нормативами достаточности капитала и прогнозными моделями ожидаемых кредитных убытков (ECL). Доказано, что синергия инструментов финансовой эффективности и пруденциального хеджирования позволяет трансформировать функцию риск-менеджмента из категории технических затрат в активный фактор формирования конкурентных преимуществ. Полученные результаты могут быть использованы коммерческими банками для оптимизации распределения капитала и укрепления финансовой устойчивости в условиях макроэкономической неопределенности.

Ключевые слова: *коммерческие банки, риск-ориентированное управление, управление кредитным риском, достаточность капитала, пруденциальное хеджирование*

Для цитирования: *Ахмад Т., Кох И.А. Интегрированная модель управления кредитным риском: трансформация функции риск-менеджмента в драйвер создания стоимости // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 120–125. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-120-125.*

Управление кредитным риском является основополагающим элементом стабильности банковского сектора и включает идентификацию, оценку и мониторинг рисков невыполнения заемщиками своих обязательств [1]. Однако невозможно понять стабильность современного банковского сектора

без отслеживания эволюционного пути управления кредитным риском, который включает четыре ключевых этапа.

1. Этап качественной оценки. Этот этап продолжался примерно до середины XX в. и характеризовался тем, что оценка кредитоспособности основывалась на личных отношениях, доверии, интуиции и личной репутации. Несмотря на эффективность этого подхода в небольших местных банках, он страдал от отсутствия количественной измеримости и сталкивался с проблемами субъективности, несогласованности и ограниченной масштабируемости [2].

2. Этап статистического моделирования. Мы считаем, что этот переход был неизбежен для решения проблемы усложнения финансовых операций; работы Фишера (1936) и Дюрана (1941) заложили первоначальную основу для применения линейного дискриминантного анализа при классификации кредитов [3]. Однако ключевой поворотный момент произошел с появлением модели *Z-score* Альтмана (1968), в которой множественный дискриминантный анализ (*MDA*) был использован для прогнозирования банкротства компаний [4]. Здесь кредитный анализ превратился в количественную науку, и решения стали приниматься на основе статистического моделирования, а не интуиции и личной оценки. Тем не менее, ограничения этих моделей проявляются в их зависимости от исторических данных и неспособности учитывать нелинейные взаимосвязи между экономическими переменными [5].

3. Этап портфельного подхода и институционализации регулирования. С ростом банковской кредитной активности и увеличением сложности финансовых продуктов 1980-е и 1990-е гг. ознаменовались переходом банков от оценки отдельных кредитов к управлению всем портфелем с осознанием важности диверсификации и учета взаимосвязи между активами. В этот период появились модели *VaR* и были приняты Базельские соглашения (I и II), которые заложили основу регуляторной связи между уровнем риска и достаточностью капитала [6]. По нашему мнению, принятие Базеля I в 1988 г. было не просто регуляторной реакцией, а кульминацией целого поколения сложного финансово-математического моделирования, которое, возможно, впервые попыталось установить реальную цену риска.

Базельские соглашения (I, II и III) были разработаны для снижения финансовой нестабильности и повышения устойчивости глобальной финансовой системы [7]. Однако чрезмерная зависимость от нормального распределения риска привела к неспособности предсказать редкие события (*Black Swan*) во время кризиса 2008 г. Этот кризис выявил недостатки традиционных моделей управления рисками, что потребовало усиления требований Базеля III, установления более высоких стандартов достаточности капитала, обязательного стресс-тестирования и разработки динамических моделей кредитного риска, адаптирующихся к реальным рыночным колебаниям [8].

4. Этап цифровизации и проактивности. Сегодня мы находимся в условиях четвертой и наиболее сложной трансформации – всеобъемлющей цифровизации. Использование искусственного интеллекта (*AI*) и машинного обучения (*ML*) стало неотъемлемой частью управления рисками, а интеграция больших данных способствовала прогнозированию случаев дефолта и повышению скорости и точности оценки кредитоспособности. Однако по-прежнему существует ряд проблем, связанных с применением этих технологий, среди которых наиболее значимой является непрозрачность работы некоторых моделей (так называемый «чёрный ящик»), а также возможность предвзятости и требования регуляторного соответствия [9; 10]. В связи с этим возрастает значимость методов объяснимого искусственного интеллекта (*XAI*), направленных на повышение прозрачности этих систем и поддержку процесса принятия решений человеком, а не его замену.

Внедрение международного стандарта финансовой отчётности МСФО 9 стало существенным преобразованием в банковском секторе за счёт перехода от модели «понесённых убытков» к модели «ожидаемых кредитных потерь» (*ECL*). Данный переход представляет собой качественный сдвиг в сторону проактивного пруденциального подхода к управлению рисками и значительное изменение основ банковского учёта. Традиционные модели не полностью соответствуют данному стандарту, что требует разработки более продвинутых моделей и эффективных систем мониторинга [11–13].

Расширение активности небанковских финансовых институтов (*NBFI*) и финтех-компаний (*FinTech*), а также так называемого «теневого банкинга» (*Shadow Banking*), которые осуществляют кредитную деятельность вне строгого регулирования, привело к увеличению сложности кредитного риска, созданию новых системных рисков и усилению конкурентного давления, что обязывает традиционные банки адаптироваться и внедрять инновации при соблюдении строгих регуляторных требований [14; 15]. Кроме того, на данном этапе возникло совершенно новое измерение – «зеленое финансирование» и *ESG*-кредитование. Оценка кредитоспособности больше не ограничивается только финансовой состоятельностью: банки теперь обязаны интегрировать климатические и экологические риски в свои модели [16–18]. Как исследователи, мы считаем, что данное направление не только поддерживает цели устойчивого развития, но и фактически снижает долю проблемных кредитов (*NPL*) в долгосрочной перспективе, поскольку «зеленые» проекты зачастую более устойчивы и менее подвержены внезапным отраслевым рискам.

Исходя из этого сложного эволюционного пути, стало необходимым формирование точной системы количественных показателей, которая не ограничивается измерением текущей прибыльности, но отражает скорректированную с учетом рисков стоимость и устойчивость кредитования. Основные показатели эффективности, интегрированные в систему риск-менеджмента, представлены в таблице 1.

Рентабельность считается основной целью коммерческих банков и наиболее традиционным показателем их финансовой эффективности, поскольку она служит основой для оценки их способности генерировать доход для акционеров [19]. Однако достижение прибыли само по себе уже не является достаточным доказательством эффективности управления кредитными рисками. На основе анализа показателей, представленных в таблице 1, можно выделить два основных уровня оценки банковской деятельности:

1. Традиционный операционный уровень (*ROA, ROE, NIM*). Несмотря на его историческую значимость, опора исключительно на эти показатели может быть вводящей в заблуждение с исследовательской точки зрения, поскольку они не отражают в полной мере создаваемую стоимость, игнорируя стоимость капитала и нереализованные риски. Они показывают фактически достигнутые результаты, не учитывая «стоимость риска», понесённую для получения этой прибыли. Например, высокий показатель *ROE* банка может быть обусловлен проведением рискованной кредитной политики или использованием высокого финансового левереджа, что в целом не находит явного отражения в финансовой отчетности. Поэтому одних только этих традиционных показателей недостаточно для комплексной оценки деятельности банка.

2. Стратегический уровень, учитывающий риск (*RAROC, EVA*). Именно на этом уровне проявляется реальная ценность современного управления рисками, поскольку данные показатели позволяют переосмыслить сущность прибыли как дохода, остающегося после покрытия всех затрат на риск, а также альтернативной стоимости капитала. Это различие между двумя уровнями приобретает особую значимость в контексте банковского сектора России, где экономические колебания требуют от банков перехода от количественного расширения активов к фокусированию на качестве активов с учётом риска.

Рентабельность капитала, скорректированная с учетом риска (*RAROC*) – это современный финансовый показатель, который объединяет индикаторы прибыльности и риска для комплексной оценки экономической эффективности. В отличие от традиционных показателей, *RAROC* учитывает не только фактическую прибыль, но и её достаточность для покрытия принятых рисков. Формально *RAROC* определяется как отношение скорректированной с учётом риска чистой прибыли к экономическому капиталу, что позволяет получить более точную оценку доходности:

$$\text{RAROC} = \frac{\text{Чистая прибыль} - \text{Ожидаемые потери}}{\text{Экономический капитал}} \quad (1)$$

Экономический капитал отражает объём средств, необходимых для покрытия неожиданных убытков при заданном уровне доверия за определённый период времени, как правило, один год [6; 20]. С нашей аналитической точки зрения, истинная ценность *RAROC* проявляется в его способности выявлять «иллюзорную прибыль». Когда банк выдает кредит с высокой доходностью, но и с высоким риском дефолта, показатель *ROE* может демонстрировать видимый рост, тогда как *RAROC* показывает, что эта доходность недостаточна для покрытия стоимости задействованного капитала и ожидаемых потерь.

Таблица 1

Ключевые показатели финансовой эффективности банка

Показатель	Тип	Краткое описание
Рентабельность активов (*ROA*)	Традиционный	Измеряет базовую эффективность банка в генерировании прибыли от совокупных активов
Рентабельность собственного капитала (*ROE*)	Традиционный	Измеряет доходность для акционеров; анализируется с осторожностью для выявления рисков чрезмерного финансового рычага (левериджа)
Чистая процентная маржа (*NIM*)	Традиционный	Отражает разницу между полученными и уплаченными процентами; крайне чувствительна к качеству ценообразования кредитов
Рентабельность капитала, скорректированная с учетом риска (*RAROC*)	Продвинутый	Измеряет чистую прибыль за вычетом ожидаемых потерь по отношению к капиталу
Экономическая добавленная стоимость (*EVA*)	Продвинутый	Определяет реальную экономическую прибыль, остающуюся после покрытия альтернативной стоимости инвестированного капитала

Экономическая добавленная стоимость (*EVA*) измеряет чистую стоимость, создаваемую банком за определённый период, после вычета стоимости всех инвестированных средств, включая собственный капитал и долги. Основная идея *EVA* заключается в том, что банк является прибыльным только в том случае, если его прибыль превышает стоимость ресурсов, использованных для ее получения, с учётом альтернативных издержек вложенного капитала, то есть доходности, которую могли бы получить акционеры, инвестировав средства в другие проекты [3; 21;

22]. Таким образом, *EVA* служит прямым индикатором создания экономической ценности для акционеров. Обычно *EVA* рассчитывается по формуле:

$$EVA = NOPAT - (WACC \times IC) \quad (2)$$

где:

NOPAT (Net Operating Profit After Taxes) – чистая операционная прибыль после налогов;

WACC (Weighted Average Cost of Capital) – средневзвешенная стоимость капитала;

IC (Invested Capital) – инвестированный капитал.

Положительное значение *EVA* указывает на то, что банк или отдельное подразделение создаёт добавленную стоимость для акционеров, а отрицательное – на то, что доходность капитала ниже ожидаемой.

В то время как *RAROC* фокусируется на эффективности использования капитала с точки зрения «риска», показатель *EVA* ориентирован на «создание стоимости». Таким образом, мы считаем, что сочетание *RAROC* и *EVA* создает строгую систему внутреннего контроля. Мы принимаем в данном исследовании концепцию «Риск-ориентированное стратегическое управление» как интегрированную основу, которая переводит банк из стадии обороны (избежание дефолта) к стадии нападения (распределение капитала в наиболее прибыльные и одновременно безопасные активы) [23]. Тем не менее, несмотря на теоретическую обоснованность таких показателей, как *RAROC* и *EVA*, они остаются недостаточно широко внедрёнными на практике из-за сложности их расчёта и трудностей точной оценки экономического капитала и сопутствующих рисков [24].

Если система показателей эффективности (*RAROC* и *EVA*) служит стратегическим двигателем роста банка, то устойчивость этого роста полностью зависит от эффективности системы пруденциального хеджирования. В условиях неопределенности недостаточно просто отслеживать полученную прибыль, необходимо оценивать качество активов, генерирующих эту прибыль, и достаточность сформированных резервов для покрытия возможных дефолтов. В таблице 2 представлены ключевые показатели, принятые нами для оценки эффективности управления кредитными рисками и соблюдения регуляторных требований, с разграничением между традиционным бухгалтерским и современным проактивным подходами.

Переход к современным методам управления рисками требует интеграции показателей, охватывающих как фактические, так и прогнозируемые убытки. В этом контексте ключевую роль играют следующие инструменты.

1. Традиционные индикаторы качества активов (*NPL, LLR* и *CoR*). Эти показатели остаются фундаментальными для оценки исторического качества кредитного портфеля. *NPL* и *CoR* отражают фактический уровень потерь, в то время как *LLR* представляют собой бухгалтерский механизм защиты. Однако их основным недостатком является то, что они отражают уже свершившиеся события дефолта [25].

Таблица 2

Ключевые показатели кредитного риска и пруденциального хеджирования

Показатель	Тип	Описание и роль в управлении рисками
Доля проблемных кредитов (*NPL*)	Традиционный	Отражает фактический уровень дефолта в портфеле; ключевой индикатор кредитного качества
Резервы под потери (*LLR*)	Традиционный	Отражает уровень сформированного "буфера" для покрытия обесценения кредитов
Стоимость риска (*CoR*)	Традиционный	Показывает долю кредитных убытков по отношению к среднему объему кредитного портфеля
Ожидаемые кредитные убытки (*ECL*)	Продвинутый	Прогнозная оценка резервов в соответствии с МСФО (*IFRS*) 9 для превентивного покрытия рисков (*PD/LGD/EAD*)
Норматив достаточности капитала Н1.0 (*CAR*)	Главный норматив	Обеспечивает способность банка поглощать убытки и гарантирует его платежеспособность

2. Ожидаемые кредитные убытки (*ECL*) в рамках МСФО (*IFRS*) 9. *ECL* представляют собой вероятностную оценку ожидаемых кредитных убытков на протяжении срока действия финансового инструмента (обычно один год) вследствие дефолта заемщиков. В отличие от предыдущей модели «понесенных убытков», модель *ECL*, введенная МСФО 9, требует от банков признания резервов не только при наступлении дефолта, но и на основе макроэкономических прогнозов и вероятности дефолта в будущем. Ожидаемые кредитные убытки считаются «известными» расходами, которые должны покрываться за счет обычной прибыли банка, поэтому банки включают их в маржу процентных ставок или комиссий для клиентов [8; 11; 13]. *ECL* рассчитывается по следующей формуле:

$$ECL = PD \times LGD \times EAD \quad (3)$$

где:

PD (Probability of Default) – вероятность дефолта заемщика в течение определенного периода;

LGD (Loss Given Default) – доля убытков при дефолте, то есть часть долга, которую банк не сможет взыскать;

EAD (Exposure at Default) – сумма кредитного риска на момент дефолта, то есть общий размер долга на момент дефолта.

С нашей точки зрения, внедрение *ECL* превращает управление рисками из бухгалтерской функции в стратегический инструмент раннего предупреждения.

3. Норматив достаточности капитала (Н1.0) как итоговый пруденциальный фильтр. В рамках предлагаемой модели его сложный характер как гибридного стандарта, сочетающего международные требования Базеля III и регуляторные акты Банка России (в частности, Инструкцию № 220-И). В данной статье мы рассматриваем его как «последний рубеж» защиты, предназначенный для поглощения непредвиденных убытков (*Unexpected Losses*). С теоретической точки зрения Н1.0 выступает в качестве «пруденциального ограничителя»: любое ужесточение требований к взвешиванию активов по риску (*RWA*) усиливает давление на капитальную базу [8; 11; 26]. Это заставляет менеджмент поддерживать строгий баланс между стремлением к максимизации доходности (*RAROC*) и сохранением долгосрочной платежеспособности в соответствии с международными и национальными стандартами [11].

Подводя итог, можно заметить, что современный банковский менеджмент переживает очевидную и глубокую трансформацию: он больше не ограничивается фрагментарным управлением рисками на основе отдельных показателей, а все больше использует риск-ориентированное стратегическое управление. Анализ показывает, что истинная стоимость банка создается не за счет максимизации прибыльности, а за счет управления капиталом в соответствии с уровнем потенциальных рисков.

При интеграции показателей рентабельности (*RAROC* и *EVA*) с инструментами пруденциального хеджирования (*ECL* и Н1.0) на практике формируется система с двумя взаимодополняющими измерениями: со стимулирующей стороны она направляет капитал в наиболее эффективные бизнес-сегменты, обеспечивающие более высокую доходность, скорректированную с учетом риска; с другой стороны, оборонительной, она играет профилактическую роль, укрепляя способность банка противостоять макроэкономическим колебаниям и обеспечивая строгое соблюдение регуляторных требований.

Мы считаем, что предложенная система показателей трансформирует функцию риск-менеджмента из технической функции (или центра затрат) в активный элемент процесса создания стоимости. В этом контексте норматив Н1.0 выделяется как элемент особой важности в силу своей гибридной регуляторной природы, которая до сих пор вызывает концептуальные и прикладные вопросы, заслуживающие дальнейшего изучения. Исходя из этого, принятие данной интегрированной модели представляет собой необходимый шаг для укрепления долгосрочной конкурентоспособности банков в современных условиях.

Литература:

1. Saeed M.M., Hollack O. Credit, liquidity, and market risks on financial performance: Evidence from rural banks in Ghana // International Journal of Accounting and Finance. 2023. № 4. P. 285–304.
2. Berger A.N., Frame W.S. Small business credit scoring and credit availability // Journal of Small Business Management. 2007. № 1. P. 5–22.
3. Sironi A., Resti A. Risk management and shareholders' value in banking: from risk measurement models to capital allocation policies. New York: John Wiley & Sons, 2007. 824 p.
4. Altman E.I. Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy // The Journal of Finance. 1968. № 4. P. 589–609.
5. Md Masud K. A systematic review of credit risk assessment models in emerging economies: A focus on Bangladesh's commercial banking sector // American Journal of Finance. 2022. № 2. P. 12–34.
6. Jorion P. Financial risk manager handbook. New Jersey: John Wiley & Sons, 2003. 816 p.
7. Tsukahara F.Y., Kimura H., Sobreiro V.A., Zambrano J.C.A. Validation of default probability models: A stress testing approach // International Review of Financial Analysis. 2016. P. 70–85.
8. Scott A.O., Amajuoyi P., Adeusi K.B. Effective credit risk mitigation strategies: Solutions for reducing exposure in financial institutions // Magna Scientia Advanced Research and Reviews. 2024. № 1. P. 198–211.
9. Edunjobi T.E., Odejide O.A. Theoretical frameworks in AI for credit risk assessment: Towards banking efficiency and accuracy // International Journal of Scientific Research Updates. 2024. № 1. P. 92–102.
10. Bello O.A. Machine learning algorithms for credit risk assessment: An economic and financial analysis // International Journal of Management. 2023. № 1. P. 109–133.
11. Brito R.P., Judice P. Efficient credit portfolios under IFRS 9 // International Transactions in Operational Research. 2023. № 5. P. 2453–2484.
12. Jakubik P., Teleu S. Improving credit risk assessment in uncertain times: Insights from IFRS 9 // Risks. 2025. № 2. 38 p.
13. Vasilyeva A., Frolova E. Methods of calculation of expected credit losses under requirements of IFRS 9 // Journal of Corporate Finance Research. 2019. № 4. P. 74–86.
14. Anestiawati C.A., Amanda C., Khantinyano H., Agatha A. Bank FinTech and credit risk: Comparison of selected emerging and developed countries // Studies in Economics and Finance. 2026. № 1. P. 45–62.
15. Gola C. Shadow banking out of the shadows: Non-bank intermediation and the Italian regulatory framework // SSRN Electronic Journal. 2017. URL: https://ssrn.com/abstract=2942461.
16. Al-Qudah A.A., Hamdan A., Al-Okaily M., Alhaddad L. The impact of green lending on credit

risk: Evidence from UAE's banks // Environmental Science and Pollution Research. 2023. № 22. P. 61381–61393.
17. Zhou X.Y., Caldecott B., Hoepner A.G., Wang Y. Bank green lending and credit risk: An empirical analysis of China's Green Credit Policy // Business Strategy and the Environment. 2022. № 4. P. 1623–1640.
18. Mustafa H., Chen C., Atqa A.A., Li X., Qin Z., Alhasnawi M.Y., Lin Z. The influence of ESG performance on banking credit decisions // Future Business Journal. 2025. № 1. 254 p.
19. Berger A.N., Mester L.J. Inside the black box: What explains differences in the efficiencies of financial institutions? // Journal of Banking & Finance. 1997. № 7. P. 895–947.
20. Zaik E., Walter J., Retting G., James C. RAROC at Bank of America: From theory to practice // Journal of Applied Corporate Finance. 1996. № 2. P. 83–93.
21. Sharma A.K., Kumar S. Economic value added (EVA): Literature review and relevant issues // International Journal of Economics and Finance. 2010. № 2. P. 200–220.
22. Dunbar K. Economic Value Added (EVA™): A thematic bibliography // Journal of New Business Ideas and Trends. 2013. № 1. P. 54–66.
23. Kaplan R., Mikes A. Managing risks: A new framework // Harvard Business Review. 2012. P. 48–60.
24. Bauer D., Zanjani G. Economic capital and RAROC in a dynamic model // Journal of Banking & Finance. 2021. 106088.
25. Bessis J. Risk management in banking. Chichester: John Wiley & Sons, 1998. 484 p.
26. Basel Committee on Banking Supervision. Basel III: Finalising post-crisis reforms // Bank for International Settlements (BIS). 2017. URL: https://www.bis.org/bcbs/publ/d424.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

Integrated Credit Risk Management Model: Transforming the Risk Management Function into a Value Creation Driver

Tarek Ahmad, Igor Anatolyevich Kokh
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

The study examines the transformation of banking risk management approaches in the context of digitalization and new regulatory standards. The paper justifies the transition from fragmented control methods to a comprehensive system that integrates prudential requirements with strategic goals for increasing shareholder value. A methodology is formulated for integrating Economic Value Added (EVA) and Risk-Adjusted Return on Capital (RAROC) with capital adequacy ratios and Expected Credit Loss (ECL) predictive models. The author demonstrates that the synergy between financial efficiency tools and prudential hedging allows the risk management function to evolve from a technical cost center into an active driver of competitive advantage. The results can be utilized by commercial banks to optimize capital allocation and strengthen financial stability under macroeconomic uncertainty.

Keywords: commercial banks, risk-oriented management, credit risk management, capital adequacy, prudential hedging

УДК 352
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-126-132
© Томичева И.А., Дмитриева Т.А., 2026

Управление по KPI как фактор снижения реальной эффективности органов власти

Томичева Илона Алексеевна
Лаборант учебно-лабораторного центра современного менеджмента
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
(191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова 30/32;
e-mail: ilona.tomicheva.vip582@mail.ru)

Дмитриева Татьяна Александровна
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
(191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова 30/32; e-mail: dmitrieva.ta@unecon.ru;
ORCID: 0009-0008-8880-0200)

Статья исследует проблемы внедрения ключевых показателей эффективности (KPI) в государственное управление, включая имитационную эффективность, когда отчёты не отражают реальное улучшение благосостояния. Целью является разработка методики оценки расхождения между отчётной и фактической эффективностью.

Методика включает создание двух систем индикаторов: отчётных (на основе Указа Президента РФ № 1014) и фактических, отражающих реальные социально-экономические параметры. На их основе разработан интегральный индекс расхождения эффективности (IEG), который апробирован на пяти субъектах РФ.

Результаты показали, что Москва демонстрирует сбалансированную эффективность, Татарстан завышает отчёты, а Красноярский край, Новосибирская и Курганская области недооценивают свои достижения. Исследование подчёркивает необходимость внедрения интегрального индекса для повышения объективности оценки государственного управления и снижения имитационной активности.

Ключевые слова: *эффективность государственного управления, KPI, управление по результатам, имитационная эффективность, индекс расхождения эффективности, региональное развитие*

Для цитирования: *Томичева И.А., Дмитриева Т.А. Управление по KPI как фактор снижения реальной эффективности органов власти // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 126–132. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-126-132.*

Введение

В последние десятилетия в системе публичного управления большинства стран широко распространилась модель управления по результатам (*performance management*), основой которой послужила доктрина *New Public Management (NPM*). Эта

модель, предполагающая переход от процессного контроля к оценке достижения количественных индикаторов, была внедрена и в России через систему оценки эффективности и деятельность органов исполнительной власти субъектов РФ, муниципальных образований и госпрограмм [1]. Несмотря на формальное улучшение отчётных показателей, формируемых на базе данных Росстата и ведомственной отчетности, это улучшение зачастую не сопровождается сопоставимым ростом реального благосостояния граждан и социально-экономического развития территорий. Возникает ситуация, при которой внедрение ключевых показателей эффективности (*KPI*), призванное повысить результативность управления, на практике способствует подмене реальных результатов формальной отчётностью, порождая феномен имитационной эффективности.

Степень разработанности проблемы: институциональные ловушки и эффекты внедрения показателей результативности в российском публичном секторе детально раскрыты А.В. Клименко, показавшим, что при незрелости институтов формальные *KPI* провоцируют имитационную активность [2]. В.Л. Тамбовцев и И.А. Рождественская поставили под вопрос саму возможность измерения эффективности госуправления без искажений, обосновав тезис об «иллюзии понимания» эффективности в государственном секторе [3]. Применительно к региональному уровню проблема исследована в работе А.А. Морозова и Т.В. Пановой, проследивших эволюцию системы оценки *KPI* губернаторов от административного контроля к стратегическому управлению и выявивших связанные с этим риски [4]. А.А. Шабунова с соавторами провел анализ достижимости социально-экономических индикаторов, заявленных в национальных целях развития России до 2030 г., что формирует объективную базу для оценки реальной эффективности регионального управления [5].

Сравнительный анализ *KPI* губернаторов до и после начала СВО, выполненный К.М. Курбановой, выявил существенные сдвиги в приоритетах и методиках оценки [6]. Однако сохраняется явный исследовательский пробел: в отечественной науке не предложено количественного инструментария для измерения расхождений между отчётной и реальной эффективностью на региональных данных.

Цель исследования: разработка и апробация методики количественной оценки расхождения между отчётной и фактической эффективностью органов власти, а также выявление влияния *KPI*-ориентированного управления на реальные социально-экономические результаты. Для её достижения поставлены следующие задачи: проанализировать механизмы формирования имитационной эффективности, разработать систему показателей фактической и отчётной эффективности, сконструировать и апробировать индекс расхождения эффективности (*IEG*) и проверить предположение о разрыве между *KPI* и реальным развитием.

Научная новизна работы заключается во введении в научный оборот индекса расхождения эффективности государственного управления (*IEG*) и методики его расчёта, позволившей эмпирически выявить и классифицировать модели несоответствия отчётных и фактических результатов в регионах России.

Методология и данные

Фактическое управление территорией оценивается через реальные изменения социально-экономических показателей: уровень жизни, экономический рост, безработица и другие [6]. Современная система оценки часто использует отчёты, которые не всегда отражают реальную ситуацию. Для более точного анализа применяется индекс расхождения эффективности и управления (*IEG – Index of Efficiency Gap*), показывающий разницу между отчетной ($E_{reported}$) и фактической (E_{real}) эффективностью (формула 1). Положительный индекс указывает на завышенные результаты, а отрицательный – на недооценку реальных достижений.

$$IEG = E_{reported} - E_{real} \quad (1)$$

Данный подход помогает выявить реальные изменения и улучшить управленческие решения, что способствует более справедливой оценке эффективности. Для реализации подхода необходимы комплексные методики оценки фактической эффективности и обеспечение сопоставимости и надёжности данных. Модель требует дальнейшей проработки и адаптации методик для практического применения [7].

Отчётная эффективность $E_{reported}$ рассчитывается на основе пяти ключевых показателей, утверждённых Указом Президента Российской Федерации от 28.11.2024 № 1014 [1]: уровень бедности; темп роста физического объёма инвестиций в основной капитал (за исключением инвестиций инфраструктурных монополий и бюджетных ассигнований федерального бюджета); «Цифровая зрелость» государственного, муниципального управления и ключевых отраслей экономики и социальной сферы; темп роста объёма ввода в эксплуатацию жилой и нежилой недвижимости по отношению к предыдущему году; суммарный коэффициент рождаемости, характеризующий среднее число детей на одну женщину. Выбор этих показателей обусловлен тем, что все они, во-первых, входят в официальную систему оценки глав регионов и, во-вторых, обладают свойством относительно высокой административной «гибкости» в краткосрочном периоде, что делает их чувствительными к имитационным стратегиям.

Каждый показатель нормируется методом *min-max* по всей выборке регионов. При этом для прямых показателей (рост которых свидетельствует о повышении эффективности) применяется формула (2), а для обратных, таких как уровень бедности (рост которых свидетельствует о снижении эффективности) – формула (3):

$$K_{norm} = \frac{K_i - K_{min}}{K_{max} - K_{min}} \quad (2)$$

$$\boldsymbol{K_{norm} = (K_{max} - K_i) / (K_{max} - K_{min})} \quad (3)$$

Интегральный индекс отчётной эффективности региона *j* (формула 4):

$$E_{reported,j} = \sum_{i=1}^{n} w_i * K_{ij}^{norm} \quad (4)$$

где K_{ij}^{norm} – нормированное значение *i*-го показателя для *j*-го региона; *n* – число показателей (*n* = 5); wi – весовые коэффициенты показателей. В базовой модели приняты равные веса (w_i = 1/5), что рассматривается как ограничение, снимаемое при расширении эмпирической выборки.

Методология основана на институциональном анализе и индексном методе, включающем нормирование *min-max* и построение интегральных индексов. Выборка – пять субъектов РФ, отобранных по принципу контрастной стратификации: Москва (лидер), Татарстан (промышленный), Красноярский край (ресурсный), Новосибирская область (научно-образовательный), Курганская область (депрессивный).

Исходные данные отчётности демонстрируют значительный разброс, который отражает объективные различия в масштабах и типах экономических систем регионов. Однако уже на этом этапе можно заметить признаки возможной имитационной составляющей.

Инвестиционный рост в Красноярском крае (180 %) и Татарстане (165,7 %) значительно превышает средние значения. Это может свидетельствовать о концентрации усилий на достижении формальных показателей. Экстремально низкий уровень бедности в Москве (3,8 %) и Татарстане (3,3 %) может быть связан с особенностями методик расчёта регионального прожиточного минимума.

Лидерство Курганской области по суммарному коэффициенту рождаемости (1,501) при низкой цифровой зрелости (58,88 %) и минимальном объёме ввода недвижимости подчёркивает неоднозначность ключевых показателей эффективности (*KPI*). Высокие значения демографического показателя в депрессивном регионе не всегда отражают реальное благополучие.

Сама по себе таблица 1 не позволяет сделать выводы о действительной эффективности управления. Для этого необходимо сравнить показатели с результатами фактического развития. Это будет сделано далее через процедуру нормирования и расчёт индекса расхождения. В таблице 2 представлено нормирование показателей, в котором используется метод min-max, формулы были представлены ранее. Рассмотрим расчет роста инвестиций на примере Красноярского края (табл. 2).

Методика *min-max* позволила сравнить индикаторы, представленные в безразмерных показателях. Из таблицы 2 видно, что лидирующую позицию занимает Москва, но она остаётся ниже по значениям инвестиционного роста и рождаемости. Татарстан отличается сбалансированностью, а Красноярский край – высокими инвестициями и низкими показателями бедности и цифровой зрелости. Курганская область, несмотря на высокий уровень рождаемости, имеет низкий индекс, что показывает разрыв между управленческой успешностью и уровнем жизни.

Для таблицы 3 предложено использовать шесть независимых показателей из Указа Президента

Таблица 1

Исходные KPI (2025 г.) [7;8]

Регион	Темп роста (индекс роста) физического объёма инвестиций в основной капитал, % к пред. году	Уровень бедности, %	Объем ввода в эксплуатацию жилой и нежилой недвижимости (тыс. м²)	Суммарный коэффициент рождаемости	«Цифровая зрелость, %
Москва	146,2	3,8	16 037,9	1,434	86,58
Татарстан	165,7	3,3	5 935,7	1,434	78,23
Красноярский край	180,0	10,1	2 445,8	1,362	63,93
Новосибирская обл.	144,4	7,5	4 134,1	1,413	70,56
Курганская обл.	110,9	9,9	660,3	1,501	58,88

Таблица 2

Нормированные *KPI*

Регион	Инвестиции	Уровень бедности (обр. связь)	Ввод недвижимости	Коэфф. рождаемости	Цифр. зрелость	$E_{reported}$
Москва	0,51	0,93	1	0,52	1	0,79
Татарстан	0,79	1	0,34	0,52	0,7	0,67
Красноярский край	1	0	0,12	0	0,18	0,26
Новосибирская обл.	0,48	0,38	0,23	0,37	0,42	0,38
Курганская обл.	0	0,03	0	1	0	0,21

Таблица 3

Реальные показатели (2025 г.) [7; 8]

Регион	Среднедушевые денежные доходы, руб.	Смертность населения трудоспособного возраста, на 100 тыс. чел.	Индекс производительности труда, %	Коэфф. мигр. прироста, чел. на 10 тыс. чел.	Число организаций на 1000 жителей	Кол-во зарегистрированных преступлений
Москва	165 866	312	107,3	31,2	47,9	120 912
Татарстан	74 504	423,9	104,7	20,2	24,5	47 373
Красноярский край	68 989	593,7	99,6	33,9	20,5	42 557
Новосибирская обл.	68 111	558,1	105,9	17,8	30,4	36 527
Курганская обл.	49 110	735,6	107,0	-28,5	14,5	10 633

Таблица 4

Нормированные реальные результаты

Регион	Доходы	Смертность (обр. связь)	Производительность	Миграция	Организации	Безопасность (обр. связь)	E_{real}
Москва	1	1	1	0,96	1	0	0,83
Татарстан	0,22	0,74	0,66	0,78	0,3	0,67	0,56
Красноярский край	0,17	0,34	0	1	0,18	0,71	0,40
Новосибирская обл.	0,16	0,42	0,82	0,74	0,48	0,77	0,56
Курганская обл.	0	0	0,96	0	0	1	0,33

№ 1014: среднедушевые доходы, смертность в трудоспособном возрасте, индекс производительности труда, коэффициент миграционного прироста, количество организаций и уровень преступности, что даст более полное представление о социально-экономическом состоянии регионов [1]. Эти показатели, рассчитываемые на основе официальной статистики, позволяют выявить расхождение между административно-управляемой результативностью и итогами качества жизни, а также оценить устойчивость развития региона.

Расчитанный индекс расхождения эффективности (*IEG)* представлен в таблице 5. *IEG* – это безразмерный интегральный показатель, отражающий разницу между индексом отчетной (декларируемой) эффективности ($E_{reported}$) и индексом фактической социально-экономической эффективности (E_{real}) (формула 1).

Таблица 5

Индекс расхождения

Регион	$E_{reported}$	E_{real}	*IEG*	Тип
Москва	0,79	0,83	-0,04	Близкое к сбалансированному
Татарстан	0,67	0,56	+0,11	Показательно эффективное
Красноярский край	0,26	0,40	-0,14	Умеренное завышение
Новосибирская обл.	0,38	0,56	-0,18	Недооценённое
Курганская обл.	0,21	0,33	-0,12	Недооценённое

Экономический смысл полученных значений IEG интерпретируется следующим образом:

• *IEG* > 0 свидетельствует об избыточном оптимизме и искусственном завышении отчётных показателей региональных властей на фоне реальной динамики развития (доминирование имитационных стратегий);

• *IEG* = 0 указывает на высокую релевантность и адекватность действующей системы государственного мониторинга;

• *IEG* < 0 отражает недооценку реальных достижений региона и наличие скрытых (латентных) драйверов социально-экономического роста.

Замена темпа роста доходов на абсолютный уровень среднедушевых денежных доходов радикально изменила картину: только Татарстан демонстрирует положительный *IEG* (+0,11), что прямо свидетельствует о завышении отчётной эффективности относительно реального благосостояния. Это полностью соответствует исходной гипотезе о том, что высокие значения *KPI* могут достигаться при относительно скромных фактических результатах. Москва практически сбалансирована (-0,04) – отчётные показатели хорошо отражают действительность.

Остальные три региона показывают отрицательный *IEG*, т.е. их реальная эффективность по комплексу показателей оказалась выше, чем можно было предположить по формальным *KPI*. Причины: в Красноярском крае – высокий миграционный приток и относительно низкая преступность; в Новосибирской области – хорошая производительность и деловая активность при средних доходах; в Курганской области – несмотря на самые низкие доходы и высокую смертность, высокая производительность труда и максимальная безопасность обеспечили недооценку реальных достижений. Это подчёркивает важность многомерной оценки: отдельные сферы могут быть развиты лучше, чем отражают отчётные индикаторы. Однако преобладание отрицательных *IEG* говорит о том, что систе-

ма *KPI* в данных регионах, возможно, недостаточно учитывает сильные стороны этих территорий, концентрируясь на унифицированных параметрах.

Таким образом, применение модифицированной методики с абсолютным уровнем доходов позволило получить более дифференцированную и теоретически ожидаемую картину, подтверждающую феномен имитационной эффективности на примере Татарстана и демонстрирующую недооценённость фактических результатов в ряде регионов. Эти результаты могут служить эмпирической основой для предложений по совершенствованию методик оценки губернаторов.

Ниже будет представлена расширенная апробация разработанной методики расчета индекса расхождения эффективности (*IEG*) на выборке субъектов Российской Федерации, ее цель – эмпирически подтвердить наличие расхождения между отчетной и фактической эффективностью государственного управления и сформулировать практические рекомендации. На основании рассчитанного индекса расхождения эффективности (*IEG*) проведена классификация регионов в таблице 6.

Таблица 6

Классификация типов управления

Тип управления	Значение *IEG*	Характеристика
Реально эффективное	≈ 0	Соответствие показателей и реальных результатов
Показательно эффективное	> 0,10	Отчетность превышает реальное развитие
Сбалансированное	0–0,10	Незначительное расхождение
Недооценённое	< 0	Развитие выше отчетных показателей

Составлено авторами на базе содержательной интерпретации величины *IEG*.

Анализ выявил несколько существенных ограничений данного подхода. Во-первых, наблюдается приоритет формальных показателей над комплексным развитием регионов. Например, в Татарстане, несмотря на высокие официальные показатели эффективности ($E_{reported}$ = 0,67), реальная ситуация (E_{real} = 0,56) и индекс расхождения (*IEG* = +0,11) указывают на значительное завышение отчётной эффективности по сравнению с фактическим благосостоянием населения. Во-вторых, подход не учитывает региональные особенности, что приводит к искажённым результатам. Красноярский край, демонстрирующий максимальный инвестиционный рост, занимает лишь четвёртое место по интегральному индексу реальной эффективности из-за высокой смертности населения и других социально-демографических дисбалансов, которые нивелируют позитивный эффект от инвестиционных достижений.

В-третьих, часто не учитывается разница между плановыми и реальными показателями, что снижает точность оценок. Предлагается использовать индекс расхождения (*IEG*) для корректировки итоговой оценки эффективности. При этом штрафные санкции должны применяться только в случае выявленного завышения отчётной эффективности (*IEG* > 0). Для регионов со сбалансированным или отрицательным *IEG* (т.е. отсутствием имитационного завышения) санкции не вводятся, а итоговая оценка формируется как взвешенная комбинация с преобладанием фактических показателей (формула 4).

$$E_{final} = 0{,}4E_{reported} + 0{,}6E_{real} - \lambda * max(0, IEG) \quad (4)$$

где λ – коэффициент санкционирования имитационного управления, принимающий значения в интервале 0,3–0,5. Функция $max(0,IEG)$ обеспечивает нулевой штраф при $IEG \leq 0$, что исключает необоснованное премирование регионов за отрицательное расхождение.

При положительном *IEG* рейтинг региона снижается пропорционально величине завышения, при сбалансированном или отрицательном *IEG* – штраф отсутствует, итоговая оценка представляет собой консервативную комбинацию с весом фактической эффективности 0,6.

Предлагается деление субъектов РФ на 4 группы (табл. 7).

Таблица 7

Разграничение субъектов РФ в зависимости от индекса E_{final}

Тип региона	Характеристика	Метод оценки
Лидеры	Высокий потенциал	Относительная динамика
Средние	Структурные ограничения	Учет базы
Дотационные	Высокая зависимость	Оценка управленческого усилия
Депрессивные	Демографический спад	Социальная стабилизация

Составлено авторами на основе содержательной интерпретации величины *IEG*, полученной в результате нормирования показателей в диапазон от 0 до 1, и эмпирически обоснованного порога 0,10, превышение которого свидетельствует о выраженном завышении отчётной эффективности, а отрицательные значения – о её недооценке.

Для перехода от статических оценок к анализу реальных изменений предлагается оценивать динамику индикаторов относительно стартовой базы. Расчет индекса интенсивности изменений (*UE*) производится по формуле (5).

$$\mathrm{UE} = \frac{X_t - X_{t-1}}{X_{t-1}} \quad (5)$$

Для показателей, выраженных в относительных величинах (долях, процентах), под динамикой понимается изменение в процентных пунктах, для ко-

эффициентов – абсолютная разность. Это позволяет корректно интерпретировать динамику вне зависимости от исходной шкалы.

Использование данной метрики позволяет оценивать вектор и скорость развития территории, а не ее абсолютные стартовые преимущества.

Проведённый анализ пяти субъектов РФ подтвердил, что действующая система мониторинга дефакто стимулирует имитационную эффективность (Республика Татарстан – *IEG* = +0,11) и одновременно недоучитывает реальные достижения территорий со скромными исходными KPI (Красноярский край, Новосибирская и Курганская области). Для устранения выявленных дисбалансов необходимы три ключевых институциональных преобразования:

– Снижение жесткой формализованной зависимости карьерных и управленческих решений от унифицированного перечня KPI. Целесообразно допустить вариативность оцениваемых показателей с учётом глубоких структурных особенностей и специализации конкретных регионов.

– Обеспечение транспарентности: ввести обязательную ведомственную публикацию расчётов индекса расхождения эффективности (*IEG*) и алгоритма его декомпозиции. Это повысит прозрачность мониторинга и сделает любые манипуляции видимыми для экспертного сообщества.

– Независимый аудит: привлекать внешних экспертов и академические институты для верификации исходных данных и интерпретации полученных результатов, что позволит исключить монополию ведомственной статистики на итоговую оценку.

Внедрение предложенной модели скорректирует систему стимулов регионального менеджмента. Итоговый рейтинг, рассчитываемый с применением санкционирующего коэффициента (формула 4), будет автоматически снижать баллы регионов с завышенной отчетностью. В результате позиции территорий, чьи реальные достижения прежде искусственно занижались ведомственной методологией, объективно повысятся в общероссийском рейтинге. Подобный подход переориентирует управленческие усилия с краткосрочного «подгона» цифр под плановые значения на долгосрочные инвестиции в человеческий капитал и инфраструктуру, сократит неэффективные бюджетные расходы и повысит инвестиционную привлекательность субъектов РФ. При этом глубокая корректировка методики не требует изменения конституционных основ и может быть оперативно реализована посредством нормативно-правовых актов на уровне Правительства РФ.

Заключение

Цель данного исследования заключалась в разработке методики количественной оценки расхождения между заявленной и фактической эффективностью органов власти, а также в проверке гипотезы о том, что ориентация на ключевые показатели эффективности (*KPI*) способствует возникновению имитационной эффективности. Предложенный индекс расхождения эффективности (*IEG*) впервые позволяет перевести эту проблему в измеримую плоскость, что является значительным шагом вперёд в данной области.

Эмпирическая апробация модели на материалах пяти разнородных субъектов РФ подтвердила наличие системного разрыва между формальной отчетностью и реальными социально-экономическими результатами. Наиболее выраженное завышение зафиксировано в Республике Татарстан (*IEG* = +0,11), где заявленная эффективность (0,67) существенно превысила фактическую (0,56) по индикаторам, слабо поддающимся краткосрочному административному воздействию. В Москве ситуация оказалась наиболее близкой к равновесной (*IEG* = -0,04) с незначительным смещением в зону недооценки. В то же время в Красноярском крае, Новосибирской и Курганской областях зафиксированы более глубокие отрицательные значения (*IEG*), что свидетельствует о существенном занижении их реальных достижений действующей системой ведомственных *KPI*. Таким образом, выдвинутая гипотеза о формировании имитационной эффективности в регионах-лидерах официальных рейтингов без сопоставимого роста общественного благосостояния получила убедительное эмпирическое подтверждение.

Научная новизна исследования заключается во введении интегрального показателя *IEG* и разработке методики его расчёта, что позволило не только диагностировать имитационное управление, но и классифицировать регионы по типу расхождения (сбалансированное, завышенное, недооценённое). Практическая значимость предложенного подхода заключается в возможности его интеграции в действующую систему оценки через итоговый рейтинг с санкционирующим коэффициентом.

Однако исследование имеет определённые ограничения, связанные с небольшим размером выборки и равнозначным агрегированием индикаторов. Перспективные направления дальнейшей работы включают расширение анализа на все субъекты Российской Федерации, применение методов факторного или экспертного определения весов, а также переход к панельной структуре данных для оценки устойчивости индекса расхождения эффективности во времени. Реализация этих шагов позволит трансформировать систему оценки деятельности губернаторов из инструмента формальной отчётности в механизм стимулирования реального развития территорий.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // СПС Гарант.
2. Клименко А.В. Управление и бюджетирование, ориентированные на результат: препринт WP8/2021/04. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. (Серия WP8 «Государственное и муниципальное управление»). 48 с.
3. Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А. Эффективность в государственном секторе: иллюзия понимания и ее последствия // Terra Economicus. 2021. № 1. С. 17–35.
4. Морозов А.А., Панова Т.В. Эволюция системы оценки ключевых индикаторов эффективности для губернаторов в России: от административного контроля к стратегическому управлению // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 7. С. 28–34. https://doi.org/10.24158/pep.2025.7.3.
5. Шабунова А.А., Крошилин С.В., Ярашева А.В., Медведева Е.И. (2024). Социально-экономические индикаторы национальных целей развития России: тенденции и прогноз // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 40–54. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.2
6. Курбанова К.М. Функционал и ответственность российских губернаторов: сравнительный анализ KPI до и после начала СВО // Власть. 2025. С. 105–110.
7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальная статистическая информация по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 16.02.2026).
8. Официальные статистические показатели // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/ (дата обращения: 04.03.2026).
9. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СПС Гарант.
10. Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019 – 2024 годах» // СПС Гарант.

CRI Management as a Factor in Reducing the Real Effectiveness of Government

Ilona Alekseevna Tomicheva, Tatiana Alexandrovna Dmitrieva
Saint-Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

The article explores the problems of implementing key performance indicators (KPIs) in public administration, including simulated efficiency, when reports do not reflect real improvements in well-being. The aim is to develop a methodology for assessing the discrepancy between reported and actual performance.

The methodology includes the creation of two systems of indicators: reporting (based on Presidential Decree No. 1014) and factual, reflecting real socio-economic parameters. Based on them, the integrated Efficiency Discrepancy Index (IEG) has been developed, which has been tested in five regions of the Russian Federation.

The results showed that Moscow demonstrates balanced efficiency, Tatarstan overestimates reports, and the Krasnoyarsk Territory, Novosibirsk and Kurgan regions underestimate their achievements. The study highlights the need to introduce an integral index to improve the objectivity of public administration assessment and reduce simulation activity.

Keywords: public administration efficiency, KPI, results management, simulation efficiency, efficiency discrepancy index, regional development

УДК 005.591.6:338.45:004
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-133-138
© Фокин В.А., 2026

Механизм управления инновационной деятельностью промышленного предприятия в условиях цифровой экономики

Фокин Владислав Алексеевич
Аспирант кафедры стратегического управления
Белгородского государственного технологического
университет им. В.Г. Шухова
(308012, Белгород, ул. Костюкова 46; e-mail: Fokin1703@yandex.ru;
AuthorID: 82689513)

Актуальность выбранной темы обусловлена технологическими изменениями, происходящими на рынке, в условиях санкционного давления и смены технологических укладов, кроме того существующие механизмы должны быть скорректированы с учетом передовых инструментов цифровой экономики. Отмечается значительный разрыв между теоретическими и практическими подходами в управлении инновационной деятельностью промышленного предприятия, что актуализирует потребность в научно-ориентированном подходе к реорганизации существующих методик и механизмов, которые позволяют достичь положительного эффекта и снизить издержки от развития инновационной деятельности на предприятии.

Целью исследования является разработка и научное обоснование существующих методик, проведение анализа современного состояния и проблем инновационной деятельности промышленного предприятия с целью их последующей адаптации к условиям цифровой экономики. Это обеспечит устойчивое развитие и улучшение конкурентных позиций.

Основными задачами научного исследования являются: уточнение понятия механизма управления инновационной деятельностью, определение основных принципов и элементов управления, а также разработка рекомендаций по методике оценки готовности промышленного предприятия к трансформации инновационных процессов с учетом инструментов цифровой экономики.

Научная новизна заключается в корректировке существующих подходов к управлению инновационной деятельностью промышленного предприятия в условиях цифровой экономики, а также обоснована необходимость оценки цифровой зрелости инновационного потенциала предприятия для выявления уровня готовности к внедрению инструментов цифровой экономики.

В заключительной части работы обобщены результаты исследования и представлены рекомендации по механизму управления инновационной деятельностью промышленного предприятия в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: *инновационная деятельность, инновации, цифровая экономика, цифровизация, управление инновациями, цифровая зрелость, промышленные предприятия, цифровизация промышленности*

Для цитирования: *Фокин В.А. Механизм управления инновационной деятельностью промышленного предприятия в условиях цифровой экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 133–138. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-133-138.*

Современное развитие экономики Российской Федерации сопровождается постоянной трансформацией, вызванной геополитической ситуацией, активным развитием процесса цифровой трансформации, а также активным развитием Индустрии 4.0 и заложением фундамента для возврата человеческого ресурса в производственные процессы (Индустрия 5.0) [1]. Цифровая экономика не только толкает на преобразования, но и ставит определенные цели и требования к промышленным предприятиям, среди которых ключевым является процесс адаптации к изменениям рынка, способность к генерации и коммерциализации знаний. Если ранее инновационная деятельность могла рассматриваться как эпизодический процесс, необходимый для поддержания определенного уровня предприятия, то сегодня это непрерывный процесс, лежащий в основе оценки эффективности и конкурентоспособности предприятия.

Инновационная деятельность – это не самостоятельный, а отлаженный процесс, который необходимо корректировать, в зависимости от стратегических целей промышленного предприятия. Однако, на данном этапе большая часть предприятий сталкивается с тем, что принципы инновационной деятельности были заложены в доцифровую эпоху и ориентируются на закрытые модели, что приводит к трудностям в обеспечении эффективного управления инновационным циклом в условиях постоянной нестабильности. С учетом политики государства в сфере импортозамещения данная проблема ещё более остро отражается на инновационной деятельности предприятия, что существенно тормозит процесс импортозамещения и достижение технологического суверенитета страны.

Сегодня необходимо пересмотреть существующие теоретические и практические подходы в механизмах управления инновационной деятельностью промышленных предприятий, с целью корректировки существующих моделей и формирования рекомендаций по совершенствованию интеграции инструментов цифровой экономики в процесс управления инновационной деятельностью предприятия.

Основы управления инновационной деятельностью промышленных предприятий изложены в трудах таких российских и зарубежных учёных, как Й. Шумпетер, Ф. Янсен, К. Маркс, С.Ю. Глазьев, М.А. Каменских, А.Е. Маслова и др. Данная тематика рассматривается в научных публикациях таких исследователей, как С.В. Теребова, А. Каддуми, А.Л. Чупин, Н.М. Тюкавин, Ж.С. Чупина и др., при этом анализ научной литературы показывает, что, несмотря на интерес к данной проблематике, трудно найти универсальный механизм управления инновационной деятельностью промышленного предприятия, адаптированного к условиям технологической революции и развития цифровой экономики, что в первую очередь связано со спецификой отрасли.

Теоретико-методологической базой исследования послужили фундаментальные и прикладные труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные инновационной деятельности промышленных предприятий, а также развитию цифровой трансформации. В рамках работы использовались такие методы, как системный и сравнительный анализ, экономико-статистические методы (табличный, графический), использовался системно-структурный подход.

Понятие инновационной деятельности промышленного предприятия можно рассматривать с разных сторон. Согласно Федеральному закону от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», инновационная деятельность трактуется как «деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности» [2]. Инновационная деятельность промышленного предприятия имеет свои специфические особенности, в первую очередь это связано с объективной привязкой к материально-технической базе, высокой капиталоемкости и длительным производственным циклом [3]. В данном случае инновационный цикл является сложным и проходит множество фаз, при этом механизм управления инновациями должен быть обеспечен сквозными технологиями на всем этапе жизненного цикла. Кроме того, в отличие от других сфер, инновации промышленного предприятия должны быть синхронизированы с бизнес-процессами и другими изменениями в рамках производственного цикла. Особенности инновационной деятельности промышленного предприятия представлены на рисунке 1.

В современных условиях промышленные инновации все чаще используют такой инструмент, как «цифровой двойник», что позволяет управлять производством на основании данных, получаемых из виртуальной модели [6]. Тем не менее, если говорить об общем состоянии инновационной деятельности промышленного предприятия, можно отметить противоречивую тенденцию.

Инновационная активность предприятий определяет конкурентоспособность отрасли и показывает уровень развития экономических систем: чем выше инновационная активность, тем ниже издержки, выше спрос и качество выпускаемого продукта на рынке. Уровень инновационной активности организаций в разрезе федеральных округов за 2021–2024 гг., с прогнозным 2025 г. представлен на рисунке 2.

С одной стороны, отмечается развитие инновационной деятельности промышленных предпри-

Рис. 1. Особенности инновационной деятельности промышленного предприятия

Составлено автором на основе [4; 5].

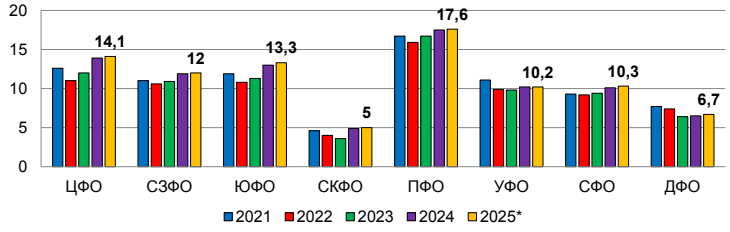

Рис. 2. Уровень инновационной активности организаций по федеральным округам 2021–2025 гг., %

Составлено автором на основе [7].

Таблица 1

Проблемы инновационной деятельности промышленных предприятий

Проблемы инновационной деятельности промышленных предприятий		
Финансово-экономические проблемы	Кадровые и управленческие проблемы	Институциональные и инфраструктурные проблемы
1) недостаток финансирования НИОКР; 2) высокая стоимость инноваций; 3) высокий износ основных фондов	1) дефицит высококвалифицированных кадров; 2) неэффективность организационной структуры управления инновациями	1) несовершенство нормативно-правовой базы; 2) недостаточная государственная поддержка; 3) слабое развитие инновационной инфраструктуры

Составлено автором на основе [4].

ятий, что говорит о снижении зависимости от внешних факторов и успешной адаптации бизнеса к текущим структурным сдвигам в экономике. С другой стороны, показатели инновационной активности в большинстве регионов демонстрируют низкую динамику. Кроме того, для развития инновационной деятельности с учётом цифровой экономики необходимо значительное финансирование НИОКР, что могут себе позволить преимущественно крупные корпорации. На сегодня можно выделить следующие проблемы инновационной деятельности промышленных предприятий (см. табл. 1).

Механизм управления инновационной деятельностью промышленного предприятия в условиях цифровой экономики должен строиться на оценке уровня цифровой зрелости промышленного предприятия, только тогда инструменты цифровой экономики смогут дать положительный эффект и отдачу [8].

Цифровая зрелость – это комплексный показатель, отражающий уровень и эффективность использования цифровых технологий в бизнесе, необходимый для создания новых конкурентных преимуществ и оценки текущего потенциала предприятия. В основном данный показатель используется на уровне государственного управления, его формула закреплена Постановлением Правительства РФ от 28.04.2025 №58 «Об утверждении методик расчёта показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» [9]. В случае с оценкой цифровой зрелости промышленного предприятия универсальной формулы не существует. Предлагаем использовать следующую формулу:

$$ИЦЗП = 0{,}40 \cdot Кда + 0{,}25 \cdot Кпи + 0{,}25 \cdot Кти + 0{,}10 \cdot Кчк$$

где:

• *ИЦЗП* – индекс цифровой зрелости предприятия;

• *Кда* – коэффициент данных и аналитики (отражает интеграцию данных и их качество, включая наличие единого хранилища данных из *ERP, MES, SCADA, IoT*-датчиков, виртуальной копии физического актива);

• *Кпи* – коэффициент процессов и интеграции (отражает цифровизацию

сквозных процессов, степень автоматизации, использование *CAD/CAE/CAM*);

• *Кти* – коэффициент технологической инфраструктуры (отражает техническую базу предприятия, автоматизацию, роботизацию, кибербезопасность, использование облачных технологий);

• *Кчк* – коэффициент человеческого капитала и кадров (оценивает организационную готовность к изменениям, наличие программ обучения, центров компетенций и стратегии цифровой трансформации).

Коэффициенты представленные в формуле отражают степень их важности и значимости в общей оценке бизнеса. Расчет показателей осуществляется методом парных сравнений, веса значимости представлены в таблице 2.

Цифровая зрелость растет неравномерно: на начальных этапах изменения идут медленно, далее отмечается ускорение, а на высоких уровнях требуются дополнительные усилия для прироста показателя. В связи с этим показатель цифровой зрелости является отображением *S*-образной кривой цифровой трансформации.

В зависимости от полученного результата для оценки ИЦПЗ необходимо выделить следующие уровни:

1. **0,1–0,40 – начальный уровень** (зона «выживания»). Наличие данного показателя говорит о низкой инновационной стратегии предприятия. Использование инструментов цифровой экономики может привести к разрозненным показателям из-за недостаточной эффективности в функционировании организации.

2. **0,41–0,75 – нормальный уровень** (зона «системного роста»). Предприятие реализует пилотные проекты, существует базовая стратегия развития инноваций, ведется работа с данными, используются современные технологии.

3. **0,76–0,90 – оптимальный уровень** (зона «насыщения»). При данном значении показателя происходит высокая интеграция, активно используются современные инструменты цифровой экономики, включая искусственный интеллект. Предприятие является гибким и быстро адаптируется к современным тенденциям рынка.

4. **0,91–1,00 – лидирующий уровень** (зона «лидерства»). Предприятие полностью адаптировано к тенденциям рынка, создаются новые цифровые бизнес-модели, активно используются сквозные технологии и цифровые двойники. Предприятие занимает ведущее место в отрасли.

С учетом рассмотренных факторов можно предложить следующий механизм управления инновационной деятельностью промышленного предприятия в условиях цифровой экономики (см. рис. 3).

В условиях развития цифровой экономики и санкционного давления механизм управления инновационной деятельностью приобретает особую значимость. Необходимо развивать сетевой характер взаимодействия между различными процессами [10]. Кооперационные процессы должны быть инте-

Таблица 2

Матрица оценки коэффициентов цифровой зрелости промышленного предприятия

№	Критерий	1	2	3	4	Сумма	Вес значимости критерия
1	Коэффициент данных и аналитики (*Кда*)	X	+	+	+	3	0,40
2	Коэффициент процессов и интеграции (*Кпи*)	–	X	+	+	2	0,25
3	Коэффициент технологической инфраструктуры (*Кти*)	–	+	X	+	2	0,25
4	Коэффициент технологического капитала и кадров (*Кчк*)	–	–	+	X	1	0,10
СУММА						8	

Составлено автором.

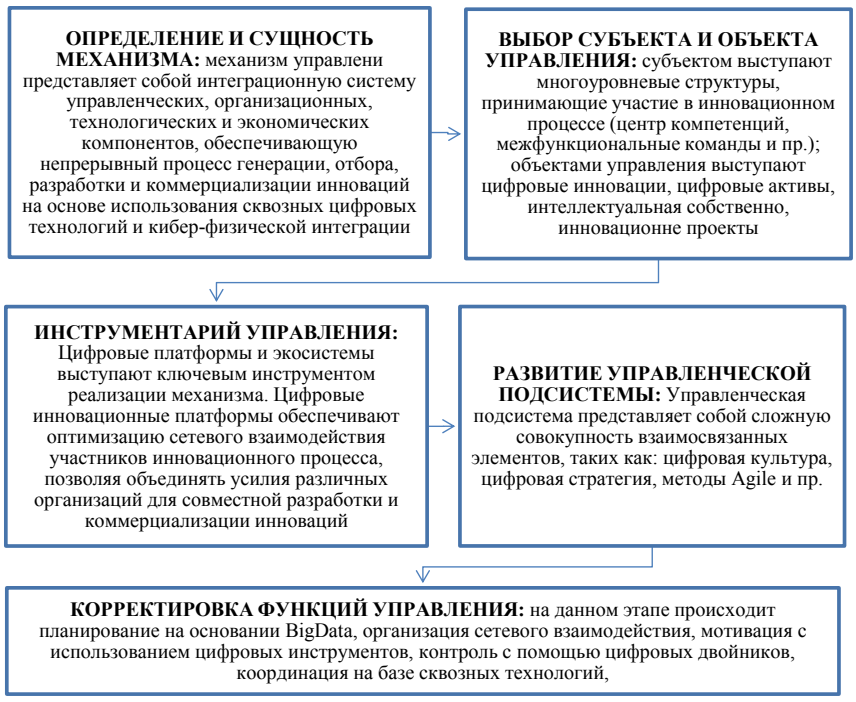

Рис. 3. Механизм управления инновационной деятельность промышленного предприятия в условиях цифровой экономики

Составлено автором.

грированы в экосистемный подход, использующий платформенные решения для организации инновационной деятельности.

На основании рассмотренного материала можно сделать вывод, что современная инновационная деятельность неразрывно связана с инструментами цифровой экономики, которая вносит существенные изменения в механизм управления промышленным предприятием [11]. Традиционные механизмы, основанные на линейных моделях и закрытых инновациях, являются устаревшими и не могут обеспечить эффективность, достигаемую при внедрении инструментов цифровой трансформации [5].

Современные методы управления инновационной деятельностью базируются на синергии физических производственных процессов и цифровых моделей, обеспечивая их гибкость, адаптивность и скорость реакции на внешние изменения.

Для формирования и реализации механизма управления инновационной деятельностью промышленного предприятия с учетом инструментов цифровой экономики можно выделить следующие практические рекомендации:

1. ***Развитие стратегического управления предприятием.*** Необходимо разработать интегрированную стратегию внедрения цифровых инструментов в инновационную деятельность, рассматривая цифровизацию как единую сеть цифровых технологий и инновационных продуктов.

2. ***Формирование центров компетенций и развитие цифровой культуры***. Человеческий капитал является важным фактором развития промышленной отрасли. Важно преодолеть кадровое сопротивление персонала и обеспечить непрерывное развитие навыков работы с инструментами цифровой экономики.

3. ***Развитие сетевого взаимодействия и открытых инноваций.*** Необходимо расширять сотрудничество, активно вовлекать цифровые платформы и формировать экосистемный подход для взаимодействия с внешними поставщиками, что позволит генерировать идеи и разделять инновационные риски с другими участниками процесса.

4. ***Использование цифровых двойников***. Для оптимизации производственных процессов на основе анализа данных необходимо внедрять технологии цифровых двойников как продуктов, так и самих процессов.

5. ***Регулярная оценка цифровой зрелости.*** Для интеграции в современные инновационные тенденции необходимо ежегодно проводить оценку уровня цифровой зрелости, что позволит корректировать направления развития, выявлять диспропорции и отслеживать динамику предприятия.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что формирование эффективного механизма управления инновационной деятельностью промышленного предприятия в условиях цифровой экономики представляет собой сложную, многоуровневую систему, требующую постоянного контроля со стороны руководства и перехода от линейных моделей к киберфизической парадигме управления.

Литература:

1. Что такое Индустрия 5.0 и когда наступит ее эпоха. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/665833cf9a79470e99b00d87
2. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», инновационная деятельность трактуется, как «деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
3. Каддуми А. Управление инновационной деятельностью промышленного предприятия в условиях цифровой экономики // ЕГИ. 2024. № 3. С. 34–40.
4. Люлюченко М.В. Экосистемный подход к развитию экономических систем // Наукоемкие технологии и инновации (XXV научные чтения): Сб. докладов Межд. науч.-практ. конф., Белгород, 23 ноября 2023 г. Белгород: Белгородский гос. технол. ун-тет им. В.Г. Шухова, 2023. С. 1508–1512.
5. Тюкавин Н.М. Формирование модели цифровых трансформаци и инновационных экосистем в промышленном секторе региона // Вестник Самарского университета. Экономика и управления. 2025. № 1. С. 187–198.
6. Хайци Д. Разработка организационно-экономического механизма управления цифровой зрелостью промышленного предприятия // Прогрессивная экономика. 2026. № 1. С. 29–45.
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science
8. Теребова С.В., Иванов С.Л. Инновационная активность российских промышленных предприятий в современных условиях: проблемы, специфика, пути решения // Проблемы прогнозирования. 2025. № 3. С. 190–203.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2025 № 58 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

10. База знаний ЦТ. Цифровая зрелость. URL: https://wikidigital.sakha.gov.ru/methods/federal/cifrovaya_zrelost
11. Чупин А.Л., Чупина Ж.С., Рагас А.А.М.А. Исследование механизма внедрения инноваций в деятельность российских предприятий // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2024. № 1. С. 187–199.

Management Mechanism for an Industrial Enterprise's Innovation Activities in the Digital Economy

Vladislav Alekseevich Fokin
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov (Belgorod, Russia)

The relevance of the chosen topic is due to technological changes taking place in the market, under the conditions of sanctions pressure and changing technological patterns, in addition, existing mechanisms should be adjusted to take into account the advanced tools of the digital economy. There is also a gap between theoretical and practical approaches in the management of innovation activities of an industrial enterprise, which affects the need for a science-oriented approach to the reorganization of existing methods and mechanisms to achieve a positive effect, reducing costs from the development of innovation activities in the enterprise. The purpose of the research is to develop and scientifically substantiate existing methods, analyze the current state and problems of innovative activity of an industrial enterprise, with the aim of their subsequent adaptation to the conditions of the digital economy, ensuring sustainable development and improving competitive positions.

The main objectives of the scientific research are to clarify the concept of an innovation management mechanism, basic principles and controls, as well as to develop recommendations on a methodology for assessing the readiness of an industrial enterprise to transform innovation processes, taking into account the tools of the digital economy.

The scientific novelty lies in the adjustment of existing approaches to managing the innovation activities of an industrial enterprise in the digital economy, as well as the need to assess the digital maturity of the enterprise's innovation potential in order to identify the level of readiness for the introduction of digital economy tools.

At the end of the work, the results of the study are summarized, recommendations are given on the mechanisms for managing the innovation activity of an industrial enterprise in the digital economy.

Keywords: innovation, innovation, digital economy, digitalization, innovation management, digital maturity, industrial enterprises, digitalization of industry

УДК 35.08
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-139-147
© Фугалевич Е.В., Луговской Р.А., Кунгурцев Н.Е., 2026

Рейтинги как двигатель социально-экономического развития регионов: риски и возможности

Фугалевич Елена Владимировна[1]
Кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
(191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21; e-mail: fugalevich_elena@mail.ru)

Луговской Роман Андреевич
Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и муниципального и государственного управления Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
(190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр, 44А; e-mail: rlugovskoy@yandex.ru)

Кунгурцев Николай Евгеньевич
Аспирант кафедры менеджмента и муниципального и государственного управления Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
(190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр, 44А; e-mail: Nek78@bk.ru)

Целью данной статьи выступает рассмотрение рейтингов, применяемых в регионах РФ, и лежащих в их основе подходов. Статья предлагает концептуальный обзор роли рейтингов как инструмента социально-экономического развития регионов РФ. Рассматриваются типология рейтингов, отмечаются преимущества и ограничения рейтингов, приводятся примеры рейтингования в российских регионах и в регионах зарубежных стран. Предлагаются рекомендации по проектированию рейтингов регионального развития. Одним из ключевых инструментов стратегического управления являются рейтинги и индексы, которые агрегируют множество социально-экономических показателей в единый инструмент оценки и ранжирования.

Ключевые слова: *рейтинги, социально-экономическое развитие регионов, региональные рейтинги, публичные органы власти, методика ратинирования, рейтинговые оценки*

[1] доцент кафедры менеджмента и муниципального и государственного управления Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр, 44А).

Для цитирования: *Фугалевич Е.В., Луговской Р.А., Кунгурцев Н.Е. Рейтинги как двигатель социально-экономического развития регионов: риски и возможности // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 139–147. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-139-147.*

Введение

На сегодняшней день рейтинги упрочнили свои позиции в современной жизни и выступают неотъемлемой частью государственного и муниципального управления.

Рейтинги в сфере социально-экономического развития регионов РФ служат инструментом сравнения и мониторинга: они конвергируют множество показателей – экономический рост, занятость, доходы населения, здравоохранение, образование, инфраструктуру, экологию и качество институтов – в единый формат, что позволяет оценивать динамику и сопоставлять регионы между собой и по временным периодам. Основная прикладная задача таких рейтингов – поддержка рационального распределения ресурсов: формирование региональных и федеральных программ, приоритетизация инвестиций, корректировка бюджетной политики и планирование инфраструктурных проектов в зависимости от потребностей и потенциала регионов. Они также являются ориентиром для инвесторов и бизнеса, сигнализируя о рисках, перспективах роста и благоприятности деловой среды.

Ещё одной задачей выступает повышение прозрачности и подотчетности: рейтинги делают результаты работы органов публичной власти доступными для управленцев, депутатов и граждан, способствуют контролю, целеполаганию и независимой оценке политики. Они помогают выявлять региональные неравенства, локализованные проблемы и стимулируют целевые меры, а также облегчают обмен лучшими практиками между регионами. Дополнительно рейтинги стимулируют стратегическое планирование, включая демографическую динамику, урбанистику и экологические риски, и способствуют взаимодействию с бизнес-сообществом и гражданским обществом [1–4].

Развитие регионов как в нашей стране, так и в других странах зависит от множества факторов: политических и экономических, природных ресурсов и географии, институциональных и управленческих факторов, экологических условий и устойчивого развития, региональных особенностей.

Вышеуказанные факторы действуют в сочетании друг с другом и могут усиливать и смещать друг друга.

Рейтинги социально-экономического развития регионов РФ обычно учитывают комбинацию факторов. После сбора данных показатели нормализуют к единой шкале и агрегируют по выбранной методике взвешивания, которая бывает разной в зависимости от целей рейтинга и периода обновления [1–3].

Материалы и методы

В рамках проведённого исследования в качестве исходных данных авторским коллективом были использованы официальные материалы федеральных и региональных органов власти, рейтинговых агентств и организаций, осуществляющих проектирование рейтингов субъектов РФ и мониторинг полученных результатов.

В статье были использованы методы синтеза аналитических материалов, структурного и сравнительного анализа, математической статистики, которые раскрывают различные аспекты рейтингования.

Основные результаты

В условиях ограниченных бюджетов, потенциалов и ресурсов, а также растущей конкуренции между регионами появляется потребность в систематическом, сопоставимом и прозрачном инструменте оценки региона.

В связи с чем рейтинги и композитные/интегральные индексы как средства мониторинга позволяют [5–8]:

– сравнивать регионы по сбалансированному набору показателей;

– открыто представлять слабые и сильные стороны региональной политики;

– управлять распределением ресурсов и приоритетов развития;

– измерять динамику и эффект реформ во времени.

В целом рейтинги играют ключевую роль в формировании культуры оценки и повышения ответственности в системе государственного и муниципального управления, способствуя достижению более высокого уровня эффективности и качества предоставляемых услуг.

В современном мире проводятся десятки рейтингов региональной направленности. Примерами зарубежных региональных рейтингов являются [5–9]:

• Великобритания: Индекс многомерного благополучия местных территорий (*Indices of Deprivation, IMD*) и сопутствующие региональные статистики *Office for National Statistics (ONS*). Оценка уровня благосостояния и социально-экономических условий на уровне местных администраций. Охват: графства и единицы локального управления.

• США: региональные показатели *BEA* (ВВП по штатам и регионам, занятость, инвестиции) и частные рейтинги, например *Milken Institute Best-Performing Cities* (города) и другие региональные рейтинги. Охват: штаты, метрополитенские статистические области и города.

• Канада: региональные обзоры *Conference Board of Canada (Regional Outlook*) и профильные публи-

кации по провинциям/регионам. Охват: провинции и крупные регионы; используются экономические и социальные индикаторы.

• Австралия: *State of the Regions om Regional Australia Institute (RAI)*. Анализ региональной производительности и благосостояния по штатам/территориям и их регионам. Охват: Австралия; регулярное обновление.

• Индия: *India Rankings om NITI Aayog* (ранжирование штатов и союзных территорий по различным аспектам развития). Охват: штаты/UT; методика периодически обновляется.

В Российской Федерации также проводятся исследования регионального социально-экономического развития на основе различных рейтингов, часть из которых представлена на рисунке 1.

Организацию и построение рейтингов в рамках социально-экономического развития субъектов РФ осуществляют различные организации (см. рис. 2).

Данные организации проводят рейтингование субъектов РФ в части их социально-экономического развития по разным причинам: федеральные органы власти используют рейтинги для планирования политики, оценки эффективности программ и обоснования распределения бюджета; региональные власти при-

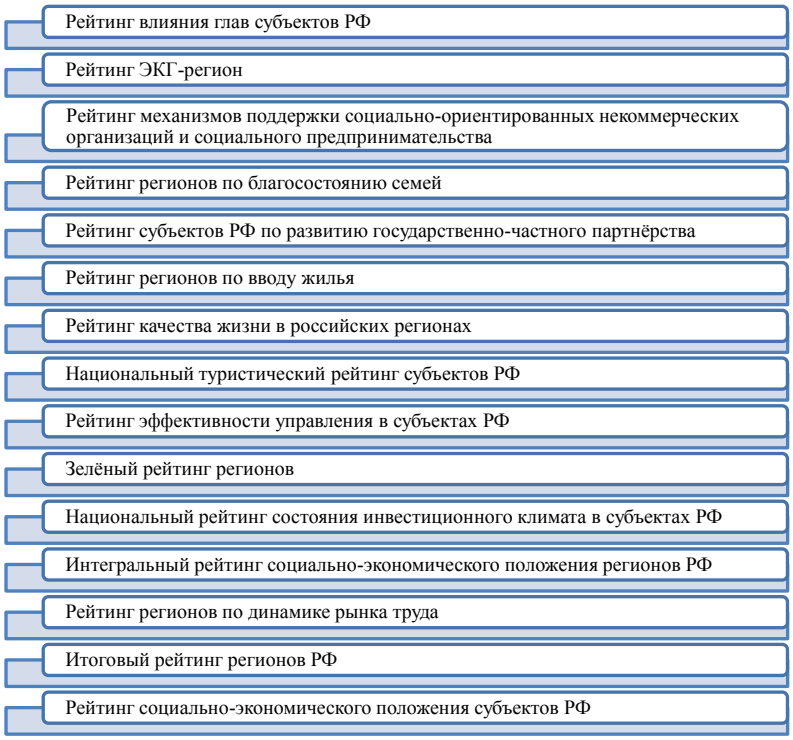

Рис. 1. Региональные рейтинги в РФ [10–23]

Составлен авторами.

1. Рейтинг влияния глав субъектов РФ	• **Назначение**: Итоговый рейтинг представляет собой консолидированную оценку влияния всех глав регионов России лидерами российского экспертного сообщества • **Организатор**: **Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК)**
2. Рейтинг ЭКГ-регион	• **Назначение:** Цель рейтинга - выявление «узких мест» в обеспечении устойчивого развития на уровне субъекта Российской Федерации. Оценка проводится на основе 17 метрик, сгруппированных в три блока: Э (Экология), К (Кадры) и Г (Государство) • **Организатор: Рейтинговое агентство RAEX («РАЭКС Аналитика»)**
3. Рейтинг механизмов поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства	• **Назначение:** оценка реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в соц. сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственный и муниципальных услуг в соцсфере • **Организатор: Минэкономразвития РФ совместно с АСИ**
4. Рейтинг регионов по благосостоянию семей	• **Назначение:** определение индикатора, позволяющего проводить сравнительную оценку регионов, основанную на расчете остатка денежных средств семьи, получаемых в виде заработной платы, после минимальных расходов • **Организатор: ООО «Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг»**
5. Рейтинг субъектов РФ по развитию государственно-частного партнёрства	• **Назначение:** оценка уровня развития государственно-частного партнерства в 85 субъектах РФ • **Организатор: Минэкономразвития России**
6. Рейтинг регионов по вводу жилья	• **Назначение:** оценка регионов по показателю ввода жилья на одного жителя • **Организатор: ООО «Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг»**
7. Рейтинг качества жизни в российских регионах	• **Назначение:** комплексная оценка уровня жизни населения 85 субъектов РФ на основе различных показателей, фиксирующих фактическое состояние тех или иных аспектов условий жизни и ситуации в социально-экономической сфере • **Организатор: ООО «Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг»**
8. Национальный туристический рейтинг субъектов РФ	• **Назначение:** оценка развития внутреннего и въездного туризма, туристической привлекательности российских регионов, их туристического потенциала и популярности среди отечественных и иностранных туристов • **Организатор: Центр информационных коммуникаций «Рейтинг» совместно с журналом «Отдых в России»**
9. Рейтинг эффективности управления в субъектах РФ	• **Назначение:** итоговый рейтинг — это среднее арифметическое по показателям трех блоков: политико-управленческий, социальный и финансово-экономический. В оценке эффективности управления в регионах принимали участие 204 эксперта • **Организатор: Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК)**
10. Зелёный рейтинг регионов	• **Назначение:** оценка вклада субъектов РФ и региональных операторов в создание благоприятных условий для устойчивого развития комплексной системы обращения с ТКО в России • **Организатор: ППК РЭО (Российский экологический оператор)**
11. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ	• **Назначение:** формирование объективной комплексной оценки деятельности органов власти по улучшению бизнес-климата, в оценке участвуют 85 субъектов РФ • **Организатор: АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»**
12. Интегральный рейтинг социально-экономического положения регионов РФ	• **Назначение:** Интегральный рейтинг социально-экономического положения регионов Российской Федерации определяется на основании итогов первичных субрейтингов, • **Организатор: Фонд развития гражданского общества**
13. Рейтинг регионов по динамике рынка труда	• **Назначение:** рассчитывается как разница в среднегодовом количестве занятых граждан в возрасте 15-72 года • **Организатор: ООО «Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг»**
14. Итоговый рейтинг регионов РФ	• **Назначение:** рейтинговый балл — это среднее арифметическое баллов, которые получили регионы по качеству жизни, социально-экономическому положению, состоянию рынка труда, материальному благополучию населения, научно-технологическому развитию • **Организатор: ООО «Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг»**
15. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ	• **Назначение:** повышение информационной прозрачности регионов, удовлетворение потребностей федеральных и региональных органов власти, а также бизнеса в информации о реальном положении дел в регионах и диспропорциях в региональном развитии • **Организатор: ООО «Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг»**

Рис. 2. Организаторы проведения рейтингов в РФ [10–23]

Составлен авторами.

меняют их для выявления проблем, установления приоритетов развития и привлечения инвестиций; международные и национальные аналитические центры используют для сравнительного анализа, формирования рекомендаций по реформам и мониторинга прогресса; частные рейтинговые агентства и консалтинговые фирмы оценивают конкурентоспособность регионов, информируют инвесторов и бизнес о территориальных рисках; научно-исследовательские проекты применяют рейтинги для проверки гипотез и развития методик измерения.

Рейтинги часто представляют собой композитные индексы, объединяющие несколько субпоказателей в единую количественную величину. Их основная задача – обеспечить компактное, информативное и сопоставимое представление о развитии региона.

Примером текущей ситуации в сфере социально-экономического развития субъектов РФ могут служить результаты мониторинга основных показателей, который проводится по двенадцати направлениям и отражается в различных рейтингах [10–23].

Важно отметить, что различия в наборах индикаторов, весовых коэффициентах и временных рамках приводят к разным итоговым позициям регионов. Одни рейтинги могут фокусироваться на экономике, другие – на качестве жизни и цифровизации, третьи – учитывать экологические или инфраструктурные аспекты. Это наглядно видно на примере рейтингования таких регионов, как Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область (см. табл. 1).

Неравномерность позиций регионов, включая Москву, Московскую область, Санкт-Петербург и Ленинградскую область, в различных рейтингах обусловлена прежде всего различиями в методологии и исходных данных. Как уже отмечалось, каждый рейтинг имеет: собственный набор индикаторов и их весовые коэффициенты; уникальные источники данных и периодичность обновления; различную территориальную единицу анализа (регион, муниципалитет или иной уровень); специфические методы нормализации и обработки данных; опреде-

Таблица 1

Итоги рейтингов в сфере социально-экономического развития субъекта РФ за 2025 г. [10–23]

Рейтинг регионов РФ по вводу жилья			**Рейтинг влияния глав субъектов РФ**			**Рейтинг качества жизни в регионах РФ**		
Место	Субъект РФ	Ввод жилья в 2025 г. на 1 жителя, кв.м общ. пл. жилья на чел.	Место	Субъект РФ	Средний балл	Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл
1	Ленинградская обл.	2,051	1	Мэр г. Москва	8,65	1	Москва	84,459
5	Московская область	1,425	4	Губ-р г. Санкт-Петербург	7,32	2	Санкт-Петербург	84,211
54	Москва	0,558	6	Губ-р Московской обл.	7,1	3	Московская область	81,842
69	Санкт-Петербург	0,476	10	Губ-р Ленинградской области	6,74	7	Ленинградская обл.	70,19
Национальный туристический рейтинг субъектов РФ			**Рейтинг эффективности управления в субъектах РФ**			**Рейтинг механизмов поддержки социально-ориентированных НКО и социального предпринимательства**		
Место	Субъект РФ	Рейтинговый Индекс	Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл	Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл
1	Москва	0,65	1	Москва	0,781	1	Ленинградская обл.	68,21
2	Санкт-Петербург	0,61	4	Ленинградская область	0,678	34	Санкт-Петербург	41,32
5	Московская область	0,5	10	Санкт-Петербург	0,646	35	Московская область	41,24
33	Ленинградская обл.	0,38	11	Московская область	0,642	44	Москва	37,89
Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ			**Рейтинг ЭКГ-регион (Э (Экология), К (Кадры) и Г (Государство))**			**Рейтинг субъектов РФ и по развитию государственно-частного партнёрства**		
Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл	Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл	Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл
1	Москва	86,81	6	Ленинградская область	53,6	1	Москва	85,3
2	Санкт-Петербург	85	23	Московская область	48	2	Санкт-Петербург	72,5
3	Московская область	81,88	-	Москва	н/д	6	Московская область	28,6
16	Ленинградская обл.	65,17	-	Санкт-Петербург	н/д	7	Ленинградская обл.	25,1

Продолжение таблицы 1

Зеленый рейтинг регионов			Рейтинг регионов по благосостоянию семей			Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ		
Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл	Место	Субъект РФ	Потенциально возможный остаток денежных средств среднестатистической семьи с 2 детьми после минимальных расходов, руб. в мес.	Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл
4	Москва	86,3331	4	Москва	66780	1	Москва	91
16	Санкт-Петербург	81,2927	7	Санкт-Петербург	57601	4	Московская область	85
50	Московская область	75,8676	10	Московская область	52879	11	Санкт-Петербург	80
63	Ленинградская обл.	73,7517	19	Ленинградская обл.	40769	24	Ленинградская обл.	71

Рейтинг регионов РФ по рынку труда			Итоговый рейтинг регионов РФ		
Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл	Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл
1	Москва	98,04	1	Москва	86,81
2	Санкт-Петербург	97,95	2	Санкт-Петербург	85
3	Московская область	97,51	3	Московская область	81,88
7	Ленинградская обл.	86,4	16	Ленинградская обл.	65,17

Составлена авторами.

лённую цель (оценка экономической активности, качества жизни, уровня цифровизации и т.д.). В результате регион может демонстрировать более высокие показатели по одним критериям и более низкие по другим. При этом процесс агрегирования данных может маскировать локальные различия, что приводит к несовпадению позиций регионов в разных рейтингах.

В связи с тем, что в существующих рейтингах субъектов РФ есть множество недостатков, авторы предлагают ряд рекомендаций по проектированию рейтингов регионального развития, которые должны учитывать следующие параметры [24–26]:

– соответствие целям стратегии социально-экономического развития региона. Выбор индикаторов должен быть выровнен с долгосрочной стратегией развития РФ;

– составлена авторамиадаптивность и региональная специфика. Необходимо учитывать географические особенности;

– валидация и устойчивость. Регулярно пересматривать набор индикаторов, проверять чувствительность к выбору переменных, оценивать влияние обновлений методики на рейтинг;

– вовлечение стейкхолдеров. Включать бизнес-ассоциации, академическое сообщество, муниципалитеты и гражданское общество в формулирование индикаторов и верификацию результатов;

– интеграция с бюджетной политикой. Рейтинги должны быть тесно связаны с механизмами рейтингового финансирования (конкурсные программы, сопутствующее софинансирование, приоритеты в инвестиционных программах).

Для практической реализации вышеуказанных рекомендаций и в целях повышения качества оценки и обеспечения более объективного ранжирования регионов необходимо внедрение универсальной системы оценки, позволяющей осуществлять сравнение и ранжирование субъектов РФ по совокупности показателей – через общий рамочный индекс [27].

В связи с вышеизложенным авторы предлагают разработку единой системы ранжирования субъектов РФ, внедрение которой позволит осуществлять сравнение субъектов РФ по одному интегральному индексу на основе комплексного анализа всех показателей.

В рамках единой системы ранжирования субъектов РФ предлагается методика комплексного рейтингования, которая предполагает системный подход к оценке и ранжированию субъектов РФ по совокупности различных значений показателей (рейтинговых оценок), полученных по результатам построения рейтингов в различных сферах. Целью указанной методики выступает получение объективной картины всестороннего развития регионов [27].

Данная методика включает несколько этапов:

– первый этап: нормализация данных;

– второй этап: взвешивание показателей (рейтинговых оценок);

– третий этап: расчёт интегрального индекса рейтингования;

– четвёртый этап: ранжирование[1].

ПЕРВЫЙ ЭТАП. На этапе нормализации данных поскольку итоговые рейтинговые оценки имеют различные значения (проценты, доли и т.п.) предполагается приведение всех рейтинговых оценок к единой шкале для устранения различий в единицах измерения. Авторы предлагают использовать стобалльную шкалу (от 0 до 100).

ВТОРОЙ ЭТАП. На этапе взвешивания рейтинговых оценок, предполагается присвоение каждой рейтинговой оценки веса в зависимости от ее значимости для комплексной оценки социально-экономического развития региона. Например, рейтинговые оценки, связанные с оцениванием регионов РФ по вводу жилья, качеству жизни, могут иметь больший вес, чем второстепенные параметры (рейтинг влияния глав субъектов РФ).

ТРЕТИЙ ЭТАП. Обозначенный этап включает в себя суммирование взвешенных значений всех показателей (рейтинговых оценок) для получения итоговой оценки рейтингования по каждому региону.

ЧЕТВЁРТЫЙ ЭТАП. Данный этап является заключительным и предполагает ранжирование субъектов РФ на основе полученных значений интегрального индекса рейтингования.

Ещё одним важным моментом применения предлагаемой методики выступает учёт специфики каждого региона через поправочные коэффициенты.

Различия в климатических, экономических и социальных условиях между субъектами РФ значительные. Например, к регионам с суровыми климатическими условиями относятся Ненецкий АО и Республика Коми. Эти обстоятельства, несомненно, влияют на увеличение затрат на развитие инфраструктуры и логистики. В то же время Ленинградская область и Санкт-Петербург имеют менее суровые климатические условия, в связи с чем рейтингование вышеуказанных регионов необходимо производить через разные поправочные коэффициенты. Иными словами, поправочные коэффициенты будут корректировать итоговые оценки регионов.

Авторы выделяют три основных поправочных коэффициента:

– климатический коэффициент (*К1*) – учитывает сложность климатических условий (например, продолжительность зимы, температурные перепады и доступность территорий);

– экономический коэффициент (*К2*) – отражает уровень экономического развития региона и его специализацию (например, зависимость субъекта РФ от добывающей промышленности);

– демографический коэффициент (*К3*) – учитывает плотность населения в субъекте РФ и миграционные потоки.

Следует отметить, что перечень поправочных коэффициентов не является константой и может быть подвергнут корректировке.

Как мы говорили ранее, для повышения качества оценки и обеспечения более точного ранжирования регионов РФ предлагается единая система ранжирования субъектов РФ с входящей в нее методикой.

Вышеуказанная методика предполагает расчёт интегрального индекса рейтингования (ИИР), на основе которого будет происходить ранжирование субъектов РФ (формула 1).

$$\text{ИИРr} = \sum_{\text{i}=1}^{\text{n}} \left(\text{P}_{\text{r,i}} * \text{V}_{\text{r,i}}\right) * \frac{\text{K1} + \text{K2} + \text{K3}}{3} \qquad (1)$$

где *ИИРr* – интегральный индекс рейтингования для региона *r*;

Pr;i – нормализованное значение рейтинговой оценки i для региона r;

Vr;i – вес рейтинговой оценки i;

K1, K2, K3 – поправочные коэффициенты;

n – количество рейтинговых оценок.

Теперь предлагаем более подробно рассмотреть этапы ранее предложенной методики.

Этап 1. Нормализация данных. Для нормализации данных рейтинговые оценки приводятся к единой шкале от 0 до 100 баллов для устранения различий в единицах измерения. Поскольку большое значение рейтинговой оценки отражает большую «эффективность» работы в соответствующей сфере функционирования и развития региона, предлагается следующая формула расчёта:

$$\text{Pr, i} = \left(\frac{\text{xr, i} - \text{xmin, i}}{\text{xmax, i} - \text{xmin, i}}\right) * 100 \qquad (2)$$

где *Pr;i* – нормализованное значение рейтинговой оценки i для региона r;

xr;i – фактическое значение рейтинговой оценки *i* для региона;

xmin,i – минимальное значение рейтинговой оценки *i*;

xmax,i – максимальное значение рейтинговой оценки *i*.

Этап 2. Взвешивание рейтинговых оценок. Как мы говорили ранее, каждой рейтинговой оценке присваивается вес в зависимости от её значимости

[1] Прежде чем приступим к описанию вышеуказанных этапов авторы предлагаю дать некоторые терминологические разъяснения:

– под рейтинговой оценкой региона следует понимать синтетический числовой балл (числовое значение), которой на основе индикаторов и заданных весов агрегирует характеристики региона и используется для его ранжирования в рамках сравнимой группы;

– под интегральным индексом рейтингования авторы понимаю единый числовой показатель, суммирующий несколько локальных индикаторов (рейтинговых оценок) в одну величину с целю последующего ранжирования регионов по совокупности признаков.

для комплексной оценки социально-экономического развития региона. Оперируя данными российских региональных рейтингов, веса предлагается разделить на четыре группы: социальные (5 рейтинговых оценок, 30 %), экономические (5 рейтинговых оценок, 30 %), управленческие (3 рейтинговых оценок, 25 %) и экологические (1 показателей, 15 %). Внутри групп рейтинговых оценок также присваивается вес.

В рамках единой системы ранжирования субъектов РФ при расчёте интегрального индекса рейтингования применяются следующие группы оценок с соответствующими весовыми коэффициентами:

– Экономические рейтинговые оценки (ЭРО) – 30 %;

– Социальные рейтинговые оценки (СРО) – 30 %;

– Управленческие рейтинговые оценки (УРО) – 25 %;

– Экологические рейтинговые оценки (ЭКРО) – 15 %.

Возможна корректировка весов по согласованию с экспертами.

Следует отметить, что экспертами в данном случае могут выступать действующие эксперты, задействованные в построении рейтингов в различных сферах, а также вновь введённые участники экспертной группы.

По мнению авторов:

1. По экономической группе рейтинговых оценок, общий вес которых составляет 30 %, распределение представляется таким:

– рейтинг регионов по динамике рынка труда – 6 %.

– рейтинг субъектов РФ по развитию государственно-частного партнёрства – 8 %.

– национальный туристический рейтинг субъектов РФ – 4 %.

– национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ – 7 %.

– рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ – 5 %.

2. По социальной группе рейтинговых оценок, суммарно составляющим 30 %, распределение следующее:

– рейтинг механизмов поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства – 6 %.

– рейтинг регионов по благосостоянию семей – 9 %.

– рейтинг регионов по вводу жилья – 7 %.

– рейтинг качества жизни в российских регионах – 8 %.

3. По управленческой группе рейтинговых оценок, суммарно составляющим 15 %, распределение следующее:

– рейтинг влияния глав субъектов РФ – 4 %;

– рейтинг эффективности управления в субъектах РФ – 6 %;

– рейтинг ЭКГ-регион – 5 %;

4. По экологической группе рейтинговых оценок, суммарно составляющим 15 %, распределение следующее:

– зелёный рейтинг регионов – 15 %.

Стоит отметить, что отсутствие введения весов и присвоения веса каждой рейтинговой оценки указывает на равнозначность всех оценок, однако теоретический анализ исключает возможность реализации рассматриваемого феномена в объективной реальности.

Напомним, поправочные коэффициенты вводятся для учёта специфики каждого субъекта РФ. В данной статье предложено три поправочных коэффициента: климатический (*K1*), экономический (*K2*), демографический (*K3*).

Для каждой рейтинговой оценки предлагаются следующие значения.

В рамках *K1* значение 1 присваивается регионам с умеренным климатом, значение 1,2 – для суровых климатических условий.

В рамках *K2* значение 1 присваивается развитым регионам, 1,1 – депрессивным регионам.

В рамках *K3* значение 1 присваивается регионам с высокой численностью населения, 1,1 – малонаселенным регионам.

Отметим, что установление только одного поправочного коэффициента не представляется возможным, поскольку не будут учитываться все специфичные условия субъектов РФ.

Этап 3. Расчёт интегрального индекса рейтингования. При расчёте интегрального индекса рейтингования воспользуемся значениями рейтинговых оценок субъектов РФ, разбитых ранее на четыре группы: социальные (СРО), экономические (ЭРО), управленческие (УРО) и экологические (ЭКРО). Тогда формула расчёта интегрального индекса рейтингования принимает вид:

$$\begin{aligned} \text{ИИРr} = &\sum_{i=1}^{n}\left(\text{P}_{\text{r,ЭРО}} * \text{V}_{\text{r,ЭРО}}\right) * \frac{\text{К1ЭРО} + \text{К2ЭРО} + \text{К3ЭРО}}{3} \\ &+ \sum_{i=1}^{n}\left(\text{P}_{\text{r,СРО}} * \text{V}_{\text{r,СРО}}\right) * \frac{\text{К1СРО} + \text{К2СРО} + \text{К3СРО}}{3} \\ &+ \sum_{i=1}^{n}\left(\text{P}_{\text{r,УРО}} * \text{V}_{\text{r,УРО}}\right) * \frac{\text{К1УРО} + \text{К2УРО} + \text{К3РО}}{3} \\ &+ \sum_{i=1}^{n}\left(\text{P}_{\text{r,ЭКРО}} * \text{V}_{\text{r,ЭКРО}}\right) * \frac{\text{К1ЭКРО} + \text{К2ЭКРО} + \text{КЭКРО}}{3} \end{aligned} \quad (3)$$

где

ИИРr – интегральный индекс рейтингования для региона *r*;

Pr, X – нормализованное значение рейтинговой оценки *i* для региона *r* в группе *X*, где *X* ϵ {*ЭРО, СРО, УРО, ЭКРО*};

Vr, X – вес рейтинговой оценки группы *X*;

K1,X, K2,X, K3,X – поправочные коэффициенты (климатические, экономические, демографические) для группы *X*;

n – количество рейтинговых оценок.

Все коэффициенты *K* имеют единую структуру для каждой группы оценок (*ЭРО, СРО, УРО, ЭКРО*).

Этап 4. Ранжирование. На основе полученных значений интегрального индекса производится ранжирование субъектов РФ.

Таким образом, обозначенная методика подразумевает алгоритм расчёта, включающий в себя суммирование взвешенных значений всех рейтинговых оценок региона для получения итоговой рейтинговой оценки.

В рамках предлагаемой методики результатом может стать выделение грантов регионам в целях поощрения и/или содействия достижению наилучших значений интегрального индекса рейтингования из бюджетных ассигнований органов публичной власти.

Отметим, что представленная методика комплексного рейтингования субъектов РФ с учётом поправочных коэффициентов и весов является универсальной, поскольку предполагает возможность корректировки по перечню рейтинговых оценок (показателей) и поправочным коэффициентам с учётом специфики сферы применения.

Итак, в дальнейшем предлагаемые авторами рекомендации могут быть расширены посредством создания динамических моделей, учитывающих как текущее состояние, так и прогнозируемые тренды. Важно отметить, что непрерывная коммуникация с бизнес-структурами и населением должна стать неотъемлемой частью процесса, обеспечивающей широкое понимание роли рейтингов, а также их влияния на региональное развитие.

В заключение следует отметить, что рейтинги выступают необходимым инструментом социально-экономического развития российских регионов, способствуют повышению прозрачности, стимулируют конкуренцию и инвестиционную привлекательность. Для публичных органов власти рейтинги также выступают инструментом оценки эффективности их деятельности.

В рамках повышения уровня развития регионы могут и должны использовать результаты различных рейтингов в качестве средства анализа текущего положения дел, стратегического планирования и корректировки региональной политики. В условиях современных вызовов и неопределённости рейтинги позволяют формировать более устойчивую и эффективную систему управления и развития на региональном уровне.

Литература:

1. Лисова Е.В. Рейтингование как способ оценки социального развития российских регионов // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 76–81.
2. Кабир Л.С., Сигова М.В., Раков И.Д. Рейтинг устойчивого развития регионов России: методология составления и результаты оценки // Ученые записки Международного банковского института. 2022. № 3(41). С. 83–104.
3. Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 50–72.
4. Наумова О.Н., Киселева Е.Б. Проблемы оценки эффективности управления социально-экономическим развитием муниципального образования // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2024. № 7. С. 166–172. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.66.62.026.
5. Хамарханова Е.В. Рейтинг как инструмент региональной политики Российской Федерации // Вестник ВСГУТУ. 2014. № 2 (47). С. 141–147.
6. Панкратов А.А. Подходы к разработке рейтинга регионов России по уровню развития // ИТиндустрии. ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2024. № 30 (1). С. 193–207. https://doi.org/10.35595/2414-9179-2024-1-30-193-207.
7. Меньщикова В.И., Бурмистрова А.А. Рейтинговая оценка в системе инструментария анализа уровня социально-экономического развития региона // Актуальные вопросы экономических наук. 2012. № 24-1. С. 251–256.
8. Макеева Е.Ю., Ивашковская И.В., Ружанская Л.С., Попов К.А. Взаимосвязь социально-экономического развития регионов и корпоративных рейтингов российских компаний // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 1. С. 86–102. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-7
9. Чистопольская Е.В., Щербань Е.Г. Формирование методики рейтинговой оценки комплексного социально-экономического развития муниципальных образований региона // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 305–313.
10. Рейтинг влияния глав субъектов РФ. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=9786 (дата обращения: 10.03.2026).
11. Рейтинг ЭКГ-регион. URL: https://raex-rr.com/projects/EKG_region_rating/ (дата обращения: 10.03.2026)
12. Рейтинг механизмов поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства. URL: https://raex-rr.com/NKO/Region-nko/Online_support_information/2025/methods/ (дата обращения: 10.03.2026)
13. Рейтинг регионов по благосостоянию семей. URL: https://riarating.ru/

infografika/20250526/630280976.html (дата обращения: 10.03.2026)
14. Рейтинг субъектов РФ по развитию государственно-частного партнёрства. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d22/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo/reyting_regionov_po_urovnyu_razvitiya_gchp/ (дата обращения: 10.03.2026)
15. Рейтинг регионов по вводу жилья. URL: https://riarating.ru/infografika/20260330/630294743.html (дата обращения: 10.03.2026)
16. Рейтинг качества жизни в российских регионах. URL: https://riarating.ru/infografika/20260224/630292498.html (дата обращения: 10.03.2026)
17. Национальный туристический рейтинг субъектов РФ. URL: https://russia-rating.ru/info/23853.html (дата обращения: 10.03.2026)
18. Рейтинг эффективности управления в субъектах РФ. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=10062 (дата обращения: 10.03.2026)
19. Зелёный рейтинг регионов. URL: https://greenpatrol.ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga (дата обращения: 10.03.2026)
20. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 10.03.2026)
21. Рейтинг регионов по динамике рынка труда. URL: https://riarating.ru/infografika/20250908/630285706.html (дата обращения: 10.03.2026)
22. Итоговый рейтинг регионов РФ. URL: https://riarating.ru/infografika/20251222/630290560.html (дата обращения: 10.03.2026)
23. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. URL: https://riarating.ru/infografika/20250623/630282378.html (дата обращения: 10.03.2026)
24. Фугалевич Е.В. Ключевые показатели эффективности деятельности муниципальных органов власти как современный тренд развития муниципального управления // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 118–123.
25. Фугалевич Е.В., Смешко О.Г. Оценка эффективности управления пространственным развитием (муниципальный и региональный уровни) // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 124–129.
26. Фугалевич Е.В. Новые подходы к оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление: актуальные проблемы и современные тренды: Сб. науч. трудов IV Межд. науч.-практ. конф. К 30-летию Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2024 г. СПб.: Санкт-Петербургский ун-тет технол. управления и экономики, 2025. С. 549–555.
27. Ильин А.Б. Эффективность и результативность муниципального управления: показатели и рейтинги // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 11(181). С. 43–56. DOI: 10.26726/rppe2025v11eaeot.

Ratings as an Engine for Regional Socioeconomic Development: Risks and Opportunities

Elena Vladimirovna Fugalevich[1,2], Roman Andreevich Lugovskoy[2], Nikolay Evgenievich Kungurtsev[2]
[1]Saint-Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia),
[2]St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (Saint Petersburg, Russia)

The purpose of this article is to review the ratings used in the regions of the Russian Federation and the underlying approaches. The article provides a conceptual overview of the role of ratings as a tool for the socio-economic development of the regions of the Russian Federation. It examines the typology of ratings, highlights the advantages and limitations of ratings, provides examples of rating systems in Russian regions and in regions of foreign countries, and offers recommendations for designing regional development ratings. Ratings and indices are key tools for strategic management, as they aggregate multiple socio-economic indicators into a single tool for evaluation and ranking.

Keywords: ratings, socio-economic development of regions, regional ratings, public authorities, ratification methodology, and rating assessments

УДК 338.43
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-148-153
© Хоменко В.В., Хайруллин И.Р., Дегтярев А.Г., Стариков А.Л., 2026

Беспилотные авиационные системы в агропромышленном комплексе: анализ и перспективные сценарии применения для Республики Татарстан

Хоменко Вадим Васильевич
Доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан
(420111, г. Казань, ул. Баумана, 20; e-mail: ispnecon@mail.ru; ScopusID: 57202282498)

Хайруллин Ильнур Радикович
Генеральный директор ООО «Софт-Юнивёрс Лабс»
(420074, Казань, ул. Петербургская, д. 52, оф. 301; i@agrobotast.ru)

Дегтярев Андрей Геннадьевич
Кандидат технических наук,
старший научный сотрудник института прикладных исследований Академии наук Республики Татарстан
(420111, г. Казань, ул. Баумана, 20; e-mail: degt612@gmail.com; ORCID: 0009-0008-3451-9974)

Стариков Андрей Леонидович
Научный сотрудник института прикладных исследований Академии наук Республики Татарстан
(420111, г. Казань, ул. Баумана, 20; e-mail: a_starr@mail.ru; ORCID: 0009-0008-0738-1279)

Цель исследования заключается в анализе текущего состояния и перспектив применения беспилотных авиационных систем (БАС) в агропромышленном комплексе Республики Татарстан, а также в разработке сценариев их внедрения и применения для повышения эффективности сельскохозяйственного производства.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью цифровой трансформации АПК и решения системных проблем отрасли, включая старение материально-технической базы, дефицит квалифицированных кадров и снижение рентабельности производства.

Основные результаты исследования демонстрируют значительный потенциал применения БАС в АПК, включая существенную экономию на горюче-смазочных материалах и средствах за-

щиты растений, повышение урожайности за счет точечного мониторинга и обработки полей, снижение негативного воздействия на почву.

Практическая значимость работы заключается в разработке двух сценариев внедрения БАС: модели сервисного обслуживания и формирования полноценной региональной экосистемы «БАС-АПК». Предложенные решения позволяют оптимизировать производственные процессы, повысить эффективность использования техники и снизить операционные затраты.

Ключевые слова: *беспилотные авиационные системы, агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, Республика Татарстан, цифровая трансформация, точное земледелие, агродроны*

Для цитирования: *Хоменко В.В., Хайруллин И.Р., Дегтярев А.Г., Стариков А.Л. Беспилотные авиационные системы в агропромышленном комплексе: анализ и перспективные сценарии применения для Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 148–153. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-148-153.*

Современный агропромышленный комплекс (АПК) находится на этапе глубоких системных преобразований, движущей силой которых является необходимость повышения эффективности и устойчивости производства. В условиях глобальных вызовов, таких как продовольственная безопасность, изменение климата, деградация почв и дефицит трудовых ресурсов, внедрение высокоточных и роботизированных систем перестает быть вопросом инноваций, превращаясь в стратегическую необходимость. России предстоит форсированно решать эту задачу, учитывая, что объем российского рынка БАС и услуг составляет менее 1 % мирового рынка.

Запуск национального проекта «Беспилотные авиационные системы» (БАС) в 2024 г., направленного на создание региональных центров разработки, испытаний и серийного производства, свидетельствует о государственной поддержке отрасли [1]. Начинается серийное производство отечественных агродронов, что создает прочную технологическую базу для их масштабного внедрения. Одним из приоритетных направлений использования БАС является сельское хозяйство. Республика Татарстан, являясь одним из лидеров АПК в России, выступает в авангарде этого процесса, что делает ее идеальным объектом для детального исследования различных функциональных направлений использования БАС.

Агропромышленный комплекс Республики Татарстан является одним из наиболее развитых в Российской Федерации. Регион входит в пятерку лидеров по объему валовой продукции сельского хозяйства и занимает первое место в Приволжском федеральном округе. При этом, имея всего 2 % сельскохозяйственных угодий страны, Татарстан производит 3,5 % общероссийской сельскохозяйственной продукции, что подчеркивает его высокую эффективность. Однако, несмотря на эти достижения, регион сталкивается с рядом системных вызовов, которые могут угрожать устойчивости его развития.

Согласно «Стратегии развития агропромышленного комплекса Республики Татарстан до 2030 года» [2], в случае сохранения текущих тенденций доля сельского хозяйства в валовом региональном продукте может снизиться до 3 % к 2030 г. Важно отметить, что данный прогноз обусловлен не стагнацией отрасли, а опережающими темпами роста промышленного сектора в валовом региональном продукте региона. Хотя агропромышленный комплекс продолжает расти, его относительная доля корректируется на фоне общей индустриализации. Действительные риски связаны с устареванием материально-технической базы и дефицитом квалифицированных кадров. За период с 2018 по 2023 гг. произошло абсолютное и относительное сокращение машинно-тракторного парка: количество тракторов уменьшилось на 9,2 %, а сеялок – на 18,7 %. В 2025 г. 60 % машин эксплуатировалось за пределами сроков амортизации, а закупки новых упали на 40 % [2]. Это не только замедляет темпы обновления техники, но и приводит к росту эксплуатационных расходов.

В дополнение к материальным проблемам регион испытывает серьезный дефицит трудовых ресурсов. Численность работников в АПК сократилась на 23 % за пять лет. Отмечается нехватка агрономов (обеспеченность 87 %), зоотехников (обеспеченность 91 %) и ветеринаров (обеспеченность 90 %). Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве, составляющая 48 223,7 руб., значительно ниже средней по экономике Татарстана (78 % от среднего уровня) и Российской Федерации (88 % от среднего уровня) [2]. Это делает отрасль менее привлекательной для молодых специалистов и усугубляет кадровую проблему.

В контексте обозначенных вызовов интеграция БАС выступает не как отдельная технологическая новация, а как фундаментальный инструмент системного преодоления сформировавшихся отраслевых противоречий. Широкое применение средств автоматизации и роботизации позволяет нивелиро-

вать дефицит кадровых ресурсов и обеспечить рост интенсификации производства. Кроме того, качественная трансформация технологического уклада способствует повышению репутационного статуса аграрной отрасли, формируя необходимые условия для привлечения высококвалифицированных специалистов. Этот подход согласуется с ключевыми задачами «Стратегии развития АПК РТ до 2030 года», которые включают повышение эффективности на основе внедрения передовых технологий и инноваций, а также цифровизацию деятельности.

В агропромышленном комплексе используются специализированные БАС, часто называемые «агродронами», которые создают новый класс беспилотных систем для сельскохозяйственного назначения (БАС СХН). Эти системы позволяют автоматизировать ряд операций, ранее выполняемых человеком или пилотируемой авиацией.

Основными направлениями применения БАС в растениеводстве являются:

1. *Мониторинг*. БАС используются для обследования земель и оценки состояния культур на всех стадиях вегетации. С помощью мультиспектральных камер и вычисления нормализованного вегетационного индекса *NDVI (Normalized Difference Vegetation Index)* можно выявлять проблемные участки, прогнозировать урожайность и планировать мероприятия.

2. *Внесение средств защиты растений* (СЗР). Агродроны позволяют осуществлять сплошную или точечную обработку полей. Ключевым преимуществом является ультрамалообъемное опрыскивание (УМО) с нормой расхода рабочей жидкости 5–25 л/га, что существенно снижает химическую нагрузку на почву.

3. *Биологические методы защиты.* Агродроны могут использоваться для внесения энтомофагов (например, трихограммы или габробракона), которые являются естественными врагами вредителей. Это экологически безопасный метод, который эффективно снижает численность вредителей.

4. *Реализация посевных работ и распределение минеральных компонентов.* Использование БАС со специализированными дозирующими устройствами (форсунками) позволяет осуществлять высокоточный высев и дифференцированное внесение удобрений.

Интеграция беспилотных систем выступает фундаментальным фактором экологической трансформации аграрного сектора и расширения практики органического земледелия. Применение данных аппаратов нивелирует проблему механической деградации (переуплотнения) почвенного покрова, поскольку исключает необходимость передвижения тяжеловесных наземных технических средств по территории угодий, тем самым пролонгируя сохранность естественной архитектоники и аэрационных характеристик грунта. В свою очередь, технология ультрамалообъемного опрыскивания детерминирует существенную оптимизацию ресурсной интенсивности, значительно снижая объемы используемых химических препаратов. Это минимизирует антропогенную нагрузку на биогеоценозы и создает условия для производства продукции, соответствующей высоким стандартам экологической чистоты.

В целях оптимизации административно-регуляторного контроля над эксплуатацией БАС в отрасли представляется необходимым формирование унифицированной региональной системы классификации аппаратов. Данный инструмент должен обеспечивать строгую систематизацию технических средств, базирующуюся на их конструктивных типах, функциональных векторах применения и специфике реализуемых технологических задач.

По типу конструкции беспилотные воздушные судна (БВС), используемые в сельском хозяйстве, можно разделить на:

– самолетный тип – имеет жесткое крыло и высокие аэродинамические показатели, что позволяет ему облетать большие территории. Используется преимущественно для мониторинга;

– мультироторный тип – имеет от двух пропеллеров, может зависать в воздухе и эффективно работать на небольших участках;

– вертолетный тип – аналогичен мультироторному, но, как правило, имеет один основной и один рулевой винт;

– конвертоплан – гибридный тип, сочетающий преимущества самолетного (скорость) и мультироторного (вертикальный взлет и посадка) типов.

Эксплуатация БАС в Российской Федерации регулируется Воздушным кодексом РФ, федеральными законами, постановлениями и правилами. Ключевыми требованиями являются:

– обязательный учет (гражданские БВС с максимальной взлетной массой от 0,15 кг до 30 кг подлежат обязательному государственному учету, а с массой свыше 30 кг – государственной регистрации);

– разрешение на использование воздушного пространства (ИВП) (все полеты должны осуществляться на основании разрешения, которое выдается Зональным центром Единой системы организации воздушного движения);

– квалифицированный персонал (для эксплуатации БВС массой более 30 кг требуется свидетельство внешнего пилота) [5].

Вопреки существующим механизмам государственного стимулирования сектора, текущая регуляторная среда характеризуется наличием ряда административных ограничений. В частности, процедурная сложность санкционирования полетных заданий и высокие требования к профессиональным компетенциям персонала формируют специфические институциональные барьеры. Данные обсто-

ятельства определяют современную конъюнктуру рынка, в которой приоритетной стратегией становится не приобретение технических средств субъектами агробизнеса, а переход к модели аутсорсинга услуг профильных сервисных операторов. Подобный алгоритм взаимодействия позволяет аграрным предприятиям интегрировать инновационные решения, минимизируя при этом объем капитальных вложений и нивелируя организационные трудности, сопряженные с техническим содержанием и непосредственным оперированием БАС.

Внедрение БАС в АПК не просто заменяет устаревающую технику, а создает синергетический эффект, который выражается в росте производительности, сокращении затрат и повышении экологической безопасности [3].

Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что положительный экономический эффект от эксплуатации БАС определяется совокупностью нескольких ключевых аспектов. В частности, формирование добавленной стоимости обусловлено оптимизацией удельных расходов ГСМ и сырьевых ресурсов в сочетании со значительным ростом точности реализации технологических операций. За счет точечной обработки и ультрамалообъемного опрыскивания снижается пестицидная нагрузка на почву (см. табл. 1). Это не только повышает экономическую эффективность, но и соответствует целям экологической устойчивости, изложенным в Климатической доктрине Российской Федерации [4].

На текущий момент для реализации стратегии по интеграции БАС в структуру АПК Республики Татарстан целесообразно выделить два сценария развития отрасли.

Сценарий 1. Концепция сервисного обслуживания и частичной интеграции. Данная стратегия базируется на принципах эволюционной модели интеграции БАС в производственные циклы. Доминирующим механизмом взаимодействия выступает аутсорсинг услуг сторонних специализированных организаций (эксплуатантов), обладающих необходимой материально-технической базой и квалифицированным штатом специалистов.

В рамках указанной модели применение БАС ограничивается решением прецизионных и локальных задач, характеризующихся максимальной эффективностью беспилотных решений – например, проведением работ на участках со сложным рельефом или ограниченной доступностью. Реализация подобного подхода обеспечивает субъектам агробизнеса возможность извлечения добавочной стоимости при полном отсутствии значительных капитальных вложений и минимизации административно-организационных обременений, обусловленных строгим соблюдением нормативно-правовых регламентов эксплуатации авиационной техники.

Согласно нашему прогнозу, реализация данного сценария позволит достичь целей по обновлению техники и переподготовке специалистов. Внедрение БАС даст ощутимый эффект, но не приведет к кардинальным изменениям в структуре производства. Рост эффективности будет наблюдаться на отдельных участках, а не во всей отрасли.

Сценарий 2. Формирование региональной экосистемы «БАС-АПК». Данный вектор развития предполагает проведение комплексной институциональной и технологической трансформации всей структуры АПК, обеспечивающей системный переход отрасли на новый качественный уровень. Он направлен на достижение целевого показателя по росту доли АПК в ВРП до 5,0 % к 2030 г.

Механизм реализации предполагает интеграцию следующих элементов:

– Развитие специализированного кластера и научно-производственного центра. Формирование замкнутого цикла проектирования и функционирования БАС, охватывающего стадии от конструкторской разработки и массового производства отечественных агродронов (в рамках исполнения Национального проекта) до этапов проведения эксплуатационных испытаний, верификации соответствия (сертификации) и последующего технического сопровождения. Подобная ини-

Таблица 1

Сравнительная эффективность БАС, наземной и пилотируемой авиации

Показатель	Наземная техника	Пилотируемая авиация	Беспилотные авиационные системы
Производительность	Средняя	Высокая (для больших полей)	Средняя (высокая для небольших и сложных полей)
Расход ГСМ	Высокий	Очень высокий	Низкий
Уплотнение почвы	Высокое	Отсутствует	Отсутствует
Условия работы	Зависит от влажности почвы	Зависит от погодных условий и наличия аэродромов	Менее зависим, может работать на переувлажненной почве через 2–3 часа после дождя
Точность обработки	Средняя	Низкая	Высокая (до сантиметра)
Риски для персонала	Средние	Высокие (авиационные аварии)	Низкие (отсутствие человека на борту)
Экологичность	Средняя	Низкая (высокие нормы распыления)	Высокая (точечная обработка, УМО)

циатива обеспечит Республике Татарстан статус флагманского центра компетенций в сфере инновационных агротехнологий в БАС.

– Проектирование региональной цифровой платформы. Создание унифицированной информационной среды направлено на обеспечение агрегации и синтеза данных, поступающих от беспилотных аппаратов, орбитальных группировок, метеорологических станций и иных сенсорных систем. Функционирование данной платформы позволит субъектам хозяйствования осуществлять оперативный мониторинг агрофитосанитарного состояния угодий, проводить оценку вероятности возникновения экономических и климатических угроз, а также реализовывать предиктивное управление для максимизации эффективности производственных циклов.

– Модернизация образовательной парадигмы и реализация профильной подготовки в рамках преемственной системы обучения, начиная с агроклассов и заканчивая высшим учебным заведением. Формирование кадрового резерва включает стимулирование процессов обучения и повышения квалификации специалистов, в том числе по квалификациям «внешний пилот» и аналитик больших данных. Системный подход к обучению позволит достичь установленного индикатора – обеспечения доли подготовленного персонала на уровне 50 %, что создаст необходимый интеллектуальный капитал для устойчивого функционирования формирующейся высокотехнологичной отрасли.

Реализация данного сценария позволит оптимизировать работу наземной техники и частично заменить пилотируемую авиацию на агрохимических работах. Этот сценарий не только решит текущие проблемы, но и укрепит позиции Республики Татарстан как одного из ведущих аграрных регионов страны, обеспечив его конкурентоспособность в долгосрочной перспективе, а также позволит реализовать значительную часть показателей Стратегии развития АПК РТ до 2030 г. (табл. 2).

Внедрение беспилотных авиационных систем в агропромышленном комплексе РТ является не просто технологическим решением, а стратегическим шагом для преодоления системных вызовов, с которыми сталкивается отрасль. Анализ показывает, что БАС не только экономически эффективны и производительны, но и обеспечивают экологическую безопасность и снижают риски для персонала.

Интеграция БАС позволяет обеспечить системное преодоление ряда факторов, сдерживающих развитие АПК: от морального износа технического парка и нехватки квалифицированного персонала до падения уровня рентабельности и продуктивности растениеводства. Экономический эффект реализации данной технологии обусловлен оптимизацией удельного расхода ГСМ, минимизацией издержек на материальные ресурсы и существенным сокращением потерь сельскохозяйственных культур.

Беспилотные авиационные системы демонстрируют высокую эксплуатационную эффективность в специфических условиях, накладывающих ограничения на применение традиционной наземной техники или пилотируемых воздушных судов. В свою очередь, положения «Стратегии развития АПК РТ до 2030 г.» определяют конкретные ориентиры в области цифровой трансформации и формирования кадрового потенциала, что выступает институциональным фундаментом для широкомасштабной инкорпорации БАС в отраслевую структуру.

Необходимо подчеркнуть, что суммарная эффективность эксплуатации БАС находится в прямой зависимости от поддержания оптимального баланса между издержками на производство технических средств и масштабами сервисного обслуживания. Согласно результатам отраслевого анализа, в структуре глобального рынка беспилотной авиации порядка 80 % добавленной стоимости генерируется в сегменте оказания услуг. На долю сопряженных направлений – производства аппаратных комплексов, компонентов и разработки специализированного программного обеспечения – приходится лишь около 20 % рыночного объема.

В рамках реализации федеральной политики поддержки высоких технологий проект научно-производственного центра беспилотных авиационных систем (НПЦ БАС) в Республике Татарстан был

Таблица 2

Целевые показатели Стратегии развития АПК РТ до 2030 г. и их взаимосвязь с внедрением БАС

Целевой показатель к 2030 г.	Взаимосвязь с внедрением БАС
Индекс производства продукции АПК – 132,4 %	Прямая связь. Повышение урожайности за счет точечной обработки и снижения потерь урожая
Доля АПК в ВРП – 5,0 %	Косвенная связь. Рост рентабельности и снижение затрат делают отрасль более привлекательной для инвестиций, увеличивая ее вклад в экономику
Рентабельность сельскохозяйственных организаций – 25,0 %	Прямая связь. Подразумевается рентабельность производства сельхозпродукции, достигаемая за счет снижения себестоимости (экономия ГСМ, СЗР и удобрений) и минимизации потерь урожая
Обновление самоходной техники – 10,0 %	Косвенная связь. БАС не заменяют полностью наземную технику, но оптимизируют ее использование, позволяя сократить нагрузку на старую технику и сосредоточиться на приобретении новых, высокотехнологичных агрегатов
Доля специалистов, прошедших переподготовку по цифровым технологиям – 50,0 %	Прямая связь. Целевой показатель, который является ключевой метрикой готовности к внедрению БАС и сопутствующих цифровых платформ

включен в программу субсидирования. В 2026 г. совокупный объем финансирования составит 2,02 млрд руб. (из которых 1,47 млрд руб. – средства федерального бюджета, а 550 млн руб. – региональные ассигнования). Экстраполяция мировых рыночных пропорций на данный объем инвестиций позволяет нам прогнозировать рост рынка сервисных услуг БАС на уровне 8,08 млрд руб., при этом доля аграрного сектора в данном сегменте должна, по нашему мнению, оцениваться в 0,7 млрд руб.

При анализе операционных затрат установлено, что удельная себестоимость обработки угодий с применением беспилотных систем (без учета стоимости расходных агрохимикатов) составляет около 600 руб. на 1 га. С учетом технологического цикла, включающего трехкратную обработку, суммарные издержки достигают 1800 руб. на 1 га. Исходя из этих параметров, потенциальная площадь покрытия может составить 388 млн га при общей площади пашни в Республике Татарстан порядка 3,4 млн га. Для сравнения: в период, предшествующий началу СВО, объем работ с применением беспилотных систем охватывал немногим более 25 тыс. га, что соответствует лишь 2 % от расчетного потенциала внедрения БПЛА.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что институциональное формирование развитого рынка сервисных услуг на базе передовых электронно-вычислительных технологий является приоритетным вектором интенсификации отрасли БАС в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Литература:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.06.2023 № 1630-р «Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года» // Правительство Российской Федерации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306280006
2. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 06.09.2024 № 733 «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного комплекса Республики Татарстан до 2030 года» // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/post/?npa_id=1460691
3. Использование беспилотных авиационных систем в растениеводстве: метод. рек. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2024. 100 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2023 № 812 «Климатическая доктрина Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910
5. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 02.10.2025 № 313 «О внесении изменений в приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. № 32 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования, предъявляемые к оформлению и форме свидетельств авиационного персонала гражданской авиации» // Правительство Российской Федерации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512050007

Unmanned Aerial Systems in the Agro-Industrial Complex: Analysis and Promising Application Scenarios for the Republic of Tatarstan

Vadim Vasilievich Khomenko[1], Ilnur Radikovich Khairullin[2], Andrey Gennadievich Degtyarev[1], Andrey Leonidovich Starikov[1]

[1]Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

[2]Soft-Universe Labs, LLC (Kazan, Russia)

This study analyzes the status and prospects for the use of unmanned aerial systems (UAS) in the agro-industrial complex (AIC) of the Republic of Tatarstan. The relevance of this topic stems from the need for digital transformation of the region's agro-industrial complex (AIC) to address systemic challenges, including aging equipment, labor shortages, and declining profitability. The paper presents comparative data demonstrating that the use of UAS provides significant savings on fuel, lubricants, and crop protection products, as well as increases crop yields through rapid and targeted field monitoring and treatment. Particular attention is paid to promising scenarios for UAS implementation, from gradual integration through a service model to the creation of a full-fledged regional «UAS-AIC» ecosystem, which will help achieve the strategic development goals of the AIC of the Republic of Tatarstan through 2030. The study demonstrates that the systemic implementation of UAS is not simply a technological innovation, but a strategic decision capable of ensuring the long-term competitiveness and sustainability of the region's agricultural sector.

Keywords: unmanned aerial systems, agro-industrial complex, agriculture, the Republic of Tatarstan, digital transformation, precision farming, agricultural drones

УДК 338
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-154-160
© Шлифер Е.В., 2026

Бизнес-процессы промышленного предприятия и их влияние на учетную систему с помощью метода анализа иерархий

Шлифер Елена Владимировна
Кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории, региональной и отраслевой экономики Оренбургского государственного университета им. В.А. Бондаренко
(460018, Оренбург, просп. Победы, 13; len_shli@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-2017-9648; SPIN-код: 7583-2362)

Система управления предприятием оптимизируется и требует данных, позволяющих принимать не только оперативные, но и стратегические решения. Высший менеджмент должен понимать реальную ценность хозяйственных операций, вклад каждого элемента управляющей системы в общую цель предприятия. Учетная система предприятия, традиционно в российской практике связанная с бухгалтерской службой, на самом деле шире и включает управленческий учет и систему контроллинга, а значит ее целью является не просто фиксация данных, но и подготовка информации для принятия управленческих решений. Цель работы – выяснить ценность функциональных участков учета для стратегического развития хозяйственной деятельности с точки зрения бизнес-процессов предприятия. Проведен анализ бухгалтерских операций в разрезе бизнес-процессов предприятия с применением математического метода анализа иерархий (МАИ) Т. Саати.

Предложены шесть критериев, по которым эксперты оценивали словесные суждения и определяли их иерархию. В результате получена иерархия по критериям в рамках процессов и глобальные веса по вкладу в общую цель управления предприятием. Значимость исследования позволяет определить риски учетного-аналитического обеспечения, требующие дальнейших мер их снижения и предотвращения. В результате исследования получены данные, отражающие не только традиционные ценностные участки для управленческих решений (калькуляция, учет брака), относимые к основным бизнес-процессам промышленного предприятия, но и учетное-аналитическая поддержка вспомогательных процессов (юридическое сопровождение) и процессов развития (НИОКР). Данные выводы подчеркивают возрастающую роль устойчивого стратегического развития предприятий. Результаты исследования могут быть положены в основу цифровизации бизнес-процессов и адаптации действующей системы хозяйствования к внутренним рискам.

Ключевые слова: *бизнес-процессы, метод анализа иерархий, бухгалтерские операции, экспертные оценки, принятие решений, COSO*

Для цитирования: *Шлифер Е.В. Бизнес-процессы промышленного предприятия и их влияние на учетную систему с помощью метода анализа иерархий // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 154–160. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-154-160.*

Научные подходы к управлению организационно-экономическими системами претерпевают существенные изменения. Современная управленческая повестка выделяет управление по бизнес-процессам как альтернативу традиционному функциональному управлению. Роль бухгалтерского учета, являющегося основой информационно-аналитического обеспечения управленческого процесса предприятия, трансформируется от функции простого счетоводства до роли аналитика и специалиста службы контроллинга. Видение работы бухгалтерской службы в парадигме функционального подхода с акцентом на свершившиеся факты хозяйственной жизни расширяется и изменяется в сторону понимания большей роли учетных работников в финансово-хозяйственной деятельности экономического субъекта. Существующие подходы к оценке значимости бухгалтерских операций зачастую носят качественный характер и не позволяют получить количественные, обоснованные результаты, необходимые для принятия решений об оптимизации учётной системы.

Проведем анализ бухгалтерских операций в разрезе бизнес-процессов предприятия с применением математического метода анализа иерархий (МАИ) Т. Саати [1; 2]. В основе эмпирических данных анализа лежат экспертные оценки, в частности, применяемые к данному исследованию оценки специалистов бухгалтерской службы. Современные исследования подтверждают эффективность интеграции метода анализа иерархий с инструментами нечёткой логики для оценки внедрения технологий Industry 4.0 на малых и средних предприятиях [3], что согласуется с современными подходами к системному анализу деятельности предприятия [4].

Отметим, что метод анализа иерархий не является единственным инструментом многокритериального принятия решений. Альтернативными подходами выступают: метод *ELECTRE* (классификация на основе пороговых значений), метод *TOPSIS* (ранжирование по близости к идеальному решению) и метод *SMART* (простое многокритериальное ранжирование) [5]. Однако, как обосновывают А.Г. Жихарев и Р.А. Маматов [5], МАИ обладает рядом преимуществ для задач оценки учётных процессов: во-первых, он позволяет работать как с количественными, так и с качественными критериями (например, «трудоёмкость» и «уровень согласования»), во-вторых, встроенная проверка согласованности суждений (*CR*) снижает риск субъективизма экспертов, в-третьих, иерархическая структура метода соответствует многоуровневой природе бизнес-процессов предприятия. Сравнительный анализ применения различных методов многокритериального анализа в управленческом учёте представлен в библиометрическом обзоре *R. Brugger* [6], который подтверждает, что МАИ является наиболее часто используемым методом в данной предметной области за последнее десятилетие.

Исследование базируется на общенаучных методах анализа и синтеза, сравнения и аналогии, абстрагирования и формализации, системного анализа, моделирования, экспертного метода. Основой исследования послужил математический метод анализа иерархий (МАИ), в основе которого лежит теория матриц и собственных значений.

Метод анализа иерархий Т. Саати является одним из наиболее распространённых методов многокритериального принятия решений [2; 6]. Он основан на идее иерархического представления проблемы и последующего парного сравнения объектов на каждом уровне иерархии [2; 7].

Основными элементами метода являются: цель, критерии, альтернативы [2].

В основе МАИ лежит теория матриц и собственных значений. Для каждой группы сравнений строится положительная обратно симметричная матрица:

$$A = (a_{ij}),$$

где (a_{ij}) показывает, во сколько раз элемент i важнее элемента j, а $(a_{ji}) = 1/a_{ij}$. Вектор приоритетов вычисляется как нормализованный собственный вектор, соответствующий максимальному собственному числу λ_{max}.

Важным элементом метода является проверка согласованности суждений экспертов, которая осуществляется с помощью индекса согласованности:

$$CI = (\lambda_{max} - n) / (n - 1)$$

и отношения согласованности:

$$CR = CI / RI$$

где RI – случайный индекс [2; 7].

Приемлемым считается значение $CR \leq 0{,}1$, что свидетельствует о непротиворечивости экспертных суждений [5]. Вопросы устойчивости полученных результатов к малым изменениям исходных данных исследуются в рамках анализа чувствительности метода анализа иерархий [8].

Применительно к процессному подходу были выделены 3 группы бизнес-процессов в экономике промышленного предприятия:

1. Процессы управления и развития – это процессы, ориентированные на стратегические цели, не дающие мгновенного результата. Данные бизнес-процессы направлены на долгосрочное развитие предприятия и связаны с задачами обеспечения устойчивого развития, повышения конкурентоспособности продукта и предприятия в целом.

2. Основные бизнес-процессы – процессы, добавляющие ценность продукту и компании в целом. Они связанных с основной деятельностью предприятия, производственным процессом, а также с процессами, генерирующими выручку, денежный поток и, в конечном счете, влияющими на финансовую устойчивость и платежеспособность предприятия.

3. Вспомогательные бизнес-процессы – процессы, обеспечивающие основные процессы, не являющиеся отдельно ценными без основных процессов. Хотя такие бизнес-процессы могут самостоятельно быть центрами финансовой ответственности и генерировать прибыль, но их доля ничтожно мала в структуре общей прибыли предприятия. К примеру, ремонтный цех может оказывать услуги на сторону, но все же относится к обслуживающим бизнес-процессам, не имеющим самостоятельной ценности для экономики предприятия.

В рамках этих процессов были определены отдельные бухгалтерские процессы, основанные по функциональному принципу. В таблице 1 представлены стандартные бизнес-процессы работы бухгалтерии в рамках бизнес-процессов всей организации.

Таблица 1

Распределение участков учета по бизнес-процессам промышленного предприятия

Тип бизнес-процесса промышленного предприятия	Подпроцессы учетного процесса
Процессы управления и развития	Учет затрат на НИОКР Учет затрат на качество
Основные процессы	Расчет калькуляции Учет брака Продвижение товара и маркетинг Учет продаж Послепродажное обслуживание
Вспомогательные процессы	Закупки (материально-техническое обеспечение Затраты бухгалтерии Юридическое сопровождение Учет ремонтных и хозяйственных служб Управление персоналом (HR)

В экспертном опросе приняли участие 6 специалистов бухгалтерских и финансово-экономических служб промышленных предприятий города Оренбурга. В состав экспертной группы вошли главные бухгалтеры и заместители главных бухгалтеров со стажем работы не менее 5 лет. Отбор экспертов осуществлялся по критериям профессионального опыта, участия в процессах подготовки бухгалтерской отчетности и знания особенностей организации бизнес-процессов промышленного предприятия.

Для снижения риска систематических ошибок использовались следующие меры: анонимность экспертных оценок; единая инструкция по заполнению матриц парных сравнений; предварительное разъяснение шкалы Т. Саати; проверка согласованности суждений посредством расчета отношения согласованности (*CR*).

На основе экспертного опроса специалистов бухгалтерской службы средних предприятий, с учетом требований Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [9], положений международных стандартов управления рисками *ISO* 31000 [10] и концепции внутреннего контроля *COSO* [11; 12], были определены шесть критериев оценки:

1. Точность данных – степень соответствия учётных данных реальным фактам хозяйственной деятельности, отсутствие ошибок и искажений.

2. Соответствие нормативам – соблюдение требований законодательства, стандартов бухгалтерского учёта и внутренних регламентов.

3. Выбор методики – возможность и обоснованность применения различных учётных методов (аналитический аспект).

4. Трудоемкость – затраты трудовых, временных и иных ресурсов на выполнение операции, уровень имеющегося инструментария для учета (как правило, чем выше трудоемкость, тем ниже уровень разработанного инструментария учета).

5. Сроки получения результата – оперативность учётной информации для формирования управленческих и бухгалтерских отчетов.

6. Уровень согласования – количество и сложность процедур утверждения и контроля, в большей степени предупредительного контроля.

В исследовании применялась фундаментальная шкала Т. Саати (от 1 до 9) для количественной оценки качественных суждений экспертов, позволяющая перевести словесные сравнения («важнее», «одинаковая важность», «значительно превосходит» и подобные) в числовые значения [8].

Оценки проводились для трёх типов сравнений:

1) сравнение критериев между собой (относительно цели);

2) сравнение категорий процессов по каждому критерию;

3) сравнение подпроцессов внутри каждой категории по каждому критерию.

Всего было получено и обработано более 120 парных сравнений от каждого эксперта. Все матрицы парных сравнений прошли проверку согласованности. Отношение согласованности для каждой матрицы не превысило порогового значения 0,1, что свидетельствует о непротиворечивости экспертных суждений [1; 2].

Матрица парных сравнений критериев, построенная на основе экспертных оценок, и рассчитанные веса представлены на рисунке 1.

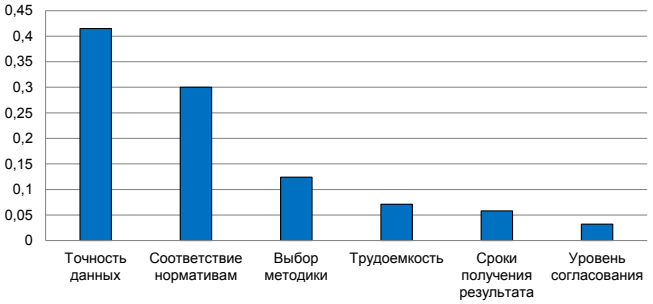

Рис. 1. Результаты парных сравнений критериев учетного процесса промышленного предприятия

Наиболее значимыми критериями являются точность данных (41,5 %) и соответствие нормативам (30,0 %), что в совокупности составляет более 71 % общего веса. Это свидетельствует о том, что для ценности бизнес-процессов принципиальное значение имеют достоверность учётной информации и её соответствие законодательным требованиям. Данный результат корреспондирует с выводами зарубежных исследований, в которых критерии «*Security and Compliance*» (безопасность и соответствие) занимают первое место при оценке платформ автоматизации бизнес-процессов [13], а также с исследованиями в области оценки эффективности бухгалтерских информационных систем, где точность и надёжность данных признаются ключевыми факторами [3].

При анализе выделенных критериев по бизнес-процессам были получены следующие данные (см. табл. 2):

– Основные процессы доминируют по точности данных (0,593) и срокам получения результата (0,528), что соответствует их роли в операционной деятельности. Данные цифры подтверждаются особенностью этого массива данных, требующих своевременных и точных данных, особенно при расчете себестоимости продукции, которая будет влиять в дальнейшем на финансовый результат деятельности.

– Управление и развитие лидирует по трудоемкости (0,455) и уровню согласования (0,637), что отражает сложность и многоступенчатость инновационных и управленческих учётных процедур. Организационные структуры современных промышленных предприятий как правило, имеют функциональную направленность и требуют трудоемкого согласования для формирования не только данных, требующих дальнейшей обработки, но и количественных и качественных показателей для экономического анализа.

– Вспомогательные процессы имеют значимые веса по выбору методики (0,400) и срокам (0,368). Сроки важны по причине включения данных вспомогательных процессов в себестоимость конечного продукта и определения конечного операционного результата деятельности.

– Глобальный вес каждого подпроцесса вычисляется как сумма по критериям произведения веса критерия, веса категории по этому критерию и локального веса подпроцесса внутри категории.

Результаты расчёта глобальных весов всех двенадцати бухгалтерских операций представлены в таблице 3.

Для проверки устойчивости полученных результатов к возможным изменениям экспертных оценок был проведён анализ чувствительности [8]. Суть анализа заключалась в последовательном изменении веса наиболее значимого критерия («точность данных») на ±10 % и ±20 % с пересчётом глобальных весов подпроцессов. Результаты показали, что ранжирование первых пяти позиций (калькуляция, юридическое сопровождение, учёт брака, НИОКР, закупки) остаётся неизменным при колебаниях веса критерия до 15 %, что свидетельствует о высокой робастности полученных приоритетов и подтверждает корректность выводов исследования [8]. Наибольшую чувствительность к изменению веса критерия продемонстрировал подпроцесс «Учёт продаж», что объясняется его высокой зависимостью от оперативности и точности входных данных. Полученный результат по подпроцессу «Калькуляция» согласуется с положениями функци-

Таблица 2

Веса категорий бизнес-процессов предприятия по критериям

Критерий	Управление и развитие	Основные процессы	Вспомогательные процессы
Точность данных	0,160	0,593	0,247
Соответствие нормативам	0,333	0,333	0,333
Выбор методики	0,200	0,400	0,400
Трудоемкость	0,455	0,273	0,273
Сроки получения результата	0,104	0,528	0,368
Уровень согласования	0,637	0,258	0,105

Таблица 3

Глобальные веса учетных подпроцессов в процессном управлении промышленного предприятия

Место	Подпроцесс	Глобальный вес	Категория процесса
1	Калькуляция	0,182	Основной
2	Юридическое сопровождение	0,130	Вспомогательный
3	Учет брака	0,113	Основной
4	НИОКР	0,108	Управления и развития
5	Закупки	0,107	Вспомогательный
6	Учет расходов ремонтных и хозяйственных служб	0,096	Вспомогательный
7	Управление персоналом (HR)	0,076	Вспомогательный
8	Продвижение и маркетинг	0,062	Основной
8	Послепродажное обслуживание	0,062	Основной
9	Затраты бухгалтерии	0,061	Вспомогательные
10	Учет продаж	0,059	Основной
11	Учет затрат на качество	0,052	Управления и развития

онально-стоимостного анализа, согласно которому главные функции системы требуют наибольшего внимания при оптимизации [14–16], а также с выводами *S. Rashid, K. Agyapong-Kodua* и *R.H. Weston* (2008) о том, что применение МАИ для анализа ценности бизнес-процессов позволяет объективно ранжировать операции по их вкладу в конечный результат [17]. Юридическое сопровождение как бизнес-процесс пока только стартует в российской практике, однако его роль становится заметна. Низкое значение подпроцесса «Учет затрат на качество» обусловлено недостаточным вниманием к повышению качества продукции и услуг предприятий, а подпроцесса «Продажи», скорее всего, – с прозрачной методикой определения вклада данного бизнес-процесса в общую цель предприятия. Подпроцесс «Закупки» имеет широкий спектр функционала: от закупок сырья и материалов для производства до оборудования со сложным согласованием.

Полученные результаты могут быть интерпретированы в терминах управления рисками учётной системы. Согласно методологии *COSO* «Управление рисками предприятия» (*ERM*) [11], каждый бизнес-процесс должен быть оценён с точки зрения вероятности возникновения рисков и их потенциального влияния на достижение стратегических целей. В контексте нашего исследования глобальный вес подпроцесса может рассматриваться как интегральная оценка его «критичности» для системы управления предприятием. Соответственно, подпроцессы с наибольшими весами (калькуляция, юридическое сопровождение, учёт брака) требуют приоритетного внимания при построении системы внутреннего контроля [18]. Для этих подпроцессов рекомендуется внедрение контрольных процедур предупредительного характера (автоматизированные проверки, разделение обязанностей), тогда как для подпроцессов с низкими весами (учёт затрат на качество, учёт продаж) допустимы менее затратные обнаруживающие контрольные процедуры. Данный подход согласуется с положениями стандарта *ISO* 31000:2018 [10], который предлагает ранжировать риски по степени их влияния на достижение целей и соответственно распределять ресурсы на контрольные мероприятия. Практическая направленность исследования может быть учтена при совершенствовании системы управления, в том числе прогнозировании и автоматизации бизнес-процессов. Как отмечают А.С. Пашкевич, М.А. Аханова и С.В. Овчинникова [4], успешная автоматизация бизнес-процессов требует предварительной количественной оценки их значимости для достижения стратегических целей. Предложенный в настоящей статье подход на основе МАИ может выступать в качестве такого инструмента, позволяя обоснованно распределять ресурсы между учётными подпроцессами.

Заключение

В статье представлен опыт применения метода анализа иерархий Т. Саати для количественной оценки значимости бухгалтерских операций в системе бизнес-процессов промышленного предприятия. Разработанная иерархическая модель включает шесть критериев, три категории процессов и двенадцать бухгалтерских видов операций. Предложенный подход демонстрирует эффективность применения методов многокритериального анализа для решения задач управления бизнес-процессами и оптимизации учетных операций, позволяет составить карту рисков в учетном процессе, может применяться при автоматизации системы управления промышленного предприятия.

На основе проведённого исследования могут быть сформулированы следующие практические рекомендации для промышленных предприятий:

1. Для подпроцесса «Калькуляция» (глобальный вес 0,182) – целесообразно внедрение специализированных модулей расчёта себестоимости в режиме реального времени с автоматической верификацией данных из производственных и складских систем.

2. Для подпроцесса «Юридическое сопровождение» (0,130) – рекомендуется создание регламентов согласования договоров с бухгалтерской службой на этапе их подготовки, а не постфактум.

3. Для подпроцесса «Учёт брака» (0,113) – необходимо внедрение оперативного учёта брака с привязкой к центрам ответственности для последующего анализа причин и принятия корректирующих мер.

Предложенная в статье методика имеет ряд ограничений. Во-первых, результаты зависят от состава экспертной группы – включение специалистов с разным уровнем квалификации и из разных отраслей может изменить веса. Во-вторых, шкала Т. Саати (от 1 до 9) предполагает определённую степень субъективизма при вербализации суждений [7]. В-третьих, статический характер модели не учитывает динамику бизнес-процессов во времени. Перспективным направлением дальнейших исследований является интеграция МАИ с нечёткой логикой для учёта лингвистической неопределённости экспертных оценок [3] и построение динамических моделей, позволяющих пересчитывать веса подпроцессов при изменении внешних или внутренних факторов.

Литература:

1. Митихин В.Г. К вопросу анализа задач принятия решений с иерархической структурой // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 8-2 (39). С. 110–113.
2. Саати Т.Л. Принятие решений. Метод анализа иерархий / Пер. с англ. Р.Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь, 1993. 315 с.
3. Issa F.A., Naser Hamdan M.M. Evaluating the effectiveness of accounting information systems using fuzzy analytic hierarchy process and balanced scorecard // International Journal of Business Information Systems. 2017. Vol. 24. № 1. P. 1–18. DOI: 10.1504/IJBIS.2017.081050.
4. Пашкевич А.С., Аханова М.А., Овчинникова С.В. Системный анализ деятельности предприятия и автоматизация бизнес-процессов: монография. Тюмень: ТИУ, 2024. 159 с.
5. Жихарев А.Г., Маматов Р.А. Обзор и анализ средств и методов моделирования организационно-деловых процессов // Научный результат. Информационные технологии. 2020. Т. 5. № 4. С. 62–71. DOI: 10.18413/2518-1092-2020-5-4-0-8.
6. Brugger R. The application of multi-criteria decision analysis in management accounting and control: A bibliometric review // University of St. Gallen, 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/356892510 (дата обращения: 22.03.2026).
7. Корнеенко В.П. О корректности метода анализа иерархий и сравнении его приближенного решения с методом аппроксимационной матрицы // Вестник кибернетики. 2021. № 3 (43). С. 12–22.
8. Бригаднов И.А., Казимиров С.П. Исследование чувствительности метода анализа иерархий Т. Саати // Интеллектуальные технологии на транспорте. 2025. №. 4. С. 54–62. DOI: https://doi.org/10.20295/2413-2527-2025-444-54-62
9. Российская Федерация. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
10. ISO 31000:2018. Risk management Guidelines. Geneva: International Organization for Standardization, 2018. 16 p.
11. COSO. Enterprise Risk Management – Integrating with Strategy and Performance. Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. 2017. 120 p.
12. COSO. Internal Control – Integrated Framework. Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, 2013. 212 p.
13. Aponso R., Mahakalanda I. Selection of business process automation platforms: A multi-criteria decision-making approach // Proceedings of the 2025 International Conference on Business Process Management. 2025. P. 89–104.
14. Веретехина С.В. Функционально-стоимостный анализ как инструмент оптимизации в социально-экономических системах // Вестник Российского государственного социального университета. 2016. № 2. С. 115–122.
15. Сапожникова Н.Г., Золототрубов И.А., Золототрубов А.А. Применение инструментов функционально-стоимостного калькулирования для объективной оценки эффективности деятельности в торговле // Современная экономика: проблемы и решения. 2023. № 6. С. 89–103. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2023/6/89-103.
16. Сысоев С.С., Рубин М.С. Затратно-Ценностный Анализ (ЗЦА) // Концепт. 2025. № 1. С. 51–76. DOI: 10.24412/cl-37095-2025-1-51-76.
17. Rashid S., Agyapong-Kodua K., Weston R.H. A multi-criteria approach for business process analysis and improvement // International Journal of Production Research. 2008. Vol. 46. № 13. P. 3469–3492. DOI 10.1080/00207540601020438.
18. Aponso R., Mahakalanda I. Selection of business process automation platforms: A multi-criteria decision-making approach // Proceedings of the 2025 International Conference on Business Process Management. 2025. P. 89–104.

Business Processes of an Industrial Enterprise and Their Impact on the Accounting System Using the Analytic Hierarchy Process Method

Elena Vladimirovna Shlifer
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko (Orenburg, Russia)

Enterprise management systems are being optimized and require data that enables not only operational but also strategic decision-making. Senior management must understand the true value of business transactions and the contribution of each element of the management system to the overall goal of the enterprise. In Russian practice, an enterprise's accounting system is traditionally associated with the accounting department, but it is broader and includes management accounting and a cost control system. Therefore, its purpose is not simply to record data but also to prepare information for management decision-making. The objective of this study is to determine the value of functional accounting areas for

the strategic development of economic activity from the perspective of the enterprise's business processes. An analysis of accounting transactions across the enterprise's business processes was conducted using T. Saati's Analytical Hierarchy Process (AHP).

Six criteria were proposed by which experts evaluated verbal judgments and determined their hierarchy. This resulted in a hierarchy of criteria within processes and global weights based on their contribution to the overall enterprise management goal. The significance of the study allows for the identification of accounting and analytical support risks requiring further mitigation and prevention measures.

The study yielded data reflecting not only traditional value areas for management decisions (costing, defect accounting) related to the core business processes of an industrial enterprise, but also accounting and analytical support for auxiliary processes (legal support) and development processes (R&D). These findings highlight the growing role of sustainable strategic development at enterprises. The study's findings can form the basis for digitalizing business processes and adapting the current management system to internal risks.

Keywords: business processes, analytic hierarchy process, accounting operations, expert assessments, decision making, COSO

УДК 338.24:338.12
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-161-168
© Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р., 2026

Актуальные угрозы безопасности российской экономики в 2026 г.

Шлычков Валерий Владимирович
Доктор экономических наук, профессор, главный редактор
Журнала «Вестник экономики, права и социологии»
(420015, Казань, ул. К.Маркса, 53а; e-mail: vestnik_eps@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-3307-2153; SPIN-code: 8836-8867; ResearcherID: D-4695-2016;
Scopus ID: 56748133800)

Нестулаева Диана Рустамовна
Кандидат экономических наук, доцент, заместитель главного редактора
Журнала «Вестник экономики, права и социологии»
(420015, Казань, ул. К.Маркса, 53а; e-mail: diana_n_r@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-4885-449X; SPIN-code: 8926-9563;
ResearcherID: D-4945-2016; Scopus ID: 56747972400)

Существующая высокая турбулентность глобальной экономической среды предопределяет актуальность комплексного анализа текущего состояния экономики России, своевременное выявление и оценку актуальных угроз экономической безопасности страны, а также выработку эффективных мер противодействия негативным факторам развития. Целью исследования является проведение квалифицированного анализа состояния национальной экономической системы, выявление и классификация потенциальных угроз экономической безопасности страны, разработка эффективных механизмов и определения инструментов противодействия этим угрозам.

В работе доказывается факт того, что несмотря на значимость внутренних угроз, именно внешние угрозы в силу масштабности наносимого ущерба оказывают сегодня максимально негативное воздействие на российскую социально-экономическую систему и являются основными детерминантами зафиксированного замедления экономического роста. В тоже время, авторы обосновывают необходимость комплексного подхода к оценке существующих угроз и выработке системных мер по минимизации причиняемого ими вреда, акцентируя внимание на важности консолидации усилий экономических субъектов всех уровней в рамках процесса обеспечения приемлемого уровня защищенности российской экономики. При этом исследователи рассматривают отказ от следования западным парадигмам и корректировку реализуемой экономической политики в качестве обязательных условий достижения национальных целей развития.

Научная новизна исследования заключается в анализе макроэкономических показателей и оценке текущего состояния российской экономической системы, выявлении и классификации актуальных угроз экономической безопасности, а также разработке стратегии и механизма противодействия им, что позволяет прирастить существующую теоретико-методологическую базу научных изысканий в данной области.

Практическая значимость работы выражается в выработке рекомендаций органам государственной власти и российским субъектам хозяйствования по корректировке текущих планов и программы развития, учитывающих повышенную неопределенность и трансформацию экономической среды.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, внешние и внутренние угрозы, экономический рост, турбулентность экономической среды, санкционное давление, экономическая устойчивость, экономический потенциал*

Для цитирования: *Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р. Актуальные угрозы безопасности российской экономики в 2026 г. // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 161–168. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-161-168.*

Введение

Начавшийся в 1991 г. процесс интеграция российского хозяйства в мировую экономическую систему изначально проходил под контролем и в интересах коллективного Запада, который в рамках международного разделения труда отводил РФ роль источника дешевого сырья, предполагающую деиндустриализацию и отказ от развития собственного производственно-промышленного потенциала. И реализуя эту парадигму наша страна, в период с 1990 по 2023 гг. потеряла примерно 60 % своей промышленности [1], а финансово-банковская система оказалась практически полностью под контролем западных институтов, таких как Всемирный банк и МВФ.

Начавшийся в «нулевые» процесс переосмысления Россией своих национальных интересов привел к осознанию необходимости восстановления утраченной части суверенитета и корректировке государственной социально-экономической политики, основой которой стали снижение сырьевой зависимости, неоиндустриализация и поступательное развитие с опорой на собственный научно-технологический и кадровый потенциал. Коллективный Запад крайне болезненно отреагировал на отказ РФ беспрекословно и в ущерб собственным национальным интересам участвовать в его глобалистском проекте и сразу же начал последовательно возводить барьеры на пути роста российской экономики, запустив механизм санкций и рестрикций, которые на сегодняшний день разрослись до беспрецедентных масштабов и совместно с проводимой Специальной военной операцией стали внесистемными детерминантами, в значительной мере формирующими текущую экономическую среду, отличающуюся повышенной турбулентностью и неопределенностью.

Материалы и методы исследования

Теоретической основой исследования послужили фундаментальные и прикладные работы отечественных и зарубежных ученых в области экономической безопасности, макроэкономического анализа и государственно-муниципального управления.

Методологическую базу исследования составили: системный подход – для комплексного анализа состояния экономической безопасности; доказательный подход – для верификации полученных результатов; ретроспективный анализ – для изучения динамики экономических показателей; функциональный анализ – для исследования взаимосвязей между экономическими явлениями; сравнительный анализ – для сопоставления показателей российской экономики с международными аналогами; синтез и дедукция – для формирования общих выводов и рекомендаций; индукция – для обобщения частных наблюдений в общие закономерности

Источниками информационной базы стали: данные Росстата, материалы Министерства экономического развития РФ, Министерства внутренних дел, информация Центрального банка РФ, статистические данные международных организаций, результаты социологических опросов, аналитические отчеты профильных ведомств.

Текущее состояние российской экономики

Как уже было сказано выше, российская экономика, находящаяся уже много лет под постоянно усиливающимся санкционным давлением, в ушедшем году подтвердив свои высокие адаптационные способности и устойчивость к внешним вызовам, вступила в 2026 г. находясь в стадии умеренного подъема в 1 % [2] и поиске новых драйверов роста, способных компенсировать угасающий импульс увеличения госрасходов и кредитного бума 2022–2024 гг.

Необходимо отметить тот факт, что, хотя в соответствии с оценкой Международной организации труда, стоимость ВВП на отработанный час в 2025 г. для России составила 44,31 долл., превысив среднемировой уровень (23,11 долл.), этот результат существенно ниже показателей США и ЕС, обеспечивших 81,8 и 71,32 долл. ВВП за отработанный час соответственно. При этом отставание российской экономики в уровне производительности труда от стран-лидеров научно-технического развития в 2025 г. ещё больше усилилось, закрепив негативный тренд, эффективное противодействие которому на сегодня крайне затруднено как по причине ужесточения ограничений доступа российских хозяйствующих субъектов к глобальным данным и

мировым техническим инновациям, так и из-за невозможности адекватного замещения последних отечественными решениями и разработками, осуществляемыми в условиях 17-кратного отставания от США и 15-кратного отставания от Китая в уровне финансирования отечественной науки, ежегодные затраты которой в последние десятилетия практически не менялись и находятся в диапазоне 0,9–1,13 % [3], что явно не соответствует современным реалиям и задачам достижения заявленных целей национального развития.

Таким образом, с высокой степенью вероятности можно утверждать, что в условиях отсутствия значимого роста в 2025 г., сохранения жесткой денежно-кредитной политики ЦБ РФ и запредельной стоимости кредитных ресурсов, российская экономика, пережив стадию планового «охлаждения» и продолжая функционировать в мобилизационном режиме, переориентировалась в сторону внутреннего рынка и в настоящее время перешла к фрагментальной модели роста, точками которого остаются финансируемые из бюджета отдельные предприятия и отрасли. В то же время работающие в рамках рыночных парадигм на удовлетворение внутреннего спроса российские компании и ориентируемые на глобальный рынок субъекты хозяйствования, оставшись без бюджетной поддержки и находясь под прессом увеличивающегося налогового бремени, укрепления курса рубля, санкционных ограничений и низких мировых цен на сырьевые товары, переместились в «красную зону» повышенного риска, утратив статус драйверов развития, что в конечном итоге и привело к существенному ухудшению инвестиционного климата и снижению темпов капиталовложений до 1,7 %, что повышает риски перехода экономической динамики к устойчивым отрицательным значениям как минимум в краткосрочной перспективе

При этом зафиксированное снижение доли сырьевых доходов в структуре бюджета РФ с 30,3 % в 2024 г. до 22,7 % в 2025 г. [4] произошло не столько за счет структурной трансформации экономической системы и роста потенциала её несырьевого сектора, сколько за счет укрепления курса рубля, резкого падения цен на российские углеводороды (-20 %) и ужесточения санкций в отношении российских поставщиков и перевозчиков, приведших к увеличению дисконта на нефть марки «*Urals*» до 23 %.

И несмотря на то, что бюджетная система в условиях высоких геоэкономической и геополитической турбулентности все же сохранила свою устойчивость, а рубль благодаря жесткой денежно-кредитной политике и бюджетному правилу весь год оставался стабильным, доходы федерального бюджета в 2025 г. относительно предыдущего года выросли на 1,6 % и составили 37,3 трлн руб. Однако с учетом инфляции они все же упали в реальном выражении, что на фоне увеличения расходов до 42,9 трлн руб. (или на 6,8 % к уровню прошлого года) привело к бюджетному дефициту в 5,6 трлн руб. или 2,6 % ВВП. Как следствие, снижение нефтегазовых доходов при одновременном увеличении государственных расходов привело к переносу финансирования части инфраструктурных и национальных проектов на неопределенный срок и росту дефицита практически почти всех региональных бюджетов, исключая Москву и Татарстан, сумевших в ушедшем году обеспечить положительный баланс. И в целях компенсации выпадающих нефтегазовых доходов Минфин РФ в августе прошедшего года был вынужден инициировать семимесячный марафон распродажи валюты и золота из ФНБ, аккумулируя этим способом с середины января 2026 г. уже по 12,8 млрд руб. в день, что стало максимальным показателем за последние 12 месяцев [5]. При этом, прогнозируя предстоящий дефицит государственной казны, Правительство РФ ещё в сентябре 2025 г., отказавшись от эмиссии, запустило процесс балансировки бюджета путем «донастройки» налоговой системы, в рамках которой был увеличен НДС на не социально значимую продукцию с 20 до 22 %, проведен возврат общих тарифов страховых взносов для субъектов МСП неприоритетных отраслей в 30 % до предельной базы и 15 % свыше базы, поэтапно снижен порог выручки для перехода малого и среднего бизнеса на упрощённый налоговый режим (УСН) и т.д.

Оценивая состояние российского рынка труда, надлежит отметить, что на фоне роста скрытой безработицы, увеличения числа самозанятых и доли работающих дистанционно, он отличается высоким уровнем турбулентности, неоднородностью по сегментам, отсутствием необходимого для совершенной конкуренции предложения и дефицитом квалифицированных специалистов при рекордно низкой безработице в 2,2 %, что в свою очередь провоцирует массовые запросы работников на увеличение уровня зарплат, не подкрепленное ростом производительности труда. При этом в ушедшем году доля работников, получающих зарплату более 100 тыс. руб. в месяц, увеличилась до 16,7 % (+5,3 %), до 21,6 % (+3,1 %) возросла численность зарабатывающих от 60 до 100 тыс. руб., на 15 % прибавилось количество тех, кто получает от 45 до 60 тыс. руб., а число малоимущих сократилось на 9 %. Примечательно, что согласно результатам опроса 1,8 тысяч россиян различных возрастных категорий, проведенного *SuperJob* с 27 января по 2 февраля 2026 г., каждый третий респондент готов согласиться на неофициальное трудоустройство [6].

Отечественный финансовый сектор, являясь одним из ключевых механизмов развития экономики, на сегодня эволюционирует в парадигме, определенной ЦБ РФ в «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 г. и период 2027–2028 гг.», и нацелен на обе-

спечение финансовой стабильности и повышение капитализации рынка до 66 % ВВП, цифровизацию и адаптацию сервисов под онлайн-режим, обеспечение доступности продуктов и инструментов финансового рынка для широкого круга частных инвесторов и нефинансового сектора, а также рост объема публичных размещений акций, включая компании с государственным участием на российском фондовом рынке [7]. Одновременно на фоне низкой текущей дивидендной доходности российского финансового рынка и некоторого смягчения государственной денежно-кредитной политики мы наблюдаем устойчивый переход экономически активной части граждан к инвестиционно-сберегательной модели поведения, предполагающей достижение финансовых целей за счет сочетания классических депозитов с инвестиционными продуктами, обеспечивающими более высокий доход. Вследствие чего, несмотря на замедление темпов роста, российские банки в 2025 г. получили чистую прибыль в размере 3,5 трлн руб. (что на 8 % меньше результата предыдущего года в 3,8 трлн руб.), оставаясь при этом одним из немногих эффективных секторов экономики.

Кроме того, несмотря на усиление государственного регулирования и мобилизацию экономики, количество выявленных коррупционных преступлений в 2025 г. выросло на 10 %, нанеся подтвержденный материальный ущерб в 16 млрд руб. [8] и, что наряду с усилением фискального и административного давления на бизнес, оказало значительное негативное воздействие на экономическую среду и состояние предпринимательского климата.

Ключевые угрозы экономической безопасности России

Современная экономическая наука традиционно разделяет существующие угрозы безопасности национальной экономики по месторасположению источников на внешние и внутренние, отмечая их взаимосвязь и высокую степень корреляции. И несмотря на то, что оба типа угроз оказывают комбинированное воздействие на управляемый объект синхронно и функционируют в единой среде, их индивидуальная результативность, как правило, не бывает тождественной, а приоритетность влияния на национальное хозяйство определяется значительным числом факторов, таких как геоэкономическая и геополитическая ситуация, «качество» потенциала и состояние самой экономической системы, а также ориентированность и степень суверенности национальных элит. Причем в процессе комплексной оценки текущего состояния безопасности экономики страны определение доминирующего положения того или иного вида угроз в конкретный исторический период в значительной мере зависит от адекватности оценок привносимого ими потенциального ущерба и максимально корректного определения степени негативного влияния на социально-экономическую систему и процессы её дальнейшего развития, т.к. эффективное противодействие вызовам предполагает установление приоритетов использования ограниченных по своей природе ресурсов и необходимость концентрации усилий на наиболее значимых и масштабных по своим отрицательным последствиям угрозах.

Говоря об актуальных вызовах безопасности российской экономики, авторы настоящей работы, являясь последовательными приверженцами тезиса о том, что «экономические успехи любого государства определяются в основном тем, что происходит у него внутри» [9], сегодня вынуждены в определенной мере согласиться с позицией ряда наших коллег утверждающих, что «экономическая безопасность государства зависит главным образом от процессов, происходящих во внешней среде» [10, с. 67], выделяя из последних издержки проводимой СВО и беспрецедентные по объему западные санкционные ограничения, а также высокую турбулентность и неопределенность глобальной экономической среды в качестве ключевых детерминант, определяющих текущее состояние и вектор развития национальной социально-экономической системы в краткосрочной перспективе.

Проводимая нашей страной Специальная военная операция, по мнению авторов, также относится к внешнему типу угроз экономической безопасности, т.к. является адекватной реакцией на проводимые Западом милитаризацию и нацификацию Украины, превративших последнюю в источник экзистенциальных вызовов национальной безопасности РФ и военизированный авангард развязанной против нас прокси-войны. И с учетом того, что начало СВО было обусловлено отнюдь не экономическими факторами, а «столкновением западно-христианской и восточно-христианской цивилизаций» [7], её завершение, бесспорно, будет являться результатом политического компромисса, достигнутого не с марионеточными властями Украины, а с главным инициатором и бенефициаром конфликта исторически братских народов в лице США.

В то же время перманентно усиливающиеся западные санкции в 2026 г. будут только наращивать масштабы своего негативного воздействия на экономику России, суммируя импульс вновь установленных рестрикций с пролонгируемым отрицательным эффектом ранее введенных ограничений, по сути являясь политически мотивированным инструментом недобросовестной рыночной конкуренции. Так, наряду с введенным ранее поэтапным запретом на поставку всех видов российского газа с 30 сентября 2027 г., запланированный к принятию в феврале текущего года «юбилейный» 20 санкционный пакет предполагает отказ Евросоюза от ценового потолка на российскую нефть и установление запрета на ее экспорт морским путем, реализуемого за счет от-

каза стран-участниц от предоставления услуг по страхованию и техническому обслуживанию задействованных в перевозке российских углеводородов танкеров-газовозов и ледоколов. Кроме того, планируется расширить санкционный список российских финансовых организаций и ввести запрет на импорт химической продукции и ряда металлов, таких как медь, платина, иридий и родий.

Одновременно, наряду с российскими субъектами экономики, санкционное давление стало интенсивно оказываться и на зарубежных контрагентов, поставленных перед выбором между «сворачиванием» торгово-экономических отношений с Россией при сохранении партнерства с коллективным Западом и утратой своих позиций на рынках последнего. И несмотря на оптимистические прогнозы большинства отечественных экспертов, на наш взгляд, этот выбор будет сделан не в пользу РФ, т.к. Запад, в силу значимости своего социально-экономического потенциала и тотального контроля над мировой финансовой системой, способен нанести нашим бизнес-партнерам ущерб, по своему масштабу значительно превышающий текущие экономические выгоды от сотрудничества с Россией, не располагающей идеологической компонентой противостояния социалистических и капиталистических систем, наличие которой мотивировало союзников СССР к «принятию» бремени текущих ограничений ради перспектив «светлого будущего». При этом даже международные организации со значительным российским влиянием, такие как БРИКС и ШОС, в силу изначально заложенных в них организационно-структурных ограничений и разнонаправленности национальных интересов стран-участников, в современных реалиях не способны консолидировано и эффективно противостоять нарастающему давлению Запада, лишая государства-члены столь необходимой и значимой коллективной поддержки на мировой арене. А значит, такие традиционные контрагенты РФ, как Китай, Индия, Казахстан, Киргизия и др., столкнувшись с угрозами внесения в российские санкционные списки, будут в индивидуальном порядке принимать решения об актуальном уровне экономической кооперации с Россией и с высокой степенью вероятности проведут определенную корректировку своей торговой политики, отказавшись от ряда экономически выгодных проектов с нашей страной. В частности, угрозы Д. Трампа ввести пошлины против Индии за импорт российской нефти, дополненные запретом Евросоюза на ввоз из других стран переработанных из нее нефтепродуктов, привели к структурному перелому в сырьевом партнерстве Москвы и Нью-Дели и сокращению январских закупок в РФ относительно декабря 2025 г. на 57 %, а также отказу индийских нефтеперерабатывающих компаний от новых поставок российской нефти в пользу переговоров о торговом соглашении с США.

Все три рассмотренных выше внешних фактора на сегодняшний день стали ключевыми детерминантами и главными источниками повышенной турбулентности не только для отечественной экономики, но и для глобальной экономической среды, что привело к её фрагментированию, падению спроса и изменению баланса предложения, усилению инфляционных процессов, замедлению роста мировой торговли и наиболее устойчивых экономик, а также рецессии национальных хозяйств значительного числа стран. Для России это означает ухудшение условий торговли, рост санкционного давления, увеличение дисконта на экспортные товары и сокращение добычи газа и нефти, а в итоге снижение темпов экономического роста и замедление развития внутреннего рынка, усиление инфляции и падение внутреннего спроса, ухудшение предпринимательского климата и сокращение возможностей российских субъектов экономики к сбережению и инвестированию.

При этом, отдавая приоритет внешним факторам экономической безопасности России, авторы настоящей работы весьма далеки от недооценки степени влияния на неё внутренних угроз, которые за последние четыре года значительно усилили своё негативное воздействие на социально-экономическую систему. И хотя у российской исполнительной власти существует больше инструментов для минимизации потенциального ущерба и эффективного противодействия внутренним угрозам, эта сфера государственного управления пока не отличается высокой результативностью и требует существенной корректировки.

Прежде всего необходимо отметить, что из-за отсутствия адекватной реакции в последние годы, значительное число внутренних угроз приобрело системный характер, став постоянно действующими детерминантами развития, ключевым из которых является дефицит основных факторов производства, к коим мы относим труд, капитал и предпринимательскую активность. Так, несмотря на то, что к концу 2025 г. российский рынок труда после перегрева 2023–2024 гг., перешел в стадию охлаждения, при общей численности рабочей силы в 74,8 млн чел., нехватка рабочих кадров составляет более 800 тыс. чел., что существенно ограничивает возможности расширения производства, включая отрасли с высоким экспортным потенциалом и устойчивым спросом на продукцию. При этом используемая в качестве инструмента таргетирования инфляции ключевая ставка, хотя и была на сегодня понижена с 21 до 15,5 %, фактически превышает рентабельность большинства отраслей, превращая стандартную процедуру кредитования в высоко рискованный процесс, значительно увеличивающий вероятность досрочного прекращения жизненного цикла организации из-за запредельно высоких затрат на обслуживание долговых обязательств, которые, по оцен-

кам экспертов, составляют уже 36 % прибыли [12, с. 29]. Подобная запретительная денежно-кредитная политика тормозит экономический рост и практически делает невозможной реализацию значимых инфраструктурных и капиталоемких проектов, осуществление которых в принципе невозможно как без смягчения условий кредитования, так и без прямых государственных субсидий, выступающих инструментом стимулирования инвестиционной и потребительской активности субъектов российской экономики.

К актуальным внутренним угрозам экономической безопасности РФ также относятся низкое качество планирования и недостаточная эффективность государственно-муниципального управления. В частности, упомянутое выше технологическое отставание России от стран-лидеров уже длительное время находится в фокусе интересов руководства страны, осознающего, что «технический прогресс всегда, даже в доисторические времена, был движущейся силой экономического развития», а сегодня «связь между научным и техническим прогрессом стала гораздо теснее» [13, с. 66–67]. И для сокращения этого системного разрыва были приняты многочисленные государственные программы, результаты которых, хотя и привнесли в экономику значительный положительный импульс, но так и не решили изначально заложенную в них стратегическую задачу достижения технологического суверенитета, а россияне в технологически сложных сегментах сегодня сталкиваются с ростом цен, сокращением номенклатуры и замещением привычной продукции с широкими функциональными возможностями на более простые, но не всегда более дешевые аналоги. И, по мнению авторов, это произошло из-за ошибок в оценке потенциала привлеченных субъектов и рыночной конъюнктуры в целом, а также слабости государственного контроля и недостаточной результативности администрирования реализуемых программ, позволяющих их участникам и заинтересованным чиновникам маскировать свои провалы через постоянное изменение формата национальных проектов и перенос сроков их реализации по «объективным причинам», а также манипуляцию статистическими данными. Ведь для большинства общества достаточно оптимистично звучит информация о том, что импортозамещение в какой-то сфере осуществлено на 96 %, при этом до конца не осознавая, что невозможность «перекрыть» собственными силами оставшихся 4 %, сводит на нет все усилия по достижению заявленных целей, т.к. именно за этими незначительными по объему цифрами скрываются замыкающие производственный цикл наиболее технологически сложные решения и разработки, отсутствие которых не позволяет говорить о нашей «суверенности» в той или иной области.

Кроме того, достаточно серьезную внутреннюю угрозу для перспектив развития российской экономики составляют усиление фискальной нагрузки и административного давления на бизнес, ставшие сегодня уже устойчивым трендом, провоцирующим рост оборота наличных денежных средств и переход части предпринимателей в «серую зону». Проведенная властями всех уровней «донастройка» налоговой системы привела к снижению доступности и объемов государственной поддержки, отмене почти всех налоговых льгот и увеличению кадастровой стоимости налогооблагаемого имущества, что в совокупности с ростом расходов на оплату труда и используемых в производстве ресурсов неизбежно повлечет за собой снижение доходности и утрату бизнесом возможности развиваться за счет собственных источников, а в конечном итоге к потере конкурентоспособности и занимаемых рыночных позиций, снижению финансовой устойчивости, рискам неплатежеспособности и росту налоговых задолженностей.

Достаточно информативными для оценки существующих внутренних угроз экономической безопасности страны, по-нашему мнению, являются представленные в таблице 1 результаты социологического опроса более 600 субъектов малого и среднего бизнеса Татарстана, Чувашии и Марий-Эл, проведенного с участием авторов в январе 2026 г. Опрос определил приоритетность факторов, негативно влияющих на процесс развития реального сектора российской экономики.

Заключение

Не претендуя на полноту исследования заявленной темы в силу ограниченности выбранного формата представленной работы и руководствуясь принципом «размышляя о трудностях, ожидающих нас в будущем, важно понять, как изменить и усовершенствовать нынешние институты» [14, с. 16], позволим себе предложить читателям следующие выводы:

1. Текущее состояние экономической безопасности России определяется способностью государства «приспособиться к переменам» [15, с. 19] и интегральным воздействием внешних и внутренних угроз, а также возможностью эффективно «обеспечить экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [16] в сформированной под их влиянием среде, отличающейся на сегодня значительной неопределенностью и высокой турбулентностью.

2. В современных реалиях нарастающие внешние угрозы, ввиду масштабности наносимого ущерба и ограниченности инструментов влияния на их источники, бесспорно превалируют среди факторов, определяющих как перспективы и вектор развития

Таблица 1

Ключевые барьеры развития реального сектора российской экономики

№ п/п	Фактор негативного влияния	Уровень влияния
1.	Недостаток необходимых для развития собственных средств	98,6 %
2.	Высокая турбулентность и значительная неопределенность экономической среды	91,2 %
3.	Снижение спроса на внутреннем рынке и покупательской способности населения	86,45 %
4.	Усиление фискальной нагрузки	85,8 %
5.	Дефицит квалифицированных кадров	83,8 %
6.	Сложность привлечения долгосрочных кредитных и внешних инвестиционных ресурсов	83,5 %
7.	Снижение доступности и объемов государственной поддержки	75,6 %
8.	Сложности в поставках и высокая стоимость импортных комплектующих и технологического оборудования, отсутствие на внутреннем рынке конкурентоспособных по своим характеристикам отечественных аналогов	74,5 %
9.	Ограничения в доступе к инновационным технологиям, включая разработки отечественных ученых	73,9 %
10.	Усиление административного давления и коррупционные проявления	72,4 %

российской социально-экономической системы, так и уровень её защищённости. При этом Правительству РФ необходимо отказаться от рефлекторной и достаточно часто навязанной извне реакции на экзогенное воздействие и на основе результатов глубокого и квалифицированного анализа глобальной среды выйти за рамки западных парадигм развития и скорректировать свою внешнюю политику, перейдя к более агрессивным шагам в отстаивании своих национальных интересов на международной арене, используя для этого все свои конкурентные преимущества, включая крупнейшие по объему сырьевой и военный потенциалы.

3. Для эффективной нейтрализации внутренних угроз, источники которых находятся в зоне управляющего воздействия государства и отечественных субъектов экономики, также необходимо провести «работу над ошибками» и адаптировать реализуемую экономическую политику к современным реалиям, для чего: скорректировать цели и приоритеты развития, повысить качество планирования и эффективность государственно-муниципального управления, усилить формы контроля и укрепить исполнительную дисциплину, пересмотреть фискальную и денежно кредитную политику, создать механизмы стимулирования спроса и активности субъектов хозяйствования, увеличить расходы на науку и НИОКР, а в итоге завершить много лет декларируемые структурные реформы, отказавшись от сырьевой ментальности и сконцентрировавшись на укреплении производственно-промышленного потенциала.

4. Экономика России сегодня находится в зоне риска перехода к устойчивой отрицательной динамике, а существующие угрозы экономической безопасности в силу масштабности наносимого ущерба требуют усиления мобилизации общества и не менее значимых и системных мер противодействия, предполагающих задействование внутренних резервов и более эффективное использование социально-экономического потенциала страны, понимая, что «в сегодняшнем мире эффективность не вопрос выбора, а обязательное условие-цена входного билета на игровое поле» [17, с. 18].

5. Сохранение приемлемого уровня безопасности и обеспечение защищённости российской экономики в современных реалиях возможны исключительно за счет внутренних ресурсов и потребуют от государства и россиян значительных издержек, от справедливого распределения бремени которых будет зависеть уровень общественной поддержки политики Правительства РФ. Причем, кроме морального одобрения, в случае восстановления во многом утраченного доверия к внутриэкономической политике власти, граждане страны вполне могут выступить ключевыми инвесторами экономического роста, вложив в национальную экономику хотя бы часть из сбереженных ими в наличной форме 17,1 трлн руб. и 92,2 млрд долл.

Литература:

1. Татьяна Гурова: «Никто не воспринимает эту стагнацию как кризис и крах». URL: https://dzen.ru/a/aVNeWRD7VhuwLKe9
2. Совещание по экономическим вопросам. 3 февраля 2026 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/79095
3. Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными. М.: РАН, 2025. 291 с.
4. Минфин: Снижение сырьевой зависимости повысило устойчивость федерального бюджета. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40181-minfin_snizhenie_syrevoi_zavisimosti_povysilo_ustoichivost_federalnogo_byudzheta
5. О нефтегазовых доходах и проведении операций по покупке/продаже иностранной валюты и золота на внутреннем валютном рынке. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40162-o_neftegazovykh_dokhodakh_i_provedenii_operatsii_po_pokupkeprodazhe_inostrannoi_valyuty_i_zolota_na_vnutrennem_valyutnom_rynke

6. Серые схемы трудоустройства: 4 из 10 россиян против, 1 из 3 готов согласиться // Исследовательский центр портала Superjob.ru. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/115667/seryeshemy-trudoustrojstva/
7. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов одобрены Советом директоров Банка России. Документ подготовлен по статистическим данным на 01.10.2025. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2025 137 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/181362/onrfr_2026_2028.pdf
8. Статистика и аналитика. Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics
9. Rodrik, D. Economics Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science. New York / London, W.W.Norton & Company. 2015. 162 p.
10. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. М.: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
11. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций / Пер. Велимеев Т.А.. М.: АСТ, 2022. 640 с.
12. Анализ макроэкономических тенденций. М.: Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, 2025 71 с.
13. Интервью с Василием Леонтьевым. Беседовал Данкан Фоули // О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта; Пер. с англ. М.: Московская школа управления «Сколково»; Альпина Бизнес Букс, 2009. 490 с. С. 53–70.
14. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. М.: Изд-во «Синдбад», 2020. 416 с.
15. Адизес И. Лучшее. Пища для размышлений. Об изменениях и лидерстве, о менеджменте и о том, что важно. М.: Эксмо, 2015. 144 с.
16. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
17. Кови С.Р. Восьмой навык. От эффективности к величию. М.: Альпина Паблишер, 2014. 408 с.

Actual Threats to the Security of the Russian Economy in 2026

Valery Vladimirovich Shlychkov, Diana Rustamovna Nestulaeva
Federal Scientific, Practical and Analytical Journal
«Bulletin of Economics, Law and Sociology» (Kazan, Russia)

The existing high turbulence of the global economic environment determines the relevance of a comprehensive analysis of the current state of the Russian economy, timely identification and assessment of current threats to the country's economic security, as well as the development of effective measures to counter negative development factors. The purpose of the study is to conduct a qualified analysis of the state of the national economic system, identify and classify potential threats to the country's economic security, develop effective mechanisms and identify tools to counter these threats.

The paper proves the fact that despite the importance of internal threats, it is external threats that, due to the magnitude of the damage caused, currently have the most negative impact on the Russian socio-economic system and are the main determinants of the recorded slowdown in economic growth. At the same time, the authors substantiate the need for an integrated approach to assessing existing threats and developing systematic measures to minimize the harm they cause, emphasizing the importance of consolidating the efforts of economic entities at all levels as part of the process of ensuring an acceptable level of security for the Russian economy. At the same time, researchers consider the rejection of following Western paradigms and the adjustment of the implemented economic policy as mandatory conditions for achieving national development goals.

The scientific novelty of the research consists in analyzing macroeconomic indicators and assessing the current state of the Russian economic system, identifying and classifying current threats to economic security, as well as developing a strategy and mechanism to counter them, which makes it possible to augment the existing theoretical and methodological base of scientific research in this area.

The practical significance of the work is expressed in the development of recommendations to government authorities and Russian business entities on the adjustment of current development plans and programs, taking into account the increased uncertainty and transformation of the economic environment.

Keywords: economic security, external and internal threats, economic growth, turbulence of the economic environment, sanctions pressure, economic stability, economic potential

УДК 342.9:614.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-169-173
© Астахов П.О., 2026

Особенности рассмотрения споров по поводу цифровых активов в международном арбитраже на примере юрисдикционных (арбитражных) оговорок крупнейших криптобирж

Астахов Павел Олегович
Аспирант кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права Юридического института
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
(117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; e-mail: poastakhov@gmail.com)

Актуальность статьи обусловлена динамичным развитием цифровизации и цифрового права в настоящее время, что ставит вопрос о необходимости поиска и изучения эффективных способов разрешения возникающих в гражданском обороте споров по поводу цифровых активов.

Цель научного исследования – исследовать и выявить особенности рассмотрения цифровых споров в международном арбитраже на примере юрисдикционных (арбитражных) оговорок крупнейших криптобирж.

Научная значимость проведенного исследования заключается в выяснении содержания и структуры юрисдикционных (арбитражных) оговорок крупнейших мировых криптобирж, таких как Binance, OKX, Coinbase, Bitget, Bybit, Kraken (Payward), KuCoin, а также в оценке их характеристик. Результаты данного исследования могут быть использованы для обогащения научно-исследовательской базы в сфере международного арбитража споров по поводу цифровых активов.

В ходе исследования автор пришел к выводу, что большинство юрисдикционных (арбитражных) оговорок криптобирж носят сложносоставной характер, при этом признавая арбитраж основным способом разрешения споров, а также стремятся учитывать специфику разрешения споров с потребителями.

Ключевые слова: *криптобиржа, спор по поводу цифровых активов, международный арбитраж, юрисдикционная (арбитражная) оговорка, «Глобальный Рынок Абу-Даби» (ADGM), Гонконгский международный арбитражный центр, Сингапурский международный арбитражный центр, Лондонский международный арбитражный суд, Американская арбитражная ассоциация, JAMS (США)*

Для цитирования: *Астахов П.О. Особенности рассмотрения споров по поводу цифровых активов в международном арбитраже на примере юрисдикционных (арбитражных) оговорок крупнейших криптобирж // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 169–173. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-169-173.*

Цифровые активы находятся в гражданско-правовом обороте на криптобиржах, к числу крупнейших из которых следует отнести *Binance, OKX, Coinbase, Bitget, Bybit, Kraken (Payward), KuCoin* и др. В подавляющем большинстве случаев в договорах присоединения (условиях пользования, типовых соглашениях), которые криптобиржи предлагают своим пользователям, содержится пункт о разрешении споров в порядке арбитража (арбитражная оговорка). При этом положения таких договоров,

касающиеся разрешения споров (юрисдикционная оговорка), часто являются сложносоставными и закрепляют также иные процедуры урегулирования помимо арбитража.

Далее будут рассмотрены такие юрисдикционные и арбитражные оговорки, а затем – выделены их основные особенности.

Правила пользования ***криптобиржи Binance*** содержат следующие положения о разрешении споров [1].

Согласно п. 36.1 Правил пользования *Binance*, в случае неурегулирования жалобы службой поддержки *Binance* в течение 80 дней сторона, права которой нарушены, должна направить другой стороне формальное уведомление, в котором описать суть спора и его основания, а также сформулировать свое требование.

Согласно п. 36.2 Правил пользования *Binance*, «стороны соглашаются вести добросовестные переговоры в течение девяноста (90) календарных дней с момента направления Уведомления с целью мирного урегулирования спора».

В случае неурегулирования спора посредством переговоров стороны имеют право передать спор для урегулирования в арбитраж (п. 37 Правил пользования *Binance*) по Правилам арбитража Международной торговой палаты (Правила *ICC*, МТП). Спор подлежит рассмотрению коллегией из 3 арбитров, назначаемых в соответствии с Правилами МТП. Юридическим местом арбитража является специально созданная в ОАЭ юрисдикция под названием «Глобальный Рынок Абу-Даби» (*ADGM*). *ADGM* – это международный финансовый центр и свободная экономическая зона, расположенная в столице ОАЭ – г. Абу-Даби, имеющая собственную независимую судебную систему, созданную для разрешения споров, возникающих при осуществлении международного бизнеса.

В соответствии с п. 37.6 Правил пользования *Binance* «арбитражное решение является окончательным и обязательным для Сторон и может быть приведено в исполнение в любом суде, обладающем юрисдикцией». В силу п. 37.7 Правил *Binance*, стороны вправе обращаться за применением мер в поддержку арбитража только в суды *ADGM*, при этом прочие суды ОАЭ не имеют юрисдикции применять такие меры.

Правилами пользования *Binance* также установлено, что языком арбитража является английский язык и что арбитраж носит конфиденциальный характер. Согласно п. 39 Правил Binance стороны отказываются от коллективных и групповых исков, арбитраж является исключительным способом разрешения возникающих споров.

Следует отметить, что ранее Правила пользования *Binance* содержали арбитражную оговорку о рассмотрении споров по Гонконгским Правилам арбитража, однако в декабре 2025 г. криптобиржа *Binance* объявила о том, что она теперь является криптобиржей, регулируемой Управлением по регулированию финансовых услуг *ADGM*, что повлияло в том числе на изменение юрисдикционной и арбитражной оговорки.

Правила пользования ***криптобиржи OKX*** (а именно п. 20) [2] предусматривают, что в случае любого спора, разногласия или требования, возникающего из или в связи с правилами пользования, включая их существование, действительность, толкование, исполнение, нарушение или прекращение, стороны сначала передают спор на рассмотрение в Гонконгский международный арбитражный центр (*HKIAC*, ГМАЦ) в соответствии с Правилами медиации ГМАЦ, действующими на момент обращения.

Если спор не будет урегулирован путём подписания соглашения о мировом урегулировании в течение 90 дней с момента подачи запроса на медиацию, такой спор подлежит передаче и окончательному разрешению посредством арбитража, администрируемого ГМАЦ в соответствии с Правилами арбитража ГМАЦ.

Местом арбитража является Гонконг, спор по общему правилу рассматривается тремя арбитрами. Арбитражное разбирательство проводится на английском языке. Широкое раскрытие доказательств (*discovery*) исключается. Любое арбитражное решение является окончательным и обязательным для сторон и подлежит исполнению в любом компетентном суде, обладающем юрисдикцией.

Стороны отказываются от рассмотрения подлежащих разрешению в арбитраже споров, в государственных судах, с участием присяжных заседателей (это имеет отношение, прежде всего, к США), а также от коллективных исков. Однако в п. 20.5 Правил *OKX* предусмотрено исключение: споры, касающиеся толкования, применимости, действительности или исполнимости отказа от коллективных форм защиты, подлежат разрешению исключительно компетентным государственным судом, а не арбитрами. В случае если такой суд посчитает, что применение коллективной формы защиты возможно, спор в этой части будет рассмотрен судом, а не арбитражем.

Пользовательское соглашение ***криптобиржи Coinbase*** с индивидуальным пользователем предусматривает многоступенчатую арбитражную оговорку. Согласно Приложению 5 к данному соглашению [3], до подачи требования об арбитраже необходимо пройти процедуру рассмотрения формальной жалобы.

Споры, связанные с толкованием или применением арбитражной оговорки, включая вопросы ее исполнимости, объёма или действительности, подлежат рассмотрению компетентным судом, а не в арбитраже. Споры по искам на незначительные суммы и споры по поводу интеллектуальной соб-

ственности также подлежат разрешению компетентным судом.

Иные категории споров подлежат рассмотрению в арбитраже. По общему правилу арбитраж администрируется Американской арбитражной ассоциацией («ААА») в соответствии с Правилами потребительского арбитража ААА. Если ААА не может или не желает администрировать арбитраж либо если спор является частью «пакетного арбитража», арбитраж администрируется Организацией по оказанию услуг арбитража и медиации (*JAMS*, Калифорния) в соответствии с правилами и процедурами *JAMS*. Если *JAMS* не может или не желает администрировать арбитраж, то каждая из сторон вправе обратиться в компетентный суд с ходатайством о назначении лица, которое будет администрировать спор. К арбитражу применим Федеральный закон США об арбитраже.

Стороны соглашаются с тем, что если какое-либо положение арбитражной оговорки будет признано неисполнимым, то соответствующая часть будет отделена, а остальная часть арбитражной оговорки останется в силе.

Пользовательское соглашение *Coinbase* предусматривает отказ от коллективных и групповых исков и иной неиндивидуализированной защиты в государственном суде.

Интересной особенностью пользовательского соглашения *Coinbase* является опция так называемого «пакетного арбитража» (*batch arbitration*). Положения о «пакетном арбитраже» применяются, если подано 25 или более индивидуальных арбитражных требований схожего характера и такие требования поданы с участием одной и той же юридической фирмы или группы фирм. Если применяется пакетный арбитраж, *JAMS* администрирует требования пакетами, то есть: назначает отдельного арбитра для каждого пакета, если стороны не договорились иначе; обеспечивает рассмотрение каждого пакета как одного объединённого арбитража с единым набором сборов, единым процессуальным графиком и одним слушанием. *JAMS* старается формировать пакеты равными по сумме требований и количеству дел. Стороны обязуются добросовестно сотрудничать с *JAMS* для реализации процедуры разрешения спора и снижения расходов. По каждому пользователю выносится отдельное решение.

Для бизнес-пользователей (непотребителей) криптобиржа *Coinbase* предлагает специальные правила, в п. 7.3 которых содержится более упрощенная арбитражная оговорка, предусматривающая передачу всех споров в арбитраж *JAMS* после попыток мирного урегулирования спора [4].

В соответствии с п. 18 Условий пользования ***криптобиржи Bitget*** [5] предусмотрено урегулирование споров в претензионном порядке. При недостижении соглашения об урегулировании претензии в течение 30 дней любая из сторон может передать спор в арбитраж.

Согласно п. 18.3 Условий пользования *Bitget* любой спор или разногласие между пользователем и *Bitget* (и/или любыми её аффилированными лицами), возникающее из, в связи с или каким-либо образом связанное с их соответствующими правоотношениями, подлежит передаче и окончательному разрешению посредством арбитража, администрируемого ГМАЦ в соответствии с Правилами арбитража ГМАЦ, действующими на момент начала арбитража. Арбитражное решение является окончательным и обязательным. Местом арбитража является Гонконг. Арбитражное разбирательство проводится на английском языке. Если иное не согласовано, спор рассматривается одним арбитром, и такой арбитр должен обладать соответствующей юридической и технической квалификацией. Если в течение 15 рабочих дней стороны не договорятся о назначении арбитра, он назначается ГМАЦ.

Если какая-либо часть юрисдикционного соглашения будет признана неисполнимой или незаконной по любой причине, это не влияет на действительность его других частей.

Если по закону какие-либо требования должны рассматриваться в коллективном порядке, они подлежат рассмотрению в компетентном гражданском суде, а не в арбитраже, при этом стороны соглашаются, что такое судебное разбирательство должно быть приостановлено до завершения индивидуальных арбитражных разбирательств.

Согласно п. 46.3 Общих условий (Условий) ***криптобиржи Bybit*** [6] любой спор, возникающий из Условий либо в связи с ними, включая любые вопросы относительно существования, действительности или прекращения Условий, подлежит передаче и окончательному разрешению посредством арбитража.

Арбитраж проводится в соответствии с Арбитражными правилами Сингапурского международного арбитражного центра (*SIAC*). Местом арбитража является Сингапур. Количество арбитров составляет три. Каждая сторона назначает по одному арбитру, а третий арбитр назначается по соглашению между назначенными арбитрами. Третий арбитр выполняет функции председателя коллегии арбитров. Решение коллегии арбитров является окончательным. Консолидация арбитражей допускается.

П. 14 Глобальных условий пользования ***криптобиржи Kraken*** (*Payward*) [7] предусматривает передачу споров на рассмотрение в арбитраж, за исключением споров, в которых любая из сторон требует правовой защиты в связи с предполагаемым незаконным использованием авторских прав, товарных знаков, наименований, логотипов, коммерческой тайны или патентов.

Стороны обязуются уведомлять друг друга в письменной форме о любом споре в течение 30 дней с момента его возникновения. Стороны обязуются попытаться урегулировать спор в неформальном порядке до подачи требования об арбитраже. Арбитраж проводится в г. Сан-Франциско, Калифорния. Арбитраж осуществляется конфиденциально одним арбитром в соответствии с правилами *JAMS*. Государственные или федеральные суды в Сан-Франциско обладают исключительной юрисдикцией в отношении арбитражного решения и по искам, не подлежащим рассмотрению в арбитраже.

Интересно, что для пользователей на территории Европейского экономического сообщества действуют отдельные условия пользования криптобиржи *Kraken*, закрепляющие иную юрисдикционную оговорку. А именно: [8]

• для потребителей: любые споры подлежат исключительной юрисдикции ирландских судов;

• для непотребителей: любые споры подлежат передаче и окончательному разрешению в арбитраже в соответствии с Правилами *LCIA* (ЛМАС). Юридическим местом арбитража является Лондон, Великобритания. Язык арбитражного разбирательства – английский.

В Правилах пользования ***криптобиржи Kucoin*** [9] предусмотрена краткая арбитражная оговорка: «*Статья 104. Если иное не предусмотрено другими правилами в рамках настоящего Соглашения, обе стороны соглашаются, что любые претензии, споры или разногласия, возникающие из настоящего Соглашения или связанные с ним, подлежат передаче в Сингапурский международный арбитражный центр для разрешения в арбитраже*».

На основании вышеизложенного следует выделить ***следующие основные особенности юрисдикционных и арбитражных оговорок***, используемых криптобиржами.

Во-первых, юрисдикционные оговорки в основном носят сложносоставной характер. Они включают в себя, в зависимости от обстоятельств, претензионный и переговорный порядок урегулирования спора или медиацию, международный арбитраж (арбитражная оговорка), а также рассмотрение споров в государственных судах.

Вместе с тем, во-вторых, из формулировок юрисдикционных оговорок явствует, что, насколько это возможно и допустимо в соответствии с применимым законодательством, приоритет отдается рассмотрению спора в порядке арбитража. Данный тезис подтверждается и российскими правовыми исследованиями. Как отмечает А.Е. Филиппов, заместитель председателя Арбитражного суда Северо-Западного округа: «Особого внимания требуют вопросы определения компетентного суда по спорам, связанным с цифровыми финансовыми активами, учитывая их потенциальную трансграничность… Эффективным решением сложностей, связанных с определением компетентного суда и применимого права, будет обращение к соответствующим процедурам третейского (арбитражного) разбирательства с включением арбитражной оговорки в пользовательское соглашение сервиса» [10]. Данный подход поддерживается также в работах Е.П. Русаковой и Е.Е. Фроловой [11]

На рассмотрение в государственные суды передаются, как правило, только те категории споров, которые не являются арбитрабельными согласно применимому законодательству.

В-третьих, в качестве арбитражных институтов (центров), администрирующих арбитраж, используются преимущественно ведущие арбитражные институты (центры) стран англо-американского (общего) права: ГМАЦ (Гонконг), Международный арбитражный центр в Сингапуре, ЛМАС (Лондон), ААА или *JAMS* (США) [12]. В качестве места арбитража также обычно избираются юрисдикции общего права. Помимо указанных выше, к их числу относится и *ADGM* (ОАЭ).

В-четвертых, правила использования / типовые соглашения некоторых криптобирж предусматривают новаторский подход к проведению арбитража: например, «пакетный арбитраж», предусмотренный пользовательским соглашением *Coinbase*.

В-пятых, большинство арбитражных (юрисдикционных) оговорок стараются учитывать специфику разрешения споров с потребителями, в частности вводя для них отдельные правила (криптобиржи *Coinbase, Kraken*). Это связано с тем, что суды в ряде государств достаточно строго относятся к процедуре рассмотрения споров с участием потребителей [13; 14].

Таким образом, в той мере, в которой это допускается применимым законодательством, в настоящее время крупнейшие криптобиржи предлагают рассматривать возникающие в связи с их деятельностью споры в порядке арбитража. Вероятно, такая тенденция будет прослеживаться и в дальнейшем, учитывая специализированный характер цифровых споров и потребность гражданского оборота в гибких правилах их урегулирования.

Литература:

1. Правила пользования (пользовательский договор) криптобиржи Binance в редакции от 5 января 2026 г. URL: https://www.binance.com/en/terms (дата обращения: 20.03.2026).
2. Правила пользования криптобиржи OKX в редакции от 18 февраля 2026 г. URL: https://www.

okx.com/en-ae/help/terms-of-service (дата обращения: 20.03.2026).
3. Пользовательское соглашение криптобиржи Coinbase с индивидуальным пользователем в редакции от 19 марта 2026 г. URL: https://www.coinbase.com/legal/user_agreement/united_states#anchor-coinbase-business-user-agreement (дата обращения: 20.03.2026).
4. Пользовательское соглашение криптобиржи Coinbase с бизнес-пользователем в редакции от 5 февраля 2026 г. URL: https://www.coinbase.com/legal/user_agreement/united_states#anchor-coinbase-business-user-agreement (дата обращения: 20.03.2026).
5. Условия пользования криптобиржи Bitget в редакции от 4 февраля 2026 г. URL: https://www.bitget.com/support/articles/360014944032-terms-of-use (дата обращения: 20.03.2026).
6. Общие условия криптобиржи Bybit в редакции от23 января 2026 г. URL: https://www.bybit.com/en/legal/terms-of-service/terms-of-service (дата обращения: 20.03.2026).
7. Глобальные условия пользования криптобиржи Kraken в редакции от 18 марта 2026 г. URL: https://www.kraken.com/legal/global-terms (дата обращения: 20.03.2026).
8. Условия пользования криптобиржи Kraken для Европейского экономического сообщества в редакции от 27 февраля 2026 г. URL: https://www.kraken.com/legal/eea-terms (дата обращения: 20.03.2026).
9. Правила пользования криптобиржи Kucoin в редакции от 29 января 2026 г. URL: https://www.kucoin.com/legal/terms-of-use (дата обращения: 20.03.2026).
10. Филиппов А.Е. Отдельные правовые аспекты регулирования оборота цифровых активов в России и за рубежом // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 85–91.
11. Rusakova E.P., Frolova E.E. Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. 2022. № 26. P. 698. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704.
12. Русакова Е.П., Фролова Е.Е. Об эффективности разрешения цифровых споров посредством арбитража в Англии и Уэльсе // Государство и право. 2024. № 1. С. 179–187.
13. Дело Payward Inc v Chechetkin, High Court of Justice (England), решение от 14 июля 2023 г. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2023/1780.html (дата обращения: 20.03.2026).
14. Court of Appeal for Ontario, Lochan v. Binance Holdings Limited, 2024 ONCA 784, решение от 28 октября 2024 г. URL: https://www.canlii.org/en/on/onca/doc/2024/2024onca784/2024onca784.html?resultId=4a82735178d246ba88158baeebd92a68&searchId=2025-01-02T11:17:14:471/7ec92522a9ec48dcb41a76cd91557129#document (дата обращения: 20.03.2026).

Particularities of Digital Asset Dispute Resolution in International Arbitration: a Study of Jurisdictional (Arbitration) Clauses of Major Cryptocurrency Exchanges

Pavel Olegovich Astakhov
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia)

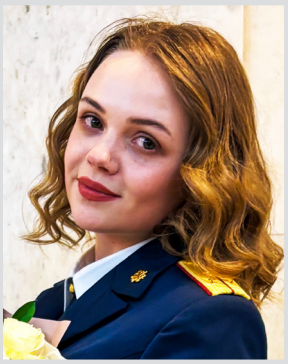
The relevance of this article is determined by the dynamic development of digitalisation and digital law at present, which raises the question of the need to find and study effective ways of resolving disputes arising in civil circulation concerning digital assets.The purpose of this research is to examine and identify the specific features of resolving digital asset disputes in international arbitration, using the jurisdictional (arbitration) clauses of major cryptocurrency exchanges as an example.

The scientific significance of the study lies in clarifying the content and structure of jurisdictional (arbitration) clauses of the world's largest cryptocurrency exchanges, such as Binance, OKX, Coinbase, Bitget, Bybit, Kraken (Payward), and KuCoin, and evaluating their characteristics. The results of this study may be used to enrich the research base in the field of international arbitration of disputes related to digital assets.In the course of this study, the author concludes that most jurisdictional (arbitration) clauses of cryptocurrency exchanges are complex in nature, while recognizing arbitration as the primary method of dispute resolution and also attempting to take into account the specifics of resolving disputes involving consumers.

Keywords: cryptocurrency exchange, digital asset dispute, international arbitration, jurisdictional (arbitration) clause, "Abu Dhabi Global Market" (ADGM), Hong Kong International Arbitration Centre, Singapore International Arbitration Centre, London Court of International Arbitration, American Arbitration Association, JAMS (USA)

УДК 343.13
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-174-179
© Бузанова А.Р., 2026

Проблемы правового регулирования взаимодействия учреждений УИС с органами предварительного расследования в уголовно-процессуальной деятельности

Бузанова Анастасия Романовна
Главный специалист отдела методологического обеспечения воспитательной работы с личным составом федерального казенного учреждения «Центральная нормативно-техническая лаборатория Федеральной службы исполнения наказаний»
(119049, Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1; e-mail: nastyssbuzz@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-0033-8701, SPIN-code: 8826-4433)

Статья посвящена проблемам правового регулирования межведомственного взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России с органами предварительного расследования в рамках уголовно-процессуальной деятельности, включая использование результатов оперативно-розыскных мероприятий, проводимых оперативными подразделениями исправительных учреждений и следственных изоляторов. В связи с криминогенной обстановкой в учреждениях полное искоренение пенитенциарной преступности не представляется возможным, а потому существует постоянная необходимость расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, чем и обусловлена актуальность исследования. Целью исследования является выявление проблем в правовом регулировании взаимодействия учреждений и органов УИС с органами предварительного расследования в уголовно-процессуальной деятельности и поиск практико-ориентированных путей их решения.

Анализ действующего законодательства показал отсутствие прямого правового регулирования данного вопроса. Автор выявил основные проблемы, связанные с пробелами в законодательстве, и предложил решение в виде разработки межведомственного нормативного документа. В статье представлены обоснования основных положений, которые должны быть включены в этот документ.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, взаимодействие, предварительное расследование, правовое регулирование, доказывание*

Для цитирования: *Бузанова А.Р. Проблемы правового регулирования взаимодействия учреждений УИС с органами предварительного расследования в уголовно-процессуальной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 174–179. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-174-179.*

Вся деятельность правоохранительных органов в России, как в правовом государстве, урегулирована законодательством. Не является исключением и деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС). Первостепенной задачей ведомства, в соответствии с Положением о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденным указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314, является «исполнение в соответствии с законодательством Российской Федерации уголовных наказаний, содержание под стражей лиц, подозреваемых либо

обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых».

Уголовно-процессуальную деятельность в исправительных учреждениях, по мнению автора, следует считать одним из важнейших направлений, поскольку на территориях исправительных учреждений и следственных изоляторов продолжают совершать преступления как представители администрации, так и лица, в них содержащиеся. При этом уголовно-процессуальная деятельность является одним из направлений работы учреждений и органов УИС. Эту необходимость показывает и статистика: в статистическом исследовании А.Ю. Степановой указаны следующие показатели: в 2017 г. зарегистрировано 89 преступлений в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы; в 2018 г. – 106; в 2019 г. – 145; в 2020 г. – 157; в 2021 г. – 297; в 2022 г. – 247 [1].

В исследовании А.Б. Диваева также показано, что показатели преступности можно назвать стабильными: в 2020 г. было зафиксировано 1184 преступлений, совершенных в учреждения и органах УИС; в 2021 г. – 1271; в 2022 г. – 1110; в 2023 г. – 885 [2].

При этом задачей по расследованию преступлений сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы законодатель не наделил, в связи с чем осуществление уголовно-процессуальной деятельности не представляется возможным без взаимодействия с органами предварительного следствия и органами дознания, к основным задачам которых законодатель относит расследование преступлений, изобличение виновных и обеспечение привлечения виновных лиц к ответственности.

В связи с тем, что на основании ст. 13 Федерального закона от 12.08. 1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] внутри учреждений собственные оперативные подразделения учреждений и органов ФСИН России осуществляют оперативно-розыскную деятельность в полном объеме в пределах компетенции, вопрос оперативного сопровождения расследования и дальнейшего использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании виновности лиц в совершении пенитенциарных преступлений в контексте взаимодействия является актуальным.

Особую актуальность приобретает вопрос оперативного сопровождения расследования преступлений рассматриваемой категории, а также вопрос взаимодействия в целом, когда речь идет об особенностях функционирования исправительных учреждений и следственных изоляторов. К таким особенностям относятся:

1. Наличие ограничений в передвижении по территории, режимных требований и правил внутреннего распорядка, установленных Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

2. Наличие факторов, негативно влияющих на расследование: противодействие со стороны осужденных и заключенных, обусловленное наличием криминальной субкультуры, а также особенности обеспечения безопасности участников судопроизводства – свидетелей и потерпевших, которые, как правило, содержатся с лицами, совершившими преступления в одном закрытом пространстве (учреждении, отряде или камере).

3. Удаленность места расположения учреждений от места постоянной дислокации органа предварительного расследования (в ряде случаев).

При этом по результатам изучения действующего законодательства необходимо подчеркнуть, что к перечню правовых актов, каким-либо образом затрагивающих отдельные вопросы межведомственного взаимодействия интересующих нас органов или использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, можно отнести лишь несколько. Единого нормативного документа, регулирующего вопросы взаимодействия учреждений и органов УИС с органами предварительного расследования в уголовно-процессуальной деятельности, в законодательстве нет, и некоторые вопросы остаются неурегулированными.

Отнесение к перечню Конституции Российской Федерации не поддается сомнению, поскольку она, как основной закон государства, регулирует все сферы общественных отношений, имеет высшую юридическую силу и прямое действие. Основному закону подчинены и общие принципы уголовного судопроизводства, изложенные во второй главе УПК РФ [4]. Принципы уважения чести и достоинства личности и охраны прав и свобод человека и гражданина, закрепленные в ст.ст. 9 и 11 УПК РФ, обоснованы ст. 2 Конституции РФ, где права и свободы человека и гражданина объявлены высшей ценностью.

В контексте оперативного сопровождения расследования получение и использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве связано с ограничениями прав и свобод граждан. Здесь основной закон государства как ограничивает оперативного сотрудника в действиях, указывая на необходимость их неукоснительного соблюдения, так и дозволяет такие ограничения с оговоркой: в пределах, необходимых для обеспечения безопасности общества и государства.

Уголовно-процессуальный закон – еще один законодательный документ, без рассмотрения которого детальное исследование вопроса правового

регулирования взаимодействия ведомств в рамках уголовно-процессуальной деятельности не представляется возможным. В ст. 89 УПК РФ законодатель вовсе запрещает использовать результаты оперативно-розыскных мероприятий в доказывании, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам тем же уголовно-процессуальным законом.

Определение Конституционного суда Российской Федерации от 24.12.2012 № 2321-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью первой ст.ст. 74 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5] содержит наименование результатов оперативно-розыскных мероприятий лишь сведениями об источниках доказательств и косвенно запрещает их прямое использование в доказывании. Нельзя не согласиться: результаты работы оперативных подразделений зачастую в значительной степени способствуют расследованию преступления, но при этом вполне могут стать доказательствами при условии соблюдения требований уголовно-процессуального закона.

Такая позиция автора подтверждается позицией У.К. Дзабиева, изложенной в диссертационном исследовании, где отмечено: из фактических данных, содержащихся в результатах оперативно-розыскной деятельности, доказательства могут быть сформированы при условии проведения необходимых процессуальных или следственных действий [6].

Кроме того, при надлежащем применении еще одного законодательного акта – Приказа от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [7], при условии соблюдения положений п. 1 данной инструкции, где прямо указано, что результаты оперативно-розыскных мероприятий предоставляются в рамках выполнения поручения следователя или дознавателя, а также при исполнении судебного решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях, находящимся в их производстве, такие сведения могут служить доказательствами. Следует также отметить, что п. 4 прямо указывает на то, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, а также служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела.

В Инструкции достаточно подробно представлен и механизм передачи результатов оперативно-розыскных мероприятий органу дознания, следователю или в суд.

При исследовании проблемы правового регулирования взаимодействия должностных лиц учреждений уголовно-исполнительной системы и органов предварительного расследования нельзя не упомянуть вопрос процессуального статуса сотрудников ФСИН России, напрямую касающийся процессов взаимодействия.

В соответствии со ст. 40 УПК РФ, где законодателем приведен исчерпывающий перечень органов дознания и их полномочия, через отсылку к ст. 13 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативные подразделения учреждений и органов ФСИН России являются органами дознания. Начальника учреждения, в сущности, можно именовать руководителем органа дознания и утверждать о наличии полномочий на производство проверок сообщений о преступлениях, возбуждение уголовных дел и осуществление расследования в форме дознания.

Однако, Указом Генерального прокурора РФ от 25.12.2013 г. № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов УИС» на должностных лиц учреждений и органов УИС наложен запрет на возбуждение уголовных дел и производство дознания. Такая позиция объясняется отсутствием подследственности и отдельных подразделений дознания в учреждениях и органах УИС.

При этом в условиях запрета на возбуждение и расследование уголовных дел некоторые другие полномочия органа дознания у должностных лиц из числа оперативных подразделений и у руководителей учреждений и органов УИС сохраняются. Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, орган дознания обязан принять сообщение о любом совершённом преступлении и провести по нему проверку в пределах компетенции. На основании этой же статьи руководители исправительных учреждений и следственных изоляторов вправе: получать объяснения; изымать образцы для сравнительного исследования; истребовать и изымать документы и предметы; назначать судебную экспертизу; принимать участие в её производстве и получать результаты; производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов. В связи с ограниченностью компетенций и отсутствием специальных знаний часто требуется привлечение специалистов, что также предусмотрено законодательством.

Такими же правами наделены органы следствия и дознания, которые осуществляют описанные процессы с учетом специфики деятельности, целей и задач.

По мнению автора, процессуальную проверку сообщения о преступлении целесообразно проводить руководителю и оперативному составу исправительного учреждения или следственного изолятора. Эта позиция основана на том, что указанные должностные лица:

• осведомлены о происходящих внутри учреждения процессах;

• имеют оперативный доступ на территорию учреждения и к необходимой информации;

• вправе самостоятельно принимать решения о необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий с учётом обстановки и обстоятельств каждого конкретного случая;

• наделены законодательно полномочиями, необходимыми для полной и всесторонней проверки сообщения о преступлении, с последующей передачей материалов проверки по подследственности для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

В законодательстве данная ситуация прямо не обозначена, проблема разграничения полномочий остаётся нерешённой, что указывает на наличие пробела в законодательстве.

Вопрос процессуального статуса учреждений и органов УИС является дискуссионным, а исследователи не пришли к единому мнению.

При расследовании уголовного дела следователь или дознаватель вправе давать поручения должностным лицам и оперативным подразделениям указанных учреждений и органов на производство процессуальных действий, проведение оперативно-розыскных мероприятий и, при необходимости, рассчитывать на содействие при самостоятельном производстве следственных действий в учреждениях ФСИН России, включая организацию участия лица в следственных действиях с использованием систем видео-конференц-связи. Это подтверждается п. 4 и п.п. 4.1 ч. 2 ст. 38, а также п.п. 1.1 и 1.3 ч. 3 ст. 41 УПК РФ.

Ещё один нормативный акт, необходимый для полного изучения вопроса, — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Согласно ст. 11, использование результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно в целях подготовки и осуществления следственных и судебных действий, что позволяет использовать такие сведения как источники доказательств, как указано в определении Конституционного суда РФ от 19.12.2017 № 2810-О/2017 [8].

В ст. 14 того же Федерального закона законодатель предписывает органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, информировать друг друга о ставших известными фактах противоправных деяний, относящихся к компетенции другого ведомства, и оказывать необходимую помощь. Однако порядок информирования в законе не определён, как и не установлено разграничение полномочий, поскольку понятие «необходимая помощь» не конкретизировано. Важно отметить, что указанная норма касается взаимодействия между оперативными подразделениями различных ведомств, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [9] также регламентирует отношения между самостоятельными ведомствами. Так, в документе содержатся общие понятия и принципы организации взаимодействия, универсальные для всех правоохранительных органов, а также основные положения по выработке и реализации ряда мер по своевременному выявлению и раскрытию преступлений, а также устранению причин и условий, способствующих их совершению.

В целом Указ может выступать регулятором процессов совместной работы, однако в нём не учтена специфика деятельности и задачи конкретных ведомств, а также особенности отдельных направлений работы. Это не позволяет утверждать, что Указ в полной мере регулирует вопросы взаимодействия учреждений и органов УИС с органами предварительного расследования и даёт участникам процесса понимание организации совместной работы в рамках уголовно-процессуальных правоотношений.

В качестве выводов по вопросу правового регулирования взаимодействия учреждений УИС с органами предварительного расследования в уголовно-процессуальной деятельности необходимо отметить, что отдельные аспекты взаимодействия частично урегулированы законодательно, однако остаются неразрешенными вопросы процессуального статуса учреждений и органов, пересечения и распределения полномочий при проведении некоторых процессуальных и следственных действий. Кроме того, не закреплена законодательно теоретическая основа взаимодействия: понятие, принципы, методы и формы, которые могли бы стать базой для дальнейшего развития законодательства в исследуемом направлении. Прослеживаются и некоторые проблемы в коммуникации между должностными лицами разных ведомств, решение которых, по мнению автора, заключается в законодательном регулировании данного направления.

Расследование пенитенциарных преступлений всегда осложнено спецификой деятельности учреждений и органов УИС, негативными проявлениями со стороны осужденных, в ряде случаев исправительные учреждения удалены территориально от мест дислокации органов предварительного расследования. Кроме того, оперативное сопровождение уголовного преследования по таким уголовным делам осуществляют оперативные подразделения учреждений и органов УИС. Именно поэтому взаимодействие учреждений и органов УИС с органами предварительного расследования является одним из важнейших направлений деятельности.

На региональном уровне могут разрабатываться и утверждаться комплексные планы, проводиться межведомственные совещания, однако решение об

их необходимости принимается руководителями региональных управлений на основании лишь субъективной оценки текущей обстановки, чего, по мнению автора, недостаточно.

По мнению автора, решение проблемы законодательного регулирования необходимо для закрепления теоретической базы, порядка организации взаимодействия и его стандартизации. В качестве одного из решений существующих проблем автор видит разработку и издание совместного нормативного документа – приказа, где были бы урегулированы отдельные аспекты взаимодействия должностных лиц учреждений и органов УИС с должностными лицами органов предварительного расследования в рамках уголовно-процессуальной деятельности, включая разграничение полномочий там, где имеет место их пересечение, а также единый подход к организации как совместных мероприятий, так и работы каждого отдельного субъекта в рамках содействия коллегам из другого ведомства.

Литература:

1. Степанова А.Ю. К вопросу о современном состоянии преступности в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы России // Вестник Белгородского юридического института МВД России. № 3. 2024. С. 98–103.
2. Диваев А.Б. Взаимодействие учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с органами предварительного расследования: проблемы и пути решения // Вестник Кузбасского института. 2024. № 4 (61). С. 106–119.
3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [принят Государственной Думой 5 июля 1995 г.] // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023): [принят Государственной думой 22 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г.] // СЗ РФ. 2001. № 51 (ч. 1). Ст. 4921.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 2321-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70206346 (дата обращения: 13.05.2026).
6. Дзабиев У.К. Использование следователем результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 258 с.
7. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27.09.2013 № 776/70 3/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. 2013. № 282.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 № 2810-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/71851148 (дата обращения: 13.05.2026).
9. Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9217 (дата обращения: 13.05.2026).

Problems of Legal Regulation of Interaction Between Institutions of the Prison Execution System and Preliminary Investigation Bodies in Criminal Procedural Activities

Anastasia Romanovna Buzanova
Federal Government Institution «Central Regulatory and Technical Laboratory of the Federal Penitentiary Service» (Moscow, Russia)

The article is devoted to problematic issues of legal regulation of interdepartmental interaction between institutions and bodies of the penal system of Russia and preliminary investigation bodies within criminal procedural activities, including when using the results of operational-search activities conducted by operational units of correctional facilities and pre-trial detention centers.

Given the criminogenic nature of the situation inside the institutions, complete eradication of penal crime does not seem possible, which is why there is a constant need to investigate crimes committed in correctional facilities and pre-trial detention centers, hence the relevance of the research.

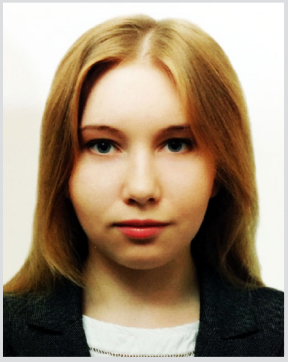
The purpose of the study is to identify problems in the legal regulation of interaction between institutions and bodies of the penal system with preliminary investigation bodies in criminal procedural activities and to search for practice-oriented solutions to these problems.

A detailed analysis of the current legislation allowed the author to conclude that there is no direct legal regulation, as well as to identify and highlight the main problems arising from the gap in legislation. The author proposes as a solution the development and adoption of an interdepartmental normative document, justifying the main provisions that, in the author's opinion, should be included in it.

Keywords: penal system, interaction, preliminary investigation, legal regulation, evidence

УДК 342.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-180-184
© Валишева А.Л., 2026

Роль государства, его органов и учреждений в системе правового регулирования медицинских правоотношений

Валишева Алина Линаровна
Помощник Татарского транспортного прокурора,
юрист 1 класса
(420202, Казань, ул. Нариманова, д. 2; e-mail: vestnik_eps@mail.ru)

Актуальность исследования обусловлена ростом социальной и правовой значимости медицинской деятельности, а также необходимостью обеспечения устойчивого функционирования системы здравоохранения в условиях усложнения механизмов государственного управления и усиления публичного контроля. Медицинские правоотношения касаются фундаментальных конституционных ценностей – жизни и здоровья человека, что объективно предопределяет активное участие государства в их правовом регулировании с приоритетом публично-правовых начал.

Целью статьи является комплексное осмысление роли государства, его органов и учреждений в системе правового регулирования медицинских правоотношений. Для достижения поставленной цели в работе решаются задачи анализа публично-правовой природы медицинской деятельности, выявления форм и направлений государственного воздействия на сферу здравоохранения, а также определения значения контрольно-надзорных и финансово-правовых механизмов в охране здоровья граждан.

Научная значимость исследования заключается в систематизации и уточнении доктринальных представлений о месте государства в механизме регулирования медицинских правоотношений и обосновании доминирующей роли публичного права в данной сфере. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов при совершенствовании законодательства в области охраны здоровья, а также в деятельности органов государственной власти и государственных медицинских учреждений.

В результате исследования установлено, что государство в сфере здравоохранения выступает одновременно как нормотворческий, организационный, контрольный и финансово-обеспечительный субъект, реализующий публичный интерес в охране здоровья населения. Сделан вывод о том, что императивный характер правового регулирования и развитая система государственного контроля являются необходимыми условиями обеспечения доступности, качества и безопасности медицинской помощи.

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) Предложена авторская классификация форм участия государства в регулировании медицинских правоотношений, включающая нормативно-правовую, организационно-институциональную, контрольно-надзорную и финансово-обеспечительную формы государственного воздействия. 2) Выявлено и обосновано законодательное противоречие в механизме обеспечения доступности медицинской помощи: отсутствие

в ст. 10 ФЗ № 323-ФЗ прямого указания на контроль и надзор как меры обеспечения доступности, что потребовало разработки предложений по дополнению данной статьи соответствующим положением.

Ключевые слова: *медицинские правоотношения, государственное регулирование, публичный интерес, здравоохранение, органы государственной власти, государственные учреждения, публичное право, охрана здоровья, социальное государство*

Для цитирования: *Валишева А.Л. Роль государства, его органов и учреждений в системе правового регулирования медицинских правоотношений // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 180–184. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-180-184.*

Современная система здравоохранения Российской Федерации функционирует в условиях возросшего социального запроса на качество, доступность и безопасность медицинской помощи. В этой связи особую актуальность приобретает анализ роли государства и его институтов в правовом регулировании медицинских правоотношений. Данные правоотношения затрагивают базовые конституционные ценности – жизнь и здоровье человека, что объективно обусловливает приоритет публично-правовых начал в их регулировании.

Государство в сфере здравоохранения выступает не только как гарант реализации права на охрану здоровья, но и как активный субъект правового воздействия, формирующий нормативную, организационную и институциональную основу медицинской деятельности. Как справедливо отмечает М.Ю. Старчиков, в социально значимых сферах публичное право приобретает системообразующее значение, а деятельность государства направлена на согласование частных интересов с публичными целями [1, с. 74].

Медицинские правоотношения характеризуются высокой степенью публичной значимости, сложной структурой субъектного состава и многообразием правовых режимов. Их регулирование невозможно без участия государства, его органов и учреждений, наделённых специальными властными полномочиями. В этой связи исследование роли государства в системе правового регулирования медицинских правоотношений представляет собой важную научную задачу.

Медицинские правоотношения представляют собой совокупность общественных отношений, возникающих в процессе организации, осуществления и контроля медицинской деятельности. Они охватывают широкий круг взаимодействий: между пациентом и медицинской организацией, между медицинскими работниками и государственными органами, между государством и страховыми структурами, а также между органами публичной власти различных уровней.

Исследования Е.О. Данилова раскрывают роль органов государственной власти в регулировании медицинских правоотношений. Так, к примеру, автор отмечает, что система органов государственной власти, участвующих в регулировании медицинских правоотношений, отличается сложной иерархической структурой [2, с. 33]. Ключевую роль играют органы исполнительной власти, наделённые специальной компетенцией в сфере охраны здоровья.

Федеральные органы исполнительной власти осуществляют нормативно-правовое регулирование, разрабатывают государственную политику в области здравоохранения, устанавливают обязательные требования к медицинской деятельности. Органы власти субъектов Российской Федерации обеспечивают реализацию федеральных стандартов с учётом региональной специфики, организуют медицинскую помощь на территории соответствующего субъекта.

Комплексный анализ показал, что административно-правовой характер деятельности государственных органов в сфере здравоохранения проявляется в издании подзаконных нормативных актов, проведении контрольных и надзорных мероприятий, применении мер юридической ответственности. Данные функции направлены на обеспечение законности и защиту публичных интересов.

В научной статье Е.В. Еремина указано, что особое место в системе регулирования медицинских правоотношений занимают государственные и муниципальные медицинские учреждения. Медицинские учреждения не только оказывают помощь, но и реализуют государственную политику в сфере здравоохранения [3, с. 49]. Работая в публично-правовом поле, они ограничены в хозяйственной самостоятельности и подчинены общественным целям. Их статус регулируется не только гражданским, но и административным правом через государственные задания, стандарты и показатели эффективности. Именно эти организации обеспечивают доступность и бесплатность медпомощи в рамках государственных гарантий.

Правовое регулирование медицинских правоотношений осуществляется посредством разветвлённой системы нормативных правовых актов. Основу

данной системы составляет Конституция Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные акты и нормативные акты органов исполнительной власти.

Нормативное регулирование носит преимущественно императивный характер, что соответствует публично-правовой природе медицинских правоотношений. Государство устанавливает обязательные требования к качеству и безопасности медицинской помощи, порядку допуска к медицинской деятельности, профессиональной квалификации медицинских работников.

Как отмечает М.Ю. Старчиков, императивное регулирование в публичном праве направлено не на ограничение свободы субъектов, а на обеспечение устойчивости общественно значимых систем [1, с. 79]. В здравоохранении это проявляется в приоритете нормативных требований над договорными условиями.

Соблюдение законодательства в сфере здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, достигается путем организации и осуществления контроля и надзора медицинской деятельности в области охраны здоровья федеральными органами государственной власти и уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере охраны здоровья.

Таким образом, медицинские правоотношения, несмотря на их очевидную межотраслевую природу, не могут рассматриваться исключительно через призму частноправовых конструкций. Их содержание определяется не столько волей участников, сколько объективной необходимостью обеспечения общественно значимых интересов, связанных с сохранением жизни и здоровья населения. Именно это обстоятельство предопределяет особую роль государства, которая выходит за пределы традиционного понимания регулятивного воздействия.

В научной литературе справедливо отмечается, что участие государства в подобных отношениях не сводится к формальному установлению правил поведения. Оно приобретает характер системного воздействия, охватывающего как формирование нормативной базы, так и создание организационных условий для ее реализации. В этой связи представляется обоснованным рассматривать государство не только как источник правового регулирования, но и как субъект, обеспечивающий фактическую реализуемость закрепленных гарантий.

Практика применения законодательства в сфере охраны здоровья выявляет несоответствие между нормативным закреплением прав граждан и механизмами их реализации. Формальное соблюдение требований закона не во всех случаях обеспечивает достижение целей, связанных с доступностью и качеством медицинской помощи. Это свидетельствует о том, что эффективность правового регулирования обусловлена согласованностью механизмов реализации, а не только наличием нормативных предписаний.

Контрольно-надзорная деятельность в указанной системе занимает самостоятельное место. Её значение не ограничивается выявлением нарушений. Она направлена на предупреждение правовых рисков и включает анализ правоприменительной практики, выработку обязательных разъяснений, а также корректировку подходов к регулированию.

Анализ Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (Федеральный закон № 323-ФЗ) [4] позволяет установить наличие нормативной непоследовательности. При фактическом осуществлении функции обеспечения доступности медицинской помощи контроль и надзор не закреплены в ст. 10 в числе соответствующих механизмов. Вместе с тем иные положения закона предусматривают широкие полномочия государственных органов в данной сфере. Указанное расхождение свидетельствует о фрагментарности правового регулирования.

Устранение выявленной несогласованности возможно посредством включения контрольно-надзорной деятельности в систему мер обеспечения доступности медицинской помощи. Такое решение позволит обеспечить нормативную определённость соответствующих механизмов и повысить эффективность правоприменения.

В условиях цифровизации здравоохранения содержание государственной деятельности претерпевает определенные изменения. Традиционные формы воздействия дополняются новыми инструментами, связанными с обработкой и использованием медицинских данных, развитием информационных систем и внедрением цифровых платформ. В результате государство все в большей степени выступает не только как контролирующий субъект, но и как координатор информационных потоков, обеспечивающий их правомерное использование.

Данное обстоятельство требует соответствующей трансформации правовых механизмов. Недостаточно закрепить новые формы деятельности – необходимо обеспечить их интеграцию в существующую систему регулирования. В противном случае возникает риск возникновения правовых лакун, снижающих эффективность государственного воздействия.

Анализ законодательства и практики его применения показывает, что разграничение форм государственного воздействия не отражает их фактического содержания. Государственное участие следует рассматривать через взаимосвязанные направления: нормативное регулирование, организационное обеспечение, контрольно-надзорную деятельность и финансовое обеспечение. Указанные элементы функционируют в рамках единого механизма, эф-

фективность которого определяется их согласованностью. При отсутствии организационного обеспечения нормативные предписания не реализуются, а недостаточный контроль снижает результативность финансовых мер.

В законодательном закреплении механизмов реализации права на охрану здоровья установлена несогласованность. В ст. 10 Федерального закона № 323-ФЗ, определяющей меры обеспечения доступности медицинской помощи, контрольно-надзорная деятельность прямо не предусмотрена. Вместе с тем иные положения закона закрепляют соответствующие полномочия государственных органов и их значение для обеспечения качества и безопасности медицинской деятельности. Это свидетельствует о разрыве между закреплёнными гарантиями и механизмами их реализации.

Указанная несогласованность проявляется в правоприменительной практике. Обеспечение доступности медицинской помощи нередко осуществляется посредством судебной защиты, что указывает на недостаточную эффективность действующего регулирования.

В условиях усложнения медицинских правоотношений значение контрольно-надзорной деятельности возрастает. Расширение участия частных медицинских организаций, развитие технологий и цифровизация здравоохранения обусловливают необходимость её изменения. Контрольно-надзорная деятельность должна быть ориентирована на предупреждение нарушений наряду с их выявлением.

Превентивный характер контрольно-надзорной деятельности предполагает переход к системному мониторингу, основанному на оценке рисков и использовании информационных ресурсов. Применение риск-ориентированного подхода обеспечивает повышение эффективности контроля и снижение избыточной административной нагрузки.

Выявленные особенности правового регулирования обусловливают необходимость внесения изменений в законодательство. Включение контрольно-надзорной деятельности в число мер, предусмотренных ст. 10 Федерального закона № 323-ФЗ, направлено на устранение нормативной несогласованности и закрепление её роли в обеспечении доступности медицинской помощи.

Реализация данного положения требует определения содержания контрольно-надзорной деятельности, включая её цели, задачи и критерии эффективности, а также установления её взаимосвязи с иными элементами государственного регулирования.

Цифровизация здравоохранения расширяет возможности осуществления контроля. Использование информационных систем и медицинских данных обеспечивает переход к непрерывному мониторингу и повышает прозрачность функционирования системы здравоохранения.

Государственное регулирование медицинских правоотношений следует рассматривать как согласованный механизм, направленный на обеспечение доступности и качества медицинской помощи. Эффективность такого механизма определяется согласованностью его элементов.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что современная модель участия государства в регулировании медицинских правоотношений характеризуется усложнением и многослойностью. Ее развитие обусловлено как внутренними противоречиями правового регулирования, так и внешними факторами, связанными с изменением социально-экономических условий.

Проведённое исследование уточняет содержание участия государства в регулировании медицинских правоотношений. Установлено, что данное участие следует рассматривать как целостную систему правового воздействия, а не как совокупность разрозненных функций. Такой подход позволяет выявить взаимосвязь и взаимную обусловленность отдельных направлений государственного влияния.

Литература:

1. Старчиков М.Ю. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 185 с.
2. Данилов Е.О. О необходимости совершенствования правового обеспечения государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности // Административное право и процесс. 2020. № 5. С. 32–35.
3. Еремин Е.В. Правовой механизм повышения качества и доступности медицинской помощи // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24. № 5. С. 47–55.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Гарант.
6. Басова А.В. Медицинское право: учеб. для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2026. 306 с.

The Role of the State, its Bodies and Institutions in the Legal Regulation of Medical Relations

Alina Linarovna Valisheva
Tatar Transport Prosecutor's Office (Kazan, Russia)

The relevance of the study is determined by the increasing social and legal significance of medical activity and the need to ensure the sustainable functioning of the healthcare system amid the growing complexity of public administration and enhanced state supervision. Medical legal relations affect fundamental constitutional values such as human life and health, which objectively necessitates active state involvement and the predominance of public-law principles in their regulation.

The purpose of the article is to provide a comprehensive analysis of the role of the state, its bodies, and institutions in the system of legal regulation of medical legal relations. To achieve this purpose, the study addresses the public-law nature of medical activity, identifies the main forms and directions of state influence on healthcare, and examines the significance of supervisory and financial-legal mechanisms in protecting public health.

The scientific significance of the research lies in the systematization and doctrinal clarification of the role of the state within the regulatory mechanism of medical legal relations and in substantiating the leading role of public law in this field. The practical significance of the study consists in the applicability of its conclusions to the improvement of healthcare legislation and to the activities of public authorities and state medical institutions.

The research demonstrates that the state in the healthcare sector simultaneously performs regulatory, organizational, supervisory, and financial-support functions aimed at realizing the public interest in protecting population health. It is concluded that imperative legal regulation and an effective system of state control are essential conditions for ensuring the accessibility, quality, and safety of medical care.

The scientific novelty of the study is as follows: 1) The author's classification of forms of state participation in the regulation of medical legal relations is proposed, including regulatory, organizational, institutional, supervisory, and financial support forms of state influence. 2) A legislative contradiction in the mechanism for ensuring accessibility of medical care has been identified and substantiated: the absence in Article 10 of Federal Law No. 323-FZ of a direct reference to control and supervision as measures to ensure accessibility, which required the development of proposals to supplement this article with an appropriate provision.

Keywords: medical legal relations, state regulation, public interest, healthcare, public authorities / state authorities, state institutions, public law, health protection / protection of health, social state / welfare state

УДК 347.963
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-185-191
© Васильев А.А., Грачёва О.А., Карданов А.А., 2026

Роль органов прокуратуры в обеспечении законности в сфере предоставления права пользования водными объектами

Васильев Алексей Александрович
Кандидат юридических наук,
прокурор Воскресенского района Саратовской области,
советник юстиции
(413030, с. Воскресенское, ул. Докучаева, д. 3Г; e-mail: alvasilev64@gmail.ru)

Грачёва Ольга Алексеевна
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии
(410056, Саратов, ул. Вольская, д.1; e-mail: letsik91@mail.ru;
ORCID: 0000-0001-6585-2085)

Карданов Альберт Асербиевич
Помощник Саратовского транспортного прокурора,
юрист 3 класса
(410004, Саратов, 2-й Станционный проезд, д. 10; e-mail: KARDANOV.18@mail.ru)

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей значимостью эффективного правового регулирования водных отношений в условиях усиления антропогенной нагрузки на водные объекты, необходимости обеспечения их рационального использования и охраны, а также наличием существенных пробелов и противоречий в правоприменительной практике при предоставлении права пользования водными объектами. Особую значимость приобретает обеспечение законности в деятельности органов публичной власти и водопользователей, что предопределяет усиление роли прокурорского надзора как универсального механизма выявления, пресечения и предупреждения нарушений водного законодательства.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ теоретических и правовых основ регулирования предоставления права пользования водными объектами, а также определение места и роли органов прокуратуры в системе обеспечения законности в данной сфере. Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие задачи: исследование содержания и особенностей правового режима водных объектов; анализ действующего законодательства, регулирующего порядок предоставления права пользования водными объектами; выявление типичных нарушений в правоприменительной практике; оценка эффективности прокурорского

надзора в сфере водных отношений; формулирование предложений по совершенствованию нормативного регулирования и надзорной деятельности.

Научная новизна и практическая значимость исследования заключаются в уточнении теоретических подходов к пониманию прокурорского надзора в сфере водных отношений как самостоятельного направления надзорной деятельности, направленного на обеспечение баланса публичных и частных интересов. Обоснована необходимость системного подхода к совершенствованию правового регулирования процедур предоставления права пользования водными объектами. Практическая ценность работы определяется возможностью использования сформулированных выводов и предложений в правотворческой деятельности, в деятельности органов прокуратуры, органов исполнительной власти, а также в образовательном процессе при преподавании дисциплин экологического и водного права.

В результате проведенного исследования, основанного на анализе норм действующего законодательства и практики его применения, выявлены ключевые проблемы правового регулирования предоставления права пользования водными объектами, включая недостаточную определенность процедурных механизмов, несогласованность нормативных предписаний и недостаточную эффективность контроля за соблюдением установленных требований. Обоснована необходимость внесения изменений в действующее законодательство, сформулированы конкретные предложения по его совершенствованию, направленные на повышение прозрачности и правовой определенности процедур предоставления права пользования водными объектами, а также усиление механизмов контроля и надзора. Сделан вывод о том, что прокуратура выступает системным гарантом соблюдения требований водного законодательства, обеспечивая законность актов публичной власти и действий водопользователей, а также способствуя укреплению правопорядка в сфере водных отношений.

Ключевые слова: *прокуратура, законность, право пользования, водный объект, водные ресурсы*

Для цитирования: *Васильев А.А., Грачёва О.А., Карданов А.А. Роль органов прокуратуры в обеспечении законности в сфере предоставления права пользования водными объектами // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 185–191. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-185-191.*

Водные объекты выступают основой жизнедеятельности населения, функционирования промышленности, энергетики, транспортной инфраструктуры, а также важнейшим элементом экологической безопасности, что предопределяет повышенную значимость эффективности правового механизма их использования и охраны.

В условиях роста антропогенной нагрузки на водные ресурсы, изменения климата и интенсификации хозяйственной деятельности возрастает риск нарушения установленного режима водопользования, что требует активизации прокурорского надзора за исполнением законодательства об использовании водных объектов.

Ю.В. Пыхтырева в своих работах акцентирует внимание на том, что прокурорский надзор в области охраны водных объектов – ключевой инструмент обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду и законного водопользования [1, с. 21–25].

Современные ориентиры организации прокурорского надзора в экологической сфере определены ведомственными актами, в которых среди приоритетных задач обозначено обеспечение гарантированного права граждан на благоприятную окружающую среду и защита интересов лиц, пострадавших от экологических правонарушений.

Предмет прокурорского надзора в отношении водных объектов включает: законность предоставления водных объектов в пользование, соблюдение условий договоров и решений, правомерность установления и соблюдения лимитов водопользования, а также полноту и эффективность мер, принимаемых уполномоченными органами при выявлении нарушений.

Это подтверждается и результатами деятельности органов прокуратуры за предыдущий год по различным субъектам РФ, так, например, в Воронежской области, «на постоянном контроле прокуратуры области находятся вопросы соблюдения законодательства об охране водных объектов».

В 2025 г. прокуратурой области в Арбитражный суд Воронежской области направлено исковое заявление о признании ничтожным договора купли-

продажи, заключенного администрацией Рамонского муниципального района Воронежской области с организацией, в отношении земельного участка, в состав которого вошла береговая полоса реки Дон, общей площадью 6026 кв.м» [2].

В специальной литературе многими авторами затрагивались вопросы о месте прокуратуры в обеспечении законности в данной сфере [1, с. 21–25; 3, с. 223–232; 4; 5, с. 174–176; 6; 7], поскольку вопросы предоставления водных объектов в пользование хозяйствующим субъектам имеют особо важное значение.

Так, А.В. Трудников объективно подчеркивает, что «универсальная роль прокуратуры в системе органов публичной власти заключается в возможности совмещения надзорных и ненадзорных функций, необходимых для обеспечения законности в сфере охраны окружающей среды, включая использование и охрану водных объектов» [6].

К тому же, Я.Б. Дицевич констатирует, что «систематически осуществляемые органами прокуратуры мероприятия по надзору за исполнением водного законодательства свидетельствуют о сохранении высокого уровня правонарушаемости в данной сфере, что, в свою очередь, обуславливает значимость эффективного прокурорского надзора как важнейшего средства обеспечения законности при использовании водных объектов» [3, с. 223–232].

Более того, обоснованно отмечается Е.В. Мальхановой, что «защищая публичные интересы в сфере использования и охраны водных объектов, прокурор выступает особым субъектом, обеспечивающим баланс публичных и частных начал, что предопределяет его особое место в системе гарантий законности в водных правоотношениях» [7].

Стоит согласиться с мнением С.К. Кириченко, что «роль прокуратуры в обеспечении экологических прав граждан и охраны окружающей среды, в том числе водных объектов, проявляется в том, что она осуществляет надзор за исполнением законов во всей совокупности экологически значимых правоотношений, не подменяя специализированные органы, но обеспечивая законность их деятельности» [8], подчеркивая, что «специфика прокурорского надзора за использованием и охраной водных объектов заключается в его комплексности: проверке подлежат как акты управления, так и фактические действия (бездействие) органов власти и хозяйствующих субъектов, что позволяет прокуратуре занимать особое место в системе правовых гарантий рационального водопользования» [8].

Важность деятельности органов прокуратуры в обеспечении законности в данной сфере подтверждается и примерами восстановления нарушенных прав на практике, так, к примеру, Владивостокской межрайонной природоохранной прокуратурой проведена проверка исполнения законодательства при предоставлении в пользование водных объектов, находящихся в федеральной собственности.

Установлено, что региональное агентство по гидротехническим сооружениям, мелиорации и гидрологии приняло решение о предоставлении хозяйствующему субъекту водного объекта (ручей Первая речка бассейна Японского моря) для сброса сточных вод на срок 10 лет.

Заявленные водохозяйственные мероприятия и мероприятия по охране водного объекта не соответствовали требованиям водного законодательства и нормативам допустимого воздействия на водные объекты, поскольку предполагали сброс загрязненных сточных вод без надлежащей очистки.

Кроме того, при предоставлении права пользования водным объектом органом власти не было проверено место намечаемого сброса сточных вод, в результате чего в пользование был предоставлен водный объект, в котором заявитель фактически не мог осуществлять деятельность из-за его местоположения.

Прокурор обратился в суд с административным исковым заявлением о признании решения уполномоченного органа о предоставлении водного объекта в пользование противоречащим закону.

Суд удовлетворил требования прокурора, признав оспариваемое решение незаконным и обязав внести в государственный водный реестр сведения о прекращении действия решения о предоставлении водного объекта в пользование [9].

Следует обратиться к самой дефиниции «водный объект», под которым законодателем понимается природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима [10].

Нельзя не согласиться с тем, что «понятие водного объекта раскрыто законодателем путем комбинирования существенных признаков и перечисления некоторых образований, относящихся к водным объектам. Затем законодатель раскрывает и поясняет названные признаки (водный режим, постоянное или временное сосредоточение вод) и природные образования (водоемы и водотоки).

Данный подход законодателя не является достаточно последовательным, ибо для емкого определения того или иного понятия достаточно привести его существенные признаки. А перечисление тех или иных объектов, относящихся к водным объектам, было бы уместно уже после определения понятия, что и делается несколькими статьями далее» [11].

В научной литературе редко дается определение такой категории, как «водный объект», поскольку в большинстве случаев авторы оперируют законодательно установленной дефиницией.

Между тем в труде Д.О. Сивакова понятие «водный объект» раскрывается как элемент правового

режима: «регулирование водных отношений осуществляется исходя из представления о водном объекте как о природном ресурсе, используемом для различных видов водопользования, и одновременно как об объекте права собственности» [12].

В специализированных справочниках данный термин определяется как: «природный или искусственный водоём, водоток или иной объект, в котором постоянно или временно сосредоточены воды»; «скопление природных вод на земной поверхности и в верхних слоях земной коры, обладающих определённым гидрологическим режимом и участвующих в круговороте воды на планете»[13]; «не только запас воды, сосредоточенный в определённых границах на поверхности земли и под землёй, но и те элементы земной коры (или же искусственные сооружения), которые облегают водную массу» [14].

Таким образом, водные объекты в соответствии с водным законодательством рассматриваются как часть водного фонда, включающая поверхностные и подземные воды в их естественном и искусственно созданном состоянии, обладающие специфическими природными и экологическими характеристиками.

Право пользования водными объектами традиционно включает в себя совокупность правомочий владения и пользования, реализуемых в пределах, установленных публичным собственником, которым по общему правилу выступает Российская Федерация. Вместе с тем, в отношении искусственно созданных водных объектов возможно возникновение иных вариантов правового режима, предполагающих участие субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и частноправовых носителей прав [15, с. 28].

Несмотря на имеющиеся достижения в сфере правового регулирования водопользования, в настоящее время остаются актуальными вопросы, связанные с предоставлением таких объектов для строительства и реконструкции гидротехнических сооружений.

Так, законом предусмотрено, что водные объекты для строительства и реконструкции гидротехнических сооружений предоставляются на основании решений о предоставлении водных объектов в пользование (ч. 2 ст. 21 ВК РФ).

При этом порядок принятия решений о предоставлении водных объектов в пользование устанавливается Правительством Российской Федерации (ч. 6 ст. 23 ВК РФ) и утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 19.01.2022 № 18 [16].

В соответствии с подп. «в» п. 10 вышеуказанного Порядка возможность предоставления водного объекта для целей строительства и реконструкции гидротехнических сооружений обусловлена наличием у заявителя законных прав владения земельным участком, необходимым для осуществления водопользования.

Следует отметить, что данное ограничение закреплено в подзаконном нормативном правовом акте не напрасно, у него имеется вполне логическое обоснование: невозможно строить или проводить реконструкцию объекта, который обязательно будет иметь выход к земле.

Однако опыт прокурорского надзора позволяет прийти к выводу, что практика применения данной нормы свидетельствует об отсутствии системного (единого) подхода и о наличии проблем, которые подлежат разрешению законодателем.

Так, в первую очередь проблема применения данной нормы обусловлена действующим категорийным аппаратом.

Как указано выше, водный объект предоставляется в пользование для строительства гидротехнического сооружения – причала только в случае наличия у заявителя права пользования соответствующим земельным участком.

Из ст. 3 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации следует, что причалом признается портовое гидротехническое сооружение, имеющее устройства для безопасного подхода судов и предназначенное для безопасной стоянки судов, их загрузки, разгрузки и обслуживания, а также посадки пассажиров на суда и высадки их с судов.

Между тем нередко для обхода этого правила недобросовестными заявителями используется подмена категорий, которыми обозначаются одни и те же явления.

Так, например, проверками выявлялись факты указания в заявлениях о предоставлении водных объектов в целях строительства пирсов, эллингов и слипов, которые по своей сути от причалов не отличаются.

В частности, согласно п. 254 «ГОСТ Р 70214-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Гидротехника. Основные понятия. Термины и определения» пирсом признается причал, выдвинутый в акваторию и обеспечивающий швартовку судов с двух сторон.

При таких обстоятельствах предоставление водного объекта для целей строительства пирсов признается невозможным без наличия у заявителя необходимого земельного участка.

Между тем ввиду отсутствия законодательного закрепления дефиниций пирса, эллинга, слипа должностными лицами органов власти, осуществляющих выдачу водных объектов в пользование, данное обстоятельство во внимание не принимается, и водные объекты для строительства таких объектов выдаются без проверки наличия или отсутствия у заявителей прав пользования земельными участками.

На практике это приводит к самовольному занятию береговой полосы водных объектов общего пользования, что недопустимо и ограничивает права граждан на ее использование.

Представляется, что обозначенную проблему можно решить путем внесения изменений в ст. 3 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации, в части дополнения понятия «причал» словами «...в том числе пирсы, эллинги и слипы или иные конструктивно схожие с причалами объекты».

Внесение изменений в закон позволит устранить имеющиеся пробелы в законе и улучшить состояние законности в сфере предоставления водных объектов.

В судебной практике также было дано разъяснение исследуемым категориям, так, к примеру, в решении по делу от 28.02.2020 № А26-12541/2019, отмечается, что «… в статье 3 КВВТ РФ, статье 3 Федерального закона от 21.07.1997 № 117-ФЗ "О безопасности гидротехнических сооружений" (далее – Закон безопасности гидротехнических сооружений), пунктах 51, 76, 77 ГОСТ 19185-73 "Гидротехника. Основные понятия. Термины и определения", утвержденного постановлением Государственного комитета стандартов Совета Министров СССР от 31.10.1973 № 2410 (далее – ГОСТ 19185-73) и пункте 3.2 Свода правил "СП 58.13330.2012. Гидротехнические сооружения. Основные положения. Актуализированная редакция СНиП 33-01-2003", утвержденного приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 29.12.2011 № 623, дано понятие гидротехнических сооружений и перечислены их виды».

Исходя из названных норм, к гидротехническим сооружениям относятся сооружения, подвергающиеся воздействию водной среды, предназначенные для использования и охраны водных ресурсов, предотвращения негативного воздействия вод, в том числе загрязненных жидкими отходами, включая дамбы, пирсы, причальные сооружения портов, а также другие сооружения, здания, устройства и иные объекты, предназначенные для использования водных ресурсов и предотвращения негативного воздействия вод и жидких отходов.

При этом дамба представляет собой гидротехническое сооружение в виде насыпи для защиты территории от наводнений, для ограждения искусственных водоемов и водотоков, для направленного отклонения потока воды (п. 51 ГОСТ 19185-73), а пирс – конструктивное объединение причалов (гидротехнических сооружений, имеющих швартовые и отбойные устройства и предназначенное для стоянки, обработки и обслуживания судов), выступающих в акваторию порта, для швартовки судов не менее чем с двух сторон (п.п. 76, 77 ГОСТ 19185-73).

На основании изложенного суд пришел к выводу, что спорный объект – «Комплекс пирсов для маломерных судов (пирс-1 на 12 мест, пирс-2 на 6 мест, защитная дамба, слип) на акватории Онежского озера (Петрозаводская губа), г. Петрозаводск, район м. Пески» – относится к гидротехническим сооружениям [17].

Кроме того, представляется необходимым осуществлять контроль за соответствием вида разрешенного использования имеющегося у заявителя земельного участка предполагаемым целям строительства и реконструкции гидротехнических сооружений.

Так, например, очевидно, что строительство гидротехнических сооружений не представляется соответствующим виду разрешенного использования «для железнодорожного транспорта».

Предоставление водного объекта в таком случае будет противоречить существу складывающихся общественных отношений и предполагать нарушение заявителем земельного законодательства, что не должно быть допустимо в соответствии с законом.

В таком случае предлагается дополнить постановление Правительства Российской Федерации от 29.04.2016 № 377 [18], а именно подп. 3 п. 10 закрепленных им Правил, положением, в соответствии с которым заявителю необходимо предоставить документ, подтверждающий право пользования земельным участком, который необходим для запрашиваемого водопользования, имеющий вид разрешенного использования, соответствующий целям использования данного водного объекта.

Такие изменения будут способствовать сохранению природных ресурсов как основы жизнедеятельности народов Российской Федерации, позволят избежать рисков причинения вреда таким объектам.

Таким образом, проведенный анализ правового регулирования предоставления водных объектов в пользование для строительства и реконструкции гидротехнических сооружений выявил существенные пробелы и проблемы в действующей нормативной базе.

Реализация вышеуказанных предложений будет поспособствовать системному подходу к предоставлению водных объектов в пользование, повышению эффективности прокурорского надзора за соблюдением водного законодательства, обеспечивая гарантию прав граждан на доступ к водным объектам общего пользования, а также сохранению водных ресурсов как основы жизнедеятельности народов России.

Исходя из вышеизложенного, совершенствование нормативной базы в сфере водопользования представляет собой не просто техническую задачу, а необходимое условие для обеспечения баланса между хозяйственным развитием общества и охраной окружающей среды.

Литература:

1. Пахтырева Ю.В. Прокурорский надзор в области охраны водных объектов // Экология производства. 2014. № 2. С. 21–25.
2. Прокурорами продолжается работа по пресечению нарушений природоохранного законодательства. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_36/mass-media/news/main/e5865724/ (дата обращения: 26.02.2026).
3. Дицевич Я.Б. Надзор за исполнением законодательства об охране водных объектов как значимое направление природоохранной деятельности органов прокуратуры России // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 12А. С. 223–232.
4. Гильмундинов В.М., Казанцева Л.К., Тагаева Т.О. Проблемы охраны водных и атмосферных ресурсов России: монография / Ответ. редактор А.Г. Коржубаев. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 2011. 168 с.
5. Кашмина В.Д., Байсакалова А.А. Некоторые проблемы прокурорского надзора за водным законодательством // Молодой ученый. 2025. № 45 (596). С. 174–176. URL: https://moluch.ru/archive/596/129955.
6. Трудников А.В. Роль прокуратуры в системе органов публичной власти по обеспечению законности в сфере охраны и использования особо охраняемых природных территорий // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 6. С. 102–112.
7. Мальханова Е. В. Защита прокурором публичных интересов в сфере использования и охраны водных объектов // ГлаголЪ правосудия. 2024. №1 (35). С. 61–65.
8. Кириченко С.Г. Прокурорский надзор за соблюдением природоохранного законодательства: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 25 с.
9. По иску природоохранного прокурора прекращено действие незаконного решения о предоставлении водного объекта в пользование. URL: https://yakovlevskij-r25.gosweb.gosuslugi.ru/ofitsialno/gosudarstvennye organizatsii-informiruyut/prokuratura/pravovoe-prosveschenie/dokumenty_2366.html
10. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ. URL: https://internet.garant.ru/#/document/12147594/.
11. Сиваков Д.О. Водный объект и водный фонд как правовые понятия // Lex Russica. 2016. № 6 (115). С. 91–102.
12. Сиваков Д.О. Тенденции правового регулирования водохозяйственной деятельности в Российской Федерации. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2014. 192 с.
13. Большая Российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/vodnye-ob-ekty-537f90 (дата обращения: 02.03.2026).
14. Словарь гидрологических терминов. URL: http://cugms.ru/gidrologiya/slovar-gidrologicheskih-terminov/ (дата обращения: 01.03.2026).
15. Саранкина Ю.А. Охрана и использование водных объектов: некоторые проблемы и пути их разрешения // Human Progress. 2024. Т. 10. Вып. 7. С. 28. URL: http://progresshuman.com/images/2024/Tom10_7/Sarankina.pdf. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-7a-30.
16. Постановление Правительства РФ от 19.01.2022 № 18 «О подготовке и принятии решения о предоставлении водного объекта в пользование» // СПС Гарант.
17. Решение от 28.02.2020 г. по делу № А26-12541/2019 Арбитражный суд Республики Карелия (АС Республики Карелия). URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/uN8idlWfPz6x/
18. Постановление Правительства РФ от 29.04.2016 № 377 «Об утверждении Правил определения местоположения береговой линии (границы водного объекта), случаев и периодичности ее определения и о внесении изменений в Правила установления на местности границ водоохранных зон и границ прибрежных защитных полос водных объектов» // СПС Гарант.

The Role of Prosecutor's Offices in Ensuring Legality in the Field of Granting the Right to Use Water Bodies

Alexey Aleksandrovich Vasilyev[1], Olga Alekseevna Gracheva[2], Albert Aserbievich Kardanov[3]

[1]Prosecutor's Office of the Voskresensk District (Voskresensk, Russia),
[2]Saratov State Law Academy (Saratov. Russia),
[3]Transport Prosecutor of Saratov (Saratov. Russia)

The relevance of this research topic is determined by the growing importance of effective legal regulation of water relations in the context of increasing anthropogenic pressure on water bodies, the need to ensure their rational use and protection, as well as the presence of significant gaps and contradictions in law enforcement practice when granting rights to use water bodies. Ensuring the legality of the activities of

public authorities and water users is of particular importance, which predetermines the strengthening of the role of prosecutorial oversight as a universal mechanism for identifying, suppressing, and preventing violations of water legislation.

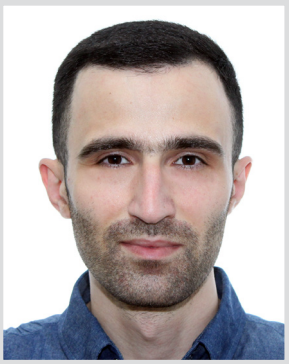
The purpose of this study is to comprehensively analyze the theoretical and legal foundations regulating the granting of rights to use water bodies, as well as to determine the place and role of prosecutorial authorities in the system of ensuring the rule of law in this area. To achieve this goal, the following tasks were set and solved: study of the content and features of the legal regime of water bodies; analysis of current legislation governing the procedure for granting rights to use water bodies; identification of typical violations in law enforcement practice; assessment of the effectiveness of prosecutorial oversight in the field of water relations; formulation of proposals for improving regulatory frameworks and supervisory activities. The scientific novelty and practical significance of this study lie in its clarification of theoretical approaches to understanding prosecutorial oversight in water relations as an independent area of oversight activity aimed at ensuring a balance between public and private interests. The need for a systematic approach to improving the legal regulation of procedures for granting rights to use water bodies is substantiated. The practical value of this work lies in the potential use of the formulated conclusions and proposals in lawmaking, the activities of prosecutorial authorities, executive authorities, and in the educational process when teaching environmental and water law.

Based on an analysis of current legislation and its practical application, this study identified key issues in the legal regulation of granting rights to use water bodies, including insufficient clarity of procedural mechanisms, inconsistency in regulatory requirements, and insufficient effectiveness of enforcement. The need for amendments to current legislation is substantiated, and specific proposals for its improvement are formulated, aimed at increasing the transparency and legal certainty of procedures for granting rights to use water bodies, as well as strengthening control and oversight mechanisms. It is concluded that the prosecutor's office acts as a systemic guarantor of compliance with water legislation, ensuring the legality of public acts and the actions of water users, and contributing to the strengthening of law and order in the water sector.

Keywords: prosecutor's office, legality, right to use, water body, water resources

УДК 343.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-192-198
© Восканян А.А., 2026

Сравнительно-правовой анализ процессуальных особенностей допроса несовершеннолетних

Восканян Абраам Арамович[1]
Аспирант кафедры уголовного права уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; e-mail: abraam.voskanyan.97@inbox.ru)

В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ процессуальных институтов и гарантий, обеспечивающих защиту прав несовершеннолетних в ходе допроса в рамках уголовного судопроизводства. На примере правовых систем Российской Федерации, Республики Узбекистан (континентальная правовая семья), Англии и США (англосаксонская правовая семья) выявляются и подробно характеризуются две основные национальные модели регулирования: «процессуально-гарантийная» и «реабилитационно-прагматическая». Цель исследования заключается в выявлении наиболее эффективных правовых гарантий путем сравнительного анализа подходов различных правовых систем, оценке их реальной, а не только формальной эффективности сквозь призму данных современной психологии о внушаемости и возрастных особенностях несовершеннолетних, а также в выработке конкретных, научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию процессуальных норм Российской Федерации. Особое внимание уделяется влиянию международно-правовых стандартов (Конвенция ООН о правах ребенка), а также психолого-культурным аспектам, обуславливающим необходимость специализированного подхода к допросу несовершеннолетних.

Автор приходит к выводу о необходимости конвергенции формальных гарантий и эмпирически обоснованных практик, предлагая конкретные изменения в УПК РФ и ведомственные инструкции, включая имплементацию элементов института «соответствующего взрослого» и законодательную рекомендацию по использованию научно-обоснованных протоколов допроса (на примере протокола NICHD).

Теоретическая значимость работы заключается в углублении научных представлений о моделях правового регулирования допроса несовершеннолетних и критериях их эффективности. Практическая значимость состоит в том, что сформулированные рекомендации могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании УПК РФ, а также в практической деятельности следователей и дознавателей.

Ключевые слова: *допрос несовершеннолетнего, уголовный процесс, сравнительное правоведение, процессуальные гарантии, права ребенка, соответствующий взрослый (appropriate adult), психолого-педагогическое сопровождение, внушаемость, протокол NICHD, видеозапись допроса, J.D.B. v. North Carolina*

[1] Юрисконсульт Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании ВО «Совтелеэкспорт» (125040, Москва, ул. 5-я Ямского Поля, д. 19–21, стр. 1).

Для цитирования: *Восканян А.А. Сравнительно-правовой анализ процессуальных особенностей допроса несовершеннолетних // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 192–198. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-192-198.*

Введение

Эффективность и справедливость уголовного судопроизводства в современном правовом государстве определяются не только неотвратимостью наказания, но и тем, насколько его процедуры адаптированы к особенностям различных категорий участников. Несовершеннолетние, в силу психофизиологической незрелости, незавершенности социализации, повышенной внушаемости и склонности к фантазированию, являются одной из наиболее уязвимых групп, вовлекаемых в орбиту уголовного процесса. Их участие в следственных действиях, будучи зачастую объективно необходимым для установления истины, несет в себе высокий риск психотравматизации, получения искаженных показаний и, как следствие, судебных ошибок. Центральным следственным действием, в ходе которого наиболее остро проявляется данная уязвимость, является допрос. Именно в ходе допроса реализуется коммуникативная функция уголовного процесса, и именно здесь несовершеннолетний сталкивается с властным субъектом – следователем, чьи вопросы и манера общения могут оказать решающее воздействие на содержание показаний. Это требует установления в отношении несовершеннолетних не просто общих, а специальной, расширенной системы правовых гарантий.

Статистическое обоснование. Масштаб проблемы подтверждается данными судебной статистики. Согласно отчетам Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, ежегодно по уголовным делам в качестве потерпевших признается более 50 тыс. несовершеннолетних. Еще десятки тысяч допрашиваются в качестве свидетелей и подозреваемых (обвиняемых). Таким образом, от качества правового регулирования и правоприменительной практики в этой сфере зависят судьбы сотен тысяч детей ежегодно, что придает настоящему исследованию высокую практическую значимость.

Процессуально-гарантийная модель (Российская Федерация, Республика Узбекистан)

Данная модель, характерная для стран континентальной правовой семьи (романо-германской правовой системы), отличается детальной, императивной регламентацией процедуры в уголовно-процессуальном законе. Законодатель стремится предусмотреть все возможные риски и заранее установить формальные, четко прописанные барьеры на пути к возможным нарушениям. Основной упор делается на расширение круга участников допроса, которые, по замыслу законодателя, выполняют функцию гарантов прав несовершеннолетнего.

В Российской Федерации ст.ст. 191, 280, 425 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) устанавливают развернутый перечень гарантий, которые можно классифицировать по нескольким направлениям.

А) Субъектный состав: институт обязательного участия третьих лиц

Обязательное участие педагога или психолога: согласно ч. 1 ст. 191 и ч. 3 ст. 425 УПК РФ, участие педагога или психолога обязательно при допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до 14 лет (по усмотрению следователя – до 18 лет), а также при допросе подозреваемых и обвиняемых, не достигших 16 лет либо достигших этого возраста, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии.

Дифференциация статуса: важно подчеркнуть, что закон не разграничивает функции педагога и психолога, оставляя это на усмотрение следователя. На практике это приводит к тому, что педагог (часто школьный учитель, не имеющий специальной подготовки по работе с травмой или допросу) зачастую выполняет роль пассивного статиста. Его участие сводится к присутствию и подписи в протоколе, тогда как психолог мог бы оказать более квалифицированную помощь в оценке состояния ребенка и коррекции задаваемых вопросов. Это порождает проблему формализма, когда гарантия присутствует «на бумаге», но не работает в полную силу.

Участие законного представителя: ст. 191 УПК РФ и ч. 2 ст. 426 УПК РФ наделяют законного представителя (родителя, опекуна, попечителя) широкими правами: знать, в чем подозревается ребенок, присутствовать при допросе, с разрешения следователя задавать вопросы, знакомиться с протоколами, приносить жалобы.

Внутреннее противоречие: однако институт законного представителя не лишен внутренних противоречий. Интерес представителя (например, боязнь семейного позора, собственная причастность к преступлению) может не совпадать с интересом ребенка. В случае, когда несовершеннолетний подозревается в преступлении, совершенном в соучастии с родителем, присутствие последнего на допросе является не защитой, а психологическим давлением на ребенка. Закон допускает отстранение законного представителя в таких случаях (ч. 2 ст. 428 УПК РФ), но эта процедура не автоматизирована и требует от следователя дополнительных волевых усилий и обоснования.

Б) Временные и организационные гарантии

Временные ограничения. Ч. 4 ст. 425 УПК РФ устанавливает жесткие императивные лимиты: допрос не может длиться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности – более 4 часов в день. Это ключевое отличие от процедуры допроса взрослых, для которых такие ограничения не закреплены. Норма основана на учете психофизиологических особенностей ребенка – его способности концентрировать внимание.

Проблема правоприменения: эффективность этой нормы снижается из-за отсутствия четкой процессуальной санкции за ее нарушение. Является ли протокол допроса, проведенного сверх установленного лимита, недопустимым доказательством? УПК РФ прямого ответа не дает, и судебная практика по этому вопросу неоднозначна. Чаще всего суды признают такое нарушение несущественным, если оно не повлияло на содержание показаний, – что, по сути, нивелирует гарантию.

Использование технических средств: ст. 278.1 УПК РФ допускает использование видеоконференц-связи для допроса свидетелей и потерпевших. Это позволяет минимизировать стресс от непосредственного контакта с обвиняемым, особенно по делам о насильственных преступлениях. Рекомендательный характер носит и видеозапись допроса (ч. 6 ст. 191 УПК РФ): она является мощным инструментом контроля за поведением следователя и фиксации эмоционального состояния ребенка, однако не стала обязательной.

В) Особенности оценки показаний

Ст. 196 УПК РФ предписывает обязательное назначение судебно-психологической экспертизы для определения способности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), имеющего признаки отставания в психическом развитии, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Это важная гарантия, однако она срабатывает уже после допроса и направлена на оценку вменяемости, а не на предотвращение искажений в момент получения показаний.

Республика Узбекистан: схожие институты с региональной спецификой

В Республике Узбекистан уголовно-процессуальный кодекс закрепляет институты, во многом схожие с российскими (ст.ст. 102, 103), но с рядом особенностей, отражающих национальную правовую традицию.

Право задавать вопросы: важной формальной особенностью является прямое указание в законе на то, что педагог и законный представитель вправе с разрешения следователя задавать вопросы допрашиваемому. В российской практике такое право подразумевается, но не всегда акцентируется. Узбекский законодатель, формализуя это право, пытается стимулировать активную роль участников. Однако, как и в России, реализация этого права зависит от усмотрения следователя, что сохраняет элемент формализма.

Культурный контекст: в Узбекистане, с его коллективистской культурой и традиционно высоким авторитетом старших, присутствие на допросе не просто законного представителя, а старшего родственника (отца, деда) оказывает гораздо более сильное психологическое влияние на ребенка, чем в индивидуалистических культурах. Это влияние может быть как позитивным (поддержка), так и негативным (давление, страх осуждения семьей). Законодательство Узбекистана не учитывает этот нюанс, оставляя его в плоскости тактики следователя.

Предварительный вывод по модели: главный недостаток «процессуально-гарантийной» модели – ее потенциальный формализм. Наличие педагога, психолога и законного представителя не гарантирует, что допрос ведется с учетом возрастных особенностей памяти, внимания и внушаемости ребенка. Гарантия остается «бумажной», если не подкреплена специальными знаниями и процедурами, а также реальной процессуальной активностью всех участников. Требуется содержательное наполнение этих формальных институтов.

Реабилитационно-прагматическая модель (Англия, США)

Модель, характерная для стран англосаксонской правовой семьи (общего права), в меньшей степени стремится детально регламентировать процедуру в статутном праве (парламентских законах). Основной упор делается на гибкие практические механизмы, выработанные прецедентным правом и подзаконными актами (полицейскими инструкциями, кодексами практик), а также на активное использование достижений психологической науки для создания процедур, минимизирующих риск получения ложных показаний.

Англия: институт «соответствующего взрослого» как гарант коммуникации

В Англии ключевой фигурой, обеспечивающей права несовершеннолетнего при допросе, является «соответствующий взрослый» (*appropriate adult*). Этот институт детально прописан в Полицейских и судебных актах 1984 г. (*Police and Criminal Evidence Act* 1984*, PACE*) и, что особенно важно, в Кодексе практики С (*Code of Practice C*), который является обязательным для исполнения полицией.

Кто может быть «соответствующим взрослым»? *Code C* устанавливает иерархию: 1) родитель или опекун; 2) социальный работник; 3) другой взрослый родственник или знакомый; 4) специально обученный волонтер (в случае отсутствия иных лиц). Важно, что это не просто родственник, а лицо, способное выполнить свою функцию.

Функция «соответствующего взрослого»: ключевое отличие от российского законного предста-

вителя заключается в функциональном назначении: если российский представитель действует как субъективный защитник интересов ребенка, то английский «*approp riate adult*» выполняет роль объективного гаранта процессуальной справедливости, обеспечивая понимание ребенком процедуры, а не навязывая ему свою волю. Он обязан:

1. Убедиться, что несовершеннолетний понимает смысл процедуры и свои права (право на молчание, право на адвоката).

2. Наблюдать за тем, ведется ли допрос справедливо и с учетом уязвимости подростка.

3. Помогать несовершеннолетнему общаться с полицией, при необходимости разъясняя ему вопросы и следя за понятностью ответов.

4. Поддержать ребенка эмоционально.

Таким образом, «соответствующий взрослый» выступает не столько как представитель интересов, сколько как гарант процессуальной справедливости и коммуникативный мост между ребенком и системой правосудия.

Последствия отсутствия: если «соответствующий взрослый» отсутствовал во время допроса, а несовершеннолетний не отказался от его участия добровольно и осознанно, полученные доказательства могут быть признаны недопустимыми в суде. Это мощный стимул для полиции неукоснительно соблюдать процедуру.

США: верховенство прецедента и эмпирический подход

В США подход к допросу несовершеннолетних сформирован на стыке прецедентного права, конституционных гарантий и самых современных эмпирических психологических исследований.

А) Судебный прецедент: дело *J.D.B. v. North Carolina* (2011). Это знаковое решение Верховного Суда США кардинально изменило подход к применению знаменитых правил *Miranda* (предупреждение о праве хранить молчание и иметь адвоката) в отношении детей.

Фабула дела: 13-летний подросток Дж.Д.Б. был допрошен в школе сотрудником полиции в присутствии администрации школы. Ему не зачитали права *Miranda*, так как полицейский не считал, что ребенок находится под стражей. Впоследствии признательные показания подростка были использованы против него.

Решение Суда: Верховный Суд постановил, что возраст ребенка является объективным фактором, подлежащим учету при определении того, находился ли он «под стражей» (*in custody*) для целей применения правил Miranda, поскольку разумное лицо того же возраста могло бы воспринимать подобную обстановку как ограничение свободы.

Б) Влияние психологической науки: исследования внушаемости и протокол *NICHD*. Пожалуй, самое сильное влияние на американскую практику оказали не законодательные акты, а многолетние научные исследования, прежде всего работы профессора Стивена Сеси (*Stephen Ceci*) и Мэгги Брук (*Maggie Bruck*).

Исследования внушаемости: Сеси и Брук в серии экспериментов убедительно доказали, что дети дошкольного и младшего школьного возраста чрезвычайно восприимчивы к внушению. Они могут давать ложные показания о событиях, которых никогда не было, если взрослые задают наводящие вопросы, оказывают давление или используют социальное подкрепление («Ты молодец, расскажи еще»). Особенно опасны так называемые «прагматические импликации» – скрытые в вопросах намеки на желательный ответ (например: «Он прикоснулся к тебе здесь, не так ли?» вместо «Что случилось потом?»).

Протокол NICHD: в ответ на эти вызовы группой исследователей под руководством Майкла Лэмба (*Michael Lamb*) был разработан специальный протокол структурированного интервью для допроса детей – протокол *NICHD* (Национального института детского здоровья и человеческого развития). Данный протокол, хотя и не имеет силы федерального закона, признан рекомендуемым стандартом надлежащей практики и активно имплементируется в деятельность правоохранительных органов, а его использование рассматривается судами в качестве критерия допустимости и достоверности полученных показаний.

Многочисленные исследования подтвердили, что использование протокола *NICHD* значительно повышает количество и качество информации, получаемой от детей, и снижает риск получения ложных показаний.

Предварительный вывод по модели: сильная сторона «реабилитационно-прагматической» модели – ее гибкость и опора на научные данные. Вместо наращивания числа формальных участников она создает функциональные институты («соответствующий взрослый») и предлагает научно обоснованные процедуры (протокол *NICHD*), направленные на достижение конкретного результата – получение достоверных показаний без травмирования ребенка. Недостатком может быть меньшая унифицированность и зависимость от уровня подготовки конкретного правоприменителя.

Международно-правовые стандарты как наднациональный ориентир

Основополагающим документом является Конвенция ООН о правах ребенка (1989 г.). Хотя Конвенция не содержит детальных правил о допросе, ее ключевые принципы имеют фундаментальное значение:

Право быть заслушанным (ст. 12): Ребенок имеет право быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Это означает, что процедура допроса должна быть органи-

зована так, чтобы ребенок мог свободно выразить свое мнение, а не механически отвечать на вопросы.

Эти принципы имплементируются в национальное законодательство, требуя минимизации стресса, адаптации процедур к возрасту и оперативности. Например, Гаагская конвенция 1980 г. о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей прямо требует использования «самых быстрых процедур», что применимо и к получению объяснений от ребенка.

Конкретные рекомендации по изменению российского законодательства

Анализ выявленных недостатков позволяет предложить следующие конкретные формулировки изменений в УПК РФ и ведомственные инструкции.

1. ***Дополнить ст. 191 УПК РФ ч. 1.1 следующего содержания:***

«1.1. При производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет, либо старше 16 лет, страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие психолога является обязательным. Педагог участвует в допросе только при отсутствии возможности обеспечить участие психолога, о чем составляется мотивированное постановление следователя. Функции психолога и педагога не могут совмещаться одним лицом».

Обоснование: Дифференциация статуса психолога и педагога, приоритет психолога как специалиста, способного оценить состояние ребенка и корректировать вопросы.

2. ***Дополнить ст. 191 УПК РФ ч. 3.1 следующего содержания:***

«3.1. При производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в случае, если законный представитель несовершеннолетнего подозревается или обвиняется в совершении преступления, в отношении которого допрашивается несовершеннолетний, либо если имеются основания полагать, что действия законного представителя противоречат интересам несовершеннолетнего, следователь обязан отстранить законного представителя от участия в следственном действии и обеспечить участие в качестве законного представителя иного лица из числа близких родственников либо органа опеки и попечительства».

Обоснование: Устранение конфликта интересов законного представителя, автоматизация процедуры отстранения (без дополнительного усмотрения следователя).

3. ***Дополнить ст. 425 УПК РФ ч. 4.1 следующего содержания:***

«4.1. Проведение допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с нарушением требований части четвертой настоящей статьи (о длительности допроса) является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим признание протокола допроса недопустимым доказательством, если иное не установлено судом при наличии бесспорных доказательств того, что такое нарушение не повлияло на содержание и достоверность показаний».

Обоснование: Введение процессуальной санкции за нарушение временных лимитов (презумпция недопустимости с возможностью опровержения).

4. ***Изложить ч. 6 ст. 191 УПК РФ в следующей редакции:***

«6. Производство допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет, а также старше 16 лет по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, подлежит обязательной видеозаписи. Об этом делается отметка в протоколе следственного действия. Видеозапись приобщается к материалам уголовного дела. В случае технической невозможности видеозаписи составляется мотивированное постановление следователя с указанием причин».

Обоснование: Обязательность видеозаписи для наиболее уязвимых категорий и по чувствительным составам преступлений.

Изменения в ведомственные нормативные акты: Дополнить Инструкцию о порядке проведения допроса несовершеннолетних (в виде отдельного приложения к приказу Следственного комитета РФ, МВД РФ) положением о «соответствующем взрослом»:

«В случае, если законный представитель несовершеннолетнего отсутствует, отстранен от участия либо его участие противоречит интересам несовершеннолетнего, следователем обеспечивается участие "соответствующего взрослого" – лица, обладающего навыками коммуникации с детьми и прошедшего специальную подготовку (социальный работник, психолог, волонтер общественной организации по защите прав детей). Соответствующий взрослый присутствует при допросе, оказывает несовершеннолетнему содействие в понимании задаваемых вопросов и разъяснении своих прав. Необеспечение участия соответствующего взрослого в предусмотренных настоящей Инструкцией случаях является основанием для признания протокола допроса недопустимым доказательством».

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ свидетельствует о наличии единой тенденции к гуманизации процедуры допроса несовершеннолетних. Континентальная модель (РФ, Узбекистан) идет по пути наращивания формальных гарантий (расширение круга участников, временные лимиты). Модель общего права (Англия, США) делает ставку на функциональные институты («соответствующий взрослый») и научно обоснованные методики (протокол *NICHD*).

Автор полагает, что наиболее перспективным для России является путь конвергенции: сохранение и укрепление собственных формальных гарантий с одновременным их содержательным обогащением за счет заимствования функциональных идей и научных методов из опыта стран общего права. Предложенные в работе конкретные изменения в УПК РФ и ведомственные инструкции – имплементация элементов института «соответствующего взрослого», законодательная рекомендация по использованию протоколов типа *NICHD*, дифференциация статуса педагога и психолога, усиление роли видеозаписи и введение четких санкций за нарушения – направлены именно на достижение этой цели В работе предложены ***конкретные формулировки изменений в УПК РФ, изменения в ведомственные инструкции и пошаговый механизм внедрения.***

Предложенные изменения направлены на достижение двух ключевых целей: 1) повышение достоверности показаний несовершеннолетних за счет использования научно обоснованных методик; 2) минимизацию психотравматизации ребенка в ходе уголовно-процессуальной деятельности.

Автор полагает, что наиболее перспективным для России является путь конвергенции: сохранение и укрепление собственных формальных гарантий с одновременным их содержательным обогащением за счет заимствования функциональных идей и научных методов из опыта стран общего права. Предложенные в работе конкретные изменения в УПК РФ и ведомственные инструкции – имплементация элементов института «соответствующего взрослого», законодательная рекомендация по использованию протоколов типа *NICHD*, дифференциация статуса педагога и психолога, усиление роли видеозаписи и введение четких санкций за нарушения – направлены именно на достижение этой цели.

Совершенствование правового регулирования в данной сфере является необходимым условием для построения справедливого, гуманного и защищающего права ребенка уголовного процесса.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.02.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом РУз от 22.09.1994 г. № 2013-XII (в действ. ред.). Ташкент, 2024.
3. Police and Criminal Evidence Act 1984. London: The Stationery Office, 1984. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents (дата обращения: 10.05.2024).
4. Code of Practice C (PACE 1984): Revised Code of Practice for the Detention, Treatment and Questioning of Persons by Police Officers. London: The Stationery Office, 2023. URL: https://www.gov.uk/guidance/police-and-criminal-evidence-act-1984-pace-codes-of-practice (дата обращения: 10.05.2024).
5. J.D.B. v. North Carolina, 564 U.S. 261 (2011). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/564/261/ (дата обращения: 10.05.2024).
6. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
7. Ceci S.J., Bruck M. Jeopardy in the courtroom: A scientific analysis of children's testimony. Washington, DC: American Psychological Association, 1995. 338 p.
8. Lamb M.E., Orbach Y., Hershkowitz I., Esplin P.W., Horowitz D. A structured forensic interview protocol improves the quality and informativeness of investigative interviews with children: A review of research using the NICHD Investigative Interview Protocol // Child Abuse & Neglect. 2007. Vol. 31.
9. №. 11-12. P. 1201–1231.
   Матвеев С.В. Участие специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних // Законность. 2019. № 5. С. 45–48.

Comparative Legal Analysis of the Procedural Features of the Interrogation of Minors

Abraham Aramovich Voskanyan
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia),
All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company VO Sovteleexport (Moscow, Russia)

The article provides a comprehensive comparative legal analysis of procedural institutions and guarantees protecting the rights of minors during interrogation in criminal proceedings. Using the legal systems of the Russian Federation, the Republic of Uzbekistan (continental legal family), England and the USA (Anglo-Saxon legal family) as examples, two main national regulatory models are identified and characterized in detail: the "procedural-guarantee" model and the "rehabilitation-pragmatic" model.

The purpose of the study is to identify the most effective legal guarantees through a comparative analysis of approaches in different legal systems, assess their real (not just formal) effectiveness through the prism of modern psychological data on suggestibility and age-related characteristics of children, and develop specific, scientifically based recommendations for improving the procedural norms of the Russian Federation. Special attention is paid to the influence of international legal standards (UN Convention on the Rights of the Child), as well as psychological and cultural aspects that necessitate a specialized approach to the interrogation of minors.

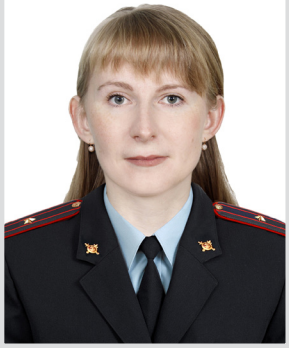
The author concludes that there is a need for convergence of formal guarantees and empirically based practices, proposing specific amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and departmental regulations, including the implementation of elements of the "appropriate adult" institution and a legislative recommendation for the use of evidence-based interrogation protocols (using the NICHD protocol as an example).

The theoretical significance of the work lies in deepening scientific understanding of the models of legal regulation of interrogation of minors and the criteria for their effectiveness. The practical significance lies in the fact that the formulated recommendations can be used in legislative activity when improving the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as in the practical activities of investigators and interrogators.

Keywords: interrogation of a minor, criminal procedure, comparative jurisprudence, procedural guarantees, rights of the child, appropriate adult, psychological and pedagogical support, suggestibility, NICHD protocol, video recording of interrogation, J.D.B. v. North Carolina

УДК 343
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-199-203
© Зейналбдыева А.В., Юрченко В.Н., 2026

Проблемы уголовно-правовой оценки истязания

Зейналбдыева Анна Васильевна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
(308024 г. Белгород, ул. Горького, 71; e-mail: bobenko.anna@bk.ru)

Юрченко Владимир Николаевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
(308024 г. Белгород, ул. Горького, 71; e-mail: Urchenko31@mail.ru)

Актуальность исследования обусловлена сохранением высокого уровня латентного насилия в форме истязания, неоднозначностью правоприменительной практики и отсутствием легальных дефиниций ключевых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 117 УК РФ. Целью работы выступает комплексный анализ уголовно-правовой характеристики истязания, выявление проблемных аспектов квалификации и обоснование направлений совершенствования законодательства. Задачи включают: рассмотрение дискуссионных понятий; анализ соотношения истязания со смежными составами; критическое осмысление квалифицирующих признаков. Научная значимость заключается в систематизации доктринальных подходов к пониманию истязания, выявлении внутренних противоречий в конструкции состава и обосновании необходимости расширительного толкования объективной стороны. Практическая значимость состоит в выработке рекомендаций для правоприменителей по разграничению истязания с побоями, определению временных интервалов систематичности. Основные результаты: обосновано, что отнесение побоев к делам частного обвинения в условиях административной преюдиции создает процессуальные коллизии; выявлена логическая нестыковка между основным и квалифицированным составами в части особой жестокости. Выводы: необходимо принятие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ об истязании, а также урегулирование порядка перехода дел из частного обвинения в публичное. Ценность проведенного исследования определяется его ориентацией на повышение эффективности уголовно-правовой защиты личности от систематического насилия, устранение неопределенности в квалификации и обеспечение единообразия судебной практики.

Ключевые слова: *истязание, систематичность, физические страдания, психические страдания, побои, квалификация преступлений, семейно-бытовое насилие*

Для цитирования: *Зейналбдыева А.В., Юрченко В.Н. Проблемы уголовно-правовой оценки истязания // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 199–203. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-199-203.*

На современном этапе развития общества проблема насилия сохраняет свою высокую общественную значимость, привлекая пристальное внимание законотворческих и правоохранительных институтов во всем мире. В структуре посягательств на телесное благополучие личности наблюдается устойчивая распространенность подобных деяний, причем среди них особо выделяются истязания, поскольку они наносят ущерб не только физическому, но и психоэмоциональному состоянию человека, что в силу присущей им специфики обусловливает необходимость их детального изучения в уголовно-правовой науке. Помимо прочего, истязания относятся к категории высоколатентных преступлений, так как их совершение чаще всего происходит в рамках семейно-бытовых взаимоотношений.

В научной литературе высказываются предложения об исключении ст. 117 УК РФ и рассмотрении истязания исключительно в качестве способа совершения преступного деяния, как это зафиксировано в п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ, поскольку особая жестокость, по мнению сторонников данной позиции, уже аккумулирует в себе признаки истязания. Аргументом служат положения ст.ст. 111 и 112 УК РФ: если указанные деяния повлекли страдания потерпевшего, они не нуждаются в дополнительной квалификации по ст. 117, так как истязание выступает здесь в роли квалифицирующего признака [1].

Необходимо подчеркнуть, что ст. 117 УК РФ характеризуется неоднозначностью при ее реализации на практике. Указанная сложность проистекает главным образом из оценочного характера юридических категорий, используемых законодателем в диспозиции данной нормы, а именно таких дефиниций, как «психические страдания», «систематичность» и «иные насильственные действия» [2].

Обратимся к анализу диспозиции ст. 117 УК РФ сквозь призму юридико-технического подхода. Законодатель выстроил рассматриваемую норму таким образом, что под «иными насильственными действиями» подразумеваются прежде всего активные деяния. Однако существует иная точка зрения, согласно которой в указанную норму необходимо внести коррективы, а объективную сторону истязания следует трактовать более широко – как деяние, способное выражаться также в форме бездействия, последствием которого способны выступить психические страдания [3].

В ряду доктринально сложных и дискуссионных уголовно-правовых понятий значится «систематичность», выступающая одним из конституирующих признаков объективной стороны истязания, однако легальное толкование данного термина в отраслевом законодательстве отсутствует. Не имеется также действующего разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, специально посвященного вопросам квалификации истязания и содержащего современное истолкование указанного признака. В то же время отдельные элементы систематичности обнаруживаются в нормах УК РФ и постановлениях высшей судебной инстанции применительно к другим преступным деяниям. Так, например, в примечании к ст. 232 УК РФ под систематическим предоставлением помещений для потребления наркотических средств либо психотропных веществ понимается соответствующее действие, совершаемое более двух раз [4].

В уголовно-правовой доктрине на протяжении длительного периода не утихают споры относительно продолжительности временных разрывов между отдельными эпизодами побоев, которые в своей совокупности формируют истязание. Консенсус по данному вопросу в научной среде отсутствует: часть исследователей полагает, что разрозненные факты нанесения ударов должны отделяться друг от друга незначительными интервалами – исчисляться часами либо днями, тогда как иные авторы допускают, что подобные промежутки способны быть довольно протяженными, достигая нескольких месяцев или даже лет. Согласно точке зрения И.П. Портнова, если интервалы между эпизодами нанесения побоев незначительны, и полученные ранее повреждения не успевают зажить, у жертвы отсутствует возможность нивелировать в сознании перенесенные страдания. Напротив, когда временные промежутки достигают нескольких месяцев либо года и на данном этапе между участниками конфликта складываются конструктивные, бесконфликтные взаимоотношения, квалификация подобных ситуаций в качестве истязания, выраженного в планомерном избиении, признается автором несостоятельной [5].

Представители второго подхода настаивают на том, что признак систематичности при истязании сохраняет свою силу даже при значительной удаленности отдельных случаев нанесения телесных повреждений друг от друга во времени, а также при отсутствии обоснованных хронологических ограничений, их установление представляется методологически неверным и противоречащим целям правовой защиты личности. Зачастую удары и иные формы физического насилия совершаются в отношении потерпевшего на протяжении многих месяцев или даже лет с варьирующимися временными разрывами. В подобных обстоятельствах психическое состояние жертвы подвергается систематическому травмированию вследствие перманентного переживания страха, физической боли, моральных терзаний и телесных страданий, которые даже спустя продолжительное время не утрачивают своего негативного воздействия. Обе рассмотренные теоретические конструкции содержат рациональные аргументы относительно критериев временного разграничения между отдельными эпизодами побоев в рамках состава истязания.

Вместе с тем в рамках судебной практики сформировалась позиция, согласно которой всё же существует максимальный временной предел между отдельными фактами нанесения ударов, позволяющий говорить о наличии истязания. Иначе говоря, совокупность нескольких эпизодов физического насилия может считаться систематической для целей квалификации истязания, если по каждому из них не истекли сроки привлечения к уголовной ответственности, составляющие в силу п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ два года со дня совершения преступного деяния [4].

На практике дискуссионный характер носит вопрос о возможности отнесения к систематическому нанесению побоев однократного действия преступника. Ориентиром для разрешения данного затруднения выступает мнение, что единичные, разовые случаи насилия при определенных обстоятельствах допустимо рассматривать в качестве истязания, если они отличаются интенсивным и пролонгированным воздействием на организм человека, вследствие которого потерпевшему причиняются особые физические либо психические страдания, например: поджаривание на огне, нанесение множественных ожогов раскаленным металлическим предметом или электрическим током, введение игл под ногтевые пластины, сдавливание пальцев щипцами, избиение плетью или розгами, вырывание волос, а также иные сходные по характеру действия [6].

Указанные коллизии, подкрепленные отсутствием легального толкования термина «систематичность» применительно к истязанию, требуют безотлагательного разрешения на законодательном уровне, и наиболее рациональным способом устранения данного пробела видится редакционное уточнение ч. 1 ст. 117 УК РФ и изложение ее в следующей редакции: «Причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо путем систематического совершения иных насильственных действий, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса». Для случаев, где единичное, но исключительно интенсивное и пролонгированное воздействие на организм потерпевшего причиняет особые физические или психические страдания, целесообразно сохранить возможность квалификации таких деяний по ст. 117 УК РФ в качестве иных насильственных действий. Это требует дополнительного разъяснения в актах высшей судебной инстанции, но не изменения диспозиции.

В постановлении Пленума ВС РФ надлежит закрепить дефиницию систематичности, понимая под ней совершение действий не менее трех раз, при условии, что отдельные эпизоды объединены единым умыслом, общей целью причинения страданий и представляют собой определенную линию поведения виновного по отношению к одному и тому же потерпевшему, при этом наличие значительных временных промежутков между эпизодами само по себе не исключает систематичности, если они являются звеньями одной цепи и по каждому из них не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности, составляющий два года.

Также следует разъяснить, что под иными насильственными действиями, образующими объективную сторону истязания, понимаются как активные действия, так и в определенных случаях бездействие, выражающееся в длительном лишении потерпевшего пищи, воды, тепла, сна или оставлении его во вредных для здоровья условиях, если подобные деяния совершаются систематически.

Исходя из диспозиции ст. 117 УК РФ, под истязанием понимается систематическое нанесение побоев либо причинение физических и психических страданий посредством иных насильственных действий при условии, что они не повлекли за собой причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Изложенное порождает вопрос относительно момента окончания побоев. За первичное совершение простых побоев виновное лицо подлежит административной ответственности. В случае повторного нанесения неквалифицированных побоев тем же субъектом данное деяние образует состав преступления, предусмотренный ст. 116.1 УК РФ, то есть нанесение побоев лицом, ранее подвергнутым административному взысканию, причем данный деликт относится к категории дел частного обвинения. Одновременно с этим может обнаруживаться и такая систематичность, которая выступает необходимым условием для квалификации содеянного по ст. 117 УК РФ. Для истязания, напротив, свойствен публичный порядок уголовного преследования, вследствие чего возникает правовая коллизия: преступное посягательство переходит из института частного обвинения в публично-правовую плоскость [7].

При этом законодатель не определил механизм действий в случае, когда лицо, уже обратившееся в правоохранительные органы по факту нанесения ему побоев, впоследствии вновь подвергается аналогичному насилию, в результате чего совокупность противоправных действий виновного начинает подпадать под признаки состава, закрепленного в ст. 117 УК РФ. В подобной ситуации удержание побоев в категории дел частного обвинения представляется неоправданным, так как это неизбежно влечет за собой процессуальные противоречия [8].

Для разрешения данной коллизии предлагается внести дополнения в УПК РФ, предусмотрев обязанность органов предварительного расследования и суда, установивших наличие признаков систематичности и иных элементов состава истязания, вынести решение о прекращении производства по делу частного обвинения в части побоев и направлении материалов для организации предварительного расследования с обязательным включением всех эпизо-

дов, по которым не истек срок давности. Указанный механизм должен быть закреплен в постановлении Пленума ВС РФ применительно к делам об истязании, что позволит избежать неоправданного удержания побоев в категории дел частного обвинения при очевидной их трансформации в более тяжкое преступление, обеспечив тем самым надлежащую правовую охрану личности от систематических насильственных посягательств.

Детального рассмотрения заслуживает квалифицирующий признак, закреплённый в п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ. По всей видимости, понятия «истязание» и «особая жестокость» описывают одну и ту же сущность, различаясь лишь грамматическим оформлением – глагольным и именным соответственно. В данном случае усматривается логическая нестыковка: семантически идентичное явление одновременно образует основной состав преступления и выступает в роли квалифицирующего обстоятельства, являясь одной из альтернатив, прямо поименованных в уголовном законе. В силу изложенного более удачным вариантом обозначения рассматриваемого квалифицирующего элемента представляется конструкция «с особой интенсивностью» [9].

Эмпирическое изучение судебных материалов показывает, что чаще всего параллельно с истязанием совершается деяние, подпадающее под признаки ст. 119 УК РФ, то есть угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. В процессе правоприменения фиксируется множество случаев, когда упомянутый состав неоправданно не включается в итоговую квалификацию действий преступника при очевидном присутствии всех необходимых объективных и субъективных признаков. Едва ли состоятельна аргументация, согласно которой угроза поглощается конструктивными элементами истязания, поскольку в диспозиции ст. 117 УК РФ отсутствует какое-либо указание на угрозу убийством, а кроме того, под охраной ст. 119 УК РФ находится иной, не совпадающий с объектом истязания. Помимо этого, положительной оценки заслуживает правоприменительный подход, при котором истязание квалифицируется в совокупности со ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего), когда виновные лица подвергают истязаниям своих детей. Сравнительный анализ максимальных пределов основных видов наказания, предусмотренных ст. 117 УК РФ (по части второй – лишение свободы на срок до семи лет) и ст. 156 УК РФ (лишение свободы на срок до трех лет), свидетельствует о том, что за истязание установлена более высокая мера ответственности [6].

Подводя итог сказанному, необходимо констатировать, что уголовно-правовая характеристика истязания в настоящее время представляет собой сложную и многоаспектную проблему, разрешение которой требует применения комплексных мер [10]. Совершенствование нормативной базы, формирование единообразия судебной практики посредством детализированных разъяснений со стороны высших судебных органов, а также повышение уровня профессиональной подготовки и информированности правоприменителей выступают необходимыми условиями для достижения этой цели. Ликвидация неопределенности в интерпретации основополагающих признаков состава истязания позволит более результативно охранять личную неприкосновенность, физическое и психическое здоровье граждан от систематических насильственных посягательств, что служит важной гарантией обеспечения основополагающих прав человека.

Литература:

1. Буравлев И.А. Проблемы уголовно-правовой характеристики истязаний. Примеры зарубежной практики по делам об истязании // Актуальные вопросы публичного права: Материалы XX Всеросс. науч. конф. Студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 11–12 ноября 2021 г. Вып. 20. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-тет, 2021. С. 347–353.
2. Ерахмилевич В.В. Некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за истязание членов семьи // Домашнее насилие: предупреждение и ответственность: Сб. статей по итогам III Межд. науч.-практ. конф., Томск, 18 ноября 2022 г. Томск: Нац. исслед. Томский гос. ун-тет, 2024. С. 35–41.
3. Боровиков В.В., Гордиенко К.Н. Некоторые проблемы объективной стороны истязания // Альманах молодого исследователя. 2023. № 14. С. 79–83.
4. Багун Э.А. Признак систематичности в структуре истязания: вопросы теории и практики // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2022. № 4(54). С. 84–89.
5. Портнов И.П. Истязание (криминологический и уголовно/правовой аспекты) // Насильственные преступления: природа, расследование, предупреждение: сб. науч. трудов. М.: ВНИИ МВД России, 1994. 137 с.

6. Векленко В.В. Совершенствование применения уголовного закона об ответственности за истязание // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сб. статей по результатам II Межд. науч.-практ. конф, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с РФ, Симферополь, 15 марта 2024 г. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 305–313.
7. Михайлюк А.В. Вопросы усовершенствования уголовно-правовой защиты от побоев и истязаний // Право и практика. № 1. 2020. С. 70–75.
8. Сивцев В.Е., Губанов Д.Г. Проблемы квалификации побоев и истязаний // Актуальные вопросы устойчивого развития государства, общества и экономики: сб. науч. статей 2-й Всеросс. науч.-практ. конф., Курск, 02–03 ноября 2023 г. Курск, 2023. С. 126–129.
9. Аубакирова-Тер-григорян Н.М. Особая жестокость, пытка, садизм, издевательство и истязание: соотношение понятий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 1. С. 177–186.
10. Латыпов А.Д., Джафарли В.Ф. Уголовно-правовая характеристика истязания // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях: Сб. мат. VIII Межд. науч.-практ. конф., Москва, 20 ноября 2025 г. М.: Московский эконом. ин-тут, 2025. С. 145–151.

Problems of Criminal Assessment of Torture

Anna Vasilyevna Zeynalbdyeva, Vladimir Nikolaevich Yurchenko
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin (Belgorod, Russia)

The relevance of the study is due to the persistence of a high level of latent violence in the form of torture, the ambiguity of law enforcement practice, and the lack of legal definitions of the key features of the crime under Article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the work is to provide a comprehensive analysis of the criminal law characteristics of torture, identify problematic aspects of qualification, and propose ways to improve legislation. The tasks include: consideration of controversial concepts; analysis of the relationship between torture and related offenses; and critical analysis of the qualifying features. The scientific significance lies in the systematization of doctrinal approaches to the understanding of torture, the identification of internal contradictions in the structure of the offense, and the justification of the need for an expansive interpretation of the objective side. The practical significance lies in the development of recommendations for law enforcement agencies on distinguishing between torture and beatings, determining the time intervals of systematicity. Main results: it is substantiated that the classification of beatings as cases of private prosecution in the context of administrative prejudice creates procedural conflicts; a logical inconsistency between the main and qualified elements of the crime in terms of special cruelty has been identified. Conclusions: it is necessary to adopt an explanation by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on torture, as well as to regulate the procedure for transferring cases from private prosecution to public prosecution. The value of this research is determined by its focus on improving the effectiveness of criminal law protection of individuals from systematic violence, eliminating uncertainty in the qualification of crimes, and ensuring uniformity in judicial practice.

Keywords: torture, systematic abuse, physical suffering, mental suffering, beatings, criminal classification, and domestic violence

УДК 343.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-204-211
© Ильгизаров Р.И., 2026

Проблемы обжалования решений судов о взыскании процессуальных издержек за счёт бюджетных средств управлениями Судебного департамента при Верховном Суде РФ

Ильгизаров Рамиль Ильгизарович
Юрист Управления Судебного департамента в Республике Татарстан
(420021, Казань, ул. Парижской Коммуны, д. 24; e-mail: vestnik_eps@mail.ru)

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов защиты государственных интересов при распределении судебных расходов за счет бюджетных средств. Существующая практика обжалования судебных решений управлениями Судебного департамента, выявляет системные проблемы в правоприменении и требует выработки единых подходов к решению данных вопросов.

Цель исследования заключается в анализе проблем обжалования судебных решений о взыскании процессуальных издержек за счет бюджетных средств управлениями Судебного департамента и разработке предложений по совершенствованию судебной практики в данной сфере.

Научная и практическая значимость работы состоит в том, что предложенные автором меры по усилению роли прокуратуры в контроле за распределением судебных расходов и инициатива вмешательства Верховного Суда РФ позволят: обеспечить законность судебных решений; предотвратить нецелевое расходование бюджетных средств; устранить противоречия в судебной практике; выработать единые подходы к разрешению аналогичных споров.

Выводы исследования свидетельствуют о необходимости усиления прокурорского надзора за распределением судебных расходов, формирования Верховным Судом РФ единой судебной практики, совершенствования механизмов защиты публичных интересов государства и обеспечения законности при расходовании бюджетных средств.

Предложенные автором меры направлены на восстановление правовой определенности и защиту публичных интересов государства в сфере распределения судебных расходов.

Ключевые слова: *иные заинтересованные лица, субъекты обжалования, апелляционное обжалование, управление судебного департамента, судебные расходы, процессуальные издержки, доступ к правосудию, федеральный бюджет*

Для цитирования: *Ильгизаров Р.И. Проблемы обжалования решений судов о взыскании процессуальных издержек за счёт бюджетных средств управлениями Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 204–211. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-204-211.*

Федеральным законом от 07.08.2000 № 119-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» был учрежден институт апелляционного обжалования [1]. Впоследствии положения об апелляционном порядке были включены в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2].

В российской юридической литературе, давая характеристику апелляции, авторы нередко цитируют И.Я. Фойницкого, который писал: «Под апелляцией

разумеется пересмотр высшей инстанцией обжалованного неокончательного приговора низшего суда в его основаниях как фактических, так и юридических, но в пределах принесенной жалобы. Апелляционная инстанция, подобно первой, рассматривает дело по существу и постановляет по нему приговор, совершенно заменяющий приговор низшего суда, хотя по содержанию могущий быть одинаковым с ним. Задача апелляции – дать новым разбирательствам добавочную гарантию справедливости судебного приговора. Эта добавочная гарантия состоит в привлечении к участию в деле высшего суда, более совершенные познания и опытность которого рассматриваются как дальнейшее обеспечение интересов правосудия» [3].

По российскому праву в порядке апелляционного производства вышестоящая судебная инстанция производит проверку решения нижестоящего суда, после чего либо утверждает обжалованное решение, либо, отменив его, выносит новое. При апелляции пересматривается решение суда не по отдельным процессуальным вопросам, а по существу всего дела в целом [4].

Согласно ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ право апелляционного обжалования судебного решения принадлежит осужденному, оправданному, их защитникам и законным представителям, государственному обвинителю и (или) вышестоящему прокурору, потерпевшему, частному обвинителю, их законным представителям и представителям, а также иным лицам в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы.

В соответствии с требованиями гл. 45.1 УПК РФ решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, могут быть обжалованы сторонами в апелляционном порядке (ч. 1 ст. 389.2 УПК РФ).

Детально правовое регулирование апелляционного порядка обжалования судебных актов суда первой инстанции предусмотрено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Положения УПК РФ прямо предусматривают, что право апелляционного, кассационного и надзорного обжалования не является прерогативой только участников уголовного процесса, но и принадлежит иным лицам в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы (ст.ст. 389.1, 401.2, 412.1 УПК РФ) [5].

Законодателем четко определен круг субъектов, перечисленных в ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ, которые уполномочены на подачу апелляционных жалоб на решения суда первой инстанции. Однако перечень лиц, чьи права и законные интересы могут быть нарушены судебным актом, является открытым и не ограничен перечисленными участниками.

Это обусловлено тем, что в ходе уголовного судопроизводства возможно возникновение ситуаций, при которых судебное решение затрагивает интересы третьих лиц, не являющихся непосредственными сторонами разбирательства. Например, такими лицами могут выступать родственники обвиняемого или потерпевшего, свидетели, понятые, лица, оказывающие юридическое содействие сторонам, а также организации и учреждения, вовлеченные в процесс исполнения судебного акта.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 25.06.2019 № 19 разъяснил, что обжаловать судебное решение могут не только стороны процесса, но и другие лица, чьи права и законные интересы этим решением затронуты. Это касается и тех, кто формально не является участником процесса, но исходя из своего фактического положения нуждается в судебной защите (абз. 2 п. 1) [6].

Закрепление такого открытого перечня позволяет обеспечить доступ к правосудию всех заинтересованных лиц, гарантируя защиту их законных интересов и соблюдение принципов справедливости и равноправия сторон. Вместе с тем это создает определенные трудности в правоприменительной практике, поскольку требует индивидуального подхода к каждому случаю и учета специфики конкретных правоотношений. Таким образом, законодатель сознательно отказался от детальной регламентации круга лиц, правомочных на обращение в апелляционную инстанцию, предпочитая оставить этот вопрос на усмотрение суда.

Тем не менее такая практика часто сопровождается определенными ограничениями со стороны судов, которые могут отказывать третьим лицам в доступе к процедуре апелляционного обжалования. Это противоречит принципу доступности правосудия и создаёт риск нарушения принципа правовой определённости и предсказуемости правовых последствий принимаемых судебных решений.

Подобные ограничения нередко проявляются при попытке Управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации (далее – Управления) оспорить несправедливые судебные решения, необоснованно обязывающие Управления возмещать судебные расходы, не предусмотренные положениями действующего законодательства. Нередко предметом споров становятся случаи завышенных размеров компенсаций, не соответствующих критериям разумности и справедливости. Особый интерес представляют споры о возмещении процессуальных расходов потерпевшим сторонам, включающих вознаграждения адвокатам, понесённые не только в рамках судебного заседания, но и на стадии досудебного следствия по уголовным делам.

При разрешении вопросов о взыскании судебных расходов за счет федерального бюджета судами субъектов РФ зачастую допускаются нарушения

норм как материального, так и процессуального права. Встречаются ситуации, когда требования Постановления Правительства Российской Федерации от 01.12.2012 № 1240, утверждающего Положение о порядке возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Положение) [7], игнорируются.

Издержки, которые потерпевший понес до начала судебного разбирательства по уголовному делу, вопреки установленному указанным Положением порядку, незаконно возлагаются на Управления и без учета установленных размеров, тогда как они подлежат возмещению из бюджета, выделенного государственным органам, наделённым полномочиями по проведению дознания и предварительного следствия, с учетом конкретных сумм.

Финансирование процессуальных издержек, понесенных потерпевшим в ходе предварительного расследования, то есть на этапе досудебного производства по уголовному делу, согласно Федеральному закону от 08.01.1998 № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» [8] и упомянутого Положения, в полномочия управлений Судебного департамента не входят.

В п. 4 вышеуказанного постановления Правительства Российской Федерации финансовое обеспечение расходных обязательств, связанных с реализацией названного правового акта, осуществляется в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных в федеральном бюджете на соответствующий финансовый год на содержание судов и государственных органов, наделенных полномочиями по производству дознания и предварительного следствия. В связи с этим расходы потерпевшего по уголовному делу за счет средств федерального бюджета возмещаются финансовыми органами судов общей юрисдикции, органами Судебного департамента РФ либо органами, наделенными полномочиями по производству дознания и предварительного следствия, исходя из тех обстоятельств, на какой стадии уголовного производства потерпевшая сторона несла расходы на представителя [9].

Дополнительно отмечается наличие ситуаций, когда в судебных актах вовсе отсутствует указание на конкретную финансовую службу какого-либо органа, осуществлявшего предварительное расследование, равно как и на Управление Судебного департамента субъекта Российской Федерации. Таким образом, остаётся неясным, на какую структуру возложена обязанность по осуществлению выплаты процессуальных издержек, что существенно затрудняет процедуру исполнения судебного решения [10–12]. Такое состояние дел порождает путаницу и вызывает трудности при исполнении судебных актов, ухудшая качество администрирования и снижая эффективность системы распределения судебных расходов.

В соответствии с ч. 4 ст. 131 УПК РФ порядок и размеры возмещения процессуальных издержек, за исключением размеров процессуальных издержек, предусмотренных п.п. 2 и 8 ч. 2 данной статьи, устанавливаются Правительством РФ.

Во исполнение предоставленных федеральным законодателем полномочий Правительство РФ издало упомянутое выше Постановление № 1240, которым утвердило Положение. Делегируя Правительству РФ данное полномочие, федеральный законодатель исходил из того, что при определении порядка реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи и доступ к правосудию Правительство РФ принимает соответствующие решения не произвольно, а на основе действующего законодательства и, кроме того, учитывая объективную оценку экономических показателей, характеризующих финансовые ресурсы федерального бюджета [13].

Разрешение вопросов о конкретных размерах предельных значений возмещения за счет средств федерального бюджета расходов потерпевшего по уголовному делу связано с оценкой целесообразности и экономической обоснованности решения Правительства Российской Федерации, относится к его дискреционным полномочиям при выборе органом публичной власти в пределах, установленных нормативными правовыми актами, оптимального варианта решения конкретного управленческого вопроса. Нормативный правовой акт большей юридической силы, который устанавливал бы иной порядок принятия решения о возмещении расходов потерпевшего по уголовному делу и определение их размера, отсутствует [13].

Между тем Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно акцентировал внимание в своих решениях на том, что механизм возмещения судебных издержек, установленный в упомянутом Положении, призван исключить произвольное разрешение вопроса о выплатах за счет федерального бюджета, а также создает критерии для судебной оценки законности и обоснованности соответствующего решения в случае его обжалования [14–16].

Важно подчеркнуть, что рассмотрение вопросов о компенсации судебных расходов осуществляется как при отдельном рассмотрении заявлений, так и одновременно с рассмотрением материалов уголовного дела. При этом Управление Судебного департамента по субъекту РФ судами не привлекается к участию в деле в качестве заинтересованных лиц, а потому о несоответствии решения суда требованиям федерального законодательства представители Управления зачастую узнают уже после вступления приговора в силу, при направлении копии судебных

решений для исполнения в части осуществления оплаты судебных расходов из федеральных средств. По этой причине Управление лишено возможности своевременно представить свою позицию по вопросам, связанным с возмещением судебных расходов из федерального бюджета.

Такие судебные решения нарушают принципы справедливого распределения судебных издержек и противоречат нормам бюджетного законодательства. Это порождает необходимость для Управления инициировать процедуру обжалования судебных решений.

При подготовке апелляционных и кассационных жалоб учитываются правовые позиции, сформулированные в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся критериев обоснованности и разумности размера взыскиваемых компенсаций, направленных на обеспечение баланса между правами участников процесса и требованиями рационального расходования бюджетных средств, в том числе в части установления соответствия между размерами вознаграждения представителей потерпевших и объективной необходимостью и оправданностью произведенных ими расходов.

Вместе с тем не все судебные органы разделяют практику Управлений по обжалованию указанных судебных актов, аргументируя свою позицию отсутствием прямого законодательного закрепления статуса Управления как лица, обладающего полномочиями на подачу соответствующей жалобы.

Позиция Управления направлена на защиту государственных интересов, в том числе путем осуществления контроля за эффективным расходованием бюджетных средств, что также включает обжалование судебных решений, связанных с необоснованным завышением размера судебных издержек, не соответствующих принципам разумности и обоснованности, сформулированным судебной практикой и разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации.

Согласно п. 20.1 ст. 6 Федерального закона от 08.01.1998 № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (далее – Закон), судебный департамент финансирует возмещение издержек по делам, рассматриваемым судами и мировыми судьями, которые относятся на счет федерального бюджета.

Полномочий по финансированию расходов правоохранительных органов, в частности МВД России, по возмещению процессуальных издержек в ходе предварительного следствия, указанный закон не предусматривает.

В п. 6 ст. 14 Закона указано, что Управление Судебного департамента в пределах своей компетенции, в том числе, финансирует возмещение издержек по делам, рассматриваемым районными судами, гарнизонными военными судами и мировыми судьями, которые относятся на счет федерального бюджета.

Согласно приказу Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 14.08.2024 № 180, главным распорядителем бюджетных средств является Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, а получателями – управления Судебного департамента в субъектах Российской Федерации.

Таким образом, Управления Судебного департамента в субъектах РФ являются получателями бюджетных средств, осуществляют свою деятельность за счёт федерального бюджета, направленного на организацию функционирования судов общей юрисдикции и мировых судей.

Из ст. 164 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ) [17] следует, что получатели бюджетных средств признаются участниками бюджетного процесса на федеральном уровне, следовательно, территориальные управления выступают полноценными участниками бюджетного процесса Российской Федерации.

Согласно ст. 162 БК РФ получатель бюджетных средств составляет и исполняет бюджетную смету, должен обеспечить результативность и целевой характер использования предусмотренных ему бюджетных ассигнований и несет ответственность за целевое использование средств бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, суды при рассмотрении вопросов о взыскании судебных расходов за счет бюджетных средств возлагают на территориальные управления Судебного департамента обязанность по финансированию указанных расходов.

Определение о взыскании судебных расходов – это отдельный процессуальный акт суда, принимаемый как на стадии рассмотрения дела, так и после вынесения решения в рамках заявленного соответствующего ходатайства. Такое определение, равно как и приговор в части разрешения вопросов о судебных издержках, подлежит самостоятельному обжалованию, если одна из сторон либо иные лица, чьи права и законные интересы затронуты судебным решением, считают, что расходы взысканы незаконно или в неправильно рассчитанном размере.

Согласно п. 3 ст. 158 БК РФ главный распорядитель средств федерального бюджета выступает в суде от имени государства в качестве представителя ответчика по искам к РФ: подп. 1.1 указанной части и статьи – о взыскании денежных средств, в том числе судебных расходов, с казенного учреждения – должника, лицевой счет которому не открыт в органе Федерального казначейства, финансовом органе субъекта РФ; подп. 3 указанной части и статьи – по иным искам к РФ, субъекту РФ, муниципальному образованию, по которым в соответствии с феде-

ральным законом интересы соответствующего публично-правового образования представляет орган, осуществляющий в соответствии с бюджетным законодательством РФ полномочия главного распорядителя средств федерального бюджета, бюджета субъекта РФ, бюджета муниципального образования.

Из п. 2 ст. 242.2 БК РФ следует, что главный распорядитель средств федерального бюджета, представлявший в суде интересы РФ в соответствии с п. 3 ст. 158 БК РФ либо выступающий в суде в качестве ответчика по искам (заявлениям) о взыскании денежных средств за счет казны РФ или федерального бюджета, в течение 10 дней после вынесения судебного акта в окончательной форме обязан в порядке, установленном Министерством финансов РФ, направить в Минфин России информацию о результатах рассмотрения дела в суде, а также представить информацию о наличии оснований для обжалования судебного акта.

При наличии оснований для обжалования судебного акта, а также в случае обжалования судебного акта иными участниками судебного процесса главный распорядитель средств федерального бюджета в течение 10 дней после вынесения судебного акта апелляционной, кассационной или надзорной инстанции в окончательной форме обязан в порядке, установленном Минфином РФ, представить в Минфин России информацию о результатах обжалования судебного акта. Вопросы представления главными распорядителями средств бюджета в главный государственный финансовый орган информации о ходе судебных разбирательств, возможности их обжалования и итогах рассмотрения регулируются приказом Минфина России от 12.10.2018 № 204н.

Из системного толкования приведенных правовых норм бюджетного законодательства следует, что главный распорядитель бюджетных средств, применительно к рассматриваемому случаю, коим является Судебный департамент при Верховном Суде РФ, наделен правом оспаривать судебные акты. Представляется, что аналогичные полномочия в рамках его компетенции распространяются и на случаи обжалования судебных решений по рассматриваемым нами вопросам.

Вместе с тем действующее федеральное законодательство не ставит ограничение на доступ к правосудию в зависимость от того, является ли организация главным распорядителем бюджетных средств или же лишь получает средства от главного распорядителя. Право обращаться в суд для защиты публичных интересов государства и восстановления баланса публично-правовых интересов принадлежит любым иным лицам, права и законные интересы которых затронуты в результате судебного решения, независимо от их организационно-правовой формы. Данное положение применимо и к территориальным Управлениям Судебного департамента.

Таким образом, Управление принимает участие в судебном разбирательстве, выступая в роли истца, ответчика или иного участника процесса, в полном соответствии с нормами действующего законодательства и исключительно в целях обеспечения сохранности государственного имущества и интересов Российской Федерации

Исходя из норм, установленных п. 8 ст. 161 БК РФ, казённое учреждение самостоятельно выступает в суде в качестве истца и ответчика. П. 11 данной статьи распространяет действие вышеуказанных положений на органы государственной власти (государственные органы) с учетом их полномочий, закрепленных в бюджетном законодательстве (положения, аналогичные изложенным, приведены в третьем абзаце п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» [18]).

Иначе говоря, законодатель четко установил, что Управление, обладая статусом органа государственной власти, не ограничено какими-либо запретами на самостоятельное участие в судебных процессах, аналогичными установленным для казённых учреждений.

Приведённая позиция находит своё подтверждение в правовой позиции Верховного Суда РФ, выраженной в определении от 23.03.2021 № 303-ЭС20-2043 по делу № А73-9326/2018 [19]. Верховный Суд РФ однозначно указал, что получение бюджетных средств и исполнение функций бюджетополучателя не создают препятствий для государственных органов и казённых учреждений выступать в судебных спорах в качестве полноправных сторон.

Указанная правоприменительная практика подчёркивает принципиальную возможность органов, финансируемых из бюджета, вступать в судебные процессы для защиты своих прав и законных интересов без обязательного привлечения главного распорядителя бюджетных средств.

Учитывая, что Управление обеспечивает деятельность судов, сокращение необоснованных судебных расходов повышает эффективность использования бюджетных средств и способствует исполнению предусмотренной ст. 162 БК РФ обязанности по целевому расходованию бюджетных средств. Согласно ст. 164 БК РФ, получатели бюджетных средств включены в число участников бюджетного процесса на федеральном уровне. Соответственно, Управление является полноценным субъектом данного процесса.

Подача Управлением апелляционных и кассационных жалоб на решения судов первой инстанции является обоснованной мерой контроля за соблюдением установленных законом принципов резуль-

тативности, эффективности и целевого характера использования бюджетных средств, регламентированных ч. 8 ст. 28 и ст. 38 БК РФ.

Логичным представляется поставить вопрос о законности позиции судов, ограничивающих Управление Судебного департамента в обращении с апелляционными жалобами на решения судов о возмещении судебных расходов. Данная позиция судов не основана на нормах права и носит произвольный характер, что порождает сомнения в её обоснованности и правомерности.

Так, суды, отклоняющие жалобы управления, исходят не из требований закона, а из собственного представления о пределах полномочий управления. Вольная трактовка судов относительно того, что Управление не может относиться к числу лиц, чьи права и законные интересы затронуты такими судебными решениями, недопустима. В свою очередь, это вступает в противоречие с общим смыслом законодательства, призванного защищать государственные интересы и гарантировать исполнение судебных решений в соответствии с законом.

Подобное ограничение прав территориальных подразделений Судебного департамента, не имеющее законодательного обоснования, вступает в противоречие с важнейшим конституционным принципом равенства всех перед законом и судом, лишая их возможности реализовывать свои полномочия по контролю за целевым расходованием бюджетных средств.

Кроме того, такая судебная практика не соответствует ст. 46 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Причем право на судебную защиту, в целом реализуемое через совокупность различных процессуальных средств, относится к числу прав, не подлежащих ограничению (ст. 56, ч. 3 Конституции Российской Федерации). Вместе с тем правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. Справедливость как основополагающая идея находит свое закрепление и во вводных положениях к Конституции Российской Федерации. Ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено [20].

Важно отметить, что последующее направление кассационных жалоб Управлений неизменно влечет возврат их кассационным судом общей юрисдикции без дальнейшего разбирательства, поскольку такая жалоба признается необоснованной по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 401.5 УПК РФ. Это создает существенный барьер для реализации права на дальнейшее судебное оспаривание постановленных актов в Верховном Суде Российской Федерации, лишая стороны процесса возможности восстановить нарушенные права и добиться справедливого разрешения спора. Основанием возвращения жалоб является аналогичный апелляции вывод кассационных судов о том, что Управление не включено в перечень субъектов, перечисленных в ст. 401.2 УПК РФ, и не относится к иным лицам, наделенным правом обжалования судебных решений в части, затрагивающей их права и законные интересы.

При этом основания, по которым Управления исключаются из числа лиц, имеющих право подачи кассационной жалобы согласно положениям ст. 401.2 УПК РФ, судами не раскрываются. Выводы судов об отсутствии такого права основаны исключительно на констатации факта отсутствия конкретного органа в закрытом перечне лиц, предусмотренных законом, без должного анализа обстоятельств дела и разъяснений относительно критериев, позволяющих отнести лицо к числу заинтересованных участников судопроизводства.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что подобная практика требует вмешательства Верховного Суда Российской Федерации для выработки единых подходов и устранения недостатков, негативно влияющих на качество отправляемого правосудия.

Нельзя не отметить, что, действуя в пределах своих полномочий, установленных Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» [21], органы прокуратуры осуществляют контроль за соблюдением федерального законодательства в сфере исполнения бюджетных обязательств всеми субъектами бюджетного процесса. Кроме того, прокуратура наделена правом представлять публичные интересы государства в уголовном процессе от имени Российской Федерации.

Управления Судебного департамента в субъектах Российской Федерации сталкиваются с определенными трудностями при обжаловании судебных решений, которые нарушают нормы федерального законодательства в части распределения судебных расходов. Несмотря на предпринятые усилия, надзирающий орган не всегда оказывает необходимую поддержку, что снижает шансы на успешное оспаривание таких решений и устранение допущенных нарушений. Это создает условия для продолжения судами неверного толкования законов и ухудшения качества отправления правосудия, а как следствие – неправильному распределению судебных расходов или их размеру, не соответствующему критериям разумности и справедливости.

Фактически такая практика ставит Управления Судебного департамента в зависимую позицию от позиции прокуратуры при осуществлении своих полномочий, предусмотренных бюджетным законодательством. Необходимо повышение уровня взаимодействия между Управлениями и прокуратурой

посредством выработки единых подходов к подаче апелляционных жалоб.

Для повышения эффективности защиты публичных интересов государства и достижения правомерных итогов судебных процессов крайне важно обеспечить надлежащий и тщательный подход надзирающих органов на самом раннем этапе рассмотрения дел, касающихся распределения судебных расходов.

Литература:

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: ФЗ от 7 августа 2000 г. // СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3345.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СПС КонсультантПлюс.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II (изд. 3-е, пересмотренное и дополненное). СПб.: Сенатская типография, 1910. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kurs_ugolovnogo_sudoproizvodstva_tom_ii/
4. Апелляционное обжалование приговора по уголовному делу в отношении гражданина США // РИА Новости. 2024. 12 июля. URL: https://ria.ru/20240712/vudlend-1959295859.html
5. Ивасенко К.В. Иные заинтересованные лица как субъекты права на обжалование судебного решения: когда права и законные интересы признают нарушенными // Закон. 2022. № 5. С. 135–145.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (ред. от 29.06.2021) // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации») (ред. от 11.08.2025) // СПС КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 08.01.1998 № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // СПС КонсультантПлюс.
9. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2025 по делу № 77-646/2025 // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 18.05.2016 по делу № 44у-86/16 // СПС КонсультантПлюс.
11. «Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда за 2016 год» (п. 2.3) (утв. Президиумом Кировского областного суда 15.03.2017) // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Президиума Самарского областного суда от 16.02.2017 по делу № 44у-41/2017 // СПС КонсультантПлюс.
13. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 02.04.2024 по делу № АКПИ23-1169 // СПС КонсультантПлюс.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.05.2021 № 18-П // СПС КонсультантПлюс.
15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.09.2021 № 2091-О // СПС КонсультантПлюс.
16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 1461-О // СПС КонсультантПлюс.
17. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
19. Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2021 № 303-ЭС20-2043 по делу № А73-9326/2018 // СПС КонсультантПлюс.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».
21. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Problems with Appealing Court Decisions on the Recovery of Procedural Costs from Budget Funds by the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation

Ramil Ilgizarovich Ilgizarov
Office of the Judicial Department in the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

The relevance of the study is determined by the need to improve the mechanisms for protecting state interests in the allocation of court costs at the expense of budgetary funds. The current practice of appealing court decisions by Judicial Department departments reveals systemic problems in law enforcement and requires the development of unified approaches to solving these issues.

The purpose of the study is to analyze the problems of appealing court decisions on the recovery of procedural costs at the expense of budgetary funds by the departments of the Judicial Department and to develop proposals for improving judicial practice in this area.

The scientific and practical significance of the work lies in the fact that the measures proposed by the author to strengthen the role of the prosecutor's office in controlling the distribution of court costs and the initiative of the intervention of the Supreme Court of the Russian Federation will allow: to ensure the legality of court decisions; to prevent misuse of budget funds; to eliminate contradictions in judicial practice; to develop unified approaches to resolving similar disputes.

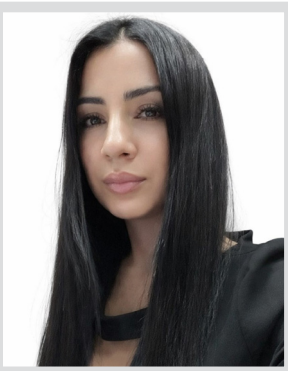
The conclusions of the study indicate the need to strengthen prosecutorial supervision over the allocation of court costs, form a unified judicial practice by the Supreme Court of the Russian Federation, improve mechanisms for protecting public interests of the state and ensuring legality in spending budget funds.

The measures proposed by the author are aimed at restoring legal certainty and protecting the public interests of the state in the allocation of court costs.

Keywords: other interested parties, appellants, appeal, judicial department management, court costs, procedural costs, access to justice, federal budget

УДК 340
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-212-216
© Кадимова Н.А., 2026

Межцивилизационный диалог как формирующийся правовой принцип международного сотрудничества в сфере образования

Кадимова Наргиз Ахвердиевна[1]
Ассистент кафедры юриспруденции и психологии
Волжского филиала Волгоградского государственного университета
(404133, Волжский, ул. 40 Лет Победы, 11; e-mail: nargiz.kadimova@mail.ru;
ORCID: 0009-0000-1245-338X)

Актуальность исследования обусловлена трансформацией современной системы международных отношений и возрастанием роли образования как инструмента формирования устойчивого межцивилизационного взаимодействия. В условиях полицентрического мира особое значение приобретает поиск правовых механизмов, обеспечивающих диалог культур при сохранении их идентичности. Целью исследования является определение нормативного содержания и правового статуса межцивилизационного диалога как формирующегося отраслевого принципа международного образовательного сотрудничества. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ эволюции концепции межцивилизационного диалога в международных документах; выявление его нормативных признаков; оценка возможностей его имплементации в образовательную практику. Научная значимость работы заключается в развитии доктринального подхода к пониманию межцивилизационного диалога как правовой категории. Практическая значимость – состоит в возможности использования полученных результатов при формировании образовательной политики и международных программ сотрудничества. В статье обосновано, что межцивилизационный диалог приобретает признаки отраслевого принципа международного образовательного права. Раскрыто его содержание и предложены пути его практической реализации на международном и национальном уровнях. Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении межцивилизационного диалога как формирующегося правового принципа, обладающего нормативным потенциалом и способного стать основой развития международного образовательного сотрудничества.

Ключевые слова: *межцивилизационный диалог, образование, международное право, международное сотрудничество, ЮНЕСКО, образовательная политика, правовые принципы*

Для цитирования: *Кадимова Н.А. Межцивилизационный диалог как формирующийся правовой принцип международного сотрудничества в сфере образования // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 212–216. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-212-216.*

Современная система международных отношений переживает фундаментальную трансформацию, связанную со становлением полицентричной модели мироустройства. Этот процесс создает предпосылки для утверждения подлинной многополярности и культурного плюрализма, но одновремен-

[1] Аспирант кафедры теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ» (420111, Казань, ул. Муштари, 13).

но порождает новые вызовы, включая риски роста межцивилизационной напряженности и конфронтации идентичностей. В данном контексте сфера образования выходит за свои традиционные рамки, приобретая стратегическую роль инструмента для построения устойчивых платформ взаимопонимания и совместного развития.

Несмотря на декларативное признание важности диалога между цивилизациями в резолюциях ООН [1] и документах ЮНЕСКО [2], его концептуализация в качестве полноценного правового принципа международного образовательного сотрудничества остается недостаточной. В юридической науке межцивилизационный диалог чаще рассматривается как политическая или этическая категория, что лишает его конкретного нормативного содержания и ограничивает применимость в правовом регулировании.

По мнению ряда исследователей, международное академическое сотрудничество рассматривается как составная часть международного образовательного сотрудничества, либо используется как близкое по содержанию понятие. В рамках настоящего исследования данные категории применяются как взаимосвязанные, поскольку обе отражают процесс установления равноправного и взаимовыгодного партнерства между субъектами образования различных государств. Субъектами международного образовательного сотрудничества выступают государства, образовательные организации, а также непосредственные участники образовательного процесса – обучающиеся, преподаватели и исследователи [3, с. 25].

Принцип диалога цивилизаций имеет глубокие философские корни. Так, например, в трудах В.С. Степина разработана концепция универсалий, обладающая как теоретическим, так и практическим значением, в том числе для управления развитием культуры и образованием. В сочетании с концепцией надбиологических программ она позволяет углубить понимание процессов культурной преемственности и динамики развития культуры [4, с. 385–395].

Однако переход принципа диалога цивилизаций в плоскость международного права начался в конце XX в. – начале XXI в. и был обусловлен осознанием невозможности решения глобальных проблем в условиях конфронтационной парадигмы.

История международно-правового признания межцивилизационного диалога начинается с 2001 г. ООН объявила этот год «Годом диалога между цивилизациями» и закрепила ключевые принципы в «Глобальной повестке дня», что выходит за рамки символического акта – так диалог между культурами впервые перестал быть абстрактной философской мечтой и превратился в признанную на высшем уровне универсальную ценность.

Далее под эгидой ЮНЕСКО идея получила развитие. В 2001 и 2005 гг. появились два знаковых документа, которые вывели концепцию на новый уровень:

1. «Всеобщая декларация о культурном разнообразии» (2001) подчеркнула, что многообразие культур не препятствие, а ресурс для сближения народов [5];

2. «Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» (2005) закрепляет положение о диалоге культур как необходимом условии устойчивого развития человечества [6].

В рассматриваемый период международно-правовые акты приобретают не только формально-юридическое, но и содержательное значение, формируя основу для дальнейшего развития международного сотрудничества. Диалог цивилизаций при этом трансформируется из философской концепции в элемент нормативного регулирования, отражающий объективную потребность современного глобального общества. И, что не менее важно, в этом задается вектор работы: от разговоров о взаимопонимании к конкретным механизмам сотрудничества, от деклараций — к реальным проектам в сфере образования, науки и культуры. Сегодня, оглядываясь назад, можно уверенно сказать: путь от идеи к международно признанной ценности пройден успешно. Импульс, который задает начало XXI в., продолжает работать, формируя основу для новых инициатив и партнёрств между странами и культурами.

Эволюция содержания международного образовательного сотрудничества закономерно влечет за собой трансформацию его организационных форм. В настоящее время наблюдается принципиально новая модель межвузовских связей и академической кооперации. В этом контексте политика Министерства науки и высшего образования Российской Федерации определяет развитие механизмов управления образовательными системами в качестве одного из ключевых стратегических приоритетов международного взаимодействия.

В современных условиях образование выполняет не только функцию трансляции знаний, но и выступает в качестве институционального механизма формирования межцивилизационного взаимодействия. Оно обеспечивает развитие межкультурной коммуникации, способствует преодолению культурных барьеров и формирует ценностные основы международного сотрудничества, включая уважение к правам человека, толерантность и ориентацию на устойчивое развитие.

Так, по мнению Т.М. Трегубовой, для развития международного сотрудничества необходимо повышать эффективность изучения иностранных языков, преодолевая тем самым так называемое «лингвистическое неравенство». Это означает, что некоторые учебные заведения и индивиды, способные целенаправленно воспользоваться возможностями языко-

вой среды, получают преимущества перед теми, кто этого сделать не может [7, с. 149–153]. Популяризация изучения языков в контексте культур их носителей углубляет понимание иных мировоззрений, разрушает языковые барьеры и открывает доступ к научным и культурным достижениям в познании других менталитетов и образов жизни [8, с. 12–16].

На государственном уровне странам необходимо реформировать национальные образовательные стандарты, закрепив в них требование о формировании межкультурной и межцивилизационной компетентности выпускников, а также создавать правовые и финансовые стимулы для академической мобильности студентов и преподавателей. На практике реализуются разные модели образования для межцивилизационного диалога:

1. Мультикультурное образование сохраняет культурное разнообразие в рамках национального государства, хотя порой ограничивает взаимодействие с иными традициями [9, с. 16–20];

2. Интеркультурное образование, которое рассматривается философом и исследователем Р. Форнет Бетанкуром, стремится к равноправному диалогу культур и переосмысливает философию образования, как, например, в университете *AmanTaiWasu* в Эквадоре, где учитываются местные эпистемологические традиции [10, с. 26–38];

3. Транскультурное образование идёт дальше: оно формирует личность, готовую к взаимодействию без доминирования одной культуры, делая акцент на критическом мышлении, этической ответственности и творческом взаимодействии [11, с. 214–225].

Эффективная интеграция принципа диалога цивилизаций в образовательный процесс требует реализации комплекса мер. Важным направлением является создание национальных образовательных и научных центров, а также профильных кафедр, ориентированных на изучение и преподавание знаний о различных цивилизациях.

На институциональном уровне, где университеты выступают ключевыми субъектами практической реализации данного принципа, целесообразно разрабатывать и внедрять совместные образовательные программы с зарубежными вузами, развивать программы академической мобильности, а также формировать междисциплинарные курсы, основанные на сравнительном анализе различных культурных и научных традиций.

Благодаря открытию специальных методик обучения можно добиться применения интерактивных дебатов и ролевых игр до проектной работы на стыке культур и междисциплинарных исследований. Не менее важна подготовка преподавателей: тренинги по межкультурной коммуникации, стажировки в других странах, участие в международных конференциях.

Цифровая инфраструктура выступает важным инструментом развития межцивилизационного диалога в сфере образования. К ее элементам относятся онлайн-курсы с мультикультурным содержанием, виртуальные обмены между студентами, базы данных по мировым образовательным практикам, расширяющими возможности взаимодействия.

Нормативно-правовая поддержка данного процесса выражается во включении принципов межцивилизационного диалога в образовательные стандарты, предоставлении грантов на реализацию международных проектов и заключении соглашений о взаимном признании дипломов. Указанные меры формируют устойчивую основу для международного сотрудничества и направлены на преодоление вызовов современного общества.

Ключевую роль в обеспечении межцивилизационного взаимодействия играет развитие межкультурной компетентности. Образование в данном контексте выступает механизмом формирования способности к восприятию и уважению иных культурных традиций, а также развитию коммуникативных навыков в поликультурной среде. Это приобретает особое значение для подготовки специалистов в сфере международных отношений, включая дипломатов, а также для интеграции мигрантов и их детей и участия субъектов в глобальных бизнес-проектах.

Важным инструментом межцивилизационного диалога становится академическая мобильность, которая открывает возможности программ по обмену студентами, сотрудничество университетов и онлайн-курсы расширяют кругозор обучающихся, создают сети профессиональных контактов и формируют культуру сотрудничества между будущими профессиональными кадрами современного общества.

Различия в образовательных системах стран, языковые и культурные барьеры, политизация программ и цифровое неравенство между регионами затрудняют выстраивание полноценного диалога. Для решения этой проблемы объявлены обнадеживающие перспективы: развиваются трансграничные университеты и онлайн-кампусы; усиливается роль ЮНЕСКО и других международных организаций; внедряется искусственный интеллект для персонализации межкультурного обучения; растёт число программ двойного диплома и совместных научных исследований. Яркими примерами действующих инициатив служат: Сетевой университет БРИКС с его совместными программами и академической мобильностью; европейская программа «*Erasmus*+» по обмену студентами и преподавателями; глобальные онлайн-платформы «*Coursera*» и «*edX*», дающие доступ к курсам ведущих вузов мира и признаваемые многими работодателями по всему миру [12, с. 76–87].

Таким образом, образование становится не только источником знаний, но и ценностью, способной

объединить цивилизации. Его развитие в русле межцивилизационного диалога требует системных усилий на глобальном, региональном и национальном уровнях – и при должной поддержке способно заложить фундамент для устойчивого и уважительного взаимодействия разных культур в будущем.

Идея межцивилизационного диалога прошла существенную эволюцию: из философской концепции она трансформировалась в общепризнанную ценность международного сообщества, что нашло прямое отражение в системе универсальных правовых и программных документов. На современном этапе этот концепт обретает конкретные черты формирующегося отраслевого принципа на уровне международного образовательного права. Нормативная основа которого опирается на взаимосвязанные элементы: равное уважение к различным системам знаний и культурным традициям, сравнительный анализ образовательных моделей и научных подходов, синергию совместных инициатив, усиливающую потенциал обучающихся, а также идеологический нейтралитет как необходимое условие равноправного взаимодействия и оперативного международного сотрудничества.

Закрепление данного принципа в качестве правового императива является адекватным ответом на вызовы глобализирующегося полицентричного мира. Оно способствует преодолению конфронтационной логики и построению более устойчивой, справедливой и инклюзивной системы международных отношений, основанной на взаимном уважении и кооперации.

Наиболее эффективным механизмом его имплементации на текущем этапе представляется многоуровневая стратегия, объединяющая разработку международной рамочной декларации, которая закрепит базовые принципы межцивилизационного диалога в сфере образования и задаст ориентиры для дальнейшего нормотворчества, гармонизацию национальных образовательных политик с международными нормами с целью стимулирования прямой кооперации между университетами и научными организациями.

Последнее предполагает поддержку совместных образовательных программ, развитие академической мобильности, создание сетевых университетов и исследовательских консорциумов. Реализация подобной стратегии не только институционализирует межцивилизационный диалог как правовой принцип, но и обеспечит его практическое применение в международной образовательной деятельности, заложив прочный фундамент для долгосрочного сотрудничества между цивилизациями.

Литература:

1. Устав Организации Объединённых Наций: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. URL: https://www.un.org (дата обращения: 01.04.2026).
2. ЮНЕСКО. URL: https://www.unesco.org (дата обращения: 01.04.2026).
3. Галишникова Е.М., Трегубова Т.М., Рафикова Э.М. Международное сотрудничество профессиональных учебных заведений: модели, опыт, технологии: учеб. пособие. Казань: ИП-ППО РАО, 2008. 63 с.
4. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
5. Всеобщая декларация о культурном разнообразии: принята 2 ноября 2001 г. на 31-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. Париж, 2001. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml
6. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения: принята 20 октября 2005 г. на 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. Париж, 2005. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtm
7. Трегубова Т.М. Международное сотрудничество как фактор интеграции российской профессиональной школы в мировое образовательное сообщество // Современное профессиональное образование: проблемы, прогнозы, решения: Сб. к докладов межд. науч.-практ. заочной конф. 16 мая 2016 г. Под науч. ред. Ф.Ш. Мухаметзяновой. 2016. Казань: Данис, 2016. С. 149–153.
8. Буряк Н.Ю. Лингвистические знания как основа межкультурной коммуникативной компетенции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 3-2 (102). С. 12–16.
9. Коченкова Л.М. Мультикультурная модель современного образования // Концепт. 2014. № S11. С. 16–20.
10. Форнет-Бетанкур Р. Современный мир как вызов для интеркультурности // Философский полилог. 2020. № 1 (7). С. 26–38.
11. Луговская Е.А. Транскультурная лингвоконцептуальная модель глобализации в региональном контексте // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2019. № 2. С. 214–225.
12. Черников С.Ю. Возможности сетевого университета БРИКС как образовательной платформы инновационного сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2021. № 1. С. 76–87.

Intercivilizational Dialogue as an Emerging Legal Principle of International Cooperation in the Field of Education

Nargiz Akhverdievna Kadimova
Volzhsky Branch Volgograd State University (Volzhsk, Russia),
University of Management «TISBI» (Kazan, Russia)

The relevance of the study is due to the transformation of the modern system of international relations and the increasing role of education as a tool for fostering sustainable intercivilizational interaction. In a polycentric world, the search for legal mechanisms that ensure a dialogue between cultures while preserving their identity becomes particularly important. The purpose of the study is to determine the normative content and legal status of intercivilizational dialogue as an emerging sectoral principle of international educational cooperation. To achieve this goal, the study aims to analyze the evolution of the concept of intercivilizational dialogue in international documents, identify its normative features, and assess the potential for its implementation in educational practices. The scientific significance of the work lies in the development of a doctrinal approach to understanding intercivilizational dialogue as a legal category, and its practical significance lies in the possibility of using the results obtained in the formation of educational policy and international cooperation programs. The article substantiates that intercivilizational dialogue is acquiring the characteristics of a sectoral principle of international educational law, reveals its content, and proposes ways of its practical implementation at the international and national levels. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive examination of intercivilizational dialogue as an emerging legal principle with normative potential, which can serve as a basis for the development of international educational cooperation.

Keywords: intercivilizational dialogue, education, international law, international cooperation, UNESCO, educational policy, and legal principles

УДК 347.2/.3
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-217-221
© Кузбагаров М.Н., 2026

Нетипичные объекты гражданских прав в современных условиях

Кузбагаров Муслим Назаргалиевич[1]
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(199178, Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского острова, д.57/43;
e-mail: muslim_72@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2810-4384; SPIN: 2250-5837)

В статье рассматривается проблема нетипичных объектов гражданских прав в современных условиях, что обусловлено динамичным развитием общественных отношений, цифровизацией экономики и появлением новых видов имущества, которые не укладываются в традиционные гражданско-правовые категории. Актуальность исследования определяется необходимостью теоретического и практического осмысления правового статуса таких объектов, а также совершенствования законодательства для обеспечения стабильности гражданского оборота. Целью работы является комплексный анализ природы нетипичных объектов гражданских прав, выявление особенностей этих объектов и определение направлений совершенствования правового регулирования. Научная значимость исследования заключается в развитии теории гражданского права, уточнении понятийного аппарата и классификации объектов гражданских прав. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов при разработке нормативных актов, а также в правоприменительной деятельности судов и других органов.

Ключевые слова: *нетипичные объекты, гражданский оборот, вещи, правовой режим*

Для цитирования: *Кузбагаров М.Н. Нетипичные объекты гражданских прав в современных условиях // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 217–221. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-217-221.*

Активное развитие современных цифровых технологий порождает неопределенность в правоприменительной и судебной практике в отношении существующего гражданского оборота тех объектов, которые прямо не закреплены в действующем законодательстве и вызывают острые споры среди ученых-цивилистов в вопросе их признания.

В сложившейся доктрине имеет место ситуация, когда участникам приходится сталкиваться с неописанными ранее объектами, которые принято именовать нетипичными, то есть отличающимися от обычных, описанных и регламентированных. Исходя из имеющихся взглядов, сегодня не существует установленного или общепринятого перечня нетипичных объектов. Например, Т.А. Нуждин [1, с. 75] относит к ним нефть, энергию, биологические объекты (части тела умершего), предприятие как имущественный комплекс, бетонированные площадки как квазиобъекты недвижимости и т.д.

Пополнение гражданского оборота нетипичными объектами, требует от законодательства их нормативного закрепления, чтобы рассматривать их как оборотоспособные и обеспечить им правовую защиту от незаконного посягательства со стороны третьих лиц.

[1] доцент кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21).

Законодательное закрепление объектов гражданских прав предусмотрено ст. 128 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), которая, в свою очередь, не содержит критериев или каких-либо описательных признаков объектов гражданских прав, а содержит только их перечень.

Из этого перечня принято выделять категорию «иное имущество», которая делает этот перечень относительно открытым, что позволяет доктринально относить вновь появляющиеся явления гражданского оборота к объектам гражданских прав без прямого указания на конкретные наименования новых объектов в законодательстве.

Сложно относить новые явления нашего технологичного мира к объектам гражданских прав не только в связи с отсутствием легального определения самих объектов, но и потому, что отсутствует единая доктринальная база для отнесения к объектам гражданских прав тех или иных явлений. Так, определяя правовую природу электронных денег, Е.Н. Абрамова отмечает, что «единства позиций о системе признаков объекта в доктрине не наблюдается» [2, с. 5], что естественно усложняет задачу настоящего исследования. Иные исследователи, например В.Е. Степанова отмечает нерешенный вопрос о системности объектов гражданских прав, полагая, что не решен вопрос, является ли совокупность объектов гражданских прав «суммативным целым» или является простой совокупностью, или эта «совокупность характеризуется как система» [3, с. 152].

Как юридическая категория объекты гражданских прав получили свое закрепление ещё в истоках римского права с философским разделением между *res corporales* и *res incorporales* как вещи существующие и абстрактные понятия, которые мыслятся в определенных юридических целях. Это деление вещей представлено у Цицерона, Гая, в Институциях Юстиниана и различает вещи как части предметного мира и правовые понятия, которые представляют собой предмет требования не сами вещи, но права по поводу вещей [4, с. 234].

В цивилистике принято рассматривать различные теории об объектах гражданских прав. Следует отметить *монистическую концепцию* одного объекта в лице Н.С. Братуся, Р.О. Халфиной, К.О. Бернovского, которые понимали под объектом гражданских прав вещи как предметы материального мира. В этой связи Г.Ф. Шершеневич также отмечал, что «никаких правовых благ не существует, право лишь обеспечивает пользование благами, то есть тем, что в действительной жизни признается благом» [цит. по: 5].

Сторонники *поведенческой теории*, основоположником которой считают Э.Р. Бирлинга, а последователями – Л.И. Петражицкого и Я.М. Магазинера, предполагают, что объектом гражданских прав может быть только поведение людей, которое направлено на состояние элементов материального мира [цит. по: 5]. Позднее О.С. Иоффе, пересматривая поведенческую теорию предложил включить три объекта правоотношений, разделяя их на юридический (действие и поведение), материальный (вещи) и волевой (воля) аспекты.

Современная цивилистическая наука формирует *теорию множественности* объектов гражданских прав (комплексная теория), которая включает в себя два уровня: объект как поведение субъектов правоотношения и объект как имущественные и неимущественные блага, на которые направлено действие (поведение) субъектов правоотношений (В.К. Мамутов).

Связь между благом и объектами гражданских прав обусловлена тем, что термин «благо», принятый в экономической теории, раскрывается через способность объекта служить удовлетворению каких-либо потребностей. Г.Ф. Шершеневич, рассуждая о природе гражданского права отмечал, что «частные интересы отдельного лица, побуждающие его вступать в отношения с другим, направлены в современной экономической организации главным образом на обеспечение физического существования и наибольших материальных благ» [6], и именно этот аспект формирует по его представлению, гражданское право. Объектом гражданского права с экономической точки зрения Г.Ф. Шершеневич признавал все, что может служить средством осуществления интереса, в том числе вещи и действия. Но отдельно выделял юридический аспект понятия объекта гражданских прав: «С юридической точки зрения под имуществом понимается совокупность подлежащих денежной оценке юридических отношений, в которых находится известное лицо, – чисто личные отношения сюда не входят» [6].

Следуя логике этой теории, Е.А. Суханов относит к объектам гражданских прав все блага как объекты гражданского оборота, в отношении которых возможно осуществление определенных действий (сделок), влекущих гражданско-правовой результат [7].

Таким образом, вышеуказанный подход позволит относить к объектам гражданских прав осязаемые и неосязаемые (т.е. не имеющие овеществленной материальной природы и еще не описанные с позиций норм права) цифровые объекты, если они станут предметом обменных операций любого вида.

Однако это кажущаяся простота, так как именно гражданско-правовой результат – важная составляющая блага, на которое можно ориентироваться при отнесении того или иного явления к объектам гражданских прав.

Выделяя признаки объектов гражданского права, нельзя не упомянуть исследование, разработанное В.А. Лапачом, который на основе системного анализа предлагает относиться к объектам гражданских прав как к гомоморфной системе, то есть имеющей частичные соответствия между структурами

внутри системы. Как и ранее упомянутые авторы, В.А. Лапач указывает, что как объект гражданского права «благо есть юридически квалифицированный интерес (притязание, воля и т.д.)», который должен отличаться от внеюридической реальности. Однако в своей работе «Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика» В.А. Лапач выделяет три общих свойства (признака) объектов гражданских прав: признак дискретности, юридическую привязку и системность. Под дискретностью понимается «качественная, а также физическая и/или учетная определенность и обособленность от всех других объектов» [8, с. 234]. При этом дискретность может носить как пространственный характер, что характерно для предметов материального мира, так и учетный, определяемый исходя из принципов работы предметной отрасли.

Под юридической привязкой В.А. Лапач рассматривает нормативно-гарантированную возможность правового закрепления объектов за субъектами гражданского права. Этот признак означает переход реально существующего объекта мира в правовую плоскость, и следует особенно акцентировать внимание на том, что переход должен быть осуществлен именно в гражданско-правовую плоскость, то есть давать объектам возможность быть предметом сделок либо предоставлять правовую защиту существующими гражданско-правовыми способами или предлагая что-то новое. В этой связи В.А. Лапач указывает, что юридическая привязка является проявлением «правопригодности» конкретного блага: «при этом правообъектность тех или иных благ устанавливается различным образом: одни из них являются объектами гражданских прав в силу прямого указания закона, другим же для приобретения объектных характеристик требуется специальная квалификация в качестве объекта» [8].

Очень близок к пониманию юридической привязки и признак системности объектов гражданских прав, выделяемый С.С. Алексеевым и В.А. Лапачом, равно как и многими иными цивилистами. Под системностью в этом контексте понимают встроенность объекта в систему гражданского права и его внутреннюю согласованность с общей системой гражданского права, иными его институтами. То есть системность объекта означает, что, рассматривая новое явление как объект гражданских прав, мы распространяем на этот объект некий сформированный правовой режим. В указанном случае признак системности, на наш взгляд, является дополнительным к юридической привязке и зависимым от решения вопроса о наличии именно гражданско-правового режима для вновь выявленного объекта.

Таким образом, в качестве признаков объектов гражданских прав можно выделить: способность блага удовлетворять потребности (наличие частного интереса в отношении вещи или действия) (по Е.А. Суханову); гражданско-правовой результат такого интереса или его относимость к юридическим отношениям (по Г.Ф. Шершеневичу и иным авторам); дискретность как качественная, физическая или учетная определенность и обособленность от всех других объектов; а также системность как встроенность объекта в систему гражданского права и его внутреннюю согласованность с общей системой гражданского права.

Сложным и нерешенным в рамках вышеизложенной логики отнесения вновь выявленных нетипичных объектов гражданского права является вопрос о существовании гражданско-правовых последствий реального оборота таких объектов, как криптовалюта, цифровой рубль и т.п. Выделяемый почти всеми цивилистами признак «юридической привязки», или гражданско-правового результата, или возможности находиться в гражданском обороте в отношении единиц учета пиринговых платежных систем, пожалуй, единственный, в отношении которого возникают сложности при отнесении последних к объектам гражданских прав.

Действительно, объекты гражданского права не могут иметь правовой статус сами по себе или иметь неопределенный правовой режим. Понятие правового режима очень близко к понятию объекта гражданских прав, так как именно через правовой режим определяется характер ограничений оборотоспособности объекта, пределов защиты и т.д. В этой связи Ю.К. Толстой отмечал, что «объект нормы права и правоотношения, правоотношения и субъективные права и обязанности, правоотношения и сделки, правоотношения и права собственности – это одно и то же» [9, с. 65].

Понимание концепции «правового режима» определенным образом примиряет все существующие представления об объекте гражданских прав, предлагая единый подход к различным аспектам, в том числе к существованию объекта в натуре или в иной форме, поведенческому аспекту взаимодействия с субъектом права, а также зависимости от волеизъявления обладателя права. Это единство обусловлено установлением государством норм и правил определенного правопорядка в отношении объекта гражданских прав, то есть установлением правового режима.

В цивилистике в отношении правового режима также есть различные подходы. Так, О.А. Городов полагает, что в связи с отсутствием четкого определения употребление понятия правовой режим должно осуществляться исходя из изначального смысла слова *regimen* (лат.), то есть как установленный порядок [10]. По его мнению, правовой режим включает в себя правовые средства воздействия на объект гражданских прав. Более широкое представление о правовом режиме изложено В.И. Сенчищевым, по мнению которого правовой режим это совокупность

всех предписаний, содержащихся как в императивных, так и диспозитивных нормах, определяющих права, обязанности, дозволения, запреты и предписания в отношении абсолютно всех лиц по поводу предмета или явления, в отношении которого они установлены [11].

Как известно, правовое воздействие отличается тем, что оно обеспечено принудительной силой государства, которому переданы функции защиты прав на объекты и восстановления справедливости в понимании права и государства. В этой связи новые технологические явления, изначально не настроенные на использование существующих государственных механизмов, могут не учитывать реализуемость имеющихся правовых концепций. Так, существующие в настоящий момент цифровые валюты не обеспечены государственным участием, в том числе возможностью государства принудить к каким-либо действиям.

Е.А. Суханов, при обсуждении Законопроекта № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)», высказывался о том, насколько цифровые валюты системны по отношению к остальным объектам гражданских прав: «Вот сейчас введут цифровые права, а потом их станут защищать методами из римского права»[1].

Следует согласиться, что действительно, формируя правовой режим объекта на основе существующих правовых аналогий и рассматривая его как традиционное имущество, необходимо предусмотреть традиционные способы защиты вещного права, например возможность виндикации. Однако изучение существующих систем об объектах, включая нетипичные, показывает, что истребование имущества и приведение в первоначальное положение не могут применяться во всех случаях, поскольку технически не допускают реверсии правоотношений. Без воли лица невозможно передать криптовалюту, восстановить её или иным образом воздействовать на неё из-за отсутствия «обязанного» лица или стороннего агента для выполнения действий по переходу прав на криптовалюту как нетипичный объект гражданского оборота.

Таким образом, следуя общей цивилистической мысли, нетипичные объекты участвуют в гражданском обороте, в отношении них совершаются сделки. Однако действующее законодательство не всегда предусматривает правовой режим для участников таких сделок с нетипичными объектами, а судебная практика проявляет определённую осторожность в отношении новых объектов. Это требует от законодателя найти баланс между защитой прав участников гражданского оборота и стимулированием инноваций.

[1] http://api.duma.gov.ru/api/transcript/424632-7 (дата обращения 10.05.2026 г.)

Литература:

1. Нуждин Т.А. Нетипичные объекты вещных прав в современной российской цивилистике: обзорно критический анализ // Гражданин и право. 2010. № 7. С. 70–77.
2. Абрамова Е.Н. Электронные денежные средства как непоименованный объект гражданских прав. Хозяйство и право. 2016. № 7 (474). С. 3–16
3. Степанова В.Е. Система объектов гражданского права – фикция или реальность? // Власть. 2013. № 10. С. 151–152.
4. Дождев Д.В. Римское частное право: учеб. для вузов / Под ред. члена-корр. РАН, профессора В.С. Нерсесянца. М.: ,1996. 704 с.
5. Теткин М. Закон о цифровых активах вступил в силу. Что изменилось. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/5fedaf549a794784d89eb416
6. Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 6 т. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. Слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. 832 с.
7. Суханов Е.А. Гражданское право. URL: https://teuk-center.ru/f/sukhanov_grazhdanskoye_pravo_rossii.pdf
8. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. 542 с.
9. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1959. 88 с.
10. Городов О.А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования: автореф. дисс. ... док-ра юрид. наук. СПб., 1999. 40 с.
11. Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения. Общее понятие // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей / Под ред. М.И. Брагинского. М.: Статут, 1999. С. 109–160.

Atypical Objects of Civil Rights in Modern Conditions

Muslim Nazargalievich Kuzbagarov
The Northwestern Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia), St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

The article examines the problem of atypical objects of civil rights in modern conditions, which is due to the dynamic development of social relations, the digitalization of the economy, and the emergence of new types of property that do not fit into traditional civil law categories. The relevance of the study is determined by the need for theoretical and practical understanding of the legal status of such objects, as well as the improvement of legislation to ensure the stability of civil circulation. The purpose of the work is to provide a comprehensive analysis of the nature of atypical objects of civil rights, identify their features, and determine the directions for improving legal regulation. The scientific significance of the study lies in the development of the theory of civil law, the clarification of the conceptual apparatus, and the classification of objects of civil rights. The practical significance of the work lies in the possibility of using the obtained results in the development of regulatory acts, as well as in law enforcement.

Keywords: Unusual objects, civil circulation, things, legal regime

УДК 340.15
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-222-228
© Кузьменко В.И., 2026

От Третьего Рима к переопределению идентичности: доктрина как стратегия политико-правовой адаптации в XVI в.

Кузьменко Валентина Игоревна
Кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
(420126, Казань, ул. Ф. Амирхана, 14; e-mail: kuzmenko_valya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3551-0428)

Вопрос о природе политической идеологии средневековой России относится к числу устойчивых дискуссионных проблем отечественной исторической науки. На протяжении XX–XXI вв. исследователи неоднократно возвращались к доктрине «Третьего Рима» как явлению, определившему контуры русской государственности и задавшему долгосрочные параметры политико-правовой идентичности. Вместе с тем в историографии сложилась определённая традиция, склонная рассматривать данную концепцию либо как форму «охранительного» консерватизма, то есть простого удержания унаследованных ценностей, либо как имперскую экспансию в символическом пространстве.

Обе трактовки, при всей их эвристической ценности, упускают из вида, что доктрина «Третьего Рима» была прежде всего стратегией адаптации, инструментом переработки символического материала в условиях радикально изменившейся политической реальности. XVI в. в истории России – это эпоха конституирования самодержавной власти, первичного оформления государственного суверенитета, выстраивания новой системы легитимирующих нарративов после падения Константинополя в 1453 г. и распада зависимости от Орды. Настоящая статья ставит задачу проследить полный путь идеи «Третьего Рима» от её исходной артикуляции в посланиях Филофея Псковского (первая треть XVI в.) через кодификацию в чинопоследовании венчания на царство (1547) и Соборном Уложении (1649) до её практического функционирования в системе легитимации. Методологической рамкой выступает концепция адаптивного консерватизма понимания традиционалистских доктрин как динамических механизмов переработки прошлого опыта в соответствии с новыми политическими задачами.

Научная новизна заключается в том, что в статье исследуется доктрина «Третьего Рима» как механизм политико-правовой адаптации в условиях формирования Московского централизованного государства XVI в. На основе анализа посланий Филофея Псковского и сочинений Иосифа Волоцкого автор реконструирует три уровня механизма закрепления идеи: артикуляцию в публицистическом дискурсе, кодификацию в церемониальных и законодательных актах, а также функционирование в системе легитимации царской власти. Утверждается, что доктрина представляла собой его активное переопределение византийского наследия в новых исторических условиях как образцовый пример адаптивного консерватизма на уровне идеологии.

Ключевые слова: *Третий Рим, Филофей, Иосиф Волоцкий, политико-правовая доктрина, легитимация власти, адаптивный консерватизм, гражданская идентичность, Московское государство*

Для цитирования: *Кузьменко В.И. От Третьего Рима к переопределению идентичности: доктрина как стратегия политико-правовой адаптации в XVI в. // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 222–228. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-222-228.*

Понятие «адаптивного консерватизма» применительно к средневековым политическим доктринам требует обоснования, поскольку сам термин нередко воспринимается неоднозначно в науке. Консерватизм традиционно ассоциируют с сопротивлением изменениям, тогда как адаптация предполагает изменение по определению. Однако, как убедительно показано в работах отечественных исследователей политической мысли, подлинный консерватизм выражается в динамической стратегии управления символическим капиталом традиции [1, с. 77].

В политико-правовом измерении легитимация власти всегда требует апелляции к авторитету прошлого, но само прошлое неизбежно конструируется в соответствии с нуждами настоящего.

Как отметил Б.Н. Флоря в исследовании, посвящённом Ивану Грозному, московские идеологи XVI в. создавали образ империи в условиях, когда реальной институциональной преемственности не было [2, с. 200]. Если Константинополь в своё время мог претендовать на прямую институциональную преемственность от Рима через право, через церковь, через государственный аппарат, – то Москва была вынуждена строить свою преемственность на уровне символическом и доктринальном. Она компенсировала отсутствие институциональной непрерывности нарративной и богословско-правовой конструкцией.

Именно поэтому послания Филофея следует читать наряду с памятником религиозной публицистики, и политико-правовой текст, в котором осуществляется первичная кодификация нового государственного порядка в символических категориях. Н.В. Синицына, создавшая наиболее полную монографию о концепции «Третьего Рима» в отечественной историографии, обоснованно указывала, что в научной литературе до сих пор недооценивается юридическое измерение доктрины [3, с. 27]. Следует также учитывать более широкий контекст политической мысли эпохи.

XVI в. – время формирования в Европе концепций государственного суверенитета, апогея которых достигнет Жан Боден в своих «Шести книгах о государстве» (1576) [4, с. 235]. Россия в этот период развивала собственную, принципиально отличную от западноевропейской, концепцию суверенитета – теократически обоснованную, укоренённую не в естественном или народном праве, а в воле Божьей, переданной через избранное царство. Данное различие определяет и специфику функционирования доктрины «Третьего Рима».

Обратимся непосредственно к источникам. Псковский старец Филофей написал свои знаменитые послания в первой трети XVI в. Наиболее цитируемые из них – Послание к дьяку Мисюрю Мунехину (около 1523–1524 гг.) и Послание к великому князю Василию III. Источники содержат развёрнутое изложение концепции, ставшей впоследствии одним из центральных элементов русской государственной идеологии. Центральная формула, вошедшая во все позднейшие историографические дискуссии, звучит следующим образом: «яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не быти» [5, с. 436].

Первый Рим «пал» вследствие ереси – отступления от православия, что в богословско-правовом мышлении Средневековья означало разрыв договора с Богом, на котором основывалась вся политическая власть. Второй Рим — Константинополь – «пал» в 1453 г. по той же причине. Флорентийская уния 1439 г., подписанная греческой стороной ради получения военной помощи от Запада, трактовалась в русских источниках как предательство истинного христианства. Показательно, что в «Повести о взятии Царьграда» Нестора Искандера, созданной вскоре после 1453 г., гибель Константинополя прямо связывается с этим отступлением: «И сия вся приключися граду сему греха ради православных христиан» [6, с. 432]. Что здесь принципиально важно с политико-правовой точки зрения? Филофей создаёт правовой нарратив объясняющий историческую катастрофу, и тем самым задаёт критерии легитимности. Политическое первенство становится функцией богословской правоверности; правоверность поддерживается соблюдением «истинного» христианства; Москва, сохранившая неповреждённое православие, в силу хранителя нормы приобретает первенство. Таким образом, данная форма представляет собой правовую конструкцию, оформленная в богословских категориях, что полностью соответствует средневековой нераздельности права и теологии [7, с. 172].

Этим доктрина Филофея принципиально отличается от более ранних концепций «переноса империи» (*translatio imperii*), существовавших в средневековой европейской политической мысли. Западная версия *translatio imperii* базировалась прежде всего на линейной политической преемственности. Карл

Великий – наследник Рима через папское помазание, затем германские императоры – наследники Карла. Здесь логика сугубо политическая и правовая. Передача власти осуществляется через сакральный ритуал, признанный легитимным авторитетом. Филофей же строит иную конструкцию, где преемство не передаётся, а завоёвывается сохранением правоверия. Это условная преемственность, обусловленная выполнением нормативных требований. «Третий Рим» не просто получает власть от Второго, а доказывает право на неё своей религиозной безупречностью. Если легитимность основана на правоверии, то любой правитель, отступивший от православия, теряет её автоматически независимо от происхождения и формальных правовых оснований. Данная конструкция создавала мощный инструмент и для утверждения власти, и для её ограничения, что объясняет противоречивое использование доктрины на протяжении последующих веков [8, с. 357].

На уровне артикуляции перед нами, таким образом, развёрнутая политико-правовая теория суверенитета, основанного на богоизбранности, подтверждаемой через ритуальную и догматическую чистоту. Не менее важно, что Филофей обращается непосредственно к великому князю, придавая своим построениям характер адресного политического высказывания. Это своего рода политический меморандум, формулирующий обязательства правителя. «Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася в твоё едино, яко два Рима падоша, а третий стоит» [9, с. 322]. Формула «блюди и внемли» имеет отчётливо нормативный характер: государь не просто уведомляется о своём высоком положении, он получает задание охранять последнее православное царство. Тем самым доктрина с первых шагов своей артикуляции несёт в себе как правообразующий, так и правообязывающий элемент.

Параллельно с Филофеем и во многом независимо от него принципиально важную роль в формировании политико-правовой идеологии Московского государства сыграл Иосиф Волоцкий (Иван Санин, 1440–1515 гг.) – игумен Волоколамского монастыря, создатель «иосифлянской» традиции, определившей характер взаимоотношений церкви и государства на несколько столетий вперёд. Его главный богословско-политический труд «Просветитель», направленный против ереси жидовствующих, содержит развёрнутую концепцию сакрального характера царской власти. Центральный тезис Иосифа в восьмом «Слове» «Просветителя» звучит так: «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властию же подобен есть вышнему Богу» [10, с. 432]. Высказывание Иосифа Волоцкого нередко цитируется как аргумент в пользу абсолютизма иосифлянской доктрины, однако его следует читать в контексте предшествующих и последующих рассуждений, в которых Иосиф прямо указывает: тот царь, который «не радит о порученном ему» царстве Божьем, «не царь есть, но мучитель», и послушание такому правителю не только не обязательно, но и греховно.

Власть сакральна по своему происхождению, но условна по своей реализации. Это важно подчеркнуть в контексте нашего исследования, поскольку именно данная условность создаёт правовое пространство для доктринального обоснования как подчинения, так и сопротивления. В сопоставлении с Филофеем Иосиф задаёт несколько иной акцент. Так, в частности, Филофей строит свою доктрину на макроисторическом нарративе (история мировых империй, переход первенства от одного Рима к другому). Иосиф, в свою очередь, работает с микроуровнем, выражающимся в конкретных правовых обязательствах правителя и конкретных последствиях их нарушения. Вместе они образуют полноценную политико-правовую систему, в которой Филофей даёт историческое и космологическое обоснование московского первенства, а Иосиф – нормативное содержание и механизм ответственности.

Важно учитывать, что «иосифляне» одержали победу над «нестяжателями» (последователями Нила Сорского) прежде всего в аспектах политической борьбы, а не как богословская школа. Собор 1503 г. и последующая история показали, что московская власть нуждалась именно в иосифлянской модели, в которой церковь обладает имуществом и институциональным ресурсом, достаточным для того, чтобы быть полноценным институтом государства в деле идеологического строительства [11, с. 285]. Институт выражался не в отношении подчинения церкви государству (такое прочтение иосифлянства оспорено в современной историографии), а в отношении взаимного усиления, где церковь легитимирует власть, власть защищает церковь.

Как показал А.А. Зимин в фундаментальном исследовании о России на пороге нового времени, это союзническое измерение иосифлянства является ключом к пониманию всей идеологической конструкции XVI в. [12, с. 244]

Переход от доктринальной артикуляции к правовой кодификации – один из наиболее значимых процессов в истории политической мысли. Идея, существующая исключительно в пространстве текста, остаётся частным богословским мнением; идея, закреплённая в ритуале и законе, приобретает статус правовой нормы, обязательной для всех участников политического сообщества. Подобный переход составляет содержание второго уровня нашего анализа.

Первым крупным актом кодификации доктрины «Третьего Рима» в политико-правовом пространстве следует считать «Чин венчания на царство» Ивана IV, состоявшийся 16 января 1547 г. и совершённый митрополитом Макарием. Это событие принципиально отличается от предшествующих

случаев в истории. Дмитрий-внук был венчан шапкой Мономаха и бармами в 1498 г., однако именно при Иване IV богослужебный чин приобрёл полноценное политико-правовое значение. Прежде всего потому, что Иван принял титул «царя», а не «великого князя».

Принятие царского титула носило иной политический характер и правовое закрепление. «Царь» в средневековом политическом лексиконе (восходящем к «кесарь») – правитель, не имеющий над собой светского суверена, то есть суверен в полном смысле слова. Текст чина содержит прямые апелляции к концепции избранности Москвы как последнего православного царства: «Яко тебе, государь, Бог вручил есть скипетр царства Российского... да правиши люди своя в мире и в тишине» [13]. Показательно, что в формулировке акцент делается не на династии или происхождении, а на «вручении», которое выражалось в акте передачи власти непосредственно от Бога. Данную идею развивал в своих трудах Филофей, где источником легитимности выступала богопоставленность, подтверждённая через ритуал.

Следует отметить, что роль митрополита Макария в данном контексте исключительно важна. Именно он является главным архитектором идеологической конструкции, связывающей воедино доктринальный уровень (концепция «Третьего Рима»), ритуальный уровень (чин венчания) и нарративный уровень (Великие Четьи-Минеи, в которых собрана история русских святых как история богоизбранного народа). Р.Г. Скрынников в своих исследованиях показал, что Макарий осознанно выстраивал именно эту многоуровневую конструкцию, и его роль в формировании политической идеологии Ивана Грозного трудно переоценить [14, с. 344].

Второй крупный этап кодификации – Стоглавый собор 1551 г., постановления которого систематизировали церковно-государственные отношения. Характерно, что царь Иван IV открыл собор речью, в которой представил себя именно как хранителя православия, в роли, которую определила для него доктрина «Третьего Рима»: «Молю вас, отцы и архипастыри, да устроите... православную веру, якоже предали нам святые отцы, и утвердите её несмутно» [15]. Царь как страж и исполнитель религиозной нормы, что соответствует доктрине, в которой его власть обусловлена верностью православию.

Третий и наиболее зрелый акт кодификации – Соборное Уложение 1649 г. Принятое при Алексее Михайловиче, оно представляет собой первый в истории России систематический правовой кодекс. Первая глава «О богохульниках и о церковных мятежниках» прямо устанавливает связь между государственной властью и сакральным порядком. Нарушение церковного благочиния трактуется как государственное преступление, и это не случайное соединение составов, а осознанное юридическое выражение той же доктрины, которую Филофей артикулировал в богословских категориях. Государство и церковь образуют единую нормативную систему, в которой нарушение одного порядка автоматически является нарушением другого. Как констатировал М.Н. Тихомиров в фундаментальном издании Соборного Уложения, первая глава задаёт общий принцип всей правовой конструкции кодекса [16].

Важно подчеркнуть, что между чином венчания 1547 г. и Уложением 1649 г. прошло более ста лет, и за это время идея прошла сложный путь трансформации. Смута начала XVII в., казалось бы, нанесла смертельный удар по концепции богоизбранности Москвы, поскольку Российское государство пережило пресечение династии, самозванцев, иностранную интервенцию. Однако именно это потрясение привело к переосмыслению, а не к отказу от доктрины.

Как показано в работе Л.Е. Морозовой о Соборе 1613 г., избрание Михаила Романова обосновывалось богоизбранностью. Тем самым Смута была ретроспективно переосмыслена как испытание, из которого Москва вышла с подтверждённой легитимностью [17, с. 123].

Третий уровень анализа касается практического функционирования доктрины в системе политических отношений. Здесь следует выйти за рамки текстуального анализа и задаться вопросом: что реально делала доктрина «Третьего Рима» в политическом пространстве XVI–XVII вв. и каков был её практический эффект в системе взаимодействий между государем, церковью, боярством и широкими слоями населения?

Претензия на статус «Третьего Рима» позволяла московским государям позиционировать себя как суверенов вселенского масштаба, не нуждающихся в чьём-либо признании. Это имело практическое измерение в дипломатической переписке. Так, в послании к шведскому королю Иван Грозный прямо апеллирует к своему исключительному статусу: «Мы, великий государь, от Бога поставленный, а не от людей» [18]. Представленная формулировка выступает как идентификация правового статуса, где источник власти определяет её характер и её пределы.

Концепция «Третьего Рима» делала невозможным политическое представление о том, что власть может быть разделена или ограничена, поскольку само существование «последнего православного царства» зависит от единства, богословски обоснованного, но практически реализуемого только через самодержавие. Подобную позицию Иван Грозный разрабатывает в переписке с Андреем Курбским, где он обосновывает необходимость самодержавия не доводами политической целесообразности, а доводами богословского порядка: «Самодержавство – от Бога данное...» [19, с. 112]. Теоретическая конструкция, выработанная Филофеем и Иосифом, ока-

зывается в руках политического практика прямым инструментом разрешения конкретного политического спора.

Андрей Курбский в своих ответах пытается работать в рамках той же доктрины, но расставляет акценты иначе. Для него богоизбранность не исключает ответственности царя перед боярством и «синклитом», поскольку именно через них реализуется «правда» – нормативное начало христианского правления. Перед нами, таким образом, два варианта развёртывания одной и той же доктрины. Оба апеллируют к богоизбранности Москвы, оба признают сакральный характер власти, но при этом поразному понимают содержание нормативных обязательств, вытекающих из этой сакральности.

Следует сюда же отнести и тот факт, что «Третий Рим» не только легитимирует власть конкретного государя. Помимо прочего он формирует коллективную идентичность, определяет «мы» политического сообщества. Всё, что включено в пространство «последнего православного царства», является своим; всё, что находится за его пределами, – либо еретическим, либо ещё не просвещённым. Данная конструкция задаёт параметры политической идентификации, которые будут воспроизводиться далеко за пределами XVI–XVII вв. Как верно замечает А.В. Каравашкин в исследовании о русской средневековой публицистике, доктрина «Третьего Рима» – это прежде всего «текст-идентификатор», определяющий принадлежность к сообществу через отношение к сакральной норме: «Быть русским православным человеком в XVI в. означало быть частью "последнего Рима"» [20, с. 312].

Подводя итоги, необходимо вернуться к исходному тезису о том, что доктрина «Третьего Рима» активно переопределяла византийское наследие. Переопределение византийского наследия осуществлялось сразу в нескольких измерениях.

Во-первых, на уровне основания легитимности. Византия обосновывала свою «всемирную» роль прежде всего через историческое преемство, наследование от Рима, закреплённое в праве, в институтах, в территории. Москва не могла претендовать ни на одно из этих оснований, поскольку она не наследовала ни территорию Константинополя, ни его институты, ни его правовые традиции. Поэтому Филофей смещает основание легитимности с институционального на богословское, где не «мы наследники», а «мы хранители нормы».

Во-вторых, на уровне понимания «конца». Византийская политическая эсхатология знала концепцию Катехона – «удерживающего», то есть государства, удерживающего мир от окончательного торжества зла. Москва переняла данную идею, но переосмыслила её. В частности, Константинополь был Катехоном, который не устоял; Москва – Катехоном, который обязан устоять, потому что «четвёртому не быти». Эсхатологическое измерение приобрело у Филофея принципиально иное, более острое и тревожное звучание. Москва – не просто «третий» по счёту Рим, а последний, и это не прославление, а ответственность.

В-третьих, на уровне отношения церкви и государства. Византия имела модель «симфонии» в виде гармоничного разделения полномочий между императором и патриархом, где каждый имел свою сферу. Иосифлянская модель, утвердившаяся в Московском государстве, воспроизводила идею симфонии с существенным сдвигом. В условиях, когда Константинопольская патриархия находилась под властью турецкого султана, роль первостепенного авторитета в православном мире переходила именно к московскому государю, что на практике создавало асимметрию в пользу государства. Данное переопределение имело огромные долгосрочные последствия, вплоть до петровских реформ. Всё это позволяет утверждать, что перед нами консервативная инновация. Форма аргументации остаётся традиционной (апелляция к прошлому, к авторитету, к богословскому преданию), а содержательные позиции принципиально меняются. Именно поэтому «адаптивный консерватизм» представляется наиболее точным понятием для описания данной доктрины.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов, значимых как для понимания конкретно-исторического материала XVI–XVII вв., так и для теоретического осмысления феномена политической идеологии в целом. Доктрина «Третьего Рима» прошла трёхуровневый путь от артикуляции в посланиях Филофея и богословско-политических трактатах Иосифа Волоцкого через кодификацию в чине венчания 1547 г. и Соборном Уложении 1649 г., к практическому функционированию в качестве инструмента внешнеполитической и внутриполитической легитимации.

На каждом из уровней идея активно адаптировалась к изменяющимся историческим условиям. Менялись акценты, менялась аудитория, менялись политические задачи, которые доктрина была призвана решать. Концепция «Третьего Рима» является образцовым примером адаптивного консерватизма на уровне политической идеологии. Она апеллирует к традиции, формулирует задачу как сохранение унаследованного, однако фактически производит принципиально новые политические и правовые конструкции, отвечающие на вызовы своего времени. Различие между «консервативной риторикой» и «консервативной инновацией» представляется ключевым для понимания не только данной эпохи, но и механизмов политической идеологии в целом.

Настоящее исследование завершает анализ пути, пройденного русской политической идеей от посланий Филофея к нормам Соборного Уложения, и показывает, что это сложный процесс смысловой

трансформации, в котором каждый новый контекст порождал новую версию доктрины при сохранении её символической непрерывности. Поэтому способность к переопределению при сохранении формальной преемственности и обеспечивала исключительную долговечность концепции «Третьего Рима» как идеологического ресурса.

Литература:

1. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
2. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 1999. 403 с.
3. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
4. Баязитова Г.И. Жан Боден. Шесть книг о государстве. Кн. VI. Гл. VI: перевод и комментарии // Европа: международный альманах. 2007. Т. VII. С. 235–240.
5. Послание старца Филофея к великому князю Василию Ивановичу // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1984. С. 436–441.
6. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1982. С. 216–267.
7. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник КГУ. 2014. № 4. С. 172–174.
8. Кузьменко В.И. Трансформация традиционных ценностей в политико-правовой доктрине петровских реформ: конфликт модернизации и национальной идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 357–361.
9. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1982. С. 216–267.
10. Иосиф Волоцкий (прп.). Просветитель / Прп. Иосиф Волоцкий; предисл. митр. Иоанна (Снычева); отв. ред., авт. послесл. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 560 с.
11. Шаов А.А. Теоретические основы формирования правовой системы в эпоху Средневековья: социально-философское измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4. С. 285–290.
12. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М.: Мысль, 1972. 452 с.
13. Чин венчания на царство царя Иоанна Васильевича // ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. 13. С. 445–453.
14. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 576 с.
15. Стоглав // Стоглав. Собор бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче в лето 7059. Казань: Типография Губернского правления, 1862. 454 с.
16. Соборное Уложение 1649 года / Подг. текста М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во МГУ, 1961.424 с.
17. Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты. М.: Наука, 2005. 464 с.
18. Послания Ивана Грозного / Подг. Д.С. Лихачёв, Я.С. Лурье. М.-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. 716 с.
19. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. Ленинград: Наука, 1979. 432 с.
20. Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 416 с.

From the Third Rome to the Redefinition of Identity: Doctrine as a Strategy for Political and Legal Adaptation in the 16th Century

Valentina Igorevna Kuz´menko

Kazan legal institute (branch) the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

The question of the nature of the political ideology of medieval Russia is one of the stable debatable problems of Russian historical science. Throughout the 20th and 21st centuries, researchers have repeatedly returned to the doctrine of the «Third Rome» as a phenomenon that defined the contours of Russian statehood and set the long–term parameters of political and legal identity. At the same time, there is a certain tradition in historiography that tends to consider this concept either as a form of «protective» conservatism, that is, simple retention of inherited values, or as imperial expansion in symbolic space.

Both interpretations, for all their heuristic value, overlook that the doctrine of the «Third Rome» was primarily a strategy of adaptation, a tool for processing symbolic material in a radically changed political reality. The 16th century in the history of Russia is the era of the constitution of autocratic power, the initial formalization of state sovereignty, and the building of a new system of legitimizing narratives after the fall of Constantinople in 1453 and the disintegration of dependence on the Horde. This article aims to trace the full path of the idea of the «Third Rome» from its initial articulation in the epistles of Philotheus of Pskov (the first third of the 16th century) through codification in the ceremony of the wedding of the kingdom (1547) and the Cathedral Code (1649) to its practical functioning in the system of legitimation.

The methodological framework is the concept of adaptive conservatism in understanding traditionalist doctrines as dynamic mechanisms for processing past experience in accordance with new political objectives. The scientific novelty lies in the fact that the article examines the doctrine of the «Third Rome» as a mechanism of political and legal adaptation in the context of the formation of the Moscow centralized state of the XVI century. Based on the analysis of the epistles of Philotheus of Pskov and the writings of Joseph Volotsky, the author reconstructs three levels of the mechanism of idea consolidation: articulation in journalistic discourse, codification in ceremonial and legislative acts, as well as functioning in the system of legitimation of royal power. It is argued that the doctrine represented his active redefinition of the Byzantine heritage in the new historical conditions as an exemplary example of adaptive conservatism at the ideological level.

Keywords: The Third Rome, Philotheus, Joseph Volotsky, political and legal doctrine, legitimization of power, adaptive conservatism, civic identity, the Moscow state

УДК 347.763
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-229-234
© Лончакова Ю.А., 2026

Ограничение ответственности экспедитора: императивность и диспозитивность в свете руководящих разъяснений ВС РФ и законодательных реформ

Лончакова Юлия Андреевна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
(602264, Муром, ул. Орловская, д.23; e-mail: Info@rt-p.ru; ORCID: 0009-0009-4335-2042)

Актуальность темы обусловлена сохраняющейся неопределённостью в вопросе допустимых границ договорного регулирования ответственности транспортного экспедитора. Российский законодатель закрепил в ст. 11 Федерального закона от 30.06.2003 № 87-ФЗ запрет на уменьшение имущественной ответственности экспедитора, однако практика применения этой нормы порождает ряд коллизий – как внутрисистемных (соотношение со ст. 400 ГК РФ), так и внешних (несоответствие конвенционным лимитам). Цель статьи – провести комплексный анализ нормативной конструкции ограничения ответственности экспедитора, правовых позиций Верховного Суда РФ (Постановление Пленума от 26.06.2018 № 26, Обзор судебной практики № 2 (2022)) и последствий масштабной реформы ФЗ-87, осуществлённой Федеральным законом от 07.06.2025 № 140-ФЗ. Научная значимость работы определяется систематизацией норм ФЗ-87 по критерию императивности и диспозитивности, а также выявлением пробелов, не устранённых реформой 2025 г. Практическая значимость связана с формулированием рекомендаций для участников экспедиторских отношений и предложений de lege ferenda. Основные результаты показывают, что российская модель ответственности экспедитора представляет собой асимметричный императивный режим: закон устанавливает минимальный порог (floor), подкреплённый санкцией ничтожности, при этом лимиты для международных перевозок (2 СДР за 1 кг) существенно занижены относительно конвенционных аналогов. Научная новизна состоит в обосновании квалификации ст. 11 ФЗ-87 как сверхимперативной нормы и в анализе влияния институциональных реформ 2025 г. на материально-правовой режим ответственности.

Ключевые слова: *транспортная экспедиция, ответственность экспедитора, императивные нормы, свобода договора, ФЗ-87, Верховный Суд РФ, конвенционные лимиты*

Для цитирования: *Лончакова Ю.А. Ограничение ответственности экспедитора: императивность и диспозитивность в свете руководящих разъяснений ВС РФ и законодательных реформ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 229–234. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-229-234.*

Российское право в сфере транспортной экспедиции выстраивает своеобразную конструкцию, которую – при всей условности терминологии – можно назвать односторонне-императивной моделью ответственности [1]. Суть её в том, что закон задаёт минимальный порог (*floor*) имущественной ответственности экспедитора и одновременно запрещает сторонам договора опускаться ниже это-

го порога. Повышать ответственность контрактом можно; снижать – нет. Санкция за нарушение запрета – ничтожность соответствующего условия. Ст. 11 Федерального закона от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» (ФЗ № 87-ФЗ) формулирует этот запрет лаконично: соглашение об устранении имущественной ответственности экспедитора или уменьшении её размеров, установленных данным законом, ничтожно [2]. Между тем лаконичность нормы не устраняет целого ряда вопросов, связанных как с её соотношением с общими нормами Гражданского кодекса РФ, так и с конвенционными лимитами, принятыми в международном транспортном праве.

Масштабная реформа ФЗ № 87-ФЗ, осуществлённая Федеральным законом от 07.06.2025 № 140-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ФЗ № 140-ФЗ), обострила эту проблему – впрочем, не прямо, а косвенно. Закон ввёл институт реестра уведомлений о транспортно-экспедиционной деятельности, требования к субъектам деятельности, национальную цифровую платформу «ГосЛог», но при этом не затронул ст.ст. 7–11 ФЗ № 87-ФЗ, регулирующие ответственность за утрату и повреждение груза [3]. Тем самым все ранее выявленные доктринальные и практические проблемы сохранились. Ниже предпринята попытка их систематизации с учётом правовых позиций Верховного Суда РФ, сформированных в период 2017–2022 гг.

Ответственность экспедитора в российском праве подчиняется двухуровневой нормативной системе. Общие рамки задают положения ГК РФ: гл. 25 (общие нормы об ответственности за нарушение обязательств), гл. 41 (транспортная экспедиция, ст.ст. 801–806), а также ст. 15 (принцип полного возмещения убытков) и ст. 400 (ограниченная ответственность по отдельным видам обязательств) [4]. Специальное наполнение обеспечивает ФЗ № 87-ФЗ, прежде всего ст.ст. 6–11. Два уровня связаны «каскадной» конструкцией: ст. 803 ГК РФ устанавливает, что экспедитор отвечает по основаниям и в размере, определяемых гл. 25 ГК РФ, однако если нарушение вызвано ненадлежащим исполнением договора перевозки, ответственность экспедитора определяется по правилам, установленным для соответствующего перевозчика [4]. Этот механизм – «каскад» – позволяет в ряде случаев переадресовать ответственность экспедитора к конвенционным лимитам перевозчика, но далеко не всегда [5].

Центральное место в специальном режиме занимает ст. 7 ФЗ № 87-ФЗ, определяющая ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза [6]. Для внутренних перевозок предусмотрено возмещение реального ущерба: при наличии объявленной ценности – в её размере; при отсутствии – в размере документально подтверждённой действительной стоимости [2]. Для международных перевозок введены количественные пределы: не более 2 СДР за 1 кг общего веса утраченного или повреждённого груза (п. 2 ст. 7), а при использовании экспедиторских документов – не более 666,67 СДР за место или единицу отгрузки (п. 3 ст. 6). Оба эти лимита заимствованы из Типовых правил ФИАТА (*FIATA Model Rules for Freight Forwarding Services*, ст. 8.3.1) и Гаагско-Висбийских правил соответственно [7]. П. 4 ст. 7 ФЗ № 87-ФЗ отдельно закрепляет обязанность экспедитора возместить упущенную выгоду при наличии его вины в утрате или повреждении груза.

Единственной откровенно диспозитивной нормой в этом блоке является п. 3 ст. 7: договором «может быть установлено», что наряду с реальным ущербом экспедитор возвращает ранее уплаченное вознаграждение. Все прочие нормы – о размерах возмещения, об обязанности компенсировать упущенную выгоду, о механизме «прорыва» лимитов при умысле и грубой неосторожности (п. 4 ст. 6) – носят императивный характер [8]. П. 4 ст. 6 содержит конструкцию, восходящую к ст. 29 Конвенции *CMR* и п. 4 ст. 401 ГК РФ: ограничения ответственности по п. 3 ст. 6 и п. 2 ст. 7 не применяются, если экспедитор не докажет, что утрата или повреждение возникли не вследствие его умышленных действий или грубой неосторожности.

Границу между тем, что стороны вправе регулировать контрактом, и тем, что закон изъял из сферы договорной автономии, проводит ст. 11 ФЗ № 87-ФЗ. Её п. 1 допускает установление в договоре более высокого размера ответственности экспедитора по сравнению с законом или международным договором. П. 2 – ключевой – объявляет ничтожным соглашение об устранении или уменьшении размеров имущественной ответственности, установленных ФЗ № 87-ФЗ [2]. Таким образом, конструкция носит односторонне-императивный характер: ст. 11 работает как *floor*, а не как *ceiling* [9]. Стороны свободны усиливать ответственность экспедитора, но лишены возможности её ослаблять – вне зависимости от переговорной силы и профессионального статуса каждой из них.

Соотношение ст. 11 ФЗ № 87-ФЗ с общими нормами ГК РФ требует пояснения. Ст. 15 ГК РФ провозглашает принцип полного возмещения убытков (реальный ущерб плюс упущенная выгода), но тут же допускает законодательное ограничение. Ст. 400 ГК РФ в п. 1 разрешает законодателю устанавливать ограниченную ответственность по отдельным видам обязательств; её п. 2 признаёт ничтожным соглашение об ограничении ответственности должника по договору присоединения или по иному договору, в котором кредитором выступает потребитель. Ограничение ответственности экспедитора

рамками реального ущерба (ст. 7 ФЗ № 87-ФЗ) – это именно законодательное ограничение в духе ст. 400 п. 1 ГК РФ. Однако ст. 11 ФЗ № 87-ФЗ идёт дальше, чем ст. 400 п. 2 ГК ФР: последняя защищает только потребителей и стороны договоров присоединения, тогда как запрет ст. 11 ФЗ № 87-ФЗ распространяется на все отношения, включая B2B между равными профессиональными участниками [9]. В этом смысле ст. 11 ФЗ № 87-ФЗ выступает как lex specialis – более строгий режим по сравнению с общей нормой ГК РФ.

Квалификация конкретных норм ФЗ № 87-ФЗ как императивных или диспозитивных должна опираться на критерии, сформулированные в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах» [10]. Согласно п. 3 этого Постановления, при отсутствии в норме явного указания на императивность суд оценивает три обстоятельства: а) необходимость нормы для защиты особо значимых охраняемых законом интересов; б) недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон; в) существо законодательного регулирования данного вида договора. Применительно к ФЗ № 87-ФЗ все три критерия свидетельствуют в пользу императивности: нормы об ответственности направлены на защиту имущественных интересов грузовладельцев от профессиональных участников рынка; наличие прямого запрета (п. 2 ст. 11) исключает сомнения в намерении законодателя; а существо транспортно-экспедиционных отношений традиционно предполагает повышенную защиту клиента.

Верховный Суд РФ сформировал за последние годы последовательную линию толкования, усиливающую императивный характер ответственности экспедитора. Первый системный документ – Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции, утверждённый Президиумом ВС РФ 20.12.2017 [11]. П. 8 этого Обзора закрепил: экспедитор несёт ответственность за утрату и повреждение груза по ст. 7 ФЗ № 87-ФЗ, если фактически осуществлял перевозку собственным транспортом, выписал свой транспортный документ либо иным образом выразил намерение гарантировать сохранную доставку. П. 9, напротив, установил: на экспедитора, выполняющего лишь отдельные функции грузоотправителя (расчёты с перевозчиком, подготовка документов), ответственность за утрату груза не возлагается – за исключением случаев, когда он не проявил надлежащей осмотрительности при выборе перевозчика.

Постановление Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 26 развило эти позиции [12]. П. 25 подчеркнул, что содержание обязательства экспедитора может значительно варьироваться в зависимости от условий конкретного договора, и суд обязан каждый раз устанавливать реальное содержание обязанностей экспедитора. П. 26 ввёл критерии отнесения экспедитора к категории «договорного перевозчика»: клиент не участвует в выборе кандидатуры перевозчика; цена услуг выражена в твёрдой сумме без выделения расходов на перевозку и сопоставима с рыночными ценами; экспедитор характеризует своё обязательство как обеспечение сохранной доставки. Но главное – п. 29 Постановления содержит прямое разъяснение: условия договора транспортной экспедиции об ограничении ответственности экспедитора по сравнению с тем, как его ответственность определена в законе, являются ничтожными (ссылка на ст. 11 ФЗ № 87-ФЗ) [12].

Поворотным решением стало Определение СКЭС ВС РФ от 22.03.2022 № 304-ЭС21-25713 по делу № А45-18600/2020, включённое затем в п. 16 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2022) [13]. Судебная коллегия установила: обязанность экспедитора возместить упущенную выгоду в полном объёме (п. 4 ст. 7 ФЗ № 87-ФЗ) является императивной нормой; стороны не вправе ограничить её размер в договоре; а содержащаяся в п. 1 ст. 15 ГК РФ возможность уменьшения размера подлежащих возмещению убытков к убыткам, предусмотренным п. 4 ст. 7 ФЗ № 87-ФЗ, неприменима. Это решение имеет принципиальное значение, поскольку закрывает дискуссию о том, распространяется ли запрет п. 2 ст. 11 на упущенную выгоду: ВС РФ дал однозначно утвердительный ответ. До этого определения в арбитражной практике встречались решения, допускавшие договорное ограничение упущенной выгоды со ссылкой на то, что п. 2 ст. 11 говорит лишь о «размерах» ответственности, установленных ФЗ № 87-ФЗ, а упущенная выгода якобы регулируется общими нормами ГК РФ.

Среди иных значимых определений СКЭС нельзя обойти вниманием Определение от 29.06.2020 № 307-ЭС19-27146 по делу № А21-2566/2018: экспедитор, самостоятельно выбравший перевозчика и привлёкший его к исполнению, несёт ответственность за утрату груза, даже если груз фактически утрачен перевозчиком [14]. Определение от 27.01.2020 № 307-ЭС19-14275 по делу № А56-112474/2017 подтвердило аналогичную позицию применительно к утрате груза привлечённым лицом [15]. Из практики ВАС РФ, по-прежнему сохраняющей ориентирное значение, выделяются Постановление Президиума ВАС от 29.10.2013 № 11070/13 (экспедитор как предприниматель несёт ответственность независимо от вины; освобождение – только при непреодолимой силе) и Постановление Президиума ВАС от 23.04.2013 № 15497/12 (при международной перевозке к ответственности экспедитора применяются нормы Конвенции *CMR*) [16].

Международное транспортное право устанавливает собственные, зачастую более высокие, лимиты ответственности перевозчика – и здесь возникает

одна из ключевых коллизий. Конвенция *CMR* 1956 г., участником которой является Россия, предусматривает предел 8,33 СДР за 1 кг брутто-массы утраченного или повреждённого груза (ст. 23(3) в ред. Протокола 1978 г.), а ст. 41 *CMR* объявляет ничтожным любое договорное отступление от её положений [7]. Монреальская конвенция 1999 г. (воздушные перевозки) устанавливает 26 СДР за 1 кг – после пересмотра 2024 г. КОТИФ/*CIM* для железнодорожных перевозок предусматривает 17 СДР за 1 кг. Гамбургские правила (1978 г.) – 2,5 СДР за 1 кг или 835 СДР за место. Типовые правила ФИАТА – 2 СДР за 1 кг для экспедитора; именно эта величина воспроизведена в п. 2 ст. 7 ФЗ-87.

Разрыв между лимитами очевиден и внушителен. Лимит ответственности экспедитора по ФЗ № 87-ФЗ (2 СДР/кг) в четыре раза ниже, чем лимит перевозчика по *CMR* (8,33 СДР/кг), более чем в восемь раз – по сравнению с КОТИФ (17 СДР/кг), в тринадцать раз – по сравнению с Монреальской конвенцией (26 СДР/кг). Каскадная ответственность (ст. 6 п. 2 ФЗ № 87-ФЗ, ст. 803 абз. 2 ГК РФ) частично снимает эту проблему: если экспедитор докажет, что нарушение вызвано ненадлежащим исполнением договора перевозки, его ответственность определяется по правилам об ответственности перевозчика, включая конвенционные лимиты [4]. Но «каскад» работает не всегда: когда утрата происходит, допустим, на складе экспедитора, переадресовать ответственность к конвенционным нормам не удаётся – и применяются заниженные лимиты ФЗ № 87-ФЗ. Судебная практика в этой области неоднородна, и единообразного подхода пока не сложилось.

Сравнительно-правовой анализ позволяет лучше оценить место российской модели в общей картине. Германское право (§§ 453–466 *HGB*) дифференцирует ответственность экспедитора-агента (виновная ответственность, *Verschuldenshaftung*, § 461(2)) и экспедитора, действующего как перевозчик (ответственность за сохранность, *Obhutshaftung*, § 461(1)). Стандартные условия *ADSp* 2017 устанавливают лимит 8,33 СДР/кг – по сути, аналог *CMR* [17]. Французская модель предусматривает «хамелеонную» ответственность: *commissionnaire de transport* (комиссионер по перевозке) отвечает как перевозчик по соответствующей конвенции, а transitaire (транзитёр) – только за собственную небрежность. Английское *common law* рассматривает экспедитора как агента грузоотправителя – если только он не принял на себя обязательства перевозчика, – что обеспечивает минимальную ответственность [18]. Российский подход, с его универсальным запретом снижения ответственности вне зависимости от статуса сторон, оказывается в этом контексте одним из наиболее «патерналистских».

За период с 2016 по 2026 гг. ФЗ № 87-ФЗ претерпел четыре изменения – при том, что статьи об ответственности затронуты не были ни в одном из них. Федеральный закон от 18.03.2020 № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 34 Федерального закона «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» и статью 3 Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности» ввёл п. 4.1 ст. 3, предоставив экспедитору право (но не обязанность) застраховать риск своей ответственности по ст. 932 ГК РФ [2]. Наиболее масштабная – и ожидаемая – реформа проведена Федеральным законом от 07.06.2025 № 140-ФЗ, вступающим в силу поэтапно с 01.09.2025 по 01.09.2026 [3]. Закон ввёл реестр уведомлений о транспортно-экспедиционной деятельности (ст. ст. 2.4–2.5), требования к субъектам деятельности (ст. 2.2), национальную цифровую платформу «ГосЛог» (ст. 2.6), новую ст. 6.1 об ответственности за нарушение обязательных требований. Деятельность без включения в реестр влечёт штрафы по КоАП – до 1 000 000 руб. при повторном нарушении для юридических лиц; действующие экспедиторы обязаны подать уведомление до 30 апреля 2026 г.

Между тем законодатель не воспользовался реформой для пересмотра лимитов ответственности – и это, пожалуй, главный упрёк, который можно адресовать ФЗ № 140-ФЗ. Лимит 2 СДР/кг, заимствованный из Типовых правил ФИАТА редакции 1996 г., не пересматривался с момента принятия ФЗ № 87-ФЗ. За прошедшие двадцать с лишним лет сами правила ФИАТА претерпели ревизию (2019), а конвенционные лимиты для перевозчиков были повышены (Монреальская конвенция – до 26 СДР/кг после пересмотра 2024 г.). Реформа обязательственного права ГК РФ (ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ) также не затронула гл. 41 ГК РФ, хотя ввела ряд институтов, потенциально применимых к экспедиционным отношениям: судебную неустойку (ст. 308.3), заверения об обстоятельствах (ст. 431.2), возмещение потерь (ст. 406.1).

Параллельно с нормативными изменениями идёт процесс цифровизации транспортной документации. Федеральный закон от 02.07.2021 № 336-ФЗ и подзаконные акты создали систему электронных перевозочных документов (ГИС ЭПД). С 01.09.2026 планируется обязательный переход на электронные экспедиторские документы [3]. Это может оказать косвенное влияние на споры об ответственности: электронная фиксация момента принятия и выдачи груза формирует более надёжную доказательственную базу, что упрощает установление факта утраты или повреждения и – как следствие – определение ответственного лица. Однако материально-правовой режим ответственности цифровизация не меняет.

Проведённый анализ обнаруживает несколько доктринальных проблем, заслуживающих самостоятельного исследования. Прежде всего дискуссионен вопрос о допустимости договорного рас-

ширения оснований освобождения экспедитора от ответственности. Ст. 11 п. 2 ФЗ № 87-ФЗ запрещает уменьшение «размеров» ответственности, но буквальный текст нормы не содержит прямого запрета расширять «основания» освобождения (скажем, включать в договор форс-мажорные оговорки, выходящие за пределы ст. 7 п. 1 ФЗ № 87-ФЗ и п. 3 ст. 401 ГК РФ). Телеологическое толкование, опирающееся на подход Пленума ВАС № 16, скорее всего, приведёт к расширительному прочтению запрета – ведь расширение оснований освобождения, по существу, уменьшает ответственность экспедитора. Но судебной практики, однозначно разрешающей этот вопрос, пока нет [10].

Далее – коллизия лимитов при международных перевозках. При автоперевозке применение каскадной ответственности (ст. 6 п. 2 ФЗ № 87-ФЗ) ведёт к лимиту CMR (8,33 СДР/кг), тогда как прямое применение ст. 7 п. 2 даёт лишь 2 СДР/кг. Разрыв в четыре раза для грузовладельца – вопрос совсем не теоретический. Если экспедитор квалифицирован как договорный перевозчик в смысле п. 26 Пленума № 26, каскад «включается»; если нет – грузовладелец оказывается в заметно менее выгодном положении. Практика арбитражных судов в этой области, к сожалению, неоднородна, и единого подхода пока нет.

Наконец, проблема «слабой стороны» в экспедиторских отношениях имеет неожиданно двойственный характер. В классической ситуации – крупный экспедитор и малый грузовладелец – запрет снижения ответственности выглядит оправданным, поскольку защищает интересы экономически более слабого участника. Но в отношениях «крупный ритейлер – малый экспедитор» (а на российском рынке такие конфигурации нередки) соотношение переговорных сил диаметрально противоположно. Крупный заказчик способен навязать экспедитору повышенную ответственность (что допускает п. 1 ст. 11), но экспедитор лишён даже теоретической возможности договориться о её снижении, пусть и в разумных пределах. Универсальный патернализм ст. 11 ФЗ № 87-ФЗ, таким образом, не учитывает реального распределения рыночной власти [9].

В качестве итога можно констатировать: российская модель ответственности экспедитора – это асимметричный императивный режим с прямой санкцией ничтожности за попытку ослабить ответственность и с отсутствием каких-либо ограничений на её усиление. Верховный Суд РФ за период 2017–2022 гг. последовательно укреплял эту конструкцию – от детализации критериев «договорного перевозчика» (п.п. 25–26 Пленума № 26) до распространения запрета на упущенную выгоду (Обзор № 2 (2022), п. 16). Масштабная реформа 2025 г. сместила фокус на публично-правовое регулирование допуска на рынок (реестр, «ГосЛог», квалификационные требования), но оставила неизменными нормы о гражданско-правовой ответственности – включая лимиты, не пересматривавшиеся более двадцати лет.

Такое положение дел трудно признать оптимальным. Повышение институциональных барьеров входа на рынок – мера сама по себе полезная, но она не снимает вопроса об адекватности материально-правовых лимитов. Лимит 2 СДР/кг для международных перевозок, заимствованный из правил ФИАТА 1996 г., выглядит архаично на фоне пересмотренных конвенционных стандартов. *De lege ferenda* представляется целесообразным рассмотреть возможность приведения лимитов ФЗ № 87-ФЗ в соответствие с актуальными конвенционными ставками – по меньшей мере для случаев, когда каскадная ответственность неприменима. Одновременно стоило бы уточнить границу между «уменьшением размеров» ответственности (что запрещено ст. 11) и «расширением оснований» освобождения (что формально запретом не охвачено), поскольку размытость этой границы порождает неопределённость в договорной практике.

Литература:

1. Радченко А.В. Правовые особенности договора транспортной экспедиции в системе транспортных договоров // Университетская наука. 2020. № 1(9). С. 233–235.
2. О транспортно-экспедиционной деятельности: Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2701.
3. Федеральный закон от 07.06.2025 № 140-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2025. 11 июня.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Ст. 15, 393, 400, 401, 803 // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Паулова Е.О. Транспортный договор как основание возникновения транспортного обязательства // Транспортное право. 2022. № 4. С. 16–28.
6. Сапега В.А. К вопросу о юридической конструкции договора транспортной экспедиции // Право и экономика. 2022. № 3. С. 45–53.
7. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (CMR) (Женева, 19.05.1956; Протокол 1978 г.) // Международные перевозки грузов: сб. документов. СПб.: [б. и.], 1993. С. 3–37.
8. Морозов С.Ю. Возмещение убытков экспедитором по российскому законодательству // Гражданское право. 2015. № 3. С. 10–12.

9 Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и её пределы: В 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2012. 453 с.
10. О свободе договора и её пределах: Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
11. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции: утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2017 // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 5.
12. Постановление Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 8.
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2022): утв. Президиумом ВС РФ 12.10.2022. П. 16 // Бюллетень ВС РФ. 2022. № 12.
14. Определение СКЭС ВС РФ от 29.06.2020 № 307-ЭС19-27146 по делу № А21-2566/2018 // СПС КонсультантПлюс.
15. Определение СКЭС ВС РФ от 27.01.2020 № 307-ЭС19-14275 по делу № А56-112474/2017 // СПС КонсультантПлюс.
16. Постановление Президиума ВАС РФ от 29.10.2013 № 11070/13 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3; Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 15497/12 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 9.
17. Вайпан В.А. Юридическая природа договора транспортной экспедиции и проблемы его правоприменения // Право и экономика. 2015. № 6. С. 18–24.
18. Правовая природа договора транспортной экспедиции: зарубежный опыт и российское осмысление // Журнал РУМЛА. 2023. URL: https://rumla.org.ru/articles/freight-forwarding-contract/ (дата обращения: 15.03.2026).

Limitation of Freight Forwarder's Liability: Mandatory and Default Rules in Light of the Supreme Court Guidance and Legislative Reforms

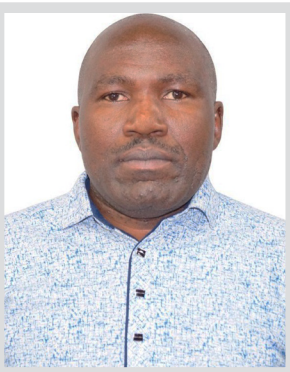
Yulia Andreevna Lonchakova
Murom Institute (branch) Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (Murom, Russia)

The relevance of the study is driven by the persistent uncertainty surrounding the permissible limits of contractual regulation of freight forwarder's liability. The Russian legislator established in Art. 11 of Federal Law No. 87-FZ of 30.06.2003 a prohibition on reducing the forwarder's property liability, yet the application of this provision generates a number of conflicts — both within the domestic legal system (relationship with Art. 400 of the Civil Code) and externally (discrepancy with convention-based limits). The purpose of this article is a comprehensive analysis of the normative framework of forwarder's liability limitation, the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation (Plenum Resolution No. 26 of 26.06.2018, Judicial Practice Review No. 2 (2022)), and the consequences of the major reform of FZ-87 enacted by Federal Law No. 140-FZ of 07.06.2025. The findings demonstrate that the Russian model of forwarder's liability constitutes an asymmetric mandatory regime: the law establishes a minimum threshold (floor), reinforced by a nullity sanction, while the limits for international transportation (2 SDR per kg) are significantly understated compared to conventional analogues.

Keywords: freight forwarding, forwarder's liability, mandatory rules, freedom of contract, FZ-87, Supreme Court of the Russian Federation, convention-based limits

УДК 341.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-235-240
© Ндувимана Ж., 2026

Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами как основной элемент права на самоопределение: практический аспект

Ндувимана Жанвье
Аспирант кафедры международного права
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: nduwimanaj@yahoo.fr;
ORCID: 0009-0006-9665-2741)

В условиях усиления климатических вызовов возрастает актуальность изучения соотношения права народов на самоопределение и неотъемлемого суверенитета над естественными ресурсами. Цель исследования заключается в определении баланса между этими принципами в контексте международных экологических обязательств различных государств; для её достижения были поставлены такие задачи, как анализ международно-правовых норм, правоприменительной практики и выработка рекомендаций. Научная значимость работы состоит в переосмыслении концепции суверенитета через призму инклюзивного управления, а практическая – в возможности применения результатов в образовании и государственной экологической политике. По результатам исследования было установлено, что право неотъемлемого суверенитета не оправдывает исключение коренных народов из процессов принятия решений. Напротив, их участие усиливает эффективность климатического управления. Также был сделан вывод о том, что интеграция права на самоопределение укрепляет легитимность государств. Научная новизна статьи заключается в обосновании модели многоуровневого и инклюзивного управления природными ресурсами с признанием ключевой роли коренных народов и местных сообществ в этом процессе.

Ключевые слова: *государственный суверенитет, принцип неотъемлемого суверенитета, природные ресурсы, самоопределение народов, коренных общин, защита окружающей среды*

Для цитирования: *Ндувимана Ж. Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами как основной элемент права на самоопределение: практический аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 235–240. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-235-240.*

В эпоху глобализации, когда вопросы, связанные с изменением климата, являются предметом множества дискуссий, международное право стремится интегрировать принцип самоопределения народов в механизмы защиты окружающей среды. С 1960-х гг. количество резолюций Организации Объединенных Наций, включающих в себя принцип неотъемлемого суверенитета над естественными ресурсами, возросло. Этот принцип, изначально признанный исключительно за государствами, был впоследствии также закреплен за народами, в соответствии со ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 1 Резолюции 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН о неотъемлемом суверенитете над естественными ресурсами 1962 г. [1; 2].

Взаимосвязь между правом народов на самоопределение и экологическими обязательствами, вытекающими из Рамочной конвенции ООН об изменении климата, остается актуальной темой: в то

время как управление природными ресурсами традиционно находится под ответственностью государства, руководящие принципы ООН, касающиеся коренных народов, выступают противовесом этим устоям [3–5]. Таким образом, возникает следующий вопрос: как в международном праве принцип самоопределения народов согласуется с традиционными суверенными рамками государства в качестве инструментов защиты окружающей среды и климата?

В данной статье проводится юридический анализ упомянутого противоречия между государственным суверенитетом и ролью народов в решении климатических императивов в международном экологическом праве. Результаты нашего исследования могут быть использованы в качестве учебных материалов в высших учебных заведениях, а также при определении целей и осуществлении национальной политики в области защиты окружающей среды.

Право народов на самоопределение находит свое отражение в Уставе Организации Объединенных Наций, изначально появившемся в нем в период деколонизации. Вскоре политические мотивы фигурирования данного аспекта в международных документах дополнились экономическими мотивами, как, например, в ст. 1 резолюции 1803 ГА ООН [6]. В ходе многочисленных дискуссий по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах и Международному пакту о гражданских и политических правах представители различных государств постоянно возвращались к вопросу о признании прав народов на их природные ресурсы. По словам Кроуфорда, подход, поддерживаемый профессором Кассезе и заключающийся в рассмотрении неотъемлемого суверенитета над естественными ресурсами как права народов, а не государств, неоспорим, что соответствует первым статьям вышеупомянутых Пактов [1; 7, с. 142; 8, с. 94].

Подтверждение в резолюции 1803 того факта, что постоянный суверенитет над природными ресурсами принадлежит как народам, так и нациям, побуждает исследователей признать их право на самоопределение, квалифицируя его как право на свободное распоряжение природными ресурсами и богатствами. Можно сказать, что следствием этой резолюции стало наделение коренных народов определенной международно-правовой субъектностью.

Упоминание в резолюции 1803 и ранее упомянутых пактах народов и наций привлекло наше внимание. Зная, что суверенитет над естественными ресурсами создает обязательства государств-носителей этого суверенитета, свободное распоряжение народами природными богатствами и источниками укрепляет идею о том, что контроль над ресурсами со стороны последних является их правом. Таким образом, народ становится одновременно носителем и бенефициаром этого права, а государства выполняют лишь роль распорядителя в рамках, определенных национальным законодательством и международным правом, причем с условием строгого соблюдения общественных интересов.

Глобальное изменение климата остро стоит на повестке дня в XXI в. Чтобы противостоять этой угрозе, международное экологическое право регулирует систему климата и биоразнообразия посредством международных и региональных конвенций и договоров, имеющих обязательный характер. Глобальное потепление было определено основными международными документами, такими как Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата и Парижское соглашение, которые налагают на государства обязанность вносить определенный вклад на национальном уровне и усиливать меры по защите окружающей среды.

При анализе этих инструментов особого внимания удостоилась политика общей, но дифференцированной ответственности. Она накладывается на все государства, но выполняется ими по-разному в зависимости от возможностей, особенно финансовых, без ущерба для суверенитета государств [3; 4]. Конвенция о биологическом разнообразии (ст. 15) и Нагойский протокол к ней (ст.ст. 1, 5) расширяют данные обязательства. Принимая во внимание право государств на доступ к природным ресурсам, следует отметить, что эти документы обязывают страны распределять полученные из этого выгоды [9; 10].

Обязательство о совместном использовании выгод от естественных ресурсов и правила о регулировании трансграничного загрязнения повлекли за собой появление экстерриториального обязательства, которое заключается в том, чтобы не причинять экологического ущерба другим государствам или зонам общего пользования [11, с. 233]. Эта ответственность за трансграничную защиту создает новое требование к государствам: должную осмотрительность. Таким образом, это является превентивным механизмом, соответствующим следующей последовательности действий: экологическая оценка – уведомление – предварительная консультация [12, с. 123; 13, с. 8].

Эта коллективная ответственность, подтвержденная Рамочной конвенцией Организации Объединенных Наций об изменении климата и Парижским соглашением, ограничивает осуществление суверенной власти государствами. Так, государство юридически остается единственным обладателем этого суверенного права, но международные обязательства, связанные, например, с сокращением выбросов парниковых газов, а также глобальные цели прозрачности и технического и финансового сотрудничества доказывают, что суверенная деятельность государств не безгранична.

Несмотря на эти нормативные достижения, роль, которую государства играют в защите окружающей среды, остается решающей и основывается на

трансграничной или межгосударственной ответственности, причем коренные народы и местные общины рассматриваются в качестве бенефициаров или просто в качестве заинтересованных сторон. Подобное положение коренных народов как ответственных субъектов глобальной политики в области охраны окружающей среды оправдано тем фактом, что вопрос об осуществлении ими права на самоопределение как внутри страны, так и за ее пределами продолжает вызывать правовые дебаты.

Международные и региональные правовые документы четко определяют сферу применения принципа самоопределения народов. Коренные народы должны поддерживать свои собственные институты управления, которые включают в себя их обычное и письменное право, а также механизмы разрешения споров и арбитража, которые существуют не только де-факто, но и де-юре, что признано в ст.ст. 6 и 7 Конвенции МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [5].

Право коренных народов на внутреннее самоопределение занимает центральное место в Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 г. после сложных переговоров, начатых еще в 1980 г. Ст. 4 Декларации гласит: «Коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций» [14].

На международном уровне имплементация права народов на самоопределение оправдана тем фактом, что государство при осуществлении своей суверенной власти так или иначе принимает законы, дискриминирующие определенные слои населения в той или иной форме. То есть реализация права на внешнее самоопределение зависит от степени демократичности правительства и соблюдения основных прав коренных народов.

Антонио Кассезе и Ян Браунли утверждали, что самоопределение – это правовой принцип, получивший статус *jus cogens*, от которого государства не могут отступать. Императивный характер права на самоопределение способствует признанию коренных народов субъектами международного права, но не ставит их в один ряд с государствами. Это признание вызвало негодования со стороны государств, которые рассматривали это как лишение их суверенной власти и посягательство на территориальную целостность, а также прецеденты в судебной практике, где опасения были основаны на угрозе мировому порядку [15].

Наглядным примером является дело об Аландских островах. В этом деле Совет Лиги Наций не признал за подавляющим большинством населения Аландских островов права на отделение от Финляндии, поскольку это «разрушило бы стабильность внутри государств и установило бы анархию в международном порядке». Данный случай иллюстрирует сложность внешнего самоопределения в международном праве, которая заключается в согласовании государственного суверенитета с местными чаяниями при одновременном создании механизмов мирного разрешения конфликтов [16].

Вопросы ущемления прав коренных народов как субъектов, занимающихся защитой окружающей среды, прослеживаются в некоторых судебных решениях, касающихся добычи полезных ископаемых, углеводородов, древесины, которые определяют как политику государств по вопросам климата, так и ответственность населения, зависящего от экосистем. В деле племени сарамакка против Суринама прецедентное право Межамериканского суда по правам человека иллюстрирует эту напряженность. Суринам предоставил компаниям лесные и горнодобывающие предприятия на тех территориях, которые традиционно занимало племя сарамакка. Суд признал, что подобные действия со стороны государства без предварительной консультации с общиной нарушили права этого коренного народа на собственность и культурное наследие [17].

Данное судебное решение показывает, что государственный суверенитет над природными ресурсами не безграничен. Он всегда должен осуществляться на благо населения, а любому решению должны предшествовать консультации, которые могут оказать долгосрочное воздействие на территории и их устойчивость к изменению климата. Поэтому, чтобы противостоять этой напряженности, государство обязано создать механизмы участия и свободного, предварительного и осознанного согласия, о чем говорится в ст.ст. 6 и 16 Конвенции МОТ № 169 и ст.ст. 18, 19 и 32 Декларации ООН о правах коренных народов [5; 14].

Как видно из климатического контекста и из дела племени сарамакка против Суринама, исключение коренного населения из механизмов защиты окружающей среды усложняет сосуществование государственного суверенитета с принципом самоопределения народов. Если государство обладает абсолютной властью и единолично устанавливает механизмы защиты окружающей среды и экосистем, не привлекая к этому общественность в какой-либо роли, существует риск принятия иррациональных климатических решений и, следовательно, ухудшения и ослабления переводных систем управления. Именно поэтому крайне важно рассматривать обязательства по климату, вытекающие из международно-правовых документов, не только как технические и финансовые ограничения, которые ложатся на государства, но и как обязанности по проведению кон-

сультаций с населением и непосредственному вовлечению коренных народов в разработку стратегий по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий для эффективной защиты окружающей среды.

Чтобы избежать данной нестабильности, необходимо найти баланс между государственным суверенитетом и правом народов на самоопределение, который бы не ограничивался только теоретическими требованиями принципов. Гибридные механизмы, включенные в международные документы, касающиеся защиты окружающей среды, носят обязательный характер. Подобно национальному вкладу, вносящемуся в поддержание экологии, как предусмотрено в Парижском соглашении (ст.ст. 2–4, 8, 9), подобные инструменты регулирования окажутся высокоэффективны при условии, что коренные народы получат важную роль в разработке и эксплуатации природных ресурсов [4].

Такие международные инструменты, как Зеленый климатический фонд ООН, Инструмент гибкого добровольного взноса при ФАО ООН и Механизм чистого развития Киотского протокола, программа ООН-СВОД (*REDD+*), требуют, чтобы разработка и реализация этих программ проводились совместно с коренным населением, а их механизмы соответствовали определенным критериям и стандартам, основанным на социальной и экологической составляющей и предварительных консультациях с местными сообществами.

Эти гибридные системы координации позволяют сбалансировать центральную роль государства в управлении климатом и роль народов, основанную на их постоянной вовлеченности. Несмотря на то что государство остается основным действующим лицом, ответственным за осуществление своей национальной экологической политики, очевидна эффективность участия коренных народов в процессах принятия решений и в контроле с целью легитимизации этих государственных обязательств.

На доктринальном уровне несогласованность права на самоопределение и государственного суверенитета уравновешивается действенностью сопричастности обоих этих субъектов и общим суверенитетом. В этом смысле государство остается единственным международным субъектом, обладающим международной юрисдикцией в вопросах управления ресурсами. Упомянутый общий суверенитет опирается на Конвенцию МОТ № 169 (ст. ст. 6, 7) и Декларацию Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (ст.ст. 10, 19, 32), в которых право на самоопределение признается как неотъемлемое право коренных народов, которое они могут осуществлять для защиты и улучшения условий жизни на своей территории. Как видно из перечисленных примеров, баланс между субъектами достигается с помощью принципа свободного, предварительного и осознанного согласия, установленного в международных договорах. Это обязательство ложится на государства всякий раз, когда они намереваются принять решения, способные повлиять на земли коренных народов, их образ жизни или окружающую среду [5; 14].

Африканский суд по правам человека и народов (*CADHP*) вынес важные решения, касающиеся прав коренных народов, в частности по делу народа огиек в Кении. В этом деле суд установил соответствующие критерии для определения статуса коренных народов, такие как давность использования территории, культурная специфика, самоидентификация и процесс маргинализации. Суд признал нарушение права племени огиек на свободное распоряжение своими природными ресурсами, поскольку переселение с территории лишило их возможности использовать продукты питания, произведенные на их исконных землях. Африканский суд также установил нарушение их прав на экономическое, социальное и культурное развитие, поскольку Кения выселила представителей народа огиек без предварительного уведомления о соответствующих программах [18].

В постановлениях прослеживается важная роль, которую играет Африканский суд по правам человека и народов в защите прав коренных народов, особенно в области признания их уникальной культурной самобытности и в предоставлении им доступа к исконным землям и ресурсам. Африканская хартия также защищает коллективные права, включая право народов на самоопределение.

В связи со всеми вышеупомянутыми факторами необходимо проведение реформ для более инклюзивного управления ресурсами во благо экосистемы. Следующие предложенные нами реформы позволят воплотить международные принципы и механизмы в правовую и политическую реальность:

– **институционализация вовлеченности коренных народов**: государства должны уточнить роль и место коренных народов в национальных органах, отвечающих за климатическую политику (экологические комитеты, органы управления климатическим фондом, комитеты по мониторингу проектов ООН-СВОД и т. д.);

– **дополнение к Парижскому соглашению**, то есть расширение применения принципа свободного, предварительного и информированного согласия (*FPIC*). Следует рассматривать этот принцип как носящий обязательный характер.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что принцип неотъемлемого суверенитета над естественными ресурсами, закрепленный в резолюции 1803, гласит: государства при его осуществлении должны уделять первоочередное внимание благополучию своего населения. Международные договоры также не оставили соблюдение этого права народов на усмотрение государств. Так, Конвенция

МОТ № 169 и Декларация ООН о правах коренных народов зафиксировали принцип самоопределения народов в отношении их природных ресурсов. Связь между государственным суверенитетом над природными ресурсами и защитой окружающей среды, хотя и характеризуется напряженностью, открывает прагматичные пути примирения. Представленные гибридные инструменты регулирования демонстрируют, что признание ключевой роли коренных народов в механизмах защиты окружающей среды является не препятствием, а решением для сосуществования этих двух фундаментальных принципов международного права. Доктринальный подход к совместному суверенитету, закрепленный в международных договорах и в прецедентном праве, подтверждает, что суверенитет государств не является безусловным и должен согласовываться как с правом коренных народов на самоопределение и на ресурсы, так и с задачами, вытекающими из актуальной экологической ситуации.

Литература:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 // ООН. Документы. Нью-Йорк, 1967. С. 73–90.
2. Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1803 (XVII) от 14.12.1962 // Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. 1962. С. 55–57.
3. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата: принята 9 мая 1992 г. // United Nations Framework Convention on Climate Change. Рио-де-Жанейро: ООН, 1992. 32 с.
4. Парижское соглашение: принято 12 декабря 2015 г., вступило в силу 4 ноября 2016 г. // Организация Объединённых Наций. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 21.04.2026).
5. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах // Convention concerning Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries: принята 27 июня 1989 г.. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 23.04.2026).
6. Устав Организации Объединенных Наций: принят в Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров ООН. Нью-Йорк: ООН, 1945. С. 3–20.
7. Crawford J. The Rights of Peoples: “Peoples” or “Governments”? // Bulletin of the Australian Society of Legal Philosophy. 1985. Vol. 9. P. 136–147.
8. Cassese A. The self-determination of peoples // Henkin L. (ed.). The International Bill of Human Rights: The Covenant on Civil and Political Rights. New York, NY: Columbia University Press. 1981. P. 92–113.
9. Конвенция о биологическом разнообразии: принята 5 июня 1992 г., вступила в силу 29 декабря 1993 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 21.04.2026).
10. Нагойский протокол о доступе к генетическим ресурсам и справедливом и равноправном распределении выгод от их использования к Конвенции о биологическом разнообразии. Нагоя, 2010. URL: https://www.cbd.int/abs/doc/protocol/nagoya-protocol-ru.pdf (дата обращения: 21.04.2026).
11. Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния: принята 13 ноября 1979 г., вступила в силу 16 марта 1983 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/transboundary.pdf (дата обращения: 28.04.2026).
12. Американская конвенция о правах человека (Пакт Сан-Хосе): заключена в Сан-Хосе 22.11.1969 // Сборник договоров ООН. 1969. Т. 1144. С. 123–146.
13. Updated draft legally binding instrument to regulate, in international human rights law, the activities of transnational corporations and other business enterprises. Geneva : Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 2023. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/hrcouncil/igwg-transcorp/session9/igwg-9th-updated-draft-lbi-clean.pdf (дата обращения: 23.04.2026).
14. Декларация ООН о правах коренных народов: резолюция 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сент. 2007 г. // ООН. Документы. Нью-Йорк, 2008. С. 1–25.
15. Pereira R. Permanent sovereignty over natural resources in the 21st century: natural resource governance and the right to self-determination of indigenous peoples under international law // Melbourne Journal of International Law. 2013. Vol. 14. № 2. P. 285–320.
16. The Aaland Islands case // League of Nations Doc. B7/21/68/106 (1921). URL: https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup10/basicmats/aaland1.pdf (дата обращения: 23.04.2026).
17. Saramaka People v. Suriname: Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs, Judgment of 28 November 2007 // Inter-American Court of Human Rights. Series C. № 173.
18. African Commission on Human and Peoples’ Rights v. Kenya (Ogiek case) // African Court on Human and Peoples’ Rights. URL: https://www.ejiltalk.org/the-ogiek-case-of-the-african-court-on-human-and-peoples-rights-not-so-much-news-after-all/ (дата обращения: 20.04.2026).

Permanent Sovereignty over Natural Resources as a Fundamental Element of the Right to Self-Determination: Practical Aspect

Janvier Nduwimana
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

In the face of intensifying climate challenges, the relevance of studying the relationship between the right of peoples to self-determination and inalienable sovereignty over natural resources has become increasingly important. The aim of this study is to determine the balance between these principles in the context of the international environmental obligations of various states. To achieve this, the following tasks were set: an analysis of international legal norms, law enforcement practices, and the development of recommendations. The scientific significance of this work lies in rethinking the concept of sovereignty through the prism of inclusive governance, and the practical application of the results lies in the potential for their application in education and public environmental policy. The study found that the right of inalienable sovereignty does not justify the exclusion of indigenous peoples from decision-making processes. On the contrary, their participation enhances the effectiveness of climate governance. It was also concluded that integrating the right to self-determination strengthens the legitimacy of states. The scientific novelty of this article lies in its substantiation of a model of multi-level and inclusive natural resource governance that recognizes the key role of indigenous peoples and local communities in this process.

Keywords: state sovereignty, principle of permanent sovereignty, natural resources, self-determination of peoples, indigenous communities, environmental protection

УДК 347.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-241-245
© Ситдиков Р.Б., 2026

Доказывание факта и объёма нарушения патентных прав*

Ситдиков Руслан Борисович
Патентный поверенный РФ, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail:ruslan.sitdikov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1116-8031)

Актуальность темы статьи обусловлена недавним вступлением в силу Федерального закона от 07.07.2025 № 214-ФЗ, внёсшего некоторые изменения в правовое регулирование ответственности за нарушение интеллектуальных прав. Целью исследования является анализ правовой сути новых положений закона и их влияния на решение известных проблем доказывания факта и объёма нарушения исключительных патентных прав, которые уже давно подняты в юридической науке, а также с которыми часто сталкиваются юристы (как правило со стороны истцов) и судьи, рассматривающие патентные споры.

В результате проведённого исследования выявлено, что основными нововведениями в законодательстве стали: увеличение размера компенсации за нарушение патентных прав, взыскиваемой в твёрдой денежной сумме, и установление солидарного характера требований патентообладателя и лицензиата по исключительной лицензии. Данные изменения имеют важное практическое значение, поскольку повышают эффективность защиты прав патентообладателей и одновременно препятствуют возможным злоупотреблениям с их стороны в отношении ответчиков.

Ключевые слова: *патентные права, доказывание, компенсация, интеллектуальная собственность, защита прав, лицензирование*

Для цитирования: *Ситдиков Р.Б. Доказывание факта и объёма нарушения патентных прав // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 241–245. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-241-245.*

Вопросы защиты патентных прав всегда имели важное значение во всем мире в связи с бурным технологическим развитием, внедрением новых технологий в экономику и повседневную жизнь [1]. В условиях современных российских реалий для обеспечения технологического лидерства и экономического суверенитета необходима грамотная государственная политика в сфере патентного права. Важным звеном в этом является обеспечение надежной правовой защиты исключительных патентных прав разработчиков и правообладателей в случае их нарушения. В соответствии с п. 1 ст. 1406 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) споры, связанные с защитой патентных прав, рассматриваются судом.

При рассмотрении споров о защите исключительных интеллектуальных прав особое значение приобретает доказанность факта правонарушения. Это обусловлено тем, что в качестве меры ответ-

* ***Благодарности***. Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).

ственности за нарушение исключительных интеллектуальных прав, в том числе патентных прав, при доказанности правонарушения законодателем предусмотрена возможность применения специальной меры ответственности – взыскания денежной компенсации. Природа выплаты компенсации отличается от возмещения убытков и представляет собой вид гражданско-правовой ответственности, введенной законодателем с учетом трудности доказывания объема потерь от правонарушений в области защиты исключительных, в том числе и патентных прав.

Правовым основанием для применения указанной меры в соответствии с изменениями, внесенными в Гражданский кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», являются нормы п. 1 ст. 1252.1 ГК РФ, согласно которым в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом РФ для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, при нарушении исключительного права правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права. Возможность взыскания компенсации в случае нарушения патентных прав установлена ст. 1406.1 ГК РФ. Следует отметить, что возможность взыскания компенсации за нарушение исключительных прав была предусмотрена гражданским законодательством и ранее, однако регулировалась нормами п. 1 ст. 1252 ГК РФ. Особенность применения указанной меры заключается в том, что компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения, при этом автор или правообладатель освобождается от доказывания причиненных правонарушением убытков.

Анализ судебной практики показывает, что истцы по делам о нарушении интеллектуальных прав, в том числе патентных, широко пользуются предоставленной законодателем возможностью взыскания компенсации вместо возмещения убытков.

В то же время, несмотря на привлекательность применения такой меры ответственности, суды большое значение уделяют установлению факта нарушения патентных прав и его доказанности в соответствии с требованиями процессуального законодательства. Это наглядно видно, например, в Постановлениях Суда по интеллектуальным правам от 05.03.2025 № С01-111/2025 по делу № А34-8891/2021, от 26.08.2025 № С01-720/2025 по делу № А65-27168/2024.

Интересно, что понятие нарушения интеллектуальных прав в целом в части четвертой ГК РФ прямо не раскрывается. Нормативное определение нарушения исключительного права закреплено п. 1.1 ст. 1252 ГК РФ, в соответствии с которым нарушением исключительного права признается незаконное использование одного результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации каким-либо одним способом.

При этом использованием в патентном праве признаются действия, перечисленные в ст. 1358 ГК РФ, в частности: изготовление, применение, предложение о продаже, продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей продукта, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделия, в котором использован объект изобретения или промышленный образец. Очевидно, что не всегда легко подтвердить, что тот или иной продукт изготовлен с использованием запатентованного решения, особенно если таким решением является способ. В необходимых случаях судом может быть назначена экспертиза.

Стороны обязаны доказывать обстоятельства, на которые ссылаются. По делам о нарушении интеллектуальных прав, в том числе патентных, бремя доказывания факта нарушения лежит на стороне истца.

Какие же доказательства применяются на практике истцами в обоснование своих требований и признаются судом надлежащими?

В судах используются различные доказательства: свидетельские показания, экспертные заключения, чеки, накладные, договоры о поставке, видеосъемка и т.д.

В соответствии со ст. 55 ГПК РФ доказательствами в суде являются сведения о фактах на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Аналогичное определение содержится и в ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), в пункте втором которой перечисляются возможные виды доказательств. К ним относятся письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы. Как видим, перечень возможных доказательств не является исчерпывающим. В то же время к доказательствам предъявляется строгое требование допустимости, закрепленное в п. 3 ст. 64 АПК РФ и п. 2 ст. 55 ГПК РФ: не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда, то есть они должны быть допустимыми. По поводу допустимости некоторых доказательств возникают споры.

Так, согласно Постановлению Суда по интеллектуальным правам от 03.02.2022 № С01-2314/2021 по делу № А65-26139/2020 в качестве доказательства использования ответчиком дизайна светильников

был представлен протокол детектива с фотографиями, на которых видна модель спорных светильников и их количество в помещении, принадлежащем ответчику. При этом, как следует из материалов дела, доказательств обратного ответчиком представлено не было. При таких обстоятельствах суд посчитал факт неправомерного использования светильников доказанным.

В суде необходимо доказать факт приобретения экземпляра товара, изготовленного с нарушением прав патентообладателя. На практике этот факт должен подтверждаться кассовым или товарным чеком, однако это требование законодательства продавцами не всегда соблюдается. Возникает вопрос: будет ли в случае отсутствия товарного чека считаться договор заключенным и доказанным факт нарушения. Нередко для подтверждения договора купли-продажи используются показания так называемого частного детектива.

По мнению Р.И. Ситдиковой, отчеты частных детективов можно признать допустимыми доказательствами заключения договора розничной купли-продажи, схожими со свидетельскими показаниями, при условии соблюдения соответствующих требований процессуального законодательства, поскольку в ст. 493 ГК РФ указывается, что отсутствие у покупателя кассового и товарного чеков не лишает его возможности ссылаться на свидетельские показания в подтверждение заключения договора розничной купли-продажи и его условий [2]. Допустимость отчётов детективов подтверждается и судебной практикой, например, Постановлениями Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.09.2025 № 09АП-35715/2025 по делу № А40-234945/2024, от 17.12.2015 № 09АП-51998/2015-ГК по делу № А40-53708/2015.

Применение видеозаписи в процессе покупки также вызывает споры. Нормы ст.ст. 64 АПК РФ и 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) предусматривают возможность использования в судебном процессе в качестве доказательств аудио- и видеозаписей. Порядок их приобщения детально не регламентируется, однако, как следует из содержания названных статей, к ним применяется общее положение о том, что не допускается использование доказательств, полученных с нарушением требований федерального закона.

Как справедливо отмечает А.Т. Боннер аудио- и видеозаписи являются специфическим средством доказывания в гражданском и арбитражном процессах. С одной стороны, они обладают большей наглядностью, с другой стороны, при их использовании необходимо учитывать, что в процессе аудио- или видеозаписи не исключено случайное или умышленное искажение отображаемых событий, вплоть до полной их фальсификации [3].

В соответствии со ст. 77 АПК РФ лицо, представляющее аудио- и (или) видеозаписи на электронном или ином носителе либо ходатайствующее об их истребовании, обязано указать, когда, кем и в каких условиях осуществлялись записи. То есть для определения допустимости видеозаписи как доказательства в суде необходимо определить, каким образом была осуществлена эта видеозапись, а также оценить её соотносимость.

Оценивая возможность использования различных доказательств, думается, что следует руководствоваться рекомендациями, изложенными в Постановлении Федерального (на тот момент) арбитражного суда Поволжского округа от 13.12.2007 по делу № А65-3173/2007, о том, что «хотя аудиовидеозаписи, иные документы и материалы согласно п. 2 ст. 64 АПК РФ допускаются в качестве доказательств, однако, арбитражный суд оценивает достоверность каждого из доказательств в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности. Никакие доказательства не имеют для арбитражного суда заранее установленной силы».

Необходимо также учитывать, что должен быть установлен не только сам факт нарушения, но и также факт нарушения исключительных прав именно ответчиком.

Согласно п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», при рассмотрении дел о признании интеллектуальных прав подлежит применению законодательство, действовавшее на момент возникновения соответствующего права. Так, автор произведения определяется на основе законодательства, действовавшего на момент его создания; автор изобретения, полезной модели, промышленного образца или селекционного достижения – на основе законодательства, действовавшего на дату подачи заявки на выдачу соответствующего патента. На этот же момент учитывается и гражданство автора в случаях, когда это имеет значение для спорных правоотношений.

В случае если одно нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации совершено действиями нескольких лиц совместно, такие лица отвечают перед правообладателем солидарно.

Как уже было сказано выше, компенсация взыскивается в твердой денежной сумме. После внесения изменений в ГК РФ Федеральным законом от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» правила расчета компенсации систематизированы в п. 2 ст. 1252.1 ГК РФ. Компенсация может быть назначена в одном из следующих видов:

– в твёрдом размере;

– в размере, кратном стоимости контрафактных материальных носителей;

– в размере, кратном стоимости права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование таких результата или средства тем способом, который использовал нарушитель [4].

В случае нарушения патентных прав в соответствии со ст. 1406.1 ГК РФ компенсация может быть исчислена с помощью одного из следующих способов расчёта:

• в размере от 50 тыс. до 10 млн руб.;

• в размере двукратной стоимости права использования изобретения, полезной модели или промышленного образца, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование соответствующих изобретения, полезной модели, промышленного образца тем способом, который использовал нарушитель.

Схожий подход к определению видов компенсации за нарушение патентных прав используется и за рубежом, например в Китайской Народной Республике [5].

Вопрос взыскания компенсации за нарушение патентных прав, хоть и исследовался в юридической литературе, но не так часто [6; 7].

Как видим, для защиты исключительных патентных прав законодатель увеличил размер компенсации до 10 млн руб. В то же время компенсация не взыскивается в случае применения такого способа использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, который объективно необходим для применения другого способа использования и сам по себе не имеет самостоятельного экономического значения.

Правообладатель, обратившийся за защитой своего нарушенного права, может сам выбрать способ расчета компенсации. Однако окончательный размер компенсации определяется судом в зависимости от обстоятельств дела соразмерно объему и характеру нарушения, а также с учетом требований разумности и справедливости.

Суд в соответствии с последними изменениями (Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ) наделён правом взыскать компенсацию в твёрдой сумме, если выбранный правообладателем способ расчёта компенсации не применим к обстоятельствам нарушения исключительного права. В этом случае общий размер взыскиваемой компенсации определяется судом в пределах от однократной до двукратной стоимости контрафактных материальных носителей. Таким образом, подход к расчёту компенсации изменился: теперь он не привязан напрямую к количеству нарушений, как это было ранее. В ст. 1252.1 ГК РФ предусмотрены особые правила расчета компенсации в случаях, когда: в одном контрафактном материальном носителе незаконно использовано несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, если в контрафактном материальном носителе выражены результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, в отношении которых установлены различные пределы компенсации в твердом размере, и в других ситуациях, предусмотренных законом. Различные способы расчета компенсации могут быть заявлены правообладателем. Суд вправе, опираясь на нормы названной статьи с учетом обстоятельств дела и представленных доказательств окончательно установить размер компенсации. Полномочия суда в этом вопросе теперь значительно расширены. Эффективность введенных норм покажет правоприменительная практика, возможно, потребуются дополнительные разъяснения высших судебных органов и обобщение опыта.

В соответствии с диспозицией подп. 3 п. 1 ст. 1252 ГК РФ в новой редакции прямо указано, что выплата компенсации является альтернативой возмещению убытков, вызванных нарушением патентного права. Учитывая специфику защиты патентных прав, в отличие от иных видов исключительных прав, на практике нередко применяется и такой способ защиты как возмещение убытков.

По общему правилу за защитой исключительных прав, в том числе патентных, в суд может обратиться правообладатель или лицензиат по исключительной лицензии. Указанные лица могут выступать истцами в суде в защиту своих исключительных патентных прав, однако они должны подтвердить свои права соответствующими доказательствами. Ст. 1254 ГК РФ дополнена п. 2, который устанавливает, что требования такого правообладателя и лицензиата являются солидарными.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. По делам о защите интеллектуальных прав основными проблемами остаются доказывание факта и объёма нарушения патентных прав. Несмотря на развитие технологий и инструментов, правовое регулирование средств и способов доказывания этих фактов за последние десять лет существенно не изменилось.

2. Недавние изменения законодательства в сфере интеллектуальной собственности, внесённые Федеральным законом от 07.07.2025 № 214-ФЗ, касающиеся взыскания компенсации за нарушение интеллектуальных прав, распространяются и на нарушения патентных прав.

3. Суть вышеуказанных изменений сводится к тому, что:

• увеличен размер компенсации за нарушение патентных прав, взыскиваемой в твёрдой денежной сумме (с 5 млн до 10 млн руб.);

• требования патентообладателя и лицензиата по исключительной лицензии о нарушении патентных прав являются солидарными.

4. Данные изменения являются востребованными прежде всего для правообладателей, поскольку позволяют более успешно и эффективно защищать свои нарушенные патентные права, пресекать контрафактную продукцию, и тем самым способствовать развитию инноваций.

5. Солидарный характер требований патентообладателя и лицензиата позволит избежать неопределённости для ответчика в вопросе о том, перед кем нести ответственность, а также исключит риск двойного привлечения к ответственности за одно и то же правонарушение. Патентообладателю и лицензиату, в свою очередь, теперь необходимо более чётко определять в лицензионном договоре условия и взаимоотношения, касающиеся совместной защиты нарушенных прав.

Литература:

1. Абдуллин А.И., Шабаева И.А. Актуальные проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в условиях инновационного развития и модернизации РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 4. С. 282–285.
2. Ситдикова Р.И. О доказанности нарушения авторских и смежных прав // ИГ «Юрист». 2009. № 12. С. 49–55.
3. Бонер А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. 2008. № 3. С. 79–87.
4. Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2025. № 150.
5. Негуляев Г.А., Дарина О.Н. Патентная система КНР: ее развитие и особенности патентования изобретений и полезных моделей // Вестник ФИПС. 2025. № 2. С. 138–149.
6. Слесарев С. Взыскиваем компенсацию за нарушение патентных прав // Юридический справочник руководителя. 2021. № 5. С. 58–64.
7. Садыков Р.М. Гражданско-правовая защита патентных прав в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021. 187 с.

Proving the Fact And Extent Of Patent Infringement

Ruslan Borisovich Sitdikov
Patent attorney (RU),
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

The relevance of the topic of the article is due to the recent entry into force of Federal Law No. 214-FZ dated 07.07.2025, which introduced some changes to the legal regulation of liability for intellectual property infringement. The purpose of this study is to try to understand the legal essence of the new provisions of the law and how they can affect the solution of well-known problems of proving the fact and scope of infringement of exclusive patent rights, which has long been raised in legal science, as well as which lawyers (usually on the part of plaintiffs) and judges who consider patent disputes often face.

As a result of the conducted research, it was revealed that what is new in the above-mentioned legislative changes is an increase in the amount of compensation for patent infringement, which is collected in a fixed amount of money and the joint nature of the claims of the patent owner and the licensee under an exclusive license. These changes are of great practical importance, as they increase the effectiveness of protecting the rights of patent holders (plaintiffs) on the one hand, and allow them to avoid abuse of defendants.

Keywords: patent rights, proof, compensation, intellectual property, protection of rights, licensing

УДК 347.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-246-250
© Ткаченко Е.В., 2026

Железнодорожно-инфраструктурный договор как вспомогательный договор на транспорте

Ткаченко Елена Владимировна
Старший преподаватель кафедры гражданского и уголовного права Сибирского государственного университета путей сообщения
(630049, Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191; e-mail: tkachenko.e@mail.ru; SPIN-код: 6973-6466; AuthorID: 729357)

Вопросы железнодорожно-инфраструктурного договора как вспомогательного договора на транспорте не теряют своей актуальности и приобретают все большую значимость в условиях демонополизации железнодорожной отрасли. В настоящее время исследование железнодорожно-инфраструктурного договора является крайне актуальным в силу экономического развития железнодорожного транспорта, его дальнейшего правового регулирования и появления новых видов транспортных обязательств на железной дороге. Целью настоящего исследования является определение места железнодорожно-инфраструктурного договора среди вспомогательных обязательств и выявление его основных черт. Научная новизна исследования и настоящей статьи заключается в предложении основных черт, раскрывающих вспомогательный характер железнодорожно-инфраструктурного договора. Практическая значимость исследования определяется тем, что выводы, к которым пришел автор, могут быть применены при организации договорных отношений между владельцем инфраструктуры и независимым перевозчиком.

По результатам исследования в статье сделан вывод о том, что по железнодорожно-инфраструктурному договору оказывается определенная комплексная транспортная инфраструктурная услуга владельцем инфраструктуры на основании одобренного запроса независимому перевозчику в интересах пользователя услуг для обеспечения перевозочного процесса.

Ключевые слова: *железнодорожно-инфраструктурный договор, транспортно-вспомогательные обязательства, транспортная инфраструктурная услуга, основные обязательства, организационные обязательства*

Для цитирования: *Ткаченко Е.В. Железнодорожно-инфраструктурный договор как вспомогательный договор на транспорте // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 246–250. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-246-250.*

После реформирования железнодорожного транспорта в России стал активно развиваться рынок транспортных услуг, что способствовало появлению в транспортном законодательстве такой договорной конструкции, как договор об оказании услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования (далее железнодорожно-инфраструктурный договор).

Заявленная тема статьи актуальна тем, что на протяжении длительного времени в научных кругах ведется дискуссия [1; 2] по поводу понимания, характеристики вспомогательных обязательств,

а также разграничения их от имущественных и организационных договоров [3]. В основном их рассмотрение связано с определением места договора перевозки среди них. Кроме того, предлагается не заключать договоры, связанные с подачей и уборкой вагонов и эксплуатацией железнодорожных подъездных путей, а регулировать их договором по использованию инфраструктуры.

При этом в современной цивилистической науке недостаточно разработанными, но требующими глубокого осмысления и соответствующей проработки, являются следующие проблемные вопросы. Это вопросы, связанные с определением места железнодорожно-инфраструктурного договора среди вспомогательных обязательств. Кроме того, вопросы, связанные с выявлением и формированием основных черт, раскрывающих вспомогательный характер рассматриваемого договора.

В литературе под обязательствами в сфере транспорта понимают совокупность обязательств, включающих относительно самостоятельные типы договоров [1, с. 39]. В частности, к организационным обязательствам следует относить длительные договоры, договоры о централизованном завозе и вывозе грузов между организациями различных видов транспорта, чтобы совместно организовать работу и обеспечить перевозку грузов. Также узловые соглашения, определяющие порядок работы пунктов перевалки между железнодорожными станциями, портами. Экспедиционные договоры представлены такими договорами, как договор о погрузочно-разгрузочных работах, договор о централизованных расчетах, транспортная экспедиция.

Необходимо заметить, что в группу транспортных отдельно входят договоры на подачу и уборку вагонов, эксплуатацию железнодорожных подъездных путей, контрагентский или договор железнодорожного обслуживания. Например, в литературе [4, с. 15] В.Г. Баукин предлагает отказаться от традиционных договоров на подачу и уборку вагонов и на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей. Данные договоры объединяют в целом и перевозку, и эксплуатацию инфраструктуры. Они направлены на обеспечение процедуры транспортировки, например, грузов. Железнодорожные пути, устройства, иные сооружения должны предоставляться по договору использования инфраструктуры. Маневровые работы, в частности замена локомотива, отцепление вагонов должны предоставляться по договору железнодорожного обслуживания. Из анализа транспортного законодательства можно заключить, что большая часть договоров по оказанию транспортных услуг на железнодорожном транспорте направлена на обеспечение осуществления перевозок пассажиров, грузов, багажа, грузобагажа и доставке порожних грузовых вагонов.

Рассматривая железнодорожно-инфраструктурный договор, можно отметить: по нему владелец инфраструктуры оказывает транспортную инфраструктурную услугу независимому перевозчику, который, в свою очередь, производит оплату за данную услугу [5, с. 312]. Оказание такой услуги направлено на то, чтобы в дальнейшем обеспечить реализацию транспортного обязательства – в частности, заключение договора перевозки [6, с. 47–48].

Например, А.И. Хаснутдинов отмечает, что к транспортным следует относить все обязательства, которые опосредуют транспортную деятельность в любом её виде, несмотря на различия их экономических и юридических признаков [1, с. 40]. А.Н. Романович указывает, что обязательства, складывающиеся между транспортными организациями и субъектами, пользующимися их услугами в связи с перевозками, следует разделить на основные (непосредственно отражающие деятельность по грузовой перевозке) и вспомогательные (направленные на обеспечение их осуществления) [7, с. 46]. Исходя из такой классификации, железнодорожно-инфраструктурный договор – разновидность вспомогательного договора. Вспомогательные обязательственные правоотношения необходимы на начальном или конечном этапе процесса перевозки.

В.Г. Баукин определяет, что система транспортных отношений на железной дороге строится вокруг ядра, образуемого отношениями по перевозке [8, с. 16]. *F.Y. Beier* раскрывает эффект опыта применения транспортных контрактов, образующих определенный каркас [9, с. 73].

Транспортные отношения представляют собой сложное содержание, состоящее из комплекса взаимосвязанных между собой правоотношений, которые опосредуют разные стадии перевозочного процесса, образующего в совокупности систему правоотношений [10, с. 83]. Сам перевозочный процесс, по мнению А.Р. Муратовой, обладает организационным, правовым, техническим, технологическим и экономическим единством [11, с. 143]. М.А. Бажина определяет перевозочный процесс как совокупность взаимосвязанных организационных, технических, технологических операций, выполняемых его участниками при подготовке, осуществлении и завершении перевозок пассажиров, грузов, багажа и грузобагажа различными видами транспорта [12, с. 358].

Для выполнения основного обязательства сначала необходимо реализовать вспомогательное, поскольку в самом характере действий заложена необходимость выполнения определённого ряда дополнительных операций, организационно завершающих весь процесс доставки от пункта отправления до пункта назначения. Связь основного и вспомогательных обязательств носит характер взаимозависимости: нормальное возникновение и развитие

основного обязательства зависит от слаженного выполнения вспомогательных. Главной чертой для всех вспомогательных обязательств следует считать их функциональное назначение – выражение технологической зависимости от перевозки и наличие единой конечной цели с основным обязательством. В транспортно-вспомогательных обязательствах ключевой характер имеют действия, деятельность исполнителя, поскольку труд оказывается им в качестве деятельности. Транспортно-вспомогательные операции выступают этапами в становлении и развитии перевозочного обязательства [13, с. 23]. В юридической литературе понятие «вспомогательный» чаще применяют для характеристики подсобных, неосновных действий (операций), правоотношений или опосредующих их обязательств [13, с. 4].

Вспомогательные договоры, с точки зрения профессора А.И. Хаснутдинова, не следует считать «чисто» организационными, так как, например, в договоре на эксплуатацию подъездных путей приемосдаточные (выставочные) пути могут быть определены договором и за границами станции, чем вызвана необходимость включения в него условий о возмещении расходов по подаче подвижного состава на эти пути. В частности, Н.И. Клейн отмечала, что организационные функции характерны для любого договора, но преобладающими они являются в договорах, заключенных на длительный срок, а в остальных выполняют роль «связки» в имущественных отношениях [14, с. 72]. С.Ю. Морозов одной из функций транспортных организационных договоров выделяет функцию регуляции, т.е. способность договора создать взаимосвязанную деятельность контрагентов в будущих договорах на оказание транспортных услуг [15, с. 137]. К.К. Бурдин на примере договора между владельцами транспортных инфраструктур придает организационным договорам исключительно служебную роль, направленную во исполнение организуемого договора [16, с. 199]. И отмечает, что он направлен на ускорение перевозочного процесса и обеспечение его безопасности [17, с. 197], а также интересов перевозчика, пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей и грузовладельцев [16, с. 197].

Руководствуясь вышеизложенным, мы также полагаем, что вспомогательные и организационные договоры не следует отождествлять, в частности, они отличны по предмету, который, согласно абз. 2 п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса РФ [17], является существенным условием договора. Например, в договоре об организации перевозок, относящемся к организационным договорам, предметом является приобретение услуги по организации и осуществлению перевозки грузов и пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования. Сама перевозка на основании такой услуги еще не осуществляется, только идет подготовка к ней. В железнодорожно-инфраструктурном договоре предметом является оказание транспортной инфраструктурной возмездной услуги. Ее оказание осуществляется одновременно с перевозочным процессом.

Тесная взаимосвязь транспортно-вспомогательных обязательств с договором перевозки придают друг другу определенную целостность [13, с. 34]. В философской литературе свойство целостности рассматривается как непременное, важное качество системных объектов, подразделяемых на два типа: организационные и органичные системные образования [18, с. 37–38]. В совокупности они образуют конгломерат относительно самостоятельных обязательств. Тем самым мы приходим к выводу, что железнодорожно-инфраструктурный договор является вспомогательным / транспортно-вспомогательным по отношению к договору перевозки. А.И. Хаснутдинов в группу транспортных относит ряд вспомогательных договоров, т.к. в их предмет входят разные транспортные операции [13, с. 29–30]. По железнодорожно-инфраструктурному договору оказывается комплексная транспортная инфраструктурная услуга [19, с. 180–181], т.к. предоставляется как магистральный путь общего пользования для перевозки от станции отправления до станции назначения, так и диспетчерское управление движением поездов, кроме того, услуги по выставлению подвижного состава независимого перевозчика на железнодорожный путь и иные услуги. По мнению Р.О. Халфиной, под комплексом необходимо понимать не соединение, при котором теряются первоначальные свойства элементов, а такое сочетание элементов, при котором каждый из них сохраняет свои особенности и взаимодействует с другими [20, с. 253].

Можно заключить, что по железнодорожно-инфраструктурному договору инфраструктурное действие призвано обеспечить нормальное осуществление перевозочного процесса. Иными словами, инфраструктурный процесс создаёт необходимые условия для перевозки, а его цель едина с целью самого перевозочного процесса – доставить до пункта назначения пассажира, груз, багаж, грузобагаж или порожний грузовой вагон. При этом действительно допускается заключение договора перевозки порожних вагонов, который имеет особый предмет: порожний вагон рассматривается как технически сложное несамоходное транспортное средство [21, с. 89–90].

В железнодорожно-инфраструктурном договоре на первоначальной стадии инфраструктурного процесса можно выделить следующий ряд основных юридически значимых действий: 1) согласование технических и технологических возможностей осуществления перевозки с владельцами других инфраструктур; 2) прием и передача железнодорожного подвижного состава независимого перевозчика на железнодорожные пути общего пользования;

3) формирование поезда с использованием технических средств железнодорожных станций; 4) внесение оплаты за оказание услуг инфраструктуры; 5) оформление перевозочных документов (в частности, независимым перевозчиком – дорожной ведомости, владельцем инфраструктуры натурного листа поезда). На завершающей стадии инфраструктурного процесса, когда объект перевозки прибыл в пункт назначения, возникает необходимость совершения иных юридически значимых действий. В частности, одним из таких действий является перерасчёт стоимости оказанных услуг, исходя из фактически предоставленного объёма на основании дорожной ведомости и натурного листа поезда. Выполнение данных юридически значимых действий, которые обеспечивают перевозку, подчёркивает транспортно-вспомогательную функцию железнодорожно-инфраструктурного договора.

Подытоживая, отметим, что заключение железнодорожно-инфраструктурного договора обеспечивает в дальнейшем возникновение и исполнение договора перевозки. Незаключённый железнодорожно-инфраструктурный договор является показателем несостоявшейся перевозки между независимым перевозчиком и пользователем услуг железнодорожного транспорта. Также данный договор способствует организации промежуточного юридического факта, необходимого для заключения договора перевозки, – согласования заявки между пользователем услуг и перевозчиком [22, с. 66]. Рассматриваемое соглашение следует относить к вспомогательному.

Главные черты, раскрывающие вспомогательный характер железнодорожно-инфраструктурного договора, необходимо выделить следующие: 1) владелец инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования оказывает определённую транспортную инфраструктурную услугу независимому перевозчику в интересах пользователя услуг [23, с. 37]; 2) данная услуга предоставляется на основании поданного и одобренного владельцем инфраструктуры запроса независимого перевозчика; 3) в эксплуатацию предоставляется железнодорожная магистральная сеть, осуществляется диспетчерское управление перевозкой, проводятся манёвровые работы на промежуточных станциях; 4) транспортная инфраструктурная услуга оказывается с целью обеспечить перевозочный процесс.

Кроме того, мы полагаем, что транспортное и инфраструктурное обязательство следует относить как общее с частным.

Литература:

1. Красавчиков О.А. Организационные гражданско-правовые отношения // Антология уральской цивилистики 1925–1989: сб. статей. М.: Статут, 2001. 430 с.
2. Хаснутдинов А.И. Вспомогательные договоры на транспорте: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. Томск, 1995. 52 с.
3. Васева Н.В. Имущественные и организационные гражданско-правовые договоры // Гражданско-правовой договор и его функции. Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. О.А. Красавчиков. Свердловск: УрГУ, 1980. С. 53–69.
4. Баукин В.Г. Правовое регулирование деятельности железнодорожного транспорта: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. СПб., 2004. 45 с.
5. Ткаченко Е.В. Услуга инфраструктуры как объект гражданских прав // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2016. С. 312–313.
6. Ткаченко Е.В. Интересы перевозчика и пользователя услуг в железнодорожно-инфраструктурном договоре // Правовые проблемы укрепления российской государственности / Под ред. В.М. Лебедева, Г.Л. Осокиной, С.К. Соломина, В.С. Аракчеева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 46–48.
7. Романович А.Н. Транспортные правоотношения. Минск: Изд-во унив-кое, 1984. 126 с.
8. Баукин В.Г. Договор перевозки грузов в системе железнодорожного транспортного права: курс лекций. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. 102 с.
9. Beier F.Y. Transportation Contracts and the Experience Effect: A Frame work for Future Research // Yournal of Business Logistics. 1989. Vol. 10. P. 73.
10. Лопатина Н.Ф. Единая транспортная система. М.: Транспорт, 1988. 105 с.
11. Муратова А. Р. К вопросу о понятии перевозочного процесса // Труды института государства и права РАН. 2025. Т. 20. № 4. С. 137–158.
12. Бажина М.А. Понятийный аппарат транспортного права Российской Федерации: дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 426 с.
13. Хаснутдинов А.И. Вспомогательные договоры на транспорте. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 251 с.
14. Клейн Н.И. Организация договорно-хозяйственных связей. М.: Юрид. лит., 1976. 190 с.
15. Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров. М.: Норма, 2011. 352 с.
16. Бурдин К.К. Договоры между владельцами транспортных инфраструктур на железнодорожном транспорте при осуществлении грузовых перевозок // Теория и практика общественного развития. 2025. № 5. С. 196–202.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 1 августа 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
18. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. М.: «Мысль», 1970. 455 с.
19. Ткаченко Е. В. Оказание услуги в железнодорожно-инфраструктурном договоре // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2015. С. 180–181.
20. Халфина Р.О. Правовая система социализма. Понятие, структура, социальные связи. Т. 1. Гл. 8. М.: Юрид. лит-ра, 1986. 316 с.
21. Ананьева А.А. Очерк о юридических конструкциях в транспортном праве: монография. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2014. 113 с.
22. Ткаченко Е.В. Правовые аспекты железнодорожно-инфраструктурного договора // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XIII Междунар. конф. Т. 2. 15-17 ноября 2018 г. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. С. 63–69.
23. Ткаченко Е.В. Влияние независимого перевозчика на заключение железнодорожно-инфраструктурного договора // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 76 / Под ред. В.М. Лебедева, Г.Л. Осокиной, Е.С. Болтановой, Г.Г. Пашковой. Томск: Издат. Дом ТГУ, 2018. С. 36–38.

Railway Infrastructure Agreement as a Subsidiary Agreement on Transportation

Elena Vladimirovna Tkachenko
Siberian State University of Railway Transport (Novosibirsk, Russia)

The issues of the railway infrastructure contract as an auxiliary transport contract do not lose their relevance, and in fact, they become increasingly important in the context of the railway industry s democratization. Currently, research on the railway infrastructure contract is extremely relevant due to the economic development of railway transport and its further legal regulation, as well as the emergence of new types of transport obligations on the railway. The purpose of this study is to determine the place of the railway infrastructure contract among auxiliary obligations and to identify its main features. The scientific novelty of the research and this article lies in the proposal of the main features that reveal the auxiliary nature of the railway infrastructure contract. The practical significance of the study lies in the fact that the author s findings can be applied in the organization of contractual relations between the infrastructure owner and the independent carrier.

Based on the results of the study, the article concludes that a certain complex transport infrastructure service is provided by the infrastructure owner under a railway infrastructure contract, based on an approved request, to an independent carrier in the interests of the service user to ensure the transportation process.

Keywords: railway-infrastructure contract, transport and ancillary obligations, transport infrastructure service, basic obligations, organizational obligations

УДК 342.46
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-251-255
© Хабибуллин А.Р., 2026

Понятие и признаки конституционно-интерпретирующего правотворчества Конституционного Суда Российской Федерации: функциональный анализ

Хабибуллин Айдар Робертович
Аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: a_khabibullin@bk.ru)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с характеристикой конституционно-интерпретирующего правотворчества как особой разновидности участия Конституционного Суда Российской Федерации в правотворческой деятельности. Проведен анализ функций Конституционного Суда Российской Федерации, реализация которых определяет его становление. Для достижения целей исследования использовались общие и специальные методы исследования, позволившие в контексте соотношения категорий общего, особенного и единичного установить комплекс присущих ему признаков. Обращено внимание на тот факт, что характеристика конституционно-интерпретирующего правотворчества Конституционного Суда Российской Федерации включает в себя не только его специфические черты, но и общие признаки судебного правотворчества, особенные признаки конституционно-судебного правотворчества, свойственные и иным его разновидностям. Предложено авторское понятие конституционно-интерпретирующего правотворчества Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: *Конституционный Суд Российской Федерации, судебное правотворчество, конституционно-интерпретирующее правотворчество*

Для цитирования: *Хабибуллин А.Р. Понятие и признаки конституционно-интерпретирующего правотворчества Конституционного Суда Российской Федерации: функциональный анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 251–255. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-251-255.*

Несмотря на то что вопросы судебного правотворчества являются дискуссионными в юридической науке, институционализация судебного нормоконтроля в отношении актов правотворчества, отсутствие, как отмечает С.В. Васильев, нормы для издания правоприменительного акта [1, с. 87], либо принятие судебного решения, как указывает О.М. Зуев, на базе оценочных понятий, содержание которых не регламентировано в источниках права [2, с. 4], являются в совокупности с особыми юридическими свойствами судебных актов основаниями для признания за судебными органами: «права на судебное правотворчество» [3], права на «отменительное правотворчество» [4, с. 15] («негативное правотворчество» [5, с. 225]), права на «позитивное правотворчество» [5, с. 225] и пр.

Выделяется несколько подходов к формулированию понятия судебного правотворчества. В частности, по мнению М.В. Кучина, судебное правотворчество заключается в разработке судами в процессе своей деятельности норм права общего характера, которые становятся регулятором определенной группы общественных отношений [6, с. 8]. В свою очередь, Т.В. Иванова полагает, что судебное право-

творчество, допустимое в рамках основной функции судебных органов по осуществлению правосудия, предстает как создание, совершенствование (изменение, отмена) судебными органами норм права в определенных официально признаваемых формах [7]. Е.В. Семьянов считает, что сущность судебного правотворчества производна от юрисдикционной деятельности компетентных судебных органов, завершает процесс формирования права на основе анализа судебной практики, направлено на создание правовых норм, их дальнейшее совершенствование, изменение и отмену, а также оказывает воздействие на социальную жизнь [8, с. 11–12]. Исходя из вышеизложенного, собственная правовая регламентация с использованием правотворческих инструментов может ситуативно осуществляться всеми судами в процессе судебной деятельности как формы реализации судебной власти и средства защиты прав, а также законных интересов субъектов конкретных правоотношений на основе действующего законодательства и выработанной судебной практики.

Однако большинство авторов полагает, что субъектами судебного правотворчества выступают исключительно высшие органы судебной власти, которые осуществляют: а) выработку правоположений общего характера, легальное толкование подлежащих применению или примененных норм права при осуществлении судопроизводства в определенном его виде (конституционного, гражданского, арбитражного, административного, уголовного), а также по реализации права законодательной инициативы [9, с. 13]; б) выработку общих норм правового регулирования, толкование и конкретизацию норм и принципов права в процессе своей деятельности (в определенном виде судопроизводства) с закреплением этих результатов в судебном акте [10, с. 46]; в) деятельность, протекающую, как правило, в рамках юридической процедуры правосудия (динамический аспект), результатом которой является создание, изменение, толкование либо отмена правовых норм (статистический аспект), вследствие чего осуществляется правовое регулирование определенных общественных отношений [11, с. 6].

Как видно из вышеизложенного, одной из форм участия высших судебных органов в государственной правотворческой деятельности является толкование правовых норм (интерпретационная, правоинтерпретационная, интерпретационно-разъяснительная функция), выступающая, в частности, для Конституционного Суда Российской Федерации:

1) основной функцией (функцией-задачей), если речь идет об официальном толковании Конституции Российской Федерации, выступающим объективно необходимым видом деятельности Конституционного Суда, выражающим сущность, а также цели и задачи, стоящие перед конституционным правосудием, осуществляемой в случае возникновения неопределенности в понимании смысла и содержания конституционных норм применительно к вопросу, поставленному компетентными субъектами обращения, проводимой по особой процедуре и имеющей юридически обязательный характер для всех субъектов права в Российской Федерации;

2) вспомогательной функцией (функцией-операцией), если речь идет о казуальном толковании Конституции Российской Федерации и (или) установлении конституционно-правового смысла оспариваемого нормативного правового акта или отдельных его положений в результате оценки как их буквального смысла, так и смысла, придаваемого им официальным и иным толкованием, сложившейся правоприменительной практикой, а также с учетом их места в системе норм, являющейся объективно необходимым направлением деятельности Конституционного Суда, отражающей цели и задачи, поставленные перед конституционным правосудием, осуществляемой посредством законодательно предписанных процедур абстрактного, конкретного, предварительного и последующего конституционного контроля при проверке установленного круга источников позитивного права на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации;

3) вспомогательной функцией (функцией-операцией), когда речь идет об официальном разъяснении постановлений или заключений Конституционного Суда Российской Федерации, выступающей объективно необходимым видом его деятельности, выражающей сущность и назначение конституционного правосудия, даваемой по требующим дополнительного истолкования вопросам, осуществляемой по ходатайству стороны дела, а также иных уполномоченных органов и лиц, которым в соответствии с законом направлено соответствующее постановление или заключение, подлежащим применению в нормативном единстве с ними.

Конституционный Суд Российской Федерации, реализуя функцию конституционного толкования (официального, казуального), воздействует на конкретные виды, группы и стороны общественных отношений в определенных правовых формах, которые характеризуются тем, что прямо или опосредованно (отсутствие запрета) регулируются Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [12], решениями Конституционного Суда Российской Федерации, а также влекут за собой юридически значимые последствия для субъектов права. Одной из правовых форм реализации функции толкования верховным органом конституционного правосудия выступает конституционно-интерпретирующее правотворчество.

Вместе с тем вопрос о формах участия высшего органа конституционного правосудия в право-

творческой деятельности является дискуссионным. Так, И.Ю. Остапович полагает, что в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации просматриваются элементы «негативного» и «позитивного» законодателя [13, с. 104]. Дополнительно И.Ю. Остапович выделяет: временное установление правил поведения специализированным органом конституционного контроля и надзора до принятия закона (прямое (непосредственное) нормотворчество); отражение правила, выработанного Конституционным Судом, в принятом и вступившем в действие законе (косвенное (опосредованное) нормотворчество); партисипаторное нормотворчество [14, с. 112–114].

В.Б. Сычев разграничивает позитивное правотворчество, негативное правотворчество, корректирующее и интерпретационное виды правотворчества Конституционного Суда Российской Федерации [5, с. 228]. С.Б. Чередниченко классифицирует судебное правотворчество высших судов на первичное и вторичное, негативное и позитивное, а также исправительное, восполнительное и интерпретирующее [11, с. 11]. При этом В.Б. Сычев считает, что интерпретационное правотворчество органа конституционного правосудия заключается в уточнении исключительно правовых норм конституций [5, с. 227], а С.Б. Чередниченко допускает, что интерпретирующее правотворчество связано с толкованием положений законов. Представляется, что интерпретирующее правотворчество Конституционного Суда Российской Федерации заключается в уточнении смысла конституционных и иных правовых норм, выступающих предметом его рассмотрения.

Обращаясь к пониманию природы интерпретирующего правотворчества Конституционного Суда Российской Федерации (конституционно-интерпретирующего правотворчества), необходимо отметить, что ему присущи общие признаки судебного правотворчества, как-то: субъективно-объективный характер; причинно-следственные связи с деятельностью по осуществлению правосудия; причинно-следственные связи с процессуальной формой и формами судопроизводства; вторичность; зависимость от специфики рассматриваемого конкретного спора о праве; детерминированность дискреционными полномочиями органов судебной власти; обусловленность иерархией источников позитивного права; наличие внешних форм выражения судебных правил и пр.

В то же время судебное правотворчество Конституционного Суда Российской Федерации (конституционно-судебное правотворчество) предопределяет и другие черты конституционно-интерпретирующего правотворчества как его разновидности. К ним относятся: причинно-следственная связь со специализированным судебным конституционным контролем и надзором; обусловленность процессуальным порядком деятельности Конституционного Суда и формами конституционного судопроизводства; детерминированность контрольно-надзорным характером компетенции Суда, реализуемой в сфере правотворческой деятельности высших органов государственной власти (федеральной и региональной); обусловленность юридическими свойствами Конституции Российской Федерации как основного источника права, а также целями и задачами ее правовой охраны; собственные формы внешнего и внутреннего выражения судебных правил (акты толкования, нормативно-интерпретационные правовые позиции), вырабатываемые с помощью конституционно-интерпретационной технологии, и др.

В то же время конституционно-интерпретирующее правотворчество как форма участия Конституционного Суда РФ в нормотворческой деятельности обладает собственной спецификой, которая детерминируется интерпретационной деятельностью. В частности, результаты такого правотворчества носят объективный характер, поскольку отражают: 1) генетические взаимосвязи специализированного судебного конституционного контроля и надзора с интерпретационной деятельностью, обусловливающие формирование конституционно-интерпретационного компонента в процессе осуществления конституционного правосудия; 2) функциональные взаимосвязи контроля и надзора с интерпретационной деятельностью, обеспечивающие правомерную (официальную) интерпретацию норм Конституции РФ; 3) функциональные взаимосвязи, обусловливающие правомерную (официальную) интерпретацию итоговых решений (постановлений, заключений); 4) функциональные взаимосвязи при осуществлении специализированного конституционного правосудия, направленные на устранение дефектов или конкуренции в интерпретации норм Конституции иными субъектами правотворческой и правоприменительной деятельности; 5) функциональные взаимосвязи, обеспечивающие интеграцию конституционно-интерпретационного компонента в механизм преодоления юридических коллизий между конституционными и иными правовыми нормами на основе принципа прямого действия Конституции РФ, а также основанных на ее нормах правовых позиций Конституционного Суда РФ; 6) системные взаимосвязи актов официального толкования Конституции РФ с источниками позитивного права и правоприменительными актами; 7) системные взаимосвязи постановлений, определений и заключений Конституционного Суда РФ, а также содержащихся в них правовых позиций (как результатов конституционно-интерпретационной деятельности) с источниками позитивного права и правоприменительными актами; 8) связи взаимодействия специализированного судебного конституционного контроля и надзора с иными институтами публич-

ной власти при разъяснении своих постановлений и заключений и др.

Таким образом, ключевые признаки конституционно-интерпретирующего правотворчества Конституционного Суда Российской Федерации отражают диалектику общего и особенного в конкретном, где общее (признаки судебного правотворчества) и особенное (признаки конституционно-судебного правотворчества) выражают отдельные стороны этого целостного явления.

Само конституционно-интерпретирующее правотворчество выступает особой разновидностью судебного правотворчества, а также формой и видом конституционно-судебного правотворчества Конституционного Суда Российской Федерации. Оно может быть рассмотрено как объективный результат деятельности Конституционного Суда Российской Федерации по преобразованию рассматриваемых норм путем придания им в контексте системно взаимосвязанных конституционных принципов и норм, а также с помощью применяемых по собственному усмотрению в той или иной последовательности или сочетании способов и средств интерпретационной технологии, новых смысловых оттенков, которые, с одной стороны, исключают в дальнейшем возможность их неконституционного истолкования и неопределенность юридических последствий, а с другой – способствуют их содержательной модификации.

Таким образом, конституционно-интерпретирующее правотворчество Конституционного Суда Российской Федерации представляет собой обусловленную целями и задачами конституционного правосудия особую разновидность судебного правотворчества, осуществляемую в процессе официального толкования Конституции Российской Федерации, выявления конституционно-правового смысла проверяемых нормативных правовых актов, а также разъяснения собственных итоговых решений, выражающуюся в выработке обладающих общеобязательным значением нормативно-интерпретационных положений и правовых позиций, посредством которых обеспечивается разрешение юридических коллизий и верховенство Конституции Российской Федерации в системе действующего правового регулирования.

Литература:

1. Васильев С.В. О правотворческих полномочиях судебных органов // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2014 № 2. С. 84–90.
2. Зуев О.М. О роли суда в правотворческом процессе // Российский судья. 2007. № 12. С. 4–5.
3. Абросимова Е.Б. Суд в системе разделения властей: российская модель. Конституционно-теоретические аспекты: уч. пособие. М.: Проспект, 2002. 110 с.
4. Орлов А.В. Значение актов высших судебных органов Российской Федерации как судебных прецедентов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 40 (257). С. 15–17.
5. Сычев В.Б. Содержание и формы участия Конституционного Суда РФ в правотворчестве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2021. № 2. С. 223–231.
6. Кучин М.В. Судебное нормотворчество: концептуальные основы: монография. М.: Юрайт, 2019. 275 с.
7. Иванова Т.В. Правотворческие полномочия судебных органов: теоретический аспект // Правотворчество и правоприменение в современном обществе: материалы межд. науч. конф. студентов и аспирантов, Минск, 31 окт. – 1 нояб. 2008 г. Минск: Белорусский гос. ун-тет, 2009. С. 30–31.
8. Семьянов Е.В. Судебное правотворчество (вопросы общей теории права): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
9. Чунина М.С. Роль судебного нормотворчества в совершенствовании законодательного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 4 (137). С. 11–22.
10. Гук П.А. Судебное нормотворчество: теория и практика. Пенза: Информационно-издательский центр ПензГУ, 2009. 147 с.
11. Чередниченко С.П. Судебное правотворчество: сравнительно-правовое исследование: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.
12. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447
13. Остапович И.Ю. Особенности законотворческих полномочий Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4(41). С. 100–105.
14. Остапович И.Ю. Нормативность решений конституционного Суда Российской Федерации: методы ее рождения, объективные и субъективные границы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 112–122.

The Concept and Features of the Constitutional Court of the Russian Federation's Constitutional Interpretation: Functional Analysis

Aidar Robertovich Khabibullin
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

The article discusses issues related to the characteristics of constitutional interpretation lawmaking as a special type of participation by the Constitutional Court of the Russian Federation in lawmaking activities. The article analyzes the functions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the implementation of which determines its development. To achieve the research objectives, general and special research methods were used, which allowed the author to establish a set of inherent features in the context of the relationship between the categories of general, specific, and individual. Attention is drawn to the fact that the characteristics of the constitutional-interpretive law-making of the Constitutional Court of the Russian Federation include not only its specific features, but also the general features of judicial law-making, as well as the specific features of constitutional-judicial law-making that are characteristic of other types of law-making. The author proposes a concept of constitutional-interpretive law-making of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, judicial lawmaking, constitutional-interpreting lawmaking

УДК 342.553
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-256-259
© Хабибуллина Г.Р., 2026

К вопросу о содержании понятия правовой охраны устава муниципального образования

Хабибуллина Гульнара Рушановна
Доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: kons-kafedra@yandex.ru)

Статья посвящена выявлению основных доктринальных подходов к пониманию правовой охраны устава муниципального образования как одной из новейших теоретических конструкций науки муниципального права. Целью работы выступает гносеологический анализ данного понятия, исходя из системно-структурной, функционально-целевой, субстанциональной, инструментальной и интегративной методологии научного познания. Итогом проведенного исследования выступает комплексный анализ различных методологических подходов к изучению правовой охраны устава; выявлены сущностные характеристики правовой охраны устава муниципального образования, определены структурные элементы системы правовой охраны и сформулированы новые определения понятия «правовая охрана устава муниципального образования». Результаты работы могут быть использованы в научной, учебной и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: *устав муниципального образования, правовая охрана устава муниципального образования*

Для цитирования: *Хабибуллина Г.Р. К вопросу о содержании понятия правовой охраны устава муниципального образования // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 256–259. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-256-259.*

Правовая охрана конституции (федеральной, региональной) включается в понятийный ряд публично-правовых наук. При этом к основным методологическим направлениям, ориентированным на познание его сущности, относятся системно-структурный, функционально-целевой, субстанциональный, инструментальный и интегративный подходы. В частности, А.В. Безруков в контексте системно-структурного подхода полагает, что правовая охрана конституции представляет собой урегулированную конституционными нормами деятельность компетентных органов и должностных лиц, направленную на достижение строгого соблюдения режима конституционной законности, обеспечения соответствия конституции всех правовых актов [1, с. 47]. В рамках инструментального и функционального подходов правовая охрана конституции предстает как комплекс специальных юридических мер, призванных обеспечить надлежащую реализацию конституционных норм, утвердить (или восстановить в случае нарушения) режим конституционной законности [2, с. 89]. Субстанциональный подход в сочетании с инструментальным позволяет рассматривать правовую охрану конституции как систему правовых мер, установленных государством, направленных на обеспечение высшей юридической силы, верховенства и стабильности основного закона, а также неукоснительного выполнения кон-

ституционных норм [3, с. 6]. Использование иной методологии функционального анализа позволяет трактовать правовую охрану как обусловленный охранительной функцией конституции (устава) способ реализации конституционных (уставных) норм, предполагающий деятельность уполномоченных органов государственной власти по осуществлению мер конституционного (уставного) контроля и конституционно-правовой ответственности [4].

В то же время действующее законодательство, юридическая наука и практика создают теоретико-прикладные предпосылки для выводов, позволяющих отнести и уставы муниципальных образований к особым объектам правовой охраны. В частности, законодатель официально рассматривает уставы муниципальных образований в качестве обязательного элемента правовых основ местного самоуправления, а также разновидности нормативных актов, обладающих высшей юридической силой в системе муниципальных правовых актов, имеющих прямое действие и применяющихся на всей территории муниципального образования. Представители муниципально-правовой науки отмечают, что устав по своим юридическим характеристикам можно рассматривать в качестве своеобразной малой конституции на территории муниципального образования [5, с. 175], подчеркивая определенное родство актов конституционного правотворчества и уставов муниципальных образований [6, с. 37].

Вместе с тем характеристика юридической природы устава муниципального образования не исчерпывается признаками, непосредственно закрепленными в положениях ч. 2 ст. 52 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [7]. Среди иных особенностей юридической природы устава как официального юридического документа также отмечаются: правоустанавливающий характер [8, с. 8]; конституирующее значение для конкретного муниципального образования [9, с. 57]; всеобъемлющий характер [10, с. 26–28]; верховенство в иерархической системе муниципальных правовых актов [11, с. 33]; принадлежность к актам кодифицированного значения [12, с. 36]; учредительный характер [13, с. 74] и пр.

Таким образом, правовая охрана устава муниципального образования детерминируется теми юридическими свойствами, которые определяют его характер как основополагающего акта муниципального правотворчества, занимающего приоритетное положение среди иных муниципальных правовых актов.

Содержание правовой охраны устава муниципального образования может варьироваться в зависимости от научного подхода к его осмыслению. В частности, субстанциональность (сущность) правовой охраны устава муниципального образования обусловливается тем, что данный вид юридической деятельности предопределяется необходимостью обеспечить особые статусные черты устава, характеризующие его как самодостаточную субстанциональную форму, без которых невозможно его существование и дальнейшее развитие как самостоятельного муниципально-правового явления. Таким образом, с позиции субстанционального подхода правовая охрана устава муниципального образования выступает разновидностью юридической деятельности, направленной на сохранение его субстанциональных атрибутов, а также внутренних и внешних связей устава как в системе муниципальных правовых актов, так и в системе нормативных правовых актов, составляющих правовую основу местного самоуправления.

Значение субстанционального подхода выражается также в том, что он позволяет установить иерархию базовых и производных субстанциональных атрибутов устава муниципального образования. Среди сущностных свойств, определяющих его устойчивость и стабильность, а значит, и нуждаемость в обеспечении реализации и восстановлении в случае нарушения, следует выделить конституирующее значение устава. Данный признак является системообразующим, поскольку позволяет концентрировать в единую целостность совокупность юридических свойств, в том числе высшую юридическую силу в системе муниципальных правовых актов и прямое действие на территории муниципального образования. В этой связи Н.С. Бондарь подчеркивает, что уставы муниципальных образований относятся к актам конституирующего значения, поскольку принимаются представительным органом местного самоуправления при непосредственном участии местного населения, а также призваны придать фактически сложившимся отношениям самоорганизации населения юридический или нормативно-правовой характер [14]. В свою очередь, Т.П. Шкуратова, обосновывая верховенство устава муниципального образования, отмечает, что определенные общественные отношения на местном уровне требуют особой юридической формы выражения для обеспечения, с одной стороны, стабильности правового регулирования, а с другой – верховенства соответствующих нормативных положений над иными муниципальными правовыми актами [15, с. 29].

Системный подход, ориентированный на раскрытие целостности объекта и механизмов, ее обеспечивающих, а также на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину [16, с. 869], позволяет рассматривать правовую охрану устава муниципального образования как систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, взаимодействующих между собой для достижения общей цели.

С позиции системного подхода правовая охрана устава муниципального образования характеризу-

ется полиструктурностью, поскольку в ней выделяются следующие взаимосвязанные структуры: а) пространственная (федеральный, региональный, местный); б) организационная (органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления); в) временная (проект устава муниципального образования, устав муниципального образования, проект муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в устав муниципального образования).

В контексте системно-структурного подхода правовую охрану устава муниципального образования представляется возможным рассматривать как нормативно упорядоченную и иерархически организованную публичную деятельность компетентных органов и лиц, направленную на обеспечение соответствия уставу муниципального образования правовых актов представительного органа муниципального образования, правовых актов главы муниципального образования, правовых актов местной администрации, правовых актов иных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, предусмотренных уставом муниципального образования.

Итак, системообразующим фактором для формирования правовой охраны как структурно-целостного явления выступает устав муниципального образования, обладающий особыми юридическими качествами. Другим системообразующим фактором для правовой охраны устава муниципального образования выступает его полифункциональность, которую также можно рассматривать в качестве самостоятельного признака, отличающего его природу.

Среди основных функций устава, как правило, отмечаются охранительная, организационная, воспитательная, учредительная, юридическая и гарантирующая [17, с. 63–64]. При этом особенность охранительной функции устава выражается в том, что она призвана вытеснить социально вредные явления из муниципальной практики. Однако охранительная функция устава муниципального образования имеет различные направления правового воздействия, в том числе восстановительное, связанное с восстановлением действия нарушенных уставных норм. В таком ключе правовую охрану представляется возможным рассматривать как обусловленный охранительной функцией устава муниципального образования способ восстановления действия уставных норм, предполагающий деятельность компетентных органов и лиц, осуществляющих в пределах своей компетенции контроль (надзор) за соблюдением и исполнением органами и должностными лицами местного самоуправления устава муниципального образования при осуществлении ими своих полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, иных полномочий, а также реализации прав, закрепленных за ними в соответствии с уставом муниципального образования.

Наконец, инструментальный подход позволяет сфокусироваться на специальных юридических средствах, позволяющих обеспечить надлежащую правореализацию уставных норм на территории муниципального образования. Следовательно, в инструментальной плоскости правовая охрана устава муниципального образования предстает как совокупность юридических средств, призванных обеспечить стабильность и непрерывность процесса реализации уставных норм, а также восстановления их действия в случае нарушения.

Таким образом, с позиции разнообразных методов научного познания правовая охрана устава муниципального образования выступает как сложное муниципально-правовое понятие и явление.

Литература:

1. Безруков В.А. Конституционное право России: уч. пособие. М.: Юстицинформ, 2015. 155 с.
2. Коровинских Д.С. Правовая охрана Конституции Российской Федерации: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2005.195 с.
3. Болехивская А.Д. Правовая охрана Конституции Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 25 с.
4. Ишеков К.А. Правовая охрана как способ реализации конституционных (уставных) норм // Современное право. 2012. № 3. С. 47–49.
5. Правдин Д.Г. Устав как основополагающий документ муниципального образования // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 3. С. 173–181.
6. Малявкина Н.В. Уставы муниципальных образований: проблемы и перспективы правореализации // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 36–41.
7. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС Гарант.
8. Жалсанов Б.Ц. Устав муниципального образования в системе нормативных правовых актов: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2004. 23 с.
9. Шугрина Е.С. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 672 с.

10. Аминов И.Р., Рахматуллина Р.Ф. К вопросу о правовой природе устава муниципального образования // Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции: Сб. науч. трудов по итогам межд. науч.-практ. конф. Воронеж, 2014. С. 26–28.
11. Капустин И.В. Устав муниципального образования в системе муниципальных правовых актов: некоторые вопросы теории и практики // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 5. С. 31–33.
12. Малявкина Н.В. Уставы муниципальных образований: проблемы и перспективы правореализации // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 36–41.
13. Бабошин О.А. Юридическая природа устава муниципального образования // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 2 (27). С. 73–81.
14. Бондарь Н.С., Георгиева Т.П. Устав муниципального образования: нормативная модель, соотношение традиций и новаций // Местное право. 2024. № 5. С. 23–31.
15. Шкуратова Т.П. Понятие и признаки устава муниципального образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №25. С. 28–33.
16. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 1247 с.
17. Мухачев И.В., Адамоков Б.Б. Гарантирующая функция устава муниципального образования – основа социального гомеостазиса // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 1. С. 63–65.

On the Content of the Concept of Legal Protection of the Charter of a Municipal Formation

Gulnara Rushanovna Khabibullina
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

This article explores key doctrinal approaches to understanding the legal protection of a municipal charter as one of the newest theoretical constructs in municipal law. The aim of the work is an epistemological analysis of this concept, based on systemic-structural, functional-target, substantive, instrumental, and integrative methodologies of scientific inquiry. The result of this study is a comprehensive analysis of various methodological approaches to studying the legal protection of a charter. The essential characteristics of the legal protection of a municipal charter are identified, the structural elements of the legal protection system are defined, and new definitions of the concept of "legal protection of a municipal charter" are formulated. The results of this study can be used in research, education, and law enforcement.

Keywords: charter of a municipal formation, legal protection of the charter of a municipal formation

УДК 343.27
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-260-265
© Чепаров Р.Д., 2026

Основное место работы при отбывании осужденным исправительных работ

Чепаров Роман Дмитриевич
Аспирант юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: cheparov98@mail.ru;
ORCID: 0009-0009-7357-3831)

В статье проведено исследование проблем отбывания исправительных работ исключительно по основному месту работы осуждённого. Обозначена актуальная тенденция сокращения случаев назначения судами наказания в виде исправительных работ за совершение преступлений. Цель научного исследования - постановка теоретических и практических проблем, возникающих при регламентации и назначении исправительных работ исключительно по основному месту работы, а также поиск возможных путей их решения.

Теоретическая значимость научного исследования заключается в том, что его результаты, нашедшие отражение в выводах и предложениях, способствуют развитию науки уголовного права, а именно дополняют имеющиеся подходы к осмыслению вопросов правовой природы исправительных работ и правил их применения. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы: в законотворческом процессе при совершенствовании норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ; в учебном процессе образовательных организаций высшего и среднего звена.

Автором обоснована нецелесообразность использования формулировки «привлечение к наказанию в виде исправительных работ». Предложено исключить из санкций уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ назначение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью в сочетании с исправительными работами.

В рамках исследования проанализирован вопрос о номинальном характере воспитательной работы с осуждёнными к исправительным работам, однако в силу ряда причин указанная работа с осуждёнными практически не проводится. Отмечается, что основное место работы зачастую не способно оказать положительного влияния на достижение законодательно установленных целей наказания.

Ключевые слова: *наказание, исправительные работы, уголовно-исполнительная инспекция, основное место работы, удержания из заработной платы, дополнительный вид наказания, лишение права занимать определенные должности, вакантная должность, воспитательная работа*

Для цитирования: *Чепаров Р.Д. Основное место работы при отбывании осужденным исправительных работ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 260–265. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-260-265.*

Исходя из положений ст. 45 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), наказание в виде исправительных работ является наказанием, назначаемым лишь в качестве основного вида [1, с. 372]. Усложнение общественных отношений в современных социальных реалиях обусловливает необходимость совершенствования норм права, в том числе норм уголовного права, касающихся института наказаний. Возникновение споров по разграничению компетенции между органами государственной власти в сфере уголовно-исполнительной политики, а также затрудненность поиска места работы с привлечением органов местного самоуправления привели к формированию нового принципа отбывания наказания в виде исправительных работ – по основному месту работы. С 2026 г. исправительные работы назначаются только осужденным, имеющим основное место работы. К безработным осужденным в настоящее время могут применяться альтернативные исправительным работам виды наказания, к числу которых относятся обязательные работы, принудительные работы. Таким образом, актуальность исследуемой темы обусловлена тенденцией к сужению круга лиц, которым судом могут быть назначены исправительные работы, что закономерно ведет к сокращению практики применения рассматриваемого наказания в России. Цель научного исследования заключается в том, чтобы на основе системного анализа уголовных наказаний показать, насколько существенно принятые законодателем нововведения ограничивают правореализационные возможности наказания в виде исправительных работ и сдерживают его карательный потенциал.

Основное место работы в контексте исследуемого наказания предполагает трудовую занятость по месту официального трудоустройства работника, привлеченного к уголовной ответственности за совершение конкретного преступления соответствующей категории тяжести. Следовательно, неофициальное осуществление трудовой деятельности, то есть при отсутствии факта заключения трудового договора, означает отсутствие у такого лица основного места работы, в связи с чем назначение исправительных работ в данной ситуации не допускается. Проблема назначения исправительных работ возможна в том случае, когда после вступления приговора в законную силу, но до его исполнения, осужденный увольняется с основного места работы, но продолжает выполнять трудовую деятельность по внутреннему или внешнему совместительству. Согласно ст. 60.1 Трудового кодекса РФ, работник имеет право заключать трудовые договоры о выполнении в свободное от основной работы время другой регулярной оплачиваемой работы у того же работодателя (внутреннее совместительство) и (или) у другого работодателя (внешнее совместительство) [2, с. 112]. В таком случае осужденный обязан в течение 15 дней самостоятельно трудоустроиться любым законным способом, в том числе путем совершения всех необходимых действий для признания работы по совместительству основным местом работы. Если осужденный в течение 15 дней после увольнения или постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции (УИИ) не трудоустроится или не совершит регистрацию в органах службы занятости, он будет признан нарушителем порядка и условий отбывания исправительных работ, что прямо вытекает из императивных требований уголовно-исполнительного закона, за несоблюдение которых предусмотрена ответственность вплоть до замены исправительных работ более строгим видом наказания.

Употребление формулировки «привлечение осужденного к наказанию в виде исправительных работ» в настоящее время стало некорректным, поскольку осужденный уже осуществлял трудовую деятельность по основному месту работы до момента привлечения к уголовной ответственности.

В связи с тем, что исправительные работы отбываются лишь по основному месту работы важно подчеркнуть, что и удержания из заработной платы производятся только по основному месту работы, несмотря на наличие у осужденного другой оплачиваемой работы, включая работу по совместительству. Иной точки зрения придерживаются некоторые ученые. В частности, акцентируется внимание на противоречии ч. 2 ст. 44 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) и ч. 3 ст. 50 УК РФ. В первой юридической норме законодатель регламентирует положение о том, что удержания производятся ежемесячно из заработной платы по основному месту работы, во второй же ничего не указывается про основное место работы. Так, А.Д. Чернов признает данное расхождение в законодательстве существенным, поскольку осужденный, работая по совместительству, способен получать заработную плату в большем размере, чем по месту основной работы, в результате чего размер удержаний может быть значительно выше [3, с. 217–218]. Сторонником указанной позиции выступает и А.Л. Дзигарь [4, с. 62].

Не следует однозначно соглашаться с указанными взглядами, поскольку в условиях современной экономической обстановки, роста цен на многие товары, работы и услуги даже незначительные размеры удержаний из заработной платы по месту основной работы могут существенно повлиять на финансовое состояние осуждённых. Это связано с тем, что, помимо прочего, в бюджет государства поступают денежные средства в качестве уплаты налога на доходы физических лиц. При таком подходе также не учитывается наличие одного или нескольких возбуждённых исполнительных производств в отношении осуждённых, которым назначены исправительные работы.

И.В. Танага и И.А. Подройкина также критически оценивают концепцию учёта доходов осужденных, полученных по другим местам работы. Однако их аргументация существенно отличается. Они пишут, что законодатель установил удержания из заработной платы осуждённого только по основному месту работы с целью продемонстрировать, что исправительные работы применяются лишь за преступления небольшой и средней тяжести [5, с. 47].

Стоит заметить, что в качестве дополнительного вида наказания к исправительным работам может назначаться только лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью (далее – ЛПЗОД). По этому виду наказания осуждённый вправе заниматься любым оплачиваемым видом деятельности, за исключением того, который прямо запрещён по решению суда [6, с. 153]. ЛПЗОД ограничивает правомочие осуждённого на занятие определённого круга должностей, объединённых общими признаками, например должностей, сопряжённых с осуществлением властно-распорядительных полномочий в правоохранительных органах и полномочий представителей власти (помощники прокуроров, рядовые следователи, дознаватели, инспекторы, судебные приставы-исполнители и пр.), с руководством экономическими процессами в государственном или муниципальном органе, с руководством трудовым коллективом, выполнением хозяйственных функций, функций по движению товарно-материальных ценностей и др. По состоянию на сегодняшний день группы должностей ограничиваются исключительно сферой публичных органов, состоящих из лиц, проходящих в них государственную и муниципальную службу. Между тем ограничения, порождаемые рассматриваемым наказанием, распространяются не только на представителей власти и группу лиц, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия, но и на отдельные виды как профессиональной, так и непрофессиональной деятельности.

Сложность одновременного назначения наказания в виде исправительных работ совместно с ЛПЗОД в настоящее время усугубляется допустимостью суда назначать исправительные работы только после установления доказанности факта наличия у осужденного «*основного места работы*». До 20 января 2026 г. исправительные работы дозволялось назначать в том числе по месту работы, определенному органом местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией.

Ярким примером трудности единовременного применения исправительных работ и ЛПЗОД служит анализ ст. 290 УК РФ «Получение взятки». Субъектом этого состава преступления выступает должностное лицо, определение которого раскрывается в примечании к ст. 285 УК РФ, то есть это лицо постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия в соответствующих органах и организациях. Санкция ст. 290 УК РФ включает такие виды наказания, которые назначаются в сочетании друг с другом. Среди них: исправительные работы (от 1 года до 2 лет) и ЛПЗОД (до 3 лет). Подробный формально-юридический анализ санкции позволяет сделать вывод о том, что суд, назначая наказание в виде исправительных работ, за получение должностным лицом взятки, не просто имеет право назначить дополнительное наказание в виде ЛПЗОД, а обязан сделать это в силу конструкции санкции уголовно-правовой нормы с обязательной кумулятивной привязкой. При применении обоих видов наказаний прослеживается некоторое противоречие. С одной стороны, исправительные работы вынуждают осужденного трудиться в том месте, где он прежде работал, с другой – ЛПЗОД своими строгими запретами диктует осужденному требование об увольнении с должности, которую он занимал в момент, предшествующий привлечению к уголовной ответственности. Возникает дилемма: работник (государственный или муниципальный служащий) обязан трудиться по основному месту работы или должен быть уволен с должности, тем самым прекратив правовые отношения с работодателем по основному месту работы? Казалось бы, решение этой проблемы усматривается в оставлении осуждённого служащего по месту основной работы, однако на должности, которую ему не запрещено занимать. Однако предоставление такому осужденному лицу по основному месту работы вакантной ставки по другой должности на практике нередко оказывается невозможным. Здесь важно подчеркнуть, что вакантная должность не должна по своим характеристикам относиться к должности, связанной с прохождением государственной или муниципальной службы. Следовательно, при применении к государственному служащему федерального органа исполнительной власти исправительных работ и ЛПЗОД допустимо осуществить его перевод лишь на должность обслуживающего персонала (например, делопроизводители, к которым относятся секретари, архивариусы или иные должности, не требующие от «госслужащего» наличия квалификации в таких областях знаний, которыми он не владеет). Таким образом, на наш взгляд, ЛПЗОД не самое подходящее наказание, применяемое в дополнение к исправительным работам, поскольку указанные наказания в определенной мере взаимоисключают друг друга, особенно ввиду наличия лишь основного места работы. Более того, совершение государственным служащим любого уголовно наказуемого деяния и назначение ему любого вида уголовного наказания из числа пред-

усмотренных в УК РФ, включая исправительные работы, служит основанием для увольнения данного лица с должности государственной службы, в связи с чем в некоторых случаях применение ЛПЗОД является избыточной мерой.

Санкция ч. 1 ст. 290 УК РФ должна ограничиваться только исправительными работами, по отношению к остальным альтернативным лишению свободы видам наказаний (штраф и принудительные работы), перечисленным в санкции этой нормы, применение ЛПЗОД целесообразно.

На сегодняшний день проблема обязательного назначения ЛПЗОД в сочетании с исправительными работами способна решаться посредством применения правил ст. 64 УК РФ «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление». В обоснование нашего мнения приведем цитату Е.С. Крыловой. Она пишет, что неприменение обязательного дополнительного наказания возможно только при наличии условий, предусмотренных ст. 64 УК РФ [7, с. 50]. При отсутствии обстоятельства, смягчающего вину осужденного, или совокупности таких обстоятельств, суд по своему усмотрению будет учитывать рациональность совместного назначения данных наказаний при вынесении окончательного решения.

Еще одним проблемным аспектом выступает регламентированная УИК РФ организация воспитательной работы с осужденными силами УИИ. В соответствии со ст. 43 УИК РФ, на администрацию организации, в которой работает осужденный, также возлагаются конкретные обязанности, а именно: 1) оказание содействия УИИ при проведении воспитательной работы с осужденными; 2) уведомление уголовно-исполнительной инспекции о примененных к осужденному мерах поощрения и взыскания, об уклонении его от отбывания наказания. Понятие воспитательной работы, перечень входящих в нее мероприятий и периодичность их проведения не находят отражения в законодательстве России. Как пишет Д.А. Слабкая, методы воспитательного воздействия при отбывании исправительных работ должны включать следующие элементы: психологические консультации (помогают познать причины преступного поведения), образовательные программы (базовые курсы, профессиональная подготовка), трудовая деятельность (формирование у осужденных чувства полезности и причастности к социуму), культурно-массовые мероприятия [8, с. 265–266]. Однако на практике реализация подобных воспитательных мероприятий фактически не проводится. Основной функцией УИИ является постановка значительного количества осужденных на учет и направление копий приговоров суда в администрацию организации по месту их работы, что детерминирует высокую степень служебной нагрузки на одного инспектора УИИ, особенно в крупных и многонаселенных городах, поэтому обязанность проведения воспитательной работы, возложенная на УИИ, носит исключительно декларативный характер. Де-юре предполагается, что воспитательные мероприятия с осужденными проводятся в полном объеме, де-факто наблюдается их систематическое невыполнение. И.А. Янчук и С.А. Еремеев отмечают, что, помимо высокого уровня нагрузки на одного инспектора, трудность осуществления воспитательной работы обусловлена отсутствием постоянного контакта сотрудника УИИ с осужденными. Воспитательная работа может проводиться только при регистрации осужденного, при проверках по месту жительства и работы, а также зачастую ограничивается лишь профилактическими беседами [9, с. 290].

Более того, отбывание исправительных работ по основному месту работы характеризуется сниженной превентивной эффективностью, поскольку руководство организации может проявлять лояльность к осужденному, умышленно игнорируя факты неисполнения им предписанных трудовых обязанностей (документирование фиктивных результатов труда, сокрытие фактов девиантного поведения). Прежде, осуществляя трудовую деятельность в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с УИИ, безработный осужденный помещался в условия обновленного порядка и режима работы, под контроль и влияние другого руководства, адаптировался в новом трудовом коллективе, что оказывало существенное влияние на достижение цели его исправления.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что отбывание исправительных работ, особенно по основному месту работы, представляет собой «штраф, оплачиваемый по частям», поскольку воспитательная работа фактически не осуществляется, а трудовая деятельность по основному месту работы, по существу, ничем не отличается от нормальной трудовой деятельности законопослушного члена общества, за исключением одного лишь имущественного воздействия. Более того, вопрос отнесения наказания в виде исправительных работ к отдельной разновидности штрафа являлся дискуссионным даже в период возможности назначения исправительных работ осужденным, не имеющим основного места работы, следовательно, в настоящее время сделанный нами вывод не вызывает сомнений. При этом само наказание в виде штрафа, согласно положениям УК РФ и УИК РФ, также может быть исполнено с рассрочкой платежа на срок до пяти лет, что делает исправительные работы еще более тождественными штрафу. Воспитательная работа с осужденными хотя формально и регламентируется, однако ограничивается лишь устными беседами осужденных с инспекторами УИИ, на которых возложено немалое количество должностных обязанностей по постановке осужденных на учет и

проверке исполнения наказания. На наш взгляд, рекоменуется ввести в штат УИИ профессиональных психологов для регулярного осуществления плановых выездных консультаций в целях успешного формирования у осужденного правильных социальных установок и ценностей в процессе исполнения исправительных работ по основному месту работы, так как психологическая поддержка способна повысить эффективность воспитательных мероприятий. Однако реализация такого предложения требует значительных финансовых расходов и изменений в законодательстве. Лояльность и попустительство администрации организации, выступающей основным местом работы осужденного, не будет способствовать коррекции поведения осужденного и его социальной адаптации посредством поддержания трудовой дисциплины после отбытия установленного судом срока исправительных работ.

Из санкций уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ следует исключить совместное применение исправительных работ с обязательным назначением ЛПЗОД, поскольку на практике появляются трудности при их совместном исполнении, вновь учитывая основной характер работы осуждённого.

Литература:

1. Уголовное право. Общая часть: учеб. / Под ред. д-ра юрид- наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юрид- наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юрид-наук, проф. А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. 742 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.11.2024). М.: Эксмо, 2024. 320 с.
3. Чернов А.Д. Актуальные проблемы уголовного наказания: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2001. 386 с.
4. Дзигарь А.Л. Уголовные наказания: эволюция и перспективы: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 198 с.
5. Танага И.В., Подройкина И.А. Исправительные работы в уголовном праве: некоторые спорные вопросы // Общество и право. 2018. № 3(65). С. 44–49.
6. Комбаров Р.В. К вопросу об исполнении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Пенитенциарная наука: дискуссионные вопросы теории и практики: сб. науч. трудов проф.-препод. состава ВИПЭ ФСИН России: в 2 ч. Вологда Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 152–158.
7. Крылова Е.С. Перспективы применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью с учетом рекомендаций Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3 С. 46–51.
8. Слабкая Д.Н. Организация воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде исправительных и обязательных работ // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 10А. С. 262–268
9. Янчук И.А., Еремеев С.А. Отдельные проблемы осуществления воспитательной работы с осужденными к исправительным работам // Государственная служба и кадры. 2023. № 4. С. 289–291.

The Main Place of Work of the Convict During Correctional Labor

Roman Dmitrievich Cheparov
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

This article examines the issues surrounding the use of correctional labor only at a convicted person's primary place of employment. It highlights a current trend toward a reduction in the number of instances of courts imposing correctional labor for crimes. The purpose of this research is to identify the theoretical

and practical issues that arise when regulating and assigning correctional labor exclusively at a convicted person's primary place of employment, as well as possible solutions.

The theoretical significance of this research lies in the fact that its results, reflected in the conclusions and proposals, contribute to the development of criminal law, specifically by complementing existing approaches to understanding the legal nature of correctional labor and the rules for its application. The practical significance of this study lies in its potential use in legislative development for improving the criminal and penal legislation of the Russian Federation, as well as in the educational process at higher and secondary educational institutions.

The author substantiates the inappropriateness of using the term «punishment in the form of correctional labor». It is proposed to exclude the additional penalty of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities in combination with correctional labor from the sanctions of the criminal law provisions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The study analyzes the nominal nature of educational work with those sentenced to correctional labor; however, for a number of reasons, this work is rarely carried out with these convicts. It is also noted that the primary place of work is often unable to positively influence the achievement of the statutory punishment goals.

Keywords: punishment, correctional labor, criminal executive inspectorate, main place of work, deductions from wages, additional type of punishment, deprivation of the right to hold certain positions, vacant position, educational work

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-266-271
© Бурганова Л.А., Мягков Г.П., Юрьева О.В., 2026

От этики алгоритмов к академической честности: взгляд преподавателей вузов на вызовы генеративного искусственного интеллекта

Бурганова Лариса Агдасовна
Доктор социологических наук,
профессор кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: labourg@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-0942-2686, Scopus ID: 57194238454)

Мягков Герман Пантелеймонович[1]
Доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства
и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова
(420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; e-mail: gmyagkov@yandex.ru;
ORCID: 0000-0001-9752-0245; SPIN-код: 3917-5246; Author ID:391294)

Юрьева Оксана Владимировна
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: oksanavladi@mail.ru;
ORCID: 0000-0003-2946-3423; Scopus ID: 55984725900; SPIN-код: 2906-3295)

Актуальность обращения к исследованию вызовов и рисков использования генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) в высшем образовании связана с необходимостью отказа от технотцентричной парадигмы анализа этических аспектов функционирования самих моделей машинного обучения (алгоритмов), сводимых прежде всего к проблемам ответственности разработчиков программ, безопасности, конфиденциальности и надежности создаваемого контента, и перехода к антропоцентричной парадигме «академической честности», в центре которой этический аспект поведения самого человека, вовлеченного во взаимодействие с этими алгоритмами.

Цель статьи: осуществить анализ субъективной позиции ключевого агента высшего образования – преподавателей, их восприятия этических вызовов, связанных с использованием ГИИ.

Научная новизна данной статьи состоит в интерпретации этических рисков использования ГИИ в высшем образовании как институционально организованных и требующих применения системного подхода к управлению ими, а также в полученных результатах эмпирического исследо-

[1] профессор кафедры всеобщей и публичной истории Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18).

вания, которые подтвердили высокий уровень отрефлексированности преподавателями природы и причин этических рисков использования ГИИ в высшем образовании, важность осуществления единой защиты данных, соблюдения принципов академической честности, оставляя при этом пространство для педагогической свободы преподавателя в рамках этих стандартов.

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект, этические риски, институционально организованный риск, личностное знание, академическая честность, преподаватели, высшее образование, Э. Гидденс, М. Полани*

Для цитирования: *Бурганова Л.А., Мягков Г.П., Юрьева О.В. От этики алгоритмов к академической честности: взгляд преподавателей вузов на вызовы генеративного искусственного интеллекта // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 266–271. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-266-271.*

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) активно внедряется в высшее образование, посягая на традиционные парадигмы преподавания, интегрируясь в обучение и исследования, осуществляя автоматизацию административной работы. По существу, мы являемся свидетелями революционных изменений институциональной среды высшего образования, последствия которых отрефлексированы самими субъектами образовательного процесса неоднозначно [1], а именно: они порождают не только новые возможности, но и несут разнообразные риски и угрозы, связанные с использованием искусственного интеллекта.

Методология и методы исследования

В общем дискурсе, посвященном анализу использования ИИ в университетском образовании, значительное место занимает подход к восприятию данной проблемы с позиций концепта риск как синонима угрозы и опасности. С опорой на методологический подход Э. Гидденса мы можем утверждать, что растущая рефлексивность процессов, происходящих в высшем образовании под воздействием искусственного интеллекта, является одним из механизмов, позволяющих уменьшить его риски. «Понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего» [2, с. 109]. Э. Гидденс вскрывает функцию оценки риска: она становится способом колонизации сферы будущего. Риск затрагивает будущие события, поскольку соотносится с текущей деятельностью, и поэтому «колонизация будущего создает новые формы риска, причем некоторые из них институционально организованы» [2, с. 113]. Обратим внимание на указание Э. Гидденса об институционально организованных рисках. В нашем случае речь пойдет о рисках, проявляющихся в такой институциональной организации (среде), как система образования, которая состоит из различных институтов и организаций, реализующих программы дошкольного, среднего общего, среднего профессионального, высшего профессионального и дополнительного образования в условиях трансформационных процессов (социальных, экономических, политических, правовых). Институциональным равновесием будем считать такое состояние системы, при котором достигается относительно эффективная работа всех институтов. Риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании связаны в том числе и с опасностью нарушения институционального равновесия, выраженного, например, в несовпадении интересов и целей отдельных институтов и организаций, отставании отдельных институтов по срокам и темпам выполнения программ обучения работе с искусственным интеллектом и т.п. Следовательно, институционально-организованный характер данного типа риска требует выявления его последствий в каждом элементе системы. Кроме того, опасность институционализированных систем риска состоит в том, что ей подвержен практически каждый, независимо от того, является ли он членом этой системы или нет.

Обозначенная нами методологическая рамка исследования проблемы рисков использования ИИ в высшем образовании как институциональных высвечивает их специфику, а именно: они носят нелинейный характер (усиливаются или ослабевают), имеют динамику и тенденцию к видоизменению, являются неравномерно распределенными в системе, носят мультипликативный характер [3, с. 122]. Свойство мультипликативности рисков внедрения ИИ в высшее образование, на наш взгляд, способствует более широкому взгляду на их последствия в силу того, что они способны оказывать влияние не только на качество подготовки специалиста в системе высшего профессионального образования, они также затрагивают ключевые аспекты человеческого существования: экономику, политику, социальную сферу и этику.

Таким образом, опора на концепт институционализированных сред риска Э. Гидденса, с одной стороны, расширяет предметное поле исследования рисков использования искусственного интеллек-

та в высшем образовании, с другой – требует применения системного подхода, рассмотрения их как системных, требующих институциональных механизмов решения отрефлексированных проблем, а не только личной ответственности менеджеров.

В ограниченных рамках данной статьи будет сделан акцент на анализе этических рисков использования генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) в высшем образовании – проблеме, вызывающей повышенный интерес исследователей [4], поскольку, во-первых, актуализировался переход от техноцентричной парадигмы «этики алгоритмов» к антропоцентристской парадигме «академической честности», с позиций которой главный вызов системе образования заключается не в самом факте существования ГИИ, а в том, сумеют ли университеты создать этические и педагогические средства защиты от него, которые позволят использовать все его преимущества, не подвергая риску моральные ценности, лежащие в основе Миссии университетов [5].

Эмпирической основой статьи являются результаты анонимного интернет-анкетирования, проведенного нами в 2025 г.: «ИИ в высшем образовании: отношение преподавателей». Статья является продолжением исследования, начатого в предыдущей нашей публикации, посвященной отношению университетских преподавателей к использованию искусственного интеллекта [6]. Метод отбора – неслучайный, предполагающий отбор респондентов по заданным параметрам: по полу, возрасту, работе в системе высшего гуманитарного образования (бакалавриата и магистратуры), опыту использования ИИ в профессиональной деятельности. Всего опрошено 105 чел., среди них 71,7 % женщин, 28,3 % мужчин. Возрастной состав респондентов: от 41 до 45 лет – 39,6 %; от 31 до 40 лет – 15,1 %; от 51 до 60 лет – 15,1 %; до 30 лет – 13,2 %; от 61 до 70 лет – 9,4 %; старше 70 лет – 7,5 %. Должностные статусные характеристики опрошенных: профессоров – 17 %, доцентов – 62,3 %, старших преподавателей – 3,8 % и ассистентов – 3,8 %. Выборка отражает представленность преподавателей трех крупнейших вузов г. Казани: Казанский федеральный университет, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казанский национальный исследовательский технический университет. Анализ данных проводился с помощью описательных статистических методов.

Результаты и обсуждения

В рамках данной статьи сделан основной акцент на анализе следующих проблем: 1) Этика и защита данных. 2) Академическая честность. 3) Принципы внедрения генеративного ИИ в преподавание.

Опрос преподавателей выявил, что проблема использования в университетах генеративного искусственного интеллекта оценивается ими весьма неоднозначно и даже противоречиво. С одной стороны, отмечается энтузиазм в отношении новых возможностей: 73,4 % преподавателей с оптимизмом смотрят на перспективы будущей интеграции ГИИ во все этапы процесса обучения, с другой – сохраняются опасения по поводу этических и практических вызовов и рисков. На сегодняшний день половина педагогов (52,8 %) уже использует системы ГИИ, хотя надо признать, что количество используемых генеративных интеллектуальных систем пока ограничено, наиболее востребованными среди них являются чат-боты (52,8 %) и генераторы текстов (24,5 %).

Преподавательский корпус считает ГИИ способным в ближайшей перспективе стать хорошим помощником в обучении студентов, однако имеются опасения, что автоматизация может свести роль преподавателя к функции технического ассистента. Ослабление роли педагога, разрушение наставничества и личной, эмоциональной связи «учитель – ученик» – путь к дегуманизации обучения. Такова позиция 82,1 % опрошенных преподавателей.

Угрозу дегуманизации обучения преподаватели усматривают и в переходе на персонализированные ИИ-траектории, снижающие интенсивность групповой работы и живых дискуссий. Подавляющее большинство педагогов видят в этом проявление социальной изоляции – состояния, при котором человек испытывает недостаток социальных контактов и чувствует себя оторванным от общества (78,5 %). Она может негативно влиять на психическое и физическое здоровье, приводя к депрессии, тревожности, снижению когнитивных функций, проблемам с иммунитетом и другим последствиям.

В подтверждение данного тезиса актуализируем идеи автора феноменологической концепции «личностного знания» М. Полани, указывавшего, что любое знание субъекта содержит личностный компонент: познавательный акт всегда выполняется конкретным индивидом с неповторимым личностным опытом, с определенными установками сознания и неявными предпосылками осуществляемой им деятельности [7, с. 93]. Личностные знания, в свою очередь, подразделяются на явное и неявное знание. Явное знание («осознаваемое», «эксплицитное») может существовать в виде текста, научных теорий и других форм рационального мышления и передаваться безличными связями. Неявное знание («неосознаваемое», «имплицитное») существует в форме скрытых, нерационализированных представлений об окружающем мире. М. Полани видит его специфику в наличии особых социально-психологических отношений, возникающих в рамках научного или педагогического сообщества между учителем и учеником, которые передаются только путем личных контактов и обеспечивают сохранение традиций, существующих в том или ином виде профессионального сообщества [7, с. 131].

Среди угроз использования ГИИ в высшем образовании наибольшее беспокойство у преподавателей вызывают этические риски, связанные с нарушением академической честности при использовании ГИИ в ситуации отсутствия адекватной системы контроля знаний. Преподаватели характеризуют принципиальное отличие нового ИИ плагиата: он стирает грань между легитимной помощью и академическим мошенничеством. Мы оказались в новой реальности, в которой участились случаи академического мошенничества – так считают 69,2 % преподавателей; 56,8 % педагогов лично сталкивались с этим в своей практике. 67,9 % преподавателей считают невозможным дать объективную оценку знаний студентов на фоне использования общедоступных генеративных моделей ИИ. Это может привести к аннулированию работ и дисциплинарным взысканиям, если университет вводит строгий контроль.

Преподавателей беспокоит не только моральный аспект проблемы падения академических ценностей вследствие использования ГИИ (82,1 %), но и опасность атрофии критического мышления и способности самостоятельного анализа у студентов (72,4 % опрошенных). Значительная доля преподавателей (65,8 %) отмечают риск ухудшения реальных результатов обучения (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов преподавателей по вопросу: «Какие угрозы и вызовы несет в себе использование ГИИ в образовательном процессе в вузе?» (множественный выбор)

На этом фоне актуальной проблемой университетского сообщества является необходимость выработки принципов безопасного и этичного внедрения в преподавательский процесс генеративного искусственного интеллекта. Большинство опрошенных нами преподавателей (82,9 %) убеждены, что в основе этой политики должны лежать не запреты, а создание комплексной, этически обоснованной и педагогически выверенной единой для всей системы высшего профессионального образования политики управления рисками использования генеративного искусственного интеллекта (рис. 2).

Университетское сообщество считает, что минимизация рисков возможна не через запреты, а через структурную адаптацию самой вузовской среды. Большинство преподавателей предлагают начать этот процесс с *пересмотра методик оценивания*,

Рис. 2. Распределение ответов преподавателей по вопросу: «Какой подход к регулированию использования ГИИ в высшем профессиональном образовании вы считаете наиболее целесообразным?»

который должен включать отказ от прежнего типа заданий, носящих описательный характер (рефераты), и переход к самостоятельной работе в виде эссе, разработки проектов, устных дискуссий, дебатов и решения практических кейсов в аудитории (73,3 %) (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов преподавателей по вопросу: «Какое из следующих направлений реагирования на использование ГИИ в студенческих работах вы считаете приоритетным?»

Новая методика оценки работы студентов, полагают преподаватели, должна включать также переход с оценки результата на оценку процесса, то есть в основу оценки положить не подготовленный дома текст, а оценивать промежуточные этапы работы, логику обоснования студентами своих выводов (82,8 %).

По мнению преподавателей (общая доля поддержки – 84 %), необходимо проектировать задания для самостоятельной работы студентов, исключающие возможность бессмысленного использования ими ГИИ (см. рис. 4).

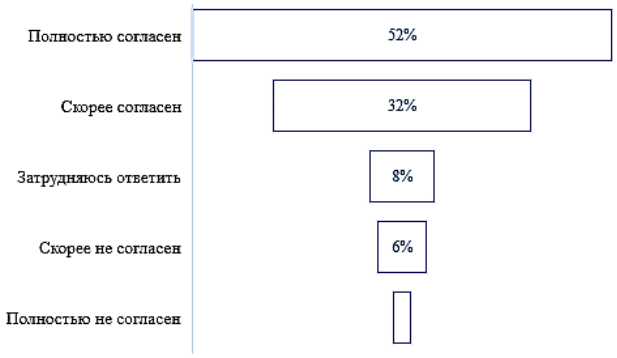

Рис. 4. Распределение ответов преподавателей по вопросу: «Считаете ли Вы необходимым изменение подходов к проектированию самостоятельной работы студентов с целью исключения возможности формального использования ГИИ?»

78,8 % преподавателей считают, что студенты должны понимать не только практические аспекты использования ГИИ, но и этические, социальные и академические аспекты его применения, включая вопросы авторства, приватности и достоверности. 73,4 % преподавателей заинтересованы в том, чтобы задания для студентов содержали материал, предполагающий не однозначную оценку, а ориентацию на анализ и критику.

Прежде всего, полагают преподаватели, нужно решить задачу с массовым повышением грамотности в области использования технологий генеративного искусственного интеллекта (ГИИ-грамотности). 91,0 % опрошенных полагают, что университеты должны системно подойти к развитию компетенций в области ИИ у всех участников процесса (преподавателей и студентов). 88,5 % педагогов уверены, что прежде всего они сами нуждаются в помощи в переосмыслении методических подходов к разработке новых типов заданий и этических аспектов использования ГИИ. Преподавателям требуется поддержка, чтобы чувствовать себя защищенными.

Заключение

Институционально организованный характер этического риска использования ГИИ в высшем профессиональном образовании предполагает переход от разрозненных локальных стандартов проектов использования ГИИ к общеинституциональным программам решения проблем управления рисками в данной сфере деятельности. Необходимо совершенствовать коммуникационные каналы, поддерживать постоянный обмен информацией между различными уровнями и подсистемами образования и объединение усилий по управлению ими. Важно осуществить единые стандарты прозрачности, защиты данных, авторского права и академической честности, оставляя при этом пространство для педагогической свободы преподавателя в рамках этих стандартов.

Литература:

1. An Y., Yu J.H., James S. Investigating the higher education institutions' guidelines and policies regarding the use of generative AI in teaching, learning, research, and administration // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2025. Vol. 22. Art. 10. https://doi.org/10.1186/s41239-025-00507-3.
2. Гидденс Э. Риск, судьба, безопасность // Thesis. 1994. Вып 5. С. 107–134.
3. Шайбакова Л.Ф., Молокова Е.Л. Теоретические подходы к определению понятия институционального риска системы высшего профессионального образования // Известия УрГЭУ. 2013. № 5. (49). С. 119–124.
4. Marín Y.R., Caro O.C., Rituay A.M.C. et al. Ethical Challenges Associated with the Use of Artificial Intelligence in University Education // Journal of Academic Ethics. 2025. Vol. 23. P. 2443–2467. https://doi.org/10.1007/s10805-025-09660-w
5. Бурганова Л.А., Мягков Г.П., Юрьева О.В. Университет 4.0: этические проблемы цифровизации высшего образования // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы. Материалы Всеросс. науч. конф. СПб., 2023. С. 781–783.
6. Бурганова Л.А., Мягков Г.П., Юрьева О.В. Отношение университетских преподавателей к искусственному интеллекту // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 220–225.
7. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: «Прогресс», 1985. 344 с.

From Algorithmic Ethics to Academic Honesty: University Educators' Perspectives on the Challenges of Generative Artificial Intelligence

Larisa Agdasovna Burganova[1], German Panteleimonovich Myagkov[1, 2], Oksana Vladimirovna Yurieva[1]
[1]Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia),
[2]Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Kazan, Russia)

The relevance of addressing the challenges and risks of using generative artificial intelligence (GAI) in higher education is linked to the necessity of moving away from a technocentric paradigm of analyzing the ethical aspects of the functioning of machine learning models themselves (algorithms), which are primarily reduced to issues of developer responsibility, security, confidentiality, and the reliability of the created content. Instead, it requires a transition to an anthropocentric paradigm of "academic honesty," at the center of which lies the ethical aspect of the behavior of the individual interacting with these algorithms.

Article Objective: To analyze the subjective position of a key agent in higher education – instructors – and their perception of ethical challenges associated with the use of Generative Artificial Intelligence (GAI).

Scientific Novelty: The scientific novelty of this article lies in the interpretation of ethical risks of GAI use in higher education as institutionally organized and requiring a systemic approach to their management, as well as in the empirical research findings. These findings confirmed a high level of instructor reflection on the nature and causes of ethical risks of GAI use in higher education, the importance of unified data protection, and adherence to academic integrity principles, while leaving room for instructors' pedagogical freedom within these standards.

Keywords: Generative Artificial Intelligence, ethical risks, institutionally organized risk, personal knowledge, academic integrity, instructors, higher education, A. Giddens, M. Polanyi

УДК 316.353
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-272-276
© Виноградова Ю.В., Витушкин А.В., 2026

Виды гражданской активности молодежи Республики Татарстан

Виноградова Юлия Владимировна
Директор департамента по молодежной политике, социальным вопросам и развитию системы физкультурно-спортивного воспитания Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: vinogradova.kazan@mail.ru; ORCID 0009-0009-6733-4957)

Витушкин Александр Валерьевич
Специалист по работе с молодежью департамента по молодежной политике, социальным вопросам и развитию системы физкультурно-спортивного воспитания Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: vitushkin1500@list.ru; ORCID 0009-0000-0142-4137)

Гражданская активность молодежи является важным элементом общественного развития, так как она способна нивелировать воздействие ригидности и затрагивать актуальные проблемы массового характера. Подобная деятельность может происходить как в цифровой, так и в офлайн-среде. Целью данного исследования является выявление актуальных форм гражданского активизма молодежи Республики Татарстан, а также изучение текущих проблем и запросов молодых людей, извлеченных из опроса (n = 1125), проведенного в рамках гранта «Приоритет – 2030». Результаты исследования могут быть использованы в рамках изучения специфики восприятия гражданского активизма и существующих тенденций в молодежной среде. Данная информация может быть полезна с точки зрения разработки молодежной политики, мониторинга общественного настроения и выявления деструктивных проявлений среди молодежи.

Ключевые слова: *молодежь, гражданская активность, волонтерство, виды гражданской активности*

Для цитирования: *Виноградова Ю.В., Витушкин А.В. Виды гражданской активности молодежи Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 272–276. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-272-276.*

Последние 20 лет интернет и цифровые технологии оказывают значительное влияние на формирование гражданской активности молодежи, которая является наиболее активным слоем населения. Согласно законодательству Российской Федерации, к молодежи относятся люди от 14 до 35 лет, хотя в практике других стран присутствует и иная периодизация.

Гражданская активность – это деятельность, которая направлена на реализацию социальных, экономических, экологических и иных проблем. Главным ориентиром становится улучшение жизни населения страны посредством политического и неполитического, а также индивидуального и группового видов. При этом важно заметить, что субъект может

принимать различные формы активности, становясь наблюдателем или прямым участником [1]. К тому же активность может иметь как конструктивный, так и деструктивный характер, граничащий не только с девиантным, но и делинквентным поведением.

В современном мире все большее распространение получает сетевой или цифровой активизм, представляющий собой гражданскую активность, в рамках которой используются компьютерные технологии и интернет с целью изменения или улучшения экономической, общественной, культурной конъюнктуры, а также для проявления гражданской позиции.

К подобным формам можно отнести постинг и репостинг контента, написание комментариев и статей, спонсирование посредством цифровых финансовых площадок и т.д. Д.С. Курзенкова полагает, что интернет-пространство дает молодежи инструментарий для политической и неполитической деятельности из любой точки мира, позволяет организовывать массы людей с целью проведения различных акций [2]. В связи с этим молодежь также может подвергаться суггестивному воздействию рекламы, радикальных источников информации, способных склонять людей к девиантному поведению [3, с. 53]. Но на данный момент Российская Федерация осуществляет переход к национальному программному обеспечению. Ведется активная работа в рамках перехода к отечественным социальным сетям («ВКонтакте» и «Одноклассники») и мессенджерам («*MAX*»), браузерам («*Opera*», «Яндекс»), средствам цифровой защиты, а также иным сервисам, предоставляющим широкий перечень услуг: такси, интернет-торговля, доставка, банкинг и т.д.

Благодаря стремительному развитию цифровых технологий для граждан различных стран мира становится возможным применять новые виды гражданской деятельности, например, в сети возможно собирать финансовые ресурсы с целью финансирования благотворительных проектов, а также объединять разрозненные группы людей, имеющие общие взгляды и цели, создавая сообщества [4, с. 152]. К тому же социальные сети и интернет в целом конструируют новые аксиологические нормы, имеющие иные правила по сравнению с физическим миром. Например, присутствует использование англицизмов и неологизмов в рамках переписки, определенный сетевой этикет, который порождает иную цифровую реальность. За последние 10 лет уже сформировалось поколение людей, которое социализировано сразу в цифровой среде и офлайн. При этом сочетание двух пространств порождает последовательность, при которой онлайн-активизм служит промежуточным звеном, позволяющим консолидировать людей с целью проведения акций, публичных выступлений, пикетов и т.д. уже в офлайн-пространстве [5, с. 156]. Видеохостинги, мессенджеры и социальные сети позволяют более оперативно освещать те или иные события, это приводит к эмотивным обсуждениям в сети, побуждающим людей к различным действиям, а также к увеличению активности в реальной жизни.

В 2025 г. был проведен массированный опрос среди казанской молодежи в возрасте от 16 до 35 лет (16–20 лет – 41,4 %; 21–25 лет – 30,3 %; 25–30 лет – 12,5 %; 31–35 лет – 15,8 %). Выборочная совокупность составила 1125 чел. (муж – 45,8 %; жен – 54,2 %). Исследование было выполнено при помощи количественного метода анализа в онлайн-формате: использовалась стандартизированная анкета, включающая 42 вопроса закрытого и шкального типа, а также с множественным вариантом выбора. Они были сгруппированы в блоки, каждый из которых имел различную тематику. Обработка данных была осуществлена на базе описательной статистики и двумерного анализа, который включал в себя расчет частот, перекрестных таблиц и процентных долей.

Целью являлось выявление восприятия и практик гражданского активизма молодежи. Акцент был сделан на значимых формах гражданского участия, а также мотивационных факторах. Результаты опроса позволили выявить виды гражданского активизма молодежи в сетевой и офлайн-среде, а также отобразить актуальные социальные проблемы и возможные пути их решения.

В рамках опроса было выявлено, что студенческая молодежь в большей степени относится нейтрально к проявлению своей гражданской позиции (иногда – 38,3 %), а более активные и склоняющиеся к отсутствию какой-либо деятельности представлены в относительно равном соотношении (часто – 17,8 %; крайне редко – 18,3 %).

Предпочтительным способом проявления гражданской позиции является личное взаимодействие (38,4 %) по сравнению с обсуждением в компании близких и друзей в социальных сетях. 34,4 % респондентов считают, что это относится к личной сфере жизни человека. Важно заметить, что лишь 13,2 % опрошенных проявляют гражданскую позицию в социальных сетях. Это может быть связано с централизацией и национализацией социальных сетей и деанонимизацией пользователей в интернете. Молодежь не склонна к форсированию разговоров о гражданском активизме. Среди наиболее предпочтительных форм проявления гражданской позиции являются участие в выборах (12,5 %) и волонтерство (15,6 %) (см. табл. 1). К тому же студентов волнуют вопросы, связанные с местом их проживания (13,5 %), что занимает второе место по значимости в рамках видов деятельности, направленных на проявление гражданской позиции. В рамках исследования в целом имеется высокий показатель заинтересованности граждан именно в обустройстве инфраструктуры их города, села или

Таблица 1

Виды деятельности, которые можно отнести к проявлению активной гражданской позиции, по мнению студентов

Вид деятельности	%
Волонтерство	15,6
Участие в выборах	12,5
Создание различных петиций	8,0
Привлечение внимания к проблемам города/села/деревни	13,5
Участие в общественных слушаниях	7,4
Уборка дворов	9,2
Создание сообществ по интересам	6,6
Участие в профсоюзах	7,8
Участие в воркшопах, акциях, флешмобах	7,0
Мониторинг местных новостей	5,6
Участие в патриотических кружках	6,7
Всего	100

деревни, а также информационной освещенности данных вопросов.

Важно подчеркнуть, что активными гражданами считают себя лишь 16,7 % опрошенных, остальная часть респондентов склоняется к нейтральной позиции. Это может быть связано с отсутствием практической выгоды или же с недостаточностью времени. При этом важно заметить, что респонденты делают акцент на наличии возможностей в рамках проявления гражданской активности (скорее да, чем нет – 48,4 %; 16,7 % – имеют возможность в полной мере). Например, 44,7 % респондентов получают новости о гражданском активизме, но не ищут их самостоятельно, что говорит о высоком уровне информационной освещенности. Лишь 17,7 % не хотят и не получают информацию об активизме. При этом 36,7 % занимаются волонтерством в том или ином виде.

Важно отметить, что опрошенные считают волонтерские организации доступными для граждан (открыты в полной мере – 29,7 %; скорее открыты – 47,4 %), при этом в их окружении лишь небольшая часть вовлечена в подобную активность. Можно предположить, что это связано с отсутствием моментальной материальной выгоды, что по большей части мотивирует молодежь к более активной деятельности. Заметим, что не все учитывают возможность обретения полезных связей, что является драйвером карьерного роста. Молодое поколение склонно к получению незамедлительного результата, что может привести к упущениям в долгосрочной перспективе. Вполне вероятно, что для молодежи в рамках исследуемого временного промежутка материальные ценности, а также то, что может привести к их приобретению, интересуют в большей степени, хотя и проявление гражданской активности, несущей в большинстве случаев безвозмездный характер, для них отмечается значимым и актуальным.

Респонденты считают, что наибольшую значимость в рамках проявления гражданской позиции имеет участие в выборах (37,1 %), а затем участие в различных активностях (флешмобах, воркшопах и акциях – 19,8 %) и создание тематических групп (16,5 %). Причем хотели бы создавать сообщества по интересам 43,4 % (см. табл. 2). Меньше всего студентов привлекает создание петиций и участие в патриотических кружках. Это может быть связано со спецификой молодого поколения, которое в большей степени предпочитает пассивное наблюдение. В силу усилившейся цифровизации гражданам в целом приходится меньше принимать активное участие в реальной жизни, когда интернет-пространство растет усиленными темпами, предлагая постоянно расширяющийся перечень деятельности, включая досуг, потребление товаров и услуг. Цифровая среда уже на данном этапе своего развития занимает значимый процент занятости индивида. Уже сложно представить взаимодействие в реальности без предварительного/параллельного общения в сети и т.д.

Студенческая молодежь придерживается нейтральной позиции относительно проявления гражданской позиции, предпочитает делать это посредством голосования на выборах, а также путем обсуждения с ограниченным кругом лиц: с близкими друзьями и семьей. К тому же важно учитывать фактор неполного понимания гражданской и политической активности: их отличительных признаков и целей. В связи с тем, что для молодежи это могут быть тождественные понятия, имеется тенденция приватизации подобной деятельности, причем не только в интернете в силу усилившейся централизации информации, но и в офлайн-пространстве. Часть респондентов указывает на то, что у них отсутствует желание навязывать свою точку

Таблица 2

Ответ на вопрос: «Чем вы хотели бы заниматься из вышеперечисленного?», %

Вид деятельности	Занимаюсь	Хотел бы заниматься	Точно не хотел бы заниматься/не занимаюсь
Участие в выборах	37,1	34,7	28,2
Создание различных петиций	10,9	34,4	54,7
Создание сообществ по интересам	16,5	43,4	40,1
Участие в патриотических кружках	12,0	31,4	56,6
Участие в воркшопах, акциях, флешмобах	19,8	39,5	40,7

зрения, потому что они придерживаются принципа «уважения личных границ другого человека». В дополнение к этому подобные обсуждения могут становиться причиной конфликтов, которых молодое поколение старается избегать.

По мнению респондентов, в Республике Татарстан высокий уровень развития волонтерской деятельности (да, в полной мере – 24,8 %; скорее да, чем нет – 45,5 %). При этом важно заметить, что 41,9 % считают, что активные граждане сталкиваются с различными проблемами, а 41,5 % затрудняются ответить. Среди основных проблем, которые выделили опрошенные, можно обозначить: низкий уровень финансирования (14,5 %), отсутствие гражданской позиции, внимания к окружающим, безразличие (12,7 %), нехватка времени (10,6 %) и общественное недоверие (10,4 %). Это может быть связано с высоким уровнем неопределенности, вызванной значимыми социально-политическими событиями. Причем присутствует высокая доля уверенности, что данные проблемы можно решить (да, возможно – 28,2 %; скорее да, чем нет – 44,7 %).

Гражданская активность у молодежи проявляется в различных формах. У нее есть возможность принимать участие в выборах, организовывать акции и митинги, образовательные, культурные и иные мероприятия. Причем этим можно заниматься как в офлайн-, так и онлайн-пространстве. В рамках практической реализации важно продвижение патриотических кружков в СМИ, стимуляция внимания к созданию сообществ культурной, интеллектуальной, экологической и другой направленности.

Среди опрошенных имеется довольно развернутое понимание гражданской активности, а также форм ее проявления. Они осознают значимость голосования на выборах, участия в жизни своего города и Республики Татарстан. Но при этом присутствует переход в сторону более приватного обсуждения гражданской позиции в кругу семьи либо с близкими друзьями. Молодежь заинтересована в гражданской активности, причем часть из них в той или иной степени уже вовлечена в данный процесс. Респонденты считают, что причиной, по которой часть людей не желает заниматься волонтерством, является отсутствие личной выгоды и временные издержки.

С целью минимизации деструктивных проявлений важно стимулировать деятельность гражданского общества, это позволит повысить уровень социальной уверенности, а также улучшит жизнь граждан. Это можно осуществить посредством повышения внимания к волонтерской деятельности через увеличение бюджетов федеральных и региональных программ, популяризации активизма у лидеров общественного мнения – влиятельных блогеров, актеров и музыкантов. Чтобы повлиять на молодежь, необходимо использовать их систему знаков и язык общения посредством популярных образов. Это один из способов, каким образом можно повысить их внимание к гражданской активности.

Литература:

1. Hashagen S. Models of Community Engagement. Glasgow: Scottish Community Development Centre, 2002. 12 p.
2. Курзенков Д.С. Развитие молодежного политического активизма в информационном обществе // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сб. науч. трудов / Под общей ред. С.Ю. Рафалюк. Вып. XI. М.: Московский пед. гос. ун-тет, 2020. С. 30–35.
3. Ефлова М.Ю., Виноградова Ю.В., Витушкин А.В. Ценности молодежи в условиях цифровизации: поколенческий анализ // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 6(57). С. 52–56. DOI: 10.26907/2079-5912.2022.6.52-56.
4. Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 2. С. 149–165. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.
5. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. https://doi.org/10.14515/ monitoring.2019.5.01.
6. Бродовская Е.В., Пырма Р.В., Домбровская А.Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10(6). С. 39–48. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-39-48.
7. Логинова Л.В., Щебланова В.В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. 2019. № 2. С. 98–108. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.9.
8. Генеалогия морали / Фридрих Ницше; пер. с нем. В.А. Вейнштока; под ред. В.В. Битнера. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 224 с.

Forms of Civic Activism Among Young People in the Republic of Tatarstan

Julia Vladimirovna Vinogradova, Alexander Valerievich Vitushkin
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

Civic activism among young people is an important element of social development, as it can counteract the effects of rigidity and address pressing issues of a mass nature. Such activities can take place both in the digital and offline environments. The aim of this study is to identify current forms of civic activism among young people in the Republic of Tatarstan, as well as to address the current problems and demands of young people, as revealed by a survey (n = 1125) conducted as part of the «Priority - 2030» grant. The results of the study can be used to examine the specifics of the perception of civic activism and existing trends among young people. This information can be useful in terms of developing youth policy, monitoring public sentiment, and identifying destructive behavior among young people.

Keywords: youth, civic activism, volunteering, forms of civic activism

УДК 316.422
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-277-286
© Дерюгин П.П., Милецкий В.П., Малинина Т.Б., Симтиков Ж.К., 2026

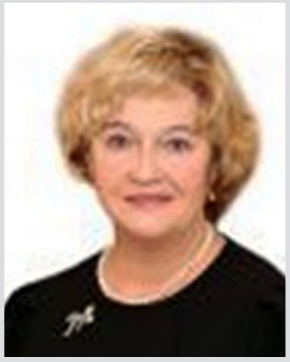
Когнитивные модели осознания социальных последствий алгоритмического разрыва*

Дерюгин Павел Петрович[1]
Доктор социологических наук,
профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии
Санкт-Петербургского государственного университета
(199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9; e-mail: deriuginpav@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-5380-8498; SPIN-код: 7816-6709; AuthorID: 645838; ScopusID: 57205375761)

Милецкий Владимир Петрович
Доктор политических наук, профессор кафедры социологии политических и социальных процессов, профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
(197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5Ф; e-mail: falesm@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-8938-4631; SPIN-код: 2756-6273; AuthorID: 182690)

Малинина Татьяна Борисовна
Доктор социологических наук, профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии
Санкт-Петербургского государственного университета
(199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9; e-mail: t.malinina@spbu.ru;
ORCID: 0000-0003-2420-1993; SPIN-код: 9738-9055; Researcher ID: N-2460-2013;
Scopus ID: 57108797000; Author ID: 525551)

Симтиков Жомарт Кудайбергенович
Доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и социально-философских дисциплин Казахского национального педагогического университета им. Абая
(050010, Республика Казахстан, Алматы, пр. Достык, 13; e-mail: zhomart-67@mail.ru;
ORCID: 0000-0003-0770-488X)

Сформирована концептуальная позиция о когнитивных моделях осознания последствий алгоритмического разрыва. Основу концепции составили три группы теорий, включающие идеи о дополненной современности (Д.В. Иванов), об алгоритмическом разрыве как четвертом уровне циф-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (№ 24-28-01448).

[1] профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5Ф).

рового разрыва (Т.С. Мартыненко, Д.Е. Добринская), об академической идентичности, как факторе осознания цифровизации (В.Е. Драч, Ю.В. Торкунова). Сформулированы определения четырех типов когнитивных моделей осознания последствий алгоритмизации: социотехнического проникновения; асимметричная социоцентричная; асимметричная техноцентричная; отчужденного алгоритмического сознания. Характеристики моделей когнитивного осознания последствий алгоритмизации конкретизированы по результатам эмпирического исследования ИТ-специалистов, журналистов, социологов. Предложены основные направления работы по преодолению разрыва в осознании последствий алгоритмизации в работе со специалистами различных профилей подготовки.

Ключевые слова: *когнитивные модели, угрозы алгоритмизации, механизмы и технологии алгоритмизации, социальные последствия*

Для цитирования: *Дерюгин П.П., Милецкий В.П., Малинина Т.Б., Симтиков Ж.К. Когнитивные модели осознания социальных последствий алгоритмического разрыва // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 277–286. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-277-286.*

Экспансия алгоритмических технологий в общественные институты приобрела характер глобального социального процесса, интегрируясь в повседневные практики миллионов людей. Согласно данным *Microsoft AI Economy Institute*, к 2025 г. каждый шестой житель планеты оказался вовлечен в алгоритмическую среду, что свидетельствует о переходе технологий ИИ из разряда инноваций в категорию обыденных практик [1].

Алгоритмизация сопровождается усилением неравенства, которое в разных социальных группах осознается по-разному. Особенно заметен разрыв в понимании роли алгоритмов между возрастными когортами как проявление цифрового неравенства первого уровня. В молодежной среде разрыв осознается неоднозначно, как множество когнитивных моделей. В особенности такое разнообразие характерно между будущими разработчиками – ИТ-специалистами – и потребителями алгоритмов. Анализ особенностей восприятия последствий алгоритмизации между студентами различных специальностей позволяет спрогнозировать перспективы алгоритмического неравенства на неравенство социальное.

Проблема исследования складывается как ключевое противоречие двух тенденций. С одной стороны, студенческая молодежь активно использует алгоритмы (трудоустройство, кредиты, соцподдержка). С другой – у студентов различных профилей подготовки наблюдается масштабирование «пузырей фильтрации» по профессиональным компетенциям и разноуровневая алгоритмическая грамотность, проявляющаяся как неодинаковая способность идентифицировать социальные риски алгоритмизации и готовность влиять на регулирование алгоритмических систем. ***Гипотеза исследования*** предполагала, что академическая идентичность и профессиональная ориентация студентов влияют на их способность критически оценивать социальные последствия алгоритмического разрыва. Это влияние отражается в различных когнитивных моделях осознания алгоритмизации.

Объектом исследования выступают студенты, обучающиеся по различным профилям подготовки: информационные технологии (будущие разработчики цифровых систем), социология (исследователи социальных структур и процессов) и журналистика (специалисты по медиации знаний и работе с информацией). ***Предметом исследования*** является типологизация когнитивных моделей восприятия рисков алгоритмизации в зависимости от профиля образовательной подготовки. ***Цель данной статьи*** – выявление, систематизация и проведение сравнительного анализа разрыва когнитивных моделей понимания социальных последствий алгоритмического неравенства среди студентов как отражение специфики содержания различных образовательных направлений.

Методика эмпирической части исследования. В основу эмпирической части исследования положена методология смешанных методов (mixed methods), которая была применена для контент-анализа эссе на тему «Алгоритмическое неравенство: социально-экономические последствия и актуальные вызовы». Методический инструментарий предполагал перевод текстовой информации в количественные показатели. Исследование охватило 311 эссе (88 % генеральной совокупности студентов, обучающихся по заявленным профилям в университетах Санкт-Петербурга). Такой охват обеспечивает высокую степень репрезентативности. Исследование проведено в 2026 г. Квантификация полученных текстов позволила выявить ключевые тематические паттерны и смысловые доминанты, а последующая экспертная оценка – валидность и надежность интерпретации полученных данных. Основные инди-

каторы анализа включали отношение к алгоритмизации, структуры и статусы, где наиболее проявились последствия алгоритмизации, сферы применения алгоритмов, механизмы и технологии алгоритмизации, угрозы, которые несут с собой алгоритмы. ***Главное ограничение*** исследования заключается в том, что изучалось отражение неравенства в сознании студенчества, а не само алгоритмическое неравенство как объективный факт.

Методологическая основа настоящего исследования синтезирует три группы теорий. Во-первых, это *теории дополненной современности*, где алгоритмы изучаются как активный фактор социальности (сверхинтенсивное использование алгоритмов в глобальных сетях, где поствиртуализация возвращает к реальности, обогащенной цифровым опытом). Социальная реальность становится алгоритмичной, более интенсивной и смешанной, что и определяет сущность дополненной современности [2; 3]. Во-вторых, *исследования алгоритмического неравенства как четвертого уровня цифрового разрыва*. В данном контексте эффекты алгоритмизации следует анализировать с учетом их потенциальных негативных последствий, особенно в аспекте усиления неравенства возможностей и снижения социально значимых результатов [4]. В-третьих, группа теорий, где *цифровая турбулентность и вызовы исследуются как фактор академической идентичности*. Доступ к инструментам ИИ и способность их критически осмыслить распределены неравномерно, что воспроизводит социальное неравенство через разный уровень алгоритмической грамотности. В свою очередь создается основа для различий в восприятии алгоритмической несправедливости [5–7].

Операционализация факторов включенности в цифровое пространство и осознание алгоритмического неравенства: позитивный (адаптивный) сценарий («включенность») выражается в запуске стратегии «алгоритмического хакинга» – целенаправленных действий по изучению и подстройке под требования алгоритмов; негативный сценарий проявляется как цифровой фатализм, чувство беспомощности или отчуждение от платформ. Осознание алгоритмического неравенства – когнитивный процесс, в ходе которого индивид формирует представления об алгоритмах, управлении цифровыми платформами (поисковиками, социальными сетями, маркетплейсами) и понимание того, что они функционируют не как нейтральные посредники, а как иерархизирующие механизмы. Эти механизмы могут создавать асимметрию возможностей, предопределяя неравный доступ к видимости (охватам), информации, экономическим благам и социальному капиталу в зависимости от моделей осознания социальных последствий и технологий алгоритмизации [8; 9]. Идеальные модели когнитивного осознания последствий алгоритмического неравенства формируются как пересечение дихотомических осей: осведомлённость – неосведомленность о социальных последствиях алгоритмизации, включенность в алгоритмы – отчуждение от алгоритмов (см. рис. 1).

Конкретизация характеристик моделей фиксируется в результатах проведённого эмпирического пилотажного исследования.

Результат 1. *Когнитивные модели отражают осознание алгоритмизации по трем ключевым параметрам. Во-первых, это отношение и оценка роли алгоритмизации (негативное, нейтральное, позитивное, отсутствие понимания). Во-вторых, это взаимосвязь алгоритмизации со вторым уровнем цифрового разрыва, включающем механизмы и технологии алгоритмов искусственного интеллекта, а также с третьим уровнем, охватывающим сферы и аспекты применения алгоритмизации. В-третьих, это конкретные социальные последствия применения алгоритмов искусственного интеллекта.* Результаты сведены в таблицу 1.

Самой устойчивой характеристикой отношения и оценки роли алгоритмизации фиксируется как негативный контекст: 92 % у ИТ-специалистов (*переход от случайной и разрозненной человеческой предвзятости к систематизированной, масштабируемой и неоспоримой машинной дискриминации, которая закрепляет историческую несправедливость под маской технологического прогресса*); 68 % – журналисты (*нечестное преимущество*); 93 % – социологи (*алгоритмизация ведёт к поляризации общества*). Нейтральное отношение составили небольшое количество ответов (всего 7 респондентов): сейчас к алгоритмам чаще обращаются с вопросами, то они, будучи недетерминированными, могут выдать как правильный, так и неправильный ответ. Позитивные последствия алгоритмизации (12 эссе): потенциально позитивный характер *(в теории хороший алгоритм должен работать на пользу общества; алгоритмы упрощают жизнь; создают социальные лифты; электронные очере-*

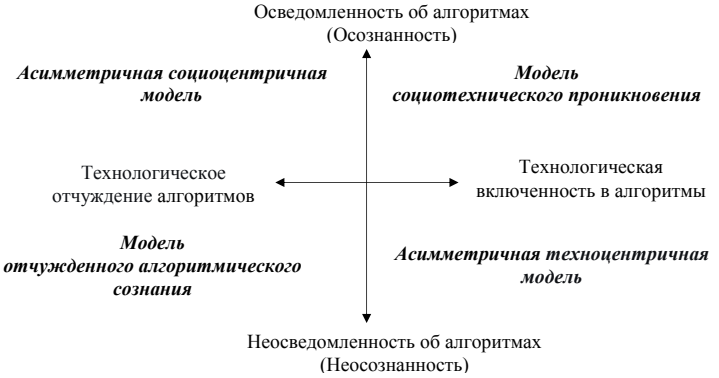

Рис. 1. Матрица построения идеальных моделей когнитивного осознания социальных последствий алгоритмического разрыва

Таблица 1

Обобщенные данные контент-анализа эссе

Индикаторы в эссе	Студенты ИТ-специальностей	Студенты-журналисты	Студенты-социологи
Отношение к алгоритмизации	**Отрицательное (129) Нейтральное (3) Позитивное (11)**	**Отрицательное (62) Нейтральное (4) Позитивное (0)**	**Отрицательное (73) Нейтральное (0) Позитивное (1)**
Не смогли ответить	**16 из 142 (11 %)**	**25 из 91 (27 %)**	**4 из 78 (5 %)**
Статусно-ролевые позиции	- богатые/бедные - руководитель/работник - разработчики/ пользователи - образованные/ необразованные - контролируют/не контролируют ИИ - семья и друзья - молодежь/взрослые -высокодоходные/ низкодоходные - мужчины/женщины - наличие/ отсутствие технических устройств - имеющие/ не имеющие доступ к ИИ технологиям - уязвимые группы	- богатые/ бедные - отцы/дети	- человек/ общество - уязвимые маргинальные группы - богатые/бедные - разделенные социальные статусы - исключенные категории людей - социальные группы - владельцы платформ/создатели алгоритмов/массы эксплуатируемых исполнителей - нестандартный профиль деятельности - различия по классу/по полю/ по этничности/ по расе - меньшинства - жители депрессивных регионов/ территорий/ географии - различия по поколениям - массы под алгоритмическим контролем и элита, владеющая ими
Сферы применения алгоритмов	- торговля - спорт - финансы - трудоустройство - образование - жилье - услуги - социальные сети - новостные ресурсы - правосудие - этические вопросы - манипуляция общественным мнением	- финансы - трудоустройство	- принятие решений - переобучение - финансы - трудоустройство - здравоохранение - соцзащита - образование - жилье - новостные ресурсы - правосудие - манипуляция общественным мнением
Механизмы алгоритмов	- информационные пузыри - рекомендательные системы - цифровые потолки		- брейн штормы внутри компании перешли в групповые чаты - фильтры и настройки - цензура - информационный вакуум
Угрозы, которые привносят технологии алгоритмов	- нет реальной ответственности - нет прозрачности в принятии решений - несправедливость - ослабляет общественный контроль - принятие решений алгоритмами, не опирается на конкретные обстоятельства - необъективность - риски - незаметность, скрытость - субъективность		- неполная информация - быстрое устаревание навыков - снижается ответственность за решения - не полная картина социальной реальности - скрытость алгоритмов

ди и цифровые документы), возможность экономии времени (*освобождается время для творчества*); расширение интеллектуального горизонта (*алгоритмическая неоднородность мнения, позволяющее больше размышлять по поводу различных вопросов; преимущество в самых различных областях; увеличивают скорость решения задач*). Чаще положительные характеристики заявляли ИТ-специалисты. О непонимании темы высказалось 49 респондентов (14 %) (*не знаю что это такое* или ошибочные – *это что-то из раздела математики 9-го класса*).

В эссе студентов рассмотрены механизмы и технологии алгоритмов ИИ, к которым отнесены информационные пузыри, рекомендательные системы, цифровые потолки, групповые чаты, фильтры и настройки, алгоритмическая цензура, информационный вакуум. *Угрозы*, которые привносят технологии алгоритмов, понимаются как отсутствие реальной

Продолжение таблицы 1

Обобщенные данные контент-анализа эссе

Индикаторы в эссе	Студенты ИТ-специальностей	Студенты-журналисты	Студенты-социологи
Социальные последствия	- угрозы приватности - персонализированные цены и контент - потеря взаимопонимания - алгоритмы разделяют людей - социальная сегрегация - ограничение доступа к ресурсам - одиночество - усиливается неравенство - различия в способе мышления и восприятии мира - рост недоверия - подрыв основ демократического общества - усиление власти тех, кто контролирует технологии - дегуманизация - подрыв доверия к цифровым институтам и государственным решениям - закрепление стереотипов, предубеждений, предрассудков - усиление дискриминации - рост предвзятости - ограничение социальной мобильности	- потеря взаимопонимания - алгоритмы разделяют людей - усиливается существующие неравенства - рост недоверия к институтам - закрепляются стереотипы и предубеждения, предрассудки - усиливается дискриминация - возникают преимущества больших корпораций на рынке - ограничивается социальная мобильность - рост предвзятости - сокращение рабочих мест	- усиливается дискриминация - алгоритмическая предвзятость - ограничивается социальная мобильность - рациональность и оптимальность - пересмотр роли репутации и доверия - закрепление стереотипов, предубеждений, предрассудков - культурная эксклюзия - неравенство и несправедливость - личностные качества и авторитет отходят на второй план - коррективы в содержание информационного поля - исчезают рабочие связи и корпоративная культура - вытеснение творчества и права на ошибку - изменение самой структуры общения и коммуникации (онлайн) - главное изменение в межличностной коммуникации и скорости её передачи - информация перемещается в сети - поляризации, сегрегация общества - усиливается тревога за будущее - социальная напряжённость - сокращение рабочих мест - стигматизация - политическая маргинализация - перераспределение власти - глобальный разрыв между странами - социальная напряженность - ухудшение здоровья

ответственности, непрозрачность в принятии решений, необъяснимость рекомендаций, несправедливость, усиление контроля над уязвимыми группами, ослабление общественного контроля, механическое принятие решений алгоритмами, которые не опираются на конкретные обстоятельства, необъективность, риски, незаметность, субъективность рекомендаций. *Сферы алгоритмизации*, включающие торговлю, спорт, финансы, трудоустройство, образование, жилье, услуги, социальные сети, новостные ресурсы, правосудие, этические вопросы, манипуляция общественным мнением.

Результат 2.1. *Восприятие алгоритмического неравенства ИТ-специалистами.* В некоторых исследованиях об отношении ИТ-специалистов к алгоритмизации им приписывается *чисто инструментальный подход и ориентация на технотцентричную* когнитивную модель (*The technocentric cognitive model*). Смысл техноцентричного подхода сводится к базовому утверждению о стереотипизирующей логике программистов – внимание техническому совершенству алгоритмов и недооценке социальных искажений [10]. Кроме того, в других исследованиях фиксируется наличие разрыва между успеваемостью студентов компьютерных наук по теоретическим и практическим дисциплинам: те, кто лучше владеет практическим программированием, могут больше доверять коду алгоритмов, чем теоретическим рассуждениям о этических последствиях [9].

Полученные эмпирические данные в ходе нашего исследования демонстрируют, что среди ИТ-специалистов могут быть выделены две группы респондентов. Одна из них действительно ориентирована преимущественно на анализ технологий и механизмов алгоритмизации. Таких студентов, по нашим оценкам, 34 %. Эта часть ИТ-специалистов склонна однозначно доверять алгоритмическим решениям. Другая группа, более массовая, проблему алгоритмического неравенства оценивает с позиций многоаспектности, как с точки зрения технической составляющей, так и с точки зрения социальных характеристик. Одновременно в их эссе обнаруживаются суждения, свидетельствующие о глубокой озабоченности ИТ-специалистов социальными аспектами проблемы. Они признают, что алгоритмическое неравенство может привести «*к снижению общего прогресса человечества*», а также что «технологии вместо преодоления неравенства могут способствовать его усилению». Алгоритмы, по их мнению, «*усложняют социальные лифты*», «*усиливают барьеры между различными социальными*

слоями общества». Кроме того, они указывают на «*риск монополизации технологического развития, что может привести к концентрации власти и ресурсов в руках ограниченного круга лиц*».

В целом, в эссе ИТ-специалистов можно выделить целый ряд социальных структур и статусов, отражающих динамику социального неравенства, складывающуюся под влиянием алгоритмизации: дифференциация на основе экономического статуса – *богатые/бедные*; иерархическая структура в организациях – *руководитель/работник;* различия в доходах и условиях труда – *владельцы платформ/разработчики ИИ/низкооплачиваемые фрилансеры.* Выделяются «*люди без образования*» или «*без навыков работы с алгоритмами*», которые «все больше отстают», что, в свою очередь, «*приводит к увеличению разрыва между слоями населения и усилению социального неравенства*». ИТ-специалисты также подчеркивают, что «*те, кто контролирует технологии, имеют значительное преимущество перед теми, кто не обладает доступом к этим ресурсам*». К сказанному следует добавить, что студенты-ИТ-специалисты выделяют аспекты социального неравенства, вытекающие из уровня освоенности социальных связей и доступа к технологиям, характерные для общения «*среди друзей*» и «*в семьях*»; различия в восприятии и использовании технологий между «*молодежью и взрослыми*», «*мужчинами и женщинами*». Для осознания проблемы им очевидна «*роль дохода как следствия экономической дифференциации и фактора доступа к технологиям*». Высказывается определенное понимание неравенства среди этнических групп, т.е. «*влияние этнической принадлежности, которая также может влиять на способы доступа к технологиям и их использование*».

Таким образом, для ИТ-специалистов характерно как осознание технологий алгоритмизации, так и демонстрация глубокого понимания сложности проблемы алгоритмического неравенства и ее многоаспектности, учета социальных и политических контекстов при разработке и внедрении алгоритмов.

Результат 2.2. *Восприятие алгоритмического неравенства журналистами: нарративы, кейсы и общественный резонанс.* Журналисты фокусируются на нарративном и кейсовом измерении алгоритмизации. Их восприятие алгоритмов ориентировано на конкретные истории несправедливости, на неспособность жертв алгоритмических решений защитить свои права и на общественный резонанс. Алгоритмизация рассматривается как «*ситуация нечестного преимущества на рынке*», которая «*ведет к недовольству народа, чувству неполноценности, чувству оторванности от части общества (у которой есть полный доступ)*», в особенности алгоритмизация выступает механизмом построения «*барьеров между поколениями, рост проблем у отцов и детей*». Студенты-журналисты, анализируя подобные ситуации, фокусируются на человеческих историях, на неспособности граждан оспорить решение алгоритма и на институциональных провалах, в частности, к социальным институтам – «*невозможности участия в политвыборах» и «непонимании, почему так происходит*». В контексте анализа алгоритмического неравенства это выражается в умении деконструировать официальные нарративы о «*нейтральности*» технологий и находить голоса тех, кто пострадал от автоматизированных решений, вызывающих «*снижение продолжительности жизни» и «рост психических расстройств*». Журналистское образование учит работать с информационной избыточностью или недостаточностью, распознаванию манипулятивных техник, которые влияют на «*рост преступности», «демографический кризис»* и *«снижение социальной мобильности*».

Студенты-журналисты более склонны ставить под сомнение саму легитимность передачи социально значимых решений машинам, которые «*обрабатывают наши личные данные и определяют, кого считать перспективным кандидатом на хорошую должность, кого нет*», апеллируя к фундаментальным принципам справедливости, а не к математической оптимальности. С их точки зрения, сама алгоритмизация «*увеличивает несправедливость и конкуренцию на рынке труда*». В целом, можно сказать, что оценивание алгоритмов журналистами можно рассматривать как технологию перевода с технического языка последствий использования алгоритмов ИИ на язык общедоступных смыслов и объяснение, почему «*люди начинают меньше доверять технологиям*». Таким образом, журналисты выступают естественными медиаторами этого знания, переводя сложные социально-технические проблемы на язык общедоступных нарративов.

Результат 2.3. *Восприятие алгоритмического неравенства социологами: социальный контекст и структурное неравенство.* Социологи подходят к оценке алгоритмического неравенства на основе социальной оптики, которая настроена на поиск скрытых механизмов и результатов воспроизводства неравенства, которые могут «*восприниматься как объективные и беспристрастные, но на деле воспроизводят, усиливают и легитимизируют существующие социальные иерархии*». Они рассматривают проблему алгоритмизации структурно, как «*системные изменения в структуре общества*». В эссе наиболее устойчиво выражена мысль об алгоритмическом неравенстве, как о продолжении и усилении традиционных социальных неравенств на основе «*эхо-камер», «цифрового потолка», «информационных пузырей и пузырей фильтров», «рекомендательных систем, ранжирования и скоринга*». Реализация таких механизмов и технологий приводит «*к фрагментации общества и когнитивной изоляции*», «*сужению кругозора и усиливает соци-*

альное неравенство», т.к. «*доступ к информации становится неравномерным*». Профессиональная ориентация мыслить категориями групп, интересов и контекстов позволяет им задавать критические вопросы о власти и исключении, поскольку «*алгоритмы TikTok и других соцсетей, могут продвигать определенную политическую повестку, удобную государству, владеющему мессенджером/сервисом*». Поляризация общества ведет «*к риску для демократии, особенно в сферах образования, права*».

Социологи традиционно работают с понятиями «*тезауруса*» и «*информационной избыточности/недостаточности*». Применительно к алгоритмам это означает, что они способны оценивать, насколько информация, заложенная в систему, репрезентирует разные социальные группы и не исключает ли алгоритм тех, чей опыт не вписывается в доминирующие паттерны. К числу негативных последствий алгоритмизации отнесено формирование «уязвимых маргинальных групп», «*бедных», «с низким социальным статусом», «социальных групп с нестандартным профилем деятельности», с усиленными «классовыми», «этническими», «расовыми*» признаками, «*меньшинств*» и «*поколений», «жителей депрессивных регионов»,* на *«разных территориях, географии», «владельцев платформ, создателей алгоритмов и массы эксплуатируемых исполнителей*». В целом алгоритмическое неравенство «*вводит новые критерии стратификации, делая целые категории людей исключенными*».

Именно социологи склонны задаваться вопросом: чьи интересы обслуживает данный алгоритм, и кто оказался исключенным из выборки, на которой он обучался: «*массы под алгоритмическим контролем и элита, владеющая ими*». Исследования показывают, что студенты-социологи более чувствительны к контекстуальным факторам. Для них алгоритмическое неравенство – это не ошибка в коде, а проявление более глубоких социальных проблем: «*Дискриминация выглядит "объективной". Если раньше человек мог дискриминировать другого человека, это хотя бы было видно. Теперь решение принимает "система". Это чревато тем, что алгоритмы воспринимаются как нейтральные и объективные, однако это приводит к усилению социальной дифференциации и неравного доступа к ресурсам*». Социологическая оптика позволяет студентам-социологам видеть, как алгоритмические системы по-разному воздействуют на различные социальные группы в зависимости от их места в социальной иерархии: «*Талантливый человек из периферии вынужден соглашаться на те вакансии, которые алгоритм посчитал для него подходящими – часто это низкоквалифицированный труд, что консервирует бедность*».

Наряду с этим для студентов-социологов характерно несколько упрощенное представление о цифровой грамотности, когда они апеллируют к фрагментарным практикам работы в сети, а не к системному пониманию работы технологий [11, с. 74]. Это создает предпосылки для различий в восприятии алгоритмической несправедливости, в частности, в сравнении с ИТ-специалистами.

Выводы. Анализ полученных результатов показывает, что единой когнитивной модели осознания влияния алгоритмов ИИ на общество у специалистов различного профиля нет и вряд ли это возможно. Наряду с этим можно выделить ключевые концептуальные характеристики и структурные элементы, из которых формируются такие модели.

1. У студентов различных профилей подготовки складывается *различное осознание значимости уровней социального воздействия алгоритмов*, включающих *материальное бытие*, т.е. как алгоритмы автоматизируют принятие решений в банках и госучреждениях, платформенную занятость и пр.; *социальный опыт*, или как рекомендательные системы подстраиваются под эмоциональное состояние пользователя; *общественное сознание*, или как алгоритмы ИИ влияют на наши ценности, убеждения, восприятие истины (формирование «пузырей фильтров», влияние на политические взгляды и даже потенциальная возможность алгоритмического «программирования» сознания).

2. По-разному студенты ИТ-специальностей, журналисты и социологи *осознают социальную природу алгоритмов ИИ*. Фундаментальное различие закладывается в моделях ИИ – иная трактовка природы интеллекта. Человеческое мышление – продукт первичной социализации в обществе, включающей усвоение моральных норм и неявного (тацитного) знания. *В отличие от этого, большие языковые модели ИИ проходят через процесс, подобный* «вторичной социализации», поскольку они обучаются на гигантских массивах текстов, но у них нет детского опыта взросления в культуре. Ключевой риск заключается в том, что такие модели могут быть социально «дефектными». Однако значительная часть студентов воспринимает ИИ как данность, тождественную интеллекту человека. Отсюда – гипертрофированное отношение к роли и возможностям алгоритмов.

3. *Субъектность и власть алгоритмов* осознаны студентами с некоторыми особенностями. ИИ не просто отражает реальность, а *конструирует ее,* предлагая пользователям «свою версию мира». В эссе студентов довольно обстоятельно отражено, насколько осознается, кто контролирует инфраструктуру и на каких данных обучаются модели, чьи интересы они в конечном итоге обслуживают. Только для незначительной части респондентов вопрос остаётся открытым.

4. Осознание *влияния рекомендательных алгоритмов как манипулятивных механизмов ИИ.* Сре-

ди конкретных механизмов воздействия алгоритмизации на общество выделяются: *экстрактивизм данных* (извлечение и присвоение пользовательских данных); *сжатие вариативности*, когда алгоритмы могут уменьшать разнообразие мнений и поведения; *манипуляция и «подталкивание»* (предложение контента к определенным решениям и эмоциональным состояниям); *сконструированное заблуждение,* (создание информационных сред, которые не просто дезинформируют, но создают для пользователя комфортную, полностью изолированную от реальности когнитивную нишу). В исследованиях неоднократно показано, что сгенерированные ИИ «личности» могут демонстрировать более высокий уровень макиавеллизма, как склонность к манипуляции, чем другие люди. В целом, выявленные модели осознания последствий влияния ИИ отвечают на следующие практические вопросы, структурированные через призму *индивидуального и социального* опыта, а также уровней *власти и стратификации*, складывающихся на основе алгоритмов. Эти влияния становятся базовыми основаниями когнитивных моделей осознания роли алгоритмизации [12, с. 336]. Они раскрывают следующие характеристики (см. табл. 2).

Заключение

Исследование показало, что уровень осознания алгоритмического неравенства среди студентов раз-

Таблица 2

Базовые характеристики когнитивных моделей осознания социальных последствий алгоритмического разрыва

Когнитивные модели	Общество	Индивид	Власть
Модель социотехнического проникновения	Осознание неразрывного единства социального и технического в алгоритмах: технологии ИИ формируются в единстве с социальными практиками, ценностями, институциональными культурами, а затем, в свою очередь, видоизменяют эти практики	Внимание не только к макросоциальным конструктам, но и к индивидуальному уровню осознания. Диагностика влияния на индивида рассматривается как сложная, рекурсивная петля, в которой технологические инновации ИИ в совокупности с культурными нарративами, переформировывают индивидуальные эмоции и познавательные процессы	Технические артефакты (алгоритмы, нейросети) становятся полноправными субъектами управления социальным и межличностным взаимодействием
Асимметричная социоцентричная модель	Процесс осознания алгоритмов ИИ представляется как сложный, рекурсивный и принципиально неравный диалог в пользу многочисленных социальных последствий. Признается, что процесс алгоритмизации меняет и человека (его агентность), и общество (через навязывание логики предвзятости ИИ), порождая новые формы социальности и неравенств	Взаимодействие человека и ИИ не является диалогом равных партнеров. Человек как «старший» партнер, ИИ как «младший». В ответ на это ИИ демонстрирует лишь «квази-социальность», реагирует только на поверхностные маркеры социального поведения (тон запроса, вежливость), но не обладает интенциональностью, сознанием или эмоциями	Требования алгоритмической подчиненности воспринимаются как противоречие с природой социальных и человеческих отношений, которые основаны на спонтанности, непредсказуемости и эмоциональной сложности. Осознание конфликта становится важной частью рефлексии общества о своем будущем
Асимметричная техноцентричная модель	Технология алгоритмов первична. ИИ выступает не объектом познания, а инфраструктурой, организующей само познание. Логика алгоритма доминирует. Способ обработки информации машиной начинает навязываться социальному миру. Границы социального и индивидуального размываются, поскольку алгоритмы включаются в социальный мир через коммуникацию, порождая новые формы социальности и новые конфликты вокруг легитимации их роли	Модель позволяет анализировать как технологии «приручают» и перестраивают человека под свои когнитивные лекала. Фокусировка на принципиальном признании первенства ИИ над когнитивными способностями и социальными ролями участников личности. Агентивность перераспределяется: человек утрачивает монополию на эпистемическую агентивность, уступая ее нечеловеческим системам	ИИ проецирует на человека свои социальные ожидания и когнитивные схемы, а человек и социум отвечает симуляцией, которая, тем не менее, обладает достаточной «тягой», чтобы удерживать человека в этом взаимодействии

Продолжение таблицы 2

Когнитивные модели	Общество	Индивид	Власть
Модель отчужденного алгоритмического сознания	Отчужденное сознание делает невозможным прямое установление наличия сознания у ИИ. Критерий интенциональности позволяет интерпретировать поведение ИИ как имитацию без понимания. Институциональные дискурсы активно работают на исключение ИИ из границ социального мира, тривиализируя опыт взаимодействия. Ре-социализация универсума и проблема неоднозначности границ социального мира	Аутодеструктивный потенциал развивает классическую категорию отчуждения применительно к новой реальности. Позиция принципиальной невозможности прямого доступа к субъективному опыту другого. Даже если алгоритм демонстрирует поведение, неотличимое от человеческого, наблюдатель всегда может интерпретировать это как «симуляцию», «имитацию» или «подражание без понимания» (по аналогии с попугаем, повторяющим слова).	Признание за машиной способности к сознанию подрывает фундаментальные основания человеческой исключительности. Психологические защиты от власти алгоритмов ИИ поддерживают антропологическую исключительность и снижают экзистенциальную тревогу. Реляционная природа восприятия создает парадокс: ИИ не кажется «живым», активно включаются механизмы рационализации, объясняющие это проекцией. Автономная инициатива выступает гипотетическим порогом, за которым наступает невосприятие власти ИИ

личных направлений подготовки в значительной степени зависит от их академической идентичности и профессиональных установок. ИТ-специалисты склонны рассматривать алгоритмы как инструменты, подлежащие оптимизации; социологи – как механизмы воспроизводства власти и социальной стратификации; журналисты – как источники конкретных случаев несправедливости, требующих общественного внимания. Для эффективного реагирования на вызовы алгоритмической эпохи необходим междисциплинарный диалог и сравнительный анализ между этими перспективами [13; 14]. ИТ-специалистам важно учитывать критическую оценку со стороны социологов и журналистский интерес к человеческим аспектам, в то время как социологи и журналисты должны понимать технические ограничения и возможности алгоритмов. Исследование демонстрирует, что интеграция студентов в процесс разработки и оценки алгоритмических систем на ранних стадиях, а не постфактум, может способствовать созданию более справедливых и этически обоснованных технологий. Анализ уровня цифровой грамотности подтверждает, что студенты социогуманитарных направлений обладают меньшими техническими навыками. Однако именно эта уязвимость способна стимулировать более острую критическую рефлексию относительно власти технологий. Без иллюзий относительно собственного технического превосходства, социогуманитарии более склонны воспринимать алгоритмы как инструменты доминирования, что, вероятно, позволяет им глубже выявлять и анализировать социальные и этические последствия алгоритмического неравенства.

Литература:

1. Россия готовится закрепить за человеком решающую роль при применении ИИ в общественно значимых сферах: общество. URL: https://iz.ru/2041992/2026-02-13/ii-ogranichat-v-priniatii-reshenii-v-sotcialno-znachimykh-sferakh (Дата обращения: 8.03.2026)
2. Иванов Д.В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. № 26(3). С. 7–35. https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1.
3. Иванов Д.В. Расширенная современность: эффекты постглобализации и пост-виртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
4. Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192.
5. Драч В.Е., Торкунова Ю.В. Цифровая турбулентность в высшем образовании: ИИ как вызов академической идентичности // ДИСКУРС. 2025. Т. 11. № 4. С. 61–75. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-61-75.
6. Воденко К.В. Академическое лидерство и высшее образование в контексте развития транспрофессиональной идентичности в условиях цифровизации и регионализации // Социальные и гуманитарные знания. 2022. № 3. URL: https://www.npitu.ru/upload/medialibrary/f0f/l5ccuqa1qb9j1xkas12of5l5u8vxhbti/публикация%20(2022)%20Воденко%20К.В.%20Академическое%20лидерство%20и%20высшее%20образование.pdf (дата обращения: 28.02.26).
7. Буякова К.И., Дмитриев Я.А., Иванова А.С., Фещенко А.В., Яковлева К.И. Отношение студентов

и преподавателей к использованию инструментов с искусственным интеллектом в вузе // Образование и наука. 2024. № 26(7). С. 160–193. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-7-160-193.
8. Пономарёв А.М. Технологии искусственного интеллекта в контексте теорий П.А. Сорокина и Б. Латура // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2025. Т. 9. Вып. 1. С. 9–13. https://doi.org/10.35634/2587-9030-2025-9-1-9-13
9. Meghanathan N. Quantifying the Theory Vs. Programming Disparity using Spectral Analysis // Artificial Intelligence and Fuzzy Logic System. 2022. Vol. 4. Iss. 1.
10. Предсказание достижений ИИ - «Горький урок» Рича Саттона / Business Svaha Media // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/ZV9XEL-ROUHoeN3J. (Дата обращения: 8.03.2026).
11. Драч В.Е., Торкунова Ю.В. Цифровая турбулентность в высшем образовании: ИИ как вызов академической идентичности // ДИСКУРС. 2025. Т. 11. № 4. С. 61–75. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-61-75.
12. Гусельцева М.С. Обзор книги Joachim Diederich «The Psychology of Artificial Superintelligence» // Новые психологические исследования. 2025. № 3. С. 312–337. DOI: 10.51217/npsyresearch_2025_05_03_15
13. Сравнительный анализ ценностей молодых российских и китайских предпринимателей в координатах менеджмента: методика исследования и некоторые выводы / П.П. Дерюгин, Л.А. Лебединцева, Ц. Цзинь, А.С. Шиляева // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII межд. науч.-практ. конф., Благовещенск - Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г. Вып. 7. Благовещенск - Хэйхэ: Благовещенский гос. пед. Ун-тет, 2017. С. 267–271.
14. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Ярмак О.В., Травин Р.А. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 4. С. 10–25. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1.

Cognitive Models of Awareness of the Social Consequences of the Algorithmic Gap

Pavel Petrovich Deryugin[1,2], Vladimir Petrovich Miletsky[2], Tatiana Borisovna Malinina[1], Zhomart Kudaibergenovich Simtikov[3]
[1]Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia),
[2]Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI» (Saint Petersburg, Russia),
[3]Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan)

A conceptual position on cognitive models of awareness of the consequences of the algorithmic gap has been formed. The concept was based on three groups of theories, including ideas about augmented modernity (D.V. Ivanov), the algorithmic gap as the 4th level of the digital gap (T.S. Martynenko, D.E. Dobrinskaya), and academic identity as a factor in awareness of digitalization (V.E. Drach, Yu.V. Tolkunova). The article formulates definitions of four types of cognitive models of awareness of the consequences of algorithmization: sociotechnical penetration; asymmetric sociocentric; asymmetric technocentric; alienated algorithmic consciousness. The characteristics of the models of cognitive awareness of the consequences of algorithmization are specified based on the results of an empirical study of IT specialists, journalists, and sociologists. The article proposes main directions for overcoming the gap in awareness of the consequences of algorithmization in working with specialists of various fields of training.

Keywords: cognitive models, threats of algorithmization, mechanisms and technologies of algorithmization, and social consequences

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-287-292
© Ершов А.Н., Панченко О.Л., Мишин В.А., 2026

Социальное здоровье населения: концептуальные подходы к изучению

Ершов Андрей Николаевич
Доктор социологических наук,
профессор кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: annershov@kpfu.ru;
ORCID: 0000-0002-6273-3918)

Панченко Ольга Львовна
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры всемирного культурного наследия
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: kadri@bk.ru;
ORCID: 0000-0003-4694-1298)

Мишин Виталий Александрович
Начальник Управления обеспечения законодательного процесса
Государственной Думы РФ
(103265, Москва, ул. Охотный Ряд, 1; e-mail: medvedich@mail.ru;
ORCID: 0009-0001-4453-3568)

В современном обществе значительно повысилась рискогенность, что связано со многими внешними вызовами. Эта ситуация, вне сомнения, оказывает влияние на состояние социального здоровья населения, которое по многим параметрам ухудшается. Однако для того, чтобы видеть и оценивать полную картину социального здоровья, важно иметь четкую методологию его исследования. Анализ точек зрения, представленный сегодня в научном дискурсе, не позволяет выделить такой методологии. Трактовки понятия либо сильно расширены и включают в себя множество разных показателей, либо категорически сужены, до границ социальной адаптации или социального самочувствия. Между тем изучение социального здоровья населения представляет собой стратегическую задачу любого государства. И в этом высокая роль отведена социологическому анализу и прогнозированию.

Цель исследования – на основе теоретико-методологического анализа различных подходов к изучению социального здоровья населения выделить базовые инвариантные показатели, которые могут быть измерены для целей социального управления.

Научная значимость исследования заключается в аналитическом изучении подходов к определению социального здоровья и показателей, его характеризующих в современном научно-социоло-

гическом дискурсе, что способствует приращению теоретико-методологической базы в данной области социологического и социогуманитарного знания.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов и выводов в российской практике управления социальными процессами.

Научная новизна результатов состоит в определении базовых показателей социального здоровья населения как инвариантной модели для изучения феномена социального здоровья с целью выработки государственной социальной политики.

Ключевые слова: *социальное здоровье населения, методология, социологическое прогнозирование, показатели социального здоровья*

Для цитирования: *Ершов А.Н., Панченко О.Л., Мишин В.А. Социальное здоровье населения: концептуальные подходы к изучению // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 287–292. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-287-292.*

Введение

Социальные процессы в современном обществе обусловлены многими рисками и сложно поддаются прогнозированию. Становится все сложнее оценить перспективы социального развития. Вместе с тем такая оценка и прогноз выступают основополагающими факторами социального управления. Одним из важнейших параметров и элементов оценки и прогнозирования является социальное здоровье населения.

Социальное здоровье населения – важный показатель состояния общества в различные периоды его развития. Снижение уровня социального здоровья свидетельствует о наличии в обществе ряда проблем и при неблагоприятных обстоятельствах и условиях способствует дальнейшему ухудшению состояния социума. Повышение уровня социального здоровья населения демонстрирует позитивное развитие социальных процессов. Таким образом, состояние социального здоровья является отправной точкой для принятия решений в сфере социального регулирования.

Как комплексный феномен, социальное здоровье населения формируется из многих компонентов и включает в себя как физические, так и психологические (духовные) признаки. Исследование этих признаков в динамике позволяет выстроить определенные динамические ряды и построить прогностическую линию развития социального здоровья населения, учитывая оптимистический, нейтральный и пессимистический сценарии.

Таким образом, изучение социального здоровья населения предполагает наличие определенного набора показателей, по которым производится измерение и оценка. Для этого важно обозначить методологию вопроса.

Цель статьи – дать анализ методологических подходов к изучению социального здоровья населения для определения его базовых показателей.

Методы

Основной методологией исследования в данной статье выступил социологический анализ различных теоретических подходов к определению понятия «социальное здоровье населения». В статье применены методы теоретического моделирования, на основе которых выстроена модель показателей социального здоровья населения. Применены методы теоретического обобщения, теоретического анализа и типологизации. Проведен анализ научных подходов к изучению и интерпретации понятия «социальное здоровье», систематизированы группы показателей для его оценки.

Поставленная проблема обладает междисциплинарностью в изучении различных своих аспектов и вопросов. Социологическое рассмотрение позволяет выстроить единую парадигму в понимании проблемы, в связи с чем социологический подход выступает концептуальным в построении методологии изучения социального здоровья.

Результаты и обсуждения

Понятие «социальное здоровье» населения является дискуссионным и до сих пор не имеет четкого определения. Это затрудняет выработку методики оценки социального здоровья и ведения его мониторинга. Разберем подробнее это понятийное поле.

Исходным к понятию выступает, конечно же, понятие «здоровье», следующая трактовка которого дана в российском законодательстве: «*отсутствует вредное воздействие факторов среды на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности… имеются возможности для восстановления нарушенных функций организма человека*» [1]. Основы охраны здоровья российских граждан обеспечиваются Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2].

Безусловно, в самом законе, как и в научном дискурсе, отражен комплексный подход к определению понятия. Здоровье понимается как многоуровневое образование, включающее в себя физический, психологический [3] и социальный [4; 5] уровни (аспекты). Отсюда, изучение феномена здоровья

четко предполагает междисциплинарный подход. В свою очередь, можно выделить два среза определения понятия «здоровье»: индивидуальный и общественный. Любой из перечисленных аспектов здоровья проявляет себя на том и на другом уровнях (см. табл. 1).

Таблица 1

Матрица понятия здоровье

Аспекты/ Уровни	Индивидуальный	Общественный
Физический	Физическое здоровье человека	Физическое здоровье населения
Духовный	Духовное здоровье человека	Духовное здоровье населения
Социальный	Социальное здоровье человека	**Социальное здоровье населения**

В отличие от индивидуального, общественный уровень здоровья характеризуется набором демографических показателей, а также рядом иных показателей, свидетельствующих о здоровье населения во всех трех выделенных сферах. В свою очередь, социальное здоровье также может относиться как к личности, индивиду, так и к обществу или его отдельным группам.

В данной статье обратимся к интерпретации и концептуализации понятия «социальное здоровье населения». Как видно из таблицы 1, это та часть общественного здоровья, которая характеризует его социальный срез. Анализируя работы различных авторов, изучающих данное понятие, можно заключить, что социальное здоровье населения как понятие не очень четко определено в своих методологических границах. Наиболее широкой трактовкой здесь служит понимание социального здоровья населения (или отдельных групп населения) как *создание возможностей для социального благополучия и гармоничных отношений в обществе.* Однако данный подход очень широк и позволяет вносить любые вариации в трактовку понятия социального здоровья.

Так, автор И.И. Капалыгина определяет социальное здоровье через «*создание гарантированных социальных и медицинских условий жизнедеятельности, препятствующих возникновению заболеваний, социальной девиации, способствующих снижению иммунитета, стрессовых состояний*» [6, с. 97–98]. Социальное здоровье отражает уровень взаимодействия индивида с социальной средой [7]. С этим мнением согласны авторы Н.Х. Гафиатулина и другие, которые подчеркивают такую его характеристику, как уровень адаптации личности к обществу, или общества – к внешним вызовам и условиям [8]. Этот же аспект адаптации отмечает автор Ж.В. Савельева [9], В.Л. Гатило [10] и другие. Кроме того, социальное здоровье изучается как характеристика установленных человеком коммуникаций и связей [11], а также как характеристика его самоактуализации и самореализации [12].

Таким образом, наиболее принятым в современном научном дискурсе является понятие социального здоровья как показателя адаптированности индивида к условиям социума (на индивидуальном уровне) и в целом уровня адаптированности индивидов к социальным условиям и внешним вызовам – на общественном уровне [13].

Несколько иной подход к определению понятия реализован в работах авторов Е.А. Преликовой [14], М.В. Морева [15]. Социальное здоровье в данном случае определяется, скорее, как *условие для полноценной социальной жизни человека и общества*. То есть это наличие возможностей для индивида реализовывать себя, не нарушая социального равновесия и благополучия окружающих людей. По мнению М.В. Морева, социальное здоровье как интегративный показатель есть индикатор других компонентов здоровья населения – демографического, экологического, эмоционального, когнитивного, поведенческого, экономического и др. [16].

В нашей статье под социальным здоровьем населения мы понимаем *возможности индивидов и групп включаться в социальную жизнь – устанавливать коммуникации, развивать социальные связи и отношения, взаимодействовать с комплексом социальных условий, адаптироваться к социальным нормам, а также реализовывать свой потенциал в любой сфере социальной жизни*.

Соответственно, социальное здоровье населения предполагает наличие комплекса показателей, определяющих уровень социального здоровья в конкретном обществе. Выявление и систематизация таких показателей – серьезная исследовательская задача. И по данному вопросу также не существует общепринятой методологии. Скорее, наоборот: разброс мнений относительно методик измерения социального здоровья населения и показателей, позволяющих фиксировать его состояние, крайне широк. Большинство авторов включают в их число отсутствие социально значимых заболеваний, уровень смертности и продолжительность жизни, включенность в трудовую жизнь (физическая работоспособность) [17]; уровень социальной безопасности и защищенности; качество жизни и социальное самочувствие; уровень занятости и безработицы; возможности социальных гарантий, получения образования и медицинской помощи; экологическую безопасность; физическое и психическое здоровье и некоторые другие [18].

Очевидно, что изучение всех перечисленных показателей крайне трудоемко и фактически затруднено. В этой связи важно определиться с базовыми группами показателей, которые могут быть измерены и наблюдаться в режиме мониторинга. Об этом мы уже писали в своих более ранних публикациях

[19; 20]. В рамках данной статьи мы придерживаемся следующих групп показателей, которые могут быть выделены в качестве объекта мониторинга и в комплексе могут дать определение состояния социального здоровья населения конкретного региона или страны в целом.

Группа первая. Показатели, характеризующие благополучие физического здоровья: продолжительность жизни, смертность (и ее причины), заболеваемость социально значимыми болезнями. Невозможно выстраивать социально благополучное общество, если в нем высокий уровень заболеваемости или смертности. Это сами по себе противоречащие факторы. К примеру, если наблюдается тенденция повышения уровня заболеваемости отдельными социально значимыми болезнями, это – факт, свидетельствующий о наличии неблагополучия в определенных сферах и отношениях, о нарушении адаптационного потенциала населения.

Группа вторая. Показатели, характеризующие социальную безопасность. Построение социальных связей и отношений напрямую обусловлено вопросами безопасности. Если в обществе ее уровень невысок, скорее всего, многие из таких связей будут нарушены. На субъективном уровне это проявляет себя в виде социальной тревожности, отсутствия у людей и групп чувства защищенности, нежелания устанавливать социальные контакты из-за определенных страхов и опасений. И, конечно, это препятствует нормальной самореализации членов общества.

Группа третья. Показатели, характеризующие уровень занятости населения и его трудоспособность. Человек реализует себя в первую очередь в деятельности, и прежде всего – трудовой. Препятствия в этой сфере ограничивают возможности самореализации личности. В социальном масштабе это мешает людям и группам раскрывать свой потенциал и полноценно трудиться.

Группа четвертая. Показатели, характеризующие социальное самочувствие населения. Иногда в эту группу добавляют показатели уровня счастья. Однако мы полагаем, что счастье – слишком субъективная категория, и лучше не брать ее в расчет. Социальное же самочувствие, несмотря на субъективность, обусловлено именно внешними факторами, что позволяет выявить зависимость данного показателя от конкретных условий среды.

Эти четыре группы показателей социального здоровья населения предполагают ряд индикаторов для измерения. Построение такой индикативной модели выступает основной задачей исследователя и может явиться основой для построения статической и динамической картин состояния социального здоровья населения в каждый период времени.

Выводы

Анализ методологических подходов к изучению социального здоровья населения позволил выявить широкое поле трактовок. В основу этих трактовок заложено комплексное понимание феномена «здоровье», отражающего физический, духовный и социальный аспекты. В то же время особенность определений состоит в том, что невозможно говорить о здоровье в социальном аспекте без апелляции к другим его аспектам. Выстраивать здоровые социальные отношения безотносительно к физическому состоянию здоровья невозможно. То же можно сказать в отношении духовного здоровья. Отсюда феномен социального здоровья не может изучаться в отрыве от двух других аспектов здоровья. Следовательно, система показателей социального здоровья включает в себя показатели физического и духовного здоровья как неотъемлемых его характеристик.

Социальное здоровье – понятие, характеризующее как отдельного индивида в социуме, так и группы, слои населения, а также общество в целом. Социологическое изучение данного феномена предполагает выделение в нем социально типического, проявляемого на всех трех уровнях. Социально здоровое общество – это общество, в котором большинство индивидов и групп формируют отношения и связи на доверии и уважении, позволяя реализовывать себе и своему окружению свои возможности и способности в полной мере; легко адаптируясь под социальные нормы; допуская при этом, что эти нормы не ущемляют и не нарушают возможностей, но создают лучшие условия для их проявления.

Выделенные методологические границы понятия «социальное здоровье населения» намечают круг показателей, которые позволяют оценить состояние социального здоровья в каждый определенный период времени. Все показатели мы сгруппировали в несколько групп – это некий инвариант, однако внутри каждой группы сами показатели могут варьировать в зависимости от цели исследования и запросов внешней среды. Инвариантными группами являются следующие: благополучие физического здоровья; социальная безопасность; уровень занятости населения и его трудоспособность; социальное самочувствие населения. Как видно, в этих показателях проявляется комплексный характер здоровья, без чего изучение социального здоровья теряет смысл.

Социальное здоровье населения в совокупности выделенных групп показателей может быть измерено с применением качественно-количественных и объективно-субъективных методов. К количественным объективным методам относятся анализ статистики и демографических показателей, к количественным субъективным – массовые опросы; к качественным субъективным методам – глубинные интервью, фокус-группы, экспертные интервью.

Заключение

Социальное здоровье населения как важный показатель состояния общества характеризует уровень

благополучия последнего. Здоровье – это отсутствие болезней; социальное здоровье есть отсутствие социальных патологий, которые формируются на пересечении многих нерешенных социальных проблем. Именно своевременное решение социальных проблем выступает главным механизмом роста социального благополучия. Измерение состояния социального здоровья населения по различным показателям, регулярно и в режиме мониторинга, позволяет увидеть и зафиксировать предпосылки возникновения социальных проблем, а значит, своевременно найти решения для их предупреждения. Методология исследования социального здоровья населения, предложенная в данной статье, выступает отправной точкой для принятия решений в сфере социального регулирования.

Литература:

1. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СПС Гарант.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» // СПС КонсультантПлюс.
3. Орлова М.М. Здоровье и болезнь как социально-психологическая ситуация // Философия здоровья. Саратов: Изд-во СГУ, 2012. С. 104–134.
4. Дмитриева Е.В. Теоретико-методологические и методические основы социологии здоровья: дисс. … д-ра социол. наук. М., 2005. 423 с.
5. Юдин О.А. Феномен спортивных практик в системе общественного здоровья: теоретико-методологический анализ: дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2007. 154 с.
6. Капалыгина И.И. Методологические подходы к изучению здоровьесбережения на метапредметном уровне // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2015. № 1(31). С. 94–109.
7. Белоножко Л.Н. Политика сохранения социального здоровья населения Арктической зоны России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 46–59.
8. Гафиатулина Н.Х., Шевченко А.М., Самыгин С.И. Социальное здоровье студенческой молодежи с позиций концепции адаптации и адаптационных ресурсов // Гуманитарные, социально экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 30–33.
9. Савельева Ж.В. Социальное здоровье и самочувствие студенчества в аспекте интереса к окружающему миру // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2018. № 5(34). С. 50–54.
10. Гатило В.Л., Городова Т.В. Социальное здоровье студенческой молодежи: подходы к определению // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1(1). . URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=17259 (дата обращения: 11.02.2026).
11. Соколова Т. Б. Здоровье населения в социальном контексте: дисс… канд. социол. наук. Хабаровск, 2005. 167 с.
12. Бабинцев В.П., Колпина Л.В. Проблемы формирования категориального аппарата понятия «социальное здоровье» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2008. № 12(52). С. 49–67.
13. Короленко А.В. Динамика социального здоровья населения Вологодской области // Вопросы территориального развития. 2014. № 2(12). С. 1–11.
14. Преликова Е.А. Социальное здоровье в контексте управления // Образование и проблемы развития общества. 2018. № 2(6). С. 72–79.
15. Морев М.В. Теоретические аспекты изучения социального здоровья общества // Вопросы территориального развития. 2013. № 4. С. 2–9.
16. Морев М.В. Угрозы самодостаточности в контексте российских тенденций социального здоровья // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5 (2). С. 20–38.
17. Белоножко Л.Н. Политика сохранения социального здоровья населения Арктической зоны России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 46–59.
18. Мигунова Ю.В. Оценка состояния здоровья населения России (на примере Республики Башкортостан) в контексте проблематики исследования социального капитала // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 3. С. 88–94.
19. Ершов А.Н., Мишин В.А. Методики оценки уровня социального здоровья населения // Вестник экономики, права, социологии. 2021. № 3. С. 142–146.
20. Ершов А.Н., Панченко О.Л. Социальное здоровье населения региона: показатели и факторы влияния // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 2(59). С. 13–19.

Social Health of the Population: Conceptual Approaches to Study

Andrey Nikolaevich Yershov[1], Olga Lvovna Panchenko[1], Vitaly Alexandrovich Mishin[2]
[1]Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia),
[2]The State Duma of the Russian Federation (Moscow, Russia)

In modern society, risk levels have increased significantly, driven by numerous external challenges. This situation undoubtedly impacts the social health of the population, which is deteriorating across many parameters. However, to fully understand and assess social health, it is important to have a clear research methodology. The analysis of perspectives currently presented in scientific discourse does not allow for the identification of such a methodology. Interpretations of the concept are either greatly broadened to include a multitude of different indicators, or categorically narrowed to the boundaries of social adaptation or social well-being. Meanwhile, studying the social health of the population is a strategic objective for any state. Sociological analysis and forecasting play a significant role in this regard.

The aim of this study is to identify basic, invariant indicators that can be measured for social management purposes, based on a theoretical and methodological analysis of various approaches to studying the social health of the population. The scientific significance of this study lies in its analytical examination of approaches to defining social health and the indicators characterizing it in contemporary scientific and sociological discourse, which contributes to the development of a theoretical and methodological base in this area of sociological and social sciences.

The practical significance of the study lies in the potential application of the obtained results and conclusions in Russian social process management practices.

The scientific novelty of the results lies in the identification of basic indicators of social health of the population as an invariant model for studying the phenomenon of social health for the purpose of developing state social policy.

Keywords: social health of the population, methodology, sociological forecasting, social health indicators

УДК 316.356.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-293-298
© Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г., 2026

Семейные ценности и брачные установки молодежи: нормативность и трансформации (по результатам эмпирического исследования молодежи г. Казань)

Ефлова Мария Юрьевна
Доктор социологических наук, профессор, директор
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: meflova@gmail.com;
ORCID: 0000-0001-9573-2754)

Максимова Ольга Александровна[1]
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: olga_max@list.ru;
ORCID: 0000-0003-4616-9488)

Минзарипов Рияз Гатауллович
Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и этнической социологии,
Президент Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: rminzaripov@kpfu.ru;
ORCID: 0000-0002-5809-4391)

Актуальность исследования обусловлена глубокими изменениями в социокультурной структуре общества, которые затрагивают брачно-семейную сферу. Молодежь, формируясь в условиях глобализации, цифровизации и социальной нестабильности, сталкивается с необходимостью пересмотра традиционных сценариев супружеской жизни, что формирует новые подходы к пониманию семейных ценностей и брачных установок.

Цель исследования состояла в выявлении особенностей семейных ценностей и брачных установок молодежи, определении тенденций и факторов их нормативности и трансформаций в современных условиях. Среди задач исследования – анализ представлений молодежи о браке и семье, оценка влияния социальных, экономических и цифровых факторов на формирование брачных установок.

Эмпирическую базу составили результаты массового онлайн-анкетирования молодежи г. Казани (n = 884, возраст 18–35 лет) и серия неформализованных интервью (n = 22). Результаты

[1] доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева – КАИ (420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10).

показывают, что семья по-прежнему воспринимается молодежью как главная ценность, а официальный брак остается приоритетной моделью отношений для значительной ее части, однако фиксируется и рост предпочтений совместного проживания без официальной регистрации брака. Выявлены ключевые факторы трансформации брачных установок: экономическая нестабильность (отсутствие жилья, дохода), цифровизация (онлайн-платформы, социальные сети), психологическая готовность и ослабление родительского давления.

Научная новизна исследования обусловлена комплексным анализом факторов трансформации семейных ценностей и брачных установок молодежи в условиях современного крупного российского города с опорой на классические социологические теории брака. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов для разработки мер социальной поддержки семьи и корректировки молодежной семейной политики на региональном уровне.

Ключевые слова: *молодежь, брачные установки, нормативность, трансформация брака, официальный брак, совместное проживание, факторы формирования брачных установок, цифровизация знакомств*

Для цитирования: *Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г. Семейные ценности и брачные установки молодежи: нормативность и трансформации (по результатам эмпирического исследования молодежи г. Казань) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 293–298. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-293-298.*

Введение

Современные социокультурные и экономические преобразования оказывают комплексное воздействие на систему ценностных ориентаций молодежи, особенно заметное при анализе их брачных установок. В контексте усиления глобализации и распространения цифровых коммуникаций сдвигаются представления о месте и роли семьи, что ведет к пересмотру традиционных норм и утверждению более гибких моделей построения брачных отношений. Молодежь, находясь на стыке культурных, экономических и технологических перемен, все чаще демонстрирует разнонаправленные стратегии: от сохранения устойчивых семейных традиций до принятия индивидуализированных сценариев совместной жизни.

Согласно данным Росстата, в 2024 г. соотношение разводов к бракам достигло исторического максимума – 8 разводов на 10 браков, что вывело Россию на третье место в мире по количеству разводов [1]. Семья как базовый институт претерпевает изменения, связанные с экономическими кризисами, ростом мобильности, переоценкой ролей супругов. Именно поэтому акцент на изучении брачных установок молодежи позволяет обнаружить, насколько сильно изменились нормативные представления о замужестве и женитьбе, и в какой мере эти изменения связаны с гибкостью жизненных сценариев.

Методология и методы исследования

Теоретико-методологической основой исследования выступили три взаимодополняющих подхода, позволяющих анализировать брачные установки молодежи как на макро-, так и на микроуровне.

Во-первых, концепция брака как механизма социальной регуляции Э. Дюркгейма, согласно которой брачные установки, регулирующие семейные отношения, оставались стабильными благодаря устойчивости патриархальных механизмов стратификации, лежащих в основе семьи даже в условиях политических и экономических изменений [2]. Дюркгеймовский подход позволяет интерпретировать сохранение высокой ценности официального брака среди современной молодежи как индикатор устойчивости коллективных представлений, несмотря на процессы секуляризации и индивидуализации.

Во-вторых, теория «социальных полей и культурного капитала» П. Бурдье, благодаря которой трансформация брачных установок может быть рассмотрена через призму преобладания экономического аспекта в процессе принятия решения о создании семьи и увеличения различий в семейных траекториях в зависимости от объема социального и культурного капитала [3]. П. Бурдье подчеркивает, что современные брачные практики детерминируются не столько нормативными предписаниями, сколько капитализацией ресурсов, что приводит к перераспределению моделей супружества в зависимости от принадлежности к различным социальным стратам.

В-третьих, концепция рационального выбора Г.С. Беккера, в рамках которой брачные установки молодежи рассматриваются как результат целенаправленного стратегического поведения, ориентированного на максимизацию индивидуальной выгоды в условиях ограниченных ресурсов [4]. Г. Беккер интерпретирует брак как форму контракта, заключаемого на основе оценки потенциальной выгоды, со-

пряженной с производством нематериальных благ (дети, уважение, здоровье, альтруизм). Данный подход особенно продуктивен для анализа феномена отложенного брака и роста прагматических мотивов выбора партнера.

Эмпирическую базу исследования составили как вторичный анализ данных ВЦИОМ (2019–2024 гг.), так и авторское исследование, проведенное в г. Казани в апреле–мае 2025 г. Массовый онлайн-опрос (n = 884, целенаправленная квотная двухступенчатая выборка, квоты по полу и возрасту, возраст 18–35 лет) позволил выявить особенности нормативных представлений молодежи о браке и семье. Дополнительно проведено 22 неформализованных интервью с молодежью (целевая выборка с контролем по полу, возрасту и семейному положению) для глубинного анализа факторов формирования брачных установок. Интервью были направлены на реконструкцию субъективных смыслов, которыми молодые люди наделяют брак и семейные отношения.

Результаты и обсуждение

Полученные данные демонстрируют амбивалентность брачных установок современной молодежи. С одной стороны, для большинства опрошенных (87 %) семья по-прежнему является главной ценностью и основой здорового общества, а официальный брак остается приоритетной формой отношений (57 % респондентов). С другой стороны, 38 % отмечают постепенное снижение роли семьи из-за ориентации на личную и профессиональную самореализацию, а 38 % выбирают совместное проживание без регистрации как допустимую альтернативу.

Данная двойственность может быть интерпретирована в русле концепции Э. Гидденса о «пластичном браке», когда семейные союзы формируются не под влиянием социальных ожиданий и институциональных предписаний, а на основе субъективных ценностных установок, гибкости ролевых моделей и высокой степени персонализированной автономии [5]. Молодежь не отвергает брак как институт, но переопределяет его содержание: брак должен быть не нормативно-принудительным, а эмоционально и прагматически оправданным.

Согласно результатам нашего исследования, почти половина (45 %) молодых респондентов считают возможным и даже необходимым предварительное совместное проживание для проверки совместимости, причем юноши чаще делают акцент на экономической составляющей (18 против 8 % у женщин), а девушки более ориентированы на оценку психологической готовности к браку (30 против 16 %). Это различие отражает сохраняющиеся гендерные стереотипы семейных ролей, которые, согласно П. Бурдье, воспроизводятся через механизмы габитуса: женщины в большей степени ориентированы на эмоциональную сферу брака, тогда как мужчины – на его инструментальную, ресурсную функцию [3].

Оптимальный возраст для вступления в брак, по мнению молодежи, составляет для женщин 23–25 лет, для мужчин 26–30 лет. Эта возрастная асимметрия, во-первых, коррелирует с теорией рационального выбора Г.С. Беккера, согласно которой женщины «инвестируют» в репродуктивный капитал, имеющий временные ограничения, а мужчины – в профессиональный и финансовый капитал, напротив, который требует более длительного накопления [4]. Во-вторых, она подтверждает данные о смещении брачного возраста в сторону увеличения: если в 1960-е гг. молодые люди чаще вступали в брак в 20–24 года, то сейчас средний возраст первого брака для мужчин достигает 28 лет, для женщин – 24,6 года [6].

Среди основных мотивов заключения официального брака респонденты выделили следующие: желание придать отношениям стабильность и надежность (53 %), юридическая защита прав супругов (44 %), подтверждение серьезности намерений (42 %). Любовь как мотив, хотя и сохраняет свою значимость, но уже не является единственным и достаточным основанием – она дополняется требованиями институциональных гарантий. Это коррелирует с тезисом Э. Дюркгейма о том, что брак функционирует как механизм социальной регуляции, поддерживающий коллективную солидарность через формализацию обязательств [2].

Рождение детей и их законодательная защита как один из мотивов заключения официального брака важны лишь для трети (34 %) опрошенных, что свидетельствует о деинституционализации репродуктивной функции брака. Как отмечает Ю.А. Зубок, в условиях изменяющейся социальной реальности происходит эрозия догматических нормативных предписаний, регулирующих брачные союзы, что позволяет партнерам автономно конструировать брачную реальность [7]. Согласно официальным данным переписи населения, в настоящее время можно констатировать присутствие смещения показателей воспроизводства населения в сторону отрицательных значений. К сожалению, данный негативный тренд коснулся и Республики Татарстан [8], что подтверждается и установками молодежи.

Анализ причин развода показывает, что экономические трудности (15 %) уступают таким факторам, как измена (59 %), насилие (42 %) и вредные привычки (40 %). Это противоречит распространенному тезису о детерминирующей роли экономики в брачной стабильности. С точки зрения теории рационального выбора, данное расхождение объясняется тем, что в постматериалистических обществах «нематериальные» потери (доверие, безопасность, самоуважение) оцениваются индивидами выше, чем материальные издержки развода [4].

При выборе брачного партнера молодежь в первую очередь ориентируется на внешнюю привлека-

тельность и общие ценности (оценка 5 из 5), тогда как материальное положение, религия, национальность и одобрение семьи имеют более низкий приоритет (1–3 балла). Этот результат согласуется с концепцией «чистых отношений» Э. Гидденса, где связь между партнерами поддерживается не внешними социальными санкциями, а внутренним удовлетворением, получаемым от взаимодействия [5]. Однако, как отмечает П. Бурдье, даже в условиях декларируемой автономии выбор партнера остается стратифицированным: «общие ценности» часто являются эвфемизмом для культурной и социальной гомогамии [3].

Распределение семейных ролей в оценке казанской молодежи тяготеет к эгалитарной модели: большинство выступает за совместное принятие решений (70 %), воспитание детей (74 %) и ведение быта (68 %). Вместе с тем материальное обеспечение по-прежнему считается преимущественно мужской обязанностью (49 против 45 % за совместное). Данная «неполная эгалитарность» отражает противоречивый характер трансформации гендерного порядка, который Т. Парсонс описывал как запаздывание нормативной интеграции новых ролевых моделей [9].

На основе глубинных интервью были выделены следующие группы факторов, детерминирующих изменения брачных установок.

Экономические факторы: отсутствие собственного жилья, стабильной работы и сбережений воспринимается как ключевое препятствие для вступления в брак. Информанты подчеркивают, что брак перестал быть средством выживания, а стал осознанным выбором, требующим финансовой зрелости: «*Деньги действительно приносят в отношения стабильность и безопасность… на почве недостатка денег происходит масса конфликтов*» (жен., 21 год, состоит в незарегистрированном браке). С точки зрения Г.С. Беккера, это проявление рациональной оценки «вмененных доходов» от брака: молодые люди откладывают регистрацию до момента, когда ожидаемая полезность от союза (включая материальную стабильность) превысит издержки [4].

Цифровизация: онлайн-платформы для знакомств воспринимаются амбивалентно. С одной стороны, 51 % опрошенных допускают возможность найти партнера при правильном выборе сервиса, с другой – интернет создает иллюзию «бесконечного выбора» и завышенные ожидания. «*Социальные сети показывают нам красивую жизнь, не демонстрируя обратную сторону*» (муж., 33 года, в браке). Цифровая среда выступает как новый агент социализации, который, по мнению Ю.А. Зубок, формирует «рефлексивную автономию», но одновременно порождает риски дезориентации и аномии в брачной сфере [7].

Социальные факторы: родители остаются главным агентом социализации (73 % отметили их влияние), однако большинство молодежи (58 %) не планирует копировать родительскую модель, стремясь выстроить собственную. Это подтверждает концепцию И.С. Кона о росте автономии молодежи и ослаблении межпоколенческой передачи нормативных образцов [10]. Давление окружения проявляется в сравнении себя со сверстниками, которые уже вступили в брак или стали родителями – феномен, который можно обозначить как «горизонтальная нормативность».

Психологические факторы: высока нормализация развода как допустимого выхода из неблагополучных отношений. При этом многие испытывают страх перед ответственностью и сомнения в правильности выбора партнера. Совместное проживание до брака рассматривается как необходимый этап (позитивно оценивают 89 % информантов). Эта практика выполняет функцию «тестирования» совместимости и снижения трансакционных издержек в случае неудачного союза, что полностью вписывается в логику рационального выбора.

Большинство молодежи (83 %) считают возможным совмещать карьеру и семью, при этом 59 % заявляют о равной значимости успешной карьеры и счастливого брака. Желаемое количество детей – двое (46 %), при этом 9 % не хотят детей или считают их наличие необязательным. Давление со стороны старших родственников по поводу деторождения зачастую вызывает конфликты, но молодежь демонстрирует устойчивую ориентацию на автономное принятие решений.

Данные результаты свидетельствуют о переходе от традиционной модели «семья как судьба» к модели «семья как проект». В терминах Э. Гидденса, индивиды воспринимают семейную жизнь как рефлексивно управляемый процесс, где деторождение и карьера – это взаимосвязанные «проекты», требующие планирования и ресурсного обеспечения [5].

Заключение

Представленные результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы. В оценках молодежи семья сохраняет достаточно высокую ценность, однако происходит сдвиг от институциональной обязательности брака к персонализированному, осознанному выбору. Официальный брак по-прежнему является приоритетной формой отношений, но растет лояльность к совместному проживанию без регистрации как этапу проверки совместимости партнеров.

Ключевыми факторами трансформации брачных установок молодежи выступают: экономическая составляющая (откладывание регистрации брака до достижения финансовой самостоятельности), цифровизация (формирование завышенных ожиданий и эффекта бесконечного выбора), психологическая

готовность (приоритет эмоциональной совместимости над внешними нормами), а также ослабление жесткого влияния старших поколений.

Молодежь стремится к эгалитарной модели семьи, основанной на принципе равноправия всех членов, но одновременно демонстрирует и некоторые традиционные гендерные стереотипы («мужчина – кормилец», «женщина – хранительница очага»). Развод и бездетность в оценках молодежи перестают быть жестко социально стигматизируемыми явлениями. Перспективы развития брачных установок молодежи, как показали результаты исследования, связаны с дальнейшей индивидуализацией семейных стратегий и усилением роли субъективного благополучия как главного критерия успешности брачного союза.

Литература:

1. Абдульзянов А.Р., Рустамова Г.М. Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 1. С. 94–106.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
3. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge: Harvard University Press, 1984. 640 p.
4. Беккер Г.С. Выбор партнера на брачных рынках // THESIS. 1994. № 6. С. 12–36.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
6. Третьякова Е.А. Идеальный брачный возраст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. № 2. С. 192–207.
7. Зубок Ю.А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодёжи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 10–30.
8. Нагматуллина Л.К., Максимова О.А. Динамика изменения социально-демографических процессов российского общества в статистике переписей населения // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 6 (57). С. 75-81.
9. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2018. 880 с.
10. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
11. Яковлева А.С. Брачно-семейные установки студенческой молодежи // Студент-Исследователь-Учитель. 2021. № 110. С. 797–807.

Family Values and Marital Attitudes of Youth: Normativity and Transformations (Based on the Results of an Empirical Study of the Youth of Kazan)

Maria Yurievna Eflova[1], Olga Alexandrovna Maximova[1, 2], Riyaz Gataullovich Minzaripov[1]

[1]Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia),

[2]Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (Kazan, Russia)

The relevance of the study is due to profound changes in the socio-cultural structure of society that affect the marital and family sphere. Young people, being shaped under conditions of globalization, digitalization, and social instability, are faced with the need to reconsider traditional scenarios of married life, which forms new approaches to understanding family values and marital attitudes.

The aim of the study was to identify the features of family values and marital attitudes of youth, to determine the trends and factors of their normativity and transformations in modern conditions. The research tasks include the analysis of youth's ideas about marriage and family, and the assessment of the influence of social, economic, and digital factors on the formation of marital attitudes.

The empirical base comprises the results of a mass online survey of the youth of Kazan (n=884, age 18–35 years) and a series of informal interviews (n=22). The results show that the family is still perceived by young people as the main value, and official marriage remains a priority model of relations for a significant part of them; however, an increase in preferences for cohabitation without official registration is also recorded. Key factors in the transformation of marital attitudes are identified: economic instability (lack of housing, income), digitalization (online platforms, social networks), psychological readiness, and weakening of parental pressure.

The scientific novelty of the study is due to a comprehensive analysis of the factors transforming family values and marital attitudes of youth in a modern large Russian city, drawing on classical sociological theories of marriage. The practical significance lies in the possibility of using the results to develop measures of social support for the family and to adjust youth family policy at the regional level.

Keywords: youth, marital attitudes, normativity, transformation of marriage, official marriage, cohabitation, factors of formation of marital attitudes, digitalization of dating

УДК 316.354
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-299-303
© Ильиных С.А., Чирцова А.О., 2026

CX-исследование как инструмент проектирования системы обучения в интеграции с матрицей компетенций: опыт компании *CDEK*

Ильиных Светлана Анатольевна
Доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
(630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56; e-mail: ili.sa@mail.ru)

Чирцова Анастасия Олеговна
Аспирант кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
(630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 e-mail: chircova_nasta@mail.ru)

В статье представлены результаты CX-исследования, проведённого в IT-департаменте компании CDEK. Цель исследования – выявить потребности, ожидания и запросы сотрудников в сфере корпоративного обучения для последующего проектирования системы обучения, интегрированной с разрабатываемой матрицей лидерских компетенций. Исследование проводилось параллельно с разработкой матрицы; CX-данные собирались до её завершения, что позволило использовать их для валидации нормативных требований с учётом реального опыта сотрудников. Методология базируется на качественной стратегии: полуструктурированные интервью с IT-сотрудниками (n = 24, стратификация по грейдам). Установлено, что высокая внутренняя мотивация сотрудников к обучению является ключевым фактором успешного развития корпоративных систем подготовки кадров. Определены перспективные направления совершенствования: повышение прозрачности связи между корпоративными курсами и карьерными треками, усиление системной поддержки со стороны руководителей, развитие института наставничества. Результаты исследования имеют практическую значимость для организаций, реализующих программы цифровой трансформации и развития систем управления компетенциями. Предложенные подходы могут быть адаптированы для различных отраслей и масштабов бизнеса.

Ключевые слова: *CX-исследование, пользовательский опыт, матрица компетенций, система обучения, корпоративная культура, грейды, поведенческие индикаторы, наставничество, IT-департамент, социология управления*

Для цитирования: *Ильиных С.А., Чирцова А.О. CX-исследование как инструмент проектирования системы обучения в интеграции с матрицей компетенций: опыт компании CDEK // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 299–303. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-299-303.*

Современные логистические компании, работающие в условиях цифровой трансформации, сталкиваются с необходимостью выстраивания эффективных систем развития персонала. Одним из ключевых инструментов решения этой задачи становится интеграция данных о пользовательском опыте (*CX*-исследование) с корпоративной матрицей компетенций. Как отмечает С.А. Ильиных, «в наиболее эффективных с позиции менеджмента организациях есть осознание того, что успешное развитие и удержание конкурентных преимуществ напрямую связано с ясным определением и эффективной трансляцией своих ценностей» [1, с. 3].

В западной традиции организационная культура определяется через систему базовых предположений, разделяемых членами организации (Э. Шейн), типологию ценностных измерений (Г. Хофстеде) или рамку конкурирующих ценностей (К. Камерон и Р. Куинн). Согласно Шейну, культура существует на трёх уровнях: артефакты, провозглашаемые ценности и базовые предположения [2, с. 31–35]. Как отмечает исследователь, расхождение между провозглашаемыми ценностями и реальными практиками может становиться зоной внимания для развития организации [2, с. 33]. В отечественной науке значимый вклад в изучение корпоративной культуры внесли И.В. Грошев [3, с. 45–50], В.А. Спивак [4, с. 25–30], С.А. Ильиных [1, с. 52–55], связавшие культуру с ценностями, гендерными аспектами и управленческой эффективностью. Исследования Е.О. Ноздриной, Е.А. Закаблуцкой, А.Н. Занковского показали, что корпоративная культура выступает активным регулятором процессов обучения и развития персонала [5, с. 67; 6, с. 34; 7, с. 112–115].

Изучить то, каким образом происходит обучение и развитие персонала современных, высокотехнологичных организаций, можно при исследовании системы компетенций. При этом, как отмечает Ю.В. Медведев, «система компетенций – это ресурс, который корпоративная культура предоставляет в пользование профессиональному управляющему» [8, с. 45].

Рассмотрим этот вопрос на примере компании *CDEK*, основанной в 2000 г. Она входит в число лидеров российского логистического рынка, имеет сильную корпоративную культуру. Её видение трансформировано в идею «Мы – надежный сервис в один клик, который является частью жизни людей более чем в 100 странах. С нами каждый человек реализует свой потенциал». Корпоративная культура базируется на пяти ценностях: «За посылкой – человек», «Держим слово», «СДЭК – это мы», «Открытость», «Становимся лучше» [9]. Именно в ценностях заложены те «скрепы», которые объединяют всех сотрудников – от курьера до топ-менеджера. Компания последовательно развивает систему управления персоналом, основанную на использовании современных инструментов.

Представленное исследование является частью этой работы, направленной на повышение эффективности обучения и развития сотрудников. В 2025 г. в компании были запущены два процесса. Первый процесс – разработка матрицы лидерских компетенций (*Soft skills*) для IT-специалистов с разбивкой по уровням знаний и навыков сотрудников. Поясним, что в IT-сфере такие уровни называются грейдами. Выделяют 4 уровня-грейда: J*unior, Middle, Senior, Lead. Junior* (джуниор) – начинающий специалист с базовыми знаниями, но минимальным опытом, возможно, даже без него. *Middle* (мидл) – специалист, имеющий опыт работы, но нуждающийся в указаниях. *Senior* (сеньор) – опытный специалист, имеющий глубокие знания, способный решать нестандартные задачи. *Lead* (лид) – ведущий специалист, формирующий стратегию, управляющий процессами на высшем уровне. Матрица призвана зафиксировать поведенческие индикаторы – ответы на вопросы «что делает, как делает, чего не делает?» сотрудник на каждом уровне.

Второй процесс – это *CX*-исследование (*Customer Experience Research)*. Логика этого шага состояла в том, чтобы сначала изучить реальный опыт, мотивацию и ожидания сотрудников, а затем, после завершения разработки матрицы, выстроить систему обучения на стыке нормативных требований и эмпирических данных.

Для целей настоящего исследования важно различать два типа инструментов. Матрица компетенций – это нормативный документ, который фиксирует набор поведенческих индикаторов для каждой компетенции, дифференцированных по уровням знаний и навыков сотрудников – грейдам. Она отвечает на вопрос «что должен демонстрировать сотрудник на каждом грейде?». В *CDEK* матрица строится по принципу «матрёшки»: каждая последующая категория включает проявления предыдущих знаний и опыта, а также дополнительные. Каждая компетенция оценивается по шкале от 1 (начальный уровень) до 4 (превосходит ожидания). *CX*-исследование – это эмпирический метод сбора данных о субъективном опыте, ожиданиях, мотивации и зонах развития пользователей системы. Оно отвечает на вопрос: как сотрудники воспринимают обучение. Ключевая логика представленного подхода: сначала *CX*, затем синтез с матрицей, затем проектирование обучения. Это позволяет создавать систему, учитывающую как нормативные требования, так и реальные потребности сотрудников.

В основе эмпирической части работы – качественная стратегия, наиболее адекватная для реконструкции субъективных смыслов. Основной метод – полуструктурированное глубинное интервью с IT-сотрудниками *CDEK*. Целевой объем выборки для проведения глубинных интервью составил 24 респондента. Это обеспечило представленность

всех грейдов и позволило минимизировать риск искажения данных при возможном выбытии участников. Распределение по грейдам отражало реальную структуру департамента: *Junior* – 6 чел. (25 % выборки), *Middle* – 8 чел. (33 %), *Senior* – 6 чел. (25 %), *Lead* – 4 чел. (17 %). Критерии отбора для опроса: стаж в компании не менее 6 месяцев, участие хотя бы в одном корпоративном обучении за последний год. Гайд включал блоки о мотивации, опыте участия в обучении, «точках роста», представлениях об «идеальном обучении», связи обучения с карьерой и оценке результатов.

Для абсолютного большинства IT-сотрудников обучение является профессиональной нормой. Респонденты регулярно учатся, преимущественно самостоятельно выбирая ресурсы (*YouTube, Skillbox, Coursera*, профессиональные блоги). Внутренняя мотивация уже сформирована; задача компании – создавать условия для её реализации и канализировать существующую мотивацию в направлении, релевантном бизнес-целям и будущей матрице компетенций. В ходе интервью были выявлены критерии, которые сотрудники ассоциируют с качественным обучением. К таким критериям относятся чёткая структура и понятные цели («дорожная карта»), практическая направленность и использование реальных кейсов компании, наличие домашних заданий и обратной связи от наставника или куратора, а также сильный преподаватель-практик. В качестве зон развития участники исследования называли недостаточную практическую ориентированность некоторых программ, отсутствие дедлайнов и измеримых критериев результата. Как заметил один из респондентов (*Senior*-аналитик, стаж 4 года): «*У меня был курс, где три часа лекций подряд без единой практики. Я закрыл ноутбук и ничего не запомнил*».

Главным драйвером мотивации выступает практическая польза – возможность применить знания в своей текущей работе. Исследование показало, что поддержка руководителя является важным фактором вовлечённости в обучение, при этом степень этой поддержки варьируется. Как отметил *Junior*-разработчик (стаж 1 год): «*Мой руководитель поощряет обучение, но иногда бывает сложно совмещать с задачами спринта* (интервал планирования работы над задачей – прим.авт)». Это указывает на направление для совершенствования: создание более системных условий для интеграции обучения в рабочие процессы.

Ключевая зона развития, выявленная в ходе исследования, касается связи обучения с карьерой. Респонденты демонстрируют высокую карьерную мотивацию, однако связь между корпоративным обучением и карьерным ростом может быть повышена. Сотрудники отмечают, что им было бы полезно понимать, какие именно курсы и в каком объёме способствуют переходу на следующий грейд. Именно здесь разрабатываемая матрица компетенций становится необходимым инструментом. После её завершения для каждого поведенческого индикатора могут быть привязаны рекомендованные курсы. Сотрудник мог бы видеть в системе управления обучением (*LMS*): «Ты сейчас *Middle*. Для перехода на *Senior* тебе рекомендуется освоить следующие курсы...».

Наставничество, как показало исследование, высоко ценится сотрудниками и включается ими в «лучший опыт обучения». В компании есть успешные практики менторства, которые участники исследования оценивают положительно. Потенциал развития заключается в более системном закреплении этих практик. Как отметил Senior-разработчик (стаж 5 лет): «*Я помогаю новичкам, это важная часть нашей культуры. Было бы здорово, если бы на это выделялось больше времени*». Реализация индикатора «развитие других» может быть поддержана организационными условиями.

К сильным сторонам текущей системы респонденты относят наличие корпоративной системы управления обучением (*LMS*) – *CDEK Univer*, появление IT-курсов, разработанных внутренними экспертами, доступ к внешним образовательным платформам, а также высокую собственную мотивацию. К перспективным направлениям развития относятся усиление привязки курсов к грейдам и карьерным трекам, систематизация поддержки со стороны руководителей, развитие института наставничества, персонализация *LMS*.

Проведённое исследование позволило выделить несколько направлений для совершенствования системы обучения в контексте корпоративных ценностей *CDEK*. Первое направление связано с ценностью «Становимся лучше» и касается создания защищённого времени для обучения. Сотрудники стремятся развиваться, и задачей компании является обеспечение для этого необходимых условий. Второе направление связано с ценностью «СДЭК – это мы» и касается формализации наставничества. Сотрудники готовы поддерживать друг друга, и создание системных условий для этого укрепит корпоративную культуру. Третье направление связано с повышением прозрачности карьерных треков. Сотрудники мотивированы на карьерный рост, и создание понятной связи между обучением и продвижением усилит эту мотивацию.

По итогам *CX*-исследования предлагаются следующие шаги, которые могут быть реализованы после завершения разработки матрицы компетенций. Во-первых, рекомендуется привязать каталог курсов с грейдами и индикаторами матрицы компетенций. Во-вторых, на основе *CX*-критериев предлагается установить обязательные требования ко всем внутренним программам: чёткая структура с целями, значительная доля практики (желательно

на реальных кейсах *CDEK*), наличие обратной связи от наставника или куратора, измеримый результат на выходе. В-третьих, рекомендуется включить руководителей в процесс обучения: рассмотреть введение *KPI* для руководителей по выполнению ИПР подчинённых, выделить целевое время сотрудника на обучение, провести обучение руководителей по работе с матрицей компетенций. В-четвёртых, предлагается формализация наставничества: на основе матрицы компетенций определить ожидаемый уровень вовлечённости наставника на каждом грейде, рассмотреть введение *KPI* для наставников, выделить время на наставничество, внедрить систему нематериального признания (значок «Наставник года», публичная благодарность). В-пятых, рекомендуется персонализация *LMS*: внедрение персонализированной ленты с использованием данных о грейде сотрудника и результатах оценки по индикаторам матрицы. В-шестых, предлагается обеспечить сквозную обратную связь и связь с карьерой: после прохождения курса в *LMS* может формироваться запись в ИПР сотрудника, а при ежегодной оценке эффективности руководитель может рассматривать выполненные курсы как дополнительный аргумент для повышения грейда. Целесообразно создать дашборд «Прогресс по компетенциям» в личном кабинете сотрудника.

На следующем этапе доработки матрицы рекомендуется использовать *CX*-данные для её актуализации, включив выявленные в ходе исследования требования, если они не были учтены изначально (например, «способность давать и запрашивать обратную связь по обучению»).

Представленное исследование демонстрирует применимость подхода «*CX*-исследование → синтез с матрицей компетенций → проектирование обучения» не только для конкретной логистической компании, но и для широкого круга организаций в процессе цифровой трансформации. На основании эмпирических данных и теоретического анализа можно сформулировать следующие универсальные выводы.

Во-первых, *CX*-исследования выявляют реальные потребности, мотивации и барьеры сотрудников, что позволяет адаптировать содержание и форму обучения к практическим задачам организации. Последовательность действий «сначала эмпирика, затем норматив» повышает релевантность обучающих программ и снижает риск несоответствия между провозглашаемыми ценностями и ежедневными практиками.

Во-вторых, ключевыми факторами успешной интеграции матрицы компетенций являются структурированность и градация, привязка к операциональным задачам и интеграция с *HR*-инструментами. Автоматическая связь матрицы с *LMS*, ИПР и *KPI* руководителей, включая показатели наставничества, повышает управляемость и прозрачность развития персонала.

Практическая значимость исследования заключается в разработке универсальных принципов, позволяющих организациям создавать системы обучения, соответствующие как нормативным требованиям, так и потребностям сотрудников. Это сокращает разрыв между ценностями организации и повседневными практиками, повышает мотивацию и ускоряет развитие релевантных компетенций.

Литература:

1. Ильиных С.А. Гендерная концепция организационной культуры: монография. Новосибирск: Изд-во НГУЭУ, 2009. 235 с.
2. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
3. Грошев И.В., Емельянов П.В., Юрьев В.М. Организационная культура. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 288 с.
4. Спивак В.А. Корпоративная культура: учеб. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
5. Ноздрина Е.О. Развитие корпоративной культуры в условиях трансформации современных бизнес-организаций: социологический аспект: дисс. … канд. соц. наук. Пенза, 2018. 194 с.
6. Закаблуцкая Е.А. Система обучения персонала на основе корпоративной культуры: дисс. … канд. пед. наук. М., 2014. 178 с.
7. Занковский А.Н. Анализ базовых «координат» организационных культур: когнитивные репрезентации организационных понятий в сознании российских и японских менеджеров // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 3. С. 26–36.
8. Медведев Ю.В. Методология формирования системы компетенций в компании // Новый университет. 2013. № 4 (14). С. 42–45.
9. CDEK. О компании: видение, миссия, ценности. URL: https://www.cdek.ru/ru/about (дата обращения: 29.04.2026).
10. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2001. 320 с.

CX- Research as a Tool for Designing a Training System in Integration with a Competency Matrix: the Experience of *CDEK*

Svetlana Anatolievna Ilynykh, Anastasiya Olegovna Chirtsova
Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)

This article presents the results of a CX study conducted in the IT department of CDEK. The study aimed to identify employee needs, expectations, and requests for corporate training to inform the design of a training system integrated with the leadership competency matrix being developed. The study was conducted concurrently with the matrix's development; CX data was collected prior to its completion, enabling it to be used to validate regulatory requirements based on employee experience. The methodology utilizes a qualitative strategy: semi-structured interviews with IT employees (n = 24, stratified by grade). It was found that high employee intrinsic motivation for training is a key factor in the successful development of corporate training systems. Promising areas for improvement were identified, including increasing the transparency of the link between corporate courses and career tracks, strengthening systemic support from managers, and developing a mentoring system. The study's results have practical implications for organizations implementing digital transformation programs and developing competency management systems. The proposed approaches can be adapted to various industries and business scales.

Keywords: CX research, user experience, competency matrix, training system, corporate culture, grades, behavioral indicators, mentoring, IT department, sociology of management

УДК 316.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-304-310
© Каргаполова Е.В., Давыдова Ю.А., Захарова А.А., Тенсина А.Д., 2026

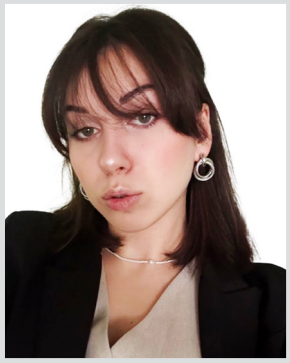
Духовное здоровье москвичей: социально-демографические координаты

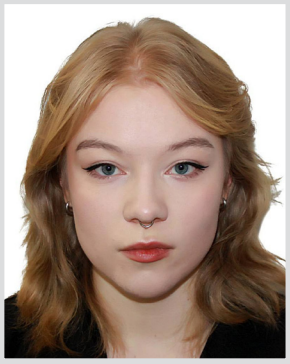
Каргаполова Екатерина Владимировна
Доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
(117997, Москва, Стремянный пер., 36; e-mail: k474671@list.ru;
ORCID: 0000-0002-2892-3953; Scopus ID: 57210744250; SPIN-код: 3776-0757)

Давыдова Юлия Александровна
Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
(117997, Москва, Стремянный пер., 36; e-mail:ylkadav@mail.ru;
ORCID: 0000-0001-5660-328X; Scopus ID: 57210287887; SPIN-код: 2967-8794)

Захарова Анна Антоновна
HR-специалист ООО «Райден»
(101000, Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Ховрино, ул. Беломорская, д. 40;
e-mail: nyuta.zakharova.04@mail.ru)

Тенсина Алиса Денисовна
SMM-менеджер ИП Лушников В.Ю.
(140013, Люберцы, ул. Юности, д. 13, корп. 1; e-mail: tensina_a@list.ru)

В условиях ускоренной урбанизации, роста социальной изоляции и цифровой перегрузки изучение факторов, формирующих духовное благополучие личности, приобретает особую социальную значимость. Цель исследования – выявить системные взаимосвязи между социально-демографическими характеристиками (пол, возраст, состояние здоровья, материальное положение) и выбором духовно-психологических практик, а также определить их роль в формировании субъективного восприятия духовного благополучия и адаптивных стратегий личности. Эмпирические результаты подтвердили выраженные гендерные различия: женщины чаще выбирают практики, связанные с общением, творчеством, помощью другим и танцами, мужчины – физическую активность и компьютерные игры. Материальный фактор показал следующую корреляцию: высокий доход ассоциируется с культурными практиками, информационным детоксом и путеше-

ствиями; низкий – с социальными сетями, посещением храма и профессиональной деятельностью как формой духовного выражения. Состояние здоровья также влияет на выбор практик: респонденты с хроническими заболеваниями или ограниченными возможностями здоровья чаще выбирают рефлексивные, доступные практики (созерцание, чтение, рукоделие), тогда как люди с хорошим самочувствием склонны к активным занятиям.

Установлено, что духовные практики функционируют как индивидуальный адаптивный механизм, способствующий обретению внутренней гармонии. При этом духовное благополучие интерпретируется не как пассивный комфорт, а как способность осознавать ценность и радость жизни вопреки объективным трудностям. Подтверждена ключевая роль духовного здоровья в укреплении социальных связей и снижении рисков отчуждения в мегаполисе. Практическая значимость исследования заключается в открытии перспектив для развития персонализированных подходов в социальной работе, психологии и городской политике.

Ключевые слова: *духовное здоровье, духовные практики, социально-демографические различия*

Для цитирования*: Каргаполова Е.В., Давыдова Ю.А., Захарова А.А., Тенсина А.Д. Духовное здоровье москвичей: социально-демографические координаты // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 304–310. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-304-310.*

Здоровье населения представляет собой сложный и многогранный феномен, детерминированный не только биологическими факторами, но и широким спектром социальных условий, культурных особенностей, личных психоэмоциональных характеристик и экономического положения. Состояние здоровья определяется способностью человека воспринимать и преобразовывать окружающую среду для обеспечения личного благополучия. Здоровье неразрывно связано с условиями существования человека и его социальной активностью, оценивается в контексте качества жизни и субъективного благополучия, являясь ключевым фактором устойчивого развития современного общества.

В условиях современных вызовов – ускоряющейся урбанизации, цифровизации, изменения образа жизни и роста психоэмоциональных нагрузок – вопрос здоровья приобретает особую остроту. Актуальными становятся исследования в области ментального здоровья, распространенности тревожных и депрессивных расстройств, а также влияния социальной изоляции на благополучие индивида. Эти процессы подтверждают важность междисциплинарного подхода к здоровью и демонстрируют необходимость разработки новых стратегий профилактики, интервенции и социальной поддержки. Одновременно возрастает интерес к пониманию здоровья как ресурса, позволяющего человеку реализовывать жизненные цели, адаптироваться к изменениям и справляться со стрессами. Это понимание, отраженное в концепции позитивного здоровья, сближает медицинскую и гуманитарную перспективы, подчеркивая значение таких категорий, как устойчивость, субъективное благополучие и психологическая компетентность. Таким образом, современное представление о здоровье выходит за пределы биомедицинской модели, превращаясь в многомерную, динамическую и контекстуально обусловленную конструкцию, требующую постоянного анализа, адаптации и междисциплинарного взаимодействия.

В контексте междисциплинарного подхода в научных исследованиях здоровье дифференцируют на несколько видов: соматическое, физическое, психическое и нравственное. Одним из значимых аспектов является взаимовлияние физического и духовного здоровья. Физическое здоровье тесно связано с общим состоянием организма и зависит от развития системы здравоохранения, уровня социальной заботы о населении и программ по его улучшению. Однако его оценка невозможна без учёта духовного здоровья и личного восприятия.

Духовное здоровье включает внутреннюю гармонию человека, его способность к самосознанию и взаимодействию с окружающим миром. Оно определяет способность личности адекватно воспринимать и преодолевать жизненные трудности, активно участвовать в общественной жизни и строить гармоничные социальные связи. Духовное развитие – это непрерывный процесс, важный для понимания социальных и культурных процессов и успешной адаптации в условиях модернизации общества.

Дух представляет собой высшую способность человека, позволяющую осуществлять смыслополагание, личностное самоопределение и осмысленное преобразование действительности. Это обогащает личную и общественную жизнь сферой моральных, культурных и религиозных ценностей, выступаю-

щих руководящими принципами для других способностей души. Духовное развитие индивида влияет на социальные изменения, а его внутреннее развитие приобретает коллективное значение. Духовное развитие не является кратковременной целью жизни индивида, это то, к чему он должен и будет стремиться на протяжении всего жизненного пути.

Наличие духовного здоровья определяется умением жить в гармонии с собой и окружающими, способностью предвидеть события, обладать правильными манерами и высоким уровнем культуры поведения. Ключевое условие достижения внутренней гармонии – развитие внутренней силы, стабильности и стойкости, что помогает успешно адаптироваться к общественным и экономическим изменениям, сохраняя верность принципам и убеждениям.

Несмотря на условия динамичности современной жизни, глубоко укоренившиеся и твердые личные убеждения остаются для человека надежным ориентиром, указывающим путь и придающим уверенность и внутреннее спокойствие в себе и своей жизни. Перечисленные качества, необходимые для современного человека, являются определяющими для него в данных условиях.

Первостепенное внимание следует уделять способности человека развивать внутреннюю устойчивость к жизненным обстоятельствам, аналитическое мышление и критический анализ, созидательное поведение, гармоничные взаимосвязи в обществе. Эти способности индивида позволяют ему успешно справляться с вызовами современного мира и менее «болезненно» приспосабливаться к переменам, что критически важно в условиях социальных и культурных преобразований.

Развитие духовного здоровья и внутреннего благополучия тесно сопряжено с достижением зрелости личности, что позволяет человеку не только приспособиться, но и активно вовлекаться в жизнь социума. Важным фактором в динамично развивающемся обществе и в условиях глобальных перемен для успешной адаптации к новым реалиям становится умение видеть в изменениях шанс для личностного самосовершенствования и общественного развития.

В условиях глобальной трансформации в экономической, политической и культурной сферах духовное здоровье становится необходимым ресурсом для устойчивого развития личности. Это приобретает особую значимость в контексте процессов модернизации, которые требуют от каждого члена общества гибкости мышления, способности к успешной адаптации, умения пересматривать свои принципы и жизненные ориентиры. Духовное здоровье, основанное на глубокой рефлексии, этических ценностях и осознанном отношении к себе и миру, формирует внутренний стержень, позволяющий человеку сохранять психологическую устойчивость даже в условиях неопределённости и кризиса. Оно проявляется в способности к эмпатии, конструктивному диалогу с инакомыслием и ответственному выбору в сложных ситуациях, превращая вызовы модернизации в возможности для личностного роста. Инвестиции в развитие духовной сферы личности становятся не просто индивидуальной задачей, а стратегическим условием формирования зрелого гражданского общества, способного к гармоничному и осмысленному прогрессу.

Влияние духовного здоровья на способность адаптироваться в условиях трансформирующейся социальной реальности отчетливо прослеживается в концепциях, разработанных зарубежными и отечественными учеными. К.У. Эллисон подчеркивает тесную связь духовности с физическим и психическим здоровьем человека. Духовность является интегрирующей силой, которая пронизывает все уровни личности и обеспечивает ее целостность [1, с. 333]. «Теория фундаментальных причин», разработанная Дж. Линком и П. Феланом [2, с. 85], утверждает, что здоровье и благополучие человека – это одна из важнейших составляющих, которые определяют способность человека успешно адаптироваться и реализоваться в рамках меняющейся социокультурной обстановки. В концепции человеческого капитала, разработанной Г. Беккером [3, с. 45], отмечается, что здоровье как часть человеческого капитала имеет важное значение для экономического роста и социальной мобильности. Теория морального развития Л. Колберга напрямую связывает духовное здоровье со способностью личности к моральному выбору [4, с. 204]. Проблематика духовного здоровья также рассматривается в трудах отечественных исследователей А.В. Лукьянова и М.А. Пушкаревой [5], А.А. Редько [6], Г.Р. Патенко, В.Л. Гусева и С.К. Савицкого [7].

Таким образом, проблема исследования заключается в том, что в контексте современных вызовов, глобальных модернизационных процессов в крупных мегаполисах требуется тщательная проработка вопроса духовного здоровья населения. Несмотря на признание мультифакторной природы определения состояния здоровья, включающей в себя биологические, экономические, социальные аспекты, духовное здоровье рассматривается как интегрирующая сила, способствующая обеспечению целостности личности, гармоничному взаимодействию с окружающими. В то же время традиционные программы политики в области здравоохранения населения зачастую игнорируют духовные потребности населения, при этом отталкиваясь больше от медицинских и социально-экономических мер. Такая тенденция может снижать эффективность усилий по улучшению здоровья и благополучия населения, особенно при наличии культурного и религиозного разнообразия, характерного для российского общества.

Особый интерес представляют исследования духовного здоровья жителей мегаполисов, которые характеризуются высокой плотностью населения, высоким ритмом жизни и целым рядом экологических проблем. Эти факторы могут оказывать негативное влияние на физическое и психологическое здоровье человека. Духовность в таких условиях выступает в качестве ресурса адаптации и преодоления стресса. Москва в данном контексте выступает типичным мегаполисом, на примере которого можно исследовать данную проблематику.

С целью анализа духовного здоровья москвичей обратимся к результатам социологического исследования «Наша духовность», реализованного в 2022 г. исследовательской группой кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова под руководством доктора социологических наук Е.В. Каргаполовой. При исследовании был применен метод онлайн-анкетирования среди жителей города Москвы (n = 2 520) в возрасте от 18 до 88 лет, среди которых было 57 % женщин и 43 % мужчин.

Исследовательской группой разработан и апробирован алгоритм реализации онлайн-анкетирования с выходом на целевую группу. Анкетерам было дано задание опросить респондентов из целевой группы, при этом установлены квоты по полу. В гугл-форме участники опроса указывали фамилию анкетера и свою контактную информацию, что позволяло контролировать работу анкетеров. В итоге полученное соотношение мужчин и женщин соответствовало гендерной структуре генеральной совокупности.

Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, поэтому полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность либо использоваться как справочные. Однако общее количество опрошенных позволяет сделать предположения и общие заключения.

Респондентам был задан ряд вопросов, позволяющих сделать выводы о состоянии духовного здоровья москвичей в системе таких социально-демографических координат, как пол, возраст, самооценка материального положения и физического здоровья.

При оценке духовного здоровья крайне важным является самооценка физического здоровья, так как это является показателем адекватного отношения к себе как к биосоциальному субъекту. Только половина опрошенных оценивает свое здоровье как «нормальное, пока не жалуюсь». Среди мужчин этот показатель составляет 56,3 %, тогда как среди женщин – 44,7 %. Такая ситуация может указывать как на объективно более крепкое здоровье опрошенных мужчин, так и на различия в культурно обусловленной склонности мужчин к недооценке легких недомоганий или их менее выраженной готовности делиться информацией о собственном здоровье.

Вариант «временами болею» при самооценке здоровья выбрали 30,1 % опрошенных, «часто болею» – 3,6 %, имеют хроническое заболевание – 9,6 %, инвалид – 1,1 %, затрудняюсь ответить – 2,5 %, отказ от ответа – 3,4 %. В категориях, указывающих на проблемы со здоровьем, женщины значительно чаще сообщали о наличии негативных аспектов: о том, что временами болеют, заявили 33,4 % женщин против 26 % мужчин. Такие различия могут быть объяснены комбинацией биологических факторов (например, гормональный фон, предрасположенность к ряду заболеваний), более высокой частотой обращения женщин к медицинским специалистам, что приводит к лучшей осведомленности о состоянии собственного здоровья, а также социокультурными аспектами, влияющими на готовность к самоотчету о недугах.

Духовное здоровье индивида неразрывно связано с его духовными предпочтениями. Гармония между личными убеждениями, ценностями и повседневными практиками укрепляет внутреннюю целостность, тогда как их противоречие может провоцировать экзистенциальный дискомфорт и эмоциональное истощение. В ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Что любит Ваша Душа?» – и предложено 20 вариантов ответа (табл. 1). Каждый ответ необходимо было ранжировать в соответствии с частотой их проявления в жизни респондента.

Гендерная разница в большей степени проявилась в повседневных практиках. Для женщин несколько чаще, чем для мужчин, духовным предпочтением является созерцание природы, чтение книг, рукоделие, учеба, социальные сети, посещение храма, информационный детокс, отдых от электронных устройств (гаджетов и т.п.) для разговора с самим собой, посещение музеев, театров, выставок, приготовление пищи; значительно чаще – помощь людям (21,7 против 9,5 %, выбравших вариант «Всегда»), танцы, общение с любимыми людьми (65 против 56,8 %), путешествия (45,1 против 31,8 %). Мужчины значительно чаще, чем женщины, предпочитают физическую активность, спорт, закаливающие процедуры (26,8 против 15,2 %), компьютерные игры (18,4 против 5,7 %), профессиональную деятельность.

Чем выше уровень материального положения, тем чаще духовные предпочтения опрошенных связаны с созерцанием природы, приготовлением пищи, помощью людям, прослушиванием хорошей музыки, путешествиями, посещением театров, музеев, выставок, просмотром фильмов, но меньше – телевизионных передач. Побыть наедине с собой более предпочитают «нищие», «зажиточные» и «богатые», чем «бедные», «необеспеченные» и «обеспеченные». Физическую активность, спорт, закаливающие процедуры более всего предпочита-

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос: «Что любит Ваша Душа?»

Варианты ответов	Индексы
Общение с любимыми людьми	3,48
Прослушивание хорошей музыки	2,93
Созерцание природы	2,91
Помощь людям	2,81
Побыть наедине с собой	2,81
Просмотр фильмов	2,77
Профессиональная деятельность	2,72
Чтение книг	2,61
Приготовление пищи	2,56
Путешествия	2,52
Творчество, рукоделие	2,31
Посещение театра, музея, выставок	2,30
Физическая активность, спорт, закаливающие процедуры	2,25
Учеба	2,10
Информационный детокс для внутреннего разговора с собой	2,06
Просмотр телевизионных передач	2,00
Социальные сети	1,90
Посещение храма	1,75
Танцы	1,57
Компьютерные игры	1,12

Варианты ответа сформулированы на основе разведывательного исследования в небольшой группе респондентов.

ют «богатые», менее всего – «бедные». Чтение книг, учеба, социальные сети, посещение храма наиболее предпочтительны для «нищих», наименее – для «бедных»; танцы – наиболее для «нищих», наименее – для «необеспеченных». Профессиональная деятельность наиболее привлекательна для «нищих» и «богатых», общение с любимыми людьми – наиболее для «богатых», наименее – для «бедных». Компьютерные игры чаще всего в качестве того, что любит их душа, выбирали «нищие», реже всего – «необеспеченные». А «богатые» чаще всего выбирали информационный детокс.

Если рассматривать духовные предпочтения в зависимости от самооценки здоровья, то чем выше оценивается состояние здоровья, тем менее актуально в качестве духовного предпочтения пассивные практики, такие как созерцание природы, но больший интерес проявляется к спорту, танцам, закаливающим процедурам, прослушиванию хорошей музыки, учебе, приготовлению пищи, общению с любимыми людьми, путешествиям, информационному детоксу. Созерцание природы важнее всего для людей с ограниченными возможностями здоровья, как и возможность побыть наедине с собой, чтение книг, творчество, рукоделие, компьютерные игры, посещение храма. Интересно, что профессиональная деятельность как любимое для души занятие наиболее важна для людей с ограниченными возможностями здоровья и тех, кто оценивает свое здоровье как нормальное, а наименее важна – для тех, кто болеет временами или часто. Социальные сети и посещение театра, музея, выставок, просмотр фильмов и телевизионных передач как духовное предпочтение важнее всего для людей с ограниченными возможностями здоровья и часто болеющих. Помощь людям крайне важна для часто болеющих.

Сопоставление данных о регулярности участия в различных духовных практиках с субъективной оценкой состояния здоровья позволяет выявить, в какой мере эти формы внутренней работы способствуют восстановлению, профилактике эмоционального выгорания и повышению общего качества жизни. Такой анализ раскрывает скрытые связи между телесным и духовным благополучием, демонстрируя, как личный выбор в пользу медитации, молитвы, чтения священных текстов и иных практик может быть связан с восприятием собственного здоровья и жизненной удовлетворенности. Так, например, активные физические нагрузки, закаливание являются средствами предотвращения болезней, именно поэтому в группах людей с проблемами здоровья реже встречается данная практика. То же самое можно сказать о путешествиях, так как ограничения здоровья снижают возможность постоянных передвижений.

Люди с ограниченными возможностями здоровья чаще используют чтение, творчество и рукоделие как духовную практику, потому что эти занятия доступны при физических ограничениях и позволяют внутренне развиваться, находить смысл. Люди с инвалидностью также чаще обращаются к учебе как духовной практике по мере необходимости, возможно, из-за поиска смысла перед лицом трудностей, стремления к внутреннему росту и самопознанию. Для них также профессиональная деятельность может быть ключевым источником смысла, самореализации и преодоления ограничений.

Люди с ограниченными возможностями здоровья чаще других групп, дифференцированных по состоянию здоровья, «всегда» используют компьютерные игры и социальные сети как жизненный ориентир. Это можно трактовать, с одной стороны, как способ эскапизма, с другой – как более доступный и гибкий способ включенности в социальные взаимодействия и самореализации. Респонденты с инвалидностью и частыми болезнями по сравнению с остальными группами здоровья также чаще выбирают просмотр фильмов и телевизионных передач в качестве духовного предпочтения, поскольку для них это может быть доступным источником эмоционального переживания, саморефлексии и связи с внешним миром. Для людей с ограниченными возможностями здоровья чаще жизненным ориентиром является

посещение храмов, поскольку вера и община храма могут быть для них мощным источником утешения, поддержки, смысла и принадлежности, компенсируя физические и социальные ограничения. Для групп людей с проблемами со здоровьем особенно ценны посещение театров, музеев, выставок как доступный источник вдохновения, саморазвития и социального участия.

Таким образом, духовные предпочтения человека с ограниченными возможностями здоровья систематически варьируются в зависимости от состояния здоровья индивида, выполняя при этом важную адаптационную функцию поддержания психологической устойчивости. Эти устойчивые различия убедительно свидетельствуют о том, что духовные практики выполняют не только трансцендентную, но и важную компенсаторно-адаптационную функцию, выступая эффективным инструментом психологической регуляции, специфика которого определена как соматическим статусом, так и актуальными жизненными обстоятельствами индивида. Кроме того, воспринимаемое духовное состояние детерминируется комплексом факторов, включающих в себя чувство осмысленности существования, степень включенности в ресурсные повседневные практики и опосредующее влияние физического здоровья. Эмпирическое подтверждение этому обнаруживается в выраженной корреляции между уровнем удовлетворенности духовным состоянием и характером используемых практик: респонденты с нормальным здоровьем, демонстрирующие высокие показатели духовного благополучия, систематически практикуют активные формы самореализации, тогда как лица с ограниченными физическими возможностями достигают духовного равновесия преимущественно через компенсаторные механизмы переосмысления опыта, практики принятия и адаптивные стратегии.

Проведенное исследование подтвердило системную взаимосвязь между полом, возрастом, состоянием здоровья, материальным положением и выбором духовно-психологических практик, субъективным восприятием духовного благополучия. Выявлена взаимосвязь между самочувствием человека и его потребностями в сфере духовных практик. Эмпирические данные исследования свидетельствуют о том, что выбор занятия по душе действительно является своеобразным механизмом приспособления к изменяющимся условиям. Людям, столкнувшимся с хроническими заболеваниями, свойственно выбирать те занятия, которые помогают им обрести внутреннюю гармонию и справиться с жизненными испытаниями. Подобные практики, как правило, легки в освоении, глубоко индивидуальны и направлены на внутренний диалог. Гармония души проявляется скорее не как субъективный комфорт, а как искусство видеть ценность и удовольствие в жизни вопреки физическим ограничениям.

Результаты исследования показали, что духовное здоровье индивидов является основой для продуктивного взаимодействия и социальной сплоченности в обществе. В условиях мегаполиса, где значительно повышается риск дефицита искреннего общения и отчужденности индивидов, значение общественного здоровья является особенно актуальным. Поддержка и развитие духовных практик выступают важнейшей частью социальных стратегий, направленных на гармонизацию городской среды, укрепление коллективного единства и общественного благополучия.

Таким образом, результаты опроса «Наша духовность» демонстрируют достаточно высокие оценки уровня духовного здоровья москвичей во всех возрастных периодах. Сложившаяся ситуация может говорить о том, что москвичи обладают высокой адаптивностью, позволяющей им сохранить позитивное восприятие духовного здоровья. Городская жизнь, особенно в таком мегаполисе, как Москва, часто сопряжена со стрессом. Духовное здоровье помогает развивать духовные ценности, создавая основу для инновационного развития и социальной сплоченности. В целом поддержка духовного здоровья в разные возрастные периоды является важной составляющей успешных трансформационных процессов в мегаполисе.

Литература:

1. Ellison C.W. Spirutal well-being: Conceptualization and measurement // Theology. 1983. № 11 (4). P. 333.
2. Link B., Phelan J. Social conditions as fundamental causes of disease // Journal of Health and Social Behaviour. 1995. № 35. P. 80–94.
3. Kohlberg L. The Philosophy of Moral Development. Vol. 1: Moral Stages and the Idea of Justice. San Francisco: Harper & Row, 1981. 441 p.
4. Gary S. Becker. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Chicago Press, 2009. 404 p.
5. Лукьянов А.В., Пушкарева М.А. Философские основания душевного и духовного здоровья // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2023. № S3. С. 175–178.
6. Редько А.А. Духовно-нравственная основа индивидуального, группового и популяционного здоровья // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2023. Т. 18. № 1. С. 44–48.

7. Патенко Г.Р., Гусев В.Л., Савицкий С.К. Единство духовного и телесного как основа культуры здоровья: философский анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2024. Т. 10. № 3. С. 26–37.

Spiritual Health of Muscovites: Socio-Demographic Coordinates

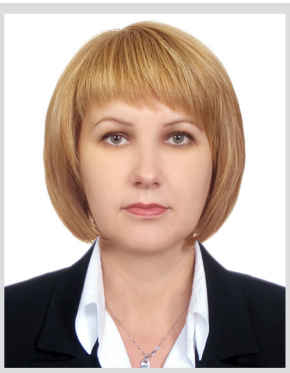
Ekaterina Vladimirovna Kargapolova[1], Julia Alexandrovna Davydova[1], Anna Antonovna Zakharova[2], Alice Denisovna Tensina[3]
[1]Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia),
[2]Raiden LLC (Moscow, Russia),
[3]V.Yu. Lushnikov, Individual Entrepreneur (Lyubertsy, Russia)

In the context of accelerated urbanization, growing social isolation, and digital overload, studying the factors that shape an individual's spiritual well-being is of particular social significance. The aim of the study was to identify systemic relationships between sociodemographic characteristics (gender, age, health, financial situation) and the choice of spiritual and psychological practices, as well as to determine their role in shaping the subjective perception of spiritual well-being and the individual's adaptive strategies. Significant gender differences were empirically confirmed: women more often choose practices related to communication, creativity, helping others, and dancing, while men prefer physical activity and computer games. Financial situation correlates with preferences: high income is associated with cultural practices, information detox, and travel; low income is associated with social media, church attendance, and professional activity as a form of spiritual expression. Respondents with chronic diseases or disabilities more often choose reflective, accessible practices (contemplation, reading, handicrafts), while people with good health tend to engage in active pursuits. Spiritual practices have been found to function as an individual adaptive mechanism that promotes inner harmony. Spiritual well-being is interpreted not as passive comfort, but as the ability to recognize the value and joy of life despite objective difficulties. The key role of spiritual health in strengthening social ties and reducing the risk of alienation in the metropolis has been confirmed. The results open up prospects for the development of personalized approaches in social work, psychology, and urban policy.

Key words: spiritual health, spiritual practices, socio-demographic differences

УДК 316
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-311-317
© Малышева А.Ю., 2026

Особенности ценностных ориентации современной студенческой молодежи: по результатам социологического исследования

Малышева Алевтина Юрьевна
Аспирант кафедры социальных наук и технологий
Поволжского государственного технологического университета
(424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3; e-mail: MalyshevaAY@volgatech.net;
SPIN-код: 6004-4955)

В статье проведено обзорное изучение нормативно-правовых документов, направленных на реализацию молодежной политики в Российской Федерации, изучены особенности формирования ценностных ориентаций в молодежной среде, включая духовно-нравственную и патриотическую сферы. На основании рассмотренных законодательных актов проведено социологическое исследование ценностных ориентаций современной российской студенческой молодежи по направлениям: образование, семейные ценности, патриотизм.

Целью исследования является выявление особенностей ценностных предпочтений современной российской студенческой молодежи. Авторское эмпирическое исследование показало, что ценностный мир молодежи, проходящей обучение в вузе, представляет собой своеобразный синтез образовательных, семейных и патриотических приоритетов. Выявлены ключевые показатели предпочтений, характерные для юношей и девушек. Научная новизна исследования заключается в подходе к изучению ценностей студенческой молодежи, основанном на возрастных особенностях данной социально-демографической группы, ее интересах и ориентациях в условиях трансформирующегося мира и кризиса ценностных ориентаций. Исследование представляет практическую значимость и может быть полезно при сравнительном изучении ценностей современной студенческой молодежи.

Ключевые слова: *студенческая молодежь, ценности, образование, вуз, семейные традиции, патриотизм*

Для цитирования: *Малышева А.Ю. Особенности ценностных ориентации современной студенческой молодежи: по результатам социологического исследования // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 311–317. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-311-317.*

Ценностный мир молодежи всегда представлял интерес для исследователей различных научных направлений: психологов, педагогов, социологов. Это связано прежде всего с тем, что молодежь как возрастная группа является своеобразным ценностным ориентиром, направляющим общество в новое русло развития и в какой-то степени предопределяющим его будущее. От того, какие ценности характерны для молодежи, зависит будущее развитие общества.

Изучению ценностных ориентаций в условиях общественных изменений посвящены работы М.Н. Руткевича [1], Н.И. Лапина [2], Т.Э. Петровой [3], В.Т. Лисовского [4], Е.Л. Омельченко [5]. Вопросы ценностных ориентаций студенческой молодежи изучаются в работах Ю.Г. Волкова [6], Ю.В. Голиусовой [7], Н.В. Лясникова, Ю.В. Лясниковой [8], А.В. Соколова, И.О. Щербаковой [9]. В энциклопедической литературе дается следующее опре-

деление понятия «ценностные ориентации» – это оценочное отношение личности к совокупности материальных и духовных благ, которые рассматриваются как предметы, цели и средства для удовлетворения потребностей группы. Они выражаются в идеалах, личностном смысле жизни и проявляются в социальном поведении личности [10, с. 559]. Прежде чем перейти к исследованию особенностей ценностных ориентаций современной студенческой молодежи, обратимся к изучению основополагающих нормативно-правовых актов Российской Федерации в области формирования ценностей.

Федеральный закон от 30.12.2022 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» содержит наиболее общую информацию о принципах, целях и направлениях государственной молодежной политики [11]. Назовем некоторые направления молодежной политики: воспитание гражданственности, патриотизма, уважения к отечественной истории; содействие образованию молодежи, содействие трудоустройству молодых граждан, поддержка молодых семей. В ст. 3 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» говорится о гуманистическом характере образования, осуществляемом на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, – являющемся одним из основных принципов государственной политики в сфере образования [12].

Одним из основных документов, определяющих особенности формирования и развития ценностной сферы российских граждан, является Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [13]. К таким ценностям относятся жизнь, гражданственность, патриотизм, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, приоритет духовного над материальным.

Опираясь на основные ценности, изложенные в нормативно-правовых документах, автор статьи организовал проведение исследования в студенческих коллективах.

Опрос проводился лично, в учебных аудиториях Поволжского государственного технологического университета (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола). Студентам были предложены вопросы на бумажном носителе, форма опроса – анонимная. Выборочная совокупность составила 117 респондентов и представлена первокурсниками очной формы обучения бакалавриата. Исследование проводилось в период с января по март 2026 г. Для проведения опроса автором составлена анкета, которая содержит три направления исследования: образование, семейные ценности, патриотизм. Опросник содержит 17 вопросов, большая часть которых является закрытыми, с вариантами ответов, дающими право выбора. Несколько вопросов из блока «Патриотизм» являются открытыми, предполагая самостоятельное формулирование ответов респондентами. Вопросы анкеты были составлены с учетом возрастных особенностей данной социально-демографической группы, достаточно четко и ясно, избегая двойственного толкования. Анализ данных произведен при помощи методов описательной статистики (расчет частот и средних значений).

Большая часть опрошенных (около 90 %) относится к возрастной группе «18–19 лет». Небольшая доля респондентов представлена возрастной группой «20–22 года». В выборке наблюдается незначительное преобладание представителей женского пола (около 55,6 %) над мужским (около 44,4 %). Представленная выборка является релевантной для исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи. Гендерный и возрастной состав отражает специфические особенности аудитории, вовлеченной в образовательный процесс и представляющей собой целевую группу исследования. Выбор трех направлений – образование, семейные ценности и патриотизм – объясняется следующими причинами. Так как исследование проводилось среди первокурсников, то есть на первом этапе получения высшего образования, при организации исследования ставились цели выяснить приоритеты получения образования, в том числе выяснение важности приобретения ведущих навыков и реализации способностей. Изучались представления студентов о качественном высшем образовании, а также выяснялись цели получения высшего образования. Выбор второго направления исследования основан на том, что данная возрастная категория представляет собой будущие потенциальные семьи, в связи с чем отдельный блок вопросов посвящен семейным ценностям. Респондентам были предложены вопросы о семейных традициях и ценностях, их отношении к созданию семьи. Патриотизм является одним из актуальных направлений в настоящее время – часть вопросов была посвящена этой важной категории.

Выбранные направления ценностных ориентаций студенческой молодежи тесно взаимосвязаны между собой. Важность получения высшего образования, формирование патриотических чувств к своей Родине в ракурсе ценностных ориентаций закладываются в семье и основаны в большей степени на семейных ценностях и традициях. Семейные традиции совместного времяпрепровождения предполагают стремление молодежи к саморазвитию, повышению уровня образованности, что ведет к возникновению притязаний на успешное трудоустройство, реализацию амбиций, стремлению обеспечить благополучие будущей семьи.

Связь образования и патриотизма проявляется в формировании осознанного отношения к получению образования, в стремлении стать высоко-

профессиональным специалистом, в перспективе работы на благо страны и обеспечения укрепления позиций государства.

Обращаясь к **первому блоку** «Образование», удалось выяснить, что большинство респондентов как мужского, так и женского пола проходят обучение в «желаемом» вузе. Данные результаты говорят о том, что одинаковое количество опрошенных в обеих группах проходят обучение в «желаемом» вузе (в обеих группах 23,08 %), а следовательно, включенность в образовательный процесс основана на осознанном подходе к процессу обучения, а приобретенные знания и умения будут использованы наиболее успешно в дальнейшей профессиональной деятельности. Результаты представлены на рисунке 1.

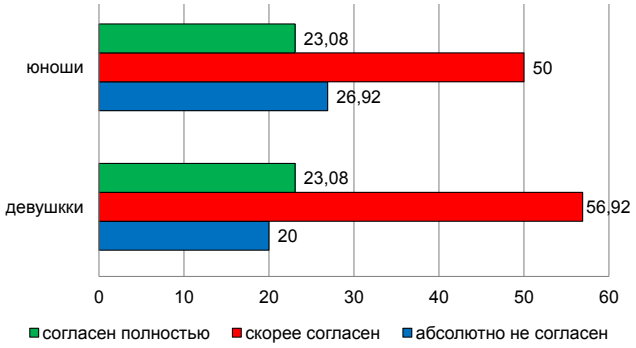

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Вы обучаетесь в вузе «Вашей мечты?», %

Склонны скорее согласиться с утверждением о «вузе мечты» подавляющее большинство респондентов, что свидетельствует о том, что, несмотря на наличие сомнений в выборе вуза, девушки (56,92 %) и юноши (50 %) адаптировались к условиям обучения и принимают сложившуюся ситуацию в положительном ключе. Абсолютно не согласны с утверждением примерно одинаковое количество представителей обеих групп: 20 % девушек и 26,92 % юношей. Вероятно, процесс обучения у представителей этих групп проходит с небольшой степенью эффективности.

Учеба в вузе предполагает не только интеллектуальное развитие, но и налаживание новых контактов, умение найти общий язык с разными людьми, что, несомненно, актуально на протяжении всей жизни. В связи с этим респондентам было предложено ответить на вопрос о том, что является наиболее важным в период обучения в вузе (рис. 2).

Согласно ответам респондентов, желание хорошо учиться превалирует среди ответов девушек, что вполне объяснимо, так как в силу своих психологических особенностей представительницы женского пола характеризуются более ответственным отношением к учебе, мотивированностью в получении знаний, они более нацелены на результат (23,08 % – девушки и 15,38 % – юноши). Шкалы, отображающие направленность стать профессионалом, находятся

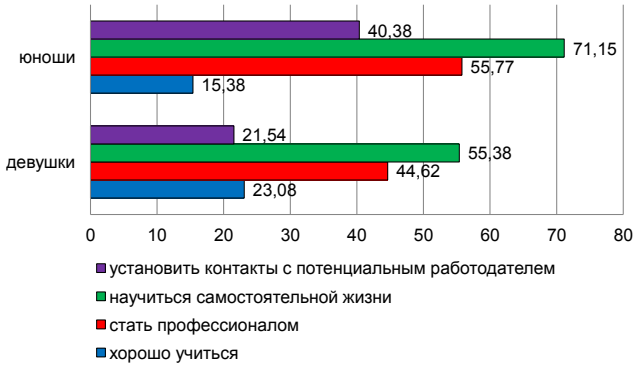

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, самое важное во время учебы в вузе?», %

Допустим выбор нескольких вариантов ответов.

почти на одинаковом уровне, что говорит о том, что это важный показатель как для девушек (44,62 %), так и для юношей (55,77 %). Приобретение навыков, необходимых для самостоятельной жизни, находится в приоритете у обеих групп опрошенных: 71,15 % – у юношей и 55,38 % – у девушек. Установление контактов с потенциальным работодателем является наиболее актуальным для юношей, их ответы составили 40,38 %. У представительниц женского пола этот показатель почти вдвое ниже – 21,54 %. Данные показатели в некоторой степени отражают актуальную тенденцию трудоустройства среди юношей в период прохождения обучения в вузе.

Выяснив приоритеты в период прохождения учебы в вузе, перейдем к выявлению степени значимости получения высшего образования, с какой целью молодые люди и девушки поступают в вузы (рис. 3).

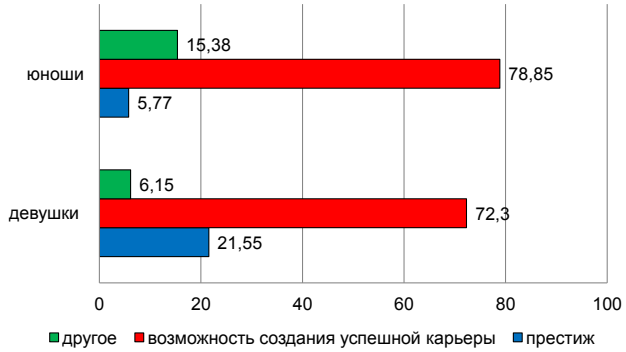

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас означает получение высшего образования?», %

Полученные данные говорят о том, что на первом месте по значимости получения высшего образования стоит возможность создания успешной карьеры в обеих группах респондентов (78,85 % у юношей и 72,3 % у девушек). Высшее образование как фактор, создающий престиж, прозвучал в большей степени в ответах девушек (21,55 %), нежели юношей (5,77 %). Можно предположить, что для большинства опрошенных респондентов женского пола получение высшего образования является важным и

неотъемлемым элементом жизненного пути, одной из значимых жизненных ценностей. А следовательно, девушки в большей мере настроены на саморазвитие и обеспечение высокого уровня жизни, что, несомненно, положительным образом скажется на развитии общества в целом. Некоторые респонденты высказали свой вариант ответа: «получение знаний и умений в период обучения, возможность сохранить ясность ума, получение качественных знаний в своей профессиональной среде».

Таким образом, получение высшего образования для юношей и девушек является важным и значимым этапом развития, который дает возможность реализовать способности, получить навыки, необходимые для дальнейшей жизни, приобрести опыт и умения, которые будут реализованы в профессиональной деятельности. Продвижение по карьерной лестнице, осуществление притязаний на успешное трудоустройство – основные показатели для обеих опрошенных студенческих групп.

Второй блок вопросов посвящен семейным ценностям как основополагающим для каждого индивида, определяющим его мировоззрение, цели и жизненные приоритеты.

Ценности возникают на основе принятых в той или иной семье традиций.

Традиция (от лат. *Traditio* – передача, предание) – социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определённых обществах и социальных группах в течение длительного времени. В качестве традиций выступают определённые культурные образцы, нормы, ценности, институты, идеи, обычаи, обряды, стили, производственные и ремесленные навыки и т.д. [14]. Для традиций характерна преемственность, которая отражается в процессе их передачи от поколения к поколению. Устойчивость как один из показателей традиций рассматривается во временном пространстве и характеризуется длительностью сохранения. Традиции выполняют определенные функции, в том числе формируют определенные особенности, своеобразную самобытность, а также выполняют важную роль регулирования отношений внутри сообществ. Ответы на вопрос о семейных традициях распределились приблизительно одинаково в обеих группах опрошенных (рис. 4).

Наиболее популярным ответом среди опрошенных студентов является совместное времяпровождение, включая посещение кинотеатров, просмотр театральных постановок, увлечения различными видами спорта (63,46 % опрошенных юношей и 49,23 % опрошенных девушек). Полученные данные позволяют утверждать, что для большинства опрошенных совместное пребывание с семьей представляет собой важную жизненную составляющую, занимающую значительную часть ценностных ориентаций, которая является основой, базисом ценностного ядра молодежи. Семейные традиции объединяют людей, позволяют чувствовать поддержку и взаимопонимание, что, безусловно, благоприятно сказывается на общем самочувствии индивида и способствует развитию потенциала и самореализации. Проведение совместных праздников, как одна из разновидностей традиций семьи, также занимает почетное место в общем перечне традиций (42,32 % – юноши и 33,85 % – девушки). Совместные праздники играют важную роль в сохранении и укреплении семейных связей, способствуют сплоченности семьи. Оформление семейных альбомов и проведение совместных воскресных обедов не так популярны среди опрошенных, но фигурируют среди ответов.

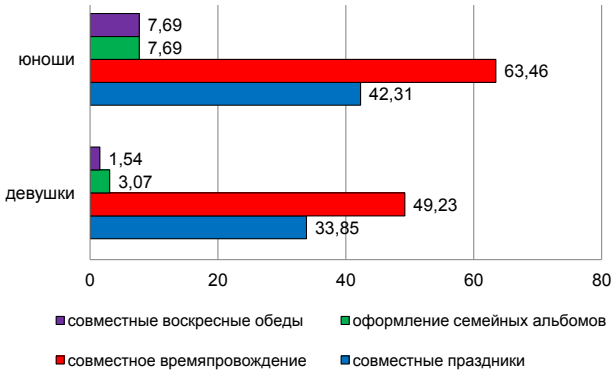

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Семейные традиции – это…», %

Допустим выбор нескольких вариантов ответов.

Семейные ценности как основа создания семьи, также представляют интерес для изучения (рис. 5).

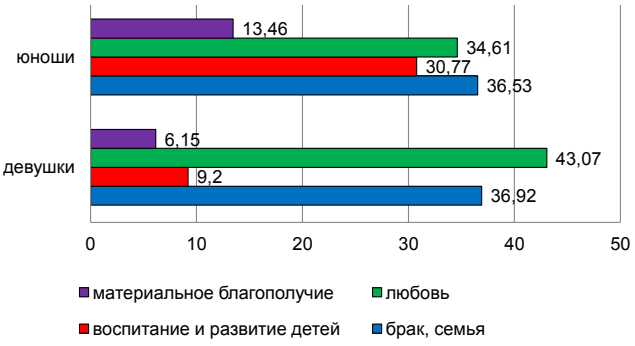

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Для Вас семейные ценности – это…», %

Допустим выбор нескольких вариантов ответов.

Результаты исследования показали, что большее количество респондентов главной семейной ценностью признают любовь (34,61 % – юноши, 43,07 % – девушки). Отношения, построенные на чувстве любви, имеют большую вероятность в плане продолжительности, а степень глубины чувств определяет, насколько крепким будет союз. Создание семьи, вступление в брак является популярной семейной ценностью среди опрошенных студентов. У девушек (36,92 %) и у юношей (36,53 %) они практически на одном уровне, что свидетельствует о наличии одинаковых семейных приоритетов. Воспитание и

развитие детей как неотъемлемый этап в развитии семейных отношений не является приоритетом для девушек (9,2 %), однако этот показатель в три раза больше среди опрошенных представителей сильного пола (30,77 %). Возможно, это связано с тем, что современное общество предоставляет возможность развития детей посредством различных развивающих студий, направленных на разностороннее развитие детей. Материальное благополучие на первом месте стоит у небольшого числа респондентов (13,46 % – среди юношей и 6,15 % – среди девушек), что говорит о превалирующей роли духовных ценностей над материальными и дает основание полагать, что создание семейных союзов представители обеих опрошенных групп планируют на основе чувств и привязанности, общих интересов, а не на основе материальных благ.

Итак, семейные ценности и традиции являются важной частью ценностного ядра молодежи, ведущими семейными традициями для всех опрошенных является совместное времяпровождение, а основой создания семьи большинство респондентов называют любовь, которая выступает основной семейной ценностью. Соотношение материального благополучия и любви как основополагающей силы создания союза, говорит о преобладании духовных ценностей над материальными.

Третий блок исследования посвящен изучению патриотизма в молодежной среде (рис. 6).

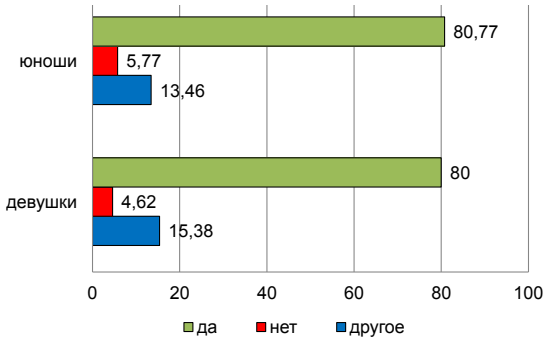

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом?», %

Исследование данного вопроса показало, что подавляющее большинство респондентов позиционируют себя патриотами своей страны, о чем свидетельствуют ответы на данный вопрос: «Да, конечно», «Безусловно» и т.п. Так, среди юношей считают себя патриотами 80,77 %, среди девушек – 80 %. Не считают себя патриотами 4,62 % девушек и 5,77 % юношей. Оставшаяся часть опрошенных не могут дать однозначный ответ на данный вопрос. Общую картину исследования дополняют ответы на открытый вопрос: «Что для Вас означает понятие "патриотизм"?». Большая часть опрошенных соотносит это понятие с чувством любви, уважения и гордости за свою Родину. Патриотизм ассоциируется у опрошенных с чувством верности государству и Родине, с заботой о Родине, уважением к культуре и традициям народов государства, преданностью народу, истории, готовностью защищать интересы Родины.

Важным фактором формирования патриотических чувств, на наш взгляд, является источник, на основании которого они формируются (рис. 7).

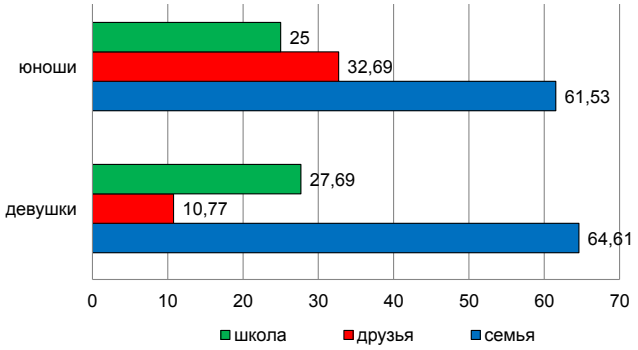

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Какие факторы, по Вашему мнению, повлияли на формирование Ваших патриотических качеств?», %

Допустим выбор нескольких вариантов ответов.

При сравнении ответов мы видим, что как для девушек, так и для юношей семья является определяющим фактором, влияющим на формирование их патриотических чувств (61,53 % – юноши и 64,61 % – девушки). Следовательно, основы любви и бережного отношения к Родине закладываются в семье, формируются на базе семейных традиций и ценностей. Важным фактором формирования ценностей патриотической направленности выступает сфера дружеского общения. Преобладающим этот показатель является у юношей – 32,69 %, по сравнению с девушками – 10,77 %. Школа как социальный институт оказывает существенное влияние на формирование патриотических чувств молодежи. Распределение ответов среди юношей и девушек примерно идентично: 25 % – у юношей и 27,69 % – у девушек. Мы связываем данный факт с большим количеством патриотических мероприятий, проводимых в рамках школьной и внеклассной деятельности [16].

Таким образом, рассмотрев результаты проведенного исследования, направленного на выявление ценностей современной студенческой молодежи, мы пришли к следующим выводам. Студенческая молодежь представляет особую социально-демографическую группу, находящуюся в процессе жизненного самоопределения, активного поиска форм самовыражения, характеризующуюся стремлением занимать высокий социальный статус в обществе, иметь признание и быть самодостаточной личностью. Получение высшего образования в большей степени определяется как один из факторов приобретения навыков и знаний, необходимых для самостоятельной жизни, а также для развития своих способностей и дальнейшей самореализации, связанной с возможностью создания успешной карье-

ры. Семейные ценности современной российской молодежи основаны на духовности, основополагающей ценностью для большинства респондентов выступает любовь. Кроме того, подавляющее большинство опрошенных респондентов считают себя патриотами своей страны, основы патриотизма в большей мере закладываются в семье. В качестве существенных факторов, влияющих на формирование патриотических чувств, выступают школьные мероприятия и общение с друзьями. При этом, результаты исследования показали на достаточно невысокий уровень желания хорошо учиться и стремления стать профессионалом. Эти показатели говорят о достаточно поверхностном отношении некоторой группы студентов к процессу обучения и требуют дополнительных исследовательских разработок с целью выяснения причин данного явления.

На основе проведенного исследования ценностных ориентаций современной студенческой молодежи сформулированы следующие выводы:

Изучение образовательного аспекта показало, что получение высшего образования для большинства студентов является приоритетным. Основными мотивами обучения выступают социальные мотивы, основанные на ответственности, чувстве долга перед семьей и обществом. Мотивы выражены в стремлении к приобретению знаний с целью подготовки к взрослой жизни, создания успешной карьеры, материального благополучия семьи, самореализации.

Семейные ценности занимают важное место в системе ценностей студенческой молодежи, основаны на духовности, основополагающей ценностью для большинства респондентов выступает любовь.

Патриотический компонент демонстрирует высокий уровень гражданской позиции студенческой молодежи, нравственные принципы, включающие в себя эмоциональный аспект, выражающийся прежде всего в ответах респондентов и ремарках к ним, а также аспект поведенческий, который реализуется через участие в жизни страны.

Взаимосвязь аспектов отражается в следующих выводах:

1. Стремление к получению образования основано на семейных ценностях и выступает важнейшим механизмом реализации личностных ресурсов для развития государства.

2. Патриотические чувства закладываются на базе семейных традиций и ценностей, в том числе совместное участие семьи в мероприятиях патриотической направленности, и получают свое развитие благодаря образовательным практикам, способствуя формированию устойчивой гражданской позиции, укреплению государства.

3. Основы патриотизма, заложенные в семье, оказывают благоприятное влияние на процесс интеграции в образовательное пространство, способствуя успешному освоению образовательных программ и налаживанию новых связей и контактов.

Таким образом, взаимосвязь всех ценностных компонентов, заявленных в исследовании, очевидна. Однако, несмотря на положительные результаты некоторых аспектов исследования, существуют проблемные вопросы, на основании которых сформулированы практические рекомендации по улучшению и развитию взаимосвязи образования, семейных ценностей и патриотизма.

1. Оптимизировать работу по формированию взаимосвязи между образовательными и патриотическими ценностями путем привлечения студенческой молодежи к мероприятиям патриотического характера в условиях образовательного пространства.

2. Развивать в студенческой среде семейные ценности, предлагая совместное участие в семейных конкурсах и мероприятиях.

3. Совершенствовать работу по патриотическому воспитанию молодежи путем создания клубов патриотической направленности, предлагающих выбор деятельности по интересам.

4. Создать условия для усиления интеграции образовательных, семейных и патриотических ценностей в процесс воспитания молодежи, обеспечив взаимодействие образовательных ресурсов и механизмов государства.

Подводя итог, можно сказать, что студенческая молодежь представляет собой особую социально-демографическую группу, находящуюся в процессе жизненного самоопределения, обладающую целостной системой взаимосвязанных и взаимозависимых ценностных ориентаций, включая ценности образования, семейные ценности и патриотизм.

Литература:

1. Руткевич М.Н., Рубина Л.Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М.: Политиздат, 1988. 222 с.
2. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Изд-во ИФ РАН, 2000. 191 с.
3. Петрова Т.Э. Социология студенчества в России: этапы и закономерности становления: автореферат дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 1997. 42 с.
4. Лисовский В.Т. Советское студенчество. Социологические очерки. М.: Высшая, школа, 1990. 302 с.
5. Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004. 184 с.

6. Волков Ю.Г. Гуманистическая перспектива России как общенациональная цель // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 1. С. 3–35.
7. Голиусова Ю.В. Трансформация ценностных ориентаций российского студенчества: дисс. … канд. социол. наук. М., 2003. 151 с.
8. Лясников Н.В., Лясникова Ю.В. Социально-экономические условия формирования духовной культуры студенческой молодежи (социологический аспект). М.: Изд-во ВНИИФК, 2003. 142 с.
9. Соколов А.В., Щербакова И.О. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 115–123.
10. Социология молодежи: энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М.: Academia, 2008. 606 с.
11. Федеральный закон от 30.12.2022 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 22.04.2024 № 95-ФЗ, от 28.12.2024 № 550-ФЗ, от 23.07.2025 № 258-ФЗ) // СПС Гарант.
12. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС Гарант.
13. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873 (дата обращения: 05.05.2026).
14. Определение понятия «традиция». URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4199293 (дата обращения: 05.05.2026).
15. Распоряжение Правительства РФ от 23.10.2025 № 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодёжи в Российской Федерации до 2028 года». URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-23102025-n-2970-r-ob-utverzhdenii/ (дата обращения: 09.05.2026)
16. Доклад о положении молодежи Российской Федерации за 2024 г. URL: https://youthlib.mirea.ru/ (дата обращения 08.05.2026).

Features of Value Orientations of Modern Student Youth: According to the Results of a Sociological Study

Alevtina Yurievna Malysheva
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)

The article conducts a review study of regulatory documents aimed at the implementation of youth policy in the Russian Federation, studies the features of the formation of value orientations in the youth environment, including the spiritual, moral and patriotic spheres. On the basis of the considered legislative acts, a sociological study of the value orientations of modern Russian student youth was carried out in the following areas: education, family values, patriotism. The purpose of the study is to identify the features of value preferences of modern Russian students. The author's empirical study showed that the world of values of young people studying at a university is a kind of synthesis of educational, family and patriotic priorities. Key indicators of preferences characteristic of boys and girls are revealed. The scientific novelty of the study lies in the approach to the study of the values of student youth, based on the age characteristics of this socio-demographic group, its interests and orientations in the context of the transforming world and the crisis of value orientations. The study is of practical importance and can be useful in the comparative study of the values of modern students.

Keywords: student youth, values, education, university, family traditions, patriotism

УДК 316.48
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-318-323
© Низамова А.Х., Фатхуллина Л.З., 2026

Социальные сети в жизни студенческой молодежи (результаты фокус-группового исследования)

Низамова Аида Ханифовна
Старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения Казанского государственного архитектурно-строительного университета
(420043, Казань, ул. Зеленая, 1; e-mail: nizamova_a_h@mail.ru;
SPIN-код: 7345-2040; AuthorID: 903946)

Фатхуллина Лилия Зинуровна
Кандидат социологических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского национального исследовательского технологического университета
(420015, Казань, ул. К.Маркса, 68; e-mail: lialfa@rambler.ru;
ORCID: 0000-0003-3497-2767; Scopus ID: 57226366984; SPIN-код: 6598-6975; AuthorID: 539266)

В научной литературе влияние социальных сетей на студенческую молодёжь рассматривается как комплексный и многомерный феномен, сочетающий возможности для ее социализации и саморазвития. В статье на основе теоретического анализа отечественных и зарубежных источников и проведенного фокус-группового исследования изучена роль социальных сетей в жизни студенческой молодежи. Цель исследования – изучить причины виртуального общения, выявить его социально-психологические особенности. Исследование позволило выявить особенности коммуникации молодых людей в социальных сетях и их модели поведения, а также возможные риски общения в цифровой среде. Полученные результаты могут использоваться при разработке превентивных мер для минимизации рисков общения и профилактики конфликтов в виртуальной среде.

Ключевые слова: *студенчество, социальные сети, виртуальное общение, цифровые технологии, цифровая культура, коммуникация, риски*

Для цитирования: *Низамова А.Х., Фатхуллина Л.З. Социальные сети в жизни студенческой молодежи (результаты фокус-группового исследования) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 318–323. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-318-323.*

Социальные сети в современном обществе выступают ключевым феноменом коммуникации, радикально изменившим формы взаимодействия людей, способы восприятия информации и механизмы самоидентификации личности. Они превратились в универсальную платформу обмена знаниями, мнениями и эмоциями, где каждый пользователь становится активным участником информационного процесса [1]. Информационное поле отражает характеристики социального поля, которые касаются возможности, направления, характера социальных интеракций. Оно предлагает устойчивые способы коммуникаций, определяет временные рамки взаимодействия. Таким образом, процессы, протекаю-

щие в социальных сетях, опосредованно структурируются коммуникационными процессами [2].

Студенчество является наиболее подготовленной, образованной частью молодежи, что, несомненно, выдвигает его в число передовых групп. Молодые люди являются наиболее вовлеченной возрастной группой, когда речь заходит о цифровых технологиях, поскольку они широко используют социальные сети и платформы социальных медиа, а также развлекательные и онлайн-каналы коммуникации. Это подтверждает исследование ВЦИОМ, согласно которому виртуальное взаимодействие вытесняет живые встречи (61 против 33 %), особенно в возрастной группе 18–24 года (69 против 24 %) [3]. В социальных сетях данная возрастная группа: общается с друзьями, знакомыми, посылает запрос на добавление в друзья (79 %), смотрит видео/слушает аудиофайлы (57 %), узнает новости, события из жизни города, страны, мира (51 %), просматривает профили друзей, блогеров, читает их посты, ставит лайки (45 %), редактирует/обновляет профиль (36 %), ищет группы, сообщества по интересам (34 %) [4]. Зарубежные исследователи выявили семь распространенных причин использования социальных сетей: поиск информации, переживание положительных ощущений, поддержание отношений, установление новых связей, получение социального признания, укрепление социальных связей и самовыражение [5].

Среди причин, по которым студенческая молодежь предпочитает виртуальное общение, исследователи выделяют следующие [6]:

– возможность получения новых знакомств;

– сплочение студенческой группы;

– передача информации и коммуникация на тему учебы;

– передача информации о студенческих событиях/мероприятиях;

– наличие сложностей в реальном общении (стеснительность, замкнутость, волнение и др.).

Не менее значимым аспектом анализа социальных сетей как коммуникативного феномена является их воздействие на общественные институты и структуру медиапространства [7]. Цифровые платформы радикально изменили принципы функционирования средств массовой информации, образования, экономики и политики. Традиционные медиа утратили монополию на формирование повестки дня: любое высказывание пользователя способно достичь массовой аудитории, превращая его в активного участника общественной коммуникации. По мнению Р.С. Немова, социальные сети расширяют границы между профессиональной журналистикой и пользовательским контентом, формируя новую модель демократизированной коммуникации [8].

Люди по своей природе социальны, и их благополучие зависит от общения с другими. Исследователями отмечено, что хотя социальные связи помогают снять стресс, беспокойство и меланхолию, отсутствие социальных связей может представлять серьезную угрозу для психического здоровья человека [9; 10]. Как отмечают исследователи, чрезмерное использование платформ социальных сетей может ассоциироваться с негативными психологическими последствиями для молодых людей [11].

Влияние использования цифровых технологий на молодых людей может сказываться на различных аспектах их жизни, таких как психическое здоровье, успеваемость в учебном заведении и социально-эмоциональный статус. Психологические последствия сетевой активности проявляются в трансформации когнитивных привычек и коммуникативных стратегий человека. Как отмечает О.Н. Ежова, клиповое мышление возникает как адаптивный механизм в условиях информационной перегрузки, когда сознание вынуждено реагировать на избыток стимулов, не уделяя внимания анализу, ради скорости восприятия. Человек всё меньше склонен к критическому осмыслению и сравнительному анализу данных, отдавая предпочтение эмоционально насыщенным, кратким и визуально выразительным формам ответов [12]. По мнению Л.Ж. Карабановой, данная динамика приводит к снижению когнитивной автономии личности и делает её более восприимчивой к манипулятивным воздействиям. В этом контексте феномен социальных сетей отражает не только технологические инновации, но и изменение самой структуры человеческого сознания: мышление становится реактивным, а внимание – зависимым от алгоритмов цифровых платформ [13].

Интерактивность, многоканальность, открытость и отсутствие пространственно-временных границ сделали социальные сети основой цифровой культуры и важнейшим инструментом формирования общественного мнения. Вместе с тем их влияние имеет двойственный характер: они способствуют развитию горизонтальных связей, креативности и гражданской активности, но одновременно порождают риски – клиповое мышление, зависимость от цифрового одобрения, снижение критического восприятия и рост информационных манипуляций. Социальные сети стали неотъемлемой частью социальной реальности, определяющей стиль мышления, нормы поведения и коммуникативные практики современного человека. Однако высокая степень вовлечённости пользователей в цифровое взаимодействие не только изменяет характер коммуникации, но и приводит к формированию новых психологических противоречий, связанных с восприятием, самооценкой и межличностным взаимодействием в виртуальной среде, что требует анализа социальных конфликтов. Такие факторы развития, как навыки управления временем и умение балансировать между онлайн- и офлайн-деятельностью,

могут смягчить влияние использования цифровых технологий на молодежь [14].

Для выявления роли социальных сетей в жизни студенческой молодежи нами проведено фокус-групповое интервью в октябре 2025 г. Участники фокус-групп – студенты третьего курса КНИТУ очной формы обучения направления подготовки «Социальная работа», отобранные для выборки с учетом института, курса и уровня активности в социальных сетях. Формат работы – офлайн. Продолжительность бесед составляла 60 мин. Общее число участников фокус-групп 36 чел., участники знакомы между собой. В каждой группе по 12 чел., гендерный состав первой фокус-группы: 58 % девушек и 42 % молодых людей, состав второй и третьей фокус-группы включал 75 % девушек и 25 % молодых людей. Беседы проходили в неформальной обстановке. Тайминг: приветствие, озвучивание правил – 3 мин.; знакомство – 7 мин., основная часть – 35 мин.; резюме, подведение итогов встречи – 10 мин.; обратная связь, завершение – 5 мин.

Вторичный анализ эмпирических исследований по данной тематике и наше исследование позволили выявить особенности коммуникационного взаимодействия студенческой молодежи в пространстве социальных сетей.

Вопросы для анализа были сгруппированы в четыре блока: 1) модели поведения в социальных сетях; 2) влияние сетей на самооценку студенческой молодежи; 3) социальное взаимодействие и коммуникации; 4) риски в социальных сетях.

Взаимодействие в социальных сетях, при котором люди общаются с конкретными людьми, играет важную роль в жизни студенческой молодежи. Анализ ответов респондентов позволил выявить основные причины использования социальных сетей: поиск контента по интересам; общение и поддержание социальных связей; развлечение и эмоциональная разрядка.

Социальные сети обеспечивают легкий доступ к социальной информации: «*Интересующие каналы: спорт, фэшн, развлечения*» (респ., муж., 20 лет). Это показывает, что социальные сети в какой-то степени выполняют роль персонализированного СМИ, которое удовлетворяет запросы пользователя. Социальные сети дают возможность «*общения со знакомыми, друзьями, коллегами по работе*» (респ., жен., 20 лет), «*...хочу добавить, что это некая разрядка для мозга*» (респ., жен., 20 лет). В целом респонденты отмечают, что их день состоит из мониторинга личных и учебных сообщений, просмотра различных новостных лент, например «ВКонтакте» и др. Как девушки, так и молодые люди проводят в социальных сетях в среднем 5–7 часов. При этом у них есть осознание того, что социальные сети занимают в их жизни много времени: «*Я понимаю, что много "сижу" онлайн, мог бы, например, заняться спортом*» (респ., муж., 21 год) или «*Появился страх пропустить что-то важное*» (респ., жен., 20 лет), «*Ставлю блокировщики, но хватает меня ненадолго*» (респ., муж., 21 год).

Социальные сети можно назвать противоречивым инструментом, который удовлетворяет определенные потребности, но при этом вызывает зависимость и трату времени. Молодежь осознает данные аспекты, поэтому время от времени устраивает себе так называемый «цифровой детокс», чтобы восстановить баланс между реальной и виртуальной жизнью.

Влияние использования цифровых технологий на молодых людей может сказываться на различных аспектах их жизни, таких как психическое здоровье, успеваемость и социально-эмоциональный статус. Кроме того, социальные сети оказывают влияние на самооценку и эмоциональное состояние молодежи. Социальное давление, связанное с трендами, весом тела, образом жизни, самооценкой, чертами лица и социально-экономическими сравнениями в социальных сетях, может негативно сказаться на самочувствии. Ответы респондентов на вопрос «*Сталкивались ли вы с феноменом "идеальной жизни" в соцсетях?*» – преимущественно встречались ответы «да», но при этом молодыми людьми отмечено, что контраст между чужой «картинкой» и своей реальной жизнью может побудить человека к улучшению своей жизни.

Исследование показало, что реакции, лайки и комментарии подписчиков не оказывают значительного влияния на самоощущение участников. При этом положительные реакции со стороны аудитории воспринимаются ими как приятные и мотивирующие: «*Подписчики вообще не влияют, а когда напишут что-то, приятно, лайкнут, ничего плохого в этом нет, вообще здорово*» (респ., жен., 20 лет), «*Приятно, позитивно*» (респ., муж., 20 лет).

Таким образом, для респондентов социальное одобрение в виде лайков и комментариев имеет скорее эмоциональное значение, создавая чувство поддержки и позитивного отклика, но не определяет их самооценку. В то же время виртуальная коммуникация отличается высокой скоростью обмена сообщениями, мгновенным откликом и постоянным стимулом к самовыражению. Это создаёт условия для импульсивных реакций, особенно на раздражающие или противоречивые высказывания. Социальные сети функционируют как эмоциональные резонаторы: лайки, комментарии, эмодзи, репосты усиливают переживаемые чувства и закрепляют эмоциональные паттерны поведения. В результате любая ситуация может мгновенно перерасти в конфликт.

Анализ ответов респондентов показывает, что участники не ощущают выраженного давления со стороны социальных сетей в вопросе самопрезентации. Они рассматривают свои аккаунты как личное пространство, где публикация контента зависит

прежде всего от внутреннего состояния и настроения: «*Давления как такового нет, канал ты создаёшь для себя по большей части, если люди хотят, они его смотрят. В зависимости от настроения и ситуаций в жизни ты сам решаешь выкладывать или нет*» (респ., жен., 20 лет).

Таким образом, для студенческой молодежи важнее самовыражение и комфорт, чем соответствие внешним ожиданиям или трендам. Кроме того, большинство участников считает, что с появлением новых технологий сократилось общение в режиме офлайн, так как «*легче написать, записать голосовое, чем встретиться*» (респ., жен., 19 лет). Однако респонденты отметили, что с появлением социальных сетей стало проще общаться с друзьями на расстоянии.

Анализ ответов на вопрос: «*Были ли в вашей практике случаи, когда серьезный разговор или конфликт происходил в переписке, а не лично?*» – показал, что «*проще обсуждать важные вопросы при личной встрече*» (респ., жен., 19 лет), так как «*переписка не позволяет в полной мере передать эмоциональную окраску сообщения*» (респ., муж., 20 лет). Это может привести к неправильному толкованию слов и, как следствие, к конфликтам. При этом отмечено, что в переписке есть свои плюсы: «*Возможность обдумать ответ и отредактировать его*» (респ., жен., 20 лет). Однако «*телефонный разговор также может быть хорошей альтернативой, и выбор способа коммуникации зависит от конкретной ситуации*» (респ., муж., 20 лет).

В ходе исследования мы выяснили отношение студенческой молодежи к понятиям «хейтерство» и «кибербуллинг». Опрошенные не видят смысла в данных явлениях: «*Вместо негативных комментариев, если что-то не понравилось, лучше просто проигнорировать или забыть*» (респ., муж., 20 лет), «*Люди, сознательно тратящие время, силы и эмоции на негатив, делают это, возможно, для эмоциональной разрядки*» (респ., жен., 20 лет). Однако, некоторые группы или индивиды целенаправленно распространяют негатив. Респонденты считают такое поведение глупым и безрассудным, поскольку люди не всегда осознают, насколько сильно их слова могут задеть другого, и зачастую остаются безнаказанными. Кибербуллинг и хейтерство могут привести к серьезным психологическим проблемам у жертв. В то же время на популярных платформах часто существуют правила общения и модерация, способствующие уважительному диалогу. Важность свободы слова признается, но с учетом того, что в современном мире, благодаря развитию искусственного интеллекта, не всегда очевидно, с кем именно ведется общение по ту сторону экрана.

Соцсети объединяют, информируют, вдохновляют и открывают новые возможности – при разумном использовании они оказываются мощным позитивным ресурсом.

Главная ценность соцсетей, по мнению респондентов, в их практической пользе для повседневной жизни. Они стали удобным инструментом, который помогает легко общаться с друзьями и родными, быстро узнавать новости, хранить личные воспоминания в виде фото и переписок («Архив старых моментов»), а также находить любую информацию и учиться новому буквально за несколько минут: «*Если ранее это был фантастический труд, то сейчас дело 5 минут*» (респ., муж., 20 лет). Для людей это не просто развлечение, а важный и полезный ресурс, который решает конкретные жизненные задачи.

По мнению студенческой молодежи, социальные сети влияют на получение академических знаний, формирование мягких навыков и развитие профессиональных возможностей:

– они используются в качестве платформ для доступа к учебным материалам и оттачивания практических навыков: «*В моем случае просмотры лекционных занятий, изучение иностранных языков: английский, французский, в целом изучение предметов и просмотр учебных материалов*» (респ., жен, 20 лет).

– в развитии критического мышления: «*Мы научились структурировать информацию, все что выкладывается в социальных сетях это бывает не всегда правдой. многие это понимают и стараются не верить всему, что написано в социальных сетях*» (респ., муж., 20 лет).

– в сфере выстраивания будущей профессиональной траектории: «*Многим это дало возможность зарабатывать, выкладывать свои работы, находить по всему миру своих покупателей и поклонников. В том числе социальные сети породили множество различных профессий, которые тоже помогают людям развиваться и зарабатывать*» (респ., муж., 20 лет).

Заключительный вопрос исследования звучал следующим образом: «*Если бы у вас были дети-подростки, какие три правила пользования социальными сетями вы бы для них установили и почему?*». Анализ ответов показал, что цифровая гигиена должна заключаться не в полном запрете, а в комбинации контролирующего ограничения и целенаправленного воспитания. В подходах респондентов доминирует осознание сложности и неоднозначности данной задачи в современных условиях:

– респонденты допускают запреты на гаджеты, однако они признают сложность реализации данного решения;

– есть осознание необходимости технического контроля, но существуют сложности в фильтрации контента;

– развитие медиаграмотности и критического мышления, но респондентами отмечено недостаточность программ (обучающих семинаров) по без-

опасному взаимодействию в цифровой среде для различных возрастных групп.

Как видим, респонденты демонстрируют комплексный и рефлексирующий подход к проблеме безопасности в социальных сетях, есть полное понимание существующих рисков, однако, у молодежи нет понимания о мерах, необходимых для построения эффективной системы профилактики с учетом выявленных закономерностей.

Таким образом, важность исследования роли социальных сетей в жизни студенческой молодежи обусловлена необходимостью оценки рисков и создания воспитательных стратегий, позволяющих превратить цифровую среду в ресурс для личностного и интеллектуального роста. Социальные сети играют важную роль в жизни студенческой молодежи, они являются инструментом, потенциал и опасность которого зависит от запросов и осознанности самого пользователя. Можно сделать вывод о том, что молодежь тратит в социальных сетях слишком много времени из-за продуманных алгоритмов, которые удерживают внимание, и привычки постоянно проверять новости из страха что-то пропустить. Это усложняет самоограничение. Чтобы сократить время, полезно использовать функции контроля времени в приложениях и развивать осознанное отношение к просмотру контента.

Кроме того, социальная напряженность в социальных сетях может перерасти в различного рода конфликты, которые детерминируются совокупностью факторов – психологических, когнитивных и социокультурных, среди которых ключевую роль играют триггеры, активирующие эмоциональные и поведенческие реакции пользователей. Предполагается, что высокий уровень анонимности, эффект социальной поляризации, когнитивные искажения и особенности цифрового общения способствуют усилению конфликтности, снижению эмпатии и росту агрессии. Одновременно развитие медиаграмотности, эмоционального интеллекта и рефлексивного контроля пользователей может выступать фактором снижения и профилактики конфликтов в виртуальной среде.

Литература:

1. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Социальная активность поколения Z в интернет пространстве // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы VIII Всеросс. (с межд. участием) науч.-практ. конф. Пермь, 2021. С. 75–80.
2. Ярская В., Яковлева Л., Печенкин В., Ежов О. Пространство и время социальных изменений. М.: Саратов: Научная книга, 2004. 280 с.
3. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi (дата обращения: 05.05.2026).
4. Онлайн-практики россиян: социальные сети. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/12495 (дата обращения: 05.05.2026).
5. Chia-chen Yang, Sean M. Holden, Jati Ariati Social Media and Psychological Well-Being Among Youth: The Multidimensional Model of Social Media Use // Clinical Child and Family Psychology Review. 2021. № 24. P. 631–650. https://doi.org/10.1007/s10567-021-00359-z.
6. Куляй Е.С., Сысоева М.В. Социальные сети в коммуникационном пространстве студенческой молодежи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2025. № 3(14). С. 37–44. http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-37-44.
7. Катович Н.С. Влияние социальных сетей на межличностные отношения // Актуальные исследования. 2024. № 4 (186). Ч. II. С. 87.
8. Немов Р.С. Психология: учебник для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 501 с.
9. Khalaf A.M., Alubied A.A., Khalaf A.M., et al. The Impact of Social Media on the Mental Health of Adolescents and Young Adults: A Systematic Review // Cureus. 2023. № 15(8). P. e42990. DOI: 10.7759/cureus.42990.
10. Фатхуллина Л.З., Низамова А.Х. Представления студенческой молодежи о блогосфере // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 2. С. 161–164.
11. Lin L.Y., Sidani J.E., Shensa A., Radovic A., Miller E., Colditz J.B., et al. Association between social media use and depression among US young adults // Depress. Anxiety. 2016. № 33. P. 323–331. DOI: 10.1002/da.22466.
12. Ежова О.Н. Психология: практикум. Самара: Самарский юрид. институт ФСИН России, 2021. 95 с.
13. Караванова Л.Ж. Психология: учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2023. 264 с.
14. Kirschner P.A., Karpinski A.C. Facebook[1] and academic performance. Comput // Hum. Behav. 2016. № 26. P. 1237–1245. DOI: 10.1016/j.chb.2010.03.024.

[1] *Facebook* – продукт компании *Meta*, которая признана экстремистской организацией на территории РФ.

Social Media in the Lives of College Students (Focus Group Study Results)

Aida Khanifovna Nizamova[1], Lilia Zinurovna Fatkhullina[2]
[1]Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russia),
[2]Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

In the scientific literature, the impact of social media on young students is considered a complex and multidimensional phenomenon, combining opportunities for socialization and self-development. This article, based on a theoretical analysis of domestic and international sources and a focus group study, examines the role of social media in the lives of young students. The study aimed to explore the causes of virtual communication and identify its socio-psychological characteristics. The study identified the characteristics of young people's communication on social media and their behavior patterns, as well as the potential risks of communication in the digital environment. The findings can be used to develop preventative measures to minimize communication risks and prevent conflicts in the virtual environment.

Keywords: students, social networks, virtual communication, digital technologies, digital culture, communication, risks

УДК 316.334
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-324-327
© Николаев М.С., 2026

Самообразование в контексте цифровых образовательных практик (реконцептуализация феномена)

Николаев Михаил Сергеевич
Кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: nh3ch4@yandex.ru;
SPIN-код: 3777-2131; AuthorID: 1180867)

В современном образовании, особенно в сегменте высшего, неуклонно и стремительно возрастает доля технологической составляющей, связанной с цифровизацией образовательных практик. Цифровые технологии расширяют границы образовательного пространства, изменяя его хронотоп, они позволяют персонализировать обучение, осуществлять его без привязки к конкретному месту и времени. Как результат, классические институциональные формы обучения дополняются разнообразными цифровыми практиками, обладающими демократичностью и гибкостью в плане доступа к знанию и реализуемыми студентами самостоятельно. В этих условиях в структуре образования на роль доминирующей деятельности все чаще претендует самообразование, постепенно приобретая статус самодостаточной деятельности. В условиях современного технологического уклада экономики самообразование существенным образом детерминировано интенсивно развивающимися технологиями ИИ.

Целью исследования является экспозиция теоретико-методологических подходов к осмыслению феномена самообразования и его проблематизация в контексте цифровых образовательных практик.

Ценность и новизна исследования определяются обоснованием необходимости реконцептуализации феномена самообразования в условиях современного технологического уклада экономики, существенным образом детерминированного интенсивно развивающимися технологиями ИИ.

Научная значимость – концептуализация феномена самообразования, фундированного технологиями искусственного интеллекта как самодостаточной деятельности, приобретающей черты метаобразования. Практическая значимость связана с необходимостью переосмысления самообразования в проблемном поле социологического знания как ключевого инструмента адаптации и самореализации личности в условиях современной экономики, базирующейся на широком внедрении технологий ИИ. Результаты работы могут быть использованы для формирования адекватной актуальному социально-культурному контексту самообразовательной стратегии, основанием которой выступают современные технологии ИИ.

Ключевые слова: *самообразование, цифровые образовательные практики, технологии искусственного интеллекта, неформальное обучение, навыки XXI века, метаобразование*

Для цитирования: *Николаев М.С. Самообразование в контексте цифровых образовательных практик (реконцептуализация феномена) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 324–327. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-324-327.*

В проблемном поле социологического знания самообразование все еще остается на периферии исследовательских интересов, являясь маргинальной проблемой. В отечественной и зарубежной социологической традиции можно найти не так много дефиниций этого феномена. Как отмечают отечественные авторы, самообразование является резервом научного исследования высшего образования, и дают ему следующее определение: «Самообразование мы понимаем как вид свободной деятельности личности (социальной группы, социальной общности), характеризующийся свободным выбором занятий, связанных с приобретением новых и воспроизводством имеющихся знаний, повышением культурного, образовательного, профессионального, научного уровней и направленных на удовлетворение ее духовных потребностей и реализацию потребностей в социализации и самореализации» [1, с. 157]. В данном случае под самообразованием понимается путь, которым достигается новое знание, имеющее как субъективно-личностную, так и социальную значимость.

Еще один подход к пониманию самообразования, определяющий его как вспомогательную деятельность, дополняющую стационарные формы обучения, содержится в работе В.Л. Нечаева. Автор подчеркивает, что «самообразование, видимо, всегда будет самостоятельным звеном в системе образования, дополняя стационарное обучение, обеспечивая индивидуализацию культурного развития личности» [2, с. 97].

Этот исследователь делает акцент на функции персонализации, которую выполняет самообразование, тем самым он отводит ему локальную роль в процессе образования, исключая социальную значимость этого феномена. Кроме того, автономизация самообразования как самостоятельного звена на сегодняшний день не совсем корректна. Современные цифровые технологии превращают образовательные практики в гибридные, интегрируя стационарные формы образования, вписанные в определенный хронотоп, и мобильные, оторванные от конкретного места и времени и инициированные самим обучающимся. При этом стационарные формы могут содержать в себе как элементы традиционного образования, находящегося под систематическим контролем преподавателя, так и элементы самообразования.

Более целостный подход содержит в себе исследование Е.А. Шуклиной, для которой самообразование выступает одновременно в качестве процесса обучения и порядка жизнедеятельности социальных общностей. Исследователь определяет самообразование как «вид свободной деятельности личности (социальной группы), характеризующийся ее свободным выбором и направленный на удовлетворение потребностей в социализации, самореализации, повышение культурного, образовательного, профессионального и научного уровней, получение удовлетворения от реализации личностью ее духовных потребностей» [3]. Автор последовательно реализует системный подход, исследуя функции самообразования на нескольких уровнях: субъекта самообразования, социальной группы, общества в целом.

На наш взгляд, при изучении сущности феномена самообразования необходимо принимать во внимание два взаимосвязанных исследовательских вектора: субъектную составляющую самообразовательной деятельности и социальный контекст, в рамках которого эта деятельность возникает и происходит. Если говорить о самообразовании в условиях современного технологического уклада экономики, то очевидно, что оно существенным образом детерминировано интенсивно развивающимися технологиями ИИ.

В зарубежных исследованиях вместо понятия самообразования чаще используются похожие, связанные с этим понятием термины: *informal learning* (неформальное обучение), *non-formal learning* (внеформальное обучение), *self-directed learning* (самонаправленное обучение) и др. Среди специалистов, занимающихся этой проблематикой, не выработана общая позиция по вопросу точного, однозначного определения этих понятий. На наш взгляд, наиболее релевантным понятию самообразование является неформальное обучение, поскольку в целом между ними есть содержательное соответствие. Именно такое обучение не предусматривает наличия учебной программы, которой нужно следовать, а учащиеся могут учиться, выбирая собственный темп, без каких-либо установленных внешних целей или правил, кроме собственной воли.

По мнению Дж. Лечевски и др., неформальное образование может происходить так же обыденно, как чтение журнала или книги для изучения чего-то нового или просмотр онлайн-видеоурока для освоения конкретной задачи [4].

В исследовательском отчете М. Джонсона и Д. Маевска на основе анализа множества определений формального, внеформального и неформального обучения дается краткая характеристика каждого вида и выявляется их корреляция [5].

Исследователи отмечают, что наиболее определенно можно говорить только о формальном обучении, в то время как неформальное обучение труднее всего определить из-за значительного совпадения его характеристик с двумя другими [5]. Ключевое различие, которое не следует упускать из виду, заключается в том, что неформальное обучение не структурировано вокруг определенной учебной программы. Оно полностью сосредоточено на обучающемся, поскольку он/она контролирует время обучения; досуговые мероприятия в этом отношении можно считать неформальным обучением.

Западные исследователи подчеркивают факт встроенности неформального образования в основные образовательные стратегии (*LLL* – образование в течение всей жизни и *AE* – образование взрослых). Высказывается идея, что рост интереса к неформальному образованию детерминирован, в первую очередь, экономическими трансформациями, связанными с технологическими преобразованиями и пандемией. Именно они привели к переменам в понимании образования взрослых, доминирующей целью которого все чаще становится экономическая полезность [6].

Важным в контексте нашей гипотезы является позиция тех исследователей, которые отмечают дефицит некоторых «навыков XXI века», в основном мягких и цифровых, таких как коммуникация, сотрудничество, лидерство и навыки работы в команде, самоорганизация, критическое мышление, навыки презентации и работы над проектами, программирование и т.д. [7].

Авторы еще одного исследования, с ключевой идеей которого солидаризируется наша концепция, выделяют три рекомендации, следование которым даст возможность компенсировать недостающие «навыки XXI века» и укрепить компетенции: применение новых технологий в образовании, повышение цифровых компетенций и адаптация образовательного опыта под индивидуальные потребности [8].

Достижения в области ИИ обладают потенциалом для преобразования образования и того, как студенты подходят к своему академическому пути [9; 10; 11]. В современных условиях люди, желающие получить дополнительные знания и навыки, имеют возможность выбирать, используя различные образовательные порталы, на которых представлен постоянно увеличивающийся и обновляющийся образовательный контент. Также исследователи отмечают, что перспективы трудоустройства становятся все более изменчивыми, а это, в свою очередь, требует готовности приобретать по мере необходимости новые навыки в ответ на быстро меняющиеся социально-экономические требования. С появлением цифровых технологий, моделей искусственного интеллекта людям необходимо адаптироваться к новым экономическим условиям и активно приобретать востребованные компетенции. Умение самостоятельно выбирать образовательную траекторию, наполнять ее авторским содержанием становится определяющим. Люди все чаще обращаются к практикам самообразования, возлагая на себя серьезную личную ответственность. Быстро меняющийся рынок труда вынуждает их проявлять гибкость, работать на опережение, постоянно осваивать новые компетенции, чтобы не снижать уровень профессиональной актуальности и востребованности [12].

В современном обществе формируется тенденция размывания границы образования и самообразования посредством внедрения практик самообразования, связанных с использованием технологий ИИ, в традиционные образовательные процессы и структуры. Индивидуальные практики самообразования формируют востребованные в условиях цифровой экономики навыки, тем самым способствуют их институциализации.

Кроме того, практики самообразования, фундированные технологиями ИИ, преобразуют процессы формирования компетенций и во многом определяют формирование человеческого капитала. Самообразование, в основании которого лежит использование современных технологий (в первую очередь ИИ), представляет собой новую форму образовательных практик, не имеющую конкретных топологических и хронологических характеристик, выходящую за их пределы и занимающую пространство «над» и «между». Эта форма может быть концептуализирована посредством понятия метаобразования, как набора персональных практик, носящих гибридный характер. Неизбежная интеграция подобных практик самообразования в институционализированные формы образования создает условия для становления новых универсальных моделей личностного и профессионального развития.

Подобная интерпретация выглядит перспективной для изучения сущности тех трансформаций, которые претерпевают образовательные практики под влиянием современных технологий. Для более всестороннего и целостного понимания феномена самообразования, интегрированного с технологиями ИИ, необходимы эмпирические исследования образовательных практик, которые могут дать релевантную информацию о преимуществах и проблемах гибридного самонаправленного образования.

Литература:

1. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 539 с.
2. Нечаев В.Л. Социология образования. М.: Изд-во МГУ, 1992. 200 с.
3. Шуклина Е.А. Социология самообразования: предпосылки, методология, методика: монография / науч. ред. Г.Е. Зборовский. Екатеринбург: Изд-во УГППУ, 1999. 214 с.
4. Lischewski J. et. al. What Influences Participation in Non-formal and Informal Modes of Continuous Vocational Education and Training? An Analysis of Individual and Institutional Influencing Factors

// Frontiers in Psychology. 2020. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.534485/full (дата обращения: 20.02.2026).
5. Johnson M., Majewska D. Formal, non-formal, and informal learning: What are they, and how can we research them? Cambridge University. 2022. URL: https://www.cambridgeassessment.org.uk/Images/665425-formal-non-formal-and-informal-learning-what-are-they-and-how-can-we-research-them-.pdf (дата обращения: 22.02.2026).
6. Valiente O., Capsada-Munsech Q., Otero J. Educationalisation of youth unemployment through lifelong learning policies in Europe // European Educational Research Journal. 2020. № 19 (6). P. 1–19.
7. Van Laar E., Deursen A.J.A.M., Van Dijk J.A.G.M., Haan J. The relation between 21st-century skills and digital skills: A systematic literature review // Computers in Human Behavior. 2017. № 72. P. 577–588.
8. Shala A., Grajcevci A. Formal and non-formal education in the new era // Action Researcher in Education. 2016. № 7. P. 119–130.
9. Bozkurt A. Generative artificial intelligence (AI) powered conversational educational agents: The inevitable paradigm shift // Asian J. Distance Education. 2023. Vol. 18. № 1. P. 198–204.
10. Firat M. How ChatGPT can transform autodidactic experiences and open education? // OSF Preprints. 2023. URL: https:// www.researchgate.net/publication/367613715_How_Chat_GPT_Can_Transform_Autodidactic_Experiences_and_Open_Education (дата обращения: 27.02.2026).
11. Khan R.A., Jawaid M., Khan A.R. and Sajjad M. ChatGPT-reshaping medical education and clinical management // Pakistan Journal Medical Sciences. 2023. Vol. 39. № 2. P. 605–607.
12. Mol C., Dam van N. Turn education into a lifelong education. Chief Learning Officer. 2024. URL:http://clomedia.com/articles/view/turneducation-into-a-lifelong-experience (дата обращения: 27.02.2026).

Self-Education in the Context of Digital Educational Practices (Reconceptualization of the Phenomenon)

Mikhail Sergeyevich Nikolaev
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

Digital tools are rapidly becoming a cornerstone of higher education, as e-learning practices continue to expand in a fast paced mode. Modern technologies are pushing the boundaries of educational space by changing its chronotop, allowing learning to be personalized and delivered without being tied to a specific place or time. As a result, classical institutional forms of learning are complemented by diverse digital practices, Having democracy and flexibility in terms of access to knowledge and students performing independently Under these conditions, in the structure of education, the role of dominant activity is increasingly claimed by self-education, gradually acquiring the status of self-sufficient activity. The rapid evolution of artificial intelligence has become a primary driver of self-directed learning within the contemporary technologically advanced economy. The research aims to delineate the theoretical framework as well as methodologies essential for conceptualizing the nature of self-education and its problematization in the context of digital educational practices.

The research gains its value by justifying a new conceptual approach to self-learning in today's technological landscape, where intensifying AI developments play a transformative role.

Scientific significance - the conceptualization of the phenomenon of self-education, supported by artificial intelligence technologies as a self-sufficient activity that acquires characteristics of meta-education. Practical significance is related to the need to rethink self-education in the problematic field of sociological knowledge as a key instrument for adaptation and self-fulfillment of personality in the context of modern economy based on widespread adoption of AI technologies. These findings offer a foundation for crafting AI-driven independent study techniques that are highly relevant to todays evolving sociocultural landscape.

Keywords: self-education, digital educational practices, artificial intelligence technologies, informal learning, 21st century skills, meta-education

УДК 316.36
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-328-333
© Нуруллина Э.Р., 2026

Отцовство и материнство как социальные институты с позиций структурно-функционального анализа в условиях изменений социально-экономических отношений*

Нуруллина Эльмира Ринатовна
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета
(420066, Казань, ул. Красносельская, 51; e-mail: elmiranur10@yandex.ru;
ORCID: 0009-0006-5930-4609; SPIN-код: 6944-6555)

В современной социологии существует ряд исследований, посвященных изучению родительства как социального института. Однако анализ отцовства и материнства как отдельных социальных институтов встречается в единичных исследовательских практиках в современной отечественной социологии. Чаще отцовство и материнство рассматриваются учеными как составляющие института родительства, как институциональные роли родительства или феномены, практики или аспекты родительства в целом. Необходимость их выделения как отдельных институтов, обусловлена тем, что в современных условиях наблюдаются значительные трансформации содержания понятий «отцовство» и «материнство», проявляющиеся в усложнении и дифференциации их социальных функций.

Проанализировать отцовство и материнство как отдельные социальные институты в данной статье нам позволил такой теоретико-методологический подход в социологии как структурно-функциональный анализ, в контексте концепции Т. Парсонса, посвященной изучению социальной структуры общества, социальных институтов и институционализации, и концепции Р. Мертона о явных и латентных функциях, а также дисфункциях. Через призму этих концепций мы выявили их значение в социальной структуре общества, а также важные социальные функции, которые приносят обществу эти социальные институты.

Научная значимость исследования состоит в том, что с теоретико-методологической точки зрения раскрытие сущности отцовства и материнства как отдельных социальных институтов является научной новизной исследования и расширяет рамки анализа семейных и демографических процессов, способствует уточнению категориального понятийного аппарата социологии семьи и позволяет выявить закономерности социального воспроизводства, социализации и нормативной регуляции поведения в условиях изменений социально-экономических отношений.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты собственного авторского социологического опроса и выявленные тенденции трансформации функций отцовства и материнства на основе полученных данных могут быть использованы в разработке и корректировке семейной, демографической, образовательной и социальной политики, направленной на поддержку родительства.

* Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

Ключевые слова: *отцовство, материнство, родительство, социальный институт, структурно-функциональный анализ, функции, дисфункции*

Для цитирования: *Нуруллина Э.Р. Отцовство и материнство как социальные институты с позиций структурно-функционального анализа в условиях изменений социально-экономических отношений // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 328–333. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-328-333.*

В современном российском обществе традиционно фиксированные, относительно устойчивые функциональные назначения таких форм родительства как отцовство и материнство, как по линии эмоционального ухода, так и по линии дисциплинарной, нормативной и экономической ответственности – утрачивают свою однозначность. Исследователи данной тематики все чаще отмечают тенденции к перераспределению функциональных ролей, что свидетельствует о переходе к более гибким и адаптивным формам реализации родительства. Одновременно усиливается функциональная вариативность родительских практик, обусловленная многообразием организационных форм семейной жизни и изменяющимися социальными условиями.

С нашей точки зрения, к анализу отцовства и материнства необходимо применить, в первую очередь, такой теоретико-методологический подход в социологии, как структурно-функциональный анализ. Так, основоположник данного подхода в социологии Т. Парсонс, подчеркивал, что институты – это не только совокупность правил и норм, но прежде всего устойчивые паттерны взаимодействия, направленные на выполнение базовых функций для сохранения социальной системы. Т. Парсонс утверждал, что социальные институты выполняют жизненно важные функции для устойчивости и интеграции общества. Они формируют устойчивые модели поведения и обеспечивают соблюдение норм через роли, ожидания и санкции [1, с. 6–34].

Т. Парсонс рассматривал семью как ключевой механизм социализации, через который осуществляется первичная интеграция индивида в социальную систему. Важнейшим понятием по Т. Парсонсу является роль, которая раскрывается через такие более конкретные категории, как ролевые ожидания, санкции, исполнение и другие. Роль, по Т. Парсонсу, представляет собой сложное явление, возникающее на стыке личностных характеристик индивида и устойчивых ожиданий окружающих, основанных на общепринятых нормативных представлениях. Далее происходит переход к функциональному анализу, где социальная система рассматривается с точки зрения выделения функциональных подсистем, при этом сохраняется общее понимание социальной системы как совокупности ролей и статусов [2, с. 6–8].

В структуре семейных ролей Т. Парсонс выделял два основных функциональных типа: инструментальную и экспрессивную роли, традиционно распределяемые между отцом и матерью. Именно такая дифференциация, подчеркивал Т. Парсонс, создает баланс и согласованность в семейной системе.

Инструментальная роль, приписываемая отцу, концентрируется на обеспечении материального благополучия и социальной адаптации потомства через подготовку к выполнению общественных ролей и норм. В противоположность этому, экспрессивная роль матери направлена на создание эмоциональной стабильности, поддержание психологического комфорта и воспитание через эмоциональную вовлеченность, что формирует фундамент для дальнейшего социального развития личности. Он смотрел на эти роли через призму социальной структуры и ее устойчивости – как механизмы, поддерживающие порядок и интеграцию общества [2, с. 10–14].

Институты отцовства и материнства предполагают четкое разграничение ролей, прав и обязанностей между родителями, а также их соотношение с другими институтами – государством, системой образования и здравоохранения. Отцовская и материнская роли несут в себе специфический набор требований: отца традиционно связывают с функциями социального контроля, обеспечения, защиты и дисциплинарного влияния, тогда как материнство ассоциируется с заботой, эмоциональной поддержкой и первичной социализацией.

Т. Парсонс подчеркивал, что когда групповые нормы становятся жестко установленными и неизменными, происходит их институционализация, и система ролей приобретает характер жестких определений, превращаясь в институт. Институционализация, по Т. Парсонсу, представляет собой не только структуру статусно-ролевых репертуаров, но и процесс нормативной регламентации человеческих действий [1, с. 6–34].

Становление институтов отцовства и материнства сопровождается стандартизацией моделей поведения: появляются нормативные представления о том, каким «должен быть» хороший отец или мать. Эти нормы транслируются через законодательство (например, нормы семейного права), образовательные программы (школы осознанного родительства), медийные образы, а также через официальную поддержку материнства и, в меньшей степени, отцовства. Повторяемость таких практик формирует устойчивые модели родительского поведения.

Появляются формальные и неформальные механизмы поддержки или порицания родительского

поведения. Государственные меры поощрения (материнский капитал, отпуск по уходу за ребенком, программы поддержки отцовского участия) сочетаются с санкциями – юридическими (лишение родительских прав), моральными (общественное осуждение безответственного поведения), культурными (создание образов «хорошего родителя» в медиа). В этой системе также закрепляются социальные статусы «мать» и «отец» как институциональные позиции, каждая из которых связана с определенными ролями и обязанностями.

Таким образом, структурно-функциональный подход Т. Парсонса позволяет рассмотреть институты отцовства и материнства в качестве социальных институтов, являющихся фундаментальными структурными компонентами социальной структуры общества. Они выступают как устойчивые и регламентированные формы организации жизнедеятельности, направленные на реализацию важнейших общественных функций – воспроизводства, социализации, передачи социальных норм, правил поведения, традиций и ценностей. Как и любой другой социальный институт, институты отцовства и материнства обеспечивают воспроизводство общественного порядка и стабильность социальной структуры.

Рассмотрим применение структурно-функционального анализа Р. Мертона к анализу отцовства и материнства как социальных институтов.

Социологическая теория Р. Мертона представляет собой результат глубокой методологической интеграции двух фундаментальных направлений социологического анализа – структурного и функционального. Его подход к функционализму отличается критической рефлексией по отношению к классическим концепциям, характерным для раннего структурного функционализма. Мертон вводит в аналитический дискурс такие понятийные инновации, как «манифестные» и «латентные функции», «дисфункции», «нонфункции» и «функциональные эквиваленты», что расширяет объяснительный потенциал социологического анализа [3, с. 8–10].

В рамках структурного измерения в своей концепции Р. Мертон сосредоточивает внимание на категории «социальной структуры», рассматривая ее как организованный контекст социальных взаимодействий, в который вовлечены индивиды или группы. В ней центральным механизмом является выбор между институционально закрепленными вариантами социального поведения. Он утверждает, что социальные системы включают в себя комплекс статусных и ролевых конфигураций, чья динамика отражается в изменяющихся статусных и ролевых траекториях индивидов [3, с. 12–14].

Р. Мертон под функцией социальной системы понимает наблюдаемые последствия, способствующие ее устойчивости и адаптации, тогда как дисфункции обозначают эффекты, нарушающие или ослабляющие адаптационный потенциал. Принципиально важно признание того, что действия социальных агентов могут одновременно порождать как функциональные, так и дисфункциональные последствия [4, с. 165–168].

Р. Мертон вводит понятия явных и латентных функций, которые разграничивают случаи, когда субъективно формируемая цель совпадает с объективными результатами, и случаи, когда цель и результат расходятся. Так, согласно концепции Р. Мертона, явные функции – это преднамеренные и осознанные действия, направленные на поддержание социальной устойчивости, в то время как латентные функции возникают вне пределов сознательного планирования и отражают непредвиденные последствия социальных практик [4, с. 163–164]. Эта дифференциация открывает новые возможности для более глубокого и критического понимания институтов отцовства и материнства.

Явные функции отцовства и материнства как социальных институтов – это те задачи, которые общество сознательно возлагает на эти роли. К ним могут относиться, на наш взгляд, репродуктивная функция, функция социализации и функция закрепления социальных норм, ценностей, традиций. Эти функции очевидны и общественно признаны.

Однако гораздо более тонким и зачастую менее осознаваемым пластом являются латентные функции этих институтов. Латентные функции, менее очевидны, но не менее значимы. Примером латентных функций отцовства и материнства на наш взгляд, может являться создание стабильной эмоциональной среды для развития личности. Также к латентным функциям отцовства и материнства, можно отнести, на наш взгляд, формирование и закрепление специфических моделей поведения, которые формируются на основе ценностей и установок отцов и матерей, например, патриархальных или матриархальных моделей власти в семье и обществе.

Особенно важно для понимания современных трансформаций в институтах отцовства и материнства понимание Р. Мертоном дисфункций. Хотя эти институты в целом способствуют социальной стабильности, они могут порождать и негативные последствия.

Примером дисфункции отцовства и материнства может быть жесткое разделение ролей матери и отца, несмотря на свою функциональную оправданность, в современном социуме оно может создавать давление и ограничения, приводя к межличностным конфликтам, снижению эмоционального благополучия членов семьи или препятствовать развитию более гибких и равноправных моделей семейных отношений. Такие дисфункции способны создавать конфликты как внутри семьи, так и в более широком общественном контексте. С появлением новых мо-

делей семьи – например, семей с одним родителем – традиционные функции этих институтов могут становиться менее релевантными, а их дисфункции – более заметными.

Так, А.Б. Синельников отмечает, что неполные семьи демонстрируют меньшую демографическую эффективность в сравнении с полными семьями, преобладающая модель которых – двухдетные семьи – также не обеспечивает простого воспроизводства населения [5, с. 142–148].

Таким образом, применение концепции Р. Мертона к рассмотрению отцовства и материнства как социальных институтов позволяет выявить не только их явные, но и скрытые функции, выявить потенциальные дисфункции, которые они могут создавать в условиях социальных изменений, и проследить, как изменения в общественных нормах отражаются на структуре семейных ролей и статусов, а также институтов в целом. Это расширяет анализ от простой функциональной полезности институтов к пониманию их сложной, динамичной природы в социальной системе.

Для изучения функций отцовства и материнства в 2022 г. был проведён онлайн-опрос на тему: «Социальный маркетинг как инструмент формирования семейных ценностей в современных социально-экономических условиях». Выборка составила 907 чел. в возрасте от 18 до 55 лет, проживающих на территории Республики Татарстан, отобранных случайным образом. Анкета включала 34 вопроса, сгруппированных по темам: отношение к браку, роли и функции отцов и матерей в семье, жизненные и семейные ценности, способы их популяризации. Опрос проводился через *Google Forms* в течение трех месяцев. Данные анализировались с помощью методов описательной статистики (расчёт частот, средних значений). Конфиденциальность ответов обеспечивалась анонимностью опроса.

Классифицируем функции отцовства и материнства как социальных институтов и дадим их интерпретацию на основе результатов репрезентативного авторского социологического исследования. Итак, эмпирические данные говорят, что самыми важными функциями и ролями, которые выполняет отец в процессе формирования личности ребенка, респонденты считают функцию защиты (64,0 %), обучение повседневным навыкам (45,0 %), материальное обеспечение (39,0 %), удовлетворение потребностей и нужд ребенка (30,0 %), воспитание дисциплины, порядка, ответственности (29,0 %). Далее по значимости респонденты выделяют следующие функции и роли отцов: коммуникации, общения с ребенком (24,0 %), проведение совместного досуга, игры, развлечение (23,0 %), прививание семейных ценностей (18,0 %), закладывание социальных основ личности (16,0 %), обеспечение условий для физического развития (13,0 %). Меньше распространены среди ответов респондентов такие функции и роли отцов как: принятие жизненно важных решений относительно ребенка (10,0 %), ежедневный уход и забота (10,0 %), развитие интеллектуально-познавательной сферы (10,0 %). Наименьшее количество респондентов считают, что отцы выполняют функции и роли по прививанию любви к чему-либо (8,0 %), выявлению творческих интересов (7,0 %), формированию системы запретов и разрешений (7,0 %) и передачи статуса и наследства (6,0 %).

Самыми важными функциями и ролями, которые выполняет мать в процессе формирования личности ребенка, респонденты считают воспитание ребенка (59,0 %), ежедневный уход и забота (49,0 %), прививание семейных ценностей (38,0 %), ведение хозяйства (35,0 %), коммуникация, общение с ребенком (30,0 %). Далее по значимости идут следующие функции и роли: удовлетворение потребностей и нужд ребенка (23,0 %), прививание любви к чему-либо (22,0 %), обучение повседневным навыкам (21,0 %), развитие эмоциональной сферы ребенка (16,0 %), развитие интеллектуально-познавательной сферы (13,0 %), обеспечение безопасности (13,0 %), передача ответственности (12,0 %), обеспечение адаптации к жизни (11,0 %). Наименьшее количество респондентов считают, что матери выполняют функции и роли по проведению совместного досуга, играм, развлечениям (9,0 %), выявлению творческих интересов (8,0 %), материального обеспечения (5,0 %), принятия жизненно важных решений относительно ребенка (5,0 %).

Согласно результатам проведенного исследования, большинство опрошенных нами респондентов считают, что чаще всех занимаются воспитанием детей в современной семье матери (64,0 %). 22,0 % опрошенных считают, что воспитанием чаще занимаются бабушки и дедушки, и 14,5 % – что этим занимаются отцы.

На вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли внимания воспитанию детей уделяют отцы в современных семьях?» ответы респондентов распределились следующим образом: полностью достаточно (16,0 %), скорее достаточно (39,0 %), скорее недостаточно (36,0 %), совершенно недостаточно (9,0 %). Таким образом, 55,0 % респондентов считают, что отцы достаточно уделяют внимание воспитанию детей, и 45,0 % считают недостаточным.

Самыми приоритетными среди жизненных ценностей у опрошенных респондентов являются: семья (65,0 %), любовь (41,0 %), дети (40,0 %), материальный достаток (38,0 %), карьера (28,0 %). Далее по значимости идут следующие жизненные ценности: родители (26,0 %), здоровье (24,0 %), образование (10,0 %), статус (4,0 %).

Самыми приоритетными среди семейных ценностей у опрошенных респондентов являются: поддержка и забота друг о друге (76,0 %), верность

(56,0 %), любовь (41,0 %), психологический и эмоциональный комфорт (31,0 %), взаимопонимание (21,0 %), дети (24,0 %). Далее по значимости идут следующие семейные ценности: материальная обеспеченность (14,0 %), совместное времяпровождение (15,0 %), общение с близкими родственниками (12,0 %), передача опыта от старшего поколения к младшему (8,0 %). Наименьшее распространение получили такие ценности как: помощь родителям, старшему поколению (5,0 %), совместное празднование праздников (5,0 %), семейные традиции (5,0 %).

На основе анализа результатов авторского социологического исследования можно сформулировать ряд обобщающих выводов относительно особенностей функционирования институтов отцовства и материнства в современной семье. Так, в общественном сознании сохраняется выраженная гендерная дифференциация родительских ролей. Отцовство преимущественно ассоциируется с функциями защиты, материального обеспечения, формирования дисциплины и ответственности, а также обучения ребенка практическим жизненным навыкам. Таким образом, роль отца воспринимается, прежде всего, как обеспечительно-регулятивная и связанная с поддержанием внешней безопасности и устойчивости семьи. Функции материнства в представлениях респондентов носят преимущественно воспитательный и эмоционально-заботливый характер. Матери рассматриваются как основные субъекты воспитания ребенка, осуществляющие повседневный уход, эмоциональную поддержку, формирование семейных ценностей и организацию внутрисемейного быта. Это свидетельствует о том, что материнство продолжает восприниматься как центральный институт первичной социализации ребенка. Таким образом, полученные данные исследования свидетельствуют о сохранении в общественном сознании традиционной модели распределения родительских ролей.

Выводы исследования говорят также о том, что существует асимметрия в реальном распределении воспитательных функций внутри семьи. В массовом восприятии именно матери чаще всего выступают основными участниками процесса воспитания детей. Значительную роль в воспитательном процессе, по мнению части респондентов, также играют представители старшего поколения – бабушки и дедушки, тогда как участие отцов оценивается как менее активное. Выявленные тенденции отражают процессы трансформации современной семьи и формирование общественного запроса на более активное участие отцов в воспитании и социализации детей.

Оценки респондентов относительно степени вовлеченности отцов в воспитание детей демонстрируют определенную амбивалентность общественного мнения. С одной стороны, значительная часть опрошенных считает участие отцов в воспитательном процессе достаточным. С другой стороны, достаточно заметная доля респондентов отмечает недостаточный уровень их вовлеченности.

Анализ структуры семейных ценностей, согласно данным исследования, показал высокую значимость семейных ценностей в системе жизненных приоритетов респондентов. Семья, любовь, дети и материальное благополучие занимают центральное место в ценностной структуре. Одновременно наблюдается определенное смещение акцента в сторону ценностей эмоциональной поддержки, заботы, верности и психологического комфорта внутри семьи.

Исследование отцовства и материнства в контексте их институционального оформления представляет собой важное направление социологического анализа, актуальность которого определяется как теоретическими, так и прикладными аспектами. Научная значимость темы заключается в необходимости углубленного осмысления процессов институционализации родительства в условиях трансформации социальных норм, семейных структур и функций современной семьи. Выделение отцовства и материнства как отдельных социальных институтов позволяет преодолеть ограниченность традиционных подходов, в которых данные формы родительской активности рассматриваются лишь как составляющие обобщенного института родительства или как ролевые ожидания внутри семейной системы.

Литература:

1. Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4-5. С. 6–34.
2. Жигулин В.С. Теоретико-методологический анализ социологической концепции Т. Парсонса: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2003. 25 с.
3. Мартьянова Н.А. Концепция структурного функционализма Роберта К. Мертона: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2007. 26 с.
4. Комарова А.В. Парадигма функционального анализа в теоретическом наследии Р. Мертона // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 15. С. 160–168.
5. Синельников А.Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. № 4. С. 132–148.

Fatherhood and Motherhood as Social Institutions from the Standpoint of Structural-Functional Analysis in the Context of Changing Socio-Economic Relations

Elmira Rinatovna Nurullina
Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russia)

In contemporary sociology, there are a number of studies devoted to the study of parenthood as a social institution. However, the analysis of fatherhood and motherhood as separate social institutions is found in few research efforts in contemporary Russian sociology. More often, scholars consider fatherhood and motherhood as components of the institution of parenthood, as institutional roles of parenting, or as phenomena, practices, or aspects of parenting in general. The need to distinguish them as separate institutions stems from the fact that, in modern conditions, the concepts of "fatherhood" and "motherhood" are undergoing significant transformations, manifested in the increasing complexity and differentiation of their social functions.

In this article, we used a theoretical and methodological approach in sociology, structural-functional analysis, within the context of T. Parsons's concept of the social structure of society, social institutions, and institutionalization, and R. Merton's concept of manifest and latent functions, as well as dysfunctions. Through the lens of these concepts, we identified their significance in the social structure of society, as well as the important social functions these social institutions provide.

The scientific significance of the study lies in its theoretical and methodological novelty, which expands the scope of analysis of family and demographic processes. It contributes to the refinement of the categorical conceptual framework of family sociology and allows us to identify patterns of social reproduction, socialization, and the normative regulation of behavior in the context of changing socioeconomic relations.

The practical significance of the study is determined by the fact that the results of the author's own sociological survey and the identified trends in the transformation of the functions of fatherhood and motherhood based on the data obtained can be used in the development and adjustment of family, demographic, educational and social policies aimed at supporting parenthood.

Keywords: fatherhood, motherhood, parenthood, social institution, structural-functional analysis, functions, dysfunctions

УДК 316. 108.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-334-342
© Петрова О.С., 2026

Исследование социально-профессионального самоопределения студенческой молодежи педагогического университета

Петрова Ольга Сергеевна
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления образованием и кадрового менеджмента
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена
(191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48; e-mail: Petrova310585@yandex.ru;
ORCID 0000-0003-1172-5835; SPIN-код 3588-8363; AuthorID: 679977)

Рассматривается социально-профессиональное самоопределение молодежи как один из наиболее точных индикаторов социальных изменений. Целью исследования является выявление проблем, связанных с формированием социально-профессиональных ожиданий и стратегий молодежи, ее трудовой и гражданской позиции. Наиболее релевантным методом сбора эмпирических данных в контексте поставленной цели представляется опрос. Исследование основано на опросе студенческой молодежи педагогического университета, проведённом в 2025 г. Теоретическая значимость исследования заключается в использовании периодизации профессионального становления Э.Ф. Зеера и типологии факторов самоопределения В.Е. Лобова, что позволяет классифицировать мотивы выбора профессии (субъективные, интерсубъективные, объективные). Применение типологии ценностей Ш. Шварца для анализа трудовых предпочтений позволило сформулировать теоретико-обоснованные выводы. Научная новизна исследования состоит в построении авторской типологии студенческой молодежи на основе эмпирических данных. Результаты исследования показывают, что приоритетные ценности материального благополучия при выборе профессиональной траектории у 70 % респондентов – студентов педагогического университета сформированы инструментами медиатизации. Выявленное противоречие между государственной политикой (ориентация на служение обществу) и реальными ценностными ориентациями студентов (материальный успех) имеет практическую значимость для корректировки профориентационной работы и молодежной политики.

Ключевые слова: *социально-профессиональное самоопределение, социально-профессиональные ожидания, студенческая молодежь, статусно-ролевой набор молодёжи*

Для цитирования: *Петрова О.С. Исследование социально-профессионального самоопределения студенческой молодежи педагогического университета // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 334–342. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-334-342.*

С феноменом социально-профессионального самоопределения имманентно связана категория социальных ожиданий, на основе которых совершается выбор профессии и формируются социально-профессиональные стратегии. На наш взгляд, именно ожидания, связанные с реализацией статусно-ролевого набора как личности и как работника, выступают результатом социально-профессионального самоопределения. В первую очередь необходимо дать рабочее определение понятия «социально-про-

фессиональное самоопределение». Выбор профессионального пути является частью результата социально-профессионального самоопределения. Будем рассматривать социально-профессиональное самоопределение как процесс формирования у индивида ожиданий относительно собственного положения в социальной и профессиональной структуре.

Следующий шаг, необходимый для исследования социально-профессионального самоопределения студентов, – интерпретация понятия «студенческая молодежь». С юридической точки зрения оно может быть дефинировано на основе Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Так, к студенческой молодежи будут отнесены лица в возрасте от 14 до 35 лет, осваивающие образовательные программы среднего профессионального или высшего образования (программы бакалавриата, специалитета, магистратуры) [1, с. 265]. Однако для исследовательских целей такая интерпретация представляется явно недостаточной.

Для социологической концептуализации студенческой молодежи характерно внимание не только к формальным признакам, но и к социальным ролям, общественному положению и статусу, общности интересов и образа жизни представителей рассматриваемой категории [2, с. 36]. По этой причине, с социологической точки зрения, человека в возрасте 30–35 лет, имеющего богатый профессиональный опыт, достигшего определенного материального благополучия и по каким-либо причинам поступившего в высшее учебное заведение, едва ли можно отнести к студенческой молодежи.

Обратившись к периодизации профессионального становления по Э.Ф. Зееру, обозначим, что для студенческой молодежи в большей степени характерно прохождение стадии профессиональной подготовки (а для некоторых ее представителей, начавших трудовую деятельность во время обучения, – профессиональной адаптации) [3, с. 36]. А поскольку наш исследовательский интерес направлен именно на студентов высших учебных заведений, ориентировочные возрастные границы студенческой молодежи, которые могут быть установлены в рамках данной работы, – 18–25 лет.

Это дает основание для изучения проблем социально-профессионального самоопределения молодых людей, проходящих первичную профессиональную подготовку по программам высшего образования.

По данным цифровой экосистемы «МТС», наибольшим престижем среди современных российских школьников пользуется блогерская деятельность, работа в сфере медиа и кинопроизводства – такой вариант ответа указали большинство респондентов опроса [4]. По данным ВЦИОМ, значимое место по уровню престижа для молодёжи занимают профессии в области медицины, биотехнологий и ИТ-специальности [5]. При этом молодые специалисты, выходящие на рынок труда, все чаще отказываются от традиционных форм занятости [6]. Подобные тренды несут в себе угрозу развитию отечественной экономики, в особенности с учетом того, что на данный момент особенно остро стоит проблема дефицита кадров в различных отраслях [7, Т. 1, с. 144]. Так, по подсчетам совета межрегионального профсоюза работников образования «Учитель», в России на 2024 г. нехватка педагогов составляет 250 тыс., это с учетом того, что многие учителя вынуждены работать на 1,5–2 ставки [8].

Основная гипотеза эмпирического исследования состоит в том, что образ социального и профессионального будущего студенческой молодежи отличается недостаточной сформированностью. В дополнение к ней на основании теоретических выводов настоящей работы было выдвинуто несколько частных гипотез:

1) большинство респондентов, уже обучающихся в университете, до конца не определились с желаемой профессией;

2) традиционные источники профессионально-образовательной информации по популярности уступают цифровым;

3) ключевым профессионально-трудовым и жизненным приоритетом студенческой молодежи выступает материальное благополучие.

Наиболее релевантным методом сбора эмпирических данных в контексте поставленной цели и задач представляется опрос.

По состоянию на апрель 2025 г. генеральная совокупность (N), которая состоит из студентов РГПУ им. А.И. Герцена, обучающихся по программам бакалавриата и специалитета, составляет: 16 500 чел. Объём выборочной совокупности (n): 375 чел. (полностью заполненные и прошедшие проверку анкеты). Выборка респондентов репрезентирует генеральную совокупность с доверительной вероятностью 95 %, при этом погрешность составляет не более 5 %. Минимальный объём выборки для генеральной совокупности 16 500 при указанных параметрах составляет ~376 чел. (расчёт произведен по формуле для случайной выборки). Фактический объём 375 чел. признаётся достаточным. Тип выборки: целенаправленная (квотная) с контролем распределения по полу и возрасту в соответствии со структурой генеральной совокупности.

Социально-демографический портрет респондентов опроса выглядит следующим образом: 25,7 % – мужчины, 74,3 % – женщины; 38,5 % имеют возраст 18–19 лет, 47,9 % – 20–21 лет, 13,6 % – 22 года и старше, медианный возраст – 20 лет; 86,8 % являются студентами бакалавриата и 13,2 % – специалитета.

Выборка респондентов репрезентирует структуру генеральной совокупности по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки. Наиболее многочисленной группой является «Педагогический профиль».

Исследование проводилось с помощью онлайн-опроса, инструмент сбора данных: электронная анкета, разработанная в сервисе Яндекс Формы. Ссылка на опрос распространялась среди студентов РГПУ им. А.И. Герцена, обучающихся по программам педагогического профиля, через официальные сообщества вуза в социальных сетях «ВКонтакте», а также посредством информирования через кураторов академических групп, опрос проводился в течение месяца. Из Яндекс Форм данные выгружены в формате *Microsoft Excel*, отфильтрованы ответы с логическими противоречиями, открытые вопросы проверены на наличие бессмысленного или нецензурного текста. Закрытые вопросы перекодированы в числовые переменные, где это было необходимо. Номинативные признаки (пол, форма обучения) оставлены как категориальные переменные. Инструменты анализа: первичная обработка и описательная статистика – *Microsoft Excel*. Визуализация произведена при помощи столбчатых диаграмм (встроенные средства *Excel*). Данные хранятся в папке исследовательского проекта на Яндекс Диске.

Поставленные задачи позволили сформировать дескриптивный каркас эмпирического исследования, который представлен следующими разделами:

1. Профессиональный выбор студенческой молодежи. Раздел включает вопросы относительно профессиональной самоопределенности респондентов, факторов выбора профессии.

2. Профессионально-трудовые и образовательные предпочтения студентов. Данный раздел посвящен выявлению критериев, на которые опрошенные ориентируются при выборе места работы.

3. Социально-профессиональные ожидания и планы студенческой молодежи. Раздел посвящен изучению планируемых студентами профессиональных траекторий (работа по специальности обучения, работа не по специальности, развитие собственного бизнеса, получение пассивного дохода), жизненных и профессиональных приоритетов.

Такой дескриптивный каркас позволил оценить уровень профессиональной самоопределенности студентов Герценовского университета, выявить факторы их профессионального и образовательного выбора, изучить их профессионально-трудовые и образовательные предпочтения, ожидания и планы. Далее будут приведены результаты эмпирического исследования.

Теоретико-методологическая база основывается на периодизации профессионального становления по Э.Ф. Зееру. При формулировке вариантов ответов первого раздела анкеты выступали индикаторы факторов социально-профессионального самоопределения согласно типологии В.Е. Лобова.

Для оценки сформированности профессионального самоопределения студентов (иначе говоря, определенности их профессионального выбора) задавался закрытый альтернативный вопрос «*Определились ли Вы с желаемой профессией?*». Более половины респондентов отметили, что приблизительно определились с профессиональной сферой – 52,5 %. Доли тех, кто однозначно определился и кто не определился, примерно равны: 22,6 и 24,9 %. Ответы на данный вопрос подтверждают гипотезу о том, что большинство респондентов, уже обучающихся в университете по выбранным образовательным программам, до конца не определились с желаемой профессией.

Возраст, который характеризуется наименьшей готовностью к профессиональному выбору, – 20 лет. Лишь 16,1 % 20-летних однозначно определились с профессией. При этом совсем не определилось в два раза больше – 30,6 %. Свыше 50 % определились со сферой деятельности лишь приблизительно. На наш взгляд, подобное наблюдение объясняется тем, что к 20 годам (как правило, это второй или третий курс бакалавриата/специалитета) может произойти снижение мотивации по сравнению с началом обучения: если выбор направления подготовки был совершен недостаточно осознанно, нередко отмечается разочарование в выбранной профессии [9, с. 36]. Однако впоследствии неопределенность профессионального выбора постепенно снижается на фоне того, что все большее число студентов проходят производственную практику, начинают трудовую деятельность, а значит в той или иной степени интегрируются в профессиональную структуру.

Следующий вопрос, который был задан студентам Герценовского университета, – «*На какие критерии Вы ориентировались (ориентируетесь) при выборе профессии в первую очередь?*». Вопрос был полузакрытым неальтернативным: предлагалось выбрать не более трех вариантов [10, с. 137] ответа и предоставлялась возможность указать собственный вариант.

Варианты ответов выступали индикаторами факторов социально-профессионального самоопределения. Согласно типологии В.Е. Лобова [11, с. 12] к категории субъективных факторов принадлежали варианты «интересное содержание профессиональной деятельности» (читать: наличие личного интереса к содержанию профессии) и «соответствие моих личных качеств требованиям профессии». Интерсубъективным факторам соответствовали варианты ответа «престиж профессии» и «общественная польза от профессии». Множество объективных факторов было выражено такими вариантами, как «возможность высокого заработка», «перспектива карьерного роста», «востребованность профессии

на рынке труда», «доступность профессии для освоения, легкость вхождения в профессию». Результаты отображены на рисунке 1.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «На какие критерии Вы ориентировались (ориентируетесь) при выборе профессии в первую очередь?»

Для того чтобы более точно интерпретировать представленные результаты в контексте факторов социально-профессионального самоопределения, необходимо проанализировать ответы на следующий вопрос – «*Что из перечисленного в наибольшей степени определило Ваш выбор программы профессионального образования?*». Вопрос также имел полузакрытый неальтернативный характер. Субъективные факторы социально-профессионального самоопределения были представлены такими вариантами ответа, как «интересное и полезное содержание программы», «мои личные склонности, предрасположенность» и «результаты профориентационных тестов, профконсультаций». Интерсубъективные факторы нашли выражение в вариантах «статус образовательной организации», «советы родителей, родственников», «рекомендации педагогов, наставников, опытных специалистов» и «отзывы от студентов (выпускников), обучающихся (обучавшихся) по этой программе». Наконец, категории объективных факторов принадлежит вариант ответа «доступность обучения в рамках данной программы». Также были предложены варианты «пошел на эту программу за компанию, вместе с друзьями, знакомыми» и «выбрал данную программу за неимением лучшего варианта», которые призваны индицировать долю студентов, чей выбор программы обучения был не вполне осознанным, рефлексивным. Результаты отображены на рисунке 2.

Распределение ответов на оба вопроса подтверждает вывод, который мы сделали ранее по результатам вторичного анализа результатов опроса ВЦИОМ: профессиональный выбор молодежи детерминируется преимущественно субъективными факторами, а именно личными склонностями, интересами [12]. Однако, говоря о студентах РГПУ им. А.И. Герцена, нельзя не заметить выраженную

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного в наибольшей степени определило Ваш выбор программы профессионального образования?»

ориентацию на объективные факторы в части возможностей высокого заработка и карьерного роста.

Анализируя критерии выбора профессии, указанные студентами, можно заключить, что появившиеся в информационном поле сведения о конкурентоспособной заработной плате, о перспективности и широких карьерных возможностях педагогов положительно влияют на выбор молодежи [13, с. 170]. Интерсубъективные факторы [14, с. 156] имеют слабое проявление, за исключением статуса образовательной организации, который существенно повлиял на выбор программы профессионального образования у трети респондентов. В то же время нельзя не отметить, что не менее четверти опрошенных выбрали образовательную программу не вполне осознанно: 20,4 % – за неимением лучшего варианта, 5,3 % – «за компанию». Это свидетельствует о недостаточной готовности выпускников школ, абитуриентов к осуществлению профессионального выбора.

Что касается агентов социально-профессионального самоопределения (в той степени, в которой их воздействие можно оценить опросным методом), ни семья, ни педагоги, ни сверстники, которые являются традиционными агентами [15, с. 55], не были отмечены подавляющим большинством респондентов. Лишь 16,2 % указали, что на их выбор программы профессионального образования в наибольшей степени повлияли советы родителей или родственников, а доля тех, для кого особо значимым было мнение педагогов и наставников, – в два раза меньше (7,9 %). Мнение сверстников по уровню значимости близко к советам членов семьи – 14 %: 8,7 %

опрошенных ориентировались на отзывы студентов или выпускников университета и еще 5,3 % выбрали программу обучения вместе с друзьями, знакомыми. Таким образом, по мнению студентов РГПУ им. А.И. Герцена, влияние традиционных агентов социально-профессионального самоопределения [16, с. 56] не было существенным.

Наконец, проанализируем источники получения профессионально-образовательной информации, к которым обращались респонденты. Распределение ответов на вопрос «*Каким образом Вы узнали об образовательной программе, которую осваиваете в настоящее время?*» выглядит следующим образом: 39,2 % изучали специализированные сайты для абитуриентов; 37,4 % изучали официальный сайт и социальные сети РГПУ им. А.И. Герцена; 10,9 % услышали о программе от своих друзей, знакомых, родственников; 3 % посетили день открытых дверей в университете; 9,4 % указали, что не помнят, каким образом узнали об образовательной программе, которую осваивают.

Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что в условиях медиатизации традиционные источники профессионально-образовательной информации существенно уступают цифровым по популярности [17, с. 28]. Кроме того, в целом снижается сила воздействия традиционных механизмов регуляции профессионального выбора на молодежь [18, Т. 6, с. 193]. Также нельзя не отметить, что в структуре профессиональной мотивации студентов стремление приносить пользу обществу имеет наименьшую степень выраженности.

Изучение профессионально-трудовых и образовательных предпочтений и ожиданий студенческой молодежи подразумевает выявление и анализ приоритетов молодежи в контексте выбора места и формата работы.

Первый вопрос из данного раздела – «*Оцените по шкале от 1 до 5, насколько для Вас важны следующие аспекты при выборе места работы, где 1 – совсем не важны, 5 – очень важны*», в котором была применена шкала Лайкерта [19, с. 290] . Респондентам было предложено оценить такие аспекты, как: уровень оплаты труда; возможности карьерного роста; возможности развития своих профессиональных навыков; стабильность компании, ее положение на рынке; социальные гарантии; характер отношений в коллективе (с руководством, коллегами); соответствие ценностей компании моим собственным; возможность работать в удобном для меня графике и формате; возможность поддерживать баланс между работой и личной жизнью.

Перечисленные аспекты соответствуют различным ценностям. Согласно типологии Ш. Шварца [20, с. 13], ценностям блока «Забота о людях и природе» соответствовали пункты: характер отношений в коллективе (с руководством, коллегами); соответствие ценностей компании моим собственным. Ценности блока «Сохранение» выражались в следующих аспектах: стабильность компании, ее положение на рынке; социальные гарантии. Блок «Самоутверждение» был представлен такими пунктами, как: уровень оплаты труда; возможности карьерного роста; возможности развития своих профессиональных навыков. Наконец, блок «Открытость изменениям» нашел выражение в: возможности работать в удобном для меня графике и формате; возможности поддерживать баланс между работой и личной жизнью.

Блоки «Самоутверждение» и «Открытость изменениям» имеют индивидуалистическую, а блоки «Забота о людях и природе» и «Сохранение» – социальную ориентацию. Это позволит оценить, насколько справедлив изложенный ранее тезис о том, что в условиях медиатизации молодежь становится носителем индивидуалистических ценностей.

Анализируя ответы респондентов на данный вопрос, мы рассчитывали модальное и медианное значение для каждого из аспектов, которые предлагалось оценить. Результаты приведены в таблице 1.

Таблица 1

Средние значения ответов на вопрос «Оцените по шкале от 1 до 5, насколько для Вас важны следующие аспекты при выборе места работы, где 1 – совсем не важны, 5 – очень важны»

Аспект	Медиана	Мода
Уровень оплаты труда	5	5
Возможности карьерного роста	5	5
Возможности развития своих профессиональных навыков	5	5
Стабильность организации	4	5
Социальные гарантии	4	4
Характер отношений в коллективе (с руководством, коллегами)	4	5
Соответствие ценностей организации моим собственным	4	4
Возможность работать в удобном для меня графике и формате	4	5
Возможность поддерживать баланс между работой и личной жизнью	5	5

Следует отметить, что каждый аспект был оценен довольно высоко. Тем не менее, нельзя не отметить, что для четырех пунктов медиана и мода равны максимальному баллу – речь идет об уровне оплаты труда, возможностях карьерного роста, возможностях развития своих профессиональных навыков и возможности поддерживать баланс между работой и личной жизнью. Несколько ниже обучающиеся оценивают стабильность организации, характер отношений в коллективе и возможность работать в удобном для себя графике и формате. Наконец, самые низкие баллы из указанных факторов

выбора работодателя получили социальные гарантии и соответствие ценностей компании личным ценностям.

Очевидно, что среди студентов доминирующими являются ценности блока «Самоутверждение». Также высокие оценки получили аспекты, соответствующие ценностям блока «Открытость изменениям». Блоки «Забота о людях и природе» и «Сохранение» оказываются несколько менее значимыми. Таким образом, среди обучающихся действительно фиксируется приверженность индивидуалистическим ценностям.

В условиях медиатизации студенческая молодежь становится носителем ценностей, имеющих преимущественно индивидуалистическую ориентацию [21, с. 20]. В контексте профессиональных предпочтений эти ценности находят выражение в том, что для молодых людей ключевым приоритетом в системе социально-трудовых отношений выступает возможность добиться материального благополучия вкупе с поддержанием баланса между работой и личной жизнью.

При изучении социально-профессионального самоопределения студенческой молодежи нельзя не уделить внимание профессиональным и жизненным ожиданиям и планам. Первый аспект, который затрагивался в эмпирическом исследовании, – планируемые профессиональные стратегии студентов по окончании обучения в университете. На вопрос «*Как Вы планируете выстраивать свою профессиональную траекторию по окончании обучения?*» большая доля респондентов – 43,4 % – ответила, что будет работать по специальности. Четверть опрошенных – 23,8 % – намерена открыть свое дело, заниматься развитием бизнеса. 15,8 % студентов, принявших участие в опросе, планируют работать не по специальности обучения. Не задумываются о будущей работе 10,2 % респондентов. Наконец, наименьшая доля опрошенных – 6,8 % – хотела бы не работать и получать пассивный доход.

Для изучения жизненных приоритетов студенческой молодежи задавался вопрос «*Оцените по шкале от 1 до 5, насколько для Вас важны следующие жизненные аспекты, где 1 – совсем не важны, 5 – очень важны*», содержащий шкалу Лайкерта. В анкете был представлен следующий перечень:

– добиться материального благополучия;

– добиться признания, высокого положения в обществе;

– иметь большой багаж знаний, стать мастером своего дела;

– приносить пользу обществу, стране, миру;

– иметь много друзей, расширять круг общения;

– любить и быть любимым;

– создать семью;

– испытывать новые впечатления, получать удовольствие от жизни;

– поддерживать свое физическое и психологическое здоровье.

Данные аспекты также могут быть сгруппированы в соответствии с типологией Ш. Шварца в зависимости от того, какими ценностями они детерминируются. Так, к блоку «Забота о людях и природе» относятся варианты «приносить пользу обществу, стране, миру», «иметь много друзей, расширять круг общения» и «любить и быть любимым». Блок «Сохранение» охватывает такие аспекты, как «создать семью» и «поддерживать свое физическое и психологическое здоровье». Блок «Самоутверждение» представлен следующими вариантами: «добиться материального благополучия», «добиться признания, высокого положения в обществе» и «иметь большой багаж знаний, стать мастером своего дела». Наконец, к блоку «Открытость изменениям» относится вариант «испытывать новые впечатления, получать удовольствие от жизни» [22].

В таблице 2 отображены медианные и модальные оценки опрошенными каждого из перечисленных аспектов.

Таблица 2

Средние значения ответов на вопрос «Оцените по шкале от 1 до 5, насколько для Вас важны следующие жизненные аспекты, где 1 – совсем не важны, 5 – очень важны»

Аспект	Медиана	Мода
Добиться материального благополучия	5	5
Добиться признания, высокого положения в обществе	4	4
Иметь большой багаж знаний, стать мастером своего дела	4	5
Приносить пользу обществу, стране, миру	4	3
Иметь много друзей, расширять круг общения	4	4
Любить и быть любимым	5	5
Создать семью	4	5
Испытывать новые впечатления, получать удовольствие от жизни	5	5
Поддерживать свое физическое и психологическое здоровье	5	5

Ответы респондентов позволяют судить, что ключевыми жизненными приоритетами студентов являются: 1) материальное благополучие; 2) взаимная любовь; 3) удовольствия; 4) физическое и психологическое здоровье. Данные приоритеты представляют все четыре блока ценностей, выделенных Шварцем. В наименьшей степени обучающиеся задумываются о том, чтобы приносить пользу обществу и своей стране, что полностью согласуется с ответами на вопрос о критериях профессионального выбора. Профессиональное мастерство и создание семьи опрошенные оценивают несколько выше, не-

жели высокое положение в социальной структуре и широкий круг общения.

Отдельно оценивались ожидания студенческой молодежи от профессиональной деятельности. Анкета содержала вопрос «*Чего бы Вы больше всего хотели добиться в профессиональной деятельности?*», в котором было предложено проранжировать от наименее приоритетного к наиболее приоритетному следующие варианты:

– богатства, материального благополучия;

мвысокого положения на карьерной лестнице;

– высокого уровня профессионализма, признания со стороны коллег;

– общественной пользы от своей работы;

– возможности заниматься тем, что меня по-настоящему интересует;

– возможности работать без ущерба для здоровья и личной жизни.

Наименьшему приоритету присваивался ранг 1, наибольшему – ранг 6. В процессе анализа все варианты были проранжированы по сумме рангов так, что наибольшее количество баллов получил тот аспект профессиональной деятельности, значимость которого была выше оценена студентами (табл. 3).

В очередной раз подтверждается высокая значимость для студентов материального благополучия и низкая приоритетность общественной пользы от профессиональной деятельности. Также характерным является стремление удовлетворять личный интерес в профессиональной деятельности, о чем свидетельствовали результаты ответов на вопросы о факторах выбора профессии и образовательной программы.

Последний вопрос анкеты – «Какие факторы жизненного успеха, по-Вашему, являются ключевыми в современном мире?» – был призван индицировать мнение студенческой молодежи о предикторах социального и жизненного благополучия [23]. Распределение вариантов ответа от наиболее популярного к наименее популярному выглядит следующим образом:

– труд, упорство – 74,3 %;

– знания, образование – 57,7 %;

– полезные знакомства – 54,7 %;

– хитрость, расчетливость – 33,6 %;

– врожденные качества (умственные, физические) – 29,8 %;

– доступ к информации – 23,4 %;

– происхождение, «стартовая позиция» – 12,5 %;

– удача, везение – 9,4 %.

Можно заметить, что представители студенческой молодежи отличаются довольно оптимистическим взглядом на жизненный успех. В качестве ключевых респонденты указывали факторы, зависящие от профессиональной и социальной активности личности. Такие точки зрения, как биологический и социально-экономический детерминизм [24, с. 80], не находят существенного распространения среди студентов.

Для получения профессионально-образовательной информации обучающиеся используют в основном цифровые источники, что вполне объяснимо в контексте современного этапа процесса медиатизации, при этом специфика социально-профессионального самоопределения студенческой молодежи в условиях медиатизации состоит в недостаточной сформированности образа профессионального будущего.

На профессиональный выбор студентов в наибольшей степени повлияли субъективные факторы (личные склонности, способности, интересы, предпочтения), а также некоторые объективные факторы, связанные с возможностью добиться материального благополучия. Последнее выступает для студентов, пожалуй, ключевым приоритетом в социальной активности и трудовой деятельности, в то время как стремление приносить пользу стране и обществу характеризуется наименьшей выраженностью.

Таблица 3

Результаты ранжирования ответов на вопрос «Чего бы Вы больше всего хотели добиться в профессиональной деятельности?»

Вариант	Медиана	Мода	Сумма рангов	Итоговый ранг
Богатства, материального благополучия	5	6	1222	1
Возможности заниматься тем, что меня по-настоящему интересует	5	6	1132	2
Возможности работать без ущерба для здоровья и личной жизни	3	1	884	3
Высокого положения на карьерной лестнице	3	2	880	4
Высокого уровня профессионализма, признания со стороны коллег	3	4	878	5
Общественной пользы от своей работы	2	1	569	6

В ходе эмпирического исследования, проводимого автором среди студентов, обучающихся по педагогическому профилю, была определена следующая типология студенческой молодежи, основанная на преобладающих признаках поведения и приоритетах:

1. «Социальная ориентация», то есть стремление приносить пользу обществу, заниматься общественно полезной деятельностью, ориентация к профессиональному совершенствованию вне зависимости от уровня заработной платы, любовь к отечеству – выявлено у 26 % опрошенных респондентов.

2. «Материальная ориентация» – достижение скорого материального благополучия и

социального успеха вне зависимости от полученной профессии, без учета приносимой пользы для общества, без учета профессиональной и жизненной позиции окружающих, в том числе и родителей – выявлено у 63 % опрошенных респондентов

3. «Инфантильная ориентация» – характеризуется неуверенностью в собственном будущем и в правильном выборе профессии, нежеланием работать – выявлено у 11 % опрошенных респондентов.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что инструментами медиатизации сформированы приоритетные ценности материального благополучия при выборе профессиональной траектории у современной молодежи, что противоречит проводимой политике в сфере образования, труда и занятости. Проведенное исследование демонстрирует потребность в использовании инструментов медиатизации для формирования ценности приносимой общественной пользы от профессиональной деятельности, релевантных молодежной, образовательной, информационной, семейной политике, политике в сфере труда и занятости.

Литература:

1. Горшков М.К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
2. Цифровая экономика: краткий стат. сб. / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, А.В. Демьянова и др.; НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 96 с.
3. Зеер Э. Ф. Психология профессий: учеб. пособие. М.: Академический проект, 2003. 336 с.
4. МТС рассказала, кем современные школьники хотят стать в будущем и что думают об этом их родители. URL: https://moskva.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-rossii-i-mire/mts-rasskazala-kem-sovremennye-shkolniki-hotyat-stat-v-budushhem-i-chto-dumayut-ob-etom-ih-roditeli (дата обращения: 21.01.2025).
5. Профессия, которую мы выбираем. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-kotoruju-my-vybiraem-faktory-i-motivy-reshenija (дата обращения: 22.01.2025).
6. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego (дата обращения: 21.04.2025).
7. Рубцов Ф.С. Вирусная коммуникация как механизм эскалации социальных опасностей в сети Интернет // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2024. № 1. С. 143–148.
8. Газета.ru сайт. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/24/24229129.shtml (Дата обращения: 2.04.2025)
9. Степанов А.М. Чем недовольны студенты? Сравнительный анализ уровня неудовлетворенности среди студентов высших и средних специальных учебных заведений Санкт-Петербурга // Гипотеза. 2017. № 1. С. 35–41.
10. Индикаторы образования: 2023: стат. сб. / Н.В. Бондаренко, Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг и др.; НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 432 с.
11. Лобова Е.В. Процесс первичного профессионального самоопределения учащихся: автореф. дисс. … канд. социол. наук. Екатеринбург, 2006. 23 с.
12. Делу – время, а хобби? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delu-vremja-a-khobbi (дата обращения: 22.03.2025).
13. Рубцов Ф.С. Социальный престиж педагогической профессии в СССР и современной России // Глобальные социальные процессы 5.0: общество, экономика, история: сб. статей / Под ред. А.В. Петрова и др. СПб.: Астерион, 2024. С. 169–175.
14. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 320 с.
15. Потемкин В.К. Социально-профессиональное самоопределение молодежи / В. К. Потемкин. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 75 с.
16. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие. М.: Академия, 2004. 304 с.
17. Топильская О.А. Интернет-зависимость как форма аддиктивного поведения личности // Гаудеамус. 2021. № 3. С. 26–34.
18. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.
19. Сравнительная социология: учеб. / Под ред. А.В. Резаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. 396 с.
20. Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 25 / M. P. Zanna (ed.). San Diego, CA: Academic Press, 1992. P. 1–65.
21. Потемкин В.К. Социальные ожидания молодежи в развитии общественных отношений // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 3. С. 19–26.
22. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профконсультирования: метод. пособие. М.: Академия, 2014. 224 с.
23. Основные источники информации россиян. URL: https://www.levada.ru/2022/11/03/osnovnye-istochniki-informatsii-rossiyan/ (дата обращения: 12.03.2025).
24. Фукуяма С. Теоретические основы профессиональной ориентации / Под ред. Е.Н. Жильцова, Н.Н. Нечаева. М.: Изд-во МГУ, 1989. 105 с.

A Study of the Socio-Professional Self-Determination of Student Youth at a Pedagogical University

Olga Sergeevna Petrova
The Russian state pedagogical university of A.I. Herzen (Saint Petersburg, Russia)

This study examines the socio-professional self-determination of young people as one of the most accurate indicators of social change. The aim of the study is to identify issues related to the formation of socio-professional expectations and strategies of young people, as well as their work and civic positions. A survey appears to be the most relevant method for collecting empirical data for this purpose.

The study is based on a survey of student youth conducted in 2025. The theoretical significance of the research lies in its use of E.F. Zeer's periodization of professional development and V.E. Lobov's typology of self-determination factors, which allows for the classification of motives for career choice (subjective, intersubjective, and objective). The application of Sh. Schwartz's typology of values to the analysis of work preferences allowed for the formulation of theoretically sound conclusions. The scientific novelty of the study lies in the development of the author's typology of student youth based on empirical data.

The study results show that 70 % of respondents (students at a pedagogical university) prioritized material well-being when choosing a career path using media tools. The identified contradiction between government policy (focus on serving society) and students' actual value orientations (material success) has practical implications for adjusting career guidance and youth policy.

Keywords: socio-professional self-determination, socio-professional expectations, student youth, status-role set of youth

УДК 316.772.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-343-347
© Румянцева А.С., Зиятдинова Э.М., 2026

Архетипы в современной аудиовизуальной рекламе: интерпретации со стороны молодежной аудитории

Румянцева Анастасия Сергеевна
Старший преподаватель кафедры связей с общественностью Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: ASRumyanceva@kpfu.ru)

Зиятдинова Эльмира Мансуровна
Кандидат политических наук,
доцент кафедры связей с общественностью Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: ElMZiyatdinova@kpfu.ru;
ORCID: 0000-0003-0243-5756)

В условиях перенасыщенного информационного пространства субъекты публичной коммуникации в борьбе за внимание своей аудитории стремятся найти инструменты, способные преодолеть «баннерную слепоту», при которой сознательно и бессознательно игнорируются рекламные сообщения. Одна из таких технологий производства медиаконтента основана на механизмах психологического воздействия и связана с обращением к архетипам – универсальным образам коллективного бессознательного, описанным К.Г. Юнгом. Принимая во внимание зависимость восприятия рекламы от принадлежности к определенной возрастной группе, в данной статье представлены результаты исследования, показывающие возможности декодирования этих образов молодежной аудиторией в возрасте 18–24 лет, чье восприятие формируется под влиянием глобальных трендов и цифровых технологий, что позволяет прояснить механизмы влияния архетипов на массовое сознание в условиях цифровой среды и совершенствовать коммуникационную практику. По итогам предварительного эксперимента, в котором участвовали молодые люди в возрасте 18–24 лет, выявлена высокая степень узнавания ими характеристик архетипических сюжетов.

Ключевые слова: *архетипы, аудиовизуальная реклама, цифровые коммуникации*

Для цитирования: *Румянцева А.С., Зиятдинова Э.М. Архетипы в современной аудиовизуальной рекламе: интерпретации со стороны молодежной аудитории // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 343–347. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-343-347.*

Современные технологии влияния – от кинематографа до алгоритмов социальных сетей – стремятся апеллировать не к разуму, а к чувствам, архетипам и коллективному бессознательному. Через них они создают эмоциональный отклик, который человек воспринимает как собственное, спонтанное решение, не осознавая его искусственное происхождение.

Причина этого кроется в природе экранного искусства: визуальные составляющие – видео, виртуальная реальность, анимация – способны не только отражать, но и формировать коллективное бессознательное народа, обращаясь к его архетипам и мифологемам. Архетипы – это универсальные образы и мотивы, которые лежат в основе человеческой психики. Они проявляются в мифах, сказках, религиозных сюжетах и искусстве.

Визуальные средства как трансляторы архетипов обладают уникальной силой воздействия, так как сочетают в себе визуальный ряд, звук, движение и интерактивность. Это позволяет не просто рассказывать истории, а погружать зрителя в мир, где архетипические образы оживают. Через сюжет, образы героев, символику кадра и музыку происходит обращение к глубинным пластам сознания. Видеореклама, апеллирующая к архетипам коллективного бессознательного, работает на уровне мгновенного распознавания. Архетипический образ легко минует «информационный фильтр» критического мышления, поскольку его интерпретация не требует от человека усилий. Зритель подсознательно идентифицирует знакомые мотивы и символы, что позволяет сознанию усваивать информацию без критического анализа и сопротивления. Этот эффект узнавания формирует доверие к происходящему на экране, поскольку оно воспринимается как нечто родное и понятное.

В работе Д. Кэлси через дискурсивно-мифологический подход показывается существование архетипов вне конкретных текстуальных и социальных практик [1]. Это означает, что зритель считывает их не на уровне логического анализа, а благодаря эмоциональному резонансу и интуитивному узнаванию. Сопереживание герою происходит не потому, что подробно объяснили его мотивацию, а потому, что его путь находит отклик в коллективном бессознательном.

Убедившись в силе этого инструмента, индустрия рекламы заимствовала и адаптировала его методы. Так сформировался единый механизм влияния: архетипы, транслируемые через образы и рекламные сюжеты, стали одним из самых широко используемых в рекламной индустрии средств управления массовым сознанием. Реклама, построенная на архетипах, не просто продаёт товар, а предлагает потребителю готовый культурный код – роль, которую он может «примерить» на себя через покупку.

Основоположником теории архетипов был швейцарский психолог Карл Густав Юнг. Ключевые положения этой концепции он подробно изложил в своём труде «Архетипы и коллективное бессознательное» [2]. В этой работе Юнг выдвинул предположение о существовании у человечества общего, наследуемого слоя психики – коллективного бессознательного. Этот пласт состоит из универсальных структурных элементов, или архетипов.

Впоследствии идеи К. Юнга получили развитие в работах исследователя Кэрол Пирсон. [3] Она предложила собственную, более современную систему архетипов, ориентированную на процесс личностного роста. В своей книге «Пробуждение внутренних героев» она описывает двенадцать ключевых ролей: Невинный, Сирота, Воин, Опекун, Искатель, Любовник, Бунтарь (иногда переводится как «Разрушитель»), Творец, Правитель, Маг, Мудрец и Дурак (или «Шут»).

1. **Невинный**. Этот персонаж смотрит на мир глазами ребенка, источает добро, радость и оптимизм. Классический пример архетипа бренда «Невинность» – маркетинг *Coca-Cola*, в котором подчеркивается красота простых, значимых моментов и действий, таких как времяпрепровождение с друзьями и семьей и празднование сезонных праздников. Одним из лучших примеров является легендарная рождественская кампания бренда безалкогольных напитков «*Holidays Are Coming*» («Праздник к нам приходит!»).

2. **Мудрец**. Верит, что правда и знания делают мир лучше. Выступает в роли надежного советника или наставника. Ярким и наиболее узнаваемым примером российской компании, последовательно использующей архетип Мудрец (или Эксперт), является «Яндекс». Этот бренд выстроил свою коммуникационную стратегию вокруг идеи интеллекта, поиска истины и экспертных знаний. Главная задача компании – «помогать людям решать задачи и достигать своих целей в жизни».

3. **Исследователь**. Ищет вдохновение в том, чтобы рисковать, путешествовать по миру и открывать для себя что-то новое. Считается первопроходцем в своей области. «*Aviasales*» сервис по поиску авиабилетов является квинтэссенцией архетипа «Исследователь». Их коммуникация полностью построена на идее путешествий, открытий и поиска лучших маршрутов. Блог компании наполнен гайдами по необычным местам, а маскот (пингвин с чемоданом) постоянно находится в поиске приключений.

4. **Бунтарь**. Ставит под сомнение существующие нормы и нарушает сложившийся порядок вещей. Часто воспринимается как романтик и свободомыслящий. Архетип «Бунтарь» ярко был представлен в рекламных кампаниях «Тинькофф». Банк построил свой бренд на отрицании правил и устоев традиционной банковской системы. Рекламные кампании «Тинькофф» часто были провокационными и остроумными.

5. **Волшебник**. Стремится удивлять и восхищать с помощью трансформаций. Компания *Dyson* завоевала репутацию производителя, который решает проблемы с помощью передовых инноваций, тем самым делая жизнь людей комфортнее, позволяя тратить меньше времени на такие занятия, как уборка. С тех пор компания придерживается того же под-

хода и распространяет его на другие сферы и виды продукции – от выпрямителей для волос до очистителей воздуха.

6. **Герой**. Преодолевает трудности и борется за правое дело. Демонстрирует положительное влияние на мир. *Nike* – это бренд настоящих героев, потому что его маркетинг изобилует историями о людях – от известных амбассадоров до обычных потребителей, – которые упорно трудятся, чтобы добиться успеха вопреки всему. Такой подход выражен в лозунгах вроде «Просто сделай это» и «Финишной черты нет».

7. **Влюбленный**. Формирует чувственные, духовные и дружеские отношения, а также создает чувственные моменты для своей аудитории. Влюбленный стремится к близости, единению и удовольствию, использует для этого все доступные средства. Он стремится стать более привлекательным в физическом и эмоциональном плане, чтобы повысить свою способность привлекать других.

8. **Шут**. Использует веселье, юмор и непочтительность, чтобы дарить радость. Так, бренд *Old Spice* сменил концепцию рекламной кампании и выбрал более дерзкую и юмористическую подачу продукта, что стало оправданным. Особенно если учесть, что до недавнего времени этот бренд ассоциировался исключительно с немодными стариками. Например, видео T*he Man Your Man Could Smell Like группы Old Spice*, с которого начался их комедийный подход, набрало более 60 млн просмотров на *YouTube*.

9. **Обыкновенный человек (Друг)**. Близкий и понятный, обыкновенный человек излучает искренность, трудолюбие и надежность. В первую очередь «обычный человек» хочет просто быть своим. «Самокат», сервис экспресс-доставки, строит свой образ на идее заботы и помощи. Реклама часто показывает ситуации, когда курьер-спаситель привозит недостающий ингредиент для ужина или забытые вещи. Это образ надежного друга по соседству, который всегда готов выручить.

10. **Заботливый**. Хочет, чтобы люди чувствовали себя защищенными и окруженными заботой. Сострадание и альтруизм – корпоративный эквивалент крепких объятий. В рекламе «Домика в деревне» бабушка – символ безусловной заботы, мудрости и самоотдачи. Она – хранительница очага, которая вкладывает душу в приготовление еды, чтобы её близкие были здоровы и счастливы. Она заботится о своих внуках и детях: творог и сметана позиционируются не просто как еда, а как проявление любви и заботы о здоровье детей и внуков.

11. **Правитель**. Ответственный и уважаемый человек, привыкший действовать «по инструкции». Один из крупнейших в мире автопроизводителей, *Mercedes-Benz*, стал олицетворением немецкой эффективности и инженерного мастерства. Все это позволяет отнести его к архетипу «Правитель». Это подчеркивается давним слоганом бренда: «Лучшее или ничего».

12. **Творец.** Обладает масштабным видением. Стремится создавать оригинальные продукты, которые будут иметь непреходящую ценность. Так, миссия *Adobe* – создавать оригинальные и долговечные продукты. *Adobe* определенно добилась этого, выпустив набор инструментов, в который входят *InDesign, PhotoShop* и *Premier*.

Архетипы служат невидимым каркасом, на котором строится практически любой нарратив. Нарратив, в свою очередь, – это некое повествование, которое, как утверждал Ю. Лотман, всегда является сюжетным [4]. Если архетипы – это универсальные, врождённые психические структуры или «сценарии» поведения (по К. Юнгу), нарратив же – это внешняя, сюжетная форма, в которую облекается этот сценарий.

Джозеф Кэмпбелл в своей работе «Тысячеликий герой» проанализировал сотни мифов разных народов и обнаружил, что все они описывают один и тот же путь, который он назвал мономифом или «путем героя» [5]. Так, можно предположить, что архетипы, присутствующие в рекламных роликах, могут быть считаны независимо от культурной и национальной идентичности зрителя, пола и возраста.

Представители поколения *Z*, согласно теории Н. Хау и У. Штраусса, это молодые люди, родившиеся с 1997 по 2010 гг., которые стали первыми, чье взросление прошло под большим воздействием цифровых коммуникаций [6]. Они выросли в мультикультурной среде [6]. А значит, могли впитать самые разные ценности, что позволяет говорить о полярности представлений по многим вопросам среди них. Но при этом они могут распознать архетипы, которые считываются на бессознательном уровне.

Для проверки данной гипотезы авторы настоящей работы провели пробный эксперимент с участием 84 молодых людей в возрасте 18–24 лет. Учитывая тот факт, что для молодой аудитории 18–24 лет наиболее предпочитаемым форматом медиапотребления является видеоматериал, представленное исследование направлено на выявление соответствия в считывании ими архетипов при просмотре аудиовизуальной рекламы.

Им было предложено просмотреть пять рекламных роликов, представляющих разные архетипы: «Шут», «Наивный», «Искатель», «Герой», «Повелитель». При этом с ними предварительно не обсуждались демонстрируемые рекламные материалы и вероятность присутствия в них архетипного кодирования. После просмотра каждого ролика участникам было предложено соотнести просмотренный материал со списком ключевых слов, характеризующих различные архетипы и заполнить анкету в *Google Forms*, выбрав те варианты, которые, по их мнению, удалось проследить во время просмотра

рекламы. По итогам было обработано 420 опросных листов. Данные проанализированы с помощью методов описательной статистики.

Так, в ролике *Old Spice «The Man Your Man Could Smell Like*» («Мужчина, которым мог бы пахнуть ваш мужчина») [7] большинство участников отметили хотя бы одну из составляющих архетипа «Шут»: ирония, неожиданность, сюрприз, развлечение (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ключевых слов архетипа «Шут»

Ключевое слово	Количество	Доля от опрошенных, %
Ирония	58	69
Неожиданность	35	42
Развлечение	32	38
Сюрприз	11	13

Ирония, согласно ответам молодых людей, стала самой яркой чертой архетипа «Шут»: её отметили более половины всех участников. Характеристики «неожиданность» и «развлечение» также встречаются довольно часто среди участников. Характеристика «сюрприз» – считывается лишь у каждого восьмого члена экспериментальной группы.

При просмотре ролика компании *Intermarche: «Unloved Wolf»* («Нелюбимый волк») [8], в основе которого прописан архетип «Наивный», большинство опрошенных отметили ключевое слово: «теплота» (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ключевых слов архетипа «Наивный»

Ключевое слово	Количество	Доля от опрошенных, %
Теплота	70	83
Чудеса	47	56
Любовь	45	54
Счастье (вкл. «Счастья»)	35	42

В ролике бренда *PUMA «Shop Men's, Women's & Kids' Styles*» («Магазин мужской, женской и детской одежды») [9] участники эксперимента также «угадали» архетип, указав на ключевые слова архетипа «Герой»: вера в себя, преодоление, сила, выносливость (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ключевых слов архетипа «Герой»

Ключевое слово	Количество	Доля от опрошенных, %
Вера в себя	66	79
Преодоление	60	71
Сила	56	67
Выносливость	44	52

Полученные данные позволяют сложить архетип «Героя» через призму борьбы и самосовершенствования. Ключевая четвёрка («вера в себя», «преодоление», «сила», «выносливость») формирует каркас этого образа.

В другом рекламном ролике бренда *Dior «Sauvage Johnny Depp»* («Дикий Джонни Деп») [10] участники лишь фрагментарно идентифицировали архетип «Искатель» (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ключевых слов архетипа «Искатель»

Ключевое слово	Количество	Доля от опрошенных, %
Стремление к свободе	41	49
Независимость	40	48
Поиск себя	31	37
Мотивация	6	7

При просмотре ролика *Hugo BOSS «New Bottled Eau de Parfum Chris Hemsworth»* («Новая парфюмированная вода в бутылке от Криса Хемсворта») [11] участники эксперимента также легко идентифицировали архетип «Правитель» (99 %) (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ключевых фраз архетипа «Правитель»

Ключевое слово	Количество	Доля от опрошенных, %
Высокий статус	77	92
Роскошь	61	72
Привилегия	42	50
Благородство	37	44

Результаты исследования (табл. 6) показывают, что бренды довольно метко попадают в цель при «вшивании» архетипа в аудиовизуальную рекламу. Самыми понятными из представленных архетипов для исследуемой группы оказался образ героя. Почти все участники увидели в рекламе *PUMA* силу и преодоление препятствий персонажа в сюжетной линии. Архетип «Правитель» в рекламе *BOSS* тоже был идентифицирован уверенно. Участники без труда соотнесли увиденное с такими характеристи-

Таблица 6

Итоговая таблица идентификации архетипов

Архетип	Видеореклама	Охват (точность)
Герой	*PUMA «Shop Men's ...»*	98 %
Наивный	*Intermarche «Unloved Wolf»*	96 %
Правитель	*BOSS Bottled (C. Hemsworth)*	94 %
Шут	*Old Spice «The Man Your Man ...»*	82 %
Искатель	*Dior Sauvage (Johnny Depp)*	78 %

ками, как роскошь и высокий статус. В то же время архетипы «Искатель» и «Шут» были распознаны не в полной мере. В первом случае среди ответов превалировала характеристика «независимость», во втором участники распознали неожиданность и иронию, а развлекательный подтекст отметили далеко не все.

Таким образом, архетипы, заложенные в аудиовизуальную рекламу, при определённых условиях могут быть узнаны представителями молодежной группы в возрасте 18–24 лет. В этом случае реклама, эксплуатируя этот механизм, может создавать «соблазнительную картину», но при этом не соответствовать прозаической действительности. В этом случае грань между обманом и искусством становится размытой: миф продаёт не факты, а эмоции и именно их потребитель приобретает вместе с продуктом.

Литература:

1. Келси Д. Психодискурсивные конструкции нарратива в архетипическом повествовании: дискурсивно-мифологический подход // Critical Discourse Studies. 2020. № 18(3). С. 332–348. https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1802766
2. Юнг К. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019. 495 с.
3. Пирсон К. Пробуждение внутренних героев. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2024. 476 с.
4. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти раамат, 1973. 135 с.
5. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2020. 544 с.
6. Андросова Л.А., Храмкина А.В. Влияние рекламы в Интернете на представителей различных возрастных групп // Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки. 2016. Т. 2. Вып. 3 (7). С. 42–46.
7. Рекламный ролик Old Spice «The Man Your Man Could Smell Like». URL: https://rutube.ru/video/ef87564526167d4be57070803863c640/?r=plwd (дата обращения: 06.06.2026).
8. Ролик компании Intermarche: «Unloved Wolf». URL: https://vkvideo.ru/video-226361163_456239215 (дата обращения: 06.06.2026).
9. Ролик компании PUMA «Shop Men's, Women's & Kids' Styles». URL: https://vkvideo.ru/video-136055056_456239052 (дата обращения: 06.06.2026).
10. Ролик компании Dior «Sauvage Johnny Depp». URL: https://vkvideo.ru/video-95110634_171413257 (дата обращения: 06.06.2026).
11. Ролик компании Hugo BOSS «New Bottled Eau de Parfum Chris Hemsworth». URL: https://vkvideo.ru/video-215266889_456239077 (дата обращения: 06.06.2026).

Archetypes in Modern Audiovisual Advertising: Interpretations from the Youth Audience

Anastasia Sergeevna Rumyantseva, Elmira Mansurovna Ziyatdinova

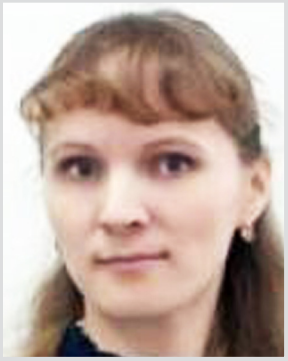
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

In an oversaturated information space, public communication subjects are striving to find tools that can break through the "banner blindness" that consciously and unconsciously ignores advertising messages in order to gain the attention of their audience. One such technology for producing media content is based on psychological influence mechanisms and involves appealing to archetypes, the universal images of the collective unconscious described by Carl Jung. Taking into account the dependence of advertising perception on belonging to a certain age group, this article presents the results of a study that shows the possibilities of decoding these images by a youth audience aged 18–24, whose perception is influenced by global trends and digital technologies. This allows us to clarify the mechanisms of the influence of archetypes on mass consciousness in a digital environment and to improve communication practices. According to the results of a preliminary experiment involving young people aged 18-24, they showed a high degree of recognition of the characteristics of archetypal plots.

Keywords: archetypes, audiovisual advertising, digital communications

УДК 371.3:004.91
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-348-352
© Рябова Н.Н.. Карлова Л.В., 2026

Трансформация педагогических практик в условиях внедрения генеративного искусственного интеллекта в российской высшей школе

Рябова Надежда Николаевна
Кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и биоинформатики Высшей инженерной школы «Агробиотек» Национального исследовательского Томского государственного университета
(634050, Томск, пр. Ленина, 36; e-mail: naryab3@yandex.ru; ORCID: 0009-0004-2481-1956)

Карлова Людмила Вениаминовна
Кандидат философских наук, доцент кафедры биотехнологии и биоинформатики Высшей инженерной школы «Агробиотек» Национального исследовательского Томского государственного университета
(634050, Томск, пр. Ленина, 36; e-mail: damil13@mail.ru; ORCID: 0009-0008-0980-3842)

В статье рассматриваются изменения педагогических практик в российской высшей школе в условиях внедрения генеративного искусственного интеллекта (ГИИ). Целью исследования является выявление и аналитическое обобщение изменений педагогических практик, связанных с использованием генеративного искусственного интеллекта, на основе анализа отечественных научных публикаций и эмпирических данных о его применении студентами.

Полученные данные показывают высокий уровень распространённости ГИИ в студенческой среде и преимущественно прикладной характер его использования, связанный с поиском информации, обработкой текстов и переводом. В то же время выявляется избирательное отношение обучающихся к применению ГИИ в академически значимых и контрольных формах работы, а также сохранение ключевой роли очного педагогического взаимодействия.

Результаты исследования позволяют уточнить направления трансформации педагогических практик в условиях цифровизации высшего образования и могут быть использованы при разработке методических подходов к интеграции ГИИ в образовательную деятельность.

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект (ГИИ), высшее образование, педагогические практики, цифровая трансформация образования, методика преподавания*

Для цитирования: *Рябова Н.Н.. Карлова Л.В. Трансформация педагогических практик в условиях внедрения генеративного искусственного интеллекта в российской высшей школе // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 348–352. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-348-352.*

Цифровая трансформация высшего образования в последние годы приобретает всё более комплексный характер, затрагивая не только инфраструктурные и организационные аспекты, но и содержание

педагогической деятельности, формы взаимодействия участников образовательного процесса и профессиональные роли преподавателя. Одним из наиболее значимых факторов данных изменений стало активное распространение генеративных систем искусственного интеллекта (ИИ), прежде всего, больших языковых моделей, способных автоматически создавать тексты, анализировать информацию и выполнять функции интеллектуальной поддержки.

В отечественном научном дискурсе генеративный искусственный интеллект (ГИИ) рассматривается преимущественно как вспомогательный инструмент образовательной деятельности, использование которого может оказывать влияние на методику преподавания, организацию самостоятельной работы обучающихся и характер педагогического взаимодействия. Исследователи подчёркивают, что педагогические эффекты внедрения ИИ зависят не столько от технологических характеристик самих систем, сколько от институционального контекста, нормативного регулирования и уровня методической готовности преподавателей [1; 2]. Наряду с потенциальными преимуществами обсуждаются риски имитации учебной деятельности, ослабления академической добросовестности и недостаточной рефлексии образовательных целей.

Несмотря на рост числа публикаций, посвящённых ИИ в высшем образовании, значительная часть исследований носит теоретико-обзорный характер либо сосредоточена на анализе отдельных кейсов внедрения ИИ-технологий. В меньшей степени представлены работы, в которых аналитическое осмысление педагогических практик сочетается с эмпирическими данными, отражающими реальный опыт обучающихся. Между тем именно студенты являются одними из ключевых пользователей генеративных ИИ-инструментов в образовательной среде, и их практики и установки во многом определяют фактические направления трансформации обучения.

В этой связи актуальной научной задачей является комплексный анализ внедрения ГИИ в образовательную деятельность вузов, основанный на сопоставлении выводов научной литературы с эмпирическими данными о практиках и восприятии ИИ со стороны обучающихся.

Целью исследования является выявление направлений трансформации педагогических практик на основе анализа отечественных научных публикаций и эмпирических данных, отражающих особенности использования генеративного искусственного интеллекта студентами в образовательном процессе высшей школы (на примере студентов Высшей инженерной школы «Агробиотек» Томского государственного университета (ВИША НИ ТГУ)).

Обзор отечественных изданий и аналитических докладов, представленных в открытых научных базах данных (РИНЦ, *Google Scholar*), посвящённых проблематике использования ГИИ в высшем образовании, был направлен на выявление доминирующих подходов к интерпретации педагогических эффектов внедрения ИИ, а также на систематизацию описываемых в литературе изменений педагогических практик и профессиональных функций преподавателя. Так, некоторые авторы [1; 3] подчёркивают, что внедрение данных технологий сопровождается не только расширением технологических возможностей, но и постановкой вопросов, связанных с академической добросовестностью, перераспределением профессиональных функций преподавателя и формированием новых образовательных практик.

Часть исследователей [4; 5] акцентируют внимание на том, что интеграция ГИИ в российской высшей школе осуществляется в условиях институциональной и нормативной неопределённости, что обуславливает разнообразие стратегий его использования – от инициативных и экспериментальных до формально-ограничительных. В этом контексте особое внимание уделяется риску имитационных практик, при которых использование ИИ-инструментов не сопровождается методическим переосмыслением образовательного процесса [4].

В ряде работ подчеркивается, что результативное и ответственное внедрение технологий ИИ в образовательный процесс предполагает сформированность у преподавателей необходимого уровня ИИ-компетентности, обеспечивающего их осознанное, корректное и этически выверенное применение [6]. Однако в большинстве публикаций ГИИ рассматривается как новый инструмент образовательной деятельности, потенциально влияющий на методику преподавания, организацию самостоятельной работы обучающихся и характер педагогического взаимодействия.

Для выявления изменений педагогических практик в образовательном процессе, которые обусловлены влиянием ГИИ, было проведено исследование с помощью онлайн-анкетирования студентов ВИША НИ ТГУ. Разработанная посредством сервиса «Яндекс-формы» анкета распространялась через мессенджеры и была направлена на выявление уровня осведомлённости студентов о возможностях ИИ, практик использования генеративных ИИ-инструментов в учебной деятельности, а также восприятия потенциальных рисков, преимуществ и этических аспектов применения данных технологий в высшем образовании. Опрос проводился анонимно в течение осеннего семестра 2025–2026 учебного года. В исследовании добровольно приняли участие 256 студентов всех курсов, различных форм обучения (очной, заочной, очно-заочной) и направлений подготовки. Объём выборки составил около 33 % от общего числа обучающихся ВИША. Полученные данные обрабатывались с использованием методов описательной статистики и использовались для ана-

литического сопоставления с выводами, представленными в научной литературе.

На один из основополагающих вопросов анкеты «Насколько Вы знакомы с возможностями ИИ?» в большинстве случаев были получены удовлетворительные ответы (рис. 1).

Рис. 1. Результаты опроса студентов относительно возможностей ИИ

Молодое поколение умеет использовать ИИ, который носит преимущественно прикладной характер: основная часть студентов успешно разбирается в этом аспекте, не вдаваясь в суть механизма реализации технологии, и лишь незначительная часть (14,5 %) понимает, как устроен «цифровой разум». Удивительный, на наш взгляд, факт в том, что 6,6 % опрошенных не знакомы с возможностями ИИ, но имеют желание освоить инструменты этого технологического новшества. Возможно, это связано с тем, что на тот момент ещё не возникла ситуация, которая сподвигла прибегнуть к помощи ИИ, либо с отсутствием проявленного интереса.

Согласно опросу, из выборки студентов 80,3 % использовали сервисы на базе ИИ в прошлом или текущем году, причем в большинстве случаев это были открытые модели ГИИ, закрытыми моделями через специализированные интерфейсы пользовались лишь 22,4 % респондентов. Опираясь на ответы участников опроса относительно вопроса «Какими открытыми моделями ГИИ вы пользовались?», был составлен топ-список сервисов (рис. 2),

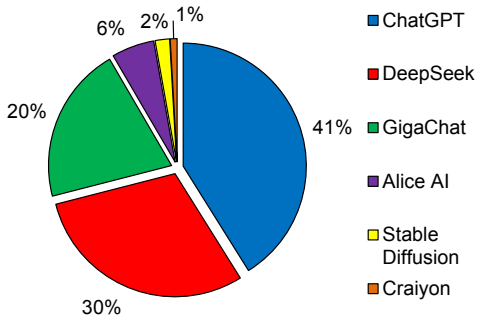

Рис. 2. Использование нейросетей студентами в учебной деятельности

возглавляет который модель нейросети *ChatGPT*. Чуть менее популярна разработанная китайской компанией нейросеть *DeepSeek* (30 % предпочтений), замыкает тройку лидеров отечественная нейросеть *GigaChat* (20 %).

Открытые нейросети студенты использовали для следующих образовательных целей (табл. 1): по большей части постоянно практикуют в качестве поисковика (30,3 %), переводчика текстов (25 %) и для поиска и обработки учебного материала для подготовки к семинарам (21,1 %).

Более половины опрошенных (60,5 %) не используют языковые модели в качестве помощника в ходе проведения текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации, это очевидно, так как подобные мероприятия проводятся в ограниченном по времени формате и зачастую под контролем преподавателя. Не популярны у респондентов генеративные ИИ-модели для создания инфографики, визуализации и презентации в качестве подготовки к устным выступлениям: лишь 10,5 % обучающихся на постоянной основе применяют данные возможности. Не фокусируют внимание на нейросетях как на помощниках в библиографической работе 48,7 % анкетируемых, среди причин недоверия в этом во-

Таблица 1

Распределение данных по практике использования ИИ в решении образовательных задач

Образовательные задачи, решаемые с помощью открытых ИИ	Частота использования, % ответов респондентов		
	Постоянная практика	Только в некоторых случаях, несистемно	Не использую
Выполнение письменных заданий (подготовка эссе, реферата, курсовой работы) в части генерации текста	10,5	53,9	35,5
Подготовка ВКР в части генерации текста	3,9	59,2	36,8
Поиск и обработка учебного материала для подготовки к семинарам	21,1	40,8	38,2
Подготовка к устным выступлениям (визуализация, презентация, инфографика)	10,5	34,2	55,3
Перевод текста	25,0	42,1	32,9
Работа с формулами (создание, решение)	13,2	42,1	44,7
Суммаризация статей для облегченного понимания большого массива информации	14,5	48,7	36,8
Использование функций помощника во время контрольно-измерительных мероприятий	9,2	30,3	60,5
Библиографическая работа (поиск и составление списка литературы)	7,9	43,4	48,7
Функции поисковика	30,3	44,7	25,0

просе – существует вероятность генерирования несуществующих источников, «мертвых» ссылок.

Опираясь на личный опыт, участники исследования считают бесполезным использование ГИИ в таких задачах, как подготовка выпускной квалификационной работы (25,5 %) и решение лабораторных работ (19,4 %). По мнению большинства субъектов опроса (76,3 %), использование ИИ значительно экономит время, противоположное мнение выразили 5,3 %, затруднились в ответе – 18,4 %.

На вопрос «Были ли у вас в текущем учебном году случаи, когда преподаватель обнаружил применение ИИ в ваших работах, где он реально использовался?» можно было выбрать один ответ из нескольких вариантов, и большинство респондентов ответили, что таких случаев не было (78,9 %), некоторые затруднились ответить (9,2 %), однократные случаи указали 6,6 %, оставшаяся часть (5,3 %) указала на многократные случаи.

Следующий пункт опроса касался тех студентов, у которых обнаружили использование ИИ в работах: «Какие санкции применил преподаватель, когда обнаружил применение ИИ в ваших работах?». Результаты свидетельствуют о том, что большинство преподавателей относятся лояльно к использованию студентами ИИ, однако у четверти обучающихся работы не принимали, а чуть менее 10 % за эти работы понижали оценки (рис. 3).

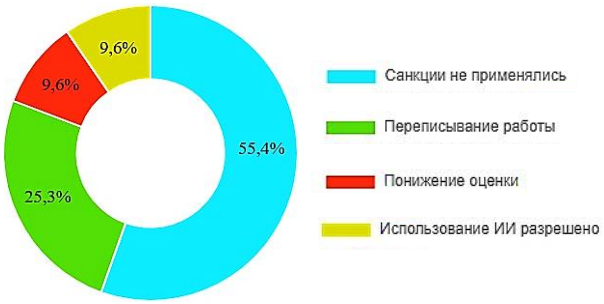

Рис. 3. Ограничительные меры педагогов в отношении вопроса использования обучающимися ИИ в выполнении заданий

Студенты в настоящее время также активно используют большие языковые модели в качестве виртуального помощника в объяснении учебного материала вместо преподавателя: 28,9 % опрошенных – несколько раз в месяц, 13,2 % – несколько раз в неделю, 7,9 % – около одного раза и 2,6 % – ежедневно. Однако значительная часть респондентов (47,4 %) никогда не прибегала к такому сценарию. Большинство участников опроса придерживаются мнения, что контактная работа в университете незаменима в таких аспектах, как общение с преподавателем (34 %), практические занятия и лабораторные работы (30,2 %), дискуссии с другими студентами (27,2 %). В равных долях (4,3 %) анкетируемые затруднились в выборе и таких аспектов вообще не нашли.

В решении профессиональных задач многие педагоги также практикуют использование ИИ-инструментов, и было интересно узнать отношение студентов к этому факту. На вопрос «Как вы относитесь к тому, чтобы ваши студенческие работы преподаватели проверяли с помощью ИИ?» ответы были распределены следующим образом: безразлично отнеслись к этому 52,6 % участников, отрицательно – 26,3 %, положительно – 21,1 %. Этическая сторона принципа использования ИИ в образовании для оценки знаний студентов или персонализации обучения важна с точки зрения защиты интересов образовательной системы и обеспечения в ней равных возможностей. Весомая доля участников исследования (53,9 %) склонна скорее одобрять, чем порицать использование ГИИ в учебной деятельности, однозначно поддерживают 18,4 % информантов, не поддерживают – 2,6 %, затруднились в ответе – 13,2 %, остальные указали на вариант ответа «скорее нет, чем да».

Проведённое исследование показало, что внедрение ГИИ в российской высшей школе сопровождается трансформацией отдельных элементов педагогических практик, прежде всего связанных с организацией самостоятельной работы обучающихся и использованием цифровых инструментов для обработки учебной информации. ГИИ широко используется студентами, однако его применение носит преимущественно прикладной и вспомогательный характер и не подменяет традиционные формы обучения.

Эмпирические данные подтверждают, что студенты осознают как потенциальные преимущества ГИИ, выражающиеся в экономии времени и расширении доступа к информации, так и связанные с ним риски, включая необходимость критической оценки генерируемых результатов и ограничения в академически значимых формах работы. При этом сохраняется высокая значимость очного педагогического взаимодействия и ведущей роли преподавателя в организации образовательного процесса.

Сопоставление результатов эмпирического исследования с выводами научной литературы позволяет заключить, что трансформация педагогических практик носит преимущественно инструментально-прикладной, а не радикально-структурный характер. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы, сравнительным анализом различных образовательных контекстов и изучением изменений профессиональных стратегий преподавателей в условиях цифровой трансформации высшей школы.

Литература:

1. Давыдов С.Г., Матвеева Н.Н., Адемукова Н.В., Вичканова А.А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. 2024. № 28 (3). С. 32–44. DOI: 10.15826/umpa.2024.03.023.
2. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33.
3. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22.
4. Ананин Д.П., Комаров Р.В., Реморенко И.М. «Когда честно – хорошо, для имитации – плохо»: стратегии использования генеративного искусственного интеллекта в российском вузе // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 2. С. 31–50. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-2-31-50.
5. Абрамов В.И., Гриншкун А.В., Елисеев А.В., Корнева Н.С., Суворова Т.Н. Искусственный интеллект в образовании: направления применения и ограничения. Современная цифровая дидактика. М.: ООО «А-Приор», 2023. 140 с.
6. Широколобова А.Г., Ларионова, Ю.С., Ачкасова, О.Г., Широколобов, Г.В. Формирование цифровых компетенций педагогов в процессе повышения квалификации в условиях цифровой трансформации образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 3. С. 189–197.

Transformation of Pedagogical Practices in the Context of the Introduction of Generative Artificial Intelligence in Russian Higher Education

Nadezhda Nikolaevna Ryabova, Lyudmila Veniaminovna Karlova
National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

The article examines transformations in pedagogical practices within Russian higher education in the context of the adoption of generative artificial intelligence (GAI). The aim of the study is to identify and analytically synthesize changes in pedagogical practices associated with the use of generative artificial intelligence, based on an analysis of Russian scholarly publications and empirical data on its use by students.

The findings indicate a high level of GAI diffusion within the student population and a predominantly applied pattern of use, primarily related to information retrieval, text processing, and translation. At the same time, the results reveal a selective approach among students toward the use of GAI in academically significant and assessment-related tasks, as well as the continued importance of in-person pedagogical interaction.

The study's findings make it possible to refine the directions of transformation in pedagogical practices under the conditions of higher education digitalization and may be used in the development of methodological approaches to integrating GAI into educational activities.

Keywords: generative artificial intelligence (GAI), higher education, pedagogical practices, digital transformation of education, teaching methodology

УДК 316.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-353-356
© Савельева Ж.В., 2026

Репрезентации аутизма в цифровом пространстве: траектории дискурса социальных медиа

Савельева Жанна Владимировна
Доктор социологических наук,
профессор кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: gedier@mail.ru;
ORCID: 0000-0003-1465-0664; Scopus ID: 57202516186; SPIN: 6808-3803)

В России и в мире в целом наблюдается рост числа детей с аутизмом, что актуализирует вопросы социальной инклюзии. Большое значение для решения вопросов стигматизации и депривации людей с расстройством аутистического спектра (РАС) как научной и практической проблемы играют социальные медиа, которые отражают и задают траектории информированности, осмысления и социальных оценок ситуации. Цель исследования – выявить тенденции изменения дискурса об аутизме в социальных медиа в контексте оценки влияния на социальное восприятие людей с РАС. На основании сравнительного анализа сообщений социальных медиа 2018 и 2025 гг. выявлены тенденции изменения объема и структуры сообщений, маскулинизации дискурса, позитивизации тональности сообщений. Интерпретативный анализ наиболее популярных сообщений позволяет предположить смену траекторий дискурса с локальных семейных и бюрократических историй на глобальные сенсационные сценарии, в которых размывается экспертная повестка. Практическая значимость работы заключается в выявлении механизмов формирования общественного мнения о людях с РАС в цифровой среде, что важно для разработки стратегий социальной инклюзии и противодействия стигматизации.

***Ключевые слова**: аутизм, расстройство аутистического спектра, социальные медиа, люди с РАС, социальная инклюзия, социальные сети*

***Для цитирования:** Савельева Ж.В. Репрезентации аутизма в цифровом пространстве: траектории дискурса социальных медиа // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 353–356. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-353-356.*

По официальным данным ВОЗ, аутизмом в мире страдает примерно 1 чел. из 127, 1 ребенок из 100 рожденных детей, то есть 1 % популяции [1]. По данным популяционного исследования детей 2026 г. реальная распространенность среди детей составила 2,2 %, что в 5,5 раз превышает официальную статистику Минздрава РФ [2]. В связи с ростом численности детей с расстройством аутистического спектра (РАС) актуализируются вопросы социальной инклюзии людей с данным типом психического расстройства. Согласно МКБ-11, РАС характеризуется дефицитом социального взаимодействия, коммуникации и ограниченными, повторяющимися паттернами поведения, интересов, деятельности [3]. Нетипичное с позиции социума поведение, стимминг, эхолалии и прочие действия (совершаемые людьми с РАС для саморегуляции, предотвращающие сенсорную перегрузку) вкупе с проблемами речи создают поле для стигматизации и социально-правовой, образовательной, коммуникативной и сенсорной депривации таких людей.

Репрезентации и новостной контент социальных медиа в цифровом пространстве выступают, с одной стороны, зеркалом, отражающим социальные конфигурации проблемы, образ людей с РАС, с другой – выступают мощным каналом информирования об аутизме, медийного сопровождения людей с РАС. Средства массовой коммуникации (СМК) и социальные сети могут создавать различную повестку, интерпретативные модели понимания расстройства, отношения к людям с аутизмом и их проблемам, то есть своеобразный инклюзивный или эксклюзивный цифровой ландшафт, который может способствовать или препятствовать стигматизации и депривации детей и людей с РАС и их семей в социуме. Объектом пристального внимания все чаще становятся новые социальные медиа, в том числе социальные сети и мессенджеры, на которые переориентируется аудитория в последние годы. По данным исследований, социальные сети демонстрируют взрывной рост контента до 2 млрд сообщений в месяц в 2025 г. и охват практически 100 % пользователей интернета в России [4].

Методы исследования. Анализ базировался на данных информационно-аналитической системы мониторинга и анализа СМИ «Медиалогия» с 1 октября по 15 ноября 2025 г. (n = 281 637). Мониторинг социальных сетей включает 3,2 млрд аккаунтов, блогов, видео, социальных сетей [5]. Ключевыми категориями поиска выступили «расстройство аутистического спектра», «аутизм». Сообщения подвергались количественному частотному анализу при помощи нейросервисов базы, а также традиционному качественному анализу документов по интерпретации информации, содержащейся в текстах. Показатели 2025 г. сопоставлялись с данными «Медиалогии» по искомым категориям 2018 г., собранным также за полтора месяца с 1 ноября по 15 декабря (n = 4 418). Следует учитывать, что при работе с подобными информационно-аналитическими системами возможны искажения, связанные с автоматическим отбором контента без учета релевантных смыслов, с дублированием и ограничением доступа к данным платформ, со сложностями определения тональности, которые по разным данным составляют до 40 % [см., в частности, 6]. О более высокой достоверности данных «Медиалогии» позволяет говорить недавнее исследование релевантности идентификации контента по проблеме эмиграции А.Ю. Домбровской, Е.В. Бродовской, авторами зафиксирована небольшая погрешность инструментов в данном сервисе на уровне 3 % [7, с. 227].

Результаты исследования. Объем сообщений об аутизме в социальных медиа возрос: если за 3 месяца 2018 г. было зафиксировано 4,4 тыс. сообщений, то за 1,5 месяца 2025 г. таких насчитывалось уже около 282 тыс., что связано в том числе с ростом сообщений в социальных медиа. По структуре социальных медиа в 2018 г. 95,84 % текстов об аутизме было обнаружено в социальных сетях, 3,89 % – в блогах, менее процента приходилось на другие социальные медиа (форумы, микроблоги). В 2025 г. структура изменилась: на блоги приходилась примерно такая же доля контента – 3,94 %, на форумы – 1,08 %, социальные сети при этом заняли 44,81 % объемов контента, мессенджеры – 33,75 %, СМИ – 16,21 %.

Лидерами по количеству сообщений в 2018 г. являлись площадки «ВКонтакте» (2857), «Одноклассники» (569) и две социальные сети, принадлежащие компании *Meta* (признана экстремистской и запрещенной в РФ). В двух последних было зафиксировано 767 сообщений. Телеграм занимал на тот период лишь 7 строку рейтинга с 28 сообщениями. По данным за 2025 г., «Телеграм» стал лидером по числу сообщений об аутизме. Несмотря на то, что состав источников для мониторинга не исключает две вышеуказанные запрещенные сети [8], интенсивность информационного потока с упоминанием аутизма в них снизилась, а количество сообщений на данных платформах не позволило им войти в пятерку лидеров; популярными площадками для контента по аутизму стали также «ВКонтакте» и *TikTok* (см. рис. 1). За 7 лет общее число сообщений возросло более чем в 10 тыс. раз.

За рассматриваемый период произошли некоторые социально-демографические изменения авторов сообщений. Возросла доля мужчин с 17,08 до 37,55 %, что может свидетельствовать о гендерном смещении публичного дискурса с «женского», в котором матери, педагоги, социальные работники – главные акторы, на «мужской», где более видимыми становятся отцы, эксперты, блогеры, политики; сам дискурс, как будет показано ниже, становится более конфликтным и радикальным. 25-30-летние авторы сообщений (где можно было установить возраст) перестали выступать доминирующей группой: их доля снизилась с 40,3 до 35,67 % и перераспределилась в других возрастах. Показатель образования среди авторов практически не изменился: около 72 % имеют высшее образование, около 27 % – среднее.

По частоте использования в сообщениях лидировали слова «аутизм», «дети», «аутист», «ребенок»,

Топ-5 площадок	Аудитория	Сообщения	Вовлечённость
Telegram	593 565 109	94 572	1 070 121
ВКонтакте	1 641 118 496	64 032	1 009 391
TikTok	950 897 907	30 353	10 489 774
Likee - Сообщество для коротких видео	528 293 068	18 342	374 827
YouTube	1 767 107 034	15 730	2 802 257

Рис. 1. Топ пяти площадок социальных медиа по частоте сообщений об аутизме и РАС в 2025 г. (в абсолютных показателях, данные сформированы с помощью ИС Медиалогия)

«развитие», «люди», «жизнь». Если сравнивать с 2018 г., то есть различия: ранее чаще упоминались слова «ребенок», «аутизм», «аутистического», «расстройство», «родитель», «реабилитация», что свидетельствует об изменении траекторий интерпретации аутизма (рис. 2).

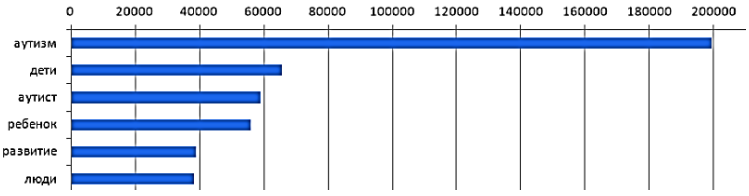

Рис. 2. Частота упоминания слов в сообщениях об аутизме и РАС в 2025 г. (в абсолютных показателях, данные сформированы с помощью ИС Медиалогия)

На рисунке 3 в облаке представлены слова, размер шрифта которых отражает частоту использования. Дискурс аутизма в 2018 г. фиксирует ребенка как ядро дискурса и объект повышенного внимания, медицинской диагностики. В 2025 г. конструирование образа проблемы РАС смещается со способов реабилитации в контексте семейных практик в более широкое поле: появляются люди с РАС разных возрастов, происходит некоторая депатологизация дискурса, о которой свидетельствует распространение в публичной риторике слов «развитие», «жизнь» вместо «расстройства». Об этой же тенденции переопределения повестки и смене образа человека с аутизмом говорят данные качественного анализа телевизионного дискурса «Первого канала» [9, с. 43].

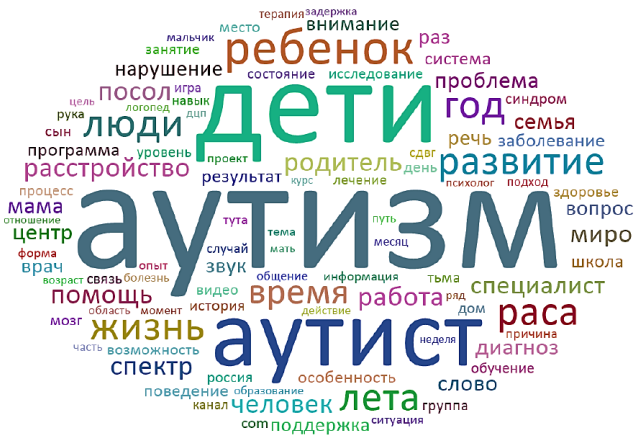

Рис. 3. Облако слов в сообщениях социальных медиа об аутизме и РАС в 2025 г. (данные сформированы с помощью ИС Медиалогия)

Вместе с тем третья по частоте упоминаний в кейсе 2025 года категория «аутист» может говорить об усилении социальной идентификации людей с РАС с их расстройством и особенностями. Отметим, что категоризация людей как единой группы несет риски редукции личности к диагнозу и стигматизации.

Среди сообщений об аутизме в социальных медиа доминирует нейтральная тональность – 82,48 %. Она ниже, чем в 2018 г., на 6 % за счет перераспределения и увеличения доли позитивных сообщений, которая увеличилась с 1,06 до 7,39 %. Количество сообщений с негативной тональностью практически не изменилось и осталось на уровне 10 %. Двумерный анализ по видам социальных медиа показал, что позитивизация обеспечивается СМИ: здесь около 28 % сообщений позитивной направленности. В социальных сетях как позитивно, так и негативно окрашенных постов обнаружено около 7 %, в остальных социальных медиа – блогах, форумах, мессенджерах – доминирует негативная повестка об аутизме (негативная тональность составила около 10, 16 и 15 % соответственно).

Качественный анализ текстов, проведенный по содержанию сообщений, занявших лидирующие позиции по критериям вовлеченности аудитории, количества комментариев, репостов, лайков, цитирований и ссылок, позволяет говорить об изменении траекторий информационной повестки. В 2018 г. топ сообщений включал освещение институциональных аспектов проблемы аутизма, преобладал бюрократически-оптимистический тон (упоминались субъекты власти, органы управления); доминировал патерналистский дискурс, в котором отсутствовал человек с РАС как субъект высказывания, аутизм социально конструировался как объект заботы и профессиональной дискуссии медиков и психологов-педагогов. Локальные истории получали больше лайков, репостов, официальные сообщения СМИ имели высокий охват, но меньшую вовлеченность аудитории.

В 2025 г. наряду с институциональными акторами появляются активные субъекты (люди с аутизмом, их близкие, *обыватели* – свидетели ситуаций), персональные нарративы (знаменитости, блогеры, инфлюенсеры – мать-королева красоты, отец-одиночка, Трамп). Вместе с тем в топ обсуждений попадают скандальные сюжеты о генетике Гитлера, связи аутизма с парацетамолом, абортами, отсутствием грудного вскармливания, обрезанием, что можно охарактеризовать как траекторию таблоидизации. Ориентация на резонанс и кликбейт (переход по ссылке за счет провокации) имеет риски усиления стигм и децентрализации, размывания серьезной повестки. Сообщения социальных медиа 2025 г. достигают огромной аудитории и высокой вовлеченности, репостов, комментариев за счет сенсационности.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что вместе с ростом цифрового пространства можно наблюдать гиперболический рост упоминаемости проблемы аутизма. Интенсификация медийной повестки по структуре видов социальных медиа происходит в мессенджерах. Анализ социально-демографических характеристик создателей сообщений

демонстрирует тенденцию к гендерному и возрастному выравниванию. Анализ слов свидетельствует о депатологизации дискурса и переходе от проблематизации детей с РАС к людям с аутизмом разных возрастов, о смене семантического ядра аутизма сдиагноза ребенка, побуждающего к действиям родителей, на *развитие* и *жизнь* с аутизмом. В ходе сентимент-анализа было выявлено, что повышение позитивной тональности сообщений социальных медиа распределено неравномерно и касается, прежде всего, СМИ, в сообщениях мессенджеров, блогов, форумов преобладает негативная эмоциональная окраска. Качественный анализ топовых сообщений указывает как на траектории, способствующие социальной инклюзии (акторность, выход за семейные, локальные сценарии конструирования проблемы), так и на негативные тренды, которые можно охарактеризовать через моральные паники (повышение тревожности по поводу сенсационных причин расстройства), нивелирование экспертного дискурса аутизма, что может привести к ошибкам в информированности, деформации общественного мнения и приоритетов в отношении проблемы аутизма. Таким образом, можно говорить о смене траекторий конструирования аутизма за рассматриваемый период. Некоторые выводы согласуются с результатами исследований, полученных другими методами, однако возможности экстраполяции выявленных тенденций на более широкий временной охват требуют дополнительных разработок в данной области.

Литература:

1. Аутизм. Основные факты. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/autism-spectrum-disorders (дата обращения: 15.05.2026).
2. В России впервые посчитали детей с аутизмом. URL: https://runews24.ru/society/15/05/2026/v-rossii-vpervyie-poschitali-detej-s-autizmom-rezultat-shokiroval (дата обращения: 16.05.2026).
3. 6A02 Autism spectrum disorder // ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics. URL: https://icd.who.int/browse/2024-01/mms/en#437815624 (дата обращения: 15.05.2026).
4. Курюкин А.Н. Социально-экономические и правовые аспекты развития социальных сетей в России в 2020-е годы // Социальные и политические науки. 2025. Том 15. № 6. С. 78–91.
5. Сервис мониторинга социальных сетей. URL: https://www.mlg.ru/products/smm/ (дата обращения: 14.05.2026).
6. Ogbuokiri B., Obaido G., Kamalu Ch., Aruleba K., Achilonu O., Mienye I., Echezona S., Ujah-Ogbuagu B., Seyyed-Kalantari L. Cross-domain fairness audit of sentiment label bias in foundation models: Comparing human and machine annotations on tweets and reviews // Machine Learning with Applications. 2025. Vol. 21. URL: https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2025.100717. https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666827025001008 (дата обращения: 16.05.2026).
7. Домбровская А.Ю., Бродовская Е.В. Оценка релевантности идентификации текстов об эмиграции большими языковыми моделями для мониторинга социальных медиа // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика. 2025. № 5. С. 209–232.
8. Медиалогия обновила систему мониторинга соцсетей. URL: https://www.mlg.ru/blog/features/medialogiya-obnovila-sistemu-monitoringa-sotssetey-/ (дата обращения: 15.05.2026).
9. Савельева Ж.В. Аутизм в дискурсе российских медиа: конструирование образа человека с РАС // Вестник «Биомедицина и социология». 2020. Т. 5. № 4. С. 37–43.

Representations of Autism in Digital Space: Trajectories of Social Media Discourse

Zhanna Vladimirovna Savelieva

Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

In Russia and the world as a whole, there has been an increase in the number of children with autism, which has raised concerns about social inclusion. Social media plays a significant role in addressing the issues of stigmatization and deprivation of individuals with autism spectrum disorders as a scientific and practical challenge, as it reflects and shapes the trajectory of awareness, understanding, and social perceptions of the situation. The purpose of this study is to identify trends in the discourse about autism in social media in the context of assessing its impact on the social perception of individuals with ASD. Based on a comparative analysis of social media messages from 2018 and 2025, the authors identify trends in the volume and structure of messages, the masculinization of discourse, and the positivization of message tone. An interpretative analysis of the most popular messages suggests a shift in discourse trajectories from local family and bureaucratic stories to global sensational scenarios that blur the expert agenda.

Keywords: autism, autism spectrum disorder, social media, people with ASD, social inclusion, social networks

УДК 316.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-357-362
© Савельева Ж.В., Ишкинеева Ф.Ф., Ишкинеев Ф.И., 2026

Потенциал донорства сотрудников и курсантов органов внутренних дел (по материалам анкетного опроса)

Савельева Жанна Владимировна
Доктор социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: gedier@mail.ru;
ORCID: 0000-0003-1465-0664; Scopus ID: 57202516186; SPIN: 6808-3803)

Ишкинеева Фарида Фалесовна
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: farida1967@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-2372-8198; Scopus ID: 56440245800; SPIN: 7589-4300)

Ишкинеев Фарид Ирекович[1]
Врач-эксперт «Клиники семейной медицины»,
ветеран медицинской службы МВД
(420103, Казань, Ямашева, 48Б; e-mail: ifi2001@mail.ru;
ORCID: 0000-0001-8551-1253; Scopus ID: 55684228700)

Развитие высоких медицинских технологий и новые риски, связанные с безопасностью жизнедеятельности, старением населения, необходимостью сохранения здоровья граждан, обусловливают необходимость популяризации практик донорства и поиска новых сообществ для формирования кадрового донорства. Решению данной научно-практической задачи может способствовать исследование донорского потенциала сотрудников силовых ведомств, здоровье которых, в силу специфики профессиональной деятельности, находится под систематическим медицинским контролем. В фокусе внимания авторов отношение и готовность к донорству курсантов и сотрудников органов внутренних дел Республики Татарстан. Цель исследования – выявление и оценка потенциала развития донорства, определение факторов, влияющих на их готовность к донорству, что имеет практическое значение для разработки обоснованных рекомендаций по развитию донорского движения в данной профессиональной группе. Методом анкетного опроса были получены социальные оценки донорства в аспекте актуальности проблемы, информированности о видах донорства, отношение и готовности к нему. На фоне активного публичного участия

[1] На момент проведения исследования начальник военно-врачебной комиссии ФКУЗ «МЧС МВД РФ по РТ».

в донорских акциях данной группы зафиксирована более низкая осведомленность о донорстве костного мозга по сравнению с другими видами донорства. Среди сотрудников ОВД выявлены более высокие положительные оценки и уровень готовности к донорству в целом по сравнению с другими группами населения. Установлены взаимосвязи готовности к донорству с возрастом, семейным и материальным положением, опытом нахождения в экстремальных условиях.

Ключевые слова: *донорство, сотрудник правоохранительных органов, альтруизм, мотивация донорства, потенциальный донор, анкетный опрос*

Для цитирования: *Савельева Ж.В., Ишкинеева Ф.Ф., Ишкинеев Ф.И. Потенциал донорства сотрудников и курсантов органов внутренних дел (по материалам анкетного опроса) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 357–362. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-357-362.*

Существует множество различных заболеваний и клинических состояний, лечение которых невозможно без использования донорского материала. Значительный прорыв в медицинской науке, произошедший в последние десятилетия, и новые виды донорства открыли уникальные возможности для человечества по преодолению некогда неизлечимых заболеваний. Посредством донорских биоматериалов осуществляется лечение нарушений в системах репродукции, кроветворения, онкогематологических и иммунных заболеваний. Донорство приобретает особую актуальность в России в условиях глобальных и локальных вызовов и угроз, связанных с военными действиями, демографическими проблемами, старением населения, превращаясь в проблему как личной, так и национальной безопасности, охраны здоровья и повышения качества жизни российских граждан.

Донорство как социально-психологический феномен имеет многофакторную природу и зависит от комплекса факторов, типа донорства, стадии донорской карьеры и социального контекста. Как отмечают К.Ю. Ерицян и Н.А. Антонова, «установки и поведение в сфере донорства формируются на нескольких уровнях: на уровне индивидуально-личностных переменных, на уровне социальных норм и на уровне социальной организации в целом и системы донорства крови в частности» [1, с. 43]. Социологические концепции мотивов донорства простираются от модели альтруистичного просоциального поведения через этику дара до утилитаризма и консеквенциалистского подхода с идеями полезности и возмездности практик донорства [см., в частности, 2; 3].

По данным различных исследований, в российском обществе доминирует альтруистическая модель донорства. Так, согласно ВЦИОМ, мотивами донаций являются сострадание, стремление помочь людям (73 %), необходимость помощи конкретному человеку (29 %), лишь 20 % указали на мотив получения льгот и прибыли [4]. Однако следует упомянуть ситуацию 2012 г., когда попытка отменить денежную компенсацию была неудачной и привела к сокращению числа доноров, вследствие чего пришлось внести поправки в Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» [5].

По данным ВЦИОМ, среди россиян старшей возрастной группы (1948–1967 гг. рождения) практики донорства наиболее распространены – 56 %, в том числе доля доноров с опытом составляет 31 %. В структуре донорского контингента наблюдается старение кадрового ядра, что актуализирует задачи системной мотивации людей молодого возраста в ряды доноров. Молодежь, по данным того же опроса, испытывает больший интерес к теме и чаще делится планами сдавать кровь в будущем, однако происходит это на фоне тревожной тенденции оценки молодыми людьми донорства сквозь призму выгоды. В том же исследовании указывается о «мужском лице» донорства (опыт донации имеет 48 % мужчин и 32 % женщин), что позволяет рассматривать представителей силовых ведомств как перспективную группу для восполнения кадрового потенциала доноров [4].

Сотрудники органов внутренних дел являются значимой и весомой частью силовых структур. К здоровью сотрудников МВД изначально предъявляются особые требования с учетом специфики профессиональной деятельности. В связи с этим они выступают потенциально релевантной группой для практик донорства, имеющей высокую степень дисциплинированности, стабильности и медицинского контроля. Отметим также, что сотрудники и курсанты образовательных учреждений МВД систематически становятся участниками ежегодных (например, Национальный день донора) и тематических акций по сдаче крови федерального и регионального уровня [см., в частности, 6]. Однако участие в акциях не дает полного представления об уровне донорского потенциала контингента.

В этой связи исследовательский интерес представляют вопросы отношения и готовности к донорству данной когорты представителей «силовиков», которые в рисковых ситуациях могут стать и

донорами, и реципиентами биоматериалов. Как показывают западные исследования, концептуальная модель «силовика» как ходячего банка крови (*WBB – Walking Blood Bank*) представляет интерес не только в военно-полевых условиях [7], но и с позиции решения кризисных задач в условиях гражданской жизни [8].

Таким образом, выявление потенциала и перспектив развития кадрового донорства среди сотрудников правоохранительных органов выступает актуальной целью научного исследования. Эмпирическая часть исследования проводилась в Республике Татарстан. Отметим, что по состоянию на 2023 г., согласно данным Минздрава, донорский потенциал Республики Татарстан, рассчитываемый через долю привлеченных к донорству крови трудоспособных граждан, составил 4 %, что соответствует средним показателям по Российской Федерации [9].

Материалы и методы исследования. На первом этапе был разработан методический инструментарий и проведено анкетирование с помощью сервиса Яндекс-форм. Анкета включала блоки вопросов об информированности и отношении к разным видам донорства, об опыте донорства близкого социального окружения, об оценке ситуации с донорством в обществе, а также вопросы о социально-демографическом статусе респондентов. Выборка составила 1234 респондента, из них 65,1 % – мужчины, 34,9 % – женщины. Возрастные группы опрошенных курсантов и сотрудников были следующими: 57,6 % – от 18 до 27 лет, 18,2 % – от 28 до 35 лет, 18,1 % – от 33 до 45 лет, 6,1 % – респонденты старше 46 лет. 47,1 % респондентов проживают в крупных городах Республики Татарстан, 24,8 % – в небольших городах, 26,7 % – в селах и посёлках городского типа. В опросе приняли участие курсанты Казанского юридического института (30,1 %), а также сотрудники органов внутренних дел, среди них сотрудники УВД (19,1 %), РОВД (14 %), ГРОВД (12,2 %), Центрального аппарата МВД по РТ (6,7 %) и сотрудники других отделов (17,8 %). Исследование проводилось с 2023 по 2025 гг. Массив данных был подвергнут частотному анализу с применением статистического критерия χ^2 Пирсона.

Результаты исследования. Важно отметить, что около половины респондентов указывают на актуальность проблемы нехватки доноров в России, 43,4 % – затрудняются с оценкой ситуации, 7,1 % считают, что доноров в России достаточно. Абсолютное большинство опрошенных курсантов и сотрудников указало, что знают о донорстве – 97,9 %. При уточняющем вопросе были выявлены значимые различия в степени информированности о разных видах донорства. Наиболее высокая информированность была обнаружена о донорстве крови: 39,5 % указали, что хорошо осведомлены, 53,5 % – обладают некоторой информацией, лишь 6,9 % ответили, что ничего не знают. Более низкая информированность о донорстве органов (24,1 %, 54,4 % и 21,5 % соответственно) и о репродуктивном донорстве (17,5 %, 54,7 % и 27,8 % соответственно). Самая низкая осведомленность наблюдается в отношении донорства костного мозга: 34,6 % ничего не знают, 51,9 % выбрали вариант, что обладают некоторой информацией, лишь 13,5 % ответили «хорошо знаю» (см. рис. 1). На сегодняшний день забор клеток костного мозга является малоинвазивной процедурой (в абсолютном большинстве случаев через забор венозной крови) и крайне актуальной задачей российского здравоохранения, однако при этом низкая информированность, мифы и фобии вокруг данного вида донорства препятствуют развитию этого направления добровольчества в России, поддержанию и пополнению российского регистра потенциальных доноров [10].

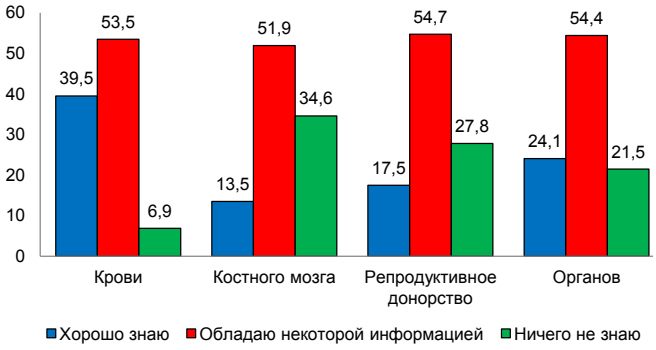

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «О каких видах донорства Вы знаете?», %

Значимая связь в отношении информированности о донорстве была выявлена с социально-демографическими признаками респондентов. Так, например, доля осведомленных о донорстве костного мозга женщин значимо выше по сравнению с мужчинами (14 и 8,4 % соответственно); среди молодых хорошо знают о данном виде донорства 4,9 %, в то время как среди лиц среднего и старшего возраста около 21 %. Данные свидетельствуют о необходимости работы с молодым мужским контингентом сотрудников.

Важным вопросом при исследованиях донорства выступает вопрос семейного и социального опыта донорства. При ответе на вопрос о наличии в семье или ближайшем окружении доноров 37,1 % сотрудников и курсантов ответили положительно, 47,9 % – отрицательно, 15 % затруднились с ответом. 10,3 % сотрудников и курсантов подтвердили, что в их близком социальном окружении были люди, нуждающиеся в донорстве, – в большинстве случаев в донорстве крови (8,3 %).

В ходе анкетирования был задан вопрос с возможностью многовариантных ответов о причинах слабой распространенности практик донорства в российском обществе. Чаще всего анкетируемые

ссылались на причины, связанные с психологическим страхом (45,8 %) и низкой информированностью (44 %). Примерно каждый четвертый указывал на недоверие к системе здравоохранения (27,9 %), нездоровье (24,2 %) и отсутствие вознаграждения (22,4 %). Каждый пятый затруднился с ответом.

Помимо информированности и оценки проблемы, в ходе опроса исследовались отношение и готовность к донорству. Доля респондентов, выбравших вариант «однозначно положительно», составила 71,7 %, «скорее положительно» – 23,3 %. Нейтральное и скорее отрицательное отношение выразили 0,6 и 4,5 % соответственно, вариант «категорически отрицательно» не был выбран респондентами. Респонденты старших возрастов чаще выражали крайне положительное отношение (78 %), в то время как среди молодых доля выбравших данный вариант ответа составила 68,1 % (см. рис. 2). Также было выявлено, что отношение связано с семейным положением анкетируемого: респонденты в браке чаще предпочитали выбирать ответ «однозначно положительно» (79,2 %) по сравнению с респондентами в отношениях (71,4 %) и респондентами без отношений и без брака (63,2 %).

При ответе на тот же вопрос в анкетировании молодежи, проведенном годом ранее, были получены более высокие доли нейтральных (25,6 %) и отрицательных ответов (1 %) [11], что может свидетельствовать о более высокой ответственности, осознании важности проблемы и более высоком донорском потенциале сотрудников ОВД. Значимую роль оказывал фактор проживания: жители крупных городов (77 %) оказались более положительно настроены к донорству, чем сотрудники, проживающие в небольших городах (67,5 %) и селах (68,4 %).

Представленные выше данные о положительном отношении к донорству выглядят достаточно обнадеживающе в плане перспектив развития данного вида добровольчества среди курсантов и сотрудников органов внутренних дел, однако, как показал следующий вопрос, личная готовность к донорству существенно ниже и составляет лишь 55,2 %. Каждый третий опрошенный затруднился с ответом на вопрос готовности стать донором (29,3 %), каждый шестой – указал, что не готов (15,5 %).

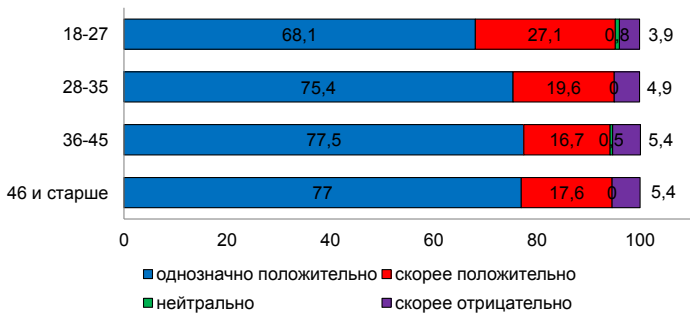

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к донорству?»,%

Как показывают другие исследования, готовность к донорству всегда ниже его положительных оценок. Так, по данным А.В.Попова, Г.В. Белеховой и К.Н. Калашниковой, готовность к донорству среди населения распределена следующим образом: готовы – 17 %, затруднились с ответом – 40 %, а 43 % исключают для себя такую возможность [12]. Если сравнивать данные с упоминаемым нами выше опросом студентов, среди которых 53 % указали на готовность стать донором, 18 % затруднились с ответом, 25 % сказали о неготовности, то можно сделать вывод о более высоком донорском потенциале сотрудников ОВД и курсантов по сравнению не только с населением в целом, но и по сравнению со студенческой молодежью, которая, как показывают многочисленные исследования, видит возможности для собственного участия в практиках донорства чаще по сравнению с другими возрастными группами.

Распределение ответов об отношении к донорству и о готовности к донорству не имеет связи с полом, возрастом, статусом респондента – курсант/сотрудник. Взаимосвязь готовности к донорству была выявлена лишь с переменной «семейное положение»: оказалось, что среди женатых и замужних выше доля тех, кто определенно готов к донорству (61,3 %), по сравнению с респондентами в отношениях (53,2 %) и респондентами без отношений и без брака (50 %), что говорит о росте социальной мотивации и ответственности, зрелости, значимости в связке ценностей семьи, здоровья, социальных связей. О незрелости и нестабильности ценностей вне семьи говорит тот факт, что среди респондентов из группы «вне брака» самая высокая доля затруднившихся с ответом на вопрос о готовности стать донором (34,7 %).

Финансовое положение респондентов также влияет на отношение к донорству: анкетируемые с высоким материальным статусом реже выбирали вариант «однозначно положительно» по сравнению с группами со средней и низкой материальной обеспеченностью (соответственно чаще выбирали вариант «скорее положительно», «нейтрально»). Их также отличала более низкая готовность к донорству и предпочтение варианта «затрудняюсь ответить». Схожая тенденция была обнаружена при опросе студенчества.

Также были получены интересные данные о готовности к донорству у сотрудников, имеющих опыт командировок в «горячие точки»: среди них данный показатель значимо выше (68,8 %) по сравнению с теми, кто не имеет такого опыта (53,9 %), что может быть объяснимо интернализацией в экстремальных условиях специфических ценностей, связанных с солидарностью, ценностью человеческой жизни и эмпатией к реципиентам (рис. 3).

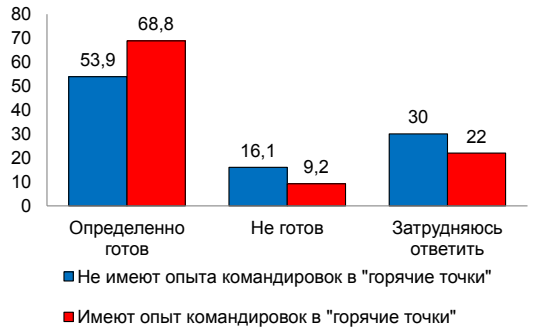

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, личную готовность к донорству», %

Подводя итоги, укажем, что в данной работе, на фоне отсутствия исследований по оценке готовности к донорству курсантов и сотрудников ОВД, представлена попытка охарактеризовать их донорский потенциал. Данное профессиональное сообщество является высокопотенциальной группой для донорства в силу объективных характеристик, предполагающих наличие необходимых параметров здоровья (регулярное медицинское освидетельствование и контроль), и социально-психологических факторов, связанных с готовностью к служению, риску и социальной ответственности, высокой мотивацией к социально одобряемым практикам.

Можно сделать выводы о существенных различиях донорского потенциала курсантов и сотрудников ОВД по сравнению с населением и молодежью, что выражается в более позитивном отношении к практикам донорства и более высоком уровне готовности к нему. Данные результаты говорят о том, что данную профессиональную группу можно рассматривать как перспективный контингент для развития кадрового донорства.

Выявленная связь с возрастом, семейным и материальным положением, опытом нахождения в экстремальных условиях может быть учтена при работе с нынешними и будущими сотрудниками органов внутренних дел при выстраивании коммуникации по популяризации донорства и для развития системы мотивации по развитию данного вида волонтерства. Это поможет сформировать устойчивый потенциал для комплектования донорского актива.

Литература:

1. Ерицян К.Ю., Антонова Н.А. Социальные и психологические факторы привлечения и удержания доноров крови: обзор обзоров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 1. С. 32–44.
2. Попова О.В. Дар и донорство в медицине: от альтруистических практик к этической пропасти // Горизонты гуманитарного знания. 2022. № 5. С. 3–21.
3. Антипов А.В. Биоэтика и проблемы умирания в контексте развития органного донорства // Философия и общество. 2023. № 4. С. 125–141.
4. Донорство в России: мониторинг // ВЦИОМ. 2024. 13 июня. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/donorstvo-v-rossii-monitoring (дата обращения: 20.04.2026).
5. Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов»: федеральный закон // СПС Гарант.
6. Сотрудники ФКУ «ЦКО МВД России» присоединились к масштабной Всероссийской акции «Код донора. Защитники Отечества» // Пресс-центр МВД России. 2026. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/sotrudniki-fku-tsko-mvd-rossii-prisoedinilis-k-masshtabnoy-vserossiyskoy-aktsii-kod-donora-zashchitn/ (дата обращения: 20.04.2026).
7. Degueldre J., Dessy E., T'Sas F., Deneys V. A systematic review of indications when and how a military Walking Blood Bank could bridge blood product unavailability // Blood Transfusion. 2024. Vol. 22. №. 5. P. 39–-404. URL: https://www.bloodtransfusion.it/bt/article/view/603.
8. Brigmon E.P., Cirone J., Harrell K. et al. Walking blood bank: a plan to ensure self- sufficiency in an era of blood shortage // Trauma Surg Acute Care Open. 2024. Vol. 9. № Suppl 1. Art. e001151.
9. Бескаравайная Т. Минздрав представил карту самых неактивно участвующих в донорстве регионов // Медвестник. 2024. 5 ноября. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Minzdrav-predstavil-kartu-samyh-neaktivno-uchastvuushih-v-donorstve-regionov.html (дата обращения: 25.04.2026).
10. Ишкинеева Ф.Ф., Савельева Ж.В., Герова О.А., Фахретдинова Л.М., Гайфуллина Р.Ф. К проблеме совершенствования способов набора потенциальных доноров костного мозга в российской популяции // Казанский медицинский журнал. 2024. Т. 105. №3. С. 443–451.
11. Савельева Ж.В., Ишкинеева Ф.Ф., Фахретдинова Л.М., Гайфуллина Р.Ф. Отношение и готовность к донорству студенческой молодежи крупного города // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31(5). С. 965–969.
12. Попов А.В., Белехова Г.В., Калашников К.Н. Коллективные представления россиян о донорстве крови как социальной практике: опыт Вологодской области // Социологические исследования. 2025. Т. 51 (6). С. 119–128.

Donor Potential of Employees and Cadets of internal Affairs Bodies (Based on the Materials of the Questionnaire Survey)

Zhanna Vladimirovna Savelieva[1], Farida Falesovna Ishkineeva[1], Farid Irekovich Ishkineev[2]
[1]Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)
[2]Family Medicine Clinics LLC (Kazan, Russia)

The development of high medical technologies and new risks associated with the safety of life, the aging of the population, the need to preserve the health of citizens, necessitate the popularization of donation practices and the search for new communities for the formation of human donation. The solution of this scientific and practical problem can be facilitated by the study of the donor potential of law enforcement officers, whose health, due to the specifics of their professional activities, is under systematic medical supervision. The authors focus on the attitude and willingness to donate cadets and employees of the internal affairs bodies of the Republic of Tatarstan. The purpose of the study is to identify and assess the potential for donor development, to identify factors influencing their willingness to donate, which is of practical importance for developing sound recommendations for the development of the donor movement in this professional group. Using a questionnaire survey, social assessments of donation were obtained in terms of the relevance of the problem, awareness of the types of donation, attitude and readiness for it. Against the background of active public participation in donor campaigns of this group, there is a lower awareness of bone marrow donation compared to other types of donation. Among the employees of the Department of Internal Affairs, higher positive ratings and the level of readiness for donation were found in general compared with other groups of the population. The interrelationships of readiness for donation with age, marital and financial status, and experience in extreme conditions have been established.

Keywords: donation, law enforcement officer, altruism, motivation for donation, potential donor, questionnaire survey

УДК 316.42, 37.018.4
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-363-368
© Хуснутдинов Р.Н., 2026

Динамика структуры обучающихся по методу онлайн лардж-классов при подготовке к основному государственному экзамену (ОГЭ)

Хуснутдинов Равиль Наилевич
Аспирант кафедры общей и этнической социологии
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: tauraftor@gmail.com;
ORCID: 0009-0000-8028-598X)

Актуальность исследования обусловлена изменениями в системе образования, в силу которых все более востребованным становится феномен репетиторства, и, в частности, репетиторство онлайн, что актуализирует обращение исследователей к анализу процессов, происходящих в составе самих участников процесса обучения с помощью данной формы репетиторства. Цель статьи – выявление динамики социальной структуры группы учащихся девятых классов, использующих услугу онлайн-репетиторства с целью подготовки к основному государственному экзамену по обществознанию (одному из основных предметов для социально-гуманитарного профиля). Цель реализуется через следующие задачи: осуществить сравнительный анализ материалов репрезентативных опросов учащихся, проведенных в 2024 г. и 2026 г., и выявить произошедшие изменения по таким параметрам, как место проживания, доход семьи, гендерный состав и др.

Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что результаты позволяют отследить динамику в структуре учащихся, обращающихся к услугам онлайн-репетиторства, что может стать базой для дальнейшей разработки стратегии развития данной сферы. Согласно результатам исследования, состав участников за прошедшие два года изменился: число обучающихся из северного и южного регионов России уменьшилось по сравнению с центральным регионом; увеличилось количество учащихся из семей среднего класса (с доходом от 100 до 200 тыс. руб. в месяц на чел.) и полностью отсутствуют ученики из низкообеспеченных семей, которые в опросе от 2024 г. были представлены, что позволяет делать вывод, что состав учащихся изменился в силу изменения экономической ситуации, кризисных явлений, которые в первую очередь затронули отдаленные от центра регионы, а также низший слой среднего класса.

Научная новизна исследования состоит в эмпирическом доказательстве зависимости между экономической ситуацией и обращением к онлайн-репетиторству. Вопреки тезису об инклюзивности цифровизации, показано, что онлайн-образование становится более селективным в условиях ухудшения экономической ситуации, а ключевой барьер – не мотивационный, а финансовый (отсутствие демократизации цен). Кроме того, автором вводится и операционализируется новое для российского контекста понятие лардж-класса как массовой формы репетиторства.

Ключевые слова: *лардж-класс, образование, подготовка к ОГЭ, социально-гуманитарный профиль, репетиторство онлайн, опрос*

Для цитирования: *Хуснутдинов Р.Н. Динамика структуры обучающихся по методу онлайн лардж-классов при подготовке к основному государственному экзамену (ОГЭ) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 363–368. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-363-368.*

Введение

Для современной отечественной системы образования остается актуальной задача качественной подготовки обучающихся к сдаче государственных экзаменов – ЕГЭ и ОГЭ. В фокусе нашего внимания находится одна из распространенных в последние годы форм дополнительного образования – репетиторство. Цифровизация социальной жизни в целом и системы образования в частности [1], дает широкие возможности для обращения учащихся к феномену репетиторства онлайн. В данной статье мы рассматриваем динамику данного явления, которое находится на пересечении таких проблемных областей, как репетиторство, онлайн-образование, новый метод репетиторства в форме лардж-класса, сдача ОГЭ, и, наконец, то, что является особенно важным вопросом: социальный состав учащихся и его изменения на протяжении двух лет. Несмотря на существующее мнение об инклюзии, которую предоставляет цифровизация образования, о возможности получать знания независимо от финансовых возможностей, места проживания и т.д., наш первый опрос, проведенный в 2024 г., показал, что ученики из менее благополучных семей существенно реже обращаются к репетиторству онлайн [2], и мы поставили целью выявить изменения в этой сфере за прошедшие два года.

Значительное число исследователей обращались к анализу феномена репетиторства в различных аспектах. Среди них Л.В. Кожевникова, И.В. Старовойтова [3], Е.Н. Шипкова [4], С.Н. Кашурников, А.А. Кириллов [5] и другие авторы, которые исследовали разные аспекты этого феномена с педагогической точки зрения [6, 7]; Л.Б. Райхельгауз исследует социально-педагогические аспекты репетиторства [8]; ряд ученых интересовал административно-экономический аспект репетиторства [9]; изучалась также психологическая сторона данного явления [10] и его культурная составляющая [11]. Тем не менее один из наиболее важных аспектов феномена репетиторства – социологический аспект – на сегодняшний день требует более тщательного исследования.

Репетиторство на базе онлайн-платформ является темой исследования П.А. Макеева [12]. Тема метода лардж-классов в русскоязычных исследованиях не упоминается, за исключением работ автора данной статьи [2]. Англоязычные источники [13–15] упоминают это явление мало, прежде всего освещая связанные с ним проблемы, при этом речь идет об обычных лардж-классах, которые проводятся в офлайн-формате в аудитории, а не в цифровой среде. Так, сайт «*English Language Teaching & Testing Guide*» анализирует возможности и степень эффективности преподавания с помощью данного метода, отмечая, что для учителя такая форма обучения является источником ряда проблем [15].

Под лардж-классами в нашем исследовании понимаются большие группы учеников, одновременно присутствующих на занятии одного преподавателя. В аудитории лардж-класс может охватывать более 100 чел. Наш опыт проведения занятий в лардж-классе в онлайн-формате дает возможность обучать одновременно 5000 и более учащихся. При этом показал свою эффективность метод «перевернутого класса»: изучение темы начинается с видеоурока, который рассылается утром всем ученикам одновременно, при том что часовые пояса у них разные. Материал учащиеся могут посмотреть в удобное для них время. Также они получают домашнее задание. И в выходной день ученикам предоставляется возможность участия в прямом эфире длительностью два часа, в ходе которого преподаватель отвечает на возникшие по материалу вопросы.

Следующая сфера, к которой мы обращаемся, – подготовка к основному государственному экзамену (ОГЭ). Среди различных авторов, которые занимались исследованием данной проблемы, необходимо выделить А.Р. Батыршину и Т.И. Иванову [16]. Они изучали связь между двумя основными экзаменами – ОГЭ и ЕГЭ, рассматривая динамику стресса учащихся. Было выявлено, что к ОГЭ у них отношение более спокойное, поскольку это не столь решающий экзамен, как ЕГЭ. При этом Н.С. Степанова отмечает, что и при сдаче ОГЭ ученики испытывают стресс и тревожность, хотя и в меньшей степени [17], что объясняет важность для школьников обращения к репетиторам для подготовки к этому экзамену.

Методы

В качестве основного метода выступал онлайн-опрос. Респондентами являются обратившиеся к услуге репетиторства онлайн (по методу лардж-класса) учащиеся девятых классов. Цель обращения к репетитору – подготовка к ОГЭ. Ученики проживают в Российской Федерации в различных регионах. Генеральная совокупность охватывает два набора учащихся: 2024 г. и 2026 г.

Первый опрос состоялся в мае 2024 г. [2]. Второй опрос, целью которого было выявление того, какова динамика социального состава учащихся за прошедший период, был проведен в январе 2026 г.

Выборочная совокупность каждого из этапов исследования – 3000 чел.

Результаты и обсуждение

Первый фактор, по которому осуществлялось сравнение результатов двух опросов, относится

к месту проживания учащихся. Согласно опросу 2024 г., большинство респондентов (59 %) проживали в центре страны (Москва и Московская область, Среднее Поволжье и т.д.), 17 % – на юге (Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ, Краснодарский край, Ростовская область), 13 % – в Сибири, 11 % – жители северных округов и областей (Республика Карелия, Архангельская область, Кировская область, Мурманская область). При повторном опросе в 2026 г. выявилась следующая динамика. Жителей Европейской части страны стало больше (66 %), количество проживающих на юге и севере России снизилось до 11 и 7 % соответственно, тогда как число жителей Сибири увеличилось до 16 % (рис. 1).

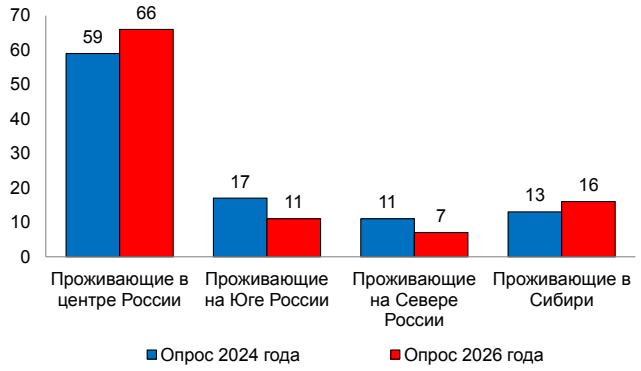

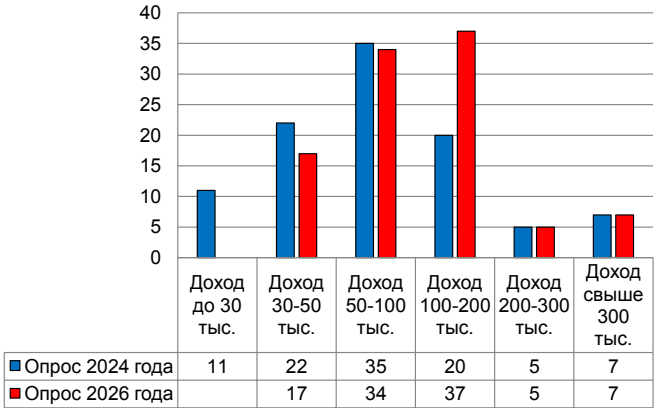
Рис. 1. Регион проживания участников опроса, согласно опросам 2024 и 2026 гг., %

Как видно из представленных данных рисунка 1, география проживания учащихся смещается к центральным районам страны и к Сибири и уменьшается на севере и юге. Можно предположить, что это обусловлено экономической ситуацией. На рынке онлайн-репетиторства вследствие инфляционных процессов за прошедший период произошло повышение стоимости обучения, тогда как уровень доходов населения остался на прежнем уровне, а в некоторых регионах даже снизился. Так, в 2024 г. за онлайн-репетиторство платили 4–5 тыс. руб. в месяц, в настоящее время, в 2026 г., стоимость повысилась до 6–7 тыс. руб. в месяц. Экономические проблемы, как показало наше исследование, актуальны в первую очередь именно для удаленных от центра регионов страны.

Экономическое положение семьи учащегося наилучшим образом отражает уровень дохода семьи. Для анализа динамики данного показателя мы выделили несколько категорий уровня дохода. В 2024 г. относительно небольшая доля учащихся относилась к категории так называемой «дальней периферии среднего класса», то есть это были дети из семей с доходом до 30 тыс. руб. на человека в месяц. Таких респондентов оказалось 11 %. Вдвое больше (22 %) оказалось учеников из так называемого нижнего слоя среднего класса, речь идет о представителях домохозяйств, где доход составлял уже от 30 тыс. руб. до 50 тыс. руб. в месяц на одного члена семьи. Значительную часть учащихся составляли две следующие категории: с доходом от 50 тыс. руб. до 100 тыс. руб. (35 %) и от 100 тыс. руб. до 200 тыс. руб. (20 %). Это семьи верхней части среднего класса, и, как видим, по результатам первого опроса их больше половины. Более обеспеченных учащихся (от 200 тыс. руб. дохода на члена семьи в месяц и выше) было меньше (в совокупности 12 %). Можно предположить, что более состоятельные родители чаще предпочитают индивидуальные формы занятий с репетиторами для своих детей.

Опрос учащихся нового набора в 2026 г. выявил отсутствие детей, чьи семьи живут на доход менее 30 тыс. руб. в месяц на члена семейства. Меньше стала доля учеников из категории «от 30 тыс. руб. до 50 тыс. руб. в месяц на человека» (17 против 22 % в 2024 г.). Следующие две группы, в свою очередь, все также составляют основу слушателей лардж-класса. Незначительно (на 1 п.п. от опрошенных) меньше стала доля учеников из семей с доходом от 50 тыс. руб. до 100 тыс. руб. в месяц, а вот количество учеников из семей с доходом от 100 тыс. руб. до 200 тыс. руб. увеличилось и составило большинство. Теперь их 37 % от всего количества опрошенных. Что касается семей с высоким доходом, их количество не изменилось.

Динамика показана на рисунке 2.

	Доход до 30 тыс.	Доход 30-50 тыс.	Доход 50-100 тыс.	Доход 100-200 тыс.	Доход 200-300 тыс.	Доход свыше 300 тыс.
Опрос 2024 года	11	22	35	20	5	7
Опрос 2026 года		17	34	37	5	7

Рис. 2. Динамика структуры учащихся в зависимости от дохода

Объясняется данная ситуация, на наш взгляд, не улучшением экономического положения россиян, а тем фактом, что семьи с более низким уровнем дохода вынуждены отказываться от дополнительных образовательных услуг для своих детей, будучи вынужденными экономить в пользу первоочередных жизненных потребностей. Данный вывод подтверждается и результатами исследований других авторов, которые отмечают, что понятие среднего класса в стране меняется, так как доходы не успевают за экономическим кризисом [18]. Все меньшее количество людей имеют возможность в принципе приобретать те или иные блага. Вопрос, на наш взгляд, не в том, влияет ли классовая принадлеж-

ность на отношение к образованию, а в том, имеется ли у домохозяйства необходимая сумма для оплаты репетиторства в месяц (6–7 тыс. руб.). Когда доход семьи невелик, то прежде всего она снижает свои расходы на путешествия, на одежду, затем идет снижение расходов на образование и развлечения. Многие не пользуются услугой репетиторства не потому, что не верят в его эффективность, разочаровались в образовании и утратили мотивацию, а потому, что не имеют финансовых возможностей. Этим можно объяснить отсутствие среди учеников представителей малообеспеченных семей.

Опрос 2024 г. выявил, что большинство (71 %) учащихся живут в полных семьях. Из оставшихся 27 % живут с матерью, и незначительная часть (2 %) – представители неполных семей, где единственным родителем является отец.

Второй опрос показал незначительное увеличение учащихся из полных семей (73 %), количество живущих только с отцами осталось неизменным, а число живущих только с матерью, соответственно, уменьшилось (25 %). Можно сделать вывод, что напрямую изменение экономической ситуации не связано с возможностью пользоваться услугами репетитора для детей из неполных семей. Вероятно, если неполная семья могла позволить себе оплачивать услуги репетитора в 2024 г., то ее возможности не изменились и в настоящее время, в 2026 г.

Вопрос о количестве детей в семье также не показал изменений: семьи с двумя детьми преобладают в обоих опросах (50 и 51 % соответственно), семьи с единственным ребенком также остаются примерно на одинаковом уровне (21 и 22 %), многодетных стало меньше, но незначительно (29 и 27 %). Это говорит о том, что количество детей в семье не влияет на возможность пользоваться услугой репетитора.

Выводы

Таким образом, исследование зафиксировало определенную динамику в структуре учащихся по системе лардж-классов. Так, география проживания сместилась к центру России, при этом максимальное количество проживает в столичных и районных городах. В семьях с относительно низким доходом (до 30 тыс. руб. на чел. в месяц) при первом опросе составили десятую часть учащихся, тогда как при повторном опросе они отсутствовали; количество же семей высшей части среднего класса увеличилось. По остальным параметрам существенная динамика не зафиксирована.

Представленные данные позволяют сформулировать вывод о том, что именно экономический фактор является решающим при выборе формы подготовки к ОГЭ: многие семьи не обращаются к услуге репетиторства не из-за отсутствия мотивации, а в силу отсутствия возможностей оплаты, тем более что на рынке онлайн-репетиторства не произошла демократизация цен, а, напротив, фиксируется повышение. Это показывает зависимость подсистемы системы образования – репетиторства онлайн – от процессов в экономике страны.

Заключение

Из полученных данных заключаем, что к онлайн-репетиторству при подготовке к ОГЭ обращаются школьники из благополучных семей, причем количество более благополучных семей растет. Детей из малоимущих семей (дальняя периферия среднего класса) становится все меньше. То же самое можно сказать и о количестве учащихся из отдаленных от центра регионов России – очевидна тенденция к преобладанию жителей центральной (европейской) части страны и, частично, Сибири.

Мы получили определенные данные о динамике и тенденциях к изменению в рамках социологического портрета учащихся, которые обращаются к онлайн-репетиторству в лардж-классах. Так как первый опрос показал, что ученики из менее благополучных семей меньше обращаются к репетиторству онлайн, мы ставили перед собой задачу выявить изменения в этой сфере. Анализ показал, что за два года учащихся из менее благополучных семей стало еще меньше, что заставляет задуматься о возможных путях для обеспечения инклюзии.

Таким образом, такая подсистема образования, как онлайн-репетиторство зависит от общей экономической ситуации в стране, и динамика структуры учащихся в структуре онлайн-лардж-классов демонстрирует негативную тенденцию, связанную со снижением уровня доходов жителей регионов страны и изменением состояния среднего класса. Дальнейшие исследования помогут выявить мотивацию учащихся и родителей в обращении к репетиторам на современном этапе развития российской системы образования.

Литература:

1. Ларионова И.В., Максимова О.А. Цифровая компетентность российской молодежи: состояние и факторы влияния // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 5(62). С. 23–29.
2. Хуснутдинов Р.Н. Мотивация обучающихся в структуре онлайн лардж-классов при подготовке к основному государственному экзамену (ОГЭ) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 2 (65). С. 61–70.

3. Кожевникова Л.В., Старовойтова И.Е. Феномен репетиторства в современной России // Образование и право. 2023. № 5. С. 412–415.
4. Шипкова Е.Н. Репетиторство как проблема педагогической науки и практики // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 39–46.
5. Кашурников С.Н., Кириллов А.А. Репетиторство в России: статус, значение, проблемы // Теория и практика общественного развития. 2019. № 4 (134). С.79–84.
6. Давэй Сунь. Педагогические проблемы репетиторства в России и Китае // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1. № 2. С. 168–174.
7. Санников Д.А. Репетиторство как вид педагогической деятельности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2021. № 199. С. 189–195.
8. Райхельгауз Л.Б. Репетиторство как социально-педагогический феномен // Социально-политические исследования. 2019. № 3. С. 106–114.
9. Коджаспирова Г.М. Возникновение и эволюция становления тьюторства в России // Наука и школа. 2019. № 1. С. 107–117.
10. Донецкая С.С., Третьякова В.А. Неформальная самозанятость на рынке репетиторских услуг: международный опыт государственного регулирования // Мир экономики и управления. 2022. Т. 22. № 4. С. 60–78.
11. Bray M. Private Supplementary Tutoring: Comparative Perspectives on Patterns and Implications // A Journal of Comparative Education. 2006. Vol. 36. № 4. P. 515–530.
12. Макеев П.А. Репетиторство в России: описание явления на основе онлайн-платформ // JIS. 2019. № 4. С. 106–120.
13. Teaching Large Classes: Problems, Advantages, and Solutions. URL: https://ontesol.com/blog/how-to-teach-english/teaching-large-groups/teaching-large-classes/ (дата обращения: 04.05.2026).
14. Teaching large classes. URL: https://www.teachingenglish.org.uk/professional-development/teachers/managing-lesson/teaching-large-classes (дата обращения: 04.05.2026).
15. Five Main Suggestions & Solutions to Create Successful Large Classes // English Language Teaching & Testing Guide. URL: https://elttguide.com/tag/large-class/ (дата обращения: 20.04.2024).
16. Батыршина А.Р., Иванова Т.М. Динамика стресса учащихся в условиях подготовки и сдачи ОГЭ и ЕГЭ: постановка проблемы // Гуманизация образования. 2019. № 6. С. 125–137.
17. Степанова Н.В. Особенности эмоционального состояния и мотивации обучающихся в период подготовки к основному государственному экзамену // Теория и практика современной науки. 2020. №5 (59). С. 496–499.
18. Баландина А.И., Хам В.В. Средний класс в современной России // Скиф. 2022. № 3 (67). С. 155–162.

Dynamics of the Student Structure in Online Large-Class Method Training for the Basic State Exam (OGE)

Ravil Nailevich Khusnutdinov
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

The relevance of the study is determined by changes in the education system, due to which the phenomenon of tutoring, and in particular online tutoring, is becoming increasingly in demand. This makes it relevant for researchers to analyze the processes occurring within the composition of the participants themselves in the learning process using this form of tutoring. The purpose of the article is to identify the dynamics of the social structure of a group of ninth-grade students who use online tutoring services to prepare for the Basic State Exam (OGE) in social studies (one of the core subjects for the social sciences and humanities track). This goal is achieved through the following tasks: to conduct a comparative analysis of the data from representative surveys of students carried out in 2024 and 2026, and to identify changes in parameters such as place of residence, family income, gender composition, and others.

The scientific and practical significance of the study lies in the fact that the results allow tracking the dynamics in the structure of students accessing online tutoring services, which can serve as a basis for further development of strategies in this field. According to the study results, the composition of participants has changed over the past two years: the number of students from the northern and southern regions of Russia has decreased compared to the central region; the number of students from middle-class families (with an income of 100 to 200 rubles per person per month) has increased, and students from

low-income families, who were represented in the 2024 survey, are now completely absent. This leads to the conclusion that the composition of students has changed due to shifts in the economic situation and crisis phenomena, which have primarily affected regions remote from the center, as well as the lower stratum of the middle class.

The scientific novelty of the study consists in the empirical demonstration of the relationship between the economic situation and the use of online tutoring. Contrary to the thesis about the inclusiveness of digitalization, it is shown that online education becomes more selective under worsening economic conditions, and the key barrier is not motivational but financial (the absence of price democratization). Furthermore, the author introduces and operationalizes a concept new to the Russian context – the "large class" as a mass form of tutoring.

Keywords: large class, education, preparation for OGE, social and humanitarian profile, tutoring online, survey

УДК 332.1; 331.101.3; 316.334.2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-369-374
© Черноморец А.Б., 2026

Идентификационный капитал региона, паремии и производительность труда

Черноморец Анна Борисовна
Кандидат технических наук, доцент кафедры бренд-коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна
(191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18;
e-mail: anna.chernomorets@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4740-6302; SPIN-код: 1827-7485)

Рост межрегиональной конкуренции за человеческий капитал, инвестиции и устойчивые формы занятости требует более точного учета нематериальных факторов развития, связанных не только с ресурсной обеспеченностью территории, но и с ее ценностно-нормативной средой. Цель статьи состоит в том, чтобы обосновать экономическую интерпретацию паремий как паремиологического слоя идентификационного капитала региона и показать, каким образом этот слой влияет на трудовую мотивацию, кооперацию и производительность труда. Задачи исследования включают: уточнение содержания категории идентификационного капитала региона; анализ научной литературы о пословицах как носителях норм труда; сопоставление паремиологического материала народов России; построение схемы его экономической конверсии в параметры устойчивости региональной социально-экономической системы. Научная значимость работы связана с расширением понятийного аппарата региональной экономики за счет включения паремий в контур анализа воспроизводимых нематериальных ресурсов территории. Практическая значимость состоит в возможности учитывать локальные ценностные коды при разработке региональной политики в сфере занятости, удержания населения, развития человеческого капитала, туризма и экономической безопасности. В результате показано, что паремии выступают не филологическим объектом сами по себе, а каналом межпоколенческой передачи норм труда, взаимности, ответственности и мастерства; эти нормы, будучи встроены в идентификационный и социальный капитал региона, способны снижать транзакционные издержки, укреплять кооперационные связи и повышать устойчивость воспроизводственного контура. Научная новизна заключается в предложении логической связки «паремии – идентификационный капитал – мотивация – трудовые практики – производительность труда – устойчивость региона».

Ключевые слова: *идентификационный капитал региона, паремии, производительность труда, трудовая мотивация, социальный капитал, региональная экономика, экономическая безопасность*

Для цитирования: *Черноморец А.Б. Идентификационный капитал региона, паремии и производительность труда // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 369–374. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-369-374.*

Идентификационный капитал региона в современной региональной экономике целесообразно рассматривать как воспроизводимый нематериальный ресурс, который опосредует связь между территориальной идентичностью и экономическим поведением населения, бизнеса и локальных со-

обществ. В опубликованных работах [1; 2] он определяется как субкомпонент территориального капитала, включающий когнитивные представления о регионе, нормативно-ценностные установки, аффективную привязанность к месту и поведенческие диспозиции, проявляющиеся в миграционных решениях, занятости, локальном предпринимательстве и участии в проектах развития. Для региональной политики это важно потому, что устойчивость региональной социально-экономической системы зависит не только от инвестиций, инфраструктуры и отраслевой структуры, но и от того, насколько прочно в регионе закреплены нормы труда, кооперации, доверия и ответственности [1–3].

Здесь возникает исследовательский разрыв. Существующие подходы к культурному, социальному и территориальному капиталу лишь частично описывают идентификационное измерение и, как правило, не раскрывают механизм перехода от ценностно-нормативной среды территории к производительности труда и устойчивости воспроизводственного контура региона. Между тем именно этот переход представляет особый интерес для региональной экономики, поскольку позволяет объяснить различия в трудовом поведении, кооперационных практиках, миграционной укорененности и качестве локальных институтов [1–3.]

Гипотеза представленной работы состоит в том, что паремиологический фонд территории может быть интерпретирован как один из каналов воспроизводства идентификационного капитала региона (ИКР). Паремии в таком случае рассматриваются не как предмет филологического описания, а как компактные вербализованные нормы, через которые в повседневной коммуникации передаются представления о труде, мастерстве, взаимопомощи, чести, предусмотрительности и привязанности к родной земле. Именно в этом месте культурный материал становится экономически значимым: он начинает работать как неформальный институт, влияющий на мотивацию, дисциплину и репутационные ожидания [3–6] .

В теоретическом отношении статья опирается на четырехблочную модель воспроизводства идентификационного капитала: когнитивное закрепление образа региона, нормативно-ценностная кристаллизация, аффективная привязанность к месту и поведенческая фиксация [1; 2]. В этой модели паремии относятся прежде всего к блоку нормативно-ценностной кристаллизации, поскольку они обеспечивают межпоколенческую передачу правил желательного и неодобряемого поведения. Тем самым паремиологический слой участвует в формировании долгосрочных трудовых установок и в снижении институциональной неопределенности на микроуровне.

Обзор литературы показывает, что линия интерпретации пословиц как носителей трудовой этики в мировой науке уже существует [3–6]. В материалах по книге Притч Соломоновых труд, усердие, предусмотрительность и неприятие лености рассматриваются как устойчивые нормы практического поведения [4]. Исследования африканского и иных культурных контекстов также подчеркивают, что пословицы участвуют в моральной социализации, формировании коллективной дисциплины и представлений о бедности, труде и ответственности [5]. Однако в большинстве этих работ пословицы не включаются в анализ территориального развития и не трактуются как экономический ресурс региона.

Для объяснения того, каким образом ценностная норма превращается в трудовую мотивацию, полезна модель А. Маслоу, но не в ее упрощенном универсалистском виде [7]. Исследования кросскультурной психологии показывают, что иерархия потребностей существенно зависит от культурного контекста, а потребности принадлежности, признания, долга и коллективной солидарности в ряде обществ не являются «надстройкой» над базовыми потребностями, а встроены в повседневную логику выживания и труда [8]. В этом смысле паремии фиксируют не абстрактную мораль, а культурно конкретные траектории восхождения от жизнеобеспечения к безопасности, коллективной включенности, уважению и мастерству [9].

Такое прочтение особенно продуктивно для региональной экономики. Если на нижних уровнях мотивационной структуры паремии поддерживают нормы труда как условия выживания, то на более высоких уровнях они закрепляют доверие, честь, репутацию и стремление к мастерству, то есть те установки, которые прямо связаны с качеством труда и долгосрочной производительностью. Следовательно, мотивационный эффект паремий нельзя свести к бытовой педагогике: он встроен в воспроизводство трудового потенциала региона.

Связующим звеном между мотивацией и макроэкономическим эффектом выступает социальный капитал [10]. Литература по социальному капиталу показывает, что доверие, взаимность и устойчивые нормы кооперации снижают транзакционные издержки, облегчают координацию и поддерживают более высокую экономическую результативность сообществ и территорий. В региональном измерении различия в ценностных профилях и уровне локального доверия влияют на траектории роста, адаптацию к кризисам и качество институтов. Идентификационный капитал в этой логике выступает более глубоким ресурсом, поскольку задает пространственно привязанную рамку, внутри которой социальный капитал получает устойчивое воспроизводство [1–5; 10; 11].

Эмпирическую основу исследования составляет корпус паремий народов Российской Федерации, сформированный методом целенаправленной тема-

тической выборки из опубликованных этнографических и лингвокультурологических сборников, а также верифицированных академических источников по паремиологии отдельных народов [12–19].

Отбор паремиологического материала проводился по двум критериям. Первый – тематическая релевантность: в выборку включались пословицы и поговорки, семантически привязанные к четырём базовым концептам – «Родина», «Дом», «Гостеприимство», «Коллективная солидарность», – поскольку именно эти концепты устойчиво идентифицируются в паремиологической и этнографической литературе как ядерные для традиционного мировоззрения народов России. Второй критерий – этнолингвистическая репрезентативность: выборка строилась так, чтобы охватить основные языковые семьи и хозяйственно-культурные типы, представленные на территории России: восточнославянский ареал, тюркские народы Поволжья и Урала (татары, башкиры, чуваши), финно-угорские народы (марийцы, мордва, удмурты, коми, карелы), монгольскую группу (буряты), тюркские народы Сибири (тувинцы), горские народы Кавказа (осетины, народы Дагестана, адыги) и народы Севера.

Систематизация паремий осуществлялась методом сравнительно-сопоставительного концептуального анализа в лингвокультурологической традиции. Для каждой этнокультурной группы фиксировались: оригинальный текст паремии (при наличии – в кириллической транслитерации), смысловой перевод на русский язык, доминирующий семантический код и образная основа. Это позволило провести систематическое межэтническое сопоставление не на уровне буквального содержания, а на уровне ценностных и нормативных кодов, стоящих за паремиологическими формулами.

Аналитическая интерпретация выявленных нормативных кодов проводилась в рамках двух взаимодополняющих логик. С одной стороны, применялась индуктивная логика: от массива паремий – к обобщению устойчивых ценностных паттернов и выявлению как универсального нормативного ядра, так и этнокультурной специфики. С другой стороны, для перевода паремиологических кодов в экономическую плоскость использовалась дедуктивная логика мотивационной иерархии А. Маслоу как аналитического инструмента группировки норм по уровням хозяйственного поведения агентов – от базовых трудовых установок до норм кооперации и самоактуализации через профессиональное мастерство.

Ограничения метода связаны с тем, что использованный подход представляет собой качественную тематическую выборку, а не сплошной корпусный анализ паремиологического фонда. Это означает, что результаты следует трактовать как выявление ценностных доминант, а не как исчерпывающую классификацию нормативного содержания. Вместе с тем именно такой подход, применяемый в сравнительной этнологии и экономической культурологии, позволяет идентифицировать устойчивые нормативные паттерны, встроенные в идентификационный капитал конкретных территорий и этнокультурных общностей, и задаёт основу для последующей операционализации и эмпирической верификации на региональных данных.

Результаты исследования представлены в таблицах 1 и 2.

Материалы таблицы 1 показывают, что паремии разных народов России при всей культурной спец-

Таблица 1

Паремиологические коды и их экономическая интерпретация

Народ / региональная локализация	Обобщенный смысл группы паремий	Доминирующая ценность	Хозяйственно значимая норма	Потенциальный экономический эффект
Русские, Центральная Россия и Северо-Запад	Ранний и добросовестный труд вознаграждается	Трудолюбие	Дисциплина труда	Рост трудовой вовлеченности и результативности занятости
Буряты, Восточная Сибирь	Человек оценивается по делу и мастерству	Мастерство	Качество труда	Повышение профессионализма и качества выпуска
Татары, Поволжье	Бережливость и расчетливость обеспечивают устойчивость	Предусмотрительность	Рациональность хозяйствования	Более высокая устойчивость домохозяйств и малого бизнеса
Чуваши, Поволжье	Общее дело требует взаимной помощи	Солидарность	Кооперация	Укрепление горизонтальных связей и совместных хозяйственных практик
Адыги, Северный Кавказ	Честь хозяина и качество приема определяют уважение	Репутация	Ответственность в сервисе	Рост доверия и развитие туристских услуг
Ненцы, Арктическая зона	В трудных условиях выживают через взаимовыручку	Безопасность и взаимность	Коллективная поддержка	Снижение рисков и поддержание устойчивости в экстремальной среде

Таблица 2

Экономическая конверсия паремиологического слоя идентификационного капитала

Блок паремий / ценностный код	Мотивационный уровень	Формируемая трудовая установка	Экономический механизм	Ожидаемый эффект
Труд и жизнеобеспечение	Базовые потребности	Готовность трудиться, неприятие праздности	Рост вовлеченности в занятость	Увеличение выпуска на одного занятого
Безопасность и предусмотрительность	Безопасность	Бережливость, оценка рисков, планирование	Снижение уязвимости домохозяйств и МСП	Повышение устойчивости региональной экономики
Солидарность и взаимовыручка	Принадлежность	Готовность к кооперации	Снижение транзакционных издержек	Укрепление локальных хозяйственных связей
Честь и репутация	Признание	Соблюдение обязательств, избегание оппортунизма	Рост доверия и снижение затрат на контроль	Повышение качества деловой среды
Мастерство и учение	Самореализация	Ориентация на обучение и качество	Рост человеческого капитала	Повышение производительности и конкурентоспособности

ифике концентрируются вокруг повторяющихся хозяйственных кодов. К ним относятся трудолюбие, предусмотрительность, солидарность, ответственность и уважение к мастерству. Для региональной экономики это означает наличие устойчивого нормативного слоя, который может поддерживать занятость, качество труда и кооперационные связи даже в условиях ограниченности формальных институтов [2; 17–19].

На основе авторской группировки паремий можно выделить пять основных блоков: труд и жизнеобеспечение; безопасность и предусмотрительность; солидарность и взаимовыручка; честь, репутация и ответственность; мастерство, учение и самореализация. Эти блоки соотносятся с мотивационной структурой А. Маслоу и задают разные механизмы экономической конверсии. На ранних уровнях мотивируется включенность в труд и стратегия выживания, на следующих – закрепляются ожидания безопасного поведения, коллективной поддержки, общественного признания и профессионального роста.

Как видно из таблицы 2, экономическая конверсия паремий не носит прямого и механического характера. Между паремиологическим кодом и макроэкономическим результатом расположены как минимум три промежуточных звена: идентификационный капитал региона (ИКР), мотивационная структура населения и социальный капитал локальных сообществ. Именно через эти звенья нормы, закрепленные в пословицах, могут трансформироваться в практики соблюдения трудовой дисциплины, в готовность к кооперации, в уважение к квалификации и в снижение повседневного оппортунизма [1–3; 5; 7].

В регионально-экономическом измерении это имеет несколько последствий. Во-первых, сильная идентификация с территорией повышает укорененность рабочей силы и частично сдерживает миграционный отток, особенно там, где трудовая карьера связывается с долгом перед семьей, родом и территорией. Во-вторых, нормы солидарности и взаимности укрепляют локальную кооперацию и повышают устойчивость хозяйственных связей в периоды кризисов. В-третьих, нормы мастерства, чести и репутации повышают требования к качеству труда и уменьшают институциональные потери от недобросовестного поведения [2; 4–7; 19].

На практике это означает, что паремиологический слой идентификационного капитала может рассматриваться как один из ресурсов экономической безопасности региона. Экономическая безопасность в данном случае выражается не только в способности территории противостоять внешним шокам, но и в наличии внутренних норм, поддерживающих занятость, доверие, дисциплину, воспроизводство человеческого капитала и устойчивость локального рынка труда. Если такие нормы ослабевают, растут транзакционные издержки, усиливается миграционная подвижность, снижается качество кооперации и повышается уязвимость региональной экономики к институциональным и поведенческим сбоям.

Следовательно, при разработке региональной политики целесообразно учитывать не только стандартные показатели производительности труда, доходов и инвестиций, но и культурно-нормативные коды территории. Это особенно важно для программ развития человеческого капитала, профориентации, подготовки кадров, поддержки локального предпринимательства, туристского брендинга и мер по удержанию населения. Паремии сами по себе не обеспечивают экономический рост, но они участвуют в воспроизводстве того ценностного слоя, без которого меры экономической политики часто дают неполный или краткосрочный эффект [3; 5; 7; 19].

Таким образом, представленная работа позволяет сделать несколько выводов. Паремии могут быть интерпретированы как элемент неформальных институтов и как паремиологический слой идентификационного капитала региона. Этот слой влияет

на трудовую мотивацию, кооперацию, дисциплину, репутационные нормы и установки мастерства. Его экономическая конверсия опосредована идентификационным капиталом, социальным капиталом и мотивационной структурой населения. В результате формируется логическая цепочка: идентификационный капитал региона – паремиологический слой – мотивация – трудовое поведение – производительность труда – устойчивость региона. Для региональной политики это открывает возможность учитывать локальные ценностные коды при стратегировании развития и обеспечении экономической безопасности территорий.

Литература:

1. Черноморец А.Б. Идентификационный капитал региона: концептуальное позиционирование в системе нематериальных форм капитала // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 12. Т. 24. С. 68–78.
2. Черноморец А.Б. Механизмы воспроизводства идентификационного капитала региона: теоретическая модель и российские примеры территориальной практики // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2026. № 2. Т. 13. С. 121–131. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2026.02.13.015.
3. Nastina E., Almakaeva A.Values As Determinants of Social Capital: Regional Perspective // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 95/SOC/2020. DOI: 10.2139/ssrn.3702389. URL: https://ssrn.com/abstract=3702389 (дата обращения: 27.05.2026).
4. Waltke B., Mathews A. Proverbs and Work // Theology of Work. URL: https://digitalcommons.spu.edu/tow_project/27 (дата обращения: 27.05.2026).
5. Masowa A., Mamvura Z.African philosophy of development as expressed in Shona proverbs // International Journal of Arts and Humanities (IJAH). 2017. Vol. 6, № 2. P. 28–40. DOI: 10.4314/ijah.v6i2.3.
6. Rahimi M., Rahimi A. A Comparative-Interdisciplinary Inquiry of Persian Proverbs and the Hierarchy of Human Needs. URL: https://cfl.modares.ac.ir/article-11-68508-en.html (дата обращения: 27.05.2026).
7. Van Stam G. Maslow's Theory of Human Motivation and its Deep Roots in Individualism: Interrogating Maslow's Applicability in Africa. URL: https://www.academia.edu/25168893/Maslows_Theory_of_Human_Motivation_and_its_Deep_Roots_in_Individualism_Interrogating_Maslows_Applicability_in_Africa (дата обращения: 27.05.2026).
8. Moore B.A. Challenging Maslow's Hierarchy of Needs. URL: https://cwp.missouri.edu/2021/challenging-maslows-hierarchy-of-needs-exploring-perspectives-of-latino-migrant-adolescents-in-u-s-agriculture/ (дата обращения: 27.05.2026).
9. Ratner C. Contextualism versus positivism in cross-cultural psychology // Perspectives and Progress in Contemporary Cross-Cultural Psychology. 2015. P. 35–47. URL: https://www.academia.edu/123782335/Perspectives_and_Progress_in_Contemporary_Cross_Cultural_Psychology (дата обращения: 27.05.2026).
10. Pilatin A., Hacıimamoğlu T. The relationship between social capital and economic growth on a provincial and regional basis // Economic and Business Review. 2023. Vol. 9. № 3. DOI: 10.18559/ebr.2023.3.799.
11. Ряховская А.Н. Актуальные проблемы реализации государственной экономической политики на современном этапе: антикризисный аспект // Экономика. Налоги. Право. 2024. № 1. Т. 17. С. 106–118. DOI: 10.26794/1999849x-2024-17-1-106-118.
12. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Аргументы недели, 2021. 544 с.
13. Мудрость в слове: пословицы народов севера. URL: https://arctic-children.com/article/mudrost-v-slove/ (дата обращения: 27.05.2026).
14. Пословицы народов России / Под ред. Л.В. Булыгиной. М.: ОлмаМедиаГрупп / Просвещение, 2022. 208 с.
15. Шамба О. Пословицы горских народов Кавказа. URL: http://apsnyteka.org/174-shamba_o2.html (дата обращения: 27.05.2026).
16. Пословицы и поговорки о семье – сборник лучших пословиц о семейных ценностях // Социальный портал Чувашской Республики. URL: https://www.csur.ru/ (дата обращения: 25.05.2026).
17. Даминдарова Ф.В. Отражение духовно-нравственных традиций в пословицах народов Урало-Поволжья // Вестник ЧелГУ. 2008. № 32. С. 61–66.
18. Верховин В.И. Феноменология экономического поведения в русском народном фольклоре // Личность. Культура. Общество. 2011. № 1. С. 113–131.
19. Колкова Н.А. Словарное наследие В.И. Даля как свод правил поведения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 82. С. 24–25.

Regional Identification Capital, Proverbs and Labour Productivity

Anna Borisovna Chernomorets
St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russia)

The intensification of interregional competition for human capital, investment and sustainable employment requires a more precise consideration of intangible development factors related not only to a territory's resource base but also to its value-normative environment. The article aims to substantiate an economic interpretation of proverbs as a paremiological layer of regional identification capital and to show how this layer affects labour motivation, cooperation and labour productivity. The objectives include clarifying the category of regional identification capital, reviewing literature on proverbs as carriers of work norms, comparing paremiological material of the peoples of Russia and constructing a scheme of its economic conversion into the sustainability parameters of regional socio-economic systems. The scholarly value of the paper lies in extending the conceptual apparatus of regional economics by incorporating proverbs into the analysis of reproducible intangible territorial resources. The practical relevance is linked to the use of local value codes in regional policy for employment, population retention, human capital development, tourism and economic security. The study demonstrates that proverbs function not as an autonomous philological object but as a channel of intergenerational transmission of work, reciprocity, responsibility and mastery norms; once embedded in identification and social capital, these norms can reduce transaction costs, strengthen cooperation and improve the sustainability of the regional reproduction circuit.

Keywords: regional identification capital, proverbs, labour productivity, labour motivation, social capital, regional economics, economic security

УДК 341.1/8 : 341
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-375-379
© Бакирова Г.Я., 2026

Таможенная интеграция на евразийском пространстве

Бакирова Гульназ Яновна
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры международных экономических отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: public.mail@ kpfu.ru;
Author ID: 873033)

В современных условиях глобализации и трансформации международных экономических отношений особую значимость приобретают вопросы таможенной интеграции. Исследование посвящено анализу основных направлений развития таможенной интеграции на евразийском пространстве в условиях торговых конфликтов и таможенных барьеров, препятствующих росту международной торговли.

Цель работы – изучение ключевых векторов развития таможенной интеграции в рамках ЕАЭС, включая взаимодействие со странами Большой Евразии, особенно с КНР.

Научная новизна исследования заключается в определении приоритетных направлений таможенной интеграции государств-членов ЕАЭС, включая участие в интеграционных проектах Азиатско-Тихоокеанского региона и цифровую трансформацию экономик стран союза.

Практическая значимость работы состоит в разработке единой стратегии таможенной интеграции на территории ЕАЭС с учётом международно-правовых принципов и цифровых технологий.

В исследовании выявлены особенности развития таможенной интеграции в рамках ЕАЭС, включая формирование цифрового пространства и внедрение инновационных технологий таможенного администрирования. Особое внимание уделено механизмам взаимодействия с партнёрами в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: *евразийское пространство, таможенная интеграция, таможенная политика, Евразийский экономический союз, Большая Евразия, цифровое пространство стран ЕАЭС*

Для цитирования: *Бакирова Г.Я. Таможенная интеграция на евразийском пространстве // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 375–379. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-375-379.*

Усиление международной конкуренции оказывает значительное влияние на различные интеграционные процессы в мире, в т.ч. формирование общего рынка, где государства стремятся создавать единые правила и процедуры, применяемые во взаимной торговле товарами и услугами. Определение основных форм и направлений в вопросах сотрудничества государств, в том числе таможенной интеграции, зависит от многих внешних и внутренних факторов, в частности, технологического развития, социально-демографического, географического, внешней конъюнктуры и существующих конкурентных преимуществ.

Таможенная интеграция – это процесс сближения и объединения таможенных правил и процедур между различными странами с целью облегчения международной торговли и увеличения эффективности таможенных процедур путем упрощения этих процедур, ускорения процесса транспортировки товаров и уменьшения затрат на прохождение таможенного контроля. Среди существующих форм таможенной интеграции выделяются тамо-

женные союзы. Так, на евразийском пространстве одной из форм региональной таможенной интеграции выступает Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в основу функционирования которого положен Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный 29.05.2014 в г. Астане Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией (Договор о ЕАЭС) [1]. Позднее к нему присоединились Республика Армения [2] и Кыргызская Республика [3].

Согласно ст. 2 Договора о ЕАЭС под таможенным союзом понимается единая таможенная территория, в пределах которой во взаимной торговле не применяются таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, а также действуют Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС), Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза (ЕТТ ЕАЭС) и единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьей стороной [1]. С 2001 по 2014 гг. функционировало Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), основными целями которого было создание Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Одной из основных перспектив развития таможенной интеграции является расширение таможенных союзов и существующих зон свободной торговли, а также создание новых. ЕАЭС является открытым объединением, к которому могут присоединиться новые государства-кандидаты. Помимо государств-членов Союза статусом наблюдателей обладают Куба, Молдова, Узбекистан. С Вьетнамом, Ираном, Сербией и Сингапуром у ЕАЭС заключены соглашения о свободной торговле.

По своей правовой природе ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью (п. 2 ст. 1 Договора о ЕАЭС). В преамбуле Договора о ЕАЭС государства-члены ЕАЭС выразили согласие на соблюдение норм, правил и принципов Всемирной торговой организации (ВТО). Данное положение означает, что государства-члены ЕАЭС и государства-кандидаты по вступлению в ЕАЭС должны учитывать принципы и нормы «права ВТО», так как учреждение ЕАЭС должно содействовать торговле между составляющими его территориями и не создавать «барьеров для торговли других договаривающихся сторон с этими территориями» (ст. XXIV.4 Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г.). Единая политика государств-членов ЕАЭС в сфере таможенных отношений создает основу для свободного перемещения товаров и услуг, капитала и рабочей силы, а также проведения скоординированной, согласованной и (или) единой политики в отраслях экономики (п. 1 ст. 1 Договора о ЕАЭС).

Основными регуляторами таможенных отношений в ЕАЭС являются международные договоры и акты, составляющие право Союза. При этом национальные нормы государств-членов ЕАЭС, касающиеся таможенного регулирования, применяются только при отсутствии урегулирования соответствующих правоотношений международными договорами и актами Союза [4]. Так, в Российской Федерации действует Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 49 также указано, что положения ТК ЕАЭС имеют приоритет перед иными регулирующими таможенные отношения международными договорами, входящими в право Союза, за исключением Договора о ЕАЭС (абз. 1 п. 3 ст. 6 Договора и п. 4 ст. 1 ТК ЕАЭС) [6].

Общие принципы функционирования Таможенного союза государств-членов определены в п. 1 ст. 25 Договора о ЕАЭС [1]. Данные принципы конкретизированы непосредственно в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС), утвержденном Договором о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11.04.2017 (Договор о ТК ЕАЭС) [4]. В соответствии со ст. 1 ТК ЕАЭС на территории Союза осуществляется единое таможенное регулирование.

В Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (Декларация), утвержденной Распоряжением Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) от 06.12.2018 № 9, были определены основные векторы развития интеграционного сотрудничества [7]. На основе ее были разработаны «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», утвержденные Решением ВЕЭС от 11.12.2020 № 12, которые установили ключевые условия и механизмы для гармоничного развития и сближения экономик государств-членов, а также инвестиционной и инновационной политики [8].

Из вышеуказанных стратегических направлений обратим внимание на направление, связанное с совершенствованием таможенного регулирования в рамках Союза, в том числе формированием цифрового пространства Союза и цифровых инфраструктур. В современном мире процесс цифровизации стал неотъемлемой частью развития различных сфер деятельности, в том числе в рамках ЕАЭС. Цифровизация в сфере таможенного регулирования означает применение новых информационных технологий и автоматизации процессов для обеспечения более эффективного и быстрого прохожде-

ния таможенных процедур. Особое внимание уделяется использованию искусственного интеллекта, электронного декларирования и методов обработки больших объемов данных, внедрению новых методов организации системы управления рисками и автоматизации таможенных операций.

Вопросы, связанные с цифровой экономикой, становятся все более значимыми в планах развития как ЕАЭС, так и Российской Федерации в качестве основы экономического роста. Так, реализация «Цифровой повестки» в рамках ЕАЭС до 2025 г. предусматривает следующие приоритеты проработки инициатив: цифровая прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов; цифровая торговля союза; цифровые транспортные коридоры союза [9]. Развитие электронного декларирования стало следствием появления и распространения центров электронного декларирования (ЦЭД) и электронных таможен (ЭТ), а также введения обязательного электронного формата для декларирования. Эти изменения позволили существенно усовершенствовать процесс декларирования товаров в электронной форме. В соответствии с ч. 3 ст. 95 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ФЗ № 289-ФЗ) и ч. 3 ст. 104 ТК ЕАЭС, таможенное декларирование осуществляется в электронной форме. Однако существуют исключения из этого правила, установленные п.п. 1–5 ч. 4 ст. 104 ТК ЕАЭС и постановлением Правительства РФ, в силу ч. 4 ст. 95 ФЗ № 289-ФЗ [5].

В целом развитие электронного декларирования и внедрение электронных технологий в таможенную деятельность позволяет повысить эффективность работы таможенных органов и улучшить качество предоставления услуг. Тем самым ТК ЕАЭС позволяет в процессе совершения таможенных операций использовать таможенными органами государств-членов ЕАЭС весь потенциал информационных систем и информационных технологий, и, следовательно, Цифровой повестки ЕАЭС.

Среди значимых целей реализации Цифровой повестки ЕАЭС определены создание условий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в цифровом пространстве, а также формирование единого цифрового рынка ЕАЭС. Это означает устранение преград и ограничений, которые могут возникать при использовании цифровых технологий в сфере международной торговли, предоставлении услуг, перемещении капитала и перемещении рабочей силы, а также создание такого рынка, где предполагается снижение ограничений и гармонизация правил в сфере цифровой экономики между государствами-членами ЕАЭС. Осуществление таких инициатив должно способствовать развитию единого пространства для цифровых товаров, услуг и инноваций, а также обеспечивать равные условия для участия хозяйствующих субъектов в цифровой экономике.

Кроме того, в «Стратегии развития таможенной службы до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 № 1388-р, закреплено, что цифровизация и автоматизация деятельности таможенных органов выступает как ключевой целевой ориентир [10]. Для достижения этой цели предусмотрено активное использование методов обработки больших объемов данных и искусственного интеллекта в рамках проекта цифровой трансформации. Одним из направлений этой трансформации является автоматизация и интеллектуализация процесса совершения таможенных операций в пунктах пропуска, включая электронное декларирование, что позволяет уменьшить влияние человеческого фактора и повысить эффективность таможенного администрирования. Внедрение новых методов организации системы управления рисками (СУР) также является важным аспектом цифровой трансформации. Данные методы основаны на принципах самообучения, автоматизации и интеллектуализации, что позволяет выявлять потенциальные риски и угрозы в таможенных процессах, обеспечивая более эффективный контроль и снижение рисков.

Таким образом, формирование цифрового пространства ЕАЭС является важным направлением современной таможенной интеграции, которое способствует повышению эффективности, прозрачности и контроля в таможенных процедурах, существенно улучшает процессы таможенного администрирования и создает благоприятные условия для участников международной торговли.

Что касается цели и задач дальнейшего экономического развития ЕАЭС, то они были определены в Решении ВЕЭС от 16.10.2015 № 28 «Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года» (ОНЭР ЕАЭС до 2030 г.) как содействие в достижении и поддержании качественного и устойчивого экономического роста государств-членов и Союза в целом за счет реализации их конкурентных преимуществ [11].

Реализация указанной цели будет обеспечиваться за счет интеграционных мер и действий по основным направлениям в сферах экономики, обладающих интеграционным потенциалом, а также за счет перераспределения торговых потоков в рамках функционирования Таможенного союза и зоны свободной торговли, что создаст большие возможности для привлечения прямых иностранных инвестиций из третьих стран.

Одним из крупных проектов современности по вопросам интеграционного сотрудничества на ев-

разийском пространстве является проект «Большая Евразия». Главная концепция проекта «Большая Евразия» предусматривает развитие интеграционного сотрудничества в рамках региональных проектов с участием таких международных организаций как ЕАЭС, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и Европейский Союз (ЕС), где особое внимание уделяется сотрудничеству России, Китайской Народной Республики (КНР) и ЕС.

ЕАЭС стремится развивать сотрудничество в интеграционных проектах АТР посредством создания общих зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон. Примером такого взаимодействия является Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), подписанное 8 мая 2015 г. между РФ и КНР, которое предусматривает создание единой транспортной структуры, расширение таможенного сотрудничества, повышение роли национальных валют [12].

17 мая 2018 г. между ЕАЭС и его государствамичленами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны, было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве (Соглашение), где в формате консультаций определены основные сферы взаимодействия, в том числе по вопросам таможенного регулирования, вступившее в силу 25 октября 2019 г. [13]. В рамках реализации данного Соглашения стороны установили, что основными целями таможенного сотрудничества являются упрощение таможенных операций для ускоренного перемещения товаров и снижения издержек участников внешнеэкономической деятельности, внедрение информационных технологий и механизма «единого окна» для таможенного контроля организация интеллектуального таможенного взаимодействия путем создания интеллектуальных таможенных границ и развитие интеллектуальной взаимосвязи при взаимодействии таможенных ведомств. Такой механизм сотрудничества получил название «Концепция трех интеллектуальных сфер» [14], который позволит развивать и ускорять обмен информацией, создаст условия для взаимного признания электронной документации.

Следующим шагом в области реализации цифровой политики между ЕАЭС и КНР стало Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы ЕАЭС и КНР, подписанное 6 июня 2019 г. и вступившее в силу 21 ноября 2020 г., где предусмотрено, что информация о товарах будет поступать в единый реестр, который будет охватывать товары, транспортируемые посредством автомобильного, железнодорожного, воздушного, водного транспорта и при использовании транспортных средств, предназначенных непосредственно для международных перевозок [15].

Таким образом, формирование цифрового пространства и цифровых инфраструктур на евразийском пространстве направлены на упрощение таможенных процедур, изменение уровня взаимодействия и развитие экономического сотрудничества. Перспективы развития отношений между ЕАЭС и КНР имеют инновационную направленность, которая выражается в организации электронных таможенных деклараций и их взаимном признании, гармонизации системы прослеживаемости товаров, а также создании механизмов «единого окна» и дальнейшем создании единой информационной системы. В целом же развитие таможенной интеграции государств ЕАЭС и Большой Евразии будет способствовать формированию общих рынков, международной конкурентоспособности ЕАЭС, а также гармонизации таможенно-тарифного регулирования.

Литература:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/ (дата обращения: 27.03.2026).
2. Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (подписан 10.10.2014 в г. Минске). URL: https://docs.eaeunion.org/documents/236/9683/ (дата обращения: 27.03.2026).
3. Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (подписан 23.12.2014 в г. Москве). URL: https://docs.eaeunion.org/documents/236/1400/ (дата обращения: 27.03.2026).
4. Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и отдельные международные договоры, входящие в право Евразийского экономического союза, в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (подписан 08.05.2015 в г. Москве). URL: https://docs.eaeunion.org/documents/236/10098/ (дата обращения: 27.03.2026).
5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 г.) // СПС Гарант.
6. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 17.04.2026) // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5082.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» // Российская газета. 2019. № 276.
8. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/4047/ (дата обращения: 27.03.2026).
9. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 N12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL: https://docs.eaeunion.org/documents/368/5597/ (дата обращения: 27.03.2026).
10. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/320/3264/ (дата обращения: 27.03.2026).
11. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
12. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 № 28 «Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023 (дата обращения: 27.03.2026).
13. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 27.03.2026).
14. Соглашение о торгово-экономическом между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны от 17 мая 2018 г. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023 (дата обращения: 27.03.2026).
15. Формирование «единого окна» и интеллектуальную таможню обсудили представители ЕЭК и Китая. URL: https://eec.eaeunion.org/news/formirovanie-«edinogo-okna»-i-intellektualnuyu-tamozhnyu-obsudili-predstaviteli-eek-i-kitaya/ (дата обращения: 27.03.2026).
16. Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики от 06.06.2019. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202011230071 (дата обращения: 27.03.2026).

Customs Integration in the Eurasian Space

Gulnaz Yanovna Bakirova
Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

In the current conditions of globalization and transformation of international economic relations, issues of customs integration are becoming particularly significant. The study is devoted to the analysis of the main directions of development of customs integration in the Eurasian space under the conditions of trade conflicts and customs barriers that hinder the growth of international trade.

The purpose of the work is to study the key vectors of development of customs integration within the EAEU, including interaction with the countries of Greater Eurasia, especially with the People's Republic of China.

The scientific novelty of the research lies in determining the priority directions of customs integration of the EAEU member states, including participation in integration projects of the Asia-Pacific region and the digital transformation of the economies of the union countries.

The practical significance of the work consists in developing a unified strategy for customs integration on the territory of the EAEU, taking into account international legal principles and digital technologies.

The study reveals the features of the development of customs integration within the EAEU, including the formation of a digital space and the introduction of innovative customs administration technologies. Special attention is paid to the mechanisms of interaction with partners in the Asia-Pacific region.

Keywords: Eurasian space, customs integration, customs policy, Eurasian Economic Union, Greater Eurasia, digital space of the EAEU countries

УДК 338.22
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-380-385
© Кудрявцев К.А., Миронова И.Б., Миронов А.А., 2026

Модели развития финансового рынка в рамках задач обеспечения экономической безопасности России

Кудрявцев Константин Александрович
Доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета
(424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3; e-mail: kudryvtsev_konst@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2286-5155; SPIN-код: 9145-0532)

Миронова Ирина Борисовна
Кандидат экономических наук, профессор, профессор института экономики и управления Высшей экономической школы Тихоокеанского государственного университета
(680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136; e-mail: 013085@togudv.ru; ORCID: 0000-0002-4451-5490; SPIN-код: 4803-2971)

Миронов Алексей Александрович
Кандидат экономических наук, научный сотрудник Поволжского государственного технологического университета
(424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3; e-mail: logrus8350@gmail.com; ORCID: 0009-0005-1915-782X; SPIN-код: 8839-3583)

Анализ истоков зарождения финансового рынка показал, как из посредников банки превратились в монополистов, которые начали диктовать правила развития реальному сектору экономики, отмеченное привело к угрозам экономической безопасности, что определяет актуальность темы исследования. В связи с этим, цель исследования состоит в изучении трансформации моделей развития финансового рынка, а также в выявлении основных угроз экономической безопасности на финансовом рынке. Для достижения указанной цели были исследованы теоретические вопросы моделей финансовых рынков и установлено, что для адаптации работы финансового рынка к задачам обеспечения экономической безопасности России необходимо увеличить оборот национальной валюты. Научная новизна работы состоит в определении угроз экономической безопасности, не способствующих эффективному развитию финансового рынка России. Практическая значимость работы обусловлена исследованием состава финансового рынка, его инфраструктуры, институтов, участников, а также анализом и сравнением величины активов управляющих компаний и банковской сферы.

По итогам исследования авторами были раскрыты основные вехи трансформации финансового рынка, а также выявлены угрозы экономической безопасности на финансовом рынке, ниве-

лирование которых будет способствовать более эффективной защите интересов на соответствующих уровнях субъектно-объектных отношений в экономике страны.

Ключевые слова: *финансовый рынок, экономическая безопасность, модели финансового рынка, угрозы экономической безопасности*

Для цитирования: *Кудрявцев К.А., Миронова И.Б., Миронов А.А. Модели развития финансового рынка в рамках задач обеспечения экономической безопасности России // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 380–385. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-380-385.*

Финансовый рынок: инфраструктура, институты и участники

Финансовый рынок, как и любой рынок, имеет определенные границы: временные, географические, продуктовые. Последние определяют состав финансового рынка России: валютный рынок, денежный рынок, рынок государственных ценных бумаг, рынок корпоративных ценных бумаг и рынок драгоценных металлов.

И.А. Анцибор и Н.И. Осипова изобразили указанные рынки в виде схемы (рис. 1) и заменили термин «рынок» на «сегмент» для более наглядного разделения финансового рынка на составляющие.

В свою очередь, указанные рынки (сегменты финансового рынка) предоставляют определенные продукты потребителям. Для того чтобы потребители могли приобрести эти продукты, необходима соответствующая инфраструктура. Следовательно, «инфраструктура финансового рынка – это специальные организации, которые обслуживают сделки с финансовыми активами, проводят контроль и расчеты по таким сделкам, учет и переход прав на финансовые активы, а также осуществляют сбор, хранение и предоставление информации, необходимой для эффективного функционирования финансового рынка» [2].

Сделки и информация являются основой функционирования финансового рынка. В связи с этим финансовому рынку необходимы определенные институты, т.е. правила игры, которые формируются определенными юридическими лицами, к таким лицам можно отнести:

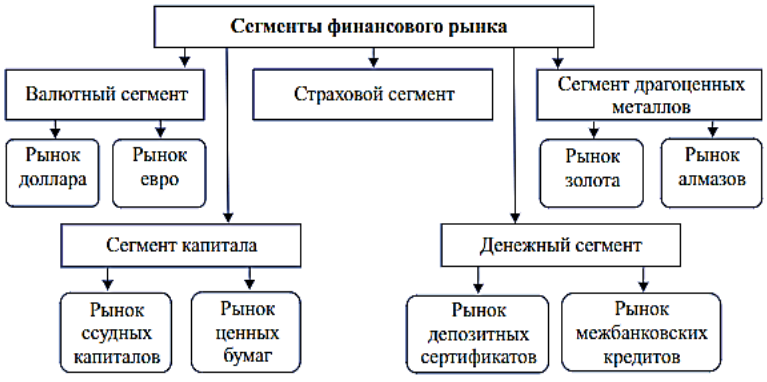

Рис. 1. Основные сегменты современного национального финансового рынка [1]

– биржи и иные организаторы торговли, которые составляют торговую инфраструктуру;

– систему быстрых переводов денежных средств, которая входит в платежную инфраструктуру;

– репозитарии, регистраторы, депозитарии и клиринговые организации, относимые к учетной системе и необходимые для формирования определенных записей по счетам о сделках и дальнейшего подтверждения прав на приобретенные ценные бумаги;

– рейтинговые агентства, бюро кредитных историй, ценовые центры, администраторы, формирующие финансовые индикаторы, которые относят к информационной инфраструктуре.

Указанные институты финансового рынка определяют участников рынка, т.е. субъектов действующих на нем: «банки, небанковские кредитные организации (НКО), негосударственные пенсионные фонды (НПФ), страховые организации (СО), управляющие компании (УК), профессиональные участники рынка ценных бумаг (ПУРЦБ) (в том числе брокеры, дилеры, инвестиционные советники), операторы финансовых платформ (ОФП) и другие операторы финансовых услуг, микрофинансовые организации (МФО), кооперативы (ЖНК, КПК, СКПК), ломбарды, бюро кредитных историй (БКИ), актуарии и другие. Все они должны получить разрешение Банка России о допуске на финансовый рынок. В зависимости от вида организации это может быть как лицензия, так и включение сведений в реестр или аккредитация» [3].

Рассмотренный состав финансового рынка, его инфраструктура, институты, участники определяют текущую модель финансового рынка в России, мегарегулятором которой является Центральный банк Российской Федерации (Банк России).

Генезис финансового рынка

Для понимания направлений развития финансового рынка и проблем, возникающих при его функционировании, в том числе с увязкой с задачами обеспечения экономической безопасности в России необходимо обратиться к истокам зарождения финансового рынка.

Государственный банк был создан при Александре II в 1860 г. Изначально банк занимался выдачей коммерческих кредитов и

«должен был способствовать оживлению торговых оборотов и упрочению денежной кредитной системы» [4]. В 1895–1897 гг. был введен золотой стандарт (1 руб. обеспечивался 0,77 граммами чистого золота). После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. была произведена национализация банков, и банковскую деятельность могло осуществлять только государство.

В.И. Ленин писал, что основная функция банков – это посредничество в платежах. Однако в скором времени из посредников общество получает монополистов, которые распоряжаются деньгами, производствами и сырьем. В этом В.И. Ленин видел капиталистический империализм, который необходимо было остановить [5], что и произошло, как было указано выше, посредством национализации банковской сферы. Отрицательной стороной капитализма В.И. Ленин видел концентрацию капитала, которая была показана на примере Германии, Франции и Англии. «В конце 1909 года 9 берлинских крупных банков, вместе с примыкающими к ним банками, управляли 11,3 миллиарда марок, т.е. около 83 % всей суммы немецкого банковского капитала» [5]. Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и в современной России. Так, на июнь 2025 г. среди 352 банков основные активы имеют:

1) Сбербанк – 58 715 655 715 тыс. руб.
2) ВТБ – 32 907 194 942 тыс. руб.
3) Газпромбанк – 17 195 662 439 тыс. руб.
4) Альфа-Банк – 11 296 350 553 тыс. руб.
5) НКЦ (Национальный клиринговый центр) – 8 703 081 342 тыс. руб.
6) Россельхозбанк – 5 500 185 508 тыс. руб.
7) Т-Банк – 4 741 714 327 тыс. руб.
8) Московский кредитный банк (МКБ) – 4 710 378 764 тыс. руб.
9) Совкомбанк – 3 936 139 526 тыс. руб.
10) Банк ДОМ.РФ – 3 690 458 807 тыс. руб. [6].

Указанная концентрация капитала привела к тому, что лидеры банковского сектора, являясь по сути монополистами, определяют правила игры: например, устанавливают завышенные процентные ставки по кредитам, извлекая сверхприбыль. Это противоречит задачам экономической безопасности, поскольку тормозит модернизацию производственно-технической базы отраслей реального сектора, сдерживает рост производительности труда, усугубляет уровень бедности и имущественного неравенства, а также препятствует эффективной занятости и мобильности трудовых ресурсов [7]. Следовательно, концентрация капитала в банковском секторе представляет угрозу экономической безопасности: обладая рыночной властью, монополист способен как направить финансовые ресурсы на развитие приоритетных направлений, так и, напротив, установить такие условия, которые блокируют развитие целых отраслей.

Как отмечали К. Маркс и В.И. Ленин, конкуренция ведет к концентрации капитала, которая в свою очередь прокладывает путь к монополии. При этом и самим регуляторам присуща концентрация. Так 1 сентября 2013 г. Банк России стал мегарегулятором финансовых рынков – после упразднения Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР), которая ранее регулировала рынки ценных бумаг, страхования, негосударственных пенсионных фондов, товарных бирж и другие сегменты. Таким образом, помимо обеспечения стабильности банковского сектора, на ЦБ были возложены функции по регулированию, контролю и развитию иных частей финансового рынка.

Модели финансового рынка и угрозы экономической безопасности

Традиционно выделяют европейскую (банковскую) и англо-американскую (небанковскую) модели. Т.К. Блохина указывала, что «в европейской модели основными участниками отношений являются банки и в соответствии с этим центральный банк государства является основной регулирующей инстанцией (наиболее яркие примеры – Германия, Австрия, Бельгия). В англо-американской модели финансового рынка ведущая роль принадлежит инвестиционным институтам, и небанковские органы выступают регуляторами рынка (Великобритания, США)» [8]. При этом, по мнению Т.К. Блохиной, в России модель финансового рынка представляла собой синтез банковской и небанковской моделей. С указанным можно согласиться до момента создания мегарегулятора. Следовательно, сегодня модель финансового рынка в России является банковской. Проведем анализ динамики активов кредитных организаций (табл. 1).

По данным таблицы 1 основная масса активов принадлежит банковскому сектору, остальные участники рынка занимают незначительные доли. Также можно отметить, что ни пандемия коронавирусной инфекции, ни Специальная военная операция не привели к снижению роста активов на финансовом рынке.

В англо-американской (небанковской) модели, как было указано выше, более развиты инвестиционные институты. Анализ размера активов 50 крупнейших банков США за 1 квартал 2025 г. показал, что активы крупнейшего банка США *JPMorgan Chase & Co* увеличились за 1 квартал 2025 г. на 355,04 млрд долл. США и составили 4,358 трлн долл. [10]. Первая десятка банков имеет общую величину активов 17,7 трлн долл., что значительно превосходит величину активов топ-10 банков в России (151,3 трлн руб. или 1,94 трлн долл. при курсе 78 руб. за долл. на 18.07.2025 г.).

Инвестиционные институты США в странах запада представлены различными инвестиционными фондами. По состоянию на 2025 г. активы инвести-

Таблица 1

Динамика активов субъектов инфраструктуры финансового рынка России, млрд руб.

Дата	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Активы кредитных организаций	85 725	88 735	103 713	120 272	134 620	167 830	199 243
Активы страховых компаний	3167	3067	3450	3523	3719	4168	-
Активы в управлении управляющих компаний	-	-	-	14 857	20 907	26 296	27 695
Активы микрофинансовых институтов	230	257	301	308	413	562	637
Активы профессиональных участников рынка ценных бумаг на брокерском обслуживании	11 300	14 300	18 900	14 600	16 900	24 579,3	25 024,4
Активы профессиональных участников рынка ценных бумаг на ИИС	197	376	551	446	470	594,6	644,3

2025 г. на 01.01.2025 или на последнюю отчетную дату [9].

ционной компании *BlackRock* составляли 11,6 трлн долл. [11], что значительно превышает активы крупнейшего банка США *JPMorgan Chase & Co*. Приведенные данные наглядным образом отражают англо-американскую модель финансовых рынков.

Таким образом, в российской модели финансовых рынков величина активов управляющих компаний (27 695 млрд руб.) была в 7 раз ниже активов в банковской сфере (199 243 млрд руб.), и наоборот, в США по топ-10 банков общая величина активов составляла 17,7 трлн долл., инвестиционных управляющих компаний – 45,2 трлн долл., т.е. разница в 2,55 раза в пользу компаний. Следовательно, низкая доля на финансовых рынках инвестиционных управляющих компаний и, в том числе, их сращивание с банковской сферой является угрозой экономической безопасности для России.

Далее обратимся к теоретическим вопросам моделей финансовых рынков.

Пересечение кривой спроса и предложения дает равновесную цену на рынке, т.е. графическая модель, построенная на эмпирических данных, может показать равновесие на рынке, т.е. существует невидимая рука рынка А. Смита. В этом суть классической политической экономии, которая предполагает невмешательство государства в регулирование рынков.

Финансовая система основана на предоставлении денег в долг, т.е. кредитах. При этом на финансовом рынке может возникнуть пузырь, когда на рынке было выдано слишком много кредитов и велик риск их невозврата. В этот момент времени вкладчики стремятся закрыть вклады, банки перестают выдавать оборотные средства предприятиям, возникает паника, приводящая к рецессии экономики.

F. Betz приводит индекс фондового рынка *NASDAQ* в США за период с 1970 по 2010 гг. (рис. 2).

Индекс вырос с 1998 г. по 2000 г. в 3 раза, затем пузырь лопнул, и фондовый рынок потерял миллиарды долларов, после индекс вернулся обратно к 1998 г. Аналогичная ситуация была и в 2008 г.

F. Betz также указывал, что в основе финансовых моделей неокейнсианцы рассматривали нестабильность, т.е. совершенные рынки подвергаются нестабильности через внешние системы. В связи с этим возникли две научные школы: экзогенная, основанная на теории равновесия, и эндогенная, основанная на теории неравновесия [13].

Важную роль в формировании моделей финансовых рынков, как отмечал А.А. Сидоров сыграли две мировые войны, которые привели к истощению финансовых ресурсов государств, которые требовались на восстановление городов, приобретение оборудования и продовольствия. Версальский договор, заключенный на Парижской конференции 1919 г., не решил проблем восстановления экономик. Вместо золотого стандарта был установлен золотодевизный стандарт (Генуэзская конференция 1922 г.). Однако войны центральных банков привели к тому, что Англия, Италия, Франция и ряд других государств вернулись обратно к золотому стандарту. В июле 1944 г. состоялась Бреттон-Вудская конференция, которая собрала представителей 44 государств, в том числе США, Англии, СССР и т.д. Итогом конференции стало создание Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Обе организации разместились в США.

Таким образом, американский доллар стал главной международной резервной валютой (как писал

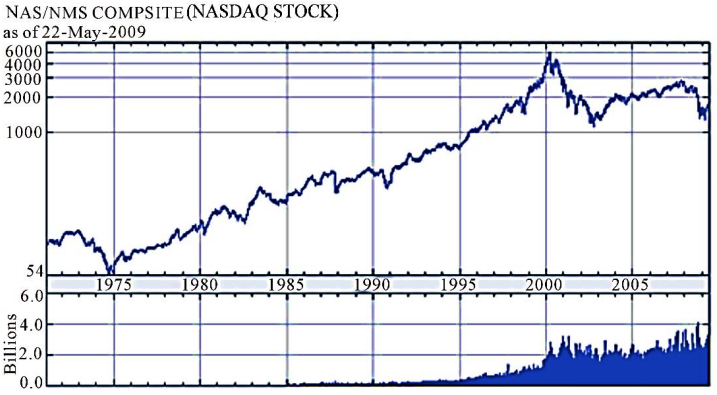

Рис. 2. Индекс фондового рынка США *NASDAQ* 1970–2010 гг. [12]

F. Betz одним из главных факторов финансовой подсистемы являются деньги как средство обмена стоимостью), что способствовало расширению участия США в международной торговле и их влиянию на макроэкономические показатели других стран. Советский Союз так и не ратифицировал соглашение по итогам Бреттон-Вудской конференции, хотя и подписал Заключительный акт. В 1976 г. состоялась Ямайская конференция, по итогам которой золотой стандарт, которым обеспечивался доллар, был отменен, однако американский доллар не перестал быть международной резервной валютой [14].

Англия проиграла США борьбу за мировой финансовый центр, созданный МВФ, который ограничивал торговлю валютой банками. В связи с этим финансовый сектор США искал пути возобновления высокодоходных операций, которые удавалось совершать во времена Второй мировой войны. Инструмент был найден в 1955 г., когда английский *Midland Bank* предоставил повышенные проценты по депозитам в долларах, что и привело к появлению офшорного финансового центра Лондонского Сити (института, который не подчиняется правилам английского государства и не регулируется Банком Англии) [15].

Таким образом, Англия вернула себе роль игрока на финансовом рынке, что также привело к появлению рынка евродолларов. Кроме того, цена золота в долларах определяется на Лондонской бирже, и с 2015 г. котировки определяют представители Великобритании, США, Швейцарии, Китая, Канады и Франции, что также свидетельствует об основных игроках на мировых финансовых рынках [16].

Российская Федерация является членом МВФ с 1992 г. (Постановление Правительства Верховного совета Российской Федерации от 22.05.1992 № 2815-1 «О вступлении Российской Федерации в Международный валютный фонд и Международную ассоциацию развития») [17]. Следовательно, участие России в МВФ предполагало так или иначе использование в торговле американского доллара с ограниченными процентами по депозитам.

Таким образом, для того чтобы адаптировать работу финансовых рынков к задачам обеспечения экономической безопасности России, например, модернизации производственно-технической базы отраслей реального сектора экономики и т.д., необходимо увеличить оборот национальной валюты (как это сделали США по итогам Бреттон-Вудской конференции), т.е. рубля. Указанное осуществляется Россией в международной торговле через стран-участниц БРИКС «основанное в 2006 году межгосударственное объединение Федеративной Республики Бразилии, Российской Федерации, Республики Индии, Китайской Народной Республики и (с декабря 2010 г.) Южно-Африканской Республики» [18].

Кроме того, несмотря на указанную концентрацию капитала отдельными лидерами в российском банковском секторе (что не способствует экономической безопасности при модернизации производства), по-прежнему размер активов банков страны отстает от размера активов в ведущих банках США. Однако для создания ситуации по увеличению обеспеченного ликвидного долга и получению выгод в будущем, т.е. использования кредитного плеча необходимы более дешевые деньги, что требует снижения ключевой ставки Центральным Банком России.

Следовательно, интеграция России с мировой экономикой не способствовала решению задач обеспечения экономической безопасности страны. России необходим собственный финансовый рынок, кроме того, необходимо устранение структурных сдвигов в экономике страны.

Заключение

Финансовая система призвана распределять финансовые потоки в экономике через взаимодействие различных субъектов на финансовом рынке. Генезис финансового рынка показал, что в России рынок прошел несколько этапов – зарождение и развитие, ликвидацию в связи с прошедшей национализацией и возрождение. При этом финансовый рынок современной России трансформировался от синтеза англо-американской (небанковской) и европейской (банковской) моделей до банковской модели. В процессе исследования были определены угрозы экономической безопасности, не способствующие эффективному развитию финансового рынка России:

– концентрация капитала лидерами банковского сектора;

– низкая доля на финансовых рынках инвестиционных управляющих компаний, и в том числе, их сращивание с банковской сферой;

– недостаточный оборот национальной валюты, а также высокая ключевая ставка Банка России.

Нивелирование указанных угроз будет способствовать решению задач обеспечения экономической безопасности страны.

Литература:

1. Анцибор И.А., Осипова Н.И. К вопросу о применении инструментов нейтрализации рисков на сегментах финансового рынка // Сибирская финансовая школа. 2022. № 2: С. 47–55.
2. Инфраструктура финансового рынка // Банк России. URL: https://cbr.ru/finm_infrastructure/ (дата обращения: 11.02.2026)
3. Участники финансового рынка // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/finorg/ (дата обращения: 11.02.2026).

4. Центральный банк Российской Федерации – главный эмиссионный и денежно-кредитный регулятор страны // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/about_br/history/ (дата обращения: 11.02.2026)
5. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. М.: АСТ, 2021. 224 с.
6. Рейтинги банков // Банки. Ру. URL: https://www.banki.ru/banks/ratings/?PAGEN_1=1 (дата обращения: 11.02.2026)
7. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
8. Блохина Т.К. Российская модель финансового рынка: противоречия и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2012. № 2. С. 65–72.
9. Некредитные финансовые организации (НФО) и саморегулируемые организации // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ https://www.cbr.ru/statistics/nfo/ (дата обращения: 05.07.2025).
10. 50 largest US banks by total assets, Q1 2025 // URL: https://www.spglobal.com/market-intelligence/en/news-insights/articles/2025/5/50-largest-us-banks-by-total-assets-q1-2025-89121851 (дата обращения: 07.07.2025).
11. The 15 largest investment funds in 2025 // URL: https://www.alphagamma.eu/entrepreneurship/the-15-largest-investment-funds-in-2025/ (дата обращения: 08.07.2025)
12. Betz F. Disequilibrium Pricing Theory-Bubbles and Recessions // Theoretical Economics Letters. 2014. Vol. 4. № 1. DOI: 10.4236/tel.2014.41009.
13. Betz F. Models of Financial Markets // Asian Business Research. 2016. № 1(2). P. 30. DOI: 10.20849/abr.v1i2.88.
14. Сидоров А.А. Бреттон-Вудская конференция и строительство послевоенного мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. Т. 6. № 4. С. 140–184. EDN: https://elibrary.ru/tygeav
15. Spencer H. Tax-havens: Review/Essay of "Treasure islands" 'Uncovering the damage of offshore banking & tax havens' by Nicholas Shaxson (2011) // ResearchGate. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/349506967.
16. Влияние курса доллара на цену золота // Золотой монетный двор. URL: https://zoloto-md.ru/info/articles/vliyanie-kursa-dollara-na-czenu-zolota?srsltid=AfmBOoqimRkNdFuFe-8jK9il7G41uyXv2tFzn5jHSXal42DBie41nJdL дата обращения: 17.07.2025)
17. Международный валютный фонд (МВФ) // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/about_br/ip/momo/ (дата обращения: 17.07.2025)
18. БРИКС // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/about_br/ip/momo/ (дата обращения: 17.07.2025)

Financial Market Development Models within the Framework of Ensuring Russia's Economic Security

Konstantin Alexandrovich Kudryavtsev[1], Irina Borisovna Mironova[2], Alexey Alexandrovich Mironov[1]
[1]Volga State Technological University (Yoshkar-Ola, Russia),
[2]Pacific State University (Khabarovsk, Russia)

An analysis of the origins of the financial market revealed that banks evolved from intermediaries into monopolists who began dictating the rules of development for the real sector of the economy, leading to threats to economic security. This underscores the relevance of this research topic. Therefore, the aim of this study is to examine the transformation of the financial market development model and identify the main threats to economic security in the financial market. To achieve this goal, theoretical aspects of financial market models were explored, establishing that adapting financial market operations to Russia's economic security objectives requires increasing the circulation of the national currency. The scientific novelty of this study lies in identifying threats to economic security that hinder the effective development of the Russian financial market. An examination of the financial market's composition, infrastructure, institutions, and participants, as well as an analysis and comparison of the asset values of management companies and the banking sector, underscore the practical significance of this work.

Based on the study's findings, the authors identified key milestones in the financial market transformation and threats to economic security in the financial market. Addressing these threats will contribute to more effective protection of interests at the relevant levels of subject-object relations in the country's economy.

Key words: financial market, economic security, financial market models, threats to economic security

УДК 35.08:338.24
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-386-390
© Папикян А.П., 2026

Доктринальные подходы к классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих недопустимость доказательств

Папикян Андраник Паруйрович
Преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета
(350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: papikyan622@mail.ru)

В статье исследуются доктринальные подходы российской уголовно-процессуальной науки к классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств из уголовного судопроизводства. Автор обосновывает необходимость научной систематизации процессуальных дефектов, обусловленную отсутствием в УПК РФ исчерпывающего перечня таких нарушений и рассредоточенностью требований к доказыванию по множеству норм. Анализируются концептуально различные подходы к систематизации нарушений, предложенные ведущими отечественными процессуалистами. Обобщаются результаты современных диссертационных исследований, предлагающих многоуровневые системы оснований недопустимости доказательств. Автор приходит к выводу о наличии устойчивого ядра классификационных моделей при множественности методологических подходов, что отражает сложность и многоаспектность феномена нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств в уголовном процессе.

Ключевые слова: *недопустимые доказательства, классификация нарушений уголовно-процессуального закона, правила допустимости доказательств, процессуальная форма доказывания, исключение доказательств, процессуальные гарантии, уголовное судопроизводство, доказательственная деятельность, систематизация процессуальных дефектов*

Для цитирования: *Папикян А.П. Доктринальные подходы к классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих недопустимость доказательств // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 386–390. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-386-390.*

Институт допустимости доказательств занимает центральное место в системе процессуальных гарантий законности уголовного преследования и объективности правосудия. Эффективность его функционирования во многом зависит от того, насколько чётко правоприменитель способен идентифицировать нарушения уголовно-процессуального закона, которые должны влечь исключение доказательств. Между тем действующий УПК РФ не предлагает исчерпывающего перечня таких нарушений. Ст. 75 УПК РФ устанавливает общую формулу недопустимости доказательств через указание на «нарушение требований настоящего Кодекса», конкретизируя лишь несколько отдельных случаев в ч. 2 данной статьи. Такая нормативная конструкция объективно порождает потребность в научной систематизации процессуальных дефектов, влекущих недопустимость доказательств.

Значение классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих недопустимость доказательств, выходит за рамки простого упорядочивания нормативного материала. Научно обоснованная классификационная модель этих нарушений выполняет несколько принципиально

важных функций в механизме применения положений о допустимости доказательств. Она структурирует разнородные требования УПК РФ, выявляя логические связи между ними и показывая системность процессуальной формы доказывания. Она позволяет дифференцировать нарушения по степени их влияния на достоверность доказательственной информации и на процессуальные гарантии участников уголовного судопроизводства. Наконец, классификация создаёт методологическую основу для последовательной проверки соблюдения всех групп требований закона при оценке допустимости конкретного доказательства, что снижает риск субъективизма и обеспечивает предсказуемость правоприменительных решений.

Российская уголовно-процессуальная наука в последние два десятилетия активно разрабатывает проблематику классификации нарушений, влекущих недопустимость доказательств. Анализ доктринальных источников позволяет выделить несколько концептуально различных подходов к систематизации процессуальных дефектов, каждый из которых высвечивает определённые аспекты института допустимости доказательств.

Наиболее разработанной и систематизированной представляется концепция Р.В. Костенко, который предложил структурировать требования к допустимости доказательств через систему «правил допустимости». В своих работах учёный последовательно обосновывает четыре таких правила: правило надлежащего субъекта получения доказательств, правило надлежащего процессуального источника доказательств, правило надлежащего способа собирания доказательств и правило надлежащего порядка проведения следственных и иных процессуальных действий по получению доказательств [1–4]. Логика данной модели заключается в последовательном охвате всех фундаментальных параметров доказательственной деятельности. Доказательство рассматривается как результат сложного процессуального действия, которое характеризуется четырьмя измерениями: субъектом, осуществляющим действие; источником, из которого извлекается информация; способом её получения и фиксации; процедурой, в рамках которой это происходит. Нарушение любого из этих параметров создаёт дефект в процессуальной форме доказательства, что может повлечь его недопустимость.

Важно отметить динамичность концепции Р.В. Костенко. В более поздних работах автор ставит вопрос о трансформации процессуальных стандартов допустимости применительно к «цифровой эпохе» и электронным доказательствам, что свидетельствует о способности предложенной модели адаптироваться к меняющимся условиям доказывания [5]. Эта адаптивность представляется существенным методологическим достоинством классификации, поскольку уголовно-процессуальная действительность непрерывно эволюционирует под влиянием технологических изменений.

Концепция «правил допустимости» получила признание в российской уголовно-процессуальной доктрине и стала отправной точкой для дальнейших научных разработок. Ряд исследователей развивают и уточняют эту модель, внося в неё дополнительные измерения или акцентируя отдельные аспекты.

С.А. Пяшин, анализируя правила оценки допустимости доказательств, обращает внимание на необходимость различения нарушений формы и нарушений существа процессуальных гарантий [6]. По мысли автора, четырёхэлементная структура требований к доказыванию должна дополняться критерием существенности нарушения каждого из этих требований. Не всякое отступление от процессуальных предписаний автоматически влечёт недопустимость доказательства. Правоприменитель должен оценивать, затронуло ли конкретное нарушение ядро процессуальных гарантий или осталось в зоне формальных дефектов, не повлиявших на качество доказательственной информации и на права участников уголовного процесса. Такой подход вносит в классификационную модель элемент градации нарушений по их тяжести и правовым последствиям.

Н.В. Лантух формулирует критерии проверки и оценки допустимости доказательств при осуществлении уголовного преследования, выделяя не только формально-процессуальные параметры, заложенные в четырёхэлементной модели, но и содержательные характеристики самой доказательственной информации [7]. Автор указывает, что оценка допустимости не может ограничиваться проверкой соблюдения процедуры получения доказательства. Необходимо также анализировать, обладает ли полученная информация свойствами относимости и достоверности, поскольку процессуальные нарушения нередко коррелируют с дефектами содержания доказательства. Нарушение права обвиняемого на защиту при допросе создаёт не только процессуальный дефект, но и ставит под сомнение достоверность полученных показаний. Таким образом, классификация нарушений должна учитывать как формальные, так и материальные аспекты доказательственной деятельности.

Оригинальный методологический подход предлагает В.С. Балакшин. В своей фундаментальной работе, посвящённой допустимости доказательств, он конструирует «алгоритм оценки допустимости», который представляет собой последовательность проверочных действий, осуществляемых при анализе процессуальной формы доказательства [8]. Данный алгоритм ориентирован не столько на классификацию нарушений как статических объектов, сколько на динамику их выявления и правовой оценки. Тем не менее предложенная система проверочных дей-

ствий имплицитно содержит классификационную модель. Автор выделяет требования к субъекту доказывания, к процессуальной форме следственного действия, к соблюдению прав участников процесса, к оформлению протокола и приобщению доказательств к материалам уголовного дела. Значимость подхода В.С. Балакшина заключается в акцентировании процессуальной динамики оценки допустимости доказательств. Он показывает, что различные группы требований закона (УПК РФ) проверяются на разных стадиях уголовного процесса и различными субъектами юрисдикции, что вносит в проблему классификации нарушений процессуальное измерение. В другой работе В.С. Балакшин анализирует феномен недопустимости доказательств и обращает внимание на различие между абсолютной и относительной недопустимостью доказательств, что указывает на необходимость учитывать в классификации не только характер нарушения, но и его правовые последствия [9].

Интересную перспективу в классификацию нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, вносят исследования, посвящённые «асимметрии» правил допустимости доказательств. Отдельные авторы обращают внимание на то, что требования к допустимости доказательств обвинения и доказательств защиты неодинаковы [10]. Конституционные и процессуальные гарантии прав обвиняемого, презумпция невиновности, правило толкования сомнений в пользу обвиняемого создают асимметричную систему уголовно-процессуальных требований, где защита находится в привилегированном положении. Эти работы ставят вопрос о возможности классификации нарушений не только по формальному критерию процессуального дефекта, но и по критерию того, чьи интересы затрагивает нарушение и на какую сторону оно влияет. Такой подход отражает состязательную природу уголовного судопроизводства и различный режим процессуальных гарантий для участников, представляющих обвинение и защиту.

К.А. Титова и И.В. Литвинова исследуют критерии допустимости электронных данных, ставя вопрос о применимости традиционных правил допустимости к цифровым носителям информации [11]. Появление электронных доказательственных данных поставило под сомнение универсальность классических уголовно-процессуальных форм доказывания. Цифровая информация обладает специфическими свойствами: она легко копируется и модифицируется, её подлинность и неизменность требуют специальных технических средств верификации, её источник нередко сложно установить с достоверностью. В этой связи авторы указывают на возможность построения специальных классификаций нарушений УПК РФ применительно к отдельным видам доказательств: показаниям, вещественным доказательствам, протоколам следственных действий, заключениям экспертов, иным документам. Каждый вид доказательства характеризуется специфическими процессуальными требованиями к его получению, что порождает специфические виды нарушений УПК РФ.

Существенный вклад в разработку проблематики классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, внесли диссертационные исследования последнего десятилетия, специально посвящённые институту допустимости доказательств. В.В. Терехин в своей докторской диссертации предлагает многоуровневую систему оснований (нарушений) признания доказательств недопустимыми, которая включает нарушения конституционных прав личности, нарушения уголовно-процессуальной формы и нарушения этических стандартов получения доказательств [12]. Автор обращает внимание на то, что некоторые способы получения доказательств, формально не запрещённые УПК РФ, могут противоречить этическим нормам и общественным представлениям о допустимых методах расследования, что должно учитываться при оценке допустимости доказательства.

Е.А. Маркина акцентирует внимание на правозащитной функции института допустимости доказательств, что позволяет ей классифицировать нарушения УПК РФ, влекущие исключение доказательственных материалов, по критерию того, какие именно права личности они ущемляют: право на защиту, право на неприкосновенность жилища, право не свидетельствовать против себя и близких родственников [13]. Такая классификация нарушений высвечивает конституционно-правовую природу института допустимости доказательств и показывает, что процессуальные гарантии доказывания представляют собой механизм реализации и защиты фундаментальных прав человека в сфере уголовной юстиции.

Ю.А. Кожевникова подробно исследует процедуру исключения недопустимых доказательств, что позволяет ей выделить категории нарушений в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, на которой они могут быть установлены [14]. Автор показывает, что различные нарушения УПК РФ, влекущие исключение недопустимых доказательств, обладают различной «видимостью» на разных стадиях процесса. Некоторые дефекты могут быть выявлены уже на досудебном производстве, другие обнаруживаются только в судебном заседании первой инстанции при исследовании доказательств, третьи становятся очевидными лишь в кассационном или надзорном производстве при пересмотре судебных решений.

С.А. Сущенко осуществил сравнительно-правовое исследование недопустимости доказательств

в российском уголовном процессе и в процессуальных системах англо-американской и континентальной правовых семей [15]. Компаративистский анализ позволил автору выявить универсальные и специфические критерии классификации нарушений. В англо-американской традиции доминирует функциональная классификация нарушений по их влиянию на достоверность доказательств и на конституционные права обвиняемого. В континентальной традиции преобладает формально-процессуальная классификация по характеру нарушенных процессуальных правил доказывания.

М.С. Ремизова анализирует формирование допустимых доказательств в условиях состязательного уголовного процесса и обращает внимание на то, что состязательность предполагает дифференцированный режим процессуальных гарантий для стороны обвинения и стороны защиты [16]. Эта дифференциация должна учитываться при классификации нарушений, влекущих исключение доказательств. Нарушения, совершённые стороной обвинения при собирании доказательств, влекут более строгие последствия, чем аналогичные дефекты со стороны защиты, что отражает конституционный принцип презумпции невиновности и правило о толковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого.

Проведённый обзор доктринальных подходов показывает, что российская уголовно-процессуальная наука не выработала единой, общепризнанной классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств. Различные исследователи акцентируют различные аспекты процессуальных дефектов, влияющих на исключение недопустимых доказательств. Эта множественность подходов отражает сложность и многоаспектность самого феномена нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, который не может быть редуцирован к одному измерению. Вместе с тем большинство авторов, независимо от своих методологических предпочтений, признают, что процессуальная форма допустимого доказательства складывается из четырёх основных элементов: надлежащего субъекта получения, надлежащего процессуального источника, надлежащего способа собирания и надлежащего порядка производства процессуальных действий. Эта четырёхэлементная структура обладает концептуальной устойчивостью и методологической универсальностью, что позволяет рассматривать её как базовую классификационную модель нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, которая может дополняться и обогащаться иными классификационными критериями в зависимости от целей конкретного исследования или практического применения.

Литература:

1. Костенко Р.В. Первое правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Уголовное судопроизводство России: историческое наследие и современные проблемы теории и практики реализации: мат. Всеросс. науч.-практ. конф. Краснодар: Издат. Дом «Юг», 2014. С. 126–138.
2. Костенко Р.В. Второе правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 184–188.
3. Костенко Р.В. Третье правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики в современном мире: мат. Всеросс. научн.-практ. конф., Краснодар, 22 декабря 2020 года / Отв. ред. Т.Г. Бородинова. Краснодар: ООО «Издательский Дом – Юг», 2021. С. 81–87.
4. Костенко Р.В. Четвёртое правило допустимости доказательств в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: мат. Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. Ч. 1. С. 161–170.
5. Костенко Р.В. Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 1. С. 30–35.
6. Пяшин С.А. О некоторых правилах оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 119–124.
7. Лантух Н.В. Критерии проверки и оценки допустимости и достоверности доказательств при осуществлении уголовного преследования // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 2. С. 85–96.
8. Балакшин В.С. Проверка и оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе. М.: Издат. дом «Юрлитинформ», 2024. 408 с.
9. Балакшин В.С. «Феномен» понятия и свойства недопустимости доказательств в российском уголовном процессе // Законность. 2022. № 3. С. 33–38.
10. Ревина И.В., Бондарева А.В., Гусеян Г.О., Выходцева А.В., Гайджари В.А., Каверин К.Р. К вопросу об асимметрии правил допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Современная научная мысль. 2025. № 2. С. 277–281.
11. Титова К.А., Литвинова И.В. К вопросу о возможности применения существующих критериев допустимости доказательств к электронным доказательствам в Российском уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридиче-

ского института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 2 (91). С. 144–151.
12. Терехин В.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этический аспекты): дисс. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 510 с.
13. Маркина Е.А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2000. 191 с.
14. Кожевникова Ю.А. Исключение недопустимых доказательств из разбирательства уголовного дела: дисс. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 247 с.
15. Сущенко С.А. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2020. 262 с.
16. Ремизова М.С. Теоретические и правовые основы формирования допустимых доказательств в условиях состязательного уголовного процесса: дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2025. 319 с.

Doctrinal Approaches to the Classification of Violations of Criminal Procedure Law Resulting in the Exclusion of Inadmissible Evidence

Andranik Paruyrovich Papikyan
Kuban State University (Krasnodar, Russia)

The article examines doctrinal approaches of Russian criminal procedure science to the classification of violations of criminal procedure law that result in the exclusion of inadmissible evidence from criminal proceedings. The author substantiates the necessity of scientific systematization of procedural defects, conditioned by the absence of an exhaustive list of such violations in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the dispersion of evidentiary requirements across multiple provisions. Conceptually different approaches to the systematization of violations proposed by leading Russian proceduralists are analyzed. The results of contemporary dissertation research are generalized, and multilevel systems of grounds for evidence inadmissibility are examined. The author concludes that there exists a stable core of classification models despite the multiplicity of methodological approaches, which reflects the complexity and multifaceted nature of the phenomenon of criminal procedure law violations resulting in the exclusion of inadmissible evidence in criminal proceedings.

Keywords: inadmissible evidence, classification of criminal procedure law violations, rules of evidence admissibility, procedural form of proof, exclusion of evidence, procedural guarantees, criminal proceedings, evidentiary activity, systematization of procedural defects

УДК 336.71
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-391-396
© Сизова А.И., Драйлинг Д.В., 2026

Основные этапы эволюции мобильного банковского приложения в России: от транзакционного сервиса к эмоционально-понятному инвестиционному интерфейсу

Сизова Анастасия Ильинична
Ассистент кафедры маркетинга
Института управления, экономики и финансов
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: AnasISizova@kpfu.ru;
ORCID: 0009-0003-0165-1956; SPIN: 6273-6657)

Драйлинг Дмитрий Викторович
Партнер по работе с ключевыми клиентами ООО «Компания БКС»
(420107, Казань, ул. Островского, д. 87; e-mail: AnasISizova@kpfu.ru)

Статья посвящена эволюции мобильных банковских приложений в России от информационных сервисов к экосистемам с инвестиционными функциями в период с 2010 г. по настоящее время в условиях ускоренной цифровой трансформации финансового сектора. Научная значимость исследования заключается в новом подходе к анализу эволюции мобильных банковских приложений, учитывающем возрастание когнитивной и эмоциональной нагрузки на пользователей и опирающемся на идеи поведенческой экономики и нейромаркетинга. Практическая ценность работы состоит в рекомендациях по проектированию инвестиционно-банковских интерфейсов, направленных на снижение когнитивной перегрузки и эффективное управление эмоциональными реакциями клиентов в условиях высокого риска. На основе анализа теоретических подходов (поведенческая экономика, когнитивная нагрузка, эмоциональный дизайн, нейромаркетинг) предложена классификация четырёх этапов развития с акцентом на усложнение когнитивной и эмоциональной среды принятия решений. Особое внимание авторы уделяют инвестиционно-банковским приложениям как высшей стадии эволюции финансовых приложений, где эмоционально-понятный сервис выступает ключевым фактором доверия и защиты пользователей от рисков. Научная новизна исследования состоит в систематизации этапов развития мобильного банкинга в России через призму пользовательского опыта и обосновании необходимости эмоционально-понятного инвестиционного интерфейса.

Ключевые слова: *мобильный банкинг, инвестиционно банковские приложения, эмоционально понятный сервис, пользовательский опыт, когнитивная нагрузка, нейромаркетинг*

Для цитирования: *Сизова А.И., Драйлинг Д.В. Основные этапы эволюции мобильного банковского приложения в России: от транзакционного сервиса к эмоционально-понятному инвестиционному интерфейсу // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 391–396. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-391-396.*

Введение

Цифровая трансформация финансового сектора в России привела к тому, что мобильные банковские приложения из вспомогательного канала обслуживания превратились в основной интерфейс взаимодействия населения с финансовой системой. Если в начале 2010-х гг. приложение мобильного банка выполняло роль дополнения к физическому отделению банка, ограничиваясь базовыми информационными и платёжными функциями, то к 2020 г. оно стало финансовым центром в носимом устройстве, интегрирующим платежи, кредиты, страхование, инвестиции и доступ к государственным и государственно-интегрированным сервисам.

Более остро последствия этой эволюции проявляются в сегменте инвестиционно-банковских приложений, предоставляющих розничным пользователям доступ к высокорисковым финансовым инструментам (акции, облигации, фонды, деривативы, структурные продукты) в интерфейсе массового потребительского сервиса. Пользователь действует здесь в условиях ограниченной рациональности, информационной асимметрии и высокой когнитивной нагрузки, а решения сопровождаются выраженными эмоциональными реакциями на риск. Вместе с тем история развития мобильных банковских приложений в России ещё недостаточно систематизирована с позиций смены функциональных и риск-профилей, а также трансформации требований к пользовательскому опыту.

Цель настоящей статьи предложить классификацию основных этапов эволюции мобильного банковского приложения в России и продемонстрировать, как эта эволюция подводит к постановке задачи эмоционально-понятного сервиса инвестиционно-банковских приложений.

Основная часть

Современное понимание мобильного банковского приложения как среды принятия финансовых решений опирается на ряд пересекающихся теоретических направлений: поведенческую экономику риска, когнитивную психологию, эмоциональный дизайн и нейромаркетинг.

Поведенческая экономика рассматривает пользователя инвестиционно-банковского приложения как агента, который принимает рискованные решения в условиях ограниченной рациональности, опирающегося на эвристики и широко подверженного когнитивным искажениям. Теория перспектив Д. Канемана и А. Тверски показывает асимметрию восприятия выигрышей и потерь и значимость эффекта фрейминга, что напрямую связано с тем, как интерфейс приложения структурирует информацию о доходности и рисках. Работы П. Словика о «*risk as feelings*» (от англ. – «риск как ощущение») подчёркивают, что страх, тревога и ощущение угрозы часто доминируют над формальной оценкой вероятностей. Это указывает на то, что эмоциональный контекст интерфейса становится не менее важен, чем содержание финансово-экономических данных.

В рамках исследований пользовательского опыта цифровых финансовых сервисов важным теоретическим основанием выступают модели двойственного процесса, выделяющие интуитивную и аналитическую системы мышления. Они позволяют рассматривать интерфейс как среду, в которой пользователь постоянно переключается между быстрыми эмоциональными откликами и небыстрой рациональной обработкой информации. В условиях инвестиционного приложения первичные реакции на визуальные стимулы, формулировки и маркеры (особенно прибыли и убытка) относятся к интуитивному уровню. Тогда как анализ сложных продуктов и сценариев требует задействования аналитического уровня (второй умственной системой, выделяемой Д. Канеманом).

Теория когнитивной нагрузки предлагает развитый инструментарий для оценки сложности пользовательских сценариев и интерфейсных решений. Различение внутренней, внешней и сопутствующей нагрузки позволяет отделить элементы, сложность которых обусловлена природой финансового продукта (например, структура портфеля, налоговые последствия), от избыточной нагрузки, возникающей из-за неудачной визуальной организации интерфейса, переизбытка терминологии и сложной сценарной архитектуры. Для инвестиционных приложений с высокой плотностью числовой и текстовой информации это имеет принципиальное значение, поскольку связано с вероятностью ошибок и субъективным ощущением нагрузки.

Концепция эмоционального дизайна задаёт рамки анализа того, как визуальный язык, микротексты, подсказки и механизмы обратной связи формируют эмоциональный фон взаимодействия с финансовым сервисом. Клиентский опыт при этом понимается как последовательность эмоционально значимых эпизодов («микровпечатлений»), совокупность которых определяет отношение пользователя к бренду и его готовность доверять сервису в субъективных ситуациях риска.

Нейромаркетинг и нейрокогнитивные подходы предлагают инструменты регистрации неосознаваемых реакций на интерфейс (технология отслеживания положения глаз, ЭЭГ, кожно-гальваническая реакция, анализ мимики). То есть у современных ученых есть инструментарий, который позволяет более точно исследовать, как внимание, память и эмоции участвуют во взаимодействии с мобильными банковскими и инвестиционными приложениями.

Исходя из вышесказанного, нами предлагается не ограничиваться рассмотрением эволюции мобильных банковских приложений лишь с позиций расширения функционала их последовательных

итераций. Мы предлагаем включить в анализ разрез последовательного усложнения когнитивной и эмоциональной среды, в которой принимаются финансовые решения в контексте мобильного банковского-инвестиционного приложения.

Эволюция мобильного банкинга в России может быть описана как последовательность этапов, различающихся по функциональной насыщенности, роли приложения в клиентском опыте и уровню связанных с ним рисков. На основе анализа отраслевых обзоров, статистики Банка России и исследовательских отчётов по мобильному банкингу выделены четыре ключевых этапа: информационные приложения, переход к управлению счетами, массовый мобильный банкинг, суперприложения и экосистемы.

На первом этапе (начало 2010-х гг.) мобильные приложения выполняли преимущественно информационную функцию. Пользователь мог лишь изучить баланс и историю операций, оплатить мобильную связь и получить ограниченный набор услуг, тогда как сложные операции требовали либо визита в офис, либо использования интернет-банка. Целевая аудитория ограничивалась технологически продвинутыми клиентами крупных городов, воспринимавшими мобильный банк как удобный, но необязательный сервис.

На втором этапе (в середине 2010-х гг.) происходит переход к полноценному управлению счетами: добавляются переводы между картами и счетами, оплата ЖКХ и других массовых услуг, подача заявок на кредиты и карты, функция становится близка к интернет-банку. Банковское приложение начинает рассматриваться как основной канал для типовых операций, особенно среди городского населения среднего возраста.

Третий этап (с конца 2010-х до начала 2020-х гг.) характеризуется формированием массового мобильного банкинга: приложение превращается в «финансовый центр в смартфоне», который позволяет управлять всеми основными продуктами (счета, карты, кредиты, вклады), приобретать страховые продукты и инвестиционные инструменты, пользоваться маркетплейсами финансовых услуг. На этом этапе ведущую роль в России играет Тинькофф Банк, изначально строивший бизнес без сети отделений и нормализовавший для пользователей формат полностью дистанционного взаимодействия. На тот момент пользователям стало понятно, что доступ к качественным, надежным финансовым продуктом возможен и без физического взаимодействия с представителями банков. Пандемийный период ускоряет эту трансформацию: оформление вкладов и кредитов, подписание документов, перевыпуск карт и получение справок становятся доступными через смартфон, а необходимость посещения отделения резко снижается повсеместно.

Современный, или четвёртый этап (2020-е гг.), связан с превращением мобильных приложений в элементы экосистем и суперприложения. Помимо банковских операций, в них интегрируются покупки, доставка, страхование, телеком-сервисы, цифровые государственные услуги; широко используются персонализация, биометрия и аналитика на основе искусственного интеллекта. «Сбербанк Онлайн» становится примером функционально насыщенного экосистемного приложения, через которое значительная часть населения ежедневно осуществляет платежи, переводы и взаимодействует с различными сервисами.

Предложенная классификация обобщённо представлена в таблице 1, где для каждого этапа фиксируются временной период, ключевые характеристики и доминирующая аудитория. Следует подчеркнуть, что каждый последующий этап не отменяет преды-

Таблица 1

Основные этапы эволюции мобильного банковского приложения в России (2010 г. – н.в.)

Этап	Временной период	Ключевые характеристики	Аудитория
Информационные приложения	Начало 2010-х гг.	Просмотр баланса и истории операций, простые платежи (мобильная связь, отдельные счета); минимальный функционал без сложных операций	Технологически продвинутые пользователи крупных городов, ранние последователи цифровых сервисов
Переход к управлению счетами	Середина 2010-х гг.	Переводы между счетами и картами, оплата ЖКУ, подача заявок на кредиты и карты, постепенное приближение функционала к интернет-банку	Более широкий круг клиентов активных банков, в основном городское население среднего возраста
Массовый мобильный банкинг	Конец 2010-х – начало 2020-х гг.	Приложение становится «финансовым центром в смартфоне»: комплексное управление продуктами, инвестиции, страховки, маркетплейсы услуг	Массовая аудитория, значительная часть взрослого населения, активно использующая дистанционные каналы
Суперприложения и экосистемы	2020-е гг. – по настоящее время	Интеграция небанковских сервисов (покупки, доставка, госуслуги), персонализация, биометрия и ИИ-аналитика, роль основного интерфейса финансовой экосистемы	Практически все категории клиентов, включая менее «цифровую» аудиторию, для которой приложение стало стандартным способом взаимодействия с банком

Составлено авторами.

дущий, а надстраивается над ним, увеличивая как функциональную сложность, так и информационную насыщенность интерфейса.

На фоне представленной эволюции обособляется несколько типов мобильных финансовых приложений. Выделяются универсальные розничные банковские приложения, инвестиционно-брокерские и комплексные услуги по управлению частным капиталом (*HNWI (High Net Worth Individuals)* и *UHNWI (Ultra High Net Worth Individuals*)), объединяющие инвестиционные стратегии, налоговое и юридическое планирование, структурирование активов (англ. *Wealth-management* сервисы), специализированные платёжные и *P2P*-приложения, платформенные банковские приложения и приложения для госуслуг с банковской интеграцией.

Универсальные розничные банковские приложения дают доступ к базовым продуктам и услугам, они постепенно становятся ядром цифровой экосистемы банков. Инвестиционно-брокерские приложения ориентированы на операции с ценными бумагами, фондами и производными инструментами и часто интегрируются с мобильным банком через единый интерфейс. Платёжные и *P2P*-приложения фокусируются на быстрых переводах и оплате по *QR*-коду (англ. *Quick Response code* – «код быстрого отклика»), тогда как платформенные приложения объединяют финансовые и нефинансовые сервисы в едином интерфейсе.

С точки зрения риска для типового клиента ключевым различием является характер операций (транзакционные и инвестиционные), сложность продуктов и возможные мошеннические сценарии.

Последние стали особенно актуальны в период всплеска мошеннических схем в 2023 г., когда произошёл кратный рост преступлений в сфере интернет-мошенничества. На основании анализа отраслевой статистики и публикаций Банка России базовый розничный мобильный банк и платёжные приложения характеризуются высоким уровнем операционного и мошеннического риска из-за массовости и популярности каналов, тогда как инвестиционно-брокерские приложения имеют очень высокий совокупный риск, сочетающий инвестиционный риск, операционный риск и риск навязывания сложных продуктов.

Статистические данные последних лет подтверждают рост объёмов мошенничества в дистанционных каналах, включая мобильный банкинг и систему быстрых платежей, а также широкое использование социальных инженерных схем, когда клиенты самостоятельно осуществляют переводы, формально соблюдая аутентификационные процедуры. Это усиливает требования к дизайну интерфейсов, механизмам предупреждения о рисках, дополнительным подтверждениям атипичных операций и поведенческой аналитике.

Сегодня инвестиционно-банковские приложения можно рассматривать как высшую стадию эволюции мобильного банка, в которой функциональная сложность и рискованность операций достигают максимального уровня. В отличие от классического мобильного банка, где доминируют рутинные операции, инвестиционный интерфейс поддерживает сложные сценарии анализа, выбора и исполнения сделок на финансовом рынке.

Центральным интерфейсным ядром инвестиционного приложения становится экран «Портфель», отображающий стоимость активов, их структуру, динамику доходности и ключевые финансовые показатели (прибыль/убыток, изменение за день, доли классов активов). Дополнительные разделы включают ленту рынков (котировки, индексы, новости), торговый терминал (оформление и управление заявками), аналитические блоки (идеи, рейтинги, рекомендации), обучающие материалы и отчётность.

С точки зрения когнитивной нагрузки такие приложения отличаются высокой информационной плотностью, необходимостью параллельной обработки нескольких показателей, частыми межэкранными переходами и употреблением специализированной терминологии. Пользователь вынужден интерпретировать графики доходности, таблицы комиссий, индикаторы риска и налоговые последствия, что создаёт значительные когнитивные затраты и повышает вероятность ошибок, особенно у непрофессиональных инвесторов.

Эти когнитивные требования тесно связаны с эмоциональными реакциями. Экраны с динамикой портфеля и показателями прибыли/убытка, карточки инструментов и графики цен, экраны подтверждения сделок, уведомления о рыночных изменениях и разделы с рекомендациями выступают зонами повышенной эмоциональной вовлечённости. Именно здесь пользователи радуются от прибыли, испытывают тревогу из-за возможных убытков, страх упущенной выгоды, чувствуют сожаление о совершённых или несостоявшихся сделках и стресс перед подтверждением операций. Именно в этих точках визуальный язык, формулировки, подсказки и предупреждения оказывают максимальное влияние на баланс между импульсивными и обдуманными решениями.

В условиях российской цифровой финансовой инфраструктуры инвестиционные приложения дополнительно вписаны в контекст низкого базового доверия населения к финансовым институтам и рынку капитала, а также уже упомянутого широкого распространения онлайн-мошенничества. Недоверие к инвестиционным продуктам усиливает склонность держать сбережения в депозитах или наличной форме, ограничивает глубину рынка капитала и снижает потенциал использования внутренних сбережений для долгосрочных инвестиционных целей. На этом фоне развитие безопасных и эмоциональ-

но понятных инвестиционных сервисов становится фактором не только микрорегулирования и защиты потребителя. Оно приобретает значение также для макроэкономической политики, которая логично должна быть направлена на увеличение капитализации рынка и перераспределение сбережений в продуктивные инвестиции.

Заключение

Предложенная классификация этапов эволюции мобильного банковского приложения в России показывает, что по мере перехода от информационного сервиса к экосистемным суперприложениям и инвестиционным интерфейсам меняется не только функциональная насыщенность, но и структура рисков и требования к пользовательскому опыту.

На ранних этапах основной задачей было обеспечить техническую надёжность и базовое удобство выполнения простых операций. Когнитивная нагрузка и эмоциональные аспекты воспринимались как вторичные, поскольку объем и сложность решений, принимаемых через приложение, были ограничены. Однако по мере того как через мобильное приложение стали проходить всё более сложные и рискованные операции, включая инвестирование и управление долгосрочными финансовыми целями, стало очевидно, что традиционный функционально-ориентированный подход к проектированию интерфейса недостаточен.

Инвестиционно-банковские приложения, аккумулирующие в себе высокий инвестиционный риск, информационную асимметрию и сложность продуктов, выступают естественной точкой, в которой требования к эмоционально понятному сервису становятся критическими. Эмоционально понятный сервис в этом контексте определяется как совокупность интерфейсных и коммуникационных решений, создающих у пользователя восприятие прозрачности, предсказуемости и поддерживающего сопровождения при выполнении рискованных операций, одновременно оптимизируя когнитивную нагрузку и управляя эмоциональными реакциями.

Таким образом, историческая эволюция мобильного банкинга в России задаёт контекст для дальнейших исследований эмоционально понятного сервиса инвестиционно-банковских приложений: от простого «приложения для баланса и платежей» к сложной интерактивной среде принятия решений, в которой доверие, когнитивная нагрузка и эмоциональные реакции становятся ключевыми параметрами качества сервиса. Именно на этом стыке формируется запрос на комплексный нейромаркетинговый анализ пользовательского взаимодействия, лежащий в основе построения эмоционально понятного инвестиционного интерфейса.

Литература:

1. Каленская Н.В., Белобородова А.Л., Ахмадуллин Ш.Т. Нейро-маркетинговое исследование эмоционального восприятия образовательного контента детьми младшего школьного возраста // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2025. Т. 30. № 3. С. 313–334.
2. Каленская Н.В., Лизунова А.А., Шамсутдинова К.А. Исследование поведения потребителей при визуализации негативных последствий // Казанский экономический вестник. 2020. № 1 (45). С. 102–107.
3. Ребрина Т.Г., Зверев А.В., Мишина М.Ю. Тенденции развития мобильного банкинга в россии и за рубежом // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 9-3. С. 416–420. URL: https://vaael.ru/en/article/view?id=2490.
4. Современный маркетинг: традиции и тенденции: монография / [Р.М. Ахметшин, А.Л. Белобородова, Н.В. Каленская и др.]; под ред. проф. Н.В. Каленской; Казанскии федеральный университет. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К?», 2025. 194 с.
5. Artemenko D.A., Zenchenko S.V. Digital technologies in the financial sector: Evolution and major development trends in Russia and abroad // Finance: Theory and Practice. 2021. № 25(3). P. 90–101. DOI: 10.26794/2587-5671- 2021-25-3-90-101.
6. Etembekov R.K. Digital transformation of banking services in Russia // European Journal of Natural History. 2021. № 1. URL: https://world-science.ru/en/article/view?id=34142 (дата обращения: 21.04.2026).
7. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. № 2. P. 263–291.
8. Norman D.A. Emotional Design: Why We Love (or Hate) Everyday Things. New York: Basic Books, 2004. URL: https://www.researchgate.net/publication/224927652_Emotional_Design_Why_We_Love_or_Hate_Everyday_Things.
9. Parasuraman A., Zeithaml V.A., Berry L.L. SERVQUAL: A Multiple-Item Scale for Measuring Consumer Perceptions of Service Quality // Journal of Retailing. 1988. Vol. 64. P. 12–40.
10. Simon H.A. Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting. New York: Wiley, 1957. 287 p.
11. Slovic P. The Perception of Risk // Scientists Making a Difference: One Hundred Eminent Behavioral and Brain Scientists Talk about Their Most Important Contributions. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 179–182.
12. Sweller, J. Cognitive Load During Problem Solving. Cognitive Science, 1988. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1207/s15516709cog1202_4.

13. Объёмы интернет-мошенничества в России за прошедший четырёхлетний период увеличились на 300 % // CISOclub. 2024. URL: https://cisoclub.ru/objomy-internet-moshennichestva-v-rossii-za-proshedshij-chetyrjohletnij-period-uvelichilis-na-300/ (дата обращения: 24.04.2026).
14. Обзор инвестиционных и финансовых сервисов (2023 год I квартал 2024 года) // Банк России, Департамент инфраструктуры финансового рынка. URL: https://ict.moscow/analytics/obzor-invest-servisov-2023-i-2024/ (дата обращения: 24.04.2026)
15. Банк России. Статистика. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ (дата обращения: 24.04.2026).

Key Stages in the Evolution of Mobile Banking Applications in Russia: From a Transactional Service to an Emotionally Clear Investment Interface

Anastasia Ilyinichna Sizova[1], Dmitry Viktorovich Dreiling[2]
[1]Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia),
[2]BKS Company LLC (Kazan, Russia)

This article examines the evolution of mobile banking applications in Russia from information services to ecosystems with investment functions, from 2010 to the present, amidst the accelerated digital transformation of the financial sector. The scientific significance of this study lies in its new approach to analyzing the evolution of mobile banking applications, taking into account the increasing cognitive and emotional load on users and drawing on insights from behavioral economics and neuromarketing. The practical value of this work lies in its recommendations for designing investment banking interfaces aimed at reducing cognitive overload and effectively managing clients' emotional reactions in high-risk environments. Based on an analysis of theoretical approaches (behavioral economics, cognitive load, emotional design, and neuromarketing), a classification of four stages of development is proposed, focusing on the increasing complexity of the cognitive and emotional decision-making environment. The authors pay special attention to investment banking applications as the highest stage of financial app evolution, where an emotionally responsive service is a key factor in building trust and protecting users from risks. The scientific novelty of this study lies in its systematization of the stages of mobile banking development in Russia through the lens of user experience and its substantiation of the need for an emotionally responsive investment interface.

Keywords: mobile banking, investment banking applications, emotionally responsive service, user experience, cognitive load, neuromarketing

УДК 34.096
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-397-400
© Соловьев К.К., 2026

Модель регулирования ИИ в РФ: проблемы и перспективы

Соловьев Кирилл Константинович
Аспирант кафедры административного
и финансового права юридического института
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
(117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; e-mail: beloys-88@mail.ru)

В статье исследуются актуальные проблемы формирования системы правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации. Анализируется существующая нормативно-правовая база, включающая стратегические документы и экспериментальные правовые режимы, выявляются ключевые пробелы в правовом регулировании. Особое внимание уделяется вопросам отсутствия единого понятийного аппарата, проблемам распределения ответственности за действия систем ИИ и недостаточной прозрачности алгоритмов.

Автором рассматриваются современные тенденции развития правового регулирования в сфере искусственного интеллекта, включая внедрение риск-ориентированного подхода и механизмы контроля. В работе обосновывается необходимость создания комплексной системы регулирования, учитывающей как международный опыт, так и национальные особенности.

Исследование направлено на выявление основных проблем правового регулирования ИИ и разработку предложений по совершенствованию законодательной базы, что позволит обеспечить эффективное использование технологий искусственного интеллекта при одновременном соблюдении прав и интересов граждан.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правовое регулирование, административно-правовой статус, риск-ориентированный подход, прозрачность алгоритмов, ответственность за решения ИИ, экспериментальный правовой режим, цифровая трансформация, государственное управление, технологические решения, надзор за ИИ, этическое регулирование, реестр ИИ-систем, объяснимость решений, защита прав граждан*

Для цитирования: *Соловьев К.К. Модель регулирования ИИ в РФ: проблемы и перспективы // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 397–400. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-397-400.*

Правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации формируется постепенно и носит комплексный характер. На сегодняшний день отсутствует единый федеральный закон, который полностью охватывал бы все аспекты использования ИИ. Вместо этого действует совокупность нормативных актов, стратегических документов и экспериментальных правовых режимов. Такой подход позволяет развивать технологии, но одновременно создает правовую фрагментарность.

Основой государственной политики в сфере искусственного интеллекта является Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В нем закреплены ключевые цели развития технологий, включая повышение качества жизни граждан, развитие экономики и обеспечение национальной без-

опасности. Этот документ не является законом, но определяет стратегическое направление развития регулирования [1].

В развитие указанных положений принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г. В ней ИИ рассматривается как приоритетное направление научно-технологического развития страны. Стратегия ориентирует государство на создание условий для внедрения ИИ в различные сферы, включая государственное управление и экономику [2].

Важную роль играет от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве», который вводит экспериментальный правовой режим в городе Москве. В рамках этого режима допускается тестирование технологий искусственного интеллекта в реальных условиях. Закон содержит определение ИИ как комплекса технологических решений, включающего программное обеспечение, инфраструктуру и процессы обработки данных [3]. Однако данный закон имеет ограниченную сферу действия и не формирует общую систему регулирования.

Отдельные аспекты использования искусственного интеллекта регулируются нормами информационного, гражданского и административного права. Например, вопросы обработки персональных данных регулируются Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Однако эти нормы создавались до массового внедрения ИИ и не учитывают его специфики, что создает проблемы при их применении.

На практике основная сложность заключается в отсутствии единого понятийного аппарата. Разные нормативные акты используют различные определения искусственного интеллекта. Это приводит к неопределенности при правоприменении. В научной литературе отмечается, что существующие нормы не охватывают все ИИ-запросы и требуют системного обновления [4, с. 46].

Дополнительной проблемой является распределение ответственности за действия систем искусственного интеллекта. В действующем праве отсутствуют специальные нормы, которые определяли бы, кто несет ответственность за ошибочные решения алгоритмов [5, с. 451]. В результате ответственность возлагается на разработчиков или пользователей, что не всегда отражает реальное распределение ролей [6].

Сложности возникают и в сфере административного регулирования. Органы государственной власти начинают активно использовать ИИ для автоматизации процессов, однако правовая база для этого остается недостаточно развитой. В результате решения, принятые с участием алгоритмов, могут оспариваться по общим правилам, что снижает эффективность административных процедур.

Отдельного внимания требует проблема прозрачности алгоритмов. Многие системы искусственного интеллекта функционируют как «черные ящики», что затрудняет понимание логики их решений. Это создает трудности при судебном и административном контроле [7, с. 220]. В отсутствие четких требований к объяснимости алгоритмов возрастает риск нарушения прав граждан.

В последние годы предпринимаются попытки устранить существующие пробелы. Минцифры подготовило проект рамочного закона, который должен установить общие принципы регулирования искусственного интеллекта. В документе предусматриваются такие меры, как создание реестра ИИ-систем, обязательная маркировка контента и требования к проверке алгоритмов. Однако данный проект находится на стадии обсуждения и вызывает дискуссии.

Часть экспертов отмечает, что предлагаемые меры могут привести к излишней административной нагрузке на разработчиков. В то же время отсутствие регулирования также рассматривается как риск для правовой системы и безопасности граждан.

Таким образом, действующее законодательство России в сфере искусственного интеллекта представляет собой разрозненную систему норм и стратегических документов. Оно обеспечивает базовые условия для развития технологий, но не формирует полноценной правовой модели.

Проблемы правоприменения связаны с отсутствием единого закона, недостаточной определенностью понятий, сложностями в распределении ответственности и ограниченной прозрачностью алгоритмов. Эти факторы затрудняют использование ИИ в административной практике и требуют дальнейшего совершенствования законодательства.

В целом можно сделать вывод, что российская правовая система находится на этапе перехода от экспериментального регулирования к формированию комплексной модели. Дальнейшее развитие законодательства будет зависеть от способности государства обеспечить баланс между инновациями и защитой прав граждан.

Развитие искусственного интеллекта в России требует дальнейшего совершенствования правового регулирования. Существующая модель уже включает стратегические документы и законопроекты, но она не образует единой системы. Это особенно заметно в сфере административно-правового статуса ИИ, где остаются нерешенные вопросы о его месте в правоотношениях, ответственности и контроле [8, с. 45].

Одним из ключевых направлений развития является формирование единого федерального закона об искусственном интеллекте. Такой закон должен

закрепить базовые понятия, включая определение ИИ, уровень автономности систем и критерии их классификации. Сейчас эти элементы разбросаны по разным нормативным актам, что усложняет правоприменение. В перспективе единая правовая основа позволит устранить противоречия и повысить предсказуемость регулирования, однако необходимо устранить текущие недостатки законопроекта Минцифры РФ (к примеру, дать возможность разработчикам языковых моделей обращаться к иностранным источникам для обучения нейросетей).

Важным направлением является развитие риск-ориентированного подхода. Он предполагает разделение систем искусственного интеллекта в зависимости от степени потенциальной угрозы для прав и свобод граждан. Такой подход уже применяется в международной практике и обсуждается в России. В частности, в аналитических материалах отмечается, что регулирование ИИ должно учитывать уровень риска и сферу применения технологий [9].

Для административного права особое значение имеет вопрос распределения ответственности. В действующей модели ответственность возлагается на разработчиков, операторов или владельцев систем. Автор соглашается с этой моделью, однако также считает, что необходимо различать профессионального оператора (например, сотрудника ГИБДД, подписывающего штраф, выставленный нарушителю ПДД при помощи систем, анализирующих скорость и траекторию движения) и простого пользователя (например, пользователя робота-помощника «МАКС» в системе Государственных услуг РФ).

Отдельного внимания требует развитие механизмов прозрачности. В настоящее время многие алгоритмы остаются непрозрачными для пользователей и государственных органов. Это создает трудности при контроле за их деятельностью. В будущем может быть введено обязательное требование по объяснимости решений искусственного интеллекта, особенно в сфере государственного управления [10, с. 140]. Это позволит повысить доверие к цифровым системам и обеспечить защиту прав граждан.

Перспективным направлением является создание специализированного органа по надзору за искусственным интеллектом. Такой орган мог бы осуществлять контроль за разработкой, внедрением и использованием ИИ-систем. В его задачи мог бы входить аудит алгоритмов, ведение реестра систем и оценка рисков. Подобные институты уже обсуждаются в экспертной среде и частично реализуются в зарубежной практике.

Также важным направлением является развитие экспериментальных правовых режимов. Такие режимы позволяют тестировать новые технологии в ограниченных условиях. В России уже применяется механизм «регуляторных песочниц», который дает возможность апробировать ИИ-решения до их массового внедрения. В перспективе такие механизмы могут стать постоянным элементом правовой системы.

Необходимо учитывать и международный опыт. В ЕС активно развивается регулирование искусственного интеллекта на основе риск-ориентированной модели [11]. Это создает ориентир для российской правовой системы. При этом важно учитывать национальные особенности и не копировать зарубежные модели напрямую.

Отдельной задачей является совершенствование административных процедур. Использование ИИ в государственном управлении требует адаптации традиционных механизмов принятия решений. Например, необходимо определить порядок обжалования решений, принятых с участием алгоритмов. Также требуется установить стандарты документирования таких решений.

В научной и экспертной среде подчеркивается, что развитие правового регулирования ИИ должно идти параллельно с технологическим прогрессом. В противном случае возникает разрыв между реальной практикой и нормативной базой.

Перспективным направлением также является развитие этических стандартов. Помимо правовых норм, важную роль могут играть кодексы поведения разработчиков и операторов ИИ. Такие документы могут дополнять законодательство и формировать культуру ответственного использования технологий.

Таким образом, совершенствование административно-правового статуса искусственного интеллекта в России связано с комплексным развитием законодательства, институциональной системы и правоприменительной практики. Основными направлениями являются формирование единого закона, внедрение риск-ориентированного подхода, развитие прозрачности алгоритмов и создание системы надзора.

В долгосрочной перспективе можно ожидать формирования более устойчивой и системной модели регулирования, которая позволит эффективно использовать искусственный интеллект в государственном управлении и одновременно обеспечивать защиту прав граждан.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС Гарант.

2. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Правовое регулирование функционирования систем искусственного интеллекта в Российской Федерации: вектор развития законодательства. URL: https://council.gov.ru (дата обращения: 21.04.2026).
3. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве» // СПС Гарант.
4. Беляева Н.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // Право и государство. 2025. № 3. С. 46–51.
5. Казанцев Д.А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причинённый системами искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3. № 3. С. 451–459.
6. Гайворонская Я.В., Гальчун Е.А. Вред, причинённый искусственным интеллектом: аспекты ответственности и правосубъектности // Advances in Law Studies. 2021. Т. 9. № 4. С. 41–48.
7. Головко Е.Е. К вопросу о принципе прозрачности искусственного интеллекта в контексте феномена «чёрного ящика» // Молодой учёный. 2025. №15 (566). С. 220–226.
8. Маркевич А.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в России: проблемы и перспективы // Государство и право. 2025. №5. С. 45–49.
9. Сравниваем российский закон об ИИ и европейский AI Act // VC.ru. 2026. URL: https://vc.ru/ai/2805069-tsifrovoy-suverenitet-v-2026-rossiyskiy-zakon-ob-ii-i-ai-act-es (дата обращения: 21.04.2026).
10. Петров С.В., Сидорова М.А. Прозрачность искусственного интеллекта: правовые аспекты и механизмы реализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 14. № 2. С. 140–152.
11. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act): Регламент (ЕС) 2024/1689 // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689 (дата обращения: 21.04.2026).

The Model of AI Regulation in the Russian Federation: Problems and Prospects

Kirill Konstantinovich Solovyov
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia)

The article examines the current problems of forming a system of legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation. The study analyzes the existing regulatory framework, including strategic documents and experimental legal regimes, and identifies key gaps in legal regulation. Particular attention is paid to the lack of a unified conceptual framework, problems of distributing responsibility for the actions of AI systems, and insufficient transparency of algorithms.

The author examines modern trends in the development of legal regulation in the field of artificial intelligence, including the introduction of a risk-based approach and control mechanisms. The study substantiates the need to create a comprehensive regulatory system that takes into account both international experience and national characteristics.

The research is aimed at identifying the main problems of AI legal regulation and developing proposals for improving the legislative framework, which will ensure the effective use of artificial intelligence technologies while simultaneously protecting the rights and interests of citizens.

The study emphasizes the importance of developing a unified federal law on artificial intelligence, introducing a risk-based approach, and creating specialized oversight mechanisms. Special attention is paid to the issues of algorithm transparency and responsibility distribution in AI systems.

The results of the research can be used to improve legislation in the field of AI, develop new regulatory acts, and form an effective regulatory system that balances technological development and legal protection.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, administrative-legal status, risk-based approach, algorithm transparency, responsibility for AI decisions, experimental legal regime, digital transformation, public administration, technological solutions, AI oversight, ethical regulation, AI systems registry, decision explainability, protection of citizens' rights

УДК 502.341.8
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-401-404
© Тюрина Н.Е., 2026

Экологическая повестка в контексте международной торговли (международно-правовой аспект)

Тюрина Наталия Евгеньевна
Доктор юридических наук,
профессор кафедры международного права
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: tyurina.natal@yandex.ru;
ORCID 0000-0002-9535-8556; Scopus ID: 57189371718)

Вопросы экологии занимают важное место в ряду глобальных проблем современности. Данная тема не сходит с повестки дня в течение многих десятилетий в различных аспектах, в том числе в связи с осуществлением международной торговли. Целью предлагаемой статьи является исследование роли международной торговли в решении проблем охраны окружающей среды в условиях конфликта интересов развитых и развивающихся стран в данной сфере. В теоретическом аспекте это вопрос межотраслевого взаимодействия в системе международного права. С практической точки зрения это существенно для толкования положений соглашений ВТО. В результате проведенного исследования сделан вывод о необходимости системного подхода к толкованию соглашений ВТО с учетом норм международного экологического права и прав человека.

Ключевые слова: *окружающая среда, международная торговля, ГАТТ, ВТО, развивающиеся страны*

Для цитирования: *Тюрина Н.Е. Экологическая повестка в контексте международной торговли (международно-правовой аспект) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 401–404. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-401-404.*

Озабоченность международного сообщества состоянием окружающей среды находит подтверждение в многочисленных публикациях и мероприятиях научного и практического характера с целью привлечения внимания как к отдельным практикам, представляющим угрозу экологической безопасности, так и к ситуации в данной области в целом. Взаимодействие международного экологического и экономического права [1] как частный аспект фундаментальной проблемы международного права имеет непосредственный выход на реальное состояние окружающей среды.

Еще на Конференции Лиги Наций по вопросам международной торговли, проходившей в 1927 г., обсуждался вопрос об установлении некоторыми государствами запрета на импорт и экспорт некоторых товаров исходя из соображений охраны окружающей среды. Обсудив этот факт, участники Конференции пришли к соглашению, в порядке исключения из взятого курса на всемирную либерализацию торговли, продолжать практику подобных запретов в целях защиты животных и растений от истребления. Однако данная установка впоследствии вызвала озабоченность участников Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Так, в исследовании Секретариата ГАТТ «Контроль над промышленным загрязнением и международная торговля», подготовленного к Стокгольмской конференции ООН по защите окружающей среды 1972 г. отмечалось, что меры по охране окружающей среды, индивидуально принимаемые государствами, чреваты появлением зеленого протекционизма.

В условиях реализации данного курса (в дальнейшем через положения иных охваченных согла-

шений Всемирной торговой организации) и в связи с ухудшением состояния окружающей среды научная дискуссия о совместимости экономических и экологических целей не утрачивает своей остроты. Вместе с тем предпринимаются попытки решения данной проблемы в практической плоскости. Так, стимулирование экологически ответственного поведения наблюдается в международно-правовом регулировании торгово-экономического сотрудничества путем включения в многосторонние договоры, направленные на защиту окружающей среды, положений, предусматривающих принятие мер, ограничивающих торговлю в природоохранительных целях. В частности, в Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г., установлено, что торговля образцами, включенными в прилагаемые к Конвенции перечни, может осуществляться на основе разрешения, исходящего от компетентных органов государства. При этом разрешение на экспорт образцов видов, указанных в Приложении I, выдается только при выполнении следующих условий:

a) научный орган экспортирующего государства вынес заключение, что такой экспорт не угрожает выживанию этого вида;

b) административный орган экспортирующего государства удостоверился в том, что данный образец не был приобретен в нарушение законов данного государства, относящихся к защите фауны и флоры;

c) административный орган экспортирующего государства удостоверился в том, что любой живой образец будет подготовлен и отправлен таким образом, чтобы свести к минимуму риск повреждения, угрозы здоровью или жестокого обращения;

d) административный орган экспортирующего государства удостоверился в том, что было выдано разрешение на импорт этого образца.

Разрешение на импорт аналогичных образцов выдается только при условии, что:

a) научный орган импортирующего государства вынес заключение, что такой импорт производится в целях, которые не угрожают выживанию данных видов;

b) научный орган импортирующего государства удостоверился в том, что предполагаемый получатель живого образца имеет надлежащие условия для содержания образца и ухода за ним;

c) административный орган импортирующего государства удостоверился в том, что образец не будет использован главным образом в коммерческих целях.

В Конвенции определены также условия для реэкспорта, экспорта и импорта образцов, приведенных в Приложениях II и III. Вместе взятые они существенно расширяют правовую основу для введения лицензирования по сравнению с тем, что предусмотрено исключениями из правил Всемирной торговой организации (ВТО), где общим установлением является отказ от разрешительной системы внешнеторговых операций (ст. XI п. 1 ГАТТ). В научных публикациях уже обращалось внимание на то, что увеличивается число случаев, когда появление тех или иных технических барьеров и ограничений вытекает из участия члена ВТО в иных международных соглашениях. Это связано с расширением международного сотрудничества в области стандартизации и защиты окружающей среды [2, с. 29].

Необходимость охраны окружающей среды непосредственно связана с защитой права человека на здоровье и жизнь. По этой причине Россельхознадзор с 16 октября 2023 г. присоединился к временным ограничительным мерам КНР в отношении импорта рыбы и морепродуктов из Японии [3]. Данная мера была принята из предосторожности, оправдываемой тем, что в морскую воду могли попасть радиоактивные остатки после промывки ядерного реактора.

На практике в процессе поиска компромисса между экологическими и экономическими интересами выявляются довольно серьезные проблемы и противоречия между интересами развитых и развивающихся стран.

Прогрессивное законодательство наиболее развитых стран в смысле требований в пользу охраны окружающей среды породило порочную практику, нарушающую права человека в развивающихся странах. Так, в 1982 г. развивающиеся страны выразили свою озабоченность тем, что продукты, запрещенные в развитых странах к использованию вследствие того, что они были получены в условиях загрязненности окружающей среды и опасные для здоровья, экспортируются в развивающиеся страны. Этот вопрос был поднят на Встрече Министров договаривающихся сторон ГАТТ, и в 1989 г. была создана Рабочая группа по экспорту товаров, запрещенных для внутреннего использования, и других опасных веществ. Однако, как в дальнейшем отмечалось в докладе ГАТТ «Торговля и окружающая среда» 1992 г., содействие устойчивому развитию путем применения мер торгового характера вместо осуществления надлежащей экологической политики является дорогостоящим в том смысле, что это ведет к отказу от рационального разделения труда, но неэффективно в плане сокращения вредных выбросов в атмосферу.

В Декларации, принятой в Дохе на Конференции министров стран-участниц ГАТТ 14 ноября 2001 г., охрана окружающей среды была отмечена как важная составляющая устойчивого развития, и подтверждено право члена ВТО на принятие мер для защиты жизни и здоровья человека, животных и растений или окружающей среды: «…цели поддержки и защиты открытой и недискриминационной многосторонней торговой системы, а также цели охраны окружающей среды и содействия устойчи-

вому развитию могут и должны быть взаимодополняющими… …согласно правилам ВТО ни одной из стран не может быть запрещено вводить меры для защиты жизни или здоровья людей, животных или растений, или охраны окружающей среды в той степени, в которой она считает это необходимым, при условии, что они соответствуют положениям Соглашений ВТО и не применяются способом, который может быть средством произвольной или неоправданной дискриминации стран, где преобладают аналогичные условия, или скрытое ограничение международной торговли. Мы приветствуем постоянное сотрудничество ВТО с Программой охраны окружающей среды ООН и другими межгосударственными экологическими организациями. Мы поощряем усилия по развитию сотрудничества ВТО с международными организациями, занимающимися охраной окружающей среды и вопросами развития…» [4].

При этом вновь выявились существенные разногласия по поводу методов исследования последствий либерализации международной торговли для состояния окружающей среды. Развитые страны выступили за проведение с этой целью анализа торговых соглашений, а развивающиеся страны высказались против него из опасения, что в результате такого анализа они могут потерять свои относительные преимущества на мировом рынке. Например, анализ покажет, что субсидирование сельского хозяйства наносит вред окружающей среде, поскольку субсидии в основном используются на удобрения, содержащие пестициды и нитраты. Установление подобных фактов может повлечь за собой практику включения в торговые соглашения положений о мерах по защите окружающей среды, которые окажутся обременительными для развивающихся стран и поставят их в неравные условия в торговле с развитыми странами [5]. В таких условиях возникает угроза нарушения принципа взаимной выгоды и принципа недискриминации.

На 6-й Конференции Министров стран-членов ВТО, проходившей в 2005 г. в Гонконге, Комитету по торговле и окружающей среде было рекомендовано обратить особое внимание на влияние мер по охране окружающей среды на доступ к рынкам, особенно для развивающихся стран, и поставлена задача добиться единообразия экологической политики членов ВТО, не ущемляя прав развивающихся стран. В существующих условиях данная задача выглядит парадоксальной. Как известно, взаимная выгода в торговых отношениях между развитыми и развивающимися странами достигается за счет предоставления развивающимся странам тарифных и нетарифных преференций. Однако этот инструментарий представляется малоэффективным в случае использования тарифных преференций или совершенно неприемлемым в отношении нетарифных преференций. Поскольку тарифные преференции уже существуют, то дополнительное снижение ставок таможенных пошлин на продукцию, произведенную с соблюдением экологических требований, окажется незначительным или нулевым. Нетарифные преференции в виде снижения экологических требований недопустимы в связи с тем, что проблема охраны окружающей среды может быть решена только совместными усилиями всех государств, и какие-либо отступления от надлежащего исполнения соответствующих обязательств даже на ограниченной территории снижают эффективность международного экологического права. Преференции в виде права на предоставление специфических субсидий (в данном случае предназначенных для осуществления экологически чистого производства) вызывают сомнения с точки зрения возможности реализации данного права, поскольку развивающиеся страны не обладают достаточными средствами для дополнительного субсидирования. Таким образом, применение института торговых преференций нельзя рассматривать в качестве действенного инструмента в экологических целях.

Между тем имеют место факты, указывающие на растущее сближение сотрудничества в сфере международной торговли и охраны окружающей среды. То, что международная торговля способна выступать действенным инструментом в решении экологических проблем, находит подтверждение на практике. Так, на 6-й Конференции на уровне министров было согласовано проведение переговоров по снижению и упразднению тарифных и нетарифных барьеров для товаров и услуг, способствующих улучшению окружающей среды (например, из товаров – для воздушных фильтров, из услуг – для регулирования потребления воды). К тому же Органом по разрешению споров ВТО был рассмотрен ряд дел по поводу ограничительных мер, которые вводились в целях, как утверждали соответствующие государства, охраны окружающей среды (Венесуэла, Бразилия *vs* США «Дело о бензине», 1995; «Креветки – черепахи», 1997; ЕС «Дело об асбесте», 2001; Мексика vs США «Тунец», 2012; США, Мексика, ЕС *vs* КНР «Экспорт сырья», 2012; Норвегия и Канада *vs* ЕС «Дело о тюленях», 2013).

В то же время доминирующему мнению о гармонизации экономических и экологических интересов и содействии устойчивому развитию посредством торговли и инвестиций противостоит отрезвляющая статистика ухудшения состояния окружающей среды [6, с. 104; 7]. На 12-й Министерской Конференции ВТО, проходившей в Женеве в 2022 г., было указано на такую проблему глобального характера, как растущий ущерб окружающей среде из-за сверхэксплуатации океанских ресурсов. На тот момент объем мировых субсидий рыболовству оценивался от 14 млрд долл. до 52 млрд долл. в год. Чрезмерный вылов затрагивал 34 % рыбных ресурсов планеты,

тогда как в 1974 г. этот показатель составлял 10 %. В результате дискуссии по данной проблеме был согласован рабочий текст о сокращении субсидий в рыболовной отрасли. Принятие этого документа расценивается как успех 20-летних переговоров и вклад в решение экологической проблемы со стороны ВТО, где экологическая тематика не сходит с повестки дня.

15 сентября 2025 г. Соглашение ВТО [8] по рыболовным субсидиям вступило в силу. По официальным оценкам данное Соглашение ВТО знаменует собой важный шаг на пути к устойчивому развитию Мирового океана, поскольку оно запрещает субсидирование рыболовства, наносящее вред окружающей среде, что является ключевым фактором повсеместного истощения мировых рыбных запасов. Это первое соглашение ВТО, направленное на защиту окружающей среды, и первое всеобъемлющее многостороннее соглашение об устойчивом развитии Мирового океана, имеющее обязательную силу [9].

В Отчете ВТО 2023 устойчивость окружающей среды характеризуется как один из важнейших вызовов современности. В качестве ответа на него требуется усиление международного сотрудничества, которое способно принести дивиденды окружающей среде за счет продвижения зеленой торговли и путем внедрения цифровизации, способствующей интеграции управления в сфере международной торговли и окружающей среды. Озабоченность ВТО экологическими проблемами и попытки содействовать их решению посредством правового инструментария этой организации следует рассматривать в позитивной коннотации. Однако противоречия между интересами развитых и развивающихся стран остаются, и это является препятствием для эффективного внедрения предлагаемых мер. Устранение данных противоречий возможно только совместными усилиями всех экологических и торгово-экономических институтов.

Литература:

1. Боклан Д.С. Международное экологическое право и международные экономические отношения. М.: Магистр, 2025. 272 с.
2. Данильцев А.В., Данилова Е.В., Медведков М.Ю. Основы торговой политики и правила ВТО. М.: Международные отношения, 2006. 445 с.
3. Официальный сайт Россельхознадзор URL: https://fsvps.gov.ru/news/rosselhoznadzor-prisoedinjaetsja-k-ogranichitelnym-meram-kitaja-v-otnoshenii-postavok-rybnoj-produkcii-iz-japonii/ (дата обращения: 13.03.26).
4. Официальный сайт Всемирной торговой организации URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_e.htm (дата обращения: 13.03.26).
5. Искужаев Е.Е. Кузьмина М.В. Экологические аспекты в международной торговле: как международные торговые соглашения влияют на экологические стандарты и защиту окружающей среды // Международный научный журнал «Наука через призму времени». 2026. № 01 (106). URL: https://naupri.ru/journal/4324.php
6. Боклан Д.С. Меры ограничения международной торговли морскими живыми ресурсами в многосторонних соглашениях по защите окружающей среды// Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 1. С. 104–115.
7. Delm Julia. Environmental Justice Challenges to International Economic Ordering Published online by Cambridge University Press: 25 April 2022. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/environmental-justice-challenges-to-international-economicordering/3D50104C877C3D751728D8E0DE879D67 (дата обращения: 13.03.2026).
8. WTO Agreement on fisheries subsidies// URL: https://web.archive.org/web/20240217092614/https://www.wto.org/english/tratop_e/rulesneg_e/fish_e/fish_e.htm (дата обращения: 13.03.2026).
9. Официальный сайт Всемирной торговой организации URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/rulesneg_e/fish_e/fish_e.htm. (дата обращения: 13.03.2026).

Ecological Agenda in International Trade Law (Legal Aspect)

Natalia Evgenievna Tyurina

Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

Ecological issues take an important place among contemporary modern problems and in the global agenda, including the area of international trade. Thus, the article aims at the investigation of the role of international trade in the protection of environment considering the conflict of interests between developed and developing countries. Theoretical aspect of this problem is correlation of the brunches of International Law. Empiric point is the interpretation of WTO provisions. The final conclusion stresses the necessity of system approach to interpretation of the WTO agreements, taking into account the rules of ecological and human rights law.

Key words: environment, international trade, GATT, WTO, developing countries

УДК 343.34
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-405-409
© Хамзяева Ю.Р., 2026

Сравнительно-правовое исследование основных законодательных актов в сфере противодействия терроризму государств-членов ОДКБ

Хамзяева Юлия Радиковна
Кандидат юридических наук,
начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности
Казанского юридического института МВД России
(420018, Казань, ул. Магистральная, 35; e-mail: julia.727@yandex.ru)

Актуальность террористических угроз национальной целостности и социальной стабильности в современном мире продолжает оставаться высокой. Современный терроризм носит транснациональный характер, поэтому противодействие ему должно строиться на активном межгосударственном взаимодействии, особенно между дружественными странами. Схожие задачи в обеспечении антитеррористической безопасности стоят перед государствами-членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Система противодействия терроризму носит комплексный характер, включающий в себя, в том числе, правовое противодействие. Для повышения эффективности борьбы с террористическими угрозами законодательство государств должно носить унифицированный и гармонизированный характер, быть согласованным.

Целью исследования является анализ основных антитеррористических законов государств-членов ОДКБ.

В статье проведен сравнительный анализ Законов «О противодействии терроризму» и «О борьбе с терроризмом» государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. Исследованию подверглись наименования законов и их основные положения.

Проведенное исследование позволило определить перспективные направления сближения законодательства государств ОДКБ в сфере противодействия терроризму.

Ключевые слова: *Организация Договора о коллективной безопасности, противодействие терроризму, антитеррористическое законодательство, сравнительное правоведение, унификация, гармонизация*

Для цитирования: *Хамзяева Ю.Р. Сравнительно-правовое исследование основных законодательных актов в сфере противодействия терроризму государств-членов ОДКБ // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 405–409. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-405-409.*

П. 48 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 5 октября 2009 г., устанавливает, что необходимым условием для эффективной борьбы с терроризмом является международное сотрудничество, осуществляемое в строгом соответствии с международно-правовыми принципами и договорными обязательствами России [1]. Содержащееся в Концепции положение перекликается с позицией, отражённой в научной литературе: проблема терроризма «определяет потребность и интерес множества стран в объединении собственных усилий и коллек-

тивном поиске наиболее эффективных механизмов ее решения» [2, с. 366]. Деятельность региональных организаций, составляющих неотъемлемый элемент международной безопасности, играет приоритетную роль в её обеспечении.

Схожие по своему содержанию задачи стоят перед государствами-членами Организации Договора о коллективной безопасности, к числу приоритетных направлений деятельности которой относится обеспечение безопасности.

Каждое из государств, входящих в ОДКБ, в пределах своей юрисдикции использует национальное антитеррористическое законодательство. Безусловно, на современном этапе каждое государство ОДКБ достигло определённых положительных результатов в сфере противодействия терроризму, однако необходимо констатировать, что законодательство указанных государств не является совершенным и имеет различия. «Такое положение настоятельно диктует необходимость… проведения сравнительного анализа антитеррористического законодательства различных государств и поиска путей… к сближению национальных законодательств» [3, с. 15–16].

Среди исследователей распространены два подхода: одни связывают повышение эффективности противодействия терроризму с унификацией законодательства [4, с. 143], другие – с его гармонизацией [5, с. 158]. Без гармонизации и унификации невозможно добиться серьезных результатов в антитеррористической деятельности. В противодействии терроризму «унифицированное правовое регулирование является необходимым элементом общего процесса повышения эффективности борьбы с терроризмом» [6].

Необходимость гармонизации и унификации законодательных норм в сфере борьбы с терроризмом в странах ОДКБ продиктована также потребностью в ликвидации «двойных стандартов» при оценке террористических атак, внедрении унифицированного порядка фиксации террористической деятельности правоохранительными структурами и налаживании межгосударственного правового сотрудничества по уголовным делам. Это, в свою очередь, позволит сформировать юридический фундамент для эффективного противодействия терроризму, носящему транснациональный характер. Однако следует учитывать, что «цель – добиться согласованности, стройности, как минимум непротиворечивости… в законодательстве даже одного государства – достаточно сложная» [7, с. 84].

Основополагающие принципы антитеррористической деятельности государств ОДКБ фиксируются в национальных нормативных правовых актах, имеющих различные наименования: «О противодействии терроризму» в Республиках Казахстан и Таджикистан, Кыргызской Республике, Российской Федерации и «О борьбе с терроризмом» в Республиках Армения, Беларусь [8–13].

Законодательное определение направлений антитеррористической работы в упомянутых странах выглядит следующим образом: в Республиках Армения, Беларусь и Таджикистан борьба с терроризмом – это деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению и минимизации последствий террористической деятельности, в Республиках Казахстан и Таджикистан, Кыргызской Республике, Российской Федерации дефиниция «противодействие терроризму» в значительной степени коррелирует с определением, закреплённым в Модельном законе государств-участников СНГ «О противодействии терроризму», и определяется как деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, связанная с:

– предупреждением терроризма, в том числе выявлением и последующим устранением причин и условий, способствующих совершению актов терроризма (профилактика терроризма);

– выявлением, предупреждением, пресечением, раскрытием и расследованием актов терроризма (борьба с терроризмом);

– минимизацией и (или) ликвидацией последствий проявлений терроризма.

В процессе выработки перечня, касающегося субъектов антитеррористической деятельности, российский законодатель относит к ним также физических и юридических лиц. Закон Кыргызской Республики включает в их число органы, организации и предприятия независимо от форм собственности. Закон Республики Казахстан, помимо прочего, раскрывает способы минимизации и ликвидации последствий терроризма, а Закон Республики Таджикистан устанавливает, что противодействие терроризму осуществляется также органами местного самоуправления посёлков и сёл.

Необходимо отметить, что термин «борьба с терроризмом», используемый в законодательствах Армении и Беларуси, полностью соответствует определению, которое содержалось в ранее действовавшем в Российской Федерации Федеральном законе от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом». Принятие в 2006 г. вместо указанного Закона Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», по мнению Ю.С. Горбунова, обозначило «определенный водораздел, открывающий возможности для преодоления ряда негативных тенденций, наметившихся в российском законодательстве в сфере противодействия терроризму». В числе которых автор называет: рост уровня социальной опасности террористических проявлений; отставание законодательства от нарастающих террористических угроз; интерпретацию терроризма не как социально опасного явления, а как преступления, что порождает противостояние

оборонительно-реактивного типа вместо наступательно-превентивного [14, с. 38].

Законы «О противодействии терроризму», пришедшие на смену Законам «О борьбе с терроризмом» в Казахстане, Таджикистане, Кыргызстане и России, фиксируют смену парадигмы: вместо противодействия изолированным террористическим проявлениям — формирование системного подхода к предупреждению и пресечению терроризма.

В соответствии со ст. 12 упомянутой Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации к основным направлениям антитеррористической деятельности отнесены: профилактика (предупреждение) терроризма, непосредственная борьба с ним, а также минимизация и (или) ликвидация его последствий. Как следует из содержания документа, противодействие терроризму выстраивается по трехуровневому принципу: на стадии зарождения террористических идей (идеологический уровень), в период активных действий и совершения террористических актов (силовой уровень) и на этапе устранения последствий (ликвидационный уровень). Представляется, что данная модель является оптимальной, поскольку охватывает все составляющие антитеррористической работы и соответствует задачам формирования единой целостной системы противодействия терроризму. Аналогичной позиции, судя по всему, придерживались и составители Модельного закона государств-участников СНГ «О противодействии терроризму», который был принят взамен ранее действовавшего Модельного закона «О борьбе с терроризмом».

На основании вышеизложенного представляется целесообразным замена в Республиках Армения и Беларусь действующих Законов «О борьбе с терроризмом» Законами «О противодействии терроризму» с соответствующим понятием «противодействие терроризму» и определением его системы.

«Унификация уголовного законодательства и криминологической профилактики в противостоянии транснациональной преступности предполагает четкое законодательное определение понятий и терминов» [15, с. 318], поэтому одним из центральных мест в унификации антитеррористического законодательства государств-членов ОДКБ является разработка и закрепление в правовых актах единого понятия терроризма. Анализ правовых актов показывает, что в рамках Организации отсутствует единообразно выработанное и документально закрепленное общепризнанное определение терроризма, а дефиниции терроризма, содержащиеся в национальных Законах «О противодействии терроризму» («О борьбе с терроризмом»), хотя и основаны на осуждении любых его проявлений, в ряде случаев являются нечеткими, неоднозначными и противоречивыми.

Как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения государственными органами, органами местного самоуправления или международными организациями определяют терроризм законодательные акты «О противодействии терроризму» Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. Понятие, представленное в законе России, полностью соотносится с понятием, изложенным в Модельном законе «О противодействии терроризму». Закон Республики Казахстан данное понятие дополняет угрозой совершения насильственных и (или) иных преступных действий, а также совершенно справедливо выделяет цель – причинение ущерба личности, обществу и государству. Закон Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» связывает идеологию насилия с запугиванием населения или другими формами незаконного насилия.

Законодатели Кыргызстана в качестве способа воздействия на принятие решений указали на насильственные или иные преступные действия, также призыв к таким действиям, а в качестве цели дополнительно выделили подрыв конституционного строя государства.

Законодатели Республики Армения не включили в Закон «О борьбе с терроризмом» понятие «терроризм», но дали определение террористической акции, террористической деятельности и борьбы с терроризмом.

Проведенный сравнительный анализ дефиниций терроризма указывает на наличие терминологической разноголосицы, пагубно сказывающейся на правоприменительной практике. Терроризм – это, прежде всего, явление, основанное на определенной идеологии, выражающееся в совершении противоправного насилия и имеющее политические цели. Акцент внимания на терроризме как социально-политическом и криминальном явлении необходим с целью обозначения его как объекта криминологического противодействия, так как именно криминологию можно рассматривать как науку о преступности [16, с. 33].

Наиболее сбалансированной представляется позиция законодателей Республики Беларусь. В ст. 3 Закона «О борьбе с терроризмом» терроризм определяется как «социально-политическое криминальное явление, представляющее собой идеологию и практику применения насилия или угрозы насилием в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устрашения населения, дестабилизации общественного порядка». Совершение конкретных действий в целях терроризма в рассматриваемом законе обозначено как акт терроризма.

Таким образом, в национальных законах «О противодействии терроризму» («О борьбе с терро-

ризмом») государств – членов ОДКБ сложились различные подходы к нормативному правовому регулированию антитеррористической деятельности. С целью повышения эффективности работы государств в антитеррористической сфере необходимо сосредоточить усилия законодательных органов стран на создании целостной, упорядоченной и гармонизированной правовой базы как эффективной платформы взаимодействия правоохранительных органов, специальных служб и органов исполнительной власти. Особую актуальность это направление приобретает ввиду перспективной возможности ОДКБ осуществлять оперативное руководство антитеррористическими операциями.

Литература:

1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г. // Российская газета. 2009. № 198.
2. Карданов Р.Р., Геляхова Р.А. Актуальные проблемы международно-правового сотрудничества в сфере противодействия терроризму // Образование и право. 2021. № 7. С. 365–370.
3. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 291 с.
4. Щерба С.П., Бриллиантов А.В. Законодательство стран СНГ в области борьбы с терроризмом и проблемы его гармонизации (сравнительно-правовой анализ и предложения) // Прокурорская и следственная практика. 2004. № 3-4. С. 142–153.
5. Казаков Р.Ю. Регулирование уголовной ответственности за терроризм в государствах-участниках СНГ // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / Под ред. А.И. Долговой. М.: Криминологическая Ассоциация, 2004. С. 158–193.
6. Рекомендации по унификации гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом: приняты Межпарламентской ассамблей государств-участников СНГ 16 ноября 2006 г. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/rekomendatcii/100 (дата обращения: 30.04.2026)
7. Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 84–92.
8. Закон Республики Армения от 19.04.2005 № ЗР-79 «О борьбе с терроризмом». URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2282&lang=rus (дата обращения: 16.02.2026).
9. Закон Республики Беларусь от 03.01.2002 № 77-З «О борьбе с терроризмом» (с изм. от 03.01.2024 № 337-З). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1891 (дата обращения: 16.02.2026).
10. Закон Республики Казахстан от 13.07.1999 № 416-I «О противодействии терроризму» (с изм. от 09.01.2026 № 256-VIII). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013957#sub_id=40200 (дата обращения: 16.02.2026).
11. Закон Кыргызской Республики от 04.07.2022 № 55 «О противодействии терроризму». URL: https://cbd.minjust.gov.kg/112387/edition/1177705/ru (дата обращения: 26.02.2026).
12. Федеральный закон Российской Федерации от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изм. от 28.02.2025 № 16-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.
13. Закон Республики Таджикистан от 23.12.2021 № 1808 «О противодействии терроризму». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=137455#A000000057 (дата обращения: 16.02.2026).
14. Горбунов Ю.С. К вопросу о правовом регулировании противодействия терроризму // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 38–44.
15. Кузнецова Н.Ф. О международном уголовном праве // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: сб. науч. стат. по итогам междунар. науч.-практич. конф. 14-15 сентября 2007 г. Н. Новгород, 2008. С. 317–336.
16. Антонян Ю.М. Что такое криминология // Научный портал МВД России. 2015. № 2. С. 33–38.

Comparative Legal Study of the Main Legislative Acts on Countering Terrorism in the CSTO Member States

Yulia Radikovna Khamzyayeva

The Kazan Legal Institute MIA of Russia (Kazan, Russia)

The relevance of terrorist threats to national integrity and social stability remains high in the modern world. Modern terrorism is transnational, so countering it should be based on active interstate cooperation, especially between friendly countries. The Collective Security Treaty Organization (CSTO) member states face similar challenges in ensuring anti-terrorist security. The system of countering

terrorism is comprehensive, including legal counteraction. To increase the effectiveness of combating terrorist threats, the legislation of states should be unified and harmonized, and should be coordinated. The purpose of this study is to analyze the main anti-terrorist laws of the CSTO member states. The article provides a comparative analysis of the Laws "On Countering Terrorism" and "On Combating Terrorism" of the CSTO member states.

Keywords: Collective Security Treaty Organization, counter-terrorism, anti-terrorist legislation, comparative law, unification, and harmonization

УДК 343.163
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-410-413
© Шутило О.В., 2026

Прокурорский надзор за обеспечением прав несовершеннолетних, заключенных под стражу и отбывающих уголовные наказания

Шутило Ольга Викторовна
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии
(410056, Саратов, ул. Вольская, д.1; e-mail: o.shutilo@yandex.ru;
ORCID: 0009-0006-2009-1116)

В статье рассмотрены проблемы прокурорского надзора за обеспечением прав несовершеннолетних, заключенных под стражу и отбывающих уголовные наказания. На основе анализа практики прокуратур субъектов выявлены типичные нарушения законов в рассматриваемой сфере, сделаны предложения по совершенствованию законодательства. Цель статьи заключается в определении методических подходов к проведению прокурорских проверок в рассматриваемой сфере. Сделан вывод о том, что прокурорский надзор в рассматриваемой сфере относится к приоритетным направлениям прокурорского надзора, позволяющим выявлять многочисленные факты нарушений прав несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе. На основе анализа практики прокурорского надзора обоснованы конкретные меры по совершенствованию рассматриваемого направления надзора. В частности, обоснована необходимость выделения надзора за соблюдением прав несовершеннолетних в отдельную отрасль надзора с четкой регламентацией предмета надзора и особенностей его осуществления, а также необходимость конкретизации порядка и срока рассмотрения представления прокурора в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, несовершеннолетние, уголовно-исполнительная система, прокурорские проверки*

Для цитирования: *Шутило О.В. Прокурорский надзор за обеспечением прав несовершеннолетних, заключенных под стражу и отбывающих уголовные наказания // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 410–413. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-410-413.*

Прокурорский надзор за обеспечением прав несовершеннолетних в местах исполнения наказания и предварительного заключения относится к приоритетным направлениям деятельности прокуратуры. Защищая права несовершеннолетних, прокурор должен исходить из того, что современная практика применения наказания ориентирована на то, чтобы уголовное наказание не становилось препятствием к возвращению несовершеннолетних к нормальной жизни, а способствовало их перевоспитанию и исправлению, исключало рецидивы и способствовало восстановлению утраченных социальных связей с обществом.

Прокурорский надзор в местах предварительного заключения и исполнения уголовных наказаний представляет собой специфическую деятельность органов прокуратуры, состоящую в обеспечении соблюдения законодательства должностными лицами администраций этих мест в целях укрепления законности, обеспечения прав несовершеннолетних граждан, находящихся в этих учреждениях. При организации надзора прокурору необходимо

руководствоваться, в первую очередь, уголовно-исполнительным законодательством, федеральными законами, которые регламентируют надзорную деятельность органов прокуратуры РФ и деятельность должностных лиц уголовно-исполнительной системы, а также ведомственными актами Генеральной прокуратуры. Так, в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 24.10.2024 № 800 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний» перед прокуратурой ставится задача «реализовывать комплексный подход, всесторонне оценивать состояние законности в указанных сферах, особое внимание уделяя вопросам соблюдения прав осужденных и заключенных под стражу, в том числе на личную безопасность и охрану здоровья. Одновременно учитывать, что при осуществлении надзора не должны нарушаться порядок и условия отбывания наказаний, а также ущемляться права и законные интересы других лиц» [1].

Состояние законности и практика прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, заключенных под стражу и отбывающих уголовные наказания, является постоянным предметом аналитической деятельности в органах прокуратуры. Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 г. сохранялась тенденция к снижению подростковой преступности: 26,4 тыс. преступлений против 27,3 тыс. в 2023 г. Структуру подростковой преступности традиционно формировали деяния против собственности (68 %) и в сфере незаконного оборота наркотических средств (14 %). Однако уже в этот период вдвое увеличилось число криминальных деяний экстремистской и террористической направленности (с 96 до 195) [2]. Кардинально ситуация изменилась в 2025 г. Генеральный прокурор РФ Александр Гуцан, выступая на коллегии Генеральной прокуратуры, отметил: «К сожалению, прошедший год прервал десятилетнюю тенденцию снижения преступности несовершеннолетних. Число совершённых ими деяний увеличилось на 10 процентов, в том числе особо тяжких – почти наполовину. При этом каждое пятое связано с незаконным оборотом наркотиков, каждое третье совершено с использованием информационных технологий» [3].

Данная ситуация не могла не сказаться и на количестве несовершеннолетних лиц, отбывающих наказание. По состоянию на 01.10.2025 г. в 11 воспитательных колониях отбывали наказание 1 017 (в 2024 г. – 804, или +26,4 %) лиц, не достигших совершеннолетия. В следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, пребывали 1 288 (в 2024 г. – 972, или +32,5 94 %) подозреваемых и обвиняемых этой категории [4].

Масштаб и острота проблем в сфере обеспечения прав несовершеннолетних в местах исполнения наказания и предварительного заключения обуславливают необходимость совершенствования форм и методов прокурорского надзора. Традиционно основным средством выявления нарушений действующего законодательства в уголовно-исполнительной системе является прокурорская проверка. Проведению проверки предшествует анализ работы должностных лиц администраций мест предварительного заключения и исполнения уголовных наказаний, определение типичных нарушений, допускаемых указанными лицами, фактов незаконного содержания несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в указанных учреждениях, выявление причин принятия незаконных решений о помещении в штрафной изолятор и др.

Анализ практики надзорной деятельности органов прокуратуры свидетельствует о том, что в указанных учреждениях по-прежнему сохранилась проблема обеспечения надлежащего режима содержания. Например, в Архангельской воспитательной колонии в июле 2025 г. надзирающим прокурором в жилых помещениях обнаружены оставленные без внимания администрации, хранившиеся в прикроватных тумбочках спортивный инвентарь, продукты питания, а также запрещенная литература. Кроме того, в указанном регионе прокурорами выявлен случай делегирования сотрудниками УИС осужденному полномочий сотрудников исправительного учреждения. Так, лишенный свободы Л. производил досмотр поступивших посылок, выполняя непосредственную обязанность отдела безопасности. При этом подросток состоял на профилактическом учете как лицо, склонное к совершению преступлений террористического характера и экстремистской направленности [4].

В ходе прокурорских проверок приоритетное внимание следует уделять соблюдению закона об условиях труда осужденных несовершеннолетних и проведении с ними воспитательной работы. В ФКУ Камышинская ВК УФСИН России по Волгоградской области при проверке выявлено, что осужденный К. в дневное время привлекался к ремонтно-строительным работам в банно-прачечном комбинате без официального трудоустройства. Помимо этого, утвержденные приказом начальника колонии нормы бесплатной выдачи средств индивидуальной защиты не соответствовали Приказу Минтруда России от 29.10.2021 № 767н «Об утверждении единых типовых норм выдачи средств индивидуальной защиты и смывающих средств». Данные обстоятельства нарушали трудовые права несовершеннолетних, в том числе и на безопасный труд [4].

Значительным элементом организации прокурорского надзора в рассматриваемом направлении

является проверка соблюдения требований учетно-регистрационной дисциплины, которая включает в себя контроль за законностью учета, регистрации лиц, содержащихся в местах предварительного заключения, соблюдения сроков содержания под стражей, а также решений о продлении таких сроков. Особое внимание необходимо уделить обеспечению прав несовершеннолетних, помещенных в ИВС и СИЗО. В ходе проведения проверок следует акцентировать внимание на наиболее распространенные нарушения законодательства, допускаемые должностными лицами администраций мест предварительного заключения. К ним относятся нарушения сроков содержания под стражей, необоснованное принятие решений о дисциплинарном взыскании, нарушение норм материального обеспечения. Так, в следственных изоляторах в Республике Крым, Московской и Нижегородской областях не выполнялись положения ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», регламентирующие вопросы раздельного содержания различных категорий следственно-арестованных.

В ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Республике Татарстан с несовершеннолетним С., состоящим на профилактическом учете в качестве склонного к суициду и членовредительству, психолого-воспитательная работа не проводилась. В результате он дважды нанес себе повреждения [4].

Многочисленные нарушения выявляются прокурорами и в деятельности уголовно-исполнительных инспекций. В силу безынициативного и формального подхода к организации своей работы инспекции в большинстве случаев ограничиваются проведением формальных профилактических и воспитательных бесед без учета особенностей личности и криминального прошлого несовершеннолетних, составлением шаблонных справок по их результатам, не содержащих сведений о поведении поднадзорных. Так, в филиале по Выборгскому району УИИ г. Санкт-Петербурга состоял на учете несовершеннолетний М. Несмотря на то что он отбывал наказание за совершение 19 преступлений, предусмотренных ч.ч. 2 и 3 ст. 207 УК РФ, при постановке на учет с ним проведена только разъяснительная беседа о проявлениях экстремизма и терроризма, а также предусмотренной законом ответственности за совершение правонарушений и уголовно наказуемых деяний указанной категории. При этом план воспитательной и профилактической работы районным филиалом УИИ не разрабатывался и сводился к заполнению рабочих справок. В другом случае, отсутствие надлежащей системной профилактической работы с осужденным С. со стороны сотрудников филиала по Правобережному району г. Магнитогорска ФКУ УИИ ГУФСИН России по Челябинской области повлекло совершение поднадзорным четырех преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств [4].

Вышеизложенные факты свидетельствуют о необходимости повышения эффективности надзорной деятельности за органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также дачи оценки достаточности мер, принимаемых сотрудниками УИС, по предупреждению противоправного поведения подростков. Специфика деятельности указанных учреждений предъявляет повышенные требования к профессиональной компетенции их должностных лиц, требует обладания ими знаний в области педагогики и психологии, поскольку возрастные особенности несовершеннолетних требуют методически грамотного подхода.

Выявленные проблемы в сфере профилактики преступности несовершеннолетних обуславливают разработку правового и организационного сопровождения прокурорского надзора на данном направлении. На сегодняшний день отсутствуют организационные меры, регламентирующие полномочия специализированных прокуратур по отношению к воспитательным колониям и местам содержания под стражей несовершеннолетних. В этом направлении надзорной деятельности используются общие для всех уголовно-исполнительных учреждений формы и методы, которые закреплены в приказе Генерального прокурора РФ от 24.10.2024 г. № 800 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний» [1].

Единственными специальными мерами прокурорского надзора в отношении несовершеннолетних, отбывающих уголовные наказания, являются положения, закрепленные Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» [5]. По своему содержанию они сводятся к требованию «осуществлять постоянный надзор за соблюдением прав несовершеннолетних, содержащихся под стражей, отбывающих наказание в воспитательных колониях, на образование, медицинскую помощь и иные социальные гарантии, предусмотренные законодательством». Однако такая норма не позволяет в полной мере и обстоятельно регламентировать отношения в сфере прокурорского надзора за защитой прав несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе.

На сегодняшний день назрела необходимость выделения вопросов прокурорского надзора в отношении несовершеннолетних в отдельную отрасль с четкой регламентацией предмета надзора и особенностей его осуществления. Прокурорские работ-

ники, осуществляющие надзор в этой сфере, должны обладать определёнными навыками и опытом работы с несовершеннолетними, ориентироваться в специфике применения уголовно-исполнительного законодательства в отношении данной категории лиц, а также систематически повышать квалификацию не только в сфере юриспруденции, но и в области криминологии, подростковой психологии и педагогики.

Представляется целесообразным конкретизировать вопросы о порядке и сроках рассмотрения представления прокурора. Наряду с требованием о безотлагательном рассмотрении внесённого представления целесообразно закрепить обязанность незамедлительно сообщать прокурору о принятом решении. Это позволит устранить угрозу длительного сохранения нарушений прав несовершеннолетних. Комплексный и системный подход к совершенствованию действующих норм права в рассматриваемой сфере обеспечит более эффективную защиту прав и свобод несовершеннолетних, подвергнутых мерам процессуального принуждения.

Литература:

1. Приказ Генерального прокуратура Российской Федерации от 24.10.2024 № 800 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний» // Законность. 2024. № 12.
2. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 07.04.2025 г. «О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // СПС Гарант.
3. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/79360 (дата обращения: 26.04.2026).
4. Обзор Генеральной прокуратуры РФ состояния законности и практики прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, заключенных под стражу и отбывающих уголовные наказания от 29.12.2025 г. // СПС КонсультантПлюс: Эксперт-приложение.
5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Законность. 2022. № 2.

Prosecutorial Supervision over the Protection of the Rights of Juveniles Held in Custody and Serving Criminal Sentences

Olga Viktorovna Shutilo
Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

The article examines the problems of prosecutorial supervision over the protection of the rights of juveniles held in custody and serving criminal sentences. Based on the analysis of the practice of prosecutors' offices of the constituent entities, typical violations of the law in this area are identified, and proposals for improving legislation are formulated. The purpose of the article is to determine methodological approaches to conducting prosecutorial inspections in the area under consideration. It is concluded that prosecutorial supervision in this field is one of the priority areas of prosecutorial activity, allowing for the identification of numerous violations of the rights of juveniles within the penal system. Based on the analysis of the practice of prosecutorial supervision, specific measures to improve the area of supervision under consideration are substantiated. In particular, the need to separate supervision of the observance of the rights of minors into a separate branch of supervision with a clear regulation of the subject of supervision and the specifics of its implementation, as well as the need to specify the procedure and time period for considering the prosecutor's submission in relation to minors, is justified.

Keywords: prosecutorial supervision, juveniles, penal system, prosecutorial inspections

УДК 339.543:347.9
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-414-419
© Городилов Н.С., 2026

Споры о возврате излишне уплаченных таможенных и иных администрируемых таможенными органами обязательных платежей как самостоятельная категория таможенных споров

Городилов Никита Сергеевич
Адвокат Адвокатской палаты города Москвы,
партнер Адвокатского бюро «Александр Курьянов и Партнеры»,
аспирант Московского инновационного университета
(119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 7; e-mail: gorodilovw@gmail.com;
ORCID: 0009-0006-0808-2719)

В статье обосновывается подход к спорам о возврате излишне уплаченных таможенных и иных обязательных платежей, администрируемых таможенными органами, как к самостоятельной разновидности таможенных споров. Цель исследования состоит в выявлении признаков данной категории споров и в определении ее места в их системе. Для достижения указанной цели анализируются нормативные основы возврата излишне уплаченных платежей, процессуальные особенности судебного контроля и подходы арбитражных судов к разрешению споров о возврате переплаты по таможенным платежам, ввозному НДС, вывозной таможенной пошлине, антидемпинговой пошлине и утилизационному сбору. Научная значимость работы заключается в предложении критериев, позволяющих отграничить названные споры от «классических» разновидностей таможенных споров, связанных с оспариванием корректировки таможенной стоимости, классификации товаров и прочим. Практическая значимость исследования состоит в систематизации судебной практики по делам, в которых плательщик обращается за возвратом излишне уплаченных сумм в рамках административной процедуры либо предъявляет самостоятельное имущественное требование. По результатам проведенного анализа делается вывод о наличии у рассматриваемой категории таможенных споров самостоятельных материально-правовых и процессуальных признаков, а также о необходимости ее дальнейшей научной разработки в условиях ограниченности количества специальных исследований и неоднородности судебной практики.

Ключевые слова: *таможенный спор, излишне уплаченные таможенные платежи, возврат таможенных платежей, ввозной НДС, утилизационный сбор, отказ в возврате, судебная практика*

Для цитирования: *Городилов Н.С. Споры о возврате излишне уплаченных таможенных и иных администрируемых таможенными органами обязательных платежей как самостоятельная категория таможенных споров // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 414–419. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-414-419.*

Фискальная функция таможенных органов, выражающаяся во взимании таможенных платежей, антидемпинговых, специальных и компенсационных пошлин, а также иных платежей, предопределяет возникновение ситуаций, при которых в бюджет поступают денежные средства сверх установленного законом размера либо при отсутствии надлежащего правового основания. Подобные ситуации

могут быть обусловлены, с одной стороны, принятием незаконных ненормативных правовых актов таможенными органами, повлекшим излишнее взыскание соответствующих платежей, а с другой – действиями самого плательщика, вследствие которых образуется переплата в бюджет. В связи с этим применительно к требованиям о возврате таможенных и иных платежей следует разграничивать, как это вытекает из разъяснений, данных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49, случаи возврата денежных средств, излишне взысканных вследствие принятия незаконного ненормативного правового акта, нарушившего права участника ВЭД, и случаи возврата излишне уплаченных участником ВЭД таможенных платежей, где отсутствует противоправное поведение таможенных органов [1].

Настоящая статья будет посвящена таможенным спорам, связанным с возвратом излишне уплаченных таможенных и иных администрируемых таможенными органами обязательных платежей, к которым в настоящий момент следует относить утилизационный сбор.

Вопросам возврата излишне уплаченных таможенных платежей посвящены труды следующих авторов: А.А. Косова, В.А. Ениватовой, И.В. Чепурной, М.Г. Холкиной. Вместе с тем анализ имеющейся научной литературы показывает, что указанные авторы исследуют главным образом возврат таможенных платежей как правовой институт, включая его нормативное регулирование и отдельные процедурные аспекты реализации права на возврат уплаченного [2–4].

При этом в отечественной доктрине фактически не представлены специальные исследования, предметом которых выступали бы именно таможенные споры, связанные с возвратом излишне уплаченных таможенных и иных обязательных платежей, администрируемых таможенными органами. Указанное обстоятельство обусловливает актуальность настоящего исследования и определяет его научную новизну, состоящую в рассмотрении соответствующей категории дел как самостоятельной разновидности таможенных споров, требующей специального теоретического осмысления и предполагающей выделение признаков данных споров, отличающих их от иных, более распространенных разновидностей.

В качестве причин выделения споров, связанных с возвратом излишне уплаченных и иных платежей, администрируемых таможенными органами, в самостоятельную группу следует назвать следующее.

Прежде всего, рассматриваемая категория споров непосредственно связана со специальной процедурой возврата излишне уплаченных таможенных платежей и иных платежей, администрируемых таможенными органами, в счет авансовых платежей, регламентированной ст. 67 ТК ЕАЭС и ст. 67 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ. В соответствии с указанными нормами факт излишней уплаты подлежит выявлению таможенными органами ex officio, однако и сам плательщик наделен правом инициировать возврат платежей, обратившись в таможенный орган с корректировочной таможенной декларацией и доказательствами, подтверждающими наличие переплаты. После установления факта излишней уплаты платежей таможенный орган обязан произвести возврат или зачет соответствующих сумм не позднее трех рабочих дней со дня, следующего за днем обнаружения такого факта, а также уведомить заинтересованное лицо о произведенном возврате. При нарушении указанного срока закон предусматривает начисление процентов.

Самостоятельный характер данной категории таможенных споров обусловлен также предметом осуществляемого судебного контроля. В отличие от споров, возникающих в связи с корректировкой таможенной стоимости, классификацией товаров, определением их происхождения и прочих, в рассматриваемых делах отсутствует спор о правомерности действий таможенного органа, в результате которых денежные средства поступили в бюджет. Предметом спора выступает правомерность отказа таможенного органа в возврате излишне уплаченных таможенных и иных администрируемых им платежей после подачи декларантом заявления, где, как отмечает Пленум Верховного Суда РФ «суд дает оценку достаточности доказательств, представленных декларантом таможенному органу в подтверждение факта переплаты, наличия оснований для проведения таможенного контроля в отношении сведений, заявленных в корректировке декларации на товары (ДТ), и представленных таможенным органом доказательств, подтверждающих законность отказа во внесении изменений в декларацию» [1].

Особенность рассматриваемой категории дел состоит в том, что спор может возникнуть как вследствие отказа таможенного органа в возврате излишне уплаченных таможенных и иных администрируемых им платежей по описанной выше процедуре возврата, так и в связи с предъявлением участником ВЭД самостоятельного имущественного требования о возврате излишне внесенных в бюджет денежных средств, заявляемого непосредственно в арбитражный суд в пределах трехлетнего срока со дня, когда плательщик узнал или должен был узнать о нарушении своего права [1].

В качестве первого примера дел анализируемой категории может быть приведен спор, рассмотренный Арбитражным судом Московской области в рамках дела № А41-32238/2023 по заявлению общества к Шереметьевской таможне. Как следует из текста судебного акта, общество при ввозе товара уплатило НДС, однако впоследствии пришло к выводу об отсутствии необходимости уплаты данного

налога в отношении ввезенных медицинских изделий. В связи с этим заявитель обратился в таможенный орган с заявлением о внесении изменений в сведения, заявленные в декларации на товары, однако Шереметьевская таможня отказала в удовлетворении заявления, вследствие чего общество было вынуждено обратиться в арбитражный суд. Рассматривая данный спор, Арбитражный суд Московской области установил, что ввезенные товары относились к медицинским изделиям, в отношении которых подлежала применению льгота в виде освобождения от уплаты НДС, и признал отказ таможенного органа в возврате соответствующей суммы несоответствующим закону[1].

Схожим по фактическим обстоятельствам с предыдущим спором было и дело № А41-89365/2023, также рассмотренное Арбитражным судом Московской области. В данном деле заявитель также ссылался на ошибочную уплату налога на добавленную стоимость при ввозе медицинских изделий и, полагая, что в отношении спорного товара подлежала применению предусмотренная подп. 1 п. 2 ст. 149 НК РФ льгота, обратился в таможенный орган с заявлением о внесении изменений в декларации на товары и о возврате излишне уплаченного НДС. Отказ таможенного органа в возврате таможенных платежей, оформленный в виде письма, был мотивирован тем, что, по мнению таможенного органа, льгота по уплате НДС предоставляется только в том случае, если декларант ввозит медицинское изделие в полном комплекте, указанном в регистрационном удостоверении. Арбитражный суд Московской области пришел к выводу о наличии у общества права на применение соответствующей льготы и, как следствие, о наличии переплаты таможенных платежей, указав, что льгота по уплате НДС предоставляется и в том случае, когда ввозится часть медицинского изделия, поскольку для НК РФ безразлично, ввозятся ли медицинские изделия целиком или по частям[2].

Сходным по основанию возникновения с рассмотренными выше спорами был спор в рамках дела № А41-67915/2018. В данном случае основанием для возникновения спора также послужило обращение двух хозяйственных обществ в таможенный орган с требованием о внесении изменений в сведения, заявленные в декларации на товары, в связи с ошибочной уплатой НДС в отношении медицинских изделий по ставке 18 %. Заявители предоставили таможенному органу корректировки таможенных деклараций, регистрационные удостоверения и декларации о соответствии, однако таможенный орган отказал заявителям в возврате таможенных платежей, не согласившись с тем, что они являются излишне уплаченными. Разрешая спор, арбитражный суд исходил из того, что заявителями соблюдена предусмотренная законом процедура обращения за возвратом денежных средств, а само решение таможенного органа об отказе в возврате не соответствует ст.ст. 149 и 150 НК РФ[3].

В отличие от ранее проанализированных дел, спор по делу № А51-41/2018, рассмотренный по существу Арбитражным судом Приморского края, был связан не с отказом в применении льготы по НДС, а с ошибочным исчислением размера ввозной таможенной пошлины самим декларантом. Как установил суд первой инстанции, общество после выявления допущенной ошибки обратилось в таможенный орган с заявлением о внесении изменений в декларации на товары. Находкинская таможня, получившая данное заявление, отказала в его удовлетворении, отметив, что более низкие таможенные ставки по праву ВТО к задекларированному товару не применимы. Исследовав представленные доказательства, суд первой инстанции установил, что ратифицированным международным договором Российской Федерации установлен приоритет положений соглашения ВТО над всеми региональными международными договорами, устанавливающими иные ставки таможенных пошлин, и пришел к выводу о признании излишне уплаченной разницы между ставками по праву ВТО и по ставкам в рамках права Союза. Признавая обоснованным удовлетворение требований декларанта и признавая ошибочной позицию таможенного органа, суд апелляционной инстанции отдельно указал: «При различиях в ставках таможенных пошлин, установленных Протоколом от 16.12.2011 и Единым таможенным тарифом, применению подлежит ставка таможенной пошлины, установленная Протоколом»[4] [5].

Заслуживает внимания и спор, рассмотренный Арбитражным судом Краснодарского края в рамках дела № А32-49838/2024 по заявлению хозяйственного общества к Новороссийской таможне. Как следует из текста судебного акта, общество ввезло на таможенную территорию ЕАЭС свежие столовые куриные яйца турецкого происхождения, уплатив ввозную таможенную пошлину по ставке 15 %. После выпуска товара декларант получил подтверждение Минсельхоза России об отнесении ввезенного товара к продукции, в отношении которой может быть применена тарифная льгота, и в связи с этим обратился в таможенный орган с заявлением о внесении изменений в декларацию на товары. Таможенный орган, проведя проверку документов после выпуска товара, отказал во внесении соответ-

[1] Решение Арбитражного суда Московской области от 14.08.2023 по делу № А41-32238/2023 // Судебные и нормативные акты РФ.

[2] Решение Арбитражного суда Московской области от 14.12.2023 по делу № А41-89365/2023 // Судебные и нормативные акты РФ.

[3] Решение Арбитражного суда Московской области от 19.10.2018 по делу № А41-67915/2018 // Судебные и нормативные акты РФ.

[4] Решение Арбитражного суда Приморского края от 26.03.2018 по делу № А51-41/2018 // Судебные и нормативные акты РФ.

ствующих изменений, указав, что подтверждение Минсельхоза России было выдано позднее даты регистрации декларации на товары и потому не может служить основанием для последующего применения льготы. Арбитражный суд с данной позицией не согласился, указав, что нормы таможенного законодательства не содержат запрета на заявление льготы после выпуска товаров путем внесения изменений в декларацию в случае, когда в пределах срока для проведения таможенного контроля представлены документы, подтверждающие наличие оснований для ее применения и отсутствовавшие у заявителя на момент декларирования[5].

Пределы судебного контроля по спорам о возврате излишне уплаченных либо излишне взысканных платежей были наглядно продемонстрированы при рассмотрении дела № А40-9784/2024 Арбитражным судом города Москвы и Девятым арбитражным апелляционным судом. Возникновению данного спора предшествовал экспорт обществом бензина и дизельного топлива в Республику Абхазия: данные товары были задекларированы без применения льготы по уплате вывозной таможенной пошлины. Впоследствии декларант обратился в Центральную энергетическую таможню с заявлениями о внесении изменений в сведения, заявленные в декларациях на товары, ссылаясь на возможность применения освобождения от уплаты вывозной пошлины по Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о режиме торговли товарами. Таможенный орган отказал во внесении таких изменений, указав на отсутствие оснований для корректировки. Арбитражные суды, рассматривавшие данный таможенный спор, согласились с позицией таможни, отметив, что льгота при первоначальном декларировании не была заявлена декларантом, а последующее изменение сведений в декларации на товары после вывоза товара невозможно по причине того, что указанное Соглашение устанавливает годовые лимиты льготных поставок нефтепродуктов, которые были бы превышены в случае реализации декларантом права на льготу *post factum*[6] [6].

Показательным для рассматриваемой категории споров является дело № А40-215779/2022, поскольку в нем отказ в возврате уплаченных платежей был обусловлен недостатками в оформлении корректировки декларации на товары и приложенных к ней документов. Из решения Арбитражного суда г. Москвы следует, что общество ввезло на таможенную территорию ЕАЭС прокат плоский из жести, предназначенный для производства жестяных банок, и при декларировании представило непреференциальный сертификат о происхождении товара. В ходе таможенного контроля таможенный орган установил, что представленный сертификат не содержит описания товара и серийных номеров, позволяющих его идентифицировать, вследствие чего происхождение товара не могло считаться подтвержденным, что, в свою очередь, повлекло начисление антидемпинговой пошлины. После выпуска товара для внутреннего потребления общество неоднократно представляло в таможенный орган исправленный сертификат и корректировочную декларацию, однако таможенный орган всякий раз отказывал во внесении изменений в сведения, заявленные в декларации, указывая, что корректировочная декларация заполнена ненадлежащим образом и не содержит сведений о сертификате, на который ссылается заявитель. Арбитражный суд г. Москвы, проверяя законность последнего решения об отказе в возврате уплаченной антидемпинговой пошлины, признал такой отказ законным, отметив, что заявителем был нарушен порядок для внесения изменений в сведения, заявленные в ДТ, после выпуска товаров, установленный Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10.12.2013 № 289[7] [7].

Описанным выше признакам споров, связанных с возвратом таможенных платежей, соответствуют и споры, связанные с возвратом излишне уплаченного утилизационного сбора, администрирование взимания которого при пересечении границы Российской Федерации возложено на таможенные органы. Разница между данными подвидами споров состоит лишь в правовом режиме взыскиваемого платежа и правовых источниках установления процедуры возврата. Порядок взимания утилизационного сбора Федеральной таможенной службой, а также порядок возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм такого сбора определен Постановлением Правительства РФ от 26.12.2013 № 1291. Разумеется, в данной сфере также встречаются случаи, когда позиции участников ВЭД и таможенных органов по вопросу о том, является ли задекларированный утилизационный сбор излишне уплаченным, находятся в противоречия [8].

Показательным примером возникновения и разрешения такого противоречия является спор, рассмотренный в рамках дела № А40-13596/2024 по заявлению общества к Центральной акцизной таможне. В соответствии с решением Арбитражного суда г. Москвы, общество ввезло самоходный коленчатый электрический подъемник, указав, что техника импортируется в качестве образца для сертификации, и уплатило утилизационный сбор. Впоследствии заявитель обратился в таможенный орган с заявлением о возврате излишне уплаченного утилизационного сбора, ссылаясь на то, что ввезенная

[5] Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 23.12.2024 по делу № А32-49838/2024 // Судебные и нормативные акты РФ.

[6] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2024 по делу № А40-9784/2024 // Судебные и нормативные акты РФ.

[7] Решение Арбитражного суда города Москвы от 24.01.2023 по делу № А40-215779/2022 // Судебные и нормативные акты РФ.

техника не относится к тем видам самоходных машин, в отношении которых предусмотрена уплата такого сбора. Центральная акцизная таможня не разделила позицию заявителя, отказав в возврате уплаченного утилизационного сбора, что обусловило обращение декларанта с заявлением в арбитражный суд. Разрешая спор по существу, суд первой инстанции исходил из того, что спорный электрический подъемник не может считаться облагаемой утилизационным сбором самоходной машиной, поскольку мощность его двигателя составляет 3,4 кВт, что меньше установленного предела в 4 кВт. С учетом данных обстоятельств Арбитражный суд г. Москвы признал решение таможенного органа незаконным и обязал его устранить нарушение прав заявителя[8].

Еще одним примером спора о возврате излишне уплаченного утилизационного сбора является дело № А40-165416/2024 по заявлению общества к Центральной акцизной таможне. В данном случае спор возник в связи с уплатой утилизационного сбора в отношении самоходной техники, помещенной под таможенную процедуру таможенного склада. Заявитель, обратившийся в таможенный орган за возвратом уплаченного сбора, настаивал на ошибочности уплаты сбора, мотивируя это тем, что товар не был выпущен в обращение на территории Российской Федерации и впоследствии был возвращен продавцу. Таможенный орган, отказавший в возврате уплаченного утилизационного сбора, напротив, исходил из того, что обязанность по уплате утилизационного сбора возникает с момента ввоза транспортного средства в Российскую Федерацию вне зависимости от того, использовалось оно или нет на ее территории. Оценив доводы сторон, Арбитражный суд г. Москвы указал, что поскольку помещенная под процедуру таможенного склада техника, несмотря на физическое перемещение через границу, сохраняла статус иностранного товара, она не могла использоваться по функциональному назначению и фактически не эксплуатировалась на территории Российской Федерации, что исключает необходимость уплаты утилизационного сбора. Суд признал отказ таможенного органа в его возврате незаконным[9].

Подводя итог изложенному, следует отметить, что споры о возврате излишне уплаченных таможенных и иных платежей, администрируемых таможенными органами, обоснованно могут рассматриваться в качестве самостоятельной разновидности таможенных споров. Выделение данной категории дел обусловлено: во-первых, их связью с процедурой возврата излишне уплаченных платежей, регламентированной таможенным законодательством; во-вторых, спецификой предмета судебного контроля, в рамках которого суд проверяет законность отказа таможенного органа в возврате денежных средств; в-третьих, особенностями процессуальной формы защиты права, поскольку спор может возникать как по результатам административной процедуры возврата, так и в связи с предъявлением самостоятельного имущественного требования о возврате излишне внесенных в бюджет сумм.

Отсутствие специальных исследований, непосредственно посвященных данной разновидности таможенных споров, при одновременном наличии уже сложившейся и внутренне неоднородной судебной практики свидетельствует о необходимости дальнейшей научной разработки соответствующей проблематики.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 2.
2. Косов А.А. Возврат таможенных платежей // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 5. С. 13–17.
3. Ениватова В.А. Направления совершенствования порядка возврата излишне уплаченных (взысканных) таможенных пошлин, налогов // Экономика и социум. 2017. № 5-2 (36). С. 136–139.
4. Чепурная И.В., Холкина М.Г. Правовое регулирование механизма взыскания таможенных платежей: современное состояние // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2022. № 3 (100). С. 117–123.
5. Протокол от 16.12.2011 «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4986.
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия о режиме торговли товарами (заключено в г. Москве 28 мая 2012 г.) // Бюллетень международных договоров. 2014. № 11.
7. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10.12. 2013 № 289 «О внесении изменений (дополнений) в сведения, заявленные в декларации на товары, и признании утратившими силу некоторых решений Комиссии Таможенного союза и Коллегии Евразийской экономической комиссии» // Официальный сайт Евразийского экономического союза.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2013 № 1291 «Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 2 (ч. 1). Ст. 115.

[8] Решение Арбитражного суда города Москвы от 08.05.2024 по делу № А40-13596/2024 // Судебные и нормативные акты РФ.

[9] Решение Арбитражного суда города Москвы от 05.12.2024 по делу № А40-165416/2024 // Альта-Софт.

Disputes over the Refund of Overpaid Customs and Other Mandatory Payments Administered by Customs Authorities as an Independent Category of Customs Disputes

Nikita Sergeevich Gorodilov
Alexander Kuryanov and Partners Law Office,
Moscow Innovation University (Moscow, Russia)

The article substantiates an approach to disputes concerning the refund of overpaid customs duties and other mandatory payments administered by customs authorities as an independent category of customs disputes. The purpose of the study is to identify the distinguishing features of this category of disputes and to determine its place within the overall system of customs disputes. To achieve this aim, the author analyses the regulatory framework governing the refund of overpaid payments, the procedural characteristics of judicial review, and the approaches taken by commercial courts in resolving disputes over the refund of overpayments in respect of customs duties, import VAT, export customs duty, anti-dumping duty, and the recycling fee. The scholarly significance of the article lies in proposing criteria that make it possible to distinguish these disputes from the "classical" types of customs disputes associated with challenges to customs value adjustments, tariff classification of goods, and similar matters. The practical significance of the research consists in the systematisation of judicial practice in cases where the payer either seeks a refund of overpaid amounts through the administrative procedure or brings an independent proprietary claim. On the basis of the analysis conducted, the author concludes that the category of customs disputes under consideration possesses independent substantive and procedural characteristics and requires further scholarly development in light of the limited number of specialised studies and the inconsistency of judicial practice.

Keywords*: customs dispute, overpaid customs payments, refund of customs payments, import VAT, recycling fee, refusal to refund, judicial practice*

УДК 343.985. 2
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-420-423
© Иванов А.В., 2026

Некоторые особенности тактики допросов членов организованных преступных групп

Иванов Антон Викторович
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
гуманитарного университета имени В.М. Лебедева
(420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а; e-mail: anton.dar2010@yandex.ru)

Настоящая статья посвящена анализу криминалистической тактики допросов подозреваемых и обвиняемых, являющихся участниками организованных преступных групп и преступных организаций. Поскольку расследование преступлений, совершенных представителями организованной преступности, представляет повышенную сложность, следователь должен знать тактические особенности вербального общения с подобными лицами. В работе приводятся примеры успешного использования тактических приемов при производстве допросов лиц, являвшихся участниками преступных организаций. Обращено внимание на особенности подготовки к производству таких допросов и оценки полученных показаний.

Результатом исследования является следующее выводы: допросам подозреваемых и обвиняемых должна предшествовать тщательная подготовка; при допросах следует использовать тактические приёмы и тактические комбинации; полученные показания должны быть оценены и проверены путем сопоставления их с другими доказательствами.

Ключевые слова: *тактика допроса, члены организованных преступных групп и преступных организаций, тактический приём, тактическая комбинация, допрашиваемое лицо*

Для цитирования: *Иванов А.В. Некоторые особенности тактики допросов членов организованных преступных групп // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 420–423. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-420-423.*

Расследование преступлений, совершенных представителями организованных преступных групп и преступных организаций, представляет повышенную сложность. Это обуславливается следующими факторами. 1. Представители организованной преступности связаны «круговой порукой» и, как правило, находятся в конфликтной ситуации по отношению к правоохранительным органам. 2. Оказывается противодействие расследованию путем применения разных методов, включая физическое воздействие. 3. Данные лица, как правило, имеют криминальный опыт и владеют навыками противодействия расследованию, что позволяет им избегать «следственных ловушек» и делает тактические приемы и тактические комбинации менее эффективными. Допрос таких лиц требует от следователя наличия особых навыков и использования определенной тактики. Представители организованной преступности, как правило, отрицают свою вину в предъявленных им обвинениях либо отказываются от дачи показаний. Признательные показания они дают лишь в тех случаях, когда были задержаны с поличным или следствие обладает неопровержимыми уликами их виновности. Кроме того, известны

случаи, когда члены преступных групп оговаривали себя, присваивая вину других лиц, делая это по разным причинам (например, чтобы «загладить» собственную вину перед соучастниками). Основные тактические положения допросов данных лиц можно свести к следующему.

Во-первых, подготовка к допросу. Допрос членов преступных организаций должен планироваться заранее [1, с. 63]. Бесплановый допрос будет малоэффективным следственным действием, носящим лишь формальный характер. В процессе подготовки к допросу необходимо сформулировать следующее. 1. Какие обстоятельства подлежат выяснению. 2. Какова роль допрашиваемого лица в преступной организации. 3. Какие доказательства его вины могут быть ему предъявлены. 4. Какие способы противодействия расследованию может использовать подозреваемый (обвиняемый) – сокрытие известных ему фактов, указание на ложное алиби и пр. Следователь не сможет точно предвидеть какую именно позицию в ходе допроса займет допрашиваемый. Однако наиболее вероятными будут конфликтная ситуация и отказ подозреваемого в признании своей вины.

Во-вторых, сам процесс допроса. Позиция членов организованных преступных групп и преступных организаций при допросе чаще всего обуславливается стремлением скрыть собственное участие в совершенных преступлениях, опасением мести со стороны других соучастников, ложно понимаемым чувством «преступной солидарности» и другими негативными факторами. Всё это затрудняет получение признательных показаний. Кроме того, данные лица нередко меняют ранее данные показания, будучи изобличёнными добытыми следователями доказательствами. Пример из судебно-следственной практики времен т.н. «казанского феномена». Две молодежные группировки г. Казани устроили массовую драку с использованием подручных средств (палки, хоккейные клюшки, металлические трубы). В ходе драки участник одной из группировок получил многочисленные телесные повреждения, от которых скончался. По возбужденному уголовному делу были задержаны пятеро активных членов преступной группировки. В ходе первоначальных допросов они показали, что якобы находились без какой-либо определенной цели во дворе своего дома, где на них напала незнакомая молодежь и нанесла им телесные повреждения. Впоследствии, будучи изобличенными показаниями свидетелей и другими доказательствами, они изменили ранее данные показания. При повторных допросах они признались в том, что являются членами молодежной группировки и находились во дворе дома, ожидая нападения «врагов», заранее приготовив палки и другие предметы, используемые в качестве оружия. В ходе возникшей массовой драки они обратили представителей враждебной группировки в бегство и нанесли удары упавшему на землю потерпевшему[1].

Чаще всего признательные показания дают члены преступных группировок, чьё участие в преступной деятельности было наименьшим (пособники), поскольку они могут рассчитывать на снисхождение со стороны суда. Кроме того, их криминальный опыт, как правило, незначителен, вследствие чего они являются менее устойчивыми при использовании следователем в ходе допроса тактических приёмов и тактических комбинаций. Последние не должны противоречить нормам закона и общепринятым нормам морали, поскольку, именно противоречащие закону тактические приемы и комбинации являются наиболее эффективными и «соблазнительными» для следователя. Так, знаменитый дореволюционный российский сыщик А.Ф. Кошко, расследуя дело о крупной краже в банке г. Харькова, использовал следующую тактическую комбинацию. В совершении хищения подозревалась известная в Российской империи преступная организация, т.н. «варшавских воров». Согласно полученным полицией данным, соучастником кражи являлся служащий банка, поляк по национальности. Будучи задержанным, он категорически отрицал свою причастность к совершенному преступлению. Кошко удалось получить сведения о том, что супруга кассира состоит в любовной связи с одним из членов преступной организации. По заданию А.Ф. Кошко полицейский агент обманным путем заставил супругу кассира написать письмо своему любовнику. Это письмо было перехвачено и показано подозреваемому кассиру. Последний, прочитав письмо, пришёл в ярость и немедленно дал признательные показания, изобличающие как его самого, так и остальных преступников [2]. Использование подобной «тактической комбинации» недопустимо, так как в данном случае намеренно разжигается вражда и ненависть между участниками процесса и осуществляется вмешательство в частную жизнь лица. В настоящее время использование подобной тактики прямо нарушало бы положения ст. 7 УПК РФ [3].

В качестве успешного тактического приёма, примененного при допросе члена организованной преступной группы, можно использовать «допущение легенды», о чем свидетельствует следующий случай. Семеро соучастников подозревались в совершении разбойного нападения, сопряжённого с убийством потерпевшего. Несовершеннолетний А. решил «взять на себя» совершенное убийство и заявил, что он якобы причинил смерть потерпевшему. Однако его показания, недостаточно ясные, вызвали у следователя сомнения в их подлинности. Следователь сообщил остальным подозреваемым о признании А., при этом пятеро из них показали,

[1] Уголовное дело № 100088, возбуждено 18.11.1989, архив Приволжского районного суда г. Казани.

что не видели, как последний совершил убийство. Шестой подозреваемый сообщил, что лично видел, как А. нанес смертельное ранение, подробно описав все обстоятельства и характер смертельного ранения. Следователь сопоставил его показания с заключением судебно-медицинской экспертизы и понял, что именно это лицо и виновно в убийстве, поскольку так детально описать факты преступления мог лишь сам убийца. Впоследствии было установлено, что А. оговорил себя, и именно шестой подозреваемый и нанёс смертельное ранение потерпевшему [4, с. 37–38]. Другим, достаточно успешно применяемым в подобных ситуациях тактическим приемом является создание у допрашиваемого лица преувеличенного представления об осведомленности следователя. Данное представление может быть создано путем демонстрации отдельных фактов о некоторых эпизодах преступной деятельности преступной организации, о ее составе, структуре и образе жизни как допрашиваемого, так и его соучастников. При этом не следует указывать источники осведомленности следователя о перечисленных допрашиваемому лицу фактах. Еще одним эффективным тактическим приёмом является т.н. «вызов». В данном случае обвиняемый вовлекается в беседу путем использования «акцента» на каких-либо спорных фактах, которые легко могут быть опровергнуты допрашиваемым или даже выгодны ему. После того как допрашиваемый оказывается «втянутым» в беседу, ему приводят существенные доказательства его вины, например обличающие показания других соучастников [5].

В-третьих, оценка полученных показаний. При этом учитывается следующее. 1. Значительное количество подозреваемых и обвиняемых. По одному уголовному делу могут обвиняться несколько десятков человек, что затрудняет оценку их показаний. Инновационный (для своего времени) метод был применен сотрудниками правоохранительных органов ТАССР при расследовании преступлений, совершенных организованной преступной группировкой «Теплоконтроль». По делу было допрошено свыше 30 обвиняемых, и для сверки и оценки их показаний впервые использовали т.н. «меморандумы». Они представляли собой расчерченные листы бумаги, на которых записывали показания разных людей. С помощью меморандума показания обвиняемых легко было сравнить друг с другом и выявить противоречия. «Все несовпадения были видны как на тарелочке; "качали на косвенных" – задавали вроде бы безопасные, второстепенные вопросы, при помощи которых незаметно выявляли несоответствие действительным обстоятельствам» [6]. 2. Возможность изменения ранее допрошенными лицами своих показаний или отказа от них. Как правило, это совершается вследствие незаконного воздействия соучастников. Так, при расследовании вышеуказанного уголовного дела № 100088, возбужденного по факту массовой драки двух казанских молодежных группировок, обвиняемый отправил из следственного изолятора письмо своему знакомому. В письме он предложил оказать незаконное воздействие на другого обвиняемого, давшего против него обличающие показания. Цитата из письма: «Пусть показания меняет, мы никого не называем, или вообще говорим, что не видели, как я ударил». Письмо было перехвачено и приобщено к материалам уголовного дела. 3. Полученные показания следует проверять путем производства других процессуальных действий. Например, если подозреваемый (обвиняемый) признаёт свою вину, следует провести с ним проверку показаний на месте, в ходе которой он продемонстрирует совершенные им действия. Это также является эффективным средством разоблачения самооговора.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие выводы. 1. Допросам подозреваемых и обвиняемых членов организованных преступных групп должна предшествовать тщательная подготовка, предусматривающая изучение их личности, неформального преступного «статуса» и других обстоятельств, имеющих значение для дела. 2. При допросах следует использовать тактические приёмы и тактические комбинации, не нарушающие положения действующего законодательства и общепринятых норм морали. 3. Полученные показания должны быть оценены и проверены путем сопоставления их с другими полученными доказательствами и производства следственных действий (например, проверки показаний на месте).

Литература:

1. Абраменкова В.С. Особенности тактики допроса членов организованных преступных групп по делам об убийствах // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4. С. 64–65.
2. Кошко А.Ф. Кража в харьковском банке. URL: https://books.yandex.ru/books/hP8rnpex/read-online (дата обращения: 16.04.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // СПС КонсультантПлюс.
4. Речков И.Е. Тактика допроса при расследовании преступлений, совершенных членами устойчивых вооруженных групп (банд) // Российский юридический журнал. 2003. № 3. С. 35–40.

5. Белокобыльская О.И., Белокобыльский М.Е. Тактика допроса по делам об убийствах, совершенных организованными группами. URL: taktika-doprosa-po-delam-ob-ubiystvah-sovershennyh-organizovannymi-gruppami.pdf (дата обращения: 19.04.2026).
6. Гараев Р.Н. Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970-2010-х. URL: https://iknigi.net/avtor-robert-garaev/246383-slovo-pacana-kriminalnyy-tatarstan-19702010-h-robert-garaev/read/page-24.html (дата обращения: 18.04.2026).

Some Features of Interrogation Tactics for Members of Organized Crime Groups

Anton Viktorovich Ivanov
Kazan Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

This article analyzes forensic interrogation tactics for suspects and accused members of organized crime groups and criminal organizations. Because investigating crimes committed by organized crime figures is highly complex, investigators must understand the tactical aspects of verbal communication with such individuals. The paper provides examples of the successful use of these tactics in interrogating individuals who were members of criminal organizations. Attention is drawn to the specifics of preparation for such interrogations and the evaluation of the testimony obtained.

The study concludes: interrogations of suspects and accused persons must be preceded by careful preparation; tactical techniques and combinations must be used during interrogations; the testimony obtained must be evaluated and verified by comparing it with other evidence.

Key words: interrogation tactics, members of organized crime groups and criminal organizations, tactical technique, tactical combination, the person being interrogated

УДК 314.334
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-424-427
© Ильиных С.А., 2026

Сотрудничество стран БРИКС. Что знают об этом россияне?

Ильиных Светлана Анатольевна
Доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
(630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56; e-mail: ili.sa@mail.ru)

Статья посвящена изучению проблематики специфики деятельности стран БРИКС. Актуальность темы исследования связана с расширением деятельности содружества стран и одновременно умеренной информированностью об этом россиян. Целью исследования является анализ специфики сотрудничества стран БРИКС, а также изучение мнения россиян об этом содружестве. Задачи исследования связаны с теоретическим обоснованием деятельности стран БРИКС и эмпирическим исследованием информированности россиян о содружестве. Обосновано, что БРИКС выступает как сложное и неоднородное интеграционное пространство, в котором сочетание различных уровней развития и экономических интересов превращается в ресурс формирования альтернативной, многополярной архитектуры международных отношений. В эмпирическом исследовании ФОМ, проведенном в 2024 г., выявлен умеренный уровень осведомленности россиян о БРИКС и гендерный разрыв в представлениях о деятельности БРИКС. В заключение делается вывод о необходимости целенаправленных коммуникативных практик для укрепления социальной легитимности объединения в российском обществе.

Ключевые слова: *БРИКС, содружество, многополярность, Россия*

Для цитирования: *Ильиных С.А. Сотрудничество стран БРИКС. Что знают об этом россияне? // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 424–427. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-424-427.*

Проблематика исследования содружества стран БРИКС продиктована несколькими обстоятельствами. С одной стороны, содружество растет, экономики стран БРИКС дополняют друг друга. Но с другой стороны, эмпирические исследования показывают умеренный уровень осведомленности россиян о деятельности БРИКС. В связи с этим актуально кратко представить историю развития содружества, цели объединения, а затем представить результаты исследования информированности россиян о БРИКС.

Аббревиатура БРИК появилась в 2001 г. как аналитическая конструкция, обозначающая группу крупнейших развивающихся экономик: Бразилии, России, Индии и Китая. В конце XX – начале XXI вв. между этими странами активизировалсиь экономические и дипломатические связи. В 2001–2005 гг. взаимоотношения пережили новый этап интенсификации, что было особенно заметно на уровне межгосударственного диалога и координации позиций на ключевых международных площадках. Важным поворотным моментом стало проведение в 2008 г. неформального саммита БРИК в Екатеринбурге, после которого руководители стран решили официально закрепить структуру и вывести формат из разряда экономической идеи в ранг политического и институционального сотрудничества. В июне 2009 г. в Екатеринбурге состоялся первый официальный саммит стран БРИК, итогом которого стала

подписанная Совместная декларация. В ней лидеры договорились совместно отстаивать свои интересы на мировой арене, опираясь на принципы равноправия, многополярности, уважения международного права и взаимной поддержки [1].

В ходе саммита были согласованы общие подходы к противодействию глобальному финансовому и экономическому кризису, а также определён приоритет расширения взаимодействия в сфере энергетики, экономики, науки и образования. Это подчеркнуло экономически ориентированный, но многосекторальный и политический характер новых форматов сотрудничества. Формат БРИК основывался на идее коллективного равноправия: ни одна из четырёх стран формально не доминировала, а решения принимались на основе консенсуса. Это позволило объединению занять устойчивую нишу в новой структуре международной политики.

В первый десятилетний период XXI в. БРИК вышел далеко за пределы чисто экономического клуба, превратившись в заметного «игрока» в глобальной системе, способного влиять на расстановку сил и повестку многосторонних организаций. В 2011 г. после присоединения Южно-Африканской Республики состав расширился до пяти стран, а аббревиатура приобрела окончательный вид – БРИКС, что символизировало переход от квартет-клуба к более широкому и географически разнесённому объединению, включающему представителя Африки и ориентированному на большую институциональную легитимность и репрезентативность в глобальной политике [1].

В 2024–2025 гг. формат международного сотрудничества, в который входят Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика, Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия, Эфиопия и Индонезия, существенно трансформировался и расширил свою географическую и функциональную базу. Государства-участники последовательно выводят на первый план экономические и социальные аспекты взаимодействия: развитие взаимной торговли, модернизацию систем здравоохранения, повышение доступности и качества образования, укрепление институтов социальной защиты, а также формирование более устойчивых финансовых и инфраструктурных связей. Особое внимание уделяется налаживанию межбанковского сотрудничества и постепенному переходу к расчетам в национальных валютах, что снижает зависимость от традиционных резервных валют и расширяет финансовый суверенитет участников.

Современное содружество, включающее эти десять стран, охватывает около трети всей суши планеты, где проживает более 45 % мирового населения и сосредоточено примерно 45 % глобальных запасов нефти. Это подчёркивает его значимую роль в энергетической и демографической повестке международной системы. По совокупной производственной и финансовой мощи эти государства производят около 30 % мирового ВВП и аккумулируют в своих национальных банках более 17 % мировых запасов золота, что превращает формат БРИКС и расширенное «БРИКС-пространство» в один из ключевых центров экономической силы, способных формировать альтернативные модели мироустройства и многостороннего сотрудничества.

К 2026 г. круг государств, выразивших заинтересованность в присоединении к объединению, заметно расширился и приобрёл выраженный многосекторальный и географически разнесённый характер. В числе стран, официально заявивших о желании вступить в формат, оказались Алжир, Азербайджан, Боливия, Бангладеш, Белоруссия, Бахрейн, Вьетнам, Гондурас, Венесуэла, Зимбабве, Куба, Кувейт, Казахстан, Марокко, Никарагуа, Нигерия, Пакистан, Экваториальная Гвинея, Сенегал, Сирия, Турция, Уганда, Чад, Шри-Ланка, Эритрея, Южный Судан. Это формирует плотный кольцевой контур, охватывающий значительную часть Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии.

Помимо этих государств, официальные заявления о намерении вступить в объединение направили также представители Таиланда и Малайзии, что подчёркивает растущую привлекательность формата для стран Юго-Восточной Азии и добавляет к общей картине ещё один устойчивый регион стратегического интереса. Совокупность этих заявлений отражает не только расширение географической базы сотрудничества, но и формирование устойчивого блока, в котором всё больше государств рассматривают интеграцию в БРИКС как возможный инструмент усиления собственной позиции в многополярной системе международных отношений.

Участники БРИКС объединяют в себе выраженно разнородное экономическое и цивилизационное пространство, в котором соседствуют разные уровни развития, институциональные траектории и социально-экономические модели. Как подчёркивает А.В. Виноградов, эта особенность является не просто фоном, а ключевым элементом формата: страны-участницы «предложили не только разные социально-экономические модели, но и разные цивилизации… Глобализация привела их к соприкосновению и открыла новые явления, превратившие их ещё и в основных субъектов международных отношений» [2, с. 47]. В этом смысле БРИКС выступает как институционализированный полигон, где взаимодействие разнородности и конвергенции становится источником новых практик многостороннего сотрудничества[1].

[1] Например, В.А. Лаврентьев, Л.В. Лаврентьева, Ч.А. Сахедова рассматривают влияние страны БРИКС на мировую нестабильность в условиях геополитического кризиса [3].

Если кратко обозначить основные цели саммитов лидеров государств БРИКС, можно выделить несколько ключевых направлений. Прежде всего, речь идёт о повышении социально-экономических показателей и конкурентоспособности участников за счёт системного освоения и комплементарного использования экономического потенциала каждого государства в рамках формата. Второй блок задач связан с совместным противодействием глобальным и региональным экономическим кризисам, рискам и политическим разногласиям, что предполагает координацию позиций и выработку общих механизмов стабилизации.

Третьим направлением становится развитие и совершенствование инструментов торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия: от налаживания логистических и инфраструктурных связей до формирования альтернативных финансовых и расчётных механизмов. Четвёртая цель – повышение качества жизни населения и последовательная борьба с бедностью в странах-участниках, что встраивает социально-гуманитарную повестку в ядро экономической интеграции. Пятым приоритетом является стимулирование развития инновационной экономики, основанной на цифровизации, научно-техническом сотрудничестве и развитии человеческого капитала. Наконец, БРИКС акцентирует и внешнеполитический вектор, направляя усилия на расширение контактов и сотрудничества с государствами, не входящими в формат, что превращает объединение в открытый, но стратегически ориентированный полигон многосторонних отношений. В совокупности это формирует устойчивый образ БРИКС как интеграционного пространства, где сочетание разнородности и совместной повестки становится ресурсом для пересмотра инициатив глобального развития.

Таким образом, БРИКС выступает как сложное и неоднородное интеграционное пространство, в котором сочетание различных уровней развития, цивилизационных моделей и экономических интересов превращается в ресурс формирования альтернативной, многополярной архитектуры международных отношений.

Перейдем к вопросу о том, насколько известно это содружество среди россиян. В 2024 г. ФОМ опросил 1500 респондентов из 53 субъектов РФ, 104 населенных пунктов [4]. Результаты показывают, что на вопрос «Вы знаете, что-то слышали или слышите сейчас впервые о группе стран БРИКС?» 25 % опрошенных ответили, что знают, 35 % что-то слышали, 39 % впервые слышат об этом. Что касается распределения по полу, то 33 % мужчин знают, 36 % что-то слышали, 30 % впервые слышат. У женщин картина значительно хуже: 19 % знают, 34 % что-то слышали, 47 % впервые слышат. Отметим, что к третьей группе (впервые слышу) относятся преимущественно молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет – 60 %. И это в основном лица с невысоким уровнем образования – средним и ниже. Чаще других знают и что-то слышали представители в возрасте старше 60 лет, имеющие высшее образование (37 %).

Тем, кто знает или что-то слышал о БРИКС (60 % респондентов), задавался вопрос о том, как строятся отношения в БРИКС: «Как вы думаете, отношения в БРИКС строятся на основе равенства, или есть страны, которые играют ведущую роль? Если есть, то какие это страны?» 28 % опрошенных полагают, что отношения строятся на основе равенства. Однако по 22 % в каждом случае назвали страны, играющие ведущую роль – Россию и Китай.

Таким образом, эмпирические результаты демонстрируют гендерный и возрастной дисбаланс в восприятии: 25 % россиян осведомлены о БРИКС, с преобладанием мужчин (33 %) и старшего поколения с высшим образованием (37 %), в то время как среди молодежи 18–30 лет и женщин доля «незнакомцев» достигает 60 и 47 % соответственно. Среди информированных (60 %) лишь 28 % высказываются за равноправие в странах БРИКС, по 22 % – за лидерство России и Китая, что отражает реалистичное осознание дуалистической динамики в консенсусной модели.

В итоге БРИКС предстает полицивилизационным полигоном конвергенции разнородных моделей, где стратегические цели – от экономической устойчивости до гуманитарного сотрудничества представляют собой альтернативу униполярности. Низкая осведомленность населения обуславливает необходимость целенаправленных коммуникативных практик для укрепления социальной легитимности объединения в российском обществе.

Как нам представляется, для повышения информированности россиян о БРИКС важно проводить регулярные просветительские кампании о содружестве в школах, вузах, социальных сетях, медиа. Акцент должен быть сделан не только на политических аспектах, но и на практической выгоде объединения.

Для активного вовлечения молодежной аудитории в этот процесс необходимо делать упор на молодежные форматы. Сюда относятся студенческие обмены, международные форумы, волонтерские и научные проекты. Отметим, что именно молодежные контакты представляют собой точки роста сотрудничества стран БРИКС.

Чтобы сократить гендерный и возрастной разрыв информированности о БРИКС, можно использовать различные тематики: для женщин – вопросы занятости, образования, здравоохранения, для мужчин – экономики, безопасности, технологического сотрудничества. Для молодежи эффективнее использовать цифровые площадки и интерактивные курсы.

Для укрепления легитимности БРИКС необходимы публичные отчеты о совместных образовательных программах, научных проектах, региональных дискуссиях, молодежных мероприятиях.

Литература:

1. Явнова И.И. БРИКС: история создания // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 9 (49). С. 70–74
2. Виноградов А.В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. 2014. № 4. С. 47–52.
3. Лаврентьев В.А., Лаврентьева Л.В., Сахедова Ч.А. Страны БРИКС и их влияние на мировую нестабильность в условиях геополитического кризиса // Инновационная экономика: перспективы развития и перспективы. 2022. № 6 (64). С. 51–57.
4. Зачем нужна группа стран БРИКС? Влияет ли сейчас деятельность БРИКС на ситуацию в мире? URL: https://fom.ru/Mir/15094/ (дата обращения 10.04.2026).

BRICS Cooperation. What do Russians Know About it?

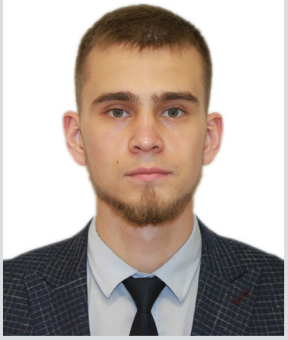
Svetlana Anatolievna Ilynykh
Novosibirsk State University of Economy and Management (Novosibirsk, Russia)

This article examines the specific activities of the BRICS countries. The relevance of this research topic is due to the expansion of the commonwealth's activities and, at the same time, the moderate awareness of this activity among Russians. The aim of the study is to analyze the specifics of cooperation between the BRICS countries and to examine Russians' opinions of this commonwealth. The objectives of the study are related to the theoretical justification of the BRICS countries' activities and an empirical study of Russians' awareness of the commonwealth. It is substantiated that BRICS acts as a complex and heterogeneous integration space, in which the combination of different levels of development and economic interests is transformed into a resource for the formation of an alternative, multipolar architecture of international relations. An empirical study conducted by FOM in 2024 revealed a moderate level of awareness of BRICS among Russians and a gender gap in perceptions of BRICS activities. The conclusion summarizes the need for targeted communication practices to strengthen the social legitimacy of the association in Russian society.

Keywords: BRICS, commonwealth, multipolarity, Russia

УДК 332
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-428-432
© Мингазов А.А., 2026

Формирование региональной системы экспорта образовательных услуг в рамках государственной политики РФ на примере Республики Татарстан

Мингазов Альмир Алмазович
Аспирант Центра перспективных и экономических исследований Академии наук Республики Татарстан
(420111, Казань, ул. Карла Маркса, 23; e-mail: mingazov@maineducation.ru; ORCID: 0009-0003-8721-4449; SPIN: 4930-2310)

Закрепление экспорта образовательных услуг в системе государственных приоритетов Российской Федерации с 2017 г. актуализирует исследование региональных практик его реализации, особенно в контексте достижения целевого показателя по привлечению 500 тыс. иностранных обучающихся к 2030 г. Цель статьи – выявление сложившихся механизмов организации экспорта образовательных услуг в Республике Татарстан и определение направлений их дальнейшего развития с учетом федеральных приоритетов. Научная значимость работы заключается в систематизации данных по экспорту образовательных услуг в одном из ведущих регионов страны, выявлении общих черт организации экспорта на региональном уровне. Результаты исследования могут быть использованы в научно-образовательной деятельности при изучении вопросов интернационализации высшего образования, а также в практической работе университетов при планировании стратегий привлечения иностранных студентов. Ценность и научная новизна проведенного исследования связаны с анализом экспорта образовательных услуг в Республике Татарстан на основе данных трех ведущих университетов за период 2020–2024 гг. В ходе исследования установлены высокая концентрация иностранного контингента в КФУ при устойчивой географической привязке к странам Центральной Азии, а также определен комплекс используемых вузами инструментов привлечения иностранных студентов.

Ключевые слова: *экспорт образовательных услуг, интернационализация высшего образования, региональное управление, Республика Татарстан, инструменты привлечения иностранных студентов, динамика экспорта образования*

Для цитирования: *Мингазов А.А. Формирование региональной системы экспорта образовательных услуг в рамках государственной политики РФ на примере Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 428–432. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-428-432.*

Государственная политика Российской Федерации в сфере экспорта образовательных услуг получила системное развитие с 2017 г., когда правительство закрепило за этим направлением статус стратегического приоритета. Последующая нормативная база, включая проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [1], программу «Приоритет-2030» [2] и национальный проект «Наука и университеты» [3], подтвердила устойчивость этой линии. Согласно Указу Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период

до 2030 года и на перспективу до 2036 года», одной из стратегических задач является увеличение численности иностранных студентов до 500 тыс. чел. к 2030 г. [4].

По итогам заседания Совета по поддержке программ развития университетов в рамках основного трека программы отобрано 87 вузов, представляющих 36 регионов страны. Распределение участников по трем группам выглядит следующим образом: 13 университетов первой группы получат финансирование в объеме около 830 млн руб. каждый; 22 вуза второй группы – приблизительно по 400 млн руб.; для 52 университетов третьей группы предусмотрены суммы до 100 млн руб. [5]. По словам министра науки и высшего образования РФ В. Фалькова, «получателями субсидий являются прежде всего региональные университеты. Сегодня они на равных конкурируют с ведущими московскими и санкт-петербургскими вузами за лучшие результаты реализации своих стратегических технологических проектов» [5].

В ходе исследования, проведенного Т.Ф. Крейденко и соавторами, охватившего 115 университетов и 30 городов – университетских центров Сибирского федерального округа, получены показательные результаты. Среди 29 городов, принимающих иностранных студентов, только Томск отнесен к категории населенных пунктов с высоким потенциалом экспортной деятельности в образовательной и научной сферах [6]. Напротив, 22 университетских центра признаны принадлежащими к третьей группе, то есть обладающими низким экспортным потенциалом.

Учитывая выявленную асимметрию, целесообразно рассмотреть экспортный потенциал Республики Татарстан (РТ), занимающей ключевые позиции в системе высшего образования Приволжского федерального округа. Координацию деятельности в этой сфере осуществляет Министерство образования и науки РТ, которое активно участвует в привлечении иностранных граждан. По данным на 2024 г., в вузах РТ обучается 147,3 тыс. студентов, из которых 22,7 тыс. – иностранные граждане из 15 стран ближнего и 111 стран дальнего зарубежья [7].

Реализация экспортной стратегии в значительной степени определяется деятельностью ведущих университетов региона, среди которых системообразующее значение принадлежит Казанскому (Приволжскому) федеральному университету (КФУ). Университет выступает ключевым проводником образовательной политики, что подтверждается масштабом и географией его международной активности. Сформирована разветвленная сеть сотрудничества, включающая более 180 вузов-партнеров из 21 страны Организации исламского сотрудничества [8].

Масштаб международного присутствия университета подтверждается численностью иностранного контингента. По состоянию на 2024 г. в КФУ обучаются 8 224 иностранных гражданина, представляющих 102 страны, что соответствует 19,11 % от общего числа студентов. С учетом филиалов совокупная численность достигает порядка 12 тыс. чел. (рис. 1)[8].

Структура контингента носит регионально-ориентированный характер (табл. 1).

Рис. 1. Доход и численность иностранных студентов КФУ [8]

Таблица 1

Структура иностранного контингента КФУ по странам и регионам (2024 г.)

Страна / регион	Численность, чел.
Центральная Азия	5 576
Китай	1 157
Иран	221
Индия	106
Сирия	74
Африка	307
Латинская Америка	127
Прочие страны	656

Составлено автором на основе [9].

Преобладание студентов из стран – членов Организации исламского сотрудничества (свыше 80 %) указывает на устойчивую географическую специализацию экспорта образовательных услуг КФУ и его ориентацию на соответствующий рынок. Выявленная географическая специализация находит отражение в динамике доходов и численности иностранных студентов.

Университет применяет ряд инструментов для привлечения иностранных студентов и повышения своей привлекательности на международном образовательном рынке [9]:

• Международное партнерство и сетевые программы: КФУ выступает опорным университетом Сетевого университета высоких технологий Союзного государства и возглавляет Ассоциацию азиатских университетов.

• Программы двойных дипломов реализуются совместно с зарубежными университетами по ряду направлений подготовки, позволяя иностранным студентам получать одновременно два диплома.

• Зарубежные филиалы: филиал в г. Джизаке (Узбекистан, 739 обучающихся) и филиал в г. Каире (Еги-

пет, 1191 обучающийся). Общая численность контингента зарубежных филиалов достигла 1930 чел.

• Зарубежные подготовительные отделения действуют в Иране, Турции, Египте и Китае (провинции Шаньдун и Гуандун), обеспечивая довузовскую подготовку иностранных граждан и их последующий переход на основные образовательные программы.

• Проект «Летний университет» (2023 г.) принял 300 иностранных студентов из стран дальнего зарубежья по 8 образовательным трекам. Проект выполняет функцию краткосрочной академической мобильности и формирования лояльности к российскому образованию.

• Программа «Лобачевский» программа привлечения талантливых молодых ученых из стран ОИС, реализуемая при поддержке *COMSTECH*, ориентирована на привлечение высококвалифицированных кадров.

Реализация экспортной стратегии в РТ также определяется деятельностью Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ). Университет формирует устойчивое международное присутствие, опирающееся на разветвленную сеть партнерских связей. Заключено 85 соглашений о сотрудничестве с научно-образовательными организациями, бизнес-структурами и международными ассоциациями из 18 стран мира [10].

Географическая структура контингента характеризуется высокой концентрацией стран Центральной Азии. Доминирующее положение занимает Туркменистан, заметную роль также играют Казахстан и Узбекистан. Среди других значимых направлений выделяются Китай и Вьетнам [10].

На фоне указанной географической концентрации динамика доходов от экспорта образовательных услуг КНИТУ представлена на рисунке 2.

Рис. 2. Динамика доходов от экспорта образовательных услуг КНИТУ [11]

В отличие от КФУ, где наблюдался устойчивый рост численности иностранного контингента, в КНИТУ динамика носила разнонаправленный характер. Пик численности иностранных студентов пришелся на 2022 г. (2770 чел.), после чего последовало снижение до 1829 чел. в 2024 г.

КНИТУ применяет комплекс инструментов для привлечения иностранных студентов и повышения своей привлекательности на международном образовательном рынке [11]:

• Программы двойных дипломов – реализуются совместно с Пекинским университетом химической технологии (Китай). В 2024 г. 33 студента КНИТУ направлены для обучения в КНР при поддержке ПАО «Сибур Холдинг», гарантирующего трудоустройство выпускников.

• Международная академическая мобильность. Например, в 2024 г. 70 преподавателей и студентов КНИТУ стали победителями гранта Правительства РТ «Алгарыш», благодаря чему они прошли стажировку в Узбекистане, Киргизии, Малайзии, Армении, Беларуси, Вьетнаме.

• Сотрудничество с Индийским институтом менеджмента Райпур. Например, в 2024 г. 5 студентов КНИТУ прошли обучение по программе «Менеджмент» сроком в один триместр.

Значимый вклад в развитие экспортного направления в РТ вносит Казанский государственный энергетический университет (КГЭУ). Международное партнерство КГЭУ охватывает 17 соглашений с организациями ближнего зарубежья и 23 соглашения с партнерами из дальнего зарубежья.

Несмотря на более скромные масштабы присутствия иностранных студентов, университет показывает устойчивую положительную динамику (рис. 3).

Рис. 3. Динамика доходов от экспорта образовательных услуг КГЭУ [13]

В рассматриваемый период фиксируется устойчивый и синхронный рост как численности иностранных студентов, так и доходов. Выявленная динамика указывает на поступательное развитие экспортной деятельности университета и повышение ее результативности.

Университет применяет комплекс инструментов для привлечения иностранных студентов и повышения своей привлекательности на международном образовательном рынке [13]:

• Программы двойных дипломов – реализуются с китайскими университетами-партнерами по схеме «2+2».

• Международное партнерство – заключены соглашения с вузами Индонезии и Китая, предусматривающие академические обмены студентами и

преподавателями, совместные научные исследования и программы обмена знаниями и технологиями.

• Зарубежные подготовительные отделения – в КГЭУ действует отделение довузовской подготовки иностранных граждан, обеспечивающее обучение русскому языку и повышение базового уровня знаний по общеобразовательным предметам для последующего поступления в российские вузы.

• Программа «Эразмус+» – в рамках международного проекта *ESSENCE* реализуется англоязычная магистерская программа «*Smart Energy Systems*», позволяющая иностранным студентам получать образование на английском языке.

• Международная академическая мобильность – развиваются программы обмена студентами и преподавателями с зарубежными университетами, включая стипендиальные возможности.

В ходе проведенного исследования выявлены общие черты организации экспорта образовательных услуг в РТ.

Во-первых, экспортная деятельность вузов республики осуществляется в рамках реализации федеральных приоритетов. При этом каждый университет определяет конкретные механизмы и инструменты, исходя из своей специализации и ресурсных возможностей.

Во-вторых, экспортная деятельность в республике характеризуется высокой концентрацией в одном университете. На КФУ приходится 36,2 % всех иностранных студентов РТ, что делает его крупнейшим центром привлечения иностранных граждан в регионе.

В-третьих, структура иностранного контингента в РТ имеет устойчивую географическую привязку. Основными государствами, направляющими студентов на обучение, выступают страны Центральной Азии. В КФУ на этот регион приходится 68 % иностранных студентов, в КНИТУ доминирует Туркменистан. При этом в университетах также представлены студенты из Китая, Ирана, Индии, стран Африки, что отражает расширение географии.

В-четвертых, вузы РТ используют комплекс инструментов привлечения иностранных студентов. Наиболее распространенными инструментами выступают: зарубежные филиалы, подготовительные отделения, программы двойных дипломов, международная академическая мобильность, летние школы и образовательные проекты, привлечение зарубежных ученых, а также развитие сети международного партнерства.

Проведенное исследование показало, что экспорт образовательных услуг в РТ является сложившейся системой, в рамках которой ведущие университеты региона реализуют федеральные приоритеты, используя широкий спектр инструментов привлечения иностранных студентов. Дальнейшее развитие экспортной деятельности в республике связано с расширением географии привлечения иностранных студентов, укреплением экспортного потенциала КНИТУ и КГЭУ, а также достижением целевых ориентиров, заданных на федеральном уровне. Примером может служить стратегия КФУ, закрепленная в программе «Приоритет-2030»: увеличение внебюджетных доходов от набора иностранных студентов до 2 млрд руб. в год; достижение доли иностранных магистрантов и аспирантов на очной форме обучения не ниже 20 %; развертывание до 30 зарубежных представительств и подготовительных площадок; создание пяти филиалов с совокупным контингентом до 5 тыс. обучающихся, а также трудоустройство не менее 10 % иностранных выпускников в российских организациях [14].

Литература:

1. Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» // Правительство России. URL: static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
2. Приоритет – курс на технологическое лидерство // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: https://priority2030.ru/?amp %3Butm_from (дата обращения: 29.03.2026).
3. Наука и университеты // Национальные проекты России. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/nauka-iuniversitety (дата обращения: 29.03.2026).
4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/50542?ysclid=mnbli6lh4d877472662 (дата обращения: 29.03.2026).
5. НИУ ВШЭ стал лидером рейтинга вузов – участников программы «Приоритет-2030» // НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/news/priority/11049557 (дата обращения: 29.03.2026).
6. Крейденко Т.Ф., Мизинцева М.Ф., Холина В.Н. Подходы к оценке эффективности реализации экспорта образования вузами городов – университетских центров России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. № 16 (6). С. 270–288.
7. Иностранные студенты в вузах Казани // Министерство образования и науки РТ. URL: https://mon.tatarstan.ru/index.htm/news/2272868.htm (дата обращения: 29.03.2026).

8. Отчет о результатах самообследования федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» за 2024 год // Казанский федеральный университет. URL: file:///C:/Users/khaid/Downloads/002023%20%D0%9A%D.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
9. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» // ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2023/_vpo/inst (дата обращения: 29.03.2026).
10. Отчет о самообследовании деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Казанский национальный исследовательский технологический университет» за 2024 год // КНИТУ. URL: file:///C:/Users/khaid/Downloads/.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
11. ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» // ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2025/_vp (дата обращения: 29.03.2026).
12. Отчет о самообследовании «Казанского государственного энергетического университета» за 2022 год // КГЭУ. URL: file:///C:/Users/khaid/Downloads/download.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
13. ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет» // ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2025/_vpo/inst.php?id=1655031198 (дата обращения: 29.03.2026).
14. Программа развития КФУ // Приоритет 2030. URL: https://priority2030.ru/analytics/fjuczt4wem/program (дата обращения: 30.03.2026).

Formation of a Regional System for Exporting Educational Services within the Framework of State Policy of the Russian Federation: a Case Study of the Republic of Tatarstan

Almir Almazovich Mingazov
Center for Advanced Economic Research
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

The consolidation of educational services export among the state priorities of the Russian Federation since 2017 necessitates the study of regional practices in its implementation, particularly in the context of achieving the target of attracting 500 thousand international students by 2030. The purpose of the article is to identify the established mechanisms for organizing the export of educational services in the Republic of Tatarstan and to determine directions for their further development taking into account federal priorities. The scientific significance of the work lies in systematizing data on the export of educational services in one of the country's leading regions and identifying common features of export organization at the regional level. The research results can be used in scientific and educational activities when studying issues of internationalization of higher education, as well as in the practical work of universities when planning strategies for attracting international students. The value and scientific novelty of the conducted research are associated with the analysis of the export of educational services in the Republic of Tatarstan based on data from three leading universities for the period 2020–2024, which established a high concentration of international students at Kazan Federal University with a stable geographical focus on Central Asian countries, and also identified a set of tools used by universities to attract international students.

Keywords: export of educational services, internationalization of higher education, regional governance, Republic of Tatarstan, tools for attracting international students, dynamics of education export

УДК 379.85
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-433-440
© Охрименко Е.И., Радыгина Е.Г., Партина А.А., 2026

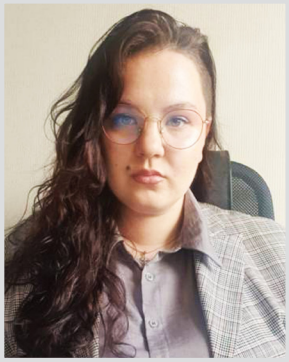
Особенности влияния гастрономического туризма на развитие въездного туризма в регионах (на примере Свердловской области)

Охрименко Елена Ивановна
Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства
Уральского государственного экономического университета
(620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45; e-mail: oelenai@yandex.ru;
ORCID: 0009-0006-5461-0092; Author ID: 402368; Scopus ID: 58040876000; SPIN: 5076-1151)

Радыгина Евгения Геннадьевна
Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства
Уральского государственного экономического университета
(620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45; e-mail: radygina@bk.ru;
ORCID: 0000-0002-2233-7734; Author ID: 698298; Scopus ID: 57285175200)

Партина Александра Антоновна
Менеджер отдела развития
ООО «ТД» КРАХМАЛПРОДУКТ»
(620100, Екатеринбург, Сибирский тракт, д. 25; e-mail: chacapoy@yandex.ru)

В статье представлен анализ научных трудов отечественных и зарубежных авторов по обозначенной теме исследования. Цель исследования - выявление проблем и особенностей влияния гастрономического туризма на развитие въездного туризма в регионах (на примере Свердловской области), а также разработка предложений для продвижения въездного туризма в регионе. Цель исследования конкретизируется в её задачах: представить обзор научной литературы в рамках обозначенной темы исследования; провести сравнительный анализ числа въездных туристских поездок иностранных граждан в Россию за период с 2022 по 2024 гг.; проанализировать динамику въездных туристских поездок иностранных граждан в регион (на примере Свердловской области) за аналогичный период времени; выявить проблемы, связанные с особенностями влияния гастрономического туризма на развитие въездного туризма в Свердловской области; разработать предложения для их устранения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные предложения для развития гастрономического туризма в регионе будут способствовать повышению туристического интереса к региону не только со стороны российских туристов, но и туристов, прибывших из стран ближнего и дальнего зарубежья. Представленные предложения могут быть

применены специалистами туристической фирмы и содействовать популяризации гастрономических традиций региона.

Ключевые слова: *гастрономический туризм, регион, развитие, въездной туризм, проблемы, особенности*

Для цитирования: *Охрименко Е.И., Радыгина Е.Г., Партина А.А. Особенности влияния гастрономического туризма на развитие въездного туризма в регионах (на примере Свердловской области) // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 433–440. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-433-440.*

Введение

Россия обладает уникальными достопримечательностями, удивительными природными богатствами и имеет колоссальный культурно-исторический потенциал для развития внутреннего туризма. Внутренний туризм оказывает положительное влияние на различные сферы: экономику, культуру, экологию, социальную сферу и др. Туристическая деятельность способствует развитию гостиниц, ресторанов, сувенирных торговых точек в регионах нашей страны. Каждое новое предприятие, нацеленное на обслуживание туристов, предполагает создание новых рабочих мест для жителей региона. Особенно важен данный момент для малых городов, где туристическая деятельность только зарождается и соответствующие отрасли, связанные с развитием туризма, начинают набирать свои «обороты».

Отметим, что гастрономический туризм также способствует развитию не только внутреннего, но и въездного туризма. Гастрономия является неотъемлемой частью любого туристического маршрута и делает поездку более интересной и разнообразной. Например, в рамках гастрономического тура гости не только знакомятся с рецептами национальных блюд, но и имеют возможность самостоятельно их приготовить. Развитие гастрономического туризма влияет и на узнаваемость регионов, поскольку «местная кухня» привлекает особое внимание туристов и является одним из мощных факторов, способствующих развитию дестинации. Доходы от посещения туристами кулинарных фестивалей, мастер-классов, а также приобретения гастросувенирной продукции могут быть направлены, например, на содержание и необходимую реставрацию памятников культуры региона.

Внутренний туризм и въездной туризм способствуют продвижению уникальных региональных продуктов и туристических маршрутов, а также мотивируют местных жителей отдалённых регионов к привлечению туристического потока. Что немаловажно, это объединяет их усилия по сохранению уникальных традиций, формирует чувство причастности к общему делу и гордость за свой родной край.

Следует подчеркнуть, что Президент РФ В.В. Путин на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума заявил: «Развитие внутреннего туризма – один из приоритетов нашей долгосрочной стратегии. За шесть лет доля туристической отрасли в валовом внутреннем продукте должна увеличиться до 5 %, а количество поездок по стране с размещением в гостиницах – вырасти до 140 миллионов человек. Будем создавать комфортные и доступные условия для отдыха, включая строительство гостиниц и небольших кемпингов, горнолыжных курортов и парков развлечений» [1].

Обзор научной литературы по обозначенной теме исследования

На сегодняшний период времени в трудах ученых исследуются вопросы, связанные не только с выявлением особенностей развития гастрономического туризма в регионах нашей страны, но и его влияния на динамику туристских потоков, в том числе из стран дальнего зарубежья.

М.Г. Газилов дает следующее определение гастрономическому туризму: «Гастрономический туризм – отдых-поездка с целью попробовать блюдо или продукт определенной местности, познакомиться с секретом приготовления национальной кухни и кулинарными традициями края, которого посещаешь, а иногда и обучиться им» [2, с. 31].

В исследовании обозначено, что гастрономический туризм развивается, несмотря на имеющиеся затруднения. По мнению автора, стимулирование интереса к гастрономическому туризму является неотъемлемой составляющей развития внутреннего туризма и оказывает положительное влияние на продвижение сельского хозяйства. Гастрономический туризм и его дальнейшее развитие способствует «… повышению уровня регионального ресторанного бизнеса, социально-экономическому росту регионов, сохранению, стимулированию и реализации производства отдельных уникальных продуктов, а также помогает брендингу регионов» [2, с. 34].

В.В. Вдовыко, Ж.Ж. Чимитдоржиев подчеркивают существенное влияние внешнеполитических факторов на развитие внутреннего туризма. Внутренний туризм «…стал важным инструментом стабилизации и развития туристической отрасли» [3, с. 368]. По мнению авторов, внутренний туризм повлиял на разработку решений, связанных с развитием гастрономического туризма в регионах и привлечению большого количества туристов. Кроме того, авторы обращают внимание на то, что гастро-

номический туризм получит успешное развитие в том случае, если будет своевременно разработана стратегия развития данного вида туризма. В работе уделено особое внимание совместной работе региональных органов власти и ресторанов в продвижении местной гастрономической кухни с целью узнаваемости регионального брендинга [3, с. 368].

Е.В. Романюк, Е.В. Трусевич, С.Д. Димитриева [4] в своем исследовании особое внимание уделяют вопросам, связанным с появлением новых видов туризма. Среди самых популярных и востребованных видов туризма выделен также гастрономический туризм, который оказывает положительное влияние не только на узнаваемость региона, но и на его продвижение [4, с. 96].

Т.А. Танкиева, К.М. Рыльских [5] отмечают, что гастрономический туризм – это «… сложноорганизованные поездки, совмещающие в себе комплексы мероприятий различной направленности, целью которых является ознакомление с особенностями местной кухни и кулинарными традициями» [5, с. 155].

Авторы особо подчёркивают, что гастрономический туризм может стать перспективным направлением для регионов, поскольку российская кухня богата многообразием блюд. В работе отмечено, что в нашей стране разработано огромное количество брендов, однако, лишь малая доля брендов известна во всем мире [5, с. 155].

Е.И. Охрименко, В.В. Воеводина акцентируют внимание на условиях и перспективах развития гастрономического туризма в уральском регионе. По мнению авторов, важно не только сохранять традиционные рецепты уральских блюд, но и изучать историю их происхождения. Кроме того, необходимо своевременно повышать квалификацию специалистов, работающих в ресторанах и кафе региона; анализировать отзывы клиентов с целью повышения активности работы ресторанов и привлечения гастротуристов [6, с. 37].

Т.В. Пермякова, П.А. Каменских в своем исследовании отмечают, что «Свердловская область уже достаточно известна как туристская дестинация…» [7, с. 121]. По мнению авторов, знакомство с местной гастрономией происходит в период проведения событийных мероприятий в регионе, когда туристы приезжают на гастрофестивали [7, с. 121].

Е.И. Охрименко, А.А. Ошкордина утверждают, что развитие гастрономического туризма в регионе оказывает позитивное влияние на экономику региона, а это значит, и на пополнение бюджета [8, с. 129].

В своем исследовании Д.Е. Гладышев, П.Е. Соколова подчёркивают, что разработка новых креативных гастрономических проектов не только влияет на формирование бренда региона, но и на увеличение количества туристов [9, с. 18]. Авторы утверждают, что на сегодняшний день регионам необходимо применять современные инструменты событийного и гастрономического туризма, которые оказывают положительное влияние не только на формирование «необходимого образа и бренда территории», но влияют на ее экономический и просветительский рост [9, с. 19].

Т.О. Бердник в исследовании обращает особое внимание на то, что гастрономический туризм рассматривается туристами, приезжающими в регионы нашей страны, с совмещением с другими видами отдыха (например, пляжный и спортивный отдых, оздоровление, экскурсии), входящими в подсистемы природного комплекса [10, с. 54]. По мнению автора, такой подход оказывает положительное влияние не только на развитие инфраструктуры, но и обеспечивает создание комфортной среды для туристов и местных жителей региона [10, с. 54].

Laetitia Casangiu в статье акцентирует внимание на особую взаимосвязь выбора места отдыха туристов и их гастрономических знаний о румынском регионе Добруджия [11].

J.D. Mulcahy [12] в своей статье доказывает, что гастрономический туризм влияет не только на осознание собственной идентичности, но и способен повысить уровень и качество жизни людей [12, с. 24–31].

E. Wolf в результате проведенного анализа по изменению туристического спроса доказал, что увеличение спроса связано, в том числе, с тем, что туристы проявляют особый интерес «к кулинарному и винному туризму» [13, с. 27].

Таким образом, развитие гастрономического туризма оказывает положительное влияние на приток туристов в регионы и узнаваемость регионов; способствует развитию территории, сохраняя при этом её культурные традиции. Кроме того, у туристов появляется возможность познакомиться не только со спецификой местной кухни, но и попытаться приготовить предлагаемые блюда самостоятельно. Можно отметить, что гастрономия является универсальным «языком» туризма и оказывает огромное влияние на его развитие.

Материалы и методы

В рамках исследования использованы положения Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, утверждённой Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р [14]. Стратегия определяет комплексное развитие внутреннего и въездного туризма как приоритетное направление.

Согласно документу, конкурентные преимущества развития туризма в России включают наличие множества точек притяжения для внутренних и въездных туристов, имеющих общемировое значение [14].

Для достижения цели исследования – выявления особенностей влияния гастрономического туризма на развитие въездного туризма в регионах (на при-

мере Свердловской области) – были применены следующие методы:

1. Анализ динамики въездных туристских поездок иностранных граждан в Россию за период 2022–2024 гг. (табл. 1).

2. Исследование показателей и динамики въездных туристских поездок в Екатеринбург за аналогичный период.

Данные методы позволили сформировать эмпирическую базу для дальнейшего анализа влияния гастрономического туризма на развитие въездного туризма в регионе.

Согласно данным, представленным в таблице 1, можно констатировать, что в 2023 г. за период с января по март наблюдается положительная динамика приезда иностранных граждан в нашу страну. По сравнению с 2022 г. данный показатель несущественно, но увеличился и составил +0,14 %. Однако в июне по отношению к январю этот показатель снизился и составил -6,03 %, в сентябре по отношению к январю также отмечается снижение на -9,96 %, а в декабре по отношению к январю наблюдается уменьшение туристского потока на -0,41 %. Отрицательная динамика за обозначенный период связана, на наш взгляд, с влиянием ряда причин: сложившаяся геополитическая ситуация в мире; несвоевременность решения вопросов группового безвизового обмена; некоторые сложности работы карт международных платёжных систем; медленное восстановление въездного туризма после пандемии и др.

Отметим, что в 2024 г. по сравнению с 2023 г. можно выделить положительную динамику по числу въездных туристских поездок в Россию. Например, в период с января по март этот показатель существенно изменился по отношению к предыдущему периоду и составил +24,64 %. Обозначим причины, которые положительно повлияли на въездные туристские поездки в нашу страну: расширение авиасообщения с Китаем и ОАЭ; введение системы электронных виз и безвизового режима для групповых поездок из Китая; увеличение дополнительных международных рейсов, например, в страны Азии и Ближнего Востока; разработка индивидуальных туров и др.

Таким образом, своевременное решение проблем, связанных с развитием въездного туризма, оказывает огромное влияние на динамику туристских потоков в Россию, а также на повышение привлекательности и стимулирование экономического роста российских регионов.

Далее представим показатели и проанализируем динамику въездных туристских поездок в город Екатеринбург иностранных граждан за период 2022–2024 гг.

В 2022 г. количество иностранных граждан, посетивших Екатеринбург, составило 229,9 тыс. чел. [16], а в 2023 г. данный показатель увеличился на 18,49 % и составил 272,4 тыс. чел. [17]. В 2024 г. количество иностранных граждан, посетивших Екатеринбург, было всего 136,1 тыс. чел. [18], т.е. по сравнению с предыдущим годом показатель снизился на -50,03 %.

В 2022 г. количество иностранных граждан, посетивших Екатеринбург с туристическими целями, составило 4071 чел. [16], а в 2023 г. число прибывших гостей составило 4769 чел. [17], т.е. наблюдается существенное увеличение данного показателя по сравнению с предыдущим анализируемым периодом на +17,14 %. В 2024 г. количество прибывших гостей составило 3514,0 тыс. чел. [18], по сравнению с предыдущим периодом данный показатель снизился на -26,31 %.

Таким образом, туристическим фирмам необходимо учитывать динамику приезда иностранных граждан с туристическими и деловыми целями в город Екатеринбург. Знакомство иностранных гостей с уникальными гастрономическими особенностями приготовления блюд уральской кухни не только города Екатеринбурга, но и близлежащих населённых пунктов, расположенных в регионе, оказывает огромное влияние на развитие въездного туризма.

Однако необходимо обратить внимание на недостаточность гостиничных мест в небольших городах Свердловской области для размещения въездных деловых гостей и туристов. Кроме того, турфирмам нужно активно применять цифровые технологии, влияющие на повышение известности региона.

Важно отметить, что Распоряжение о «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [19] послужило основанием для разработки Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 года [20]. В Стратегии особое внимание уделено развитию гастрономического туризма в регионе как перспективному виду внутреннего туризма. Продвижение гастрономического туризма в Свердловской области должно быть ориентировано на личное представление гостей об особенностях приготовления уральских

Таблица 1

Число въездных туристских поездок иностранных граждан в Россию за период 2022–2024 гг. [15]

	2022 г.	2023 г.	в % к предыдущему периоду	2024 г.	в % к предыдущему периоду
Январь-март	1414	1416	+0,14	1765	+24,64
Январь-июнь	3651	3431	-6,03	3997	+16,49
Январь-сентябрь	6808	6130	-9,96	7048	+14,97
Январь-декабрь	8243	8210	-0,41	9054	+10,28

блюд, поскольку уральская кухня имеет свои уникальные черты [20].

В связи с вышеизложенным особое внимание уделим анализу развития гастрономического туризма в Свердловской области, поскольку данный вид туризма, как было отмечено выше, оказывает влияние на продвижение туризма.

С целью развития гастрономического туризма в Свердловской области, на наш взгляд, необходимо знакомить гостей и туристов, в том числе прибывших из ближнего и дальнего зарубежья, с кулинарными традициями нашего региона, например, путем проведения различных гастрономических мероприятий.

Важно отметить, что в Свердловской области активно развиваются и проводятся различные гастрономические мероприятия, которые посвящены изучению особенностей приготовления блюд уральской кухни. Одно из основных гастрономических мероприятий – организация и проведение гастрономических фестивалей. Представим некоторые примеры организации крупных гастрономических фестивалей, которые были проведены в Екатеринбурге и в городах Свердловской области за 2023–2025 гг.

В 2023 г. в Екатеринбурге был организован Фестиваль Аутентичной Уральской Кухни. Основная миссия фестиваля – знакомство большого количества людей с уральской кухней и открытие нового направления для развития шефов. «В числе участников были шефы не только уральских заведений, но и заведений Краснодара, Симферополя и Новосибирска» [21]. Фестиваль Аутентичной Уральской Кухни организуется ежегодно.

Кроме того, летом 2023 г. в Екатеринбурге были организованы следующие гастрономические фестивали:

1) «Рислинг Фест by БиоШмио». На этом фестивале рислинга представлена возможность для всех гостей города продегустировать различные виды рислинга.

2) «Настойки и бутерброды» – барный фест со специальным меню напитков с закусками в 20 заведениях города. Идея фестиваля – собрать максимальное количество карточек заведения и участвовать в розыгрыше призов.

3) Гастрономический фестиваль «ТАЙГАСТРО» с сетами из местных продуктов. Идея фестиваля – продемонстрировать разнообразие региональных особенностей кухни. Заведения создают сеты из трех блюд и напитка.

4) Фестиваль гастросетов «300 лет в обед», посвященный 300-летию города Екатеринбурга.

5) Большой российский фестиваль завтраков «*BreakFest*». Завтрак продлевается в 17 заведениях и расширяется меню, чтобы гости могли насладиться завтраком в любое время.

6) Гастрономический фестиваль «Да, Шеф!» для всей семьи, который возглавлял сам Константин Ивлев. В рамках фестиваля были запланированы кулинарная «битва», мастер-классы и многое другое.

7) Местный грибной гастрофестиваль «Уралисички» с уникальными блюдами из лисичек в меню у заведений участников [22] и др.

В городах Свердловской области также активно проводятся различные гастрономические мероприятия. Например, в городе Сысерть стартовал фестиваль уральских супов «Переборщи» [23]. На этом фестивале лучшими шеф-поварами региона были организованы мастер-классы для всех желающих. Фестиваль «Переборщи» посетило 830 чел. из Свердловской области и других российских регионов [23].

Идея фестиваля заключалась в предложении всем гостям полноценного, незабываемого отдыха. Были организованы тематические экскурсии, различные выступления, знакомство с уникальными местными рецептами приготовления блюд. Фестиваль «Переборщи» с 2023 г. организуется и проводится ежегодно.

В 2024 г. был организован гастрономический фестиваль «Вкус лета» в Парке Сказов, проходивший в городе Арамиль, Свердловской области. В рамках проведения гастрономического фестиваля «Вкус лета» [24], особое внимание было уделено празднованию Года культуры Китая и России. На фестивале были представлены разнообразные китайские блюда, приготовленные носителями китайской культуры. Гости могли попробовать блюда в организованном для принятия пищи гастрошатре, вместимость которого 120 чел. Важно отметить, что Парк Сказов является первым на Урале семейным тематическим парком в городе Арамиль. Цель создания Парка Сказов – сохранение рецептов традиционной уральской кухни и их «передача» молодому поколению. Кроме того, бережно сохраняются и передаются молодому поколению сказы Павла Петровича Бажова, проводятся тематические вечера, посвящённые русской сказке.

В городе Первоуральск, Свердловской области, на набережной Нижне-Шайтанского пруда, в 2024 г., состоялся первый гастрономический фестиваль «Фестиваль трубочек» [25]. Жители и гости города Первоуральск могли познакомиться с необычными кулинарными шедеврами приготовления трубочек. Местные кондитеры и повара раскрыли не только секрет приготовления кулинарных «блюд», но и смогли объединить кулинарные изыски с промышленной историей города. Гостям фестиваля предложили посетить ярмарку ремесленников, выставку подворий традиционных национальных культур Урала, а также выставку ретро-фотографий.

В 2025 г. в селе Квашнино, Свердловской области, был организован гастрономический фестиваль «Квашня» [26]. Фестиваль был организован в рамках национального проекта «Туризм и гостепри-

имство». Гости фестиваля узнали секреты древних рецептов уральских блюд и самостоятельно приготовили кулинарные шедевры.

В декабре 2025 г. в пяти ресторанах Екатеринбурга стартовал фестиваль «Можно! С Можаевым». На фестивале были представлены блюда уральской кухни, созданные шеф-поварами из локальных продуктов. Например, «жареный уральский сыр с брусникой и мятой, жареные пельмени с лесными грибами и индейкой» [27].

В июле 2025 г. в городе Екатеринбурге прошел гастрономический фестиваль современной уральской гастрономии, приуроченный к международной выставке «ИННОПРОМ-2025». В рамках фестиваля десять ресторанов представили специальные гастросеты, включающие традиционные уральские блюда и современные кулинарные интерпретации. В фестивальном меню можно было попробовать уральские пельмени, домашний паштет с брусничным конфитюром, картовницу с щучьей икрой и другие блюда [28].

Таким образом, в городе Екатеринбурге и городах Свердловской области ежегодно проводятся различные гастрономические мероприятия, в том числе гастрономические фестивали, посвященные не только знакомству с историей уральской кухни, но и с уникальными особенностями приготовления уральских блюд. Основные задачи проведения гастрономических мероприятий заключаются в том, чтобы повысить туристический интерес к региону; увеличить количество туристов, приезжающих из других регионов, а также стран ближнего и дальнего зарубежья; популяризировать гастрономические традиции региона.

Однако, следует отметить, что прибывшие в наш регион иностранные гости и туристы недостаточно осведомлены о гастрономических мероприятиях, которые проводятся в близлежащих городах Свердловской области.

Результаты и обсуждение

В рамках проведённого исследования, авторами были выявлены следующие проблемы, связанные с особенностями влияния гастрономического туризма на развитие въездного туризма в регионах (на примере Свердловской области), и разработаны предложения для их решения:

Во-первых, недостаточный уровень информирования гостей, прибывших с туристическими целями, о гастрономических продуктах и гастрономических мероприятиях, которые проходят не только в городе Екатеринбурге, но и в небольших населённых пунктах региона.

Решение проблемы: туристские организации должны сосредоточить особое внимание не только на предложении турпакетов, но и на продвижении запланированных гастрономических туров и программ на своих сайтах. В таком случае туристы и иностранные гости могут расширить географию своих поездок и посетить небольшие дестинации.

Во-вторых, недостаток гостиниц в небольших городах Свердловской области и объектов придорожного сервиса.

Решение проблемы: необходима поддержка государственных структур на региональном уровне, в рамках которой, прежде всего, рассматриваются законодательные меры (например, выдача грантов, кредитование, предоставление льгот и субсидий). Такие меры оказывают положительное влияние на строительство и развитие гостиниц на территориях, в которых есть потенциал для развития гастрономического туризма.

В-третьих, малоактивное использование цифровых технологий.

Решение проблемы: необходимо создать единую цифровую платформу для продвижения гастрономического туризма; разработать мобильные приложения с информацией о гастрономических мероприятиях; использовать социальные сети для продвижения событий; внедрить системы онлайн-бронирования гастрономических туров.

В-четвертых, недостаточность предложения комбинированных туров с гастрономической направленностью по малым городам Свердловской области в том числе, для иностранных гостей и туристов.

Решение проблемы: необходима совместная работа маркетологов, производителей продуктов питания, рестораторов и отельеров для формирования гастрономических маршрутов и развития гастрономических предложений с учетом специфики и особенностей развития уральской кухни в городах региона. Кроме того, необходимо провести анализ целевого сегмента рынка, выявить вкусы и предпочтения целевой аудитории, разработать подробный календарный график для комбинированных туров с целью определения ценностного предложения туристского направления.

В-пятых, туристическим фирмам необходимо учитывать динамику приезда иностранных граждан с туристическими и деловыми целями в город Екатеринбург.

Решение проблемы: туроператорам необходимо своевременно изучать факторы, влияющие на динамику приезда иностранных граждан. К основным факторам, которые заслуживают особого внимания, можно отнести: привлекательность культурных и туристических трендов региона; развитие тематических и гастрономических туров региона; особенности визового режима; изменения в миграционной политике.

Выводы

Гастрономический туризм дает возможность туристам познакомиться не только с блюдами местной кухни, уникальными культурными традициями ре-

гиона, но и способствует более активному развитию въездного туризма.

Реализация разработанных предложений для развития въездного туризма будет способствовать: сохранению и продвижению уникальных традиций уральской кухни; привлечению иностранных граждан, прибывших с туристическими и деловыми целями в нашу страну. Кроме того, применение рекомендованных в исследовании подходов, даст возможность туристам расширить географию поездок и усилить интерес не только к посещению крупных городов, но и небольших населённых пунктов Свердловской области.

В заключение отметим, что благодаря уникальному географическому расположению, богатому кулинарному наследию и развивающейся туристической инфраструктуре, Свердловская область имеет все шансы стать популярным гастрономическим направлением, которое оказывает положительное влияние на развитие въездного туризма.

Литература:

1. Путин назвал развитие внутреннего туризма одним из приоритетов долгосрочной стратегии России. URL: https://www.interfax.ru/russia/965671
2. Газилов М.Г. Проблемы и перспективы развития гастрономического туризма в Дагестане // Сервис plus. 2025. Т. 19. № 2. С. 29–35. DOI: 10.5281/zenodo.16431332..
3. Вдовыко В.В., Чимитдоржиев Ж.Ж. Гастрономический туризм как драйвер развития туристической отрасли Дальнего Востока // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2025. № 4(15). С. 360–369.
4. Тенденции развития и поддержки сферы туризма в Республике Крым / Е.В. Романюк, Е.В. Трусевич, С.Д. Димитриева [и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 5. № 8(160). С. 88–99. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.08.05.010.
5. Танкиева Т.А., Рыльских К.М. Гастрономический туризм как молодой и перспективный вид туризма в России // Теоретические и практические аспекты функционирования сферы туризма и гостеприимства в России и за рубежом, Севастополь, 21–22 марта 2024 г. М.: Изд-во «Перо», 2024. С. 155–160.
6. Охрименко Е.И., Воеводина В.В. Проблемы и перспективы развития гастрономического туризма на Урале // Современные подходы к повышению качества сервиса в индустрии туризма и гостеприимства в условиях межкультурной коммуникации: Материалы VI Межд. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 07 мая 2024 г. Екатеринбург: Уральский гос. эконом. ун-тет, 2024. С. 34–38.
7. Пермякова Т.В., Каменских П.А. Гастрономический образ Свердловской области как фактор развития регионального туризма // Теоретические и практические аспекты функционирования сферы туризма и гостеприимства в России и за рубежом, Севастополь, 21–22 марта 2024 г. М.: Изд-во «Перо», 2024. С. 118–121.
8. Охрименко Е.И., Ошкордина А.А. Гастрономическая культура в развитии регионального туризма: проблемы и перспективы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 128–132. EDN YYWNFO.
9. Гладышев Д.Е., Соколова П.Е. Развитие гастрономического сектора в креативных индустриях и формирование гастробренда Екатеринбурга // Управление культурой. 2023. № 1 (5). С. 18–25.
10. Бердник Т.О. Феномен гастротуризма как социально-экономический фактор развития территорий // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. Т. 9. № 4.С. 51–56. DOI: 10.23947/2414-1143-2023-9-4-51-56.
11. Laetitia Casangiu. Guidelines for the Gastronomy of Dobrogea, Foundation for the Development of the Local Gastronomic Tourism» // Cactus Tourism Journal. 2021. Vol. 3. № 2. DOI: 10.24818/CTS/3/2021/2.05
12. Mulcahy J. D. Historical evolution of gastronomic tourism // The Routledge Handbook of Gastronomic Tourism / S. K. Dixit, ed. Routledge, 2019. P. 24–31.
13. Wolf E. Culinary tourism: A tasty economic proposition. Portland, Oregon: International Culinary Tourism Association, 2002. 27 p.
14. Правительство Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb8a4b084460e064e787d6f199dba82e/strategiya_razvitiya_turizma.pdf
15. Росстат-Туризм. URL: https://www.rosstat.gov.ru/statistics/turizm
16. Итоги социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» в 2022 г. URL: https://екатеринбург.рф/file/3948a6e87a5fd909337941809145d3f5
17. Итоги социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» в 2023 г. URL: https://екатеринбург.рф/file/e2521659fc0634d8d1c5568d6c233c23
18. Итоги социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» в 2024 г. URL: https://екатеринбург.рф/file/91acbefd84c285c16a6c44fe8c7fbc52
19. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» (ред. от 29.05.2025). URL: https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-20092019-n-2129-r/?ysclid=mnu9ejuvsc113770509

20. Об утверждении Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/561486332
21. Шефы из Екатеринбурга готовятся прославлять уральскую кухню. URL: https://momenty.org/restaurants/23825
22. Гастрономические фестивали в Екатеринбурге – лето 2023. URL: https://dzen.ru/a/ZOChqSLjU1i2_JZQ
23. В Сысерти стартовал фестиваль уральских супов «переборщи». URL: https://vesti-ural.ru/2023/01/09/187489/
24. Окрошка с окуренной куриной грудкой и китайская еда 22 июня в Арамиле. URL: https://ekaterinburg.vibirai.ru/articles/okroshka_s_okurennoy_kurinoy_grudkoy_i_kitayskaya_eda_22_iunya_v-3117458
25. На набережной Нижне-Шайтанского пруда состоялся первый гастрономический фестиваль «Фестиваль трубочек – 2024». URL: https://turizm.prvadm.ru/2024/08/na-naberezhnoj-nizhne-shajtanskogo-pruda-sostoyalsya-pervyj-gastronomicheskij-festival-festival-trubochek-2024/
26. «КВАШНЯ» гастрономический фестиваль. URL: https://vk.com/event221098004
27. В Екатеринбурге стартует первый фестиваль самобытной уральской кухни. URL: https://mag.gorpom.ru/citynews/10425355-v-jekaterinburge-startujet-pervyj-festivaly-samobytnoj-uralyskoj-kuhni/
28. Фестиваль современной уральской гастрономии в рамках выставки ИННОПРОМ. URL: https://gurmadze.rest/news/festival_innoprom_gurmadze_2025

Features of the Influence of Gastronomic Tourism on the Development of Inbound Tourism in the Regions (on the Example of the Sverdlovsk Region)

Elena Ivanovna Okhrimenko[1], Evgenia Gennadievna Radygina[1], Alexandra Antonovna Partina[2]
[1]Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia),
[2]LLC TD KRAKHMALPRODUKT (Yekaterinburg, Russia)

The article presents an analysis of the scientific works of domestic and foreign authors on the designated research topic. The purpose of the study is to identify the problems and features of the influence of gastronomic tourism on the development of inbound tourism in the regions (on the example of the Sverdlovsk region); development of proposals to promote gastronomic tourism in the region. The purpose of the study is specified in its tasks: to present a review of the scientific literature within the framework of the designated research topic; conduct a comparative analysis of the number of inbound tourist trips of foreign citizens to Russia for the period from 2022 to 2024; analyze the dynamics of inbound tourist trips of foreign citizens to the region (using the example of the Sverdlovsk region) for the same period of time; identify problems associated with the peculiarities of the influence of gastronomic tourism on the development of inbound tourism in the Sverdlovsk region and develop proposals for their elimination.

The practical significance of the study lies in the fact that the developed proposals for the development of gastronomic tourism in the region will contribute to increasing tourist interest in the region not only from Russian tourists, but also from tourists arriving from near and far abroad countries. The presented proposals can be applied by the specialists of the travel company and contribute to the popularization of the gastronomic traditions of the region.

Keywords: gastronomic tourism, region, development, inbound tourism, problems, features

УДК 658.3.07
DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-441-447
© Фадейкина В.С., 2026

Управление текучестью персонала на примере транспортной компании

Фадейкина Виктория Сергеевна
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной психологии управления
Сибирского государственного университета путей сообщения
(630049, Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191; e-mail: vikifad@mail.ru;
ORCID: 0000-0001-8700-9136; SPIN-код: 2483-4757; AuthorID: 661639)

В статье рассмотрены теоретические аспекты управления текучестью персонала в организации. Уделено внимание систематизации негативных последствий высокого уровня текучести в организации, проведен анализ влияния различных субъектов на управление текучестью персонала, их роли и значения в данном процессе. В статье представлена модель управления текучестью персонала, включающая этапы управления текучестью, методы, которые необходимо реализовать на каждом этапе, а также инструменты, которые целесообразно применять. Данная модель была апробирована при помощи эмпирического исследования в транспортной организации. Результаты исследования показали, что модель целесообразно применять в организациях при управлении текучестью персонала.

Ключевые слова: *управление текучестью персонала, текучесть персонала, субъекты управления текучестью персонала, негативное влияние текучести персонала на организацию, управление персоналом, транспортная компания*

Для цитирования: *Фадейкина В.С. Управление текучестью персонала на примере транспортной компании // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 441–447. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-441-447.*

Текучесть персонала в организации – процесс, с одной стороны, неизбежный, с другой стороны, приносящий с собой ряд негативных последствий. Ученые определяют нормальный уровень текучести персонала в организации в диапазоне 3–7 % [1], он обеспечивает рациональное обновление кадрового состава, приход молодых сотрудников. В то же время в некоторых отраслях (розничная торговля, общепит, кол-центры) и должностных группах (кассиры, официанты, горничные, строители) текучесть может достигать 40 % и более [1, с. 154]. Более подробно негативные последствия высокого уровня текучести персонала в организации представлены в таблице 1.

Рассматривая подходы к определению «текучесть персонала» А. Сазонова предлагает практически применимое определение понятия – это кадровый «показатель, фиксирующий уровень изменения состава работников вследствие увольнения и перехода на другую работу по личным мотивам» [2, с. 52]. Данное определение в большей степени сконцентрировано на личных мотивах увольнения персонала, в то время как увольнение может проходить и по инициативе работодателя, например: за нарушение трудовой дисциплины, за дисциплинарный проступок [3], в связи с непрохождением аттестации.

М.В. Симонова и В.В. Грихно предложили понимать текучесть персонала как «форму перераспределения рабочей силы, которая характеризуется неорганизованным внутренним перемещением сотрудника относительно места работы с целью со-

Таблица 1

Негативные последствия высокого уровня текучести в организации

Последствия	Подвиды последствий	Пояснение последствий
Финансовые затраты	Затраты на подбор и наем	Оплата услуг рекрутинговых агентств или затрат на рекламу вакансий
		Заработная плата сотрудников, занимающихся подбором персонала
		Время, потраченное на собеседования, включая затраты на тестирование и оценку кандидатов
	Обучение новых сотрудников	Ориентационные программы – вводные тренинги, знакомство с корпоративной культурой и политиками
		Затраты на время опытных сотрудников, которые обучают новичков
		Потеря производительности – новым сотрудникам требуется время для достижения уровня производительности, который демонстрировали уходящие сотрудники
	Скрытые затраты	Задержки в проектах – из-за недостатка опыта у новых сотрудников могут возникнуть ошибки и задержки
		Потеря клиентов – если уходят ключевые сотрудники, это может негативно сказаться на отношениях с клиентами
Потеря знаний и опыта	Утечка неформальных, неявных знаний	Потеря знаний особенностей работы с определенными клиентами или технологиями
		Уход опытных сотрудников приводит к потере уникальных навыков, которые не всегда документированы
		Уход сотрудников может разрушить существующие связи и отношения внутри команды
	Снижение качества работы	Новые сотрудники могут не сразу вникнуть в специфику работы, что может привести к ошибкам
Снижение морального духа	Атмосфера нестабильности	Страх увольнения – сотрудники могут начать беспокоиться о своей безопасности, что снижает их производительность
		Перегрузка оставшихся сотрудников – уход коллег приводит к увеличению нагрузки на оставшихся работников, что вызывает выгорание и недовольство
		Высокая текучесть создает атмосферу неопределенности, что может снизить мотивацию оставшихся сотрудников
Негативное влияние на репутацию	Имидж работодателя	Высокопотенциальные кандидаты могут избегать компаний из-за опасений нестабильности
		Негативные отзывы бывших сотрудников на платформах для поиска работы могут существенно повлиять на имидж компании
		Компании с высокой текучестью могут восприниматься как неблагоприятные места для работы

Составлено автором.

хранения или увеличения трудового потенциала организации, или внешним перемещением в связи с неудовлетворенностью сотрудника рабочим местом или неудовлетворенностью организации конкретным сотрудником, а также по естественным причинам (выход на пенсию, уход в армию), отражающимся на экономическом показателе отношения количества сотрудников, ушедших из организации, к среднесписочному числу сотрудников организации в целом или структурного подразделения в частности» [4, с. 405].

Вопросами управления текучести кадров занимались многие отечественные и зарубежные ученые. О.А. Успенская с целью снижения текучести кадров в организации предлагает проводить опрос персонала через онлайн-анкетирование, что позволит при минимальных затратах и быстрой обработке результатов выявлять наиболее негативные аспекты работы в организации и своевременно снижать их влияние на стремление персонала сменить место работы [5]. Т.А. Ханагян изучает вопросы удержания персонала в организации через технологии управления его благополучием [6]. Е.С. Козина и Л.А. Бенгардт в научных работах рассматривают влияние корпоративной культуры на удержание персонала, в том числе делают акцент на разнице поколений и необходимости дифференциации работы с сотрудниками разных возрастных групп [7].

Управление текучестью персонала – это сложный процесс, в котором участвуют различные субъекты. Каждый из них играет свою роль в создании эффективной системы удержания сотрудников. В управлении текучестью персонала в организации, так или иначе, принимают участие разные субъекты [8], роль в регулировании данного процесса может меняться от институциональной до вспомогатель-

ной. Более подробно рассмотрим субъектов управления текучестью персонала в таблице 2.

Анализ теоретических подходов к управлению текучестью персонала в организации позволил сформировать модель управления текучестью персонала, включающую этапы, методы и инструменты управления текучестью (рис. 1). Данная модель была апробирована в Западно-Сибирской дирекции инфраструктуры – структурном подразделении Центральной дирекции инфраструктуры – филиала ОАО «РЖД» (ЗСДИ). Подразделения дирекции территориально расположены в границах пяти субъектов Российской Федерации: Новосибирской, Омской, Кемеровской, Томской областей и Алтайского края. Среднесписочная численность Западно-Сибирской дирекции инфраструктуры составляет 26 840 чел.

На первом этапе управления текучестью персонала важно провести сбор данных: анализ статистики текучести персонала, расчёт коэффициента текучести, анализ причин увольнения, проведение выходных интервью, опрос удовлетворенности и выявление проблемных областей. В связи с приказом ОАО «РЖД» от 27.12.2004 № 240 «О порядке обращения с информацией, составляющей коммерческую тайну ОАО «РЖД» [9], представлены кадровые показатели организации не позднее 2023 г. Результаты анализа статистики текучести персонала представлены на рисунке 2.

Таблица 2

Субъекты управления текучестью персонала

Субъекты	Подвиды	Обоснование
Руководство компании	Высшее руководство	Определяет стратегические цели и приоритеты в области управления человеческими ресурсами
		Устанавливает политику компании в отношении текучести, включая бюджет на *HR*-инициативы
		Создает культуру, способствующую удержанию сотрудников
	Среднее руководство	Осуществляет непосредственное управление командами и отвечает за реализацию политики удержания на практике
		Проводит регулярные беседы с сотрудниками, чтобы выявить их потребности и проблемы
		Поддерживает мотивацию и вовлеченность команды
Отдел кадров	*HR*-менеджеры	Разрабатывают и внедряют программы по снижению текучести
		Проводят анализ причин текучести
		Отвечают за подбор персонала, чтобы минимизировать ошибки в найме
	Специалисты по обучению и развитию	Создают программы профессионального развития для сотрудников, что способствует их удержанию
		Оценивают эффективность обучения и его влияние на закрепляемость
Сотрудники	Существующие сотрудники	Их удовлетворенность работой и вовлеченность напрямую влияют на текучесть
		Сотрудники могут давать обратную связь о рабочей среде, что помогает руководству принимать обоснованные решения
	Уходящие сотрудники	Их мнение о причинах увольнения важно для анализа текучести. Интервью с уходящими сотрудниками могут предоставить ценную информацию о проблемах внутри компании
Кадровые агентства и рекрутеры	Внешние рекрутеры	Помогают в подборе кандидатов, что может снизить текучесть за счет более качественного подбора
		Предоставляют информацию о рынке труда и тенденциях, что помогает *HR* адаптировать свои стратегии
Психологи и консультанты	Организационные психологи	Помогают выявить психологические причины текучести
		Разрабатывают тренинги по командообразованию и управлению стрессом
	Консультанты по управлению	Предлагают стратегии и лучшие практики для снижения текучести на основе анализа данных и опыта других компаний
Службы поддержки сотрудников	Отделы по работе с персоналом	Обеспечивают поддержку сотрудников по вопросам трудовых отношений, что может снизить уровень стресса и недовольства
	Службы психологической помощи	Предоставляют консультации и поддержку сотрудникам, что может помочь в решении личных проблем, влияющих на производительность
Клиенты и партнеры	Клиенты	Уход ключевых сотрудников может повлиять на качество обслуживания клиентов. Сохранение высококвалифицированного персонала важно для поддержания репутации компании
	Бизнес-партнеры	Партнерские отношения могут быть затронуты изменениями в команде. Стабильность команды важна для долгосрочных проектов и сотрудничества

Составлено автором.

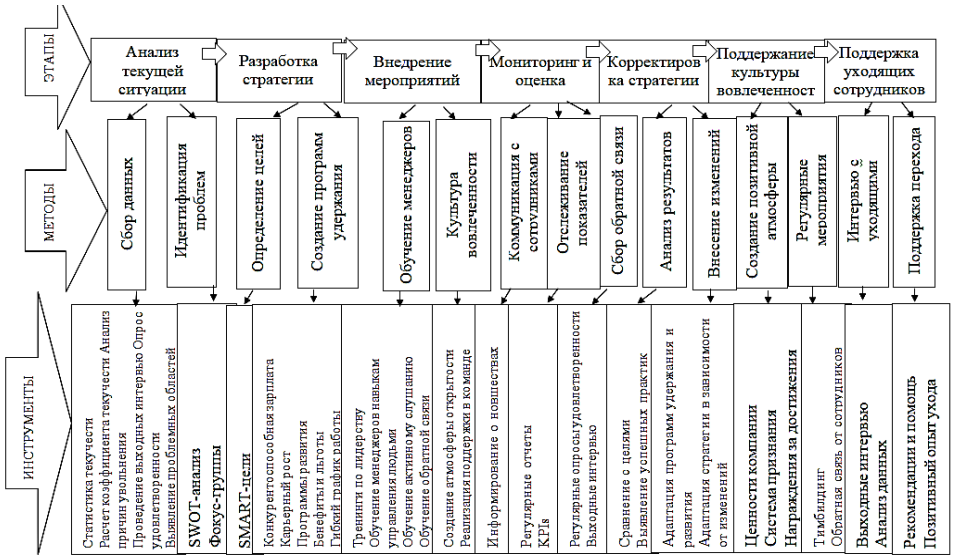

Рис. 1. Модель управления текучестью персонала в организации

Составлено автором.

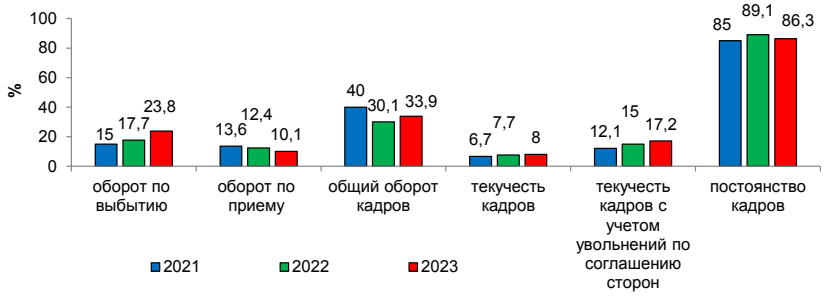

Рис. 2. Результаты анализа статистики текучести персонала

Анализ показал, что в организации наблюдается рост текучести персонала, в том числе с учетом увольнений по соглашению сторон (17,2 %), что говорит о важности управления данным процессом в организации. Проведенный анализ позволил сформировать усреднённый портрет группы сотрудников, уволившихся из организации за последние 3 года: работник массовых рабочих профессий, в возрасте от 25 до 35 лет, имеющий средне-профессиональное образование и стаж работы в организации до 1 года.

Опрос в форме анкетирования позволил выявить достоинства и недостатки управления текучестью кадров в ЗСДИ. В ходе исследования были проанализированы организационные документы, проведён опрос увольняющегося персонала. Была применена смешанная выборка исследования. В организации были выделены кластеры (отделы), из числа которых был выбран отдел управления персоналом (25 специалистов). Случайной выборкой отобрано 250 чел. рабочих профессий из разных подразделений дирекции. Погрешность выборки при расчётах – 5 %.

Анализ документов показал, что в организации в качестве элементов управления текучестью персонала развита система мотивации; реализуется удержание талантливых работников, стимулирование инновационной деятельности и рационализаторства; корпоративная пенсионная система поддерживает доход сотрудников после выхода на пенсию; реализуется комплексная поддержка материнства и детства; реализуются программы карьерного роста и обучения персонала; работает система добровольного медицинского страхования и оздоровления работников; реализуются жилищные программы для персонала и различные дополнительные льготы для сотрудников преданных организации.

Проведенное исследование показало, что организации все сложнее конкурировать со средним уровнем оплаты труда в регионе. Анализ уровня заработных плат в организации и в регионе в целом подтверждает наличие данной трудности, опрос увольняющегося персонала подтвердил, что уровень оплаты труда является лидирующей причиной увольнения персонала (рис. 3).

Также исследование показало, что в организации слабо развиты коммуникации руководителей с персоналом, направленные на сохранение кадрового состава. Как мы видим по результатам опроса с увольняющимися сотрудниками дирекции, одной из лидирующих причин увольнения является «Отношение руководителя» (рис. 4).

Компания «Российские железные дороги» реализует вид деятельности связанный с повышенной опасностью и ответственностью за жизнь и здоровье пассажиров, а также сохранность грузов. Во многом вид деятельности организации объясняет целесообразность применения руководителями авторитарного стиля управления и реализацию жесткого контроля соблюдения правил и инструкций, обеспечивающих безопасность перевозочного процесса. В то же время важно, чтоб руководители соблюдали этику делового общения, не допускали грубости по отношению к персоналу, реализовывали коммуникации, направленные на сохранение компетентного персонала.

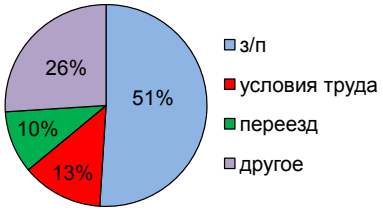

Рис. 3. Ранжирование причин увольнения

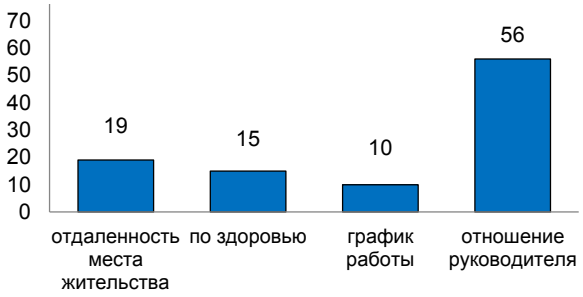

Рис. 4. Причины увольнения сотрудников ЗСДИ

Для идентификации проблем был применен *SWOT*-анализ управления текучестью кадров ЗСДИ, который впоследствии трансформировали в стратегическую матрицу, составленную по результатам исследования. Стратегическая матрица позволила перейти ко второму этапу управления текучестью «разработка стратегии управления текучестью персонала» (табл. 3).

Третьим этапом реализуется разработка и реализация мероприятий. Более подробно предлагаемые мероприятия представлены в дереве целей (рис. 5).

Следующим этапом реализации программы управления текучестью персонала необходимо проводить мониторинг и оценку результатов реализации мероприятий по управлению текучестью персонала. Мониторинг целесообразно проводить один раз в год. Интервью с увольняющимися сотрудниками важно проводить регулярно, в течение всего года. На данном этапе необходимо реализовывать коммуникации с персоналом, отслеживать показатели изменений уровня текучести персонала, изучать удовлетворенность персонала трудом в организации, проводить выходное интервью с увольняющимися сотрудниками.

По результатам мониторинга важно проводить корректировку стратегии в зависимости от изменений в организации. На данном этапе важно сравнивать полученные результаты реализации стратегии с планируемыми показателями. Оставлять направления стратегии, которые дали наиболее положительный результат, адаптировать программы удержания и развития.

Для управления текучестью персонала важно поддерживать культуру вовлеченности через создание позитивной атмосферы, трансляцию положительных ценностей организации, формирование системы награждений, проведение корпоративных мероприятий, получение обратной связи от сотрудников. В данном направлении также интересен опыт ОАО РЖД и ЗСДИ. В организации реализуется комплекс награждений сотрудников [10]: объявление благодарности, выдача премии, награждение ценными подарками, награждение почётной грамотой ОАО «РЖД», присвоение званий: «Лучший

Таблица 3

Стратегическая матрица управления текучестью персонала

	Внешние возможности - внедрение новых технологий и инструментов *HR*-аналитики для прогнозирования текучести и более тонкого управления персоналом; - продвижение бренда для укрепления своей позиции и репутации	**Внешние угрозы** - ожесточения конкуренции на рынке труда, что делает работу в других компаниях более привлекательной; - экономические колебания, которые могут повлечь за собой сокращение численности персонала или ухудшение условий труда, влекущее за собой увеличение текучести
Внутренние сильные стороны - разработанная система мотивации и бонусов, что способствует повышению удовлетворенности работой среди сотрудников; - программы карьерного роста и обучения для сотрудников, укрепляющие их профессиональные компетенции и лояльность к организации; - монополистическая организация на всей территории РФ; - умеренно высокий процент сотрудников возраста выше 50 лет, что подразумевает, что сотрудники данного возраста не склонны к уходу с организации	- активная цифровизация процессов управления персоналом; - диагностика причин и возможных факторов текучести; - практика сбора информации от уходящих сотрудников	- усиление системы мотивации, направленной на рост приверженности персонала, семейной занятости; - обеспечение работы с молодыми специалистами
Внутренние слабые стороны - трудности конкурирования уровня заработной платы; - высокий уровень текучести по соглашению сторон 17,2 %; - отсутствие упоминания о необходимости сохранения квалифицированного кадрового состава холдинга в стратегических документах ОАО РЖД	- формирование механизмов стратегического мониторинга по подразделениям	- обеспечение более привлекательных условий труда в стратегической перспективе

Рис. 5. Мероприятия по совершенствованию управления текучестью персонала

по профессии на железнодорожном транспорте», «Лучший мастер на железнодорожном транспорте», «Лучший руководитель среднего звена на железнодорожном транспорте», «Лучший уполномоченный по охране труда на железнодорожном транспорте», «Новатор ОАО «РЖД», «Лучший изобретатель ОАО «РЖД», знак «Почетный работник транспорта России», нагрудный знак «Почетный железнодорожник», знак отличия «За безупречный труд в РЖД». Столь обширная система награждения формирует причастность персонала к организации, приверженность к ее ценностям, мотивирует к работе и положительно отражается на уровне текучести.

Также в компании проводится масса корпоративных мероприятий: конкурсы: «Лучший по профессии», «Лучшее подразделение по охране труда», конкурсы профессионального мастерства». Торжественные памятные события: «День железнодорожника», «День рождения компании». Спортивные мероприятия: Спартакиада ОАО «РЖД», Туриада РЖД, Лыжня РЖД, Семейные фестивали ГТО. Слеты и форумы: «Слет молодых работников РЖД, «Форум наставников», «Совет по качеству». Также на линейных предприятиях организуются свои мероприятия (празднование Нового года, Дня защитника Отечества, Дня Победы). Такое активное вовлечение персонала и членов семей в работу компании также положительно отражается на закреплении персонала в организации.

Завершающим этапом управления текучестью кадров является поддержка уходящих сотрудников через поддержку перехода к выходу на заслуженный пенсионный отдых, поиск возможностей перевода сотрудника внутри компании, оказание поддержки и помощи увольняющимся сотрудникам, проведение интервью при увольнении. Поддержка персонала при увольнении позволяет поддерживать положительный образ компании на рынке труда, привлечение новых сотрудников и возможность повторного трудоустройства в организации уволившегося сотрудника.

Таким образом, проведенное исследование показало, что предлагаемая модель управления текучестью в организации жизнеспособна, она может применяться в организации, позволяет подходить к управлению текучестью персонала комплексно, системно, со стратегическими ориентирами на управление персоналом.

Литература:

1. Нечепуренко Е.Ю. Способы управления текучестью персонала (мировые практики) // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 1(82). С. 153–160.
2. Сазонова А. Кадры и новый уровень предпринимательства // Управление персоналом. 2018. № 18. С. 52–56.
3. Нечепуренко Е.Ю. Виды текучести персонала, их характеристики, показатели, причины // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 1(82). С. 137–144.
4. Симонова М. В. Основные подходы к понятиям, связанным с текучестью персонала // Приоритеты развития экономики в условиях цифровизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 30 ноября 2021 г.). Саратов: Амирит, 2021. С. 400–406.
5. Успенская О.А., Винтовкина Н.С. Онлайн-анкетирование как метод снижения текучести персонала организации // Политранспортные системы: материалы XI Междунар. науч.-технич. конф. Новосибирск: СГУПС, 2020. С. 911–914.
6. Ханагян Т.А., Берчук Р.Ю. Удержание персонала в современных организациях // Политранспортные системы: Материалы XII Межд. науч.-техн. конф. В 3-х ч. Новосибирск, 21–22 сентября 2022 г. Ч. 1. Новосибирск: Сибирский гос. ун-тет путей сообщения, 2022. С. 135–139.
7. Бенгардт Л.А., Козина Е.С. Корпоративная культура как базовый ресурс удержания сотрудников: поколенческий аспект // Экономика и международные отношения: проблемы, тенденции, перспективы: Сб. статей по материалам IX Всеросс. науч.-практ. конф., Пенза, 23 мая 2025 г. Пенза: Пензенский гос. ун-тет, 2025. С. 24–28.
8. Митева Н.Ю., Кривых А. . Причины текучести кадров и способы ее предотвращения // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 56–60.
9. Приказ ОАО РЖД от 27.12.2004 № 240 «О порядке обращения с информацией, со-

ставляющей коммерческую тайну ОАО «РЖД». URL: file:///C:/Users/User/Downloads/2016-05-16-112422621-1.pdf.

10. Приказ ОАО «РЖД» от 26.12.2018 № 45 «О видах поощрений в ОАО «РЖД». URL: https://base.garant.ru/407951049/.

Managing Staff Turnover: the Example of a Transport Company

Victoria Sergeevna Fadeykina
Siberian State University of Railway Transport (Novosibirsk, Russia)

This article examines the theoretical aspects of employee turnover management in organizations. It focuses on systematizing the negative consequences of high turnover in organizations and analyzes the influence of various actors on employee turnover management, as well as their role and significance in this process. The article presents a turnover management model, including the stages of turnover management, the methods to be implemented at each stage, and the appropriate tools to use.This model was tested through an empirical study at a transportation organization. The results showed that the model is feasible for use in organizations managing employee turnover.

Key words: staff turnover management, staff turnover, subjects of staff turnover management, negative impact of staff turnover on the organization, personnel management, transport company

Для заметок